
ВОПРОСЫ ВЫПУСК 4(92), 2023

ПОЛИТОЛОГИИ

Научный журнал

Журнал «Вопросы политологии» включен
в Перечень рецензируемых научных изданий
ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ
по политическим наукам, в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты на соискание ученой степени
кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

Журнал включен в Перечень научных изданий
рекомендованных ВАК Республики Узбекистан
для публикации основных научных результатов диссертаций
по политическим и философским наукам

МОСКВА, 2023

ВОПРОСЫ ПОЛИТОЛОГИИ

Научный журнал

ISSN 2225-8922

Журнал включен
в Перечень ВАК РФ

Учрежден

ООО «Издательство
«Наука сегодня»

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой
по надзору в сфере массовых
коммуникаций, связи и охраны
культурного наследия

Рег. № ПИ № ФС77-46176
от 12 августа 2011 г.

Журнал издается ежемесячно

Журнал включен в базу РИНЦ
(Российский индекс
научного цитирования)

Включен в каталог
Ulrich's Periodicals Directory
Пятилетний
импакт-фактор журнала: 0, 376

Адрес редакции:
115598, г. Москва, ул. Загорьевская,
д. 10, корп. 4, цокольный этаж,
помещение 1, комната 7-1, офис 4
Тел.: (910) 463-53-42

Интернет-ресурс:
www.voprospolitolog.ru
E-mail: voprospolitolog@yandex.ru

Мнение авторов может
не совпадать с мнением редакции.
При перепечатке ссылка
на журнал обязательна.

Научные статьи, публикуемые
в журнале подлежат обязательному
рецензированию.

Ответственный редактор
Шурина С.С.

Перевод
Чернышова Е.В.

Компьютерная верстка
Загуменов А.П.

Подписано в печать 27.04.2023

Формат 60×84/8. Объем 63,5

Печать офсетная.

Тираж – 1000 экз.

(1-й завод – 500 экз.)

Заказ №

Отпечатано в типографии
ООО «Белый ветер»
115054, г. Москва, ул. Шипок, 28

Тел.: (495) 651-84-56

Председатель Редакционного Совета – ПЛАТОНОВ В.М.,

к.ю.н., заведующий кафедрой политического анализа и управления РУДН,

Председатель Московской городской Думы (1994–2014 гг.)

Редакционный Совет

АВАЗОВ Камиль Халлиевич	д.ф. (PhD) по полит. наукам, Региональный центр переподготовки и повышения квалификации работников народного образования Сурхандарьинской области (Узбекистан, г. Ташкент)
АСТВАЦАТУРОВА Майя Артасековна	д.п.н., профессор, Пятигорский государственный университет (Россия, г. Пятигорск)
БЛОХИН Владимир Владимирович	д.и.н., профессор, РУДН (Россия, г. Москва)
БОЖАНОВ Владимир Александрович	д.и.н., профессор, Белорусский Национальный технический университет (Белоруссия, г. Минск)
ВАНКОВСКА Бяляна	профессор политологии и международных отношений факультета философии Университета Святых Кирилла и Мефодия (Македония, г. Скопье)
ВЕЛИКАЯ Наталья Михайловна	д.п.н., профессор, ИСПИ ФНИСЦ РАН, РГГУ (Россия, г. Москва)
ГОНЧАРОВ Пётр Константинович	д.с.н., профессор, Российский университет транспорта (МИИТ) (Россия, г. Москва)
ГРАЧЁВ Михаил Николаевич	д.п.н., профессор, РГГУ (Россия, г. Москва)
ДЭМБЭРЭЛ К.	доктор (PhD), Институт международных отношений АН Монголии (Монголия, г. Улан-Батор)
ЖИЛЬЦОВ Сергей Сергеевич	д.п.н., профессор, Дипломатическая академия МИД РФ (Россия, г. Москва)
КАРАДЖЕ Татьяна Васильевна	д.ф.н., профессор, МПГУ (Россия, г. Москва)
КАССАЕ НЫГУСИЕ В. МИКАЭЛЬ	д.и.н., профессор, РУДН (Россия, г. Москва)
КОВАЛЕНКО Валерий Иванович	д.ф.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова (Россия, г. Москва)
КОМЛЕВА Валентина Вячеславовна	д.с.н., профессор, РАНХиГС при Президенте РФ (Россия, г. Москва)
КРИВОКАПИЧ Борис	д.ю.н., Унион–Никола Тесла университет (Сербия, г. Белград)
МЕДВЕДЕВ Николай Павлович	д.п.н., профессор, главный редактор журнала (Россия, г. Москва)
МИХАЙЛОВ Вячеслав Александрович	д.и.н., профессор, РАНХиГС при Президенте РФ (Россия, г. Москва)
НАЗАРОВА Елена Александровна	д.с.н., профессор, МГИМО МИД России (Россия, г. Москва)
НАЗАРОВ Александр Данилович	д.и.н., профессор, МАИ (Россия, г. Москва)
НАСИМОВА Гульнара Орденбаевна	д.п.н., профессор, Казахский Национальный университет им. Аль-Фараби (Казахстан, г. Алматы)
НИСНЕВИЧ Юлий Анатольевич	д.п.н., профессор, НИУ «Высшая школа экономики» (Россия, г. Москва)
ОРЛОВ Игорь Борисович	д.и.н., профессор, НИУ «Высшая школа экономики» (Россия, г. Москва)
ПАХРУТДИНОВ Шукритдин Ильясович	д.п.н., профессор, Институт переподготовки и повышения квалификации руководителей и специалистов системы народного образования имени А. Авлони (Узбекистан, г. Ташкент)
ПЛЯЙС Яков Андреевич	д.и.н., д.п.н., профессор, Финансовый университет при Правительстве РФ (Россия, г. Москва)
ПРЯХИН Владимир Федорович	д.п.н., профессор, РГГУ (Россия, г. Москва)
ПУСЬКО Виталий Станиславович	д.ф.н., профессор, ВА РВСН им. Петра Великого (Россия, г. Москва)
РУБАН Лариса Семёновна	д.с.н., профессор, отдел исследования проблем международного сотрудничества Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН (Россия, г. Москва)
СЛИЗОВСКИЙ Дмитрий Егорович	д.и.н., профессор, РУДН (Россия, г. Москва)
СЫЗДЫКОВА Жибек Сапарбековна	д.и.н., профессор, ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова (Россия, г. Москва)
ХОЙЕРСКАЯ Лариса Львовна	д.п.н., профессор, Киргизско-Российский славянский университет (Киргизия, г. Бишкек)
ШАРКОВ Феликс Изосимович	д.с.н., профессор, РАНХиГС при Президенте РФ (Россия, г. Москва)
ЯН ФУЛИНЬ	проректор Хэйлунцзянского института иностранных языков (КНР, г. Харбин)

Редакционная коллегия

Главный редактор – МЕДВЕДЕВ Н.П., д.п.н., профессор

Абрамова О.Д. (д.п.н.)

Кетяпин Г.В. (к.п.н. – зам. гл. редактора)

Насимова Г.О. (д.п.н.)

Шурина С.С. (к.п.н. – ответ. редактор)

ISSN 2225-8922 (print)

12 выпусков в год и

4 выпуска в год переводной (англ.) версии

Языки: русский, английский

<http://voprosplitolog>

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ

Включен в каталог периодических изданий Ульрих (Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>)

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной биб-лиотеки, Electronic Journals Library Cyberleninka

Подписной индекс издания в каталоге агентства Роспечать 70035

Цели и тематика

Журнал ВОПРОСЫ ПОЛИТОЛОГИИ – периодическое международное рецензируемое научное издание в области политических исследований. Журнал является международным как по составу редакционного совета и редколлегии, так и по авторам и тематике публикаций.

Научный журнал издается с 2011 года в издательстве «Наука сегодня». С 2016 года издается переводная (англ.) версия журнала. С момента своего создания, журнал ориентировался на высокие научные и этические стандарты и сегодня является одним из ведущих политологических журналов России.

Цель журнала – способствовать научному обмену и сотрудничеству между российскими и зарубежными политологами.

Журнал предназначен для публикации результатов фундаментальных и прикладных научных исследований. Тематическая направленность журнала отражается в следующих постоянных рубриках: «История и философия политики», «Политические институты, процессы и технологии», «Политическая регионалистика и этнополитика», «Политическая культура и идеологии», «Политические проблемы международных отношений и глобализации».

Формат публикаций: научные статьи, обзорные научные материалы, материалы круглых столов, научные рецензии, научные сообщения, посвященные исследовательским проблемам в сфере политики и политологии.

В своей деятельности редакционный совет и редколлегия журнала руководствуется принципами, определяемыми ВАК России для научных журналов, в том числе: наличие института рецензирования для экспертной оценки качества научных статей; информационная открытость издания; наличие и соблюдение правил и этических стандартов представления рукописей авторами.

Целевой аудиторией журнала являются российские и зарубежные специалисты-политологи, а также аспиранты и магистры, обучающиеся по направлениям политология, государственное и муниципальное управление и международные отношения.

Журнал строго придерживается международных стандартов публикационной этики, обозначенных в документе *COPE (Committee on Publication Ethics)* <http://publicationethics.org>

Полные сведения о журнале и его редакционной политике, требования о подготовке и публикации статей, архив (выпуски с 2011 года) и дополнительная информация размещена на сайте: <http://voprosplitolog.ru>

Электронный адрес: voprosplitolog@yandex.ru

ISSN 2225-8922 (print)

12 issues a year plus

4 issues a year of the translated (eng.) version

Languages: Russian and English

<http://voprosplitolog>

Included in the list of peer-reviewed scientific publications of the Higher Attestation Commission of the Russian Federation

Included in the Ulrich's Periodicals Directory

Materials of the journal are placed on the RSCI platform of the Russian scientific electronic library – Electronic Journals Library Cyberleninka

Subscription index of the journal in the Rospechat Agency catalogue is: 70035

Objectives and themes

Academic journal “Political Science Issues” is an international peer-reviewed scientific periodical in the field of political studies. The journal has an international character because of the composition of its Editorial Board, its editors, its contributing authors and topics of its publications.

The scientific journal is published since 2011 at the “Publishing House “Science Today”. Translated (eng.) version of the journal is published since 2016. Since its inception, the journal was guided by high scientific and ethical standards and today it is one of the leading political science journals in Russia.

The purpose of the journal is to promote scientific exchange and cooperation between Russian and foreign political scientists.

The journal is intended for the publication of the results of fundamental and applied scientific research. Thematic focus of the journal is reflected in the following permanent headings: “History and philosophy of politics,” “Political institutions, processes and technologies,” “Political regionalism and ethno-politics,” “Political culture and ideologies,” “Political problems of international relations and globalization.”

Format of publications: scientific articles, reviews, scientific materials, materials of round tables, scientific reviews, scientific reports devoted to research problems in the field of politics and political science.

The Editorial Board and the editors of the journal in their activities are guided by the principles defined by VAK of Russia for scientific journals, including: presence of the institute of peer review for the expert quality assessment of scientific articles; information openness of the publications; availability and compliance with the rules and ethical standards for the submission of manuscripts by the authors.

The target audience of the journal is Russian and foreign specialists-political scientists, as well as graduate students and masters in the fields of political science, state and municipal management and international relations.

The journal strictly adheres to the international publishing standards and publication ethics identified in the *COPE (Committee on Publication Ethics)* document. <http://publicationethics.org>.

Full details of the journal and its editorial policy, requirements to the preparation and publication of articles, archive (issues since 2011) and additional information are available on the website: <http://voprosplitolog.ru>

E-mail address: voprosplitolog@yandex.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ПОЛИТИКИ

Жигульская Д.В., Раванди-Фадаи Л.М.

Политическая утопия «В стране свободных людей»
Ахмед-бека Агаева (Агаоглу)..... 1432

Аношкин П.П.

Государство и христианство
в философии политики Н.А. Бердяева..... 1440

Гудилина Е.Н., Порошков М.М.

К проблеме строения интерпретационной матрицы утопии 1456

Сазонова Т.А.

«Отрицательная власть» (о книге «Плебейский трибунал
в Древнем Риме: немецкая историография XIX века»)..... 1470

Самсонова Н.Н.

Трансгенерационный подход
в изучении механизмов передачи коллективной травмы 1476

ИСТОРИЯ РОССИИ

Башелханов А.Ю.

Роль партия «Справедливая Россия» в социально-экономическом
и политическом развитии России
(на примере выборов в Государственную Думу РФ)..... 1485

Лустин К.А.

Истоки и факторы проявления терроризма в России 1496

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Васильченко М.А.

Проблема коррупции в российском обществе и ее отражение
в программах политических партий 1503

Воропанов С.А.

Проблемы реализации механизмов непосредственной
демократии на местном уровне в современной России 1510

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ, ТЕХНОЛОГИИ

Вафин А.М.

Идеология государственного служения
в контексте стресса чиновников 1517

Чистопрудов К.В., Григорян Д.К. Противоречия проектирования и модернизации в контексте политического постмодерна	1527
Афонин М.В., Кривова А.Л., Кудрявцев С.А. Legal Aspects of Introducing Policy Aimed at Reducing Poverty/ Правовые аспекты формирования политики по борьбе с бедностью.....	1539
Симорот С.Ю. РПЦ и современная Россия: границы государственно-церковного диалога.....	1546
Гнездова Е.В. Концепция «исламская глобализация» как альтернативный сценарий конструктивного взаимодействия цивилизаций.....	1553
Самосюк А.А. Условия и факторы формирования экстремальных форм внутреннего политического процесса в России в современных условиях	1561
Кычкин И.И., Таницура М.С. Коалиционное распределение власти на примере Государственного Собрания (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия)	1567
Прохватиллов Г.В., Ткешелиадзе А.Б., Лихоманов К.В. Культурно-информационные инструменты реализации национальных интересов РФ: проблемы и перспективы использования	1574
Валеева Д.М. Проблемы формирования и укрепления политического доверия молодежи к институтам государственной власти в современной России.....	1583
Калакутский А.В. Механизмы и технологии информационного обеспечения современного политического процесса на примере Приволжского федерального округа.....	1590
Томаев А.Х. Конкурсы как инструменты рекрутирования молодежных политических лидеров в современной России.....	1600

Тулинов Д.О.

Выборы в условиях режима повышенной готовности.
Влияние пандемийных ограничений
на электоральный процесс в РФ 1612

Шефер А.А.

Сравнительный анализ программных положений КПРФ
и СРЗП: сходства и противоречия 1623

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ И ОТРАСЛЕВЫЕ ПОЛИТИКИ

Мосакова Е.А., Золотарев И.А.

Подходы к регулированию криптовалютных бирж
в постковидный период: мировая практика..... 1629

Миронова С.А.

Особенности формирования нефтегазового бизнеса
в постсоветской России 1639

Цзинь Лэй

Современный подход к оценке эффективности деятельности
экономических субъектов..... 1650

**ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ**

Крупянка М.И., Арешидзе Л.Г.

Новая «холодная война 2.0» и новая роль Японии
в стратегическом противостоянии США с Россией (Часть 1) 1663

Васецова Е.С., Дроговоз А.И.

Российско-казахстанские отношения в новых политических
условиях: основные тенденции и перспективы развития 1681

Серегина А.А.

Новая этика функционирования
международных энергетических организаций..... 1694

Бухтоярова М.В., Бухтояров А.А.

Влияние изменения международного статуса Великобритании
после ее выхода из Евросоюза на политические
и экономические отношения с Российской Федерацией..... 1705

Перевалова Е.А.

«Мягкая сила»: сочетание тенденций глобализма
и регионализма во внешней политике Франции 1716

Ан Д.М., Низамова М.А. Проблема пересмотра 9-й статьи Конституции Японии: различие в подходах ведущих политических партий	1729
Рахимов К.Х., Азимов У.Х. Взаимодействие между Республикой Таджикистан и Китайской Народной Республикой в рамках ШОС	1735
Гафаров О.Э. Энергетический фактор во взаимоотношениях стран-участниц Организации тюркских государств	1742
Омонов Б. Проявление восточной модели модернизации в странах Центральной и Юго-Восточной Азии.....	1752
У Ханьчао Энергетическая безопасность и геополитика в Арктике	1760
Гацковская В.А. Сотрудничество стран Вишеградской группы в области политики обороны и безопасности	1767
Гойчев Р.И. Положительные и отрицательные стороны приостановки договора СНВ-3	1778
Цзян Ланьхуэй Новые тенденции в стратегии США в Центральной Азии	1786
Ло Яньчао, Сюй Цзюнь, Июань Сян «Ядерный треугольник» Китай-Индия-Пакистан: натяжение узла	1795
Попова Е.А. Трансляция концепции «русского мира» в зарубежных СМИ (на примере Восточной Европы): риски и угрозы для России.....	1801
Терешенков А.М. Пандемия COVID-19 как фактор мировой политики: специфика и параметры осмысления	1809
Утекова З.Д. Особенности образа будущего Казахстана в период пандемии COVID-19	1817
Хорбаладзе Э.Л. Ключевые элементы китайской стратегии в Азиатско-Тихоокеанском регионе	1830

Чэнь Цзыхао, Мао Шо

Дипломатические стратегии китайских транснациональных корпораций (ТНК)..... 1841

СТУДЕНЧЕСКАЯ НАУКА

Боровков В.С.

Китайский опыт строительства системы обеспечения национальной безопасности 1849

Присекин А.А.

Формирование нового международного инновационного сотрудничества как фактор конкурентоспособности России на мировой арене..... 1860

Фенин К.В., Кузнецова В.А.

Италия: возвращение к нормальности? 1871

Головина Н.С., Широков В.О., Котов С.В.

Рецепция либертарианства в современной России..... 1878

Юань Юань

Исследование взаимоотношений России и Китая в контексте проекта «Один пояс – один путь» в новых условиях сотрудничества..... 1886

Хомяков Д.О.

Innovative System of the Civil Aircraft Industry in the Policy of Ensuring the Technological Sovereignty of the Russian Federation in 2022-2023/Отраслевая инновационная система гражданской авиастроительной отрасли в политике обеспечения технологического суверенитета РФ в 2022-2023 гг. 1895

НАШИ АВТОРЫ..... 1907

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ..... 1918

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ 1920

CONTENTS

Academic journal
“Political Science Issues”
Volume 13, Issue 4 (92), 2023

HISTORY AND THEORY OF POLITICS

- Zhigulskaya D.V., Ravandi-Fadai L.M.**
The Political Utopia 'in the Land of Free People'
by Ahmed-Bek Agaev (Agaoglu)..... 1439
- Anoshkin P.P.** The State and Christianity
in the Political Philosophy of N.A. Berdyaev..... 1455
- Gudilina E.N., Poroshkov M.M.**
On the Problem of the Structure
of the Interpretative Matrix of Utopia..... 1469
- Sazonova T.A.**
The «Negative Power» (on a Book «Tribune of the Plebs
in Ancient Rome: German Historiography of the 19th Century»)..... 1475
- Samsonova N.N.**
Transgenerational Approach in the Study of Mechanisms
of Collective Trauma Transference..... 1484

RUSSIAN HISTORY

- Bashelkhanov A.Y.**
The Role of the «Fair Russia» Party in the Socio-Economic
and Political Development of Russia on the Example
of the Elections to the State Duma of the Russian Federation..... 1495
- Lustin K.A.**
Origins and Factors of Terrorism in Russia 1502

POLITICAL SOCIOLOGY

- Vasylchenko M.A.**
The Problem of Corruption in Russian Society
and its Reflection in the Programs of Political Parties..... 1509
- Voropanov S.A.**
Problems of Implementation of the Mechanisms
of Direct Democracy at the Local Level in Modern Russia 1516

POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES, TECHNOLOGIES

Vafin A.M.

The Ideology of Public Service in the Context
of the Stress of Officials 1526

Chistoprudov K.V., Grigoryan D.K.

The Contradictions of Design and Modernization
in the Context of Political Postmodernity 1537

Afonin M.V., Krivova A.L., Kudryavtsev S.A.

Legal Aspects of Introducing Policy Aimed at Reducing Poverty 1540

Simorot S.Yu.

Roc and Modern Russia: Facets of State-Church Dialogue 1552

Gnezdova E.V.

The Concept of «Islamic Globalization» as an Alternative Scenario
for Constructive Interaction of Civilizations 1560

Samosyuk A.A.

Conditions and Factors of Formation of Extreme Forms
of Internal Political Process in Russia in Modern Conditions 1566

Kychkin I.I., Tantsura M.S.

Coalition Power Distribution on the Example of the State Assembly
(Il Tumen) of the Republic of Sakha (Yakutia) 1573

Prokhatilov G.V., Tkesheliadze A.B., Likhomanov K.V.

Cultural and Informational Tools for the Realization
of the National Interests of the Russian Federation:
Problems and Prospects of Use 1582

Valeeva D.M.

Problems of Formation and Strengthening
of Political Confidence of Young People in the Institutions
of State Power in Modern Russia 1589

Kalakutsky A.V.

Mechanisms and Technologies for Information Support
of the Modern Political Process in the Volga Federal District 1599

Tomaev A.Kh.

Competitions as Tools for Recruiting Youth Political Leaders
in Modern Russia 1611

Tulinov D.O.

Elections on High Readiness. Impact of Pandemic Restrictions
on the Electoral Process in the Russian Federation 1622

Shefer A.A.

Comparative Analysis of the Programmatic Positions
of the CPRF and the FRFT: Similarities and Contradictions..... 1628

PUBLIC ADMINISTRATION AND SECTORAL POLICIES

Mosakova E.A., Zolotarev I.A.

Approaches to the Regulation of Cryptocurrency Exchanges
in the Post-Covid Period: Global Practices..... 1637

Mironova S.A.

Peculiarities of the Formation of the Oil and Gas Business
in Post-Soviet Russia 1649

Jin Lei

A Modern Approach to Assessing the Effectiveness
of Economic Entities..... 1661

**THEORY AND HISTORY OF INTERNATIONAL RELATIONS
AND FOREIGN POLICY**

Krupyanko M.I., Areshidze L.G.

New “Cold War 2.0” and Role of Japan in the Strategic Confrontation
Between the USA and Russia 1680

Vasetsova E.S., Drogovoz A.I.

Russian-Kazakhstan Relations in the New Political Conditions:
Main Trends and Development Prospects..... 1693

Seregina A.A.

New Ethics for the Functioning
of International Energy Organizations..... 1704

Bukhtoyarov M.V., Bukhtoyarov A.A.

The Impact of the Changes in the International Status
of the Great Britain after its Exit from the European Union
for Political and Economic Relations with the Russian Federation..... 1715

Perevalova E.A.

The Soft Power: Conjunction of Globalism
and Regionalism Trends in French Foreign Policy..... 1728

An D.M., Nizamov M.A.

The Problem of the Revision of Article 9 Japanese Constitutions:
Differences in the Approaches of Leading Political Parties..... 1734

Rakhimov K.Kh., Azimov U.Kh.

Interaction Between the Republic of Tajikistan
and the People's Republic of China within the SCO 1741

Gafarov O.E.

The Energy Factor in the Relations Between
the Countries Participating in the Organization of Turkic States..... 1751

Omonov B.

The Manifestation of the Eastern Model of Modernization
in the Countries of Central and Southeast Asia 1759

Wu Hanchao

Energy Security and Geopolitics in the Arctic..... 1766

Gatskovskaya V.A.

Visegrad Group Cooperation in the Field
of Defence and Security Policy..... 1777

Goichev R.I.

Positive and Negative Aspects of the Suspension
of the Start-3 Treaty 1785

Jiang Lanhui

New Trends in the Strategy of the United States
of America in Central Asia..... 1794

Luo Yanchao, Xujun, Xiang Yiyuan

"Nuclear Triangle" China-India-Pakistan: Knot Tension..... 1800

Popova E.A.

Broadcasting the Concept of the "Russian World" in Foreign Media
(on the Example of Eastern Europe): Risks and Threats for Russia..... 1808

Tereshenkov A.M.

The COVID-19 Pandemic as a Factor of World Politics:
Specifics and Parameters of Comprehension..... 1816

Utekova Z.D.

Features of the Image of the Future of Kazakhstan
During the COVID-19 Pandemic..... 1829

Khorbaladze E.L.

Key Elements of China Strategy in Asia Pacific..... 1840

Chen Zihao, Mao Shuo

Diplomatic Strategies
of Chinese Multinational Corporations (MNCS)..... 1848

STUDENT SCIENCE

Borovkov V.S.

Chinese Experience in Building a National Security System..... 1859

Prisekin A.A.

Formation of a New International Innovation Cooperation
as a Factor of Russia's Competitiveness on the World Stage..... 1870

Fenin K.V., Kuznetsova V.A.

Italy: Return to Normality?..... 1877

Golovina G.N., Shirokov V.O., Kotov S.V.

Reception of Libertarianism in Modern Russia 1885

Yuan Yuan

The Study of Relations Between Russia and China
in the Context of the "One Belt, One Road" Project
in the New Conditions of Cooperation 1894

Khomyakov D.O.

Innovative System of the Civil Aircraft Industry in the Policy
of Ensuring the Technological Sovereignty
of the Russian Federation in 2022-2023 1896

OUR AUTHORS..... 1913

DEMANDS FOR MANUSCRIPTS 1918

EDITORIAL BOARD 1920

Д.В. ЖИГУЛЬСКАЯ

кандидат исторических наук,
доцент кафедры политологии Востока
ФГП МГУ имени М.В. Ломоносова,
с.н.с. ИВ РАН, Россия, г. Москва

Л.М. РАВАНДИ-ФАДАИ

кандидат исторических наук,
с.н.с., руководитель Восточного культурного центра ИВ РАН,
доцент кафедры современного Востока и Африки РГГУ,
Россия, г. Москва

ПОЛИТИЧЕСКАЯ УТОПИЯ «В СТРАНЕ СВОБОДНЫХ ЛЮДЕЙ» АХМЕД-БЕКА АГАЕВА (АГАОГЛУ)

«Я был рабом и захотел обрести свободу» – с этих слов начинается свое сочинение, политическую утопию «В стране свободных людей» (Serbest İnsanlar Ülkesinde) Ахмед-бек Агаев (Агаоглу) – выдающийся азербайджанский мыслитель, родившийся в 1869 г. в Шуше и занимавший в конце XIX – первой половине XX вв. особое место в политической и интеллектуальной среде Кавказа, и мусульманской России, а затем Османской империи и республиканской Турции.

Цель статьи заключается в выявлении политических взглядов Ахмед-бека Агаева (Агаоглу) на проблему гражданского общества, а также основных теоретических подходов мыслителя к вопросу формирования и развития связующей ментальности, национальной идентичности, которая бы объединяла людей. Для этого в статье решается ряд последовательных задач: рассматриваются основные этапы жизни, политической и интеллектуальной деятельности Ахмед-бека Агаева (Агаоглу), а также подробно анализируется источник «В стране свободных людей», написанный на закате политической карьеры мыслителя в 1930 г. Методологической основой работы являются принципы объективности и историзма.

В результате приводится обобщение ключевых мыслей Ахмед-бека Агаева (Агаоглу) о том, какими должны быть идеальное государство и его граждане. Резюмируется, что Ахмед-бек Агаев (Агаоглу) оказал значительное влияние на развитие либеральной мысли в Турции. Так, его стоит считать активным поборником идеи многопартийности и республиканского

стройка, которые, согласно мыслителю, являются важной ступенью на пути человека к свободе.

Ключевые слова: Ахмед-бек Агаев (Агаоглу), «В стране свободных людей», Турецкая Республика, либеральный кемализм, национальная идентичность.

Детство и годы учебы. Ахмед-бек Агаев (Агаоглу) родился в 1869 г. в карабахском городе Шуша, в то время – в Российской империи. Рос в зажиточной шиитской семье, его отец Мирза Хасан, дядя Мирза Мухаммед и дед Мирза Ибрагим обладали влиянием в местном обществе.

Начальное образование Ахмед-бек Агаев (Агаоглу) получил в традиционной школе, где он изучал тюркский, персидский и арабский языки. Затем поступил в Шушинское реальное училище, а свое среднее образование он завершил в Тифлисской гимназии.

В 1887 г. Ахмед-бек Агаев (Агаоглу) покинул родной дом в Шуше с целью поступить в Санкт-Петербургский Политехнический институт. Позже Агаев (Агаоглу) вспоминал о приезде в Санкт-Петербург как о важном этапе в жизни, с которым были связаны чувства восторга и волнения. Именно в петербургский период жизни Агаев (Агаоглу) встретил двух мыслителей и общественных деятелей, которым впоследствии предстояло сыграть серьезную роль в его жизни – Али-бека Гусейнзаде и Алимарданбека Топчибашева. Агаев (Агаоглу) стремительно погрузился в интеллектуальную жизнь города.

Примечательна информация, содержащаяся в воспоминаниях сына Агаева (Агаоглу) – Самеда – который утверждает, что его отцу не удалось поступить в Политехнический институт по причине предвзятого отношения одного из экзаменаторов [З. С. 102]. Удрученный несправедливостью, Агаев (Агаоглу) принял решение покинуть Санкт-Петербург.

В 1888 г. Ахмед-бек Агаев (Агаоглу) отправился во Францию, где поступил на факультет права Парижского университета, а также обучался в Коллеж де Франс (*Le Collège de France*). Однако путь Агаева (Агаоглу) к намеченной цели был совсем не простым: первые полгода, которые он провел в Париже, стали настоящим испытанием для юноши, который в то время не знал ни слова по-французски, был ограничен в средствах и вынужден жить в долг, однако стремился к знаниям и обретению профессии. Первые месяцы Агаев (Агаоглу), не выходя из маленькой съемной комнаты, усердно изучал язык, запоминая наизусть произведения Альфреда де Мюссе, Альфонса де Ламартина, Виктора Гюго и Теофиля Готье.

Освоив французский язык и начав обучение в университете, Ахмед-бек Агаев (Агаоглу) определил область своих научных интересов, которая была довольно обширна: наряду с правовыми дисциплинами, он посещал занятия,

связанные с восточными религиями и цивилизациями в Практической школе высших исследований (*École des Hautes Études Pratiques*), брал уроки арабского и персидского языков в Институте восточных языков и культур (*École des Langues Orientales Vivantes*).

В академическом плане существенное влияние на формирование интеллектуальной личности Агаева (Агаоглу) оказал профессор Жам (Джеймс) Дармстетер (Дармштетер), французский востоковед, специализирующийся на изучении персидских текстов, также известный своим переводом «Авесты» на французский и английский языки. Благодаря Дармстетеру Агаев (Агаоглу) стал вхож в круг мадам Жюльетт Адам, основавшей известный журнал «Ла Нувель Ревю» (*La Nouvelle Revue*), в котором Агаев (Агаоглу) в 1891 г. начал свою писательскую карьеру, опубликовал статью (состоящую из 7 частей) под названием «Персидское общество» (*La Société persane*). В салоне Жюльетт Адам Агаев (Агаоглу) познакомился с наиболее выдающимися представителями политической и культурной жизни французского общества того периода, среди которых были Гюстав Флобер, Анатоль Франс, Поль Дерулед и другие.

Важно отметить, что политический дискурс того времени оказал влияние на формирование индивидуалистического подхода у Ахмед-бека Агаева (Агаоглу). Именно тогда он начал во многом разделять идеи либерализма и принципы Великой французской революции. Философская мысль Эрнеста Ренана, указывающая на силу науки, важность принципов личного волеизъявления, свободы и рационализма, а также его взгляды на вопросы религии и национального самосознания серьезно сказались на дальнейшем развитии идеалов и убеждений азербайджанского интеллектуала [5].

В 1894 г. Агаев (Агаоглу) закончил свое обучение. В этом же году он получил печальную новость о кончине своего отца и вынужден был вернуться на Кавказ, где ему предстояло стать одной из ярчайших фигур общественно-политической жизни, просветителем и идейным реформатором.

«Между двух империй». Так называется книга американского ученого Ады Холли Шисслер [6]. Представляется, что это название как нельзя лучше описывает жизнь яркого мыслителя и общественного деятеля. Действительно, Ахмед-бек Агаев (Агаоглу) жил в довольно трудные, турбулентные времена. Он был свидетелем трех революций (1905 г. в России, 1908 г. в Османской империи, 1917 г. снова в России), Первой мировой войны и принимал участие в национально-освободительном движении в Турции (*Türk Kurtuluş Savaşı; İstiklâl Harbi; Millî Mücadele*).

Ахмед-бек Агаев (Агаоглу) был, несомненно, талантливым, убежденным, инициативным человеком: писал книги и статьи, выпускал газеты, преподавал в университете и занимал важные государственные должности. Очевидно, его биография слишком насыщена, богата различными событиями, сменой занимаемых должностей и географии пребывания, что

уместить всю информацию в одну статью не позволяет ее объем, и любая попытка привела бы к невольным упущениям. Во избежание этого позволим себе «пунктиром» обозначить основные вехи жизненного пути общественного деятеля и политика.

По окончании учебы и спустя некоторое время после возвращения на Кавказ Агаев (Агаоглу) стал одним из лидеров азербайджанского движения джадидистов. Начиная с 1900-х гг. он активно издавал свои статьи, посвященные проблемам мусульман России, в таких изданиях как «Каспий», «Шарг-и Рус», «Хаят», «Иршад», «Тарагги». Кроме того, Агаев (Агаоглу), наряду с Абдурашидом Ибрагимовым, Исмаилом Гаспринским, Алимардан-беком Топчибашевым, Юсуфом Акчуриным, выступил инициатором создания Союза мусульман России, о котором было объявлено в августе 1905 г. на Первом Всероссийском конгрессе мусульман в Нижнем Новгороде.

Ахмед-бек Агаев (Агаоглу) покинул Российскую империю, прибыл в Стамбул в 1909 г. и вскоре занял должность инспектора в Министерстве образования (Maarif Nezareti). Можно утверждать, что карьерных высот он добился в «турецкий период» своей жизни. В Османской империи, а затем в республиканской Турции Агаев (Агаоглу) занимал ряд важных должностей. Профессиональный журналист, политик, член центрального комитета партии Единения и прогресса (*İttihat ve Terakki Furkası*), ученый, депутат османского, а затем республиканского парламентов, член Народно-республиканской партии (*Cumhuriyet Halk Partisi*), один из специалистов, ответственных за подготовку проектов конституций 1921 и 1924 гг. И это далеко не весь список достижений Агаева (Агаоглу).

Среди занимаемых Ахмед-беком Агаевым (Агаоглу) должностей отдельно стоит выделить членство в Комитете в защиту прав мусульманских тюрко-татарских народов Российской империи, который действовал в странах центральной Европы, и должность советника в Кавказской исламской армии (*Kafkas İslam ordusu*), которую османское правительство направило в Азербайджанскую Демократическую Республику (АДР) для оказания военной помощи.

Как и многие иттихадисты, в 1919 г. он был сослан на Мальту, где написал свой известный труд «Три культуры» (*Üç Medeniyet*) [2], в котором сравнил западную культуру/цивилизацию с буддийской и исламской и указал на превосходство первой. Это произведение можно считать поворотной точкой в эволюции политических взглядов Агаева (Агаоглу), которое ознаменовало окончательный разрыв с иттихадистской идеологией. После практически двухлетней ссылки на Мальту весной 1921 г. Агаев (Агаоглу) вернулся в Стамбул, а затем в Анкару, где начал работать с Анкарским правительством. Он умер в 1939 г. и похоронен в Стамбуле.

На протяжении жизни политические взгляды Ахмед-бека Агаева (Агаоглу) эволюционировали и испытывали на себе серьезное влияние

изменяющихся геополитического, социального и интеллектуального контекстов, в которых он находился и вел свою деятельность. В упрощенной схеме развитие взглядов можно резюмировать следующим образом: иранизм, джадидизм, иттихадистский пантюркизм (с постепенным переходом в сферу анатолийского тюркизма или турецкого национализма), кемализм (с последующим акцентом на либеральные ценности, в частности, в экономической сфере).

Политическая атмосфера в Турции 1930-х годов. 1930-е гг. – важный этап в истории республиканской Турции, к этому времени политические и общественные реформы в большей степени завершились, было достигнуто единство взглядов по основным принципам, на которые опирался режим. В этот период можно наблюдать отдаление Агаева (Агаоглу) от темы турецкого национализма и смещение в область либерализма и критики однопартийного режима. Важно подчеркнуть, что Агаев (Агаоглу) в период оппозиции не отошел от идеологии кемализма, но трактовал ее несколько иным образом. Он никогда не отрицал принцип этатизма (*devletçilik*), но в экономическом плане настаивал на умеренном этатизме.

В 1930 г. произошло еще одно знаковое событие в политической карьере Агаева (Агаоглу): он вступил в Свободную республиканскую партию (*Serbest Cumhuriyet Fırkası*), которая была создана 12 августа 1930 г. во главе с Али Фетхи Окьяром. Опыт партии весьма показателен, хотя ее существование было недолгим (всего 3 месяца). Партия была создана по инициативе Мустафы Кемаля Ататюрка для установления баланса в условиях однопартийного режима и выявления политических предпочтений в обществе. Ахмед-бек Агаев (Агаоглу) был одним из создателей программы и устава партии.

В этот период политик характеризовал себя как приверженца принципов революционности, демократии, либерального этатизма и идеологии кемализма. В отличие от некоторых других членов партии, после ее роспуска он вновь не примкнул к Народно-республиканской партии. Отойдя от всех общественных постов, которые занимал, он переехал из Анкары в Стамбул. С уходом на пенсию Агаев (Агаоглу) перестал писать на острые социально-политические темы и публиковал свои статьи в журналах «Культюр Хафтасы» (*Kültür Haftası*), «Инсан» (*İnsan*) и др.

Справедливо утверждать, что за годы политической деятельности Ахмед-бек Агаев (Агаоглу) внес существенный вклад в развитие либеральной мысли в Турции, он горячо поддерживал идею многопартийности, а республиканский строй считал важной ступенью на пути человека к свободе. Нужно отметить, что тема свободы в 1930-е гг. занимала центральное место в творчестве Агаева (Агаоглу). В этот период были написаны «В стране свободных людей», «Государство и личность» (*Devlet ve Feri*), «Что

я?» (*Ben neyim?*), а также многочисленные статьи в оппозиционной газете «Акын» (*Akın*).

В частности, целью создания политической утопии «В стране свободных людей» (1930 г.) Агаев (Агаоглу) видел в том, чтобы поделиться своими взглядами на свободу и качества свободных граждан республики. Примечательно, что во «Вступлении» (*Mukaddime*) автор ссылается на Ш. Монтескье, который в своем «Духе законов» утверждал следующее: «Как для республики нужна добродетель, а для монархии честь, так для деспотического правительства нужен страх» [1. С. 9].

«В стране свободных людей». Герой романа – освободившийся из рабства турок, который отправляется в путь, чтобы обрести свободу. Подойдя к перекрестку, он видит надпись: «налево пойдешь – найдешь свободу, направо пойдешь – попадешь в рабство», поворачивает налево и попадает «в страну свободных людей». Здесь он поступает на учебу к наставнику (проводнику), которого именуют «пир» (*pir*), и узнает от него о жизненном укладе, правилах, нормах и обычаях республики и о том, какими должны быть свободные люди. В конце он принимает решение остаться в этой стране: в присутствии трех пиров он дает клятву во имя «ангела свободы» (*hürriyet meleği*). Заслуживает внимания термин «*âşik*», который традиционно в исламском мистицизме означает «возлюбленный Бога», так, бывший раб говорит о себе: «я стал гражданином страны свободных людей, я стал возлюбленным ангела свободы» [1. С. 123].

В произведении подчеркивается, что раб, услышав голос посланника Бога (*Tanrı'nın resulü*), разрывает цепи и спасается из темницы. Очевидно, что таким образом автор изображает Мустафу Кемалю Аатюрка в качестве Мессии: «Своими речами он растопил сердца, в бездыханные тела вдохнул жизнь. Весь мир восторгался его деяниями, а сегодня он объединяет свой народ вокруг свободы» [1. С. 15].

В целом, для жанра утопии характерно смешение религиозного и политического начал. В произведении создается образ идеального общества, «священной нации», и людям обещается спасение. Для этого им необходимо пожертвовать собственной выгодой: за основу свободы принимается чистота помыслов, честность слов и действий. Чрезмерное богатство также считается препятствием для праведной жизни. Формирование республиканской морали приравнивается к божественному спасению. Новая мораль ставит на первое место человека и общество, а роль интеллектуалов как своеобразного «зеркала народа» заключается в том, чтобы указывать обществу направление развития и служить примером.

При этом важно подчеркнуть плюралистический подход Агаева (Агаоглу) к вопросу отношений общества и индивидуума: для него было невообразимым разделять эти понятия. Так, общество, по мнению Агаева (Агаоглу), представляет собой органическое единство личностей, в то время

как индивидуализм не созвучен с эгоизмом, а, наоборот, способствует солидарности и взаимовыручке. Философ был убежден в том, что только сильные люди способны помогать другим [4. С. 28-35].

Возвышение человеческого сознания и воли как основ свободной жизни в полной мере нашло отражение в произведении. Так, главный герой признается читателю: «кто такой человек, и что значит жить по-человечески, впервые я узнал здесь – в этой стране. Моя прошлая жизнь видится мне кошмаром, что хуже смерти... рабство помыслов, рабство чувств, рабство действий было моей судьбой. Иными словами, меня не было, я был лишь видимостью. Теперь же вернуться к прежней жизни для меня страшнее смерти: ведь умереть – не значит ли потерять сознание и волю?» [1. С. 118-119].

Справедливо утверждать, что Ахмед-бек Агаев (Агаоглу) внес существенный вклад в развитие либеральной мысли в Турции. Особенно отчетливо идеал демократического общества был сформулирован мыслителем в политической утопии «В стране свободных людей». Можно заключить: несмотря на то, что в различные периоды жизни социально-политические взгляды Ахмед-бека Агаева (Агаоглу) менялись по линии иранизм, исламский реформизм, иттихадистский пантюркизм, кемализм (позже либеральный кемализм), цель его философской мысли оставалась неизменной – служение своему идеалу, человеку и обществу свободных людей.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Ağaoğlu A.* Serbest İnsanlar Ülkesinde. Haz. Abdullah Akan. İstanbul, 2014.
2. *Ağaoğlu A.* Üç Medeniyet. İstanbul, 2013.
3. *Ağaoğlu S.* Babamdan Hatıralar. Ankara: Ağaoğlu Külliayı, 1940.
4. *Georgon F.* “Ahmet Ağaoğlu: Aydınlanma ve Devrim Hayranı Bir Türk Aydını”, Toplumsal Tarih, Tarih Vakfı Yayınları, Sayı: 36. İstanbul, 1996.
5. *Özcan U.* Ahmet Ağaoğlu ve Rol Değişikliği. İstanbul, 2010.
6. *Shissler A.H.* Between Two Empires. Ahmet Ağaoğlu and the New Turkey. London/New York: I.B. Tauris, 2003.

D.V. ZHIGULSKAYA

Candidate of Science (History),

Senior Lecturer at the Oriental Political Studies Department

of the Faculty of Global Processes

of Moscow Lomonosov State University,

Senior Researcher at the Institute of Oriental Studies of the Russian

Academy of Sciences, Moscow, Russia

L.M. RAVANDI-FADAI

*Candidate of Science (History),
Senior Researcher, Head of the Oriental Culture Centre
at the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences,
Senior Lecturer in the Faculty of the Contemporary Orient
and Africa of the Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia*

THE POLITICAL UTOPIA 'IN THE LAND OF FREE PEOPLE' BY AHMED- BEK AGAEV (AGAOGU)

"I was a slave and I wanted to become free" (Serbest İnsanlar Ülkesinde) – these are the opening words of the political utopia 'In the Land of Free People' by Ahmed-bek Agaev (Agaoglu), the outstanding Azerbaijani thinker, born in Shusha in 1869, who held a special place in the political and intellectual circles of the Caucasus and Muslim Russia in the late 19th – early 20th century, and later in the Ottoman Empire and republican Turkey.

The purpose of the article is to elucidate Ahmed-Bek Agaev's political views on the problem of civil society and his key theoretical approaches to the shaping and development of a bonding mentality and national identity that could unite people. For this, the article addresses a series of successive tasks: it reviews the key stages of Ahmed-bek Agaev's life and his political and intellectual activities, providing a detailed analysis of the source of 'In the Land of Free People,' which he wrote in 1930 as his political career drew to a close. The paper is based on the principles of objectivity and historicism.

The result is an overview of Ahmed-bek Agaev's key thinking on the ideal state and its citizens, including a summary of his significant influence on the development of liberal thought in Turkey. Specifically, Agaev should be seen as a vigorous proponent of a multiparty republican system, which he regarded as an important step on man's path to freedom.

Key words: *Ahmed-bek Agaev (Agaoglu), 'In the Land of Free People', Turkish Republic, liberal Kemalism, national identity.*

П.П. АНОШКИН

*старший преподаватель кафедры философии
РНИМУ имени Н.И. Пирогова,
Россия, г. Москва*

ГОСУДАРСТВО И ХРИСТИАНСТВО В ФИЛОСОФИИ ПОЛИТИКИ Н.А. БЕРДЯЕВА

В настоящей статье изложены взгляды известного русского мыслителя Н.А. Бердяева на взаимосвязь христианства и европейской государственности.

Цель статьи – осуществить систематизацию и реконструкцию взглядов философа на проблему соотношения государства и христианской религии, показать ее актуальность и значимость для современной политической науки и философии. В связи с этим автором работы выявлены роль и место христианства в жизни европейских государств, его смысл и назначение, взаимосвязь христианской церкви с общественно-политическим строем государства. Христианство рассматривается как духовная основа реализации государственных интересов и целей.

Для написания статьи автором изучены работы Н.А. Бердяева, труды представителей Русской Православной Церкви, Католической Церкви и других христианских конфессий, зарубежной и отечественной философской и политической мысли, показывающие роль христианства в развитии европейских государств. Проведен анализ различных подходов к пониманию проблемы.

В ходе работы над статьей применялись философские методы, исторический и логический методы, герменевтический, нормативно-ценностный, социологический, антропологический и другие.

В настоящей статье автор показал, что подходы Н.А. Бердяева к пониманию взаимосвязи государства и христианской религии позволяют понять реальную картину этого политического феномена.

Проведенная автором статьи работа по систематизации и реконструкции подходов Н.А. Бердяева к пониманию проблемы позволяет использовать ее результаты в дальнейших исследованиях роли христианства в развитии и функционировании государства.

Ключевые слова: *государство, христианство, папоцезаризм, цезарепанизм, христианизация, мораль и справедливость.*

Проблема взаимоотношения государства и христианства существует со времен их возникновения и появления «Царства Божьего» и «Царства Кесаря». В свое время к рассмотрению данного вопроса обращались Августин Аврелий (356-430), Фома Аквинский (1224-1274) и многие другие представители Католической Церкви и других христианских конфессий.

Значительный вклад в осмысление данной проблемы внесли представители русской философии И.В. Киреевский (1806-1856), В.С. Соловьев (1853-1900), Ф.А. Степун (1884-1965), П.А. Флоренский (1882-1937), С.Л. Франк (1877-1950) и другие. В трудах русских философов нашли отражение такие проблемы как объединение церквей, критика западной демократии и государственного устройства, роль православия в развитии российской государственности. В русской философии также обсуждались проблемы построения Царства Божьего, христианизация государственной и общественной жизни, вопрос отделения Церкви от государства и многие другие.

Подходы русских философов к пониманию взаимосвязи государства и церкви, их установки, идеи, взгляды позволяют более глубоко понять взаимосвязь государства и христианства, увидеть роль христианства в жизни государства и общества, значение институтов церкви в формировании внутренней и внешней политики на различных этапах государственного развития.

В настоящее время в нашей стране возрос интерес к творчеству известного русского философа Николая Александровича Бердяева (1874-1948), внесшего огромный вклад в исследование взаимосвязи государства и христианства, а также разработавшего собственные подходы к ее осмыслению.

В статьях Белоуса В.Г., Жукова В.Н., Лапицкого К.В., Москалева А.Е., Сквоикова А.К., Рослякова Е.С., Шумилова А.В., Юрченко Н.И. и других рассмотрены такие проблемы, как методология философско-политического исследования жизнедеятельности государства, проблема ограничения власти государства, критика капиталистического общества с позиций христианства, проблема прав человека в христианстве, критика фашизма и коммунизма, христианская оценка революции, характер взаимодействия церкви и государства на разных этапах развития европейской государственности, влияние Реформации на развитие государственности, науки и культуры европейских государств, а также другие аспекты взаимосвязи государства и христианства в философии Н.А. Бердяева.

В то же время по-прежнему остаются актуальными и требуют дальнейшего осмысления проблемы концептуализации христианства, его периодизации, созданной Н.А. Бердяевым на основе развития европейской государственности и общественно-политического строя, взаимного влияния государства на церковь и церкви на государство.

В условиях современной реставрации христианства в России происходит актуализация взглядов Н.А. Бердяева на христианское (православное) толкование происхождения, развития и функционирования государства, необходимости его существования для человеческого общества, наличия в нем насилия и принуждения, суровости и аскетизма.

Развитие институтов гражданского общества в современной России актуализирует видение Н.А. Бердяевым в христианстве силы, ограничивающей влияние государства на духовную жизнь личности.

Заслугой Н.А. Бердяева в осмыслении проблемы взаимоотношения церкви и государства является выработка установок функционирования Русской Православной Церкви в условиях государства диктатуры пролетариата. Предложенные философом идеи, возможно, были использованы церковным руководством и не утратили своей актуальности и значимости в современных условиях.

Учитывая изложенное, автор полагает целесообразным рассмотреть в настоящей статье наиболее важные проблемы взаимодействия государства и христианства в философии политики Н.А. Бердяева.

Методология Н.А. Бердяева в исследовании взаимосвязи государства и христианства. В исследовании политических процессов и явлений Н.А. Бердяев использует как христианскую, так и рационалистическую методологию. Он писал: «Религиозно пережить какое-либо событие, значит пережить его внутренний смысл, понять его изнутри, из глубины духовного опыта, пережить его как свою судьбу, как ниспосланное Промыслом Божиим. Если так нужно переживать события личной жизни, то тем более нужно так переживать события жизни исторической» [4. С. 32]. Однако, исследуя методологические основы философии политики Н.А. Бердяева, профессор В.Н. Жуков пишет: «В основе религиозной философии Бердяева лежит ярко выраженный эсхатологизм (учение о конечных судьбах мира и человека, ожидание близких катастроф), что делает его революционно настроенным по отношению ко всему земному и преходящему. ... Но с другой стороны, и в России, и в эмиграции Бердяев, рассматривая вопросы практической политики, в основном стоял на консервативно-либеральных позициях, признавая ценность социального порядка, власти и права» [9. С. 47].

На наш взгляд, целесообразно добавить, что, исследуя вопросы реальной политики, Н.А. Бердяев не только стоял на консервативно-либеральных позициях и признавал ценность порядка, власти и права, но и широко использовал рационалистическую и марксистскую методологию.

В философии политики Н.А. Бердяева возникновение, развитие и функционирование государства тесно связано с религией. Философ считал, что уже в дохристианскую эпоху языческие верования способствовали укреплению государственности. Государство возникло в древнем мире как

абсолютное насилие, стремящееся ограничить звериный хаос людей первобытного общества, а также установить закон, порядок и стабильность. Государственное насилие охватывало все сферы жизни общества, в том числе духовную, а существующая языческая религия освящала государственную власть и воздавала ей божеские почести. Н.А. Бердяев подчеркивал: «Абсолютное государство, и русское, и всякое, есть языческая идея и имеет языческое, дохристианское происхождение; ужасы ничем не ограниченной, деспотической власти – это наследие первобытной дикости и хаоса» [1. С. 268-269].

Философ полагал, что освобождение древнего человека от агрессивных инстинктов может осуществиться только при помощи деспотической государственной власти. Он писал: «Через деспотии Востока человек медленно и трудно выходил из природно-хаотического, стихийно-звериного состояния. Государство не было ограниченной и очерченной сферой для людей древнего мира, оно было для них всем» [3. С. 89].

В процессе эволюции духовной жизни общества в ряде государств возникает христианство, которое значительно потеснило языческие религии в умах людей, создало определенные условия для духовного развития человека, его самоидентификации и стремления к свободе.

Развитие христианства, его внутреннее структурирование, институционализация и увеличение количества приверженцев данной веры привели к тому, что верующие христиане обрели относительную духовную свободу, стали поклоняться Иисусу Христу, отвергая языческое обоготворение правителей Рима. Христианство создало оболочку, внутри которой имели место отношения человека с Богом, духовная глубина человека стала принадлежать церкви, а не государству, функцией которого стало регулирование отношений между людьми. Н.А. Бердяев подчеркивал: «Христианство некогда совершило величайшую духовную революцию, оно духовно освободило человека от неограниченной власти общества и государства, которая в античном мире распространялась и на религиозную жизнь. Оно открыло в человеке духовное начало, которое не зависит от мира, от природы и общества, зависит от Бога» [7. С. 25].

Возникшая относительная духовная самостоятельность человека, основанная на вере в Бога, стала первым шагом к некоторой независимости христианства от государства. Христианство стало отдельной сферой, «Царством Божьим», а государство – «Царством Кесаря». Появившиеся «Царство кесарево» и «Царство Божие» различались по своей сути и вступили в определенные отношения на долгие годы. Н.А. Бердяев писал: «Вопрос об отношении церкви*) и государства – вековечный вопрос христианского сознания и вместе с тем злободневный вопрос» [5. С. 280].

Эта проблема не утратила своего значения и в наши дни. Так, протоиерей В. Цыпин пишет: «Церковь и государство имеют разное происхождение

и природу. Церковь основана непосредственно Самим Богом – Господом Иисусом Христом; богоустановленность же государственной власти опосредована историческим процессом. Целью Церкви является вечное спасение людей, цель государства заключается в их земном благополучии» [19. С. 817-818].

Н.А. Бердяев выделял в истории христианства несколько периодов: первохристианство, христианство времен Константина Великого (272 г. – 337 г.), христианство времен вселенских соборов, христианство средневековое и христианство Нового времени. В последующем он выделил еще христианство в социалистической России и СССР. Предложенная периодизация связана с наиболее важными этапами развития передовых европейских государств, их политическим строем и, соответственно, с доминирующими политическими идеями того или иного периода.

Н.А. Бердяев считал, что христианство с момента своего возникновения подтвердило незыблемость государства, никогда не отрицало его, видело в нем силу, способную противостоять хаосу, препятствовать распаду общества и подчинять его государственным законам. Христиане должны познать и пережить суровость государства, принять осуществляемое им насилие и принуждение, требование от верующих выполнения долга и многое другое.

Подтверждая идеи Н.А. Бердяева о христианских взглядах на государство, В.Н. Жуков пишет: «По воле Бога, выступая в качестве организатора человеческого хаоса, государство принудительно поддерживает минимум свободы, добра и справедливости. Но делает оно это не из любви к добру и свободе, а в силу необходимости установления порядка» [9. С. 48].

Христианство как государственная религия. С приходом к власти в Риме Константина Великого происходит возвышение христианства в римском обществе. Императорская власть стала христианской, а христианство стало государственной религией и опиралось на поддержку государства, освящая в свою очередь государственную власть и выполняя другие задачи по укреплению государственности. Однако помощь государства христианству имела для церкви и негативные последствия. Н.А. Бердяев отмечал: «Царство кесаря оказывает помощь церкви под условием, чтобы его печать была положена на церковь. Государство освящается церковью, оно в идее перестает быть царством зверя, но церковь искажается государством, порождается государственная церковность» [5. С. 285]. То есть христианство позитивно влияет на государство, делает его гуманнее, в какой-то мере ограничивает, но при этом, во многом утрачивает свое предназначение и выполняет волю государства.

Возвысив христианскую церковь, Константин Великий получил в свое распоряжение политическую силу, которая стала поддерживать римское государство, сама обрела насильственные идеи государственности, стала

использовать в своих интересах возможности государства и создавать на религиозной основе новые государственные образования.

Католическая церковь и ее влияние на западноевропейскую государственность в средние века. Для понимания отношений между государством и христианской церковью в эпоху средневековья Н.А. Бердяев развивает идеи В.С. Соловьева, касающиеся взаимосвязи христианства и государства. В своей работе «Духовные основы жизни» В.С. Соловьев писал: «На христианском Западе церковь стремилась некогда воплотиться в государственных формах, а на христианском Востоке, напротив, государственная власть сосредоточивала в своих руках не только светское, но и весьма часто и высшее церковное управление» [15. С. 408]. Для характеристики данных процессов Н.А. Бердяев использует понятия «папоцезаризм» и «цезарепапизм».

Папоцезаризм – это (есть) идея и практика политической власти католической церкви, выходящая за рамки религиозной компетенции, которая осуществляется как внутри отдельного государства, так и в отношениях между католическими государствами [10. С. 112]. Так, на территории Италии и Германии существовали католические государства, имелись собственные судебные, политические и финансовые органы, а также дипломатическая служба. Государственные дела рассматривались римскими папами как одно из важнейших направлений деятельности церкви.

В последующем католическая церковь усиливала собственную политическую власть, решала государственные вопросы и обретала собственность, финансировала морские экспедиции, определяла морально-правовые стороны ведения войны. Об этом времени Юрченко Н.И. пишет: «В XI-XII в.в. церковь превращается в сильную политическую организацию и вполне реально претендует на руководство всем христианским миром. Причем власть Римского Папы была экстерриториальной, вся Европа в XIII в. превратилась по существу в теократическую монархию» [20. С. 2].

С обретением статуса государственной религии католическая церковь в интересах веры широко использовала насилие, привлекая для этого институты государственной власти. Н.А. Бердяев писал: «Но скоро, очень скоро после того, как государственная власть признала христианство и стала христианской, учителя церкви начинают отрицать свободу совести и защищать принуждение в делах веры. Бл. Августин первый в принципе допустил насилие над еретиками, и даже казнь еретиков, соблазненный борьбой против донатистов» [5. С. 286].

Н.А. Бердяев дал следующую оценку деятельности католической церкви на данном этапе ее истории: «Католичество выработало лжерелигиозное учение о человеке и человечестве, папизмом хотело организовать человечество на земле» [2. С. 282].

С началом Реформации в ряде европейских стран константиновский период в истории государства и христианства стал заменяться новыми отношениями, прежде всего секуляризацией католической церкви в жизни западноевропейского общества и государства. На Западе постепенно исчезли христианские теократические государства, возникли новые национальные государства, а идея папоцезаризма утратила свою привлекательность и значимость. В то же время католическая Церковь сумела догматизировать отдельные стороны папоцезаризма и внедрить их в практику управления западноевропейских стран.

Философ писал: «Меняется положение церкви в исторической среде, новый мир предстоит ей, и к нему могут оказаться неприменимыми старые решения вопроса о взаимоотношениях церкви и государства» [5. С. 280].

Государство и церковь в странах христианского Востока в средние века. На христианском Востоке процветал цезарепапизм, как идея и практика абсолютного государства и обожествления императора, осуществляющего не только светскую, но и духовную (церковную) власть. Возникнув в Византии, цезарепапизм нашел благодатную почву в Русском государстве. В православии власти цезаря (монарха) придавалось божественное происхождение, государство и власть также обожествлялись, а цезарь являлся заместителем Бога на земле [10. С. 112]. Православие освятило самодержавие, признало царя главой церкви и служило молебны за монархию. Так, известный сторонник идеи православно-монархической власти Л.А. Тихомиров (1852-1923) считал религиозное начало, которым проникнуто мирозерцание народа важнейшим условием существования монархической власти. Он писал: «Единоличная власть нередко выдвигалась в значении высшего правителя, диктатора, вождя, по причинам весьма разнообразным: по мудрости законодательной или судебной, по энергии и талантам, для поддержания внутреннего порядка, по способностям военным, но все эти правители могли получать значение Верховной власти, только в том случае, если в факт их возвышения приходила религиозная идея, которая указывала народу в данной личности представителя высшего сверхчеловеческого начала» [17. С. 85-86].

Н.А. Бердяев, как и Л.А. Тихомиров, также различал самодержавную и абсолютную монархии. Он писал: «Власть царя совсем не есть абсолютная, неограниченная власть. Она самодержавна потому, что она не имеет своим источником воли народа и не ограничена народом. Но она ограничена Церковью и христианской правдой, духовно подчинена Церкви, она есть служение не своей воле, а воле Божьей. Царь не должен иметь своей воли, он должен служить воле Божьей. Царь и народ связаны между собой одной и той же верой, одним и тем же подчинением Церкви и Божьей правде» [4. С. 44].

Согласно взглядам Л.Н. Тихомирова и Н.А. Бердяева, самодержавная власть религиозна, держится на верованиях народа, санкционирующих власть царя и который сам должен принадлежать к православной вере и выполнять волю Божью. Кроме этого, самодержавие должно иметь широкий народный социальный базис, не должно подавлять народную жизнь, не выступать бездушным насилием в отношении своих подданных. Хотя сам Н.А. Бердяев, такую монархию считал утопией: «Ясно, что религиозная, православная идея самодержавия, священной монархии, есть чистейшая утопия совершенного, идеального государственного и социального строя, такая же утопия, как папская теократия, как совершенный, идеальный социалистический строй. ...Но фактически самодержавие всегда превращалось в абсолютизм и было абсолютизмом. И Византия, и Россия, две великие православные монархии, не являли собой типов религиозного самодержавия» [4. С. 45].

Н.А. Бердяев считал, что Православная церковь укрепляла самодержавное государство, способствовала его развитию, дала самодержавию статус догмата, ввела помазание, как укрепление государственной власти и предание правителю уверенности в беспрекословном подчинении народа. Наряду с критическими оценками данных процессов, следует подчеркнуть позитивную роль православия в становлении и развитии отечественной государственности. Так, выступая на встрече с историками и представителями традиционных религий России 4 ноября 2022 года, Президент России В.В. Путин подчеркнул: «Что касается истории церкви, духовной истории нашего народа, это чрезвычайно важная составляющая в российской государственности, потому что мы знаем, с чего началась российская государственность – и Старая Ладога, и Новгород, и потом Киев....единое централизованное государство страны начало складываться на основе власти князя, единой экономики, рынка, языка и веры» [11].

Наиболее ярким проявлением цезарепапизма в России стал синодальный период. В 1701 году Петром I было упразднено патриаршество, отменялось проведение поместных соборов. В 1721 году был учрежден Святейший правительствующий синод, который стал высшим государственным органом церковно-административной власти в Российской империи и фактически просуществовал до 1917 года. Это время в истории Русской православной церкви стало называться синодальным периодом и установлением жесткого государственного управления всеми сторонами церковной жизни, что не позволило православию оказывать позитивное влияние на процессы развития государства. Абсолютная монархия выстраивалась на рациональных принципах, царю принадлежала абсолютная, неограниченная власть управления, царь не являлся слугой церкви, которая сама всецело была подчинена государственной власти.

Аксаков, Ф.М. Достоевский, А.С. Хомяков в своих произведениях говорили о ненормальных отношениях церкви и государства в России.

Известный русский философ В.С. Соловьев писал: «Ю.Ф. Самарин и в особенности И.С. Аксаков самым резким образом указывали на ненормальные условия нашей церковной жизни. ...Аксаков доказывал, что религиозная свобода есть основное жизненное начало православной церкви, без которого она утрачивает свой истинный характер, превращается в «ведомство православного исповедания», в одну из отраслей государственного управления» [16. С. 257]. В.С. Соловьев полагал необходимым осуществлять вхождение христианского начала в жизнь российского общества, в деятельность государства, позитивно влиять на общественные отношения. Критикуя бездеятельность руководства Русской Православной Церкви, он писал: «В эти два века в России немало было сделано успехов общественных: крепостное рабство постепенно смягчалось и, наконец, совсем упразднено, смягчались уголовные законы, уничтожены пытки и почти уничтожена смертная казнь, допущена некоторая свобода исповедания. Все эти улучшения, без сомнения, предпринимались в духе христианском, и между тем представляющая христианское начало в обществе власть духовная никакого участия во всем этом не принимала» [14. С. 238].

Проблема отделения церкви от государства. Согласно Н.А. Бердяеву, отделение церкви от государства имело большое значение как для государства, так и для самой церкви. В результате отделения образуется атеистическая, антихристианская государственность, выявятся пороки и недостатки в системе государственного устройства. Государство, отделенное от церкви, не сможет выдавать себя за христианское и не сможет прикрываться религиозным авторитетом.

За всю историю своего существования государство, в том числе и империалистическое, всегда было языческим и не соответствовало христианским ценностям и заповедям. В дореволюционной России власть искусственно поддерживала институциональное единство государства и церкви в целях сохранения и укрепления существующего государственного устройства, спекулировала на вере русского народа в создание на Земле Царства Божьего, а также в силу и правду Христову.

Кроме того, Н.А. Бердяев полагал, что отделение церкви от государства позволит не только увидеть недостатки в функционировании государства, но и выявить пороки в жизнедеятельности самой церкви: «Статическое православие, взятое в своей ограниченности, не в силах произвести этот суд над властью, не может отделить себя от государства, слишком срослось с человеческим царством, чтобы повести мир к Царству Божьему» [2. С. 288-289].

Н.А. Бердяев увидел негативные процессы в развитии общества и государства, обусловленные единством церкви и государства. Так, в результате

некомпетентной государственной политики вера в настоящие религиозные ценности утрачивалась, народу насильственно проповедовалась ложь официальной государственной религии, ставшей орудием государства.

Отделение церкви от государства обусловлено также, по мнению философа, эволюцией взаимоотношений христианства и государства: «Различение и разграничение двух царств остается вечным, но отношения между двумя царствами в истории христианства не остаются неизменными, они меняются в разные возрасты христианства. Христианство не знает застывшей формулы, которая навсегда определила бы христианское устройство царства кесаря. Одно лишь пребывает неизменным. Христианство не отрицает механически и революционно царства кесаря, оно признает его, как особую сферу бытия, отличную от царства Божьего, но для целей Царства Божьего нужную» [4. С. 31]. Христианская Церковь имеет свою духовную основу, но осуществляет свою деятельность в различных исторических и политических условиях, во взаимосвязи с Царством Кесаря, представляющим собой не только монархию, но другие государственные устройства, в том числе демократическую или социалистическую республику.

Философ пытался проанализировать с точки зрения христианства процесс секуляризации государства. Теряя религиозные основы, государство расщепляется, испытывает великие потрясения, но Бог, согласно Н.А. Бердяеву, создал государство для выполнения своих предначертаний, поэтому христианам остается лишь переживать постоянно возникающие внутригосударственные противоречия.

Он называет утопиями учения о создании совершенного божественного государства, учения об отмирании государства и полном безгосударственном состоянии на Земле. Государство – это трудный и жертвенный путь человечества, оно не может быть основано только на любви, в отличие от Царства Божьего ему присущи насилие и зло.

Противоречия между государством и церковью в России. Н.А. Бердяев уделял значительное внимание проблеме разрешения конфликтных ситуаций, возникающих между церковью и государством. Он считал, что государственные формы сами по себе религиозно нейтральны, но довольно легко они могут превратиться в антирелигиозную силу, стать обожествленным самодовлеющим началом. В подтверждение этих мыслей Н.А. Бердяева авторы В.Г. Белоус и К.В. Лапицкий пишут: «В отдельные периоды отечественной истории взаимоотношения церкви и государства приобретали характер прямого политического конфликта. Не удивительно, что и внутрицерковные споры содержали глубокую политическую подоплеку. Отражение такого рода ситуаций в общественном сознании традиционно именуется «церковным вопросом» [8. С. 104].

На наш взгляд, антирелигиозная деятельность государства может возникнуть из-за политической распри или в период революций, когда новая

государственная власть осуществляет гонения на церковь, освящавшую деятельность старой власти и призывающую к уничтожению новых политических институтов. Это может проявляться в атеизме и гонениях на Церковь, как это было во время Октябрьской революции и в последующие периоды советской истории.

Исходя из анализа взаимоотношений христианства и государства, Н.А. Бердяев пришел к глубоким фундаментальным выводам. По его мнению, единство общества в вере во многом определяет стабильность, целостность и функционирование государства, придает ему характер святости и незыблемости. Эта святость и незыблемость существуют до тех пор, пока в нее верят народы. Философ писал: «Склад государства и общества целиком определяется религиозными верованиями народа. Формы государственной власти падают, когда падают верования народа, когда нет уже санкции власти в религиозном сознании народа» [4. С. 38].

Государство может стабильно функционировать, обладать внутренним единством и целью только на основе духовного религиозного единения. Если его нет, государство превращается в диктатуру и разлагается. Государственное насилие без духовного религиозного единства не в состоянии обеспечить существование государственной власти. В подтверждение мыслей Н.А. Бердяева, современные авторы А.В. Шумилов, А.Е. Москалев и А.К. Сквиков пишут: «Если отношения между духовенством и политической элитой складывались в дружеском и партнерском русле, то происходило единение в позициях между руководством страны и руководством церкви, что, безусловно, положительно оказывало влияние на политическую систему государства» [18. С. 173].

В 1917 году в управлении Русской православной церкви произошли серьезные изменения. Святейший правительствующий Синод, учрежденный в России в 1721 году, в августе 1917 года был упразднен. Вместо него был учрежден Священный Синод и восстановлено патриаршество.

Избранный патриарх Тихон критиковал Советскую власть за расправы над священнослужителями, выступал против новых законов о гражданском браке и его расторжении, подвергал анафеме гонения большевиков на церковь, осуждал действия по разжиганию братоубийственной брани, убийство Николая II, обвинял власть в обмане народа, показал полную несостоятельность заключения Брестского мира. Ленинский декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» оценивался как документ, допускающий гонения на религию и церковь.

В эмиграции после гражданской войны также были созданы структуры Русской православной церкви, в том числе на Карловацком соборе 1921 г. было учреждено Высшее церковное управление (ВЦУ) за границей под председательством митрополита Антония (Храповицкого), которому Собор присвоил звание заместителя Патриарха. ВЦУ состояло из архиерейского

Синода и Высшего церковного совета. Принятые на Карловацком соборе документы и обращение к Генуэзской конференции (10.04.-19.05.1922 г.) призывали к возрождению монархии и уничтожению Советской власти в России.

Деятельность руководства православной Церкви в Советской России и Высшего церковного управления за границей привела к обострению отношений между советским государством и церковью, возникла угроза существования православия в России.

В этих условиях патриарх Тихон выступил с покаянным обращением к Советской власти и призвал верующих к лояльному отношению к ней. Со смертью Тихона патриаршество вновь, по сути дела, было ликвидировано.

Для спасения Русской православной церкви митрополит Сергей, фактически возглавлявший в тот период Русскую Православную Церковь, обратился к Русской Зарубежной Церкви и призвал ее поддержать Советскую власть. Обращение митрополита Сергея наделало много шума в эмигрантской среде и привело к обострению ситуации.

Н.А. Бердяев в своей статье «Вопль русской церкви» от 3 сентября 1927 г. поддержал обращение митрополита и обосновал своевременность и необходимость данного документа для урегулирования внутрицерковных отношений и отношений церкви и государства в Советском Союзе. Как пишет Е.С. Росляков: «Главная тема работ А.Н. Бердяева, посвященных церковной проблематике в эмиграции, – будущее Церкви в новых исторических условиях. ... Основная проблема, которую ставил философ в своих работах, – проблема церковно-государственных отношений» [13. С. 91]. Н.А. Бердяев, по существу, обосновывал стратегию (путь) жизнедеятельности Русской православной Церкви как в Советском Союзе, так и за рубежом. Он утверждал, что структуры Русской Православной Церкви за рубежом нельзя рассматривать как церковную эмиграцию, она является ответвлением Матери-Церкви в России.

Церковь должна пережить муки и освободиться от многолетнего царства Кесаря, порвать отношения с самодержавием и существовать в любой природно-исторической среде.

В своей деятельности церковь должна стремиться христианизировать общество, государство, культуру, но, при этом, не может признавать их христианскими.

Для деятельности Русской православной церкви все типы государств, существовавшие в истории, не более христианские, чем рабоче-крестьянское государство.

Церковь должна быть лояльна к государственной власти, не должна вести политическую борьбу, не иметь никакого политического идеала и не быть связанной с какой-либо политической партией.

Граждане, исповедующие христианство, могут принадлежать к различным политическим партиям и организациям, но при этом они должны согласовывать свою политическую деятельность с требованиями христианской совести. Н.А. Бердяев писал: «Лояльность по отношению к Советской власти со стороны Православной Церкви означает лишь то, что Церковь не участвует в политической борьбе против нее и не может благословлять никакой формы борьбы, кроме духовной, что Церковь принимает факт образования новой природно-исторической среды и может стремиться лишь к христианизации этой среды изнутри, духовно борясь против безбожия и растления во имя Христовой Правды» [6. С. 2].

На этом пути Русская Православная Церковь вносила свой вклад в жизнедеятельность советского общества, способствовала разгрому немецко-фашистских захватчиков и сохранила духовную православную культуру. В 1943 году было восстановлено патриаршество и другие структуры церкви.

В современной России Русская Православная Церковь стала играть значительную роль в жизни государства и общества, доводить до них христианские ценности, не вмешиваясь при этом во внутривнутриполитическую борьбу между политическими партиями и другими структурами. «Государство продолжит активно развивать созидательное партнерство с церковью во всех значимых областях, в первую очередь – в воспитании молодого поколения, в сбережении культурного достояния, в решении насущных общественных проблем» [12], – сказал Путин.

Учитывая изложенное, можно сделать следующие выводы.

В своем творчестве Н.А. Бердяев показал роль христианства в развитии и функционировании государства на всех этапах его исторического развития, христиански обосновал необходимость государства как политического института, способного обеспечить законность, стабильность и безопасность в обществе.

В философии Н.А. Бердяева дана периодизация христианства во взаимосвязи с развитием европейской государственности, культуры и экономики. Раскрыты сущность таких форм взаимодействия как папоцезаризм и цезарепапизм, проблема отделения Церкви от государства и другие.

Особое значение в творчестве Н.А. Бердяева обрело осмысление жизнедеятельности Русской Православной Церкви в условиях государства диктатуры пролетариата, что, по существу, стало теоретико-методологическим обоснованием формирования отношений в новых политических условиях.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Бердяев Н.А.* Об отношении христианства к общественности. Цитируется по книге: «Духовный кризис интеллигенции». М.: Директ-Медиа, 2012.

2. Бердяев Н.А. Распря церкви и государства. «Духовный кризис интеллигенции». Цитируется по книге: «Духовный кризис интеллигенции». М.: Директ-Медиа, 2012.
3. Бердяев Н.А. Философия неравенства. М.: Директ-Медиа, 2008.
4. Бердяев Н.А. Царство Божие и царство Кесаря // Журнал «Путь». 1925. № 1.
5. Бердяев Н.А. Проблема христианского государства // Современные записки. 1927. № 31.
6. Бердяев Н.А. Вопль русской церкви // Последние Новости. 3 сентября 1927 г. № 2365.
7. Бердяев Н.А. Царство Духа и царство Кесаря. М.: Директ-Медиа, 2008.
8. Белоус В.Г., Латицкий К.В. «Н.А. Бердяев и церковный вопрос 1927 года» // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. им. Ф.М. Достоевского. 2016. Т. 17. № 1.
9. Жуков В.Н. Государство, политика и право в религиозной картине мира Н.А. Бердяева» // Право и государство: теория и практика. 2017. № 2 (146).
10. Лучков Н.А., Аношкин П.П. «Государство и политическое насилие в философии политики Н.А. Бердяева» // Вестник Поволжского института управления. Саратов, 2016. № 3 (54).
11. Путин В.В. Встреча с историками и представителями традиционных религий России 4 ноября 2022 г. / Президент России // <http://kremlin.ru/events/president/news/69781>.
12. Путин В.В. Поздравление Патриарха Московского и всея Руси Кирилла на Торжественном собрании по случаю 10-летия Поместного собора РПЦ и патриаршей интронизации 31 января 2019 г. / Президент России // <http://www.kremlin.ru/events/president/news/59757>.
13. Росляков Е.С. «Митрополит Антоний (Храповицкий) как глава Русской Зарубежной Церкви в характеристике Н.А. Бердяева» // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2020. Т. 7. № 1 (25).
14. Соловьев В.С. О духовной власти в России. Собр. Соч., в 10 томах. СПб., 1914. Т. 3.
15. Соловьев В.С. Духовные основы жизни. Собр. Соч., в 10 томах. СПб., 1914. Т. 3.
16. Соловьев В.С. История и будущность теократии (исследование всемирно-исторического пути к истинной жизни). Собр. Соч., в 10 томах. СПб., 1914. Т. 4.
17. Тихомиров Л.А. «Монархическая государственность». ГУП «Облиздат», ТОО «Алир». Москва, 1998.
18. Шумилов А.В., Москалев А.Е. и Сквиков А.К. Взаимодействия государства и Русской православной церкви на современном этапе // PolitBook. 2018. № 2.

19. *Цыпин В.* «Каноническое право». М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2009.
20. *Юрченко Н.И.* «Влияние реформации на формирование демократических институтов Европы» // Универсум, Общественные науки. 2017. № 5 (35).

P.P. ANOSHKIN

*Senior Lecturer of the Philosophy Department
Pirogov Russian National Research Medical University,
Moscow, Russia*

THE STATE AND CHRISTIANITY IN THE POLITICAL PHILOSOPHY OF N.A. BERDYAEV

This article presents the views of a famous Russian philosopher N.A. Berdyaev on the relationship between Christianity and European statehood.

The goal of the article is to systematize and reconstruct philosopher's views on a topic of relationship between the state and Christian religion and to show its relevance and validity for contemporary political science and philosophy. Thereby the author shows the role and place of Christianity in the life of European states, its meaning and purpose, Christian church relations with the socio-political system of the state, Christianity is viewed as a spiritual basis for implementation of state interests and goals.

When writing the article works of N.A. Berdyaev, along with works of Russian Orthodox Church and Catholic Church scholars, and works of foreign and domestic philosophical and political thought representatives which shown the role of Christianity in the development of European states were studied by the author. The analysis of various approaches to understanding the problem was carried out.

Philosophical, historical and logical methodology, hermeneutic, normative-values, sociological, anthropological and others methods have been applied in the course of working on the article.

In the present article, the author has shown that N.A. Berdyaev's approaches to understanding the relationship between the state and Christian religion allow us to understand a true nature of this political phenomenon.

The work done by the author to systematize and reconstruct N.A. Berdyaev's approaches to understanding the problem allows us to use its results in further research into the role of Christianity in the development and functioning of the state.

Key words: *State, Christianity, Papocaesarism, Caesaropapism, Christianisation, morality and justice.*

Е.Н. ГУДИЛИНА

*аспирант кафедры теории и философии политики
факультета политологии Санкт-Петербургского
государственного университета,
Россия, г. Санкт-Петербург*

М.М. ПОРОШКОВ

*аспирант кафедры теории и философии политики
факультета политологии Санкт-Петербургского
государственного университета,
Россия, г. Санкт-Петербург*

К ПРОБЛЕМЕ СТРОЕНИЯ ИНТЕРПРЕТАЦИОННОЙ МАТРИЦЫ УТОПИИ

Актуальность исследования обусловлена постоянным обращением политико-правовой мысли к утопии как к образу социально желаемого и возможного будущего. Многочисленные примеры утопий и исследований самого феномена утопии стремятся преодолеть имеющиеся в культуре негативные коннотации (утопия как пустые мечты, как химера, как нежизнеспособные конструкции и т.п.), но вариативность и степень проявленности утопии обуславливает необходимость выявления ее структуры. Цель исследования – рассмотреть утопию в качестве интерпретационной матрицы, позволяющей осмыслять и преобразовывать действительность. Поставленная цель обуславливает следующие задачи: выявить ячейки матрицы утопии, проанализировать границы каждой ячейки и проиллюстрировать их содержание. Поиск структуры утопии осуществляется в рамках социального конструктивизма, который видит в утопии не столько набор абстрактных вневременных суждений о наилучшем социальном устройстве, сколько понимаемый в конкретности пространственных и временных координат образ объективно отличающегося и субъективно желаемого социального порядка. Результатом исследования стала матрица утопии, состоящая из следующих ячеек: воображение и воображаемое; ценностно-смысловая насыщенность; тематика утопии и ее идеологичность; коллективный субъект. Особое внимание было уделено тем социальным практикам, которые позволяют пересматривать и реорганизовывать социально-политическую действительность (например, анализируется распространение уже реализуемых социальных практик

меньшинства на большинство, а также реконфигурация, перекрестное присвоение и артикулирование). Полученная в результате исследования матрица утопии позволяет не только структурировать и критически анализировать уже существующие утопии, но и конструировать новые.

Ключевые слова: *утопия, интерпретационная матрица, воображение, идеология, идеологичность, коллективный субъект, социальные практики, реконфигурация.*

Введение. Актуальность темы исследования. Утопия сопровождает человечество на протяжении всей его истории. При обращении к утопии достаточно часто упоминается двойственность в ее этимологии (утопия – от др.-греч. οὐ «не» + τόπος «место»; по другой версии от др.-греч. εὖ «благо», то есть «благое место»): утопия может пониматься и как место, которого нет (Нигдея), и как благое место. Отметим интересное переплетение этих кажущихся на первый взгляд противоположных значений. Если их объединить (благое место, которого нет), то становится понятно, почему утопия так часто встречается в разные времена и на разных территориях: сам факт отсутствия делает утопию желанной, ведь человек всегда стремится к тому, чего у него нет.

Утопическое является универсалией социальных коммуникаций, несмотря на вариативность и степень проявленности утопического в зависимости от их конкретных измерений (политико-правовых, социально-экономических, темпоральных, территориальных и т.п.). Социально-философская традиция исследования феномена утопического имеет весьма длительную традицию, но многие вопросы аналитического плана остаются не до конца проясненными: возникают вопросы о границах утопического в современном обществе, об особенностях специфики связи между утопической и социально-политической действительностью; о структуре утопического и о его возможных социально-политических формах.

Степень разработанности темы. В философской и политико-правовой мысли проблема утопии является традиционной; накоплен значительный массив как отечественных, так и зарубежных исследований. Исследования утопии представлены многообразием теоретических и методологических подходов от формирования исторического (Л. Мамфорд [18]) и социологического (К. Мангейм [6]) подхода к утопии до складывания Utopian studies как отдельной исследовательской области в 1960-1970-х гг. [21]. Среди традиционных вопросов исследований утопии отметим следующие: противопоставление утопии и науке (Ф. Энгельс [11]); утопия как превращенная форма сознания, как ложное сознание (К. Маркс, Ф. Энгельс); идеология как поддержка и утопия как взрыв существующего порядка (К. Мангейм [6]); принцип надежды конкретной утопии (Э. Блох [12]); утопия как

феномен социального и культурного воображения (П. Рикер [19]); метаутопия как рамка для утопии (Р. Нозик [7]); утопическое измерение идеологий как основа жизнеспособности идеологий (Ч. Эль-Охейли [3]); инструментальный подход к утопии, утопия как умение желать и как инструмент воспитания желания (Ф. Джеймисон [15], Дж. Якоби [14], Р. Левитас [16; 17]).

Методология исследования. Социальный конструктивизм видит в утопии не набор абстрактных вневременных суждений о наилучшем социальном устройстве, а понимаемый в конкретности пространственных и временных координат образ объективно отличающегося и субъективно желаемого социального порядка [2]: «утопии каждой эпохи, даже если они устремлены в будущее или, напротив, ищут идеал в далеком прошлом, носят на себе отпечаток времени и места, в которых они возникли ... Тут нет ничего удивительного, ведь утопии – это ответы не только на вечные вопросы об экзистенции человека, но также на вопросы конкретных исторических обществ» [10. С. 46]. Утопия учитывает, что пространство «здесь и сейчас» уже освоено и занято разнообразными социальными практиками. Но сама способность сознания критически оценивать и мысленно реорганизовывать это пространство приводит утопию к конструированию качественного иного общества. При таком подходе утопия может быть понята как интерпретационная матрица, формирующаяся при попытках понять, осмыслить, преобразовать действительность.

Строение интерпретационной матрицы утопии. Критический анализ многочисленных исследований об утопии позволяет выделить следующие ячейки матрицы утопии:

- 1)воображение и воображаемое;
- 2)ценностно-смысловая насыщенность;
- 3)тематика утопии и ее идеологичность;
- 4)коллективный субъект;
- 5)пересборка социального, пересмотр и реорганизация социальных практик.

При более подробном рассмотрении ячеек матрицы утопии предлагается использовать как работы, уже ставшие традиционными при изучении утопической проблематики, так работы Р. Брегмана «Утопия для реалистов. Как построить идеальный мир» [3] и Ч. Спинозы, Ф. Флореса и Х.Л. Дрейфуса (далее – Спиноза и другие) «Открытие новых миров: предпринимательство, демократические действия и культивирование солидарности» («Disclosing New Worlds: Entrepreneurship, Democratic Action, and the Cultivation of Solidarity») [22], т.к. они не только разрабатывают феномен утопии, но и предлагают свои варианты утопии и видения будущего. Современное понимание утопии значимо для настоящего исследования, т.к. уже отмечалось, что утопия – это не вневременной набор характеристик, но и конкретные размышления об образах будущего. Именно поэтому важно,

как видятся границы утопии с позиций современного человека, а Брегман, Спиноза и другие пытаются наметить круг вопросов, которые в современном обществе маркируются как утопические: «любая утопия больше рассказывает о времени, когда она была написана, чем о предстоящей реальности» [3. Р. 18].

Рассмотрим ячейки матрицы утопии подробнее.

1. Воображение и воображаемое. В исследованиях утопии воображение рассматривается как необходимый фундамент, как исходная точка для создания образов предвосхищаемого, возможного и желаемого социального порядка: П. Рикер исследует утопию в рамках социального и культурного воображения [19. Р. 1]; Фр. Джеймисон считает, что создание утопий развивается и дисциплинирует воображение [15]; Р. Левитас подчеркивает, что утопия, опираясь на воображение, создает жизненно необходимые альтернативы социально-политического порядка [17. Р. 153-154]. Утопия максимально использует способность только человека как биологического вида не ограничиваться удовлетворением своих инстинктов и потребностей и конструировать в своем сознании образы, модели, планы до начала деятельности. Воображение позволяет конструировать многочисленные утопические вариации, используя нормативность как тему, что позволяет рассматривать утопию как проявление диалогического воображения.

Брегман подчеркивает, что утопия является ярким примером мысленного эксперимента, в рамках которого параметры материальной и социальной реальности значительно изменяются посредством целенаправленного использования воображения. Несмотря на критику утопии за ее иллюзорность и нереальность, именно утопия не только критически осмысляет текущее состояние общества, но и предлагает альтернативные направления развития: «Нам следует устремить наши мысли в будущее ... Подумать об альтернативах и сформировать новые сообщества. Подняться над веяниями времени и осознать объединяющий нас идеализм» [3. Р. 27-28].

Брегман опирается на многочисленные факты, статистические и исторические данные и использует их как основу для размышлений о том, каким общество может стать. Итог его критического анализа – конструирование и описание общества, в котором есть универсальный и безусловный основной доход, выплачиваемый всем; короткая рабочая неделя пятнадцать часов; открытые границы по всему миру со свободным перемещением граждан между государствами [3. Р. 276]. Автор отмечает, что воображение необходимо: не имея в сознании образа будущего, человек и общество не способны будут его реализовать, т.к. идея предшествует ее явленности и воплощению. Именно поэтому внедрение и актуализация идей – это та деятельность, без которой никакие изменения невозможны.

К аналогичным выводам о роли воображения в конструировании реальности приходят Спиноза и другие, когда предлагают концепцию «открытия

новых миров». Авторы не только проводят исследование таких социальных практик, как предпринимательство, политические действия и практики, конструирующие солидарность, но и связывают способы реализации этих практик (реконфигурация, перекрестное заимствование и артикуляцию) с изменением и качественным улучшением текущей социальной реальности [3. Р. 3-4].

2. Ценностно-смысловая насыщенность утопии. Утопия содержит конкретный идейный каркас и конструирует на его основе ценностно-насыщенный социальный порядок, становится «экспериментальным полем, позволяющим рассмотреть, сравнить и использовать иной набор ценностей» [1. С. 51]. Утопия – максимально динамичные коллективные размышления и мечтания о социальном порядке, качественно превосходящем текущий уровень развития общества. Способность конструировать такой желаемый, ценностно превосходящий современный социальный порядок – показатель развития общества, т.к. такая способность поддерживает деятельную натуру человека, движение и изменения для которого – жизненно необходимый фактор: «Человеку для счастья нужны не только наслаждения, но и надежда, и занятие, и перемены» [20. Р. 14].

Брегман подчеркивает, что цель утопии – очертить пространство, которое отличается от современной утопии социального порядка с точки зрения ценностно-смыслового наполнения. Автор утверждает, что «утопия и есть антиутопия» [3. Р. 21] в том смысле, что достигнутое должно становиться отправной точкой для новой утопии. Если же достигнутое становится тем, что нельзя изменять, а необходимо только поддерживать и воспроизводить, обществу и человеку остается только стагнировать. Например, анализируя современность, Брегман отмечает, что ситуация, в которой публичная сфера упростилась до аполитичной технократии, – это кризис. И этот кризис не в том, «что нам плохо или что нам станет хуже в дальнейшем. Нет. Настоящий кризис в том, что мы не можем придумать ничего лучшего» [3. Р. 18].

Озабоченность исключительно тем, как поддерживать данности и статус-кво (например, как сдерживать инфляцию, повышать покупательную способность, не допустить снижения темпов экономического роста и т.п. вопросы) настолько сужают горизонт планирования и обедняют картины видения будущего, что коллективное сознание начинает «верить в то, что верить больше не во что». Брегман отмечает, что «наши идеалы подозрительно близки ценностям, продвигаемым именно теми компаниями, которые могут оплатить рекламу в прайм-тайм» [3. Р. 26] и что «лучшие умы моего поколения думают над тем, как добиться, чтобы люди кликали по рекламе» [3. Р. 27].

3. Тематика утопии и ее идеологичность. Тема любой утопии – это такой социальный порядок, который объективно отличается от современного конкретной утопии социального порядка, а субъективно, по мнению автора

утопии, качественно его превосходит. Критический анализ корпуса утопий от Древнего мира до Современности позволяет заключить, что маркер «утопия», применяемый для оценки содержания, в высшей степени относителен и то, что рассматривается как утопическая идея в один исторический период, в другой – привычная социальная практика [4; 9; 23]. Особенность утопии заключается в том, что утопия представляет собой инструмент, направленность мышления, а не конкретную идею или ансамбль идей.

Можно говорить о преобладании социалистических утопий, в рамках которых социальный идеал преломляется через идеологию социализма. Но преобладание социалистических утопий не должно приводить к смещению содержания (социализм и его идеи) и формы его изложения (утопия) и, тем более, к подмене одного другим.

Утопия предоставляет собой определенную рамку, в которую могут быть помещены любые по идеологическому спектру идеи. Этот тезис подтверждается имеющимся в политико-правовой мысли корпусом утопий, который представлен как социалистическими, так и либеральными, консервативными, анархистскими и т.п. утопиями [4; 9; 23]. Кроме того, любая утопия идеологична и выражает собой ту или иную идеологию, иллюстрирует ее. Но, в то же время, утопическое измерение не является обязательным для идеологии, несмотря на то, что любая идеология так или иначе, но предлагает образ будущего, в котором эта идеология выражена наиболее полно и интенсивно [13. Р. 75].

Утопия – это «иллюстрированная идеология» [5. С. 78]: идеология, как если бы она победила в идейной и смысловой борьбе и получила бы необходимое время и пространство для своей последовательной, длительной реализации. Утопия позволяет увидеть идеологию во всей ее полноте, т.к. доводит идеи, убеждения и ценности конкретной идеологии до предела. Если же идеологию рассматривать как социальный феномен, явление которого не ограничивается политикой, то содержание любой идеологии может быть представлено в форме утопии, то есть, в форме, в которой ценностное содержание доводится до доступного в состоянии здесь и сейчас предела (например, сциентизм Бэкона в «Новой Атлантиде»).

Сфокусированность утопии на конкретной идеологии приводит к возникновению следующих проблем:

– утопия упрощает действительность, фильтруя и «мир идей», и «мир вещей» по критериям, которые находит в той или иной идеологии: все, что препятствует, противоречит и не соответствует конкретной идеологии, не учитывается и игнорируется;

– утопия ограничивает познание, т.к. стремится не столько к приобретению знаний о явлениях и закономерностях объективного мира, сколько к их вычленению и рассмотрению как бы сквозь увеличительное стекло. Но такое детальное рассмотрение не находит продолжения в последующем

синтезе вычлененного элемента, а завершается его гиперболизацией и автономизацией относительно других элементов;

– редукция, свойственная утопии, приводит к конструированию нежизнеспособных моделей социального идеала, которые, несмотря на стремление к всеохватности, учитывают скорее сферы общества, а не многообразные и разноуровневые связи и социальные практики между ними.

4. Коллективный субъект. Мышление с позиций коллективного субъекта, смещающего акцент с индивида на общество, позволяет утопии преодолевать границы, цели и потребности единичного человеческого существования и предлагать такую точку обзора и исследования социальной реальности, которая конструирует социальный порядок от целого (общества и социальных практик) к единичному (человеку). Социальный порядок, который предлагает утопия и который превосходит или, как минимум, отличается от текущего уровня развития общества, конструируется с позиций коллективного субъекта. Утопия мыслит масштабами социальной группы, общества, человечества, а не масштабами человека как элемента системы.

Социальный конструктивизм утопии исходит из установки, что идеи, которые формируются и реализуются в социальной реальности, должны либо зародиться в сознании, либо быть привнесенными в него извне при контакте с сознанием Другого. Утопия предлагает помыслить немислимое до сих пор, понимая немислимое лишь как-то, что было слепым пятном, а теперь попадает под луч прожектора-сознания, а не как что-то, что нельзя помыслить вообще: «те идеи, что сегодня кажутся политически невозможными, могут однажды стать политически неизбежными» [3. Р. 273].

Индивидуальный главный герой в утопии не только не важен, его скорее в ней нет, т.к. утопия – это нарратив, в котором главным действующим лицом выступает не индивидуальный, а коллективный герой. В утопии само движение мысли течет от улучшенного общества к улучшенному человеку, а не от человека – к обществу. Человек как таковой становится не важен в утопии, в которой основное внимание уделено обществу. Утопия не антропоцентрична, а социоцентрична.

Игнорирование человека в его конкретности несет в себе возможность трансформации утопии в антигуманную модель социального устройства (например, формирование закрытых обществ [8]), но, в то же время, правильная организация этого общества снимает, с точки зрения утопии, проблемы каждого отдельного человека. Именно поэтому конкретному человеку и не уделяется внимание в утопии: социальная среда важнее человека в том смысле, что идеи, смыслы, ценности конструируются и распространяются только в рамках межиндивидуального взаимодействия. Правильно организованная социальная среда создаст необходимое для развития и проявления человека пространство.

Человечествовразмерность, а не человекоразмерность утопии влияет и на разграничение протагониста и антагониста. Агональная концепция нарратива получает своеобразное преломление в утопии: протагонист – это новое общество; антагонист – это старое общество, противодействующее протагонисту на пути достижения его целей самим фактом своего существования. Особенность конфликта между протагонистом и антагонистом заключается в том, что в рамках конфликта не нужны действия: сам факт существования старого общества является препятствием на пути нового, т.к. доступное место занято старым обществом; существование старого занимает необходимо для нового пространство-топос. Новое общество поставлено в сложную ситуацию – в не-место, так как имеющееся место занято старым обществом.

5. Пересборка социального, пересмотр и реорганизация социальных практик. Многие исследователи подчеркивают, что в рамках утопии происходит критическое переосмысление достигнутого социального развития с последующей реорганизацией социального порядка и социальных практик. Ограниченность материальной явленности социальных практик, которые утопия оценивает, как необходимые, значимые, позитивные и т.п., связана с тем, что утопия в большей степени сосредоточена на тех социальных практиках, которые хоть и реализуются в действительности, но распространены среди меньшинства (например, социальные практики разнообразных интенциональных сообществ [21. Р. 27-28]). Также утопия может обращаться к архаичным социальным практикам и, в редких случаях, конструировать социальные практики, не имеющие опыта реализации (исключительно умозрительные социальные практики)

Основным способом, с помощью которого Брегман конструирует свою «утопию для реалистов», выступает распространение социальных практик меньшинства на большинство. Позитивно оцениваемые Брегманом социальные практики меньшинства (универсальный и безусловный основной доход, выплачиваемый всем; короткая рабочая неделя пятнадцать часов; открытые границы по всему миру со свободным перемещением граждан между государствами [3. Р. 276]) становятся привычным и обыденным социальным порядком в его утопии: «конец рабства, эмансипация женщин, становление государства всеобщего благоденствия – все прогрессивные идеи, что поначалу были безумными и иррациональными, в итоге стали общими принципами» [3. Р. 284].

Различающиеся социальные практики меньшинства и большинства являются следствием социального неравенства, что делает утопию пространством переосмысления проблем неравенства и поиска справедливого распределения прав, возможностей и обязанностей. Брегман предлагает помыслить утопию, которая не только исключает негативные для человека

и социальной группы социальные практики, но и делает позитивные практики доступными и/или обязательными для всех.

Брегман пересматривает распределение социальных практик среди социальных групп следующим образом:

– фиксирует те социальные практики меньшинства, которые оцениваются как позитивные;

– обосновывает, что необходимые условия (прежде всего — экономические) для распространения социальных практик меньшинства уже существуют;

– перестраивает и описывает социальный порядок, в котором позитивно оцениваемые социальные практики меньшинства распространяются на все общество и доступны большинству.

Особое внимание в своей работе Брегман уделяет доказательству тезиса о том, что суть утопии – это распространение на все общество тех социальных практик, которые уже, в момент написания утопии, доступны меньшинству. Прогрессивная социальная практика в исторической перспективе представляет собой ее экстраполяцию на все большее количество людей и социальных групп (например, право избирать и быть избранными, уравнивание в правах мужчин и женщин, право участвовать в управлении государством, доступ к интернету и т.п.). Цель утопии, исходя из этой особенности исторической эволюции социальных практик, предложить такой социальный порядок, в котором позитивно оцениваемые социальные практики стали более доступными и привычными.

При фактологической проверке данной гипотезы важно учитывать исторический контекст и не допускать сравнения тезисов конкретной утопии с социальными практиками современности, т.к. при асинхронном понимании утопии возможен вывод о том, что современность (в той или иной мере) уже стала воплощением утопии. Разрыв между тем социальным порядком, который описывается в утопии, и социальным порядком, существующим в момент создания этой же утопии, – это необходимый признак утопии в целом. Для утопии обязателен разрыв между существующим и предлагаемым социальным порядком.

Утопия как распространение социальных практик меньшинства на большинство вступает в противоречие с достаточно распространенным закреплением за утопией функции выхода за пределы текущего уровня социального порядка и поисков альтернативных вариантов развития. Утопия – это не выход за пределы, не нахождение чего-то нового, иного, неизведанного и непонятого. Утопия – это экстраполяция социальных практик на те социальные группы, которым по ряду причин эти социальные практики недоступны и/или незначимы; это фиксирование тех социальных практик, которые, с точки зрения автора утопии, способны сделать общество лучше, если все смогут получить к ним доступ. Следовательно, т.н. «утопичность»

утопии придает не ее содержание, т.к. составляющие ее содержание социальные практики находят свою реализацию, хоть и в достаточно ограниченном объеме, а распространение этого содержания на всех.

Концепция Спинозы и других об «открытии новых миров» основана на видении дисклозивного пространства как «любого организованного набора практик обращения с самим собой, с людьми и с вещами, который создает относительно автономную систему смыслов» [22. Р. 11]. Для описания дисклозивного пространства авторы обращаются к работе Хайдеггера «Бытие и время», в которой мир имеет три характеристики: инструменты, оборудование; задачи, цели; личность, идентичность. Взаимодействие трех этих характеристик и формирует миры «медицины, бизнеса, академических кругов, театра, политики и так далее. Мы будем называть эти более ограниченные миры локальными мирами, а все миры дисклозивными пространствами» [22. Р. 11].

Для понимания того, как происходит раскрытие новых миров, авторы выявляют два аспекта дисклозивного пространства: его организацию и координацию. Основное различие между ними заключается в том, что организация – это конструирование пространства «с нуля», выстраивание его фундамента и закрепление привычных социальных практик; а координация – это все практики в рамках уже организованного пространства, приспособление к нему.

Спиноза и другие подчеркивают, что их концепция «открытия новых миров» основана на видении человека как, в первую очередь, человека умелого (*skillful being*). Авторы делают акцент на деятельностной составляющей природы человека, а не на его способности мыслить или желать. При этом авторы не отрицают роль разума или желаний в жизни и развитии человека и человечества, но утверждают, что люди только тогда «проявляют себя наилучшим образом, когда они вовлечены в производство крупномасштабных культурных или исторических изменений» [22. Р. 4].

Ставя деятельностное начало и соответствующие ему социальные практики в основу своих размышлений, авторы выделяют 3 сферы деятельности (предпринимательство, политические действия и практики, создающие солидарность) и соотносят их со способами открытия новых миров (реконфигурация, перекрестное присвоение, артикуляция), способными в наибольшей степени раскрыть потенциал каждой из сфер:

– основной способ открытия новых миров в предпринимательстве – это реконфигурация, которая делает маргинальную практику центральной [22. Р. 9];

– политические действия и «поэтическое говорение» наиболее полно проявляется через перекрестное присвоение, при котором одна область практик перенимает полезные практики из другой области [22. Р. 21];

– солидарность обеспечивается артикуляцией, при которой рассеянные или запутанные практики становятся более четкими [22. Р. 39].

Заключение. Утопия – интерпретационная матрица понимания, осмысления и конструирования реальности в конкретности ее пространственно-временных координат, состоящая из следующих ячеек: воображение и воображаемое; ценностно-смысловая насыщенность; тематика утопии и ее идеологичность; коллективный субъект; пересборка социального, пересмотр и реорганизация социальных практик.

Воображение – исходная точка любых размышлений, нацеленных не только на критическое осмысление текущего состояния общества, но и на разработку целей и образов будущего. Утопия использует воображение и с помощью него конструирует образ возможного и желаемого социального порядка.

Утопия конструирует ценностно-насыщенный социальный порядок, что объясняется необходимостью предложить социальный порядок, который объективно отличается от современного конкретной утопии социального порядка, а субъективно, по мнению автора утопии, качественно его превосходит.

Утопия – это своеобразный стиль мышления, «просеивающий» многообразие причин, под которыми понимается уровень экономического, социального, политического и культурного развития общества, через определенную идеологию: то, что способствует реализации ее идей и ценностей, фиксируется; то, что препятствует – не учитывается, нивелируется. Такая выхолощенная, умозрительная версия реальности становится пространством для выстраивания нового социального порядка – утопии, в рамках которой идеология реализуется настолько полно, насколько это возможно. При этом утопия уникальна как метод, как инструмент, как жанр, но содержание утопии изменчиво и напрямую зависит от идеологической основы.

Потенциал утопии заключается в поисках именно коллективного образа будущего. Предрасположенность современного человека к индивидуализму и материализму стала распространенной темой многочисленных исследований. Утопия стремится перенести акценты с индивидуального существования на существование коллективное, объединенное общими целями, интересами и идеалами.

В рамках утопии происходит критическое переосмысление достигнутого социального развития с последующей реорганизацией социального порядка и социальных практик. Вариантом реорганизации социального порядка может стать как распространение уже реализуемых социальных практик меньшинства на большинство, так и использование таких практик, как реконфигурация, перекрестное присвоение политических действия и артикулирование.

Ценность матрицы утопии заключается в следующем:

- обновление политического дискурса;
- легитимация конструкций, предлагаемых конкретной утопией; их встраивание в политический дискурс;
- рефлексия как текущего социального порядка, так и будущего; актуализация политики памяти, обращение к прошлому как к хранилищу опыта;
- полемичность, вовлечение политических акторов в обсуждение выдвигаемых тезисов.

Можно предположить, что утопическое является значимым компонентом любых социальных коммуникаций как их проективное измерение, находящее свое специфическое выражение в политико-правовой мысли и в политико-правовой практике.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Аинса Ф.* Реконструкция утопии. Эссе. М.: ИМЛИ им. А.М. Горького РАН, «Наследие», 1999.
2. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / пер. Е.Д. Руткевич. М.: Медиум, 1995.
3. *Брегман Р.* Утопия для реалистов. Как построить идеальный мир. М.: Альпина Паблишер, 2020.
4. *Егоров Б.Ф.* Российские утопии. Исторический путеводитель. СПб.: Искусство-СПБ, 2007.
5. *Летягин Л.И.* Философия идеологии: монография. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2014.
6. *Мангейм К.* Идеология и утопия // Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994.
7. *Нозик Р.* Анархия, государство и утопия. М.: ИРИСЭН, 2008.
8. *Поппер К.* Открытое общество и его враги. В 2 т. / пер. с англ. под общ. ред. В.Н. Садовского. М.: Культурная инициатива; Феникс, 1992.
9. *Свентоховский А.* История утопий. От Античности до конца XIX века. М.: Либроком, 2012.
10. *Шацкий Е.* Утопия и традиция. М.: Прогресс, 1990.
11. *Энгельс Ф.* Развитие социализма от утопии к науке. М.: Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», 1937.
12. *Bloch E.* The principle of hope. Cambridge: MIT Press, 1986. V. 1.
13. *El-Ojeili C.* The Utopian Constellation: Future-Oriented Social and Political Thought Today. Palgrave Pivot, 2020.
14. *Jacoby R.* The End of Utopia: Politics and Culture in an Age of Apathy. New York: Basic Books, 1999.
15. *Jameson F.* Archaeologies of the Future: The Desire Called Utopia and Other Science Fiction. New York: Verso, 2005.
16. *Levitas R.* The Concept of Utopia. Oxford: Peter Lang, 2010.

17. *Levitas R.* Utopia as method: The imaginary reconstitution of society. London: Palgrave, 2013.
18. *Mumford L.* «The Story of Utopias». New York, Boni and Liveright, 1922.
19. *Ricoeur P.* Lectures on Ideology and Utopia / Ed. *George H.* Taylor. New York: Columbia University Press, 1986.
20. *Russell B.* Philosophy and Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 1947.
21. *Sargent L.T.* Utopianism: A Very Short Introduction. Oxford: Oxford University Press, 2010.
22. *Spinosa C., Flores F., Dreyfus H.L.* Disclosing New Worlds: Entrepreneurship, Democratic Action, and the Cultivation of Solidarity // *Inquiry*. 1995. Vol. 38. DOI 10.1080/00201749508602373.
23. The utopia reader / Ed. by G. Claeys and Lyman Tower Sargent. New York and London: New York University Press, 1999.

E.N. GUDILINA

*Postgraduate student of the Department
of Theory and Philosophy of Politics, Faculty of Political Science,
St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia*

M.M. POROSHKOV

*Postgraduate student of the Department
of Theory and Philosophy of Politics, Faculty of Political Science,
St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia*

ON THE PROBLEM OF THE STRUCTURE OF THE INTERPRETATIVE MATRIX OF UTOPIA

The relevance of the research is due to the constant appeal of political and legal thought to utopia as an image of a socially desirable and possible future. Numerous examples of utopias and studies of the phenomenon of utopia itself seek to overcome the negative connotations existing in culture (utopia as empty dreams, as a chimera, as non-viable constructions, etc.), but the variability and degree of manifestation of utopia necessitates the identification of its structure. The purpose of the study is to consider utopia as an interpretive matrix that allows us to comprehend and transform reality. The goal determines the following tasks: to identify the cells of the utopia matrix, analyze the boundaries of each cell and illustrate their content. The search for the structure of utopia is carried out within the framework of social constructivism, which sees in utopia not so much a set of abstract timeless judgments about the best social structure, but rather an image of an objectively different and subjectively desired social order understood in the concreteness of spatial and temporal coordinates. The result of the study was a utopia matrix consisting of the following cells: imagination and the imaginary; value-semantic saturation; the theme of utopia and its ideology; collective subject. Special attention was paid to those social practices that make it possible to revise and reorganize socio-political reality (for example, the spread of already implemented social practices of the minority to the majority, as well as reconfiguration, cross-appropriation and articulation are analyzed). The utopia matrix obtained as a result of the study makes it possible not only to structure and critically analyze existing utopias, but also to design new ones.

Key words: *utopia, interpretive matrix, imagination, ideology, ideologicity, collective subject, social practices, reconfiguration.*

Т.А. САЗОНОВА

*аспирант кафедры Истории социально-политических
учений факультета политологии Московского государственного
университета имени М.В. Ломоносова,
Россия, г. Москва*

«ОТРИЦАТЕЛЬНАЯ ВЛАСТЬ» (О КНИГЕ «ПЛЕБЕЙСКИЙ ТРИБУНАТ В ДРЕВНЕМ РИМЕ: НЕМЕЦКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ XIX ВЕКА»)

В статье представлена рецензия на книгу, посвященную проблеме древнеримского трибуната в контексте немецкой историографии. Освещены содержание книги, основные достоинства издания, его научная ценность. В ходе работы были применены методы сравнения, обобщения, интерпретации результатов и политико-текстологический анализ. Обоснован вывод о том, что издание, подготовленное коллективом авторов Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина, вносит вклад в изучение как древней истории, так и политической мысли Европы XIX века, затрагивая ряд актуальных проблем – от механизмов защиты прав граждан до роли и места народа в государственном управлении.

Ключевые слова: *плебейский трибунал, народный трибунал, Volkstribunat, институт права, «отрицательная власть», Древний Рим, историография, Нибур, Германия.*

В 2022 году ученые Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина подготовили сборник, посвященный проблеме плебейского трибуната в Древнем Риме и истории развития данного вопроса в немецкой историографии XIX века [17]. Это издание стало своеобразным продолжением и дополнением монографии А.А. Павлова «Плебейский трибунал Римской республики», изданной дважды за два года [12; 13] и подводящей некоторые итоги многолетних изысканий автора [14].

Как монография, так и сборник, помимо погружения в научные реалии Нового времени, поднимают один из важнейших политических вопросов – о механизмах защиты прав граждан, его истоках и генезисе, а шире – о роли и месте народа в государственном управлении.

Римский институт плебейских трибунов был призван защищать римских граждан от произвола патрициев. Именно этот институт считается прообразом современных омбудсменов, «защитников народа».

Одна из идей, характерных для XVIII века – представление о трибунате как об «органе легальной оппозиции». «Политическая философия этого времени, – пишет А.А. Павлов, – выработала категорию «отрицательная власть», отсутствовавшую в античной традиции, с которой связала трибунал, рассматривая его как должность, стоящую на страже интересов народа против произвола управляющих» [11. С. 5]. Разработанная Ж.-Ж. Руссо и подхваченная И.Г. Фихте и другими мыслителями, концепция «отрицательной» («препятствующей» или «абсолютно негативной») власти, призванной обеспечить стабилизацию государственной системы, стала неотъемлемой частью дискурса о природе плебейского трибуната в XIX веке [18. С. 253-254, 305-307].

Главным достоинством книги являются статьи немецких ученых и мыслителей, посвященные институту трибуната, впервые переведенные на русский язык и дающие представление о политической мысли Германии и в целом Европы XIX века. Как отмечается в книге, «авторы в своих систематизациях исходили из публично-правовых воззрений своего времени, перенося представления о современном им государстве на римские реалии раннереспубликанской эпохи» [11. С. 7]. А когда в Европе обрело популярность учение о национальном, или народном духе (*Volksgeist*), в отношении трибуната в немецкой историографии возобладал термин *Volkstribunat*, вследствие чего плебейский трибунал начал именоваться «народным» (в дальнейшем это проявилось и в отечественной историографии) [19].

В этом смысле примечательны работы Б.Г. Нибура [4]. Говоря о трибунате, прусский историк не только проводит общие параллели (с историей законодательных инициатив Англии, Франции) [8. С. 26, 37; 7. С. 45], но стремится утвердить взаимосвязь между историей Древнего Рима и немецких средневековых городов: «<...> в 310 году трибуны уже присутствовали в сенате; они не имели в нем право голоса, но сидели на скамейках у входа, где слушали обсуждение дела и могли высказываться по поводу сенатского решения. <...> Так было в немецких городах тринадцатого-четырнадцатого веков: когда еще в городах правили аристократы, прежде чем цехи попали в совет, цеховые мастера имели право появляться в нем, имели свою скамью в нем, как *subsella tribunorum* у римлян, они могли вставать у входа и делать заявления, если считали, что права их корпорации нарушаются. Так было во Франкфурте-на-Майне» [7. С. 46]. «<...> Если виатору, – замечает Нибур, – оказывалось сопротивление, то трибун сам тому, кого хотел арестовать, обвязывал тогу вокруг шеи (*obtorto collo in jus rapere*). Именно так в немецких городах средневековья самый младший член совета осуществлял смертный приговор» [7. С. 51].

Подобные аналогии обнаруживают попытки нащупать в богатом прошлом Древнего Рима корни и величие немецкой нации [20] (что отчасти объясняет многократное использование Нибуром данного понятия в отношении римлян – в частности его определение трибуната как магистратуры «нации» [8. С. 14, 21, 22, 28, 34, 36, 37; 7. С. 47]). Доказательную базу Нибур дополняет примерами из языка: «<...> в старых переводах шестнадцатого века <...> термин *tribunus plebis* всегда переводится как «цеховой мастер» (*Zunftmeister*), которому совершенно правильно противопоставляется перевод слова *consul* как «бургомистр» (*Bürgermeister*); это свидетельствует о попытке увязать древние отношения с новыми утвердившимися отношениями, имевшими тогда место в городах империи (Франкфурт, Цюрих, Кельн <...>» [7. С. 38-39].

Работы Нибура не единственный источник увлекательного чтения в обозреваемом издании. В «Римской истории» А. Шwegлера, ушедшего в тень после выхода труда Т. Моммзена, читатель встретит более сжатое изложение предмета, оснащенное не только солидным числом сносок, но и эмоционально окрашенным языком («не следует оставлять без внимания наряду с этими темными сторонами также и светлую сторону этого странного института», «кипящая страсть подавленного населения», «быть глазом законной оппозиции» и т.п.) [23]. В работах В. Ине – терминологию раннего марксизма и рассуждения о вероятности наличия в древнем Риме класса капиталистов [1; 2], у О. Карловы – изобилие латинских терминов [3]. Блестящий пример использования критического метода представляет работа Й. Шмидта: полемизируя с другим германским историком Б. Низе в вопросе избрания трибунов, Шмидт прибегнул к критическому анализу, некогда введенному в арсенал научного инструментария Нибуром [24].

Анализ основных положений, черт сходства и противоречий в концепциях Б.Г. Нибура, Т. Моммзена [6], Л. Ланге [5] и Э. Херцога [21; 22] представлен во вступительной статье, написанной А.А. Павловым. В приложения к изданию вошли его же статьи, посвященные Л. Ланге, Э. Херцогу и Э. Мейеру [10; 16; 15], а также перевод работы английского ученого Ф.У. Ньюмена (в качестве примера специальной работы о трибунате, редкой для английской историографии XIX века) и текст автореферата диссертации Й.С. Вольфрама на латинском языке (как пример библиографической редкости) [9; 25]. Помимо этого, в отношении каждого из представленных авторов дается подробная биографическая справка.

«Плебейский трибунат в Древнем Риме» – труд, достойный внимания, всех интересующихся вопросами истории и историографии, а также непреходящими, вечно актуальными проблемами политологии и государственного управления.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Ине В.* О создании и древнейших полномочиях римского народного трибуната // Плебейский трибунат в Древнем Риме: немецкая историография XIX века. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2022.
2. *Ине В.* Римская история: народный трибунат и эдилитет // Плебейский трибунат в Древнем Риме: немецкая историография XIX века. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2022.
3. *Карлова О.* История римского права: tribuni plebis // Плебейский трибунат в Древнем Риме: немецкая историография XIX века. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2022.
4. *Классен Й.* Бартольд Нибур, его жизнь и деятельность / пер. с нем. Л.О. Вейнберга. М.: Высочайше утвержденное Т-во Скоропечатни А.А. Левенсон, 1894.
5. *Ланге Л.* Римские древности: трибунат // Плебейский трибунат в Древнем Риме: немецкая историография XIX века. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2022.
6. *Моммзен Т.* Народный трибунат // Плебейский трибунат в Древнем Риме: немецкая историография XIX века. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2022.
7. *Нибур Б.Г.* Лекции о римских древностях. Плебейские магистраты: народные трибуны // Плебейский трибунат в Древнем Риме: немецкая историография XIX века. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2022.
8. *Нибур Б.Г.* Сецессия плебса и народный трибунат // Плебейский трибунат в Древнем Риме: немецкая историография XIX века. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2022.
9. *Ньюмен Ф.У.* О развитии трибунской власти до децемвирата // Плебейский трибунат в Древнем Риме: немецкая историография XIX века. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2022.
10. *Павлов А.А.* Людвиг Ланге: жизнь и деятельность // Плебейский трибунат в Древнем Риме: немецкая историография XIX века. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2022.
11. *Павлов А.А.* Плебейский трибунат в немецкой историографии XIX века. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2022.
12. *Павлов А.А.* Плебейский трибунат Римской Республики в античных политических теориях, сочинениях антикваров и юристов. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2021.
13. *Павлов А.А.* Плебейский трибунат Римской Республики в античных политических теориях, сочинениях антикваров и юристов. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2022.
14. *Павлов А.А.* Плебейский трибунат римской республики в античных политических теориях, сочинениях антикваров и юристов. Специальность

07.00.03 – Всеобщая история (Древний мир). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Москва, 2014.

15. Павлов А.А. Эдуард Мейер и его концепция происхождения плебейского трибуната // Плебейский трибунал в Древнем Риме: немецкая историография XIX века. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2022.

16. Павлов А.А. Эрнст Херцог и его концепция плебейского трибуната // Плебейский трибунал в Древнем Риме: немецкая историография XIX века. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2022.

17. Плебейский трибунал в Древнем Риме: немецкая историография XIX века / под ред. А.А. Павлова; перевод с немецкого А.А. Павлова, Н.А. Вуттке, С.Е. Обшанской, Т.Е. Бондаревой. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2022.

18. Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. Трактаты / пер. с фр. А.Д. Хаютина. М.: «КАНОН-пресс», «Кучково поле», 1998.

19. Сазонова Т.А. Проблема народного духа в итальянских путевых заметках Ф. Либера (1820-е гг.) // SCHOLA-2021: сб. науч. статей / под ред. А.Ю. Шутова, А.А. Ширинянца. М.: Изд-во Московского университета, 2021.

20. Сазонова Т.А. «Прусский Тацит» Бартольд Нибур: историческая политика Германии и Италии в начале XIX в. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2023. № 1.

21. Херцог Э. История и система римского государственного устройства: народный трибунал // Плебейский трибунал в Древнем Риме: немецкая историография XIX века. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2022.

22. Херцог Э. История и система римского государственного устройства: от введения консулата до первой сессии // Плебейский трибунал в Древнем Риме: немецкая историография XIX века. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2022.

23. Швеглер А. Трибунал // Плебейский трибунал в Древнем Риме: немецкая историография XIX века. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2022.

24. Шмидт Й. Учреждение должности римских народных трибунов // Плебейский трибунал в Древнем Риме: немецкая историография XIX века. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2022.

25. Wolfram J.S. De tribunis plebis usque ad decemviralem potestatem // Плебейский трибунал в Древнем Риме: немецкая историография XIX века. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2022.

T.A. SAZONOVA

*Postgraduate student, Department of the History
of Socio-Political Doctrines, Faculty of Political Science,
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia*

THE «NEGATIVE POWER» (ON A BOOK «TRIBUNE OF THE PLEBS IN ANCIENT ROME: GERMAN HISTORIOGRAPHY OF THE 19TH CENTURY»)

This article contains a critical review of the book on tribune of the plebs in Ancient Rome in the context of German historiography. It shows the book content, its main advantages and scientific value. The article was traced with the help of modern methods such as comparison, synthesis, interpretation of results, political and textual analysis. The book by scientists from Pitirim Sorokin Syktyvkar State University contributes to the study of both ancient history and political thought of Europe in the 19th century. It also concerns the current issues of mechanisms for protecting of citizen's rights and the role and place of the people in public administration.

Key words: *tribune of the plebs, tribune of the people, institute of law, Volkstribunal, «negative power», Ancient Rome, historiography, Niebuhr, Germany.*

Н.Н. САМСОНОВА

*аспирант кафедры истории и теории политики
факультета политологии Московского государственного
университета им. М.В. Ломоносова,
Россия, г. Москва*

ТРАНСГЕНЕРАЦИОННЫЙ ПОДХОД В ИЗУЧЕНИИ МЕХАНИЗМОВ ПЕРЕДАЧИ КОЛЛЕКТИВНОЙ ТРАВМЫ

В статье рассматривается феномен трансгенерационной передачи травмы. Дается аналитический обзор научных исследований, посвященных данному феномену. Обосновывается эвристическая ценность экспансии трансгенерационного подхода к изучению травм в плоскость исследования механизмов возникновения и распространения коллективной травмы как социального феномена. Анализируются защитные социальные механизмы, блокирующие аналитические импульсы, как фактор транзитивности травматического опыта между поколениями. Делается вывод, что в случае с транспоколенческими коллективными травмами артикуляция травматического начала осложняется трансформацией рамок памяти. Поскольку историческая травма является результатом разрыва в коммуникации, как между отдельными социальными группами, так и между поколениями, обращение к трансгенерационной природе травмы позволяет снизить риски инструментализации травматического переживания и обеспечить восстановление саморегулирующихся механизмов коллективного сознания.

Ключевые слова: *коллективная историческая травма, коллективная память, психоанализ, трансгенерационная передача травмы, trauma studies.*

В рамках фрейдистского психоанализа травма рассматривается как нарушение мнемонического механизма, проявляющееся в неспособности разграничить актуальное и прошлое состояние индивида, влекущей за собой, в том числе, и социальную дезадаптацию субъекта. Начало рецепции психоанализа в исследования общества, истории и культуры положили труды неофрейдистов, обращенные к изучению исторической природы психических свойств и функций человека. Так, К. Хорни в своих трудах

обращалась к проблеме раскрытия культурно-исторической основы «неврозов времени», полагая, что они сопряжены с глобальными процессами становления европейских и американских сообществ [15].

Внутри психоаналитической традиции можно проследить эволюцию понимания категории травмы как социального явления от ее осмысления как сбой репрезентации, вызванного кризисом свидетельствования (Ш. Фелман, Д. Лауб [19]) к функциональному пониманию травмы как субъективной и коллективной стратегии выживания, активизируемой посредством механизма косвенной референции (К. Карут [18]) и идеи косвенной репрезентации травмы в концепциях представителей интеллектуальной истории (Д. ЛаКапра [24], Ф.Р. Анкерсмит [1]).

Одним из подходов, используемых в изучении травм в рамках современного психоанализа, выступает т.н. трансгенерационный подход. Под трансгенерационной передачей понимается негенетическая форма наследования, которая представляет собой передачу накопленного опыта между поколениями благодаря идентификационным механизмам. Сторонники трансгенерационного подхода подчеркивают, что поведение человека обуславливается не только факторами современности, но и опосредуется психическим материалом, накопленным предшествующими поколениями [13]. О схожих механизмах опосредования поведения индивида писал еще Э. Фромм, включая в понятие характера некое устойчивое начало, выступающее продуктом адаптации отдельного сообщества к социальным условиям, результатом общего, зачастую травматического исторического пути [12]. Безусловно, предметом изучения трансгенерационного подхода как самостоятельного направления психоанализа преимущественно выступает, как справедливо отмечает, Н.В. Ханелия, «влияние семейной истории на личность» [13], однако, можно предположить эвристическую ценность его экспансии на общественную сферу, в плоскость изучения механизмов возникновения и распространения коллективной травмы, как явления интеграции трагических исторических событий, социальных катастроф (гражданский войн, политических репрессий, геноцида, дискриминации) не только в индивидуальный опыт людей, непосредственно соприкоснувшихся с ними, но и их потомков.

Необходимо отметить, что в рамках современного психоанализа этиология коллективной травмы как социального явления во многом рассматривается по аналогии с механизмами травмы индивидуальной. Как отмечает И.Ю. Романов, в размышлении над коллективным травматическим опытом (например, войны, репрессии) «провести границу между индивидуальным и социальным измерениями практически невозможно. <...>. Общей становятся как уязвимость, так и защиты от нее» [8. С. 78]. Сама идея социальных систем как защиты от психотических тревог была впервые предложена Э. Джаксом: в основе объединения индивидов в упорядоченные сообщества

лежит потребность в защите от персекуторной и депрессивной тревоги [22]. Теория социальных систем как защит позволяет осознать неоднократно описанный исследователями «парадокс перемен» [16]: почему даже логически обоснованные и потенциально выгодные перемены сопряжены с адаптационными затруднениями и социальным сопротивлением [25]. Обратная сторона защитных социальных механизмов, заключается в том, что они блокируют аналитические импульсы, препятствуя как индивидуальной, так и коллективной переработке травматического опыта; таким образом, данная задача буквально переходит по наследству следующим поколениям, которые, в свою очередь, могут испытывать затруднения с ее решением, так как унаследуют и привычные способы избавления от боли, вины и тревоги.

К числу блокирующих аналитические импульсы механизмов можно отнести описанную М. Кляйн регрессию групп к параноидно-шизоидному функционированию, основанную на конфликтогенной схеме «свой – чужой» [23]. Как отмечает П. Фонда, такая позиция представляется группе более релевантной для выживания (например, для скорейшего достижения победы во время войны) и выражается в формировании образа общего врага, на которого проецируется агрессия и деструктивность, благодаря чему общество, с одной стороны, получает дополнительные основания для консолидации, а, с другой стороны, получает объект для отработки тревожности, снижая градус внутреннего напряжения [11].

Основываясь на идее риска как неотъемлемого фактора поздней современности Э. Гидденса и предложенной им классификации типичных коллективных реакций на риск, П. Штомпка выделяет такие формы травматической реакции как прагматизм (фокус на повседневных действиях и ритуалах, табуировании тревожных симптомов); оптимизм (убеждение в том, что общественное развитие способно само нивелировать травматические последствия); циничный пессимизм (фокус на сегодняшнем дне и его достижениях, подавление аналитических импульсов); активное противостояние потенциальным источникам опасности (превентивное конструирование травмы и борьба с источниками потенциальных угроз) [4; 16. С. 15].

В рамках теории классической аномии Р. Мертона также можно выделить две основные группы адаптационных моделей: активные (инновации – спонтанное или преднамеренное «культурное творчество», изменение культурных паттернов отдельной группы для ее адаптации к изменившейся среде; бунт – контркультурное движение, предлагающее альтернативу разрушенным ценностям) и пассивные (ритуализм – культивирование традиций как укрытие от травмы; ретриаризм – игнорирование травмы) [6].

Очевидно, что описанные выше пассивные типы адаптации имеют деструктивный характер, не способствуют эффективной проработке травматического опыта, напротив, продлевают травматический эффект,

способствуя «сращиванию» социума с травмой и ее передаче последующим поколениям.

Н. Абрахам и М. Терек в качестве основной характеристики травматического опыта выделяют невозможность его осмысления и артикуляции, что препятствует его последующей интеграции в структуру представления индивида о себе или группе, к которой он принадлежит [17]. В качестве такого опыта может выступать некое действие, не соответствующее положительным представлениям группы о себе, вызывающее чувство вины или стыда. Так, описанная Б. Гизеном травма преступника возникает в результате радикального изменения рамочных условий осмысления собственных действий и их последствий и сопряжена с получением критических оценочных суждений извне и невозможностью ни рациональным, ни насильственным образом доказать свою прежнюю правоту в условиях «драматично постыдного осознания абсолютной потери собственного лица» [20]. В темпоральном измерении данная категория особенно тесно сопряжена с феноменом «травмы вины», распространяющейся на дальнейшее поколения. Примером может послужить формирование немецкой транспоколенческой идентичности, проистекающее из свидетельствования преступлений современниками Рейха. Чувство стыда, блокирующее работу с травматическим опытом, может быть связано и с т.н. «нарциссическим ущербом», когда ранее привилегированная социальная общность утрачивает свое положение в иерархии и вместе с ним консолидационные основания (травма рассказывания, травма посткоммунистического общества и т.д.).

Парадокс артикуляции травматического заключается в том, что требование забвения становится своего рода констатацией памяти: запрет на проговаривание не позволяет устранить негативное влияние «беспокоящего» факта прошлого. В результате в психике образуется своего рода «лакуна», передающаяся из поколения в поколение. Специфика этого разрыва заключается в одновременном видимом отсутствии и имманентности представлений о травматическом опыте социальной системе. Не будучи артикулированной, такая информация вытесняется в сферу бессознательного, при этом практические ее проявления носят весьма непредсказуемый характер. С позиций фрейдистского психоанализа, вытесненное обладает способностью «прорваться в сознание» в случае снижения силы противоположной фиксации, усиления вытесненной части побуждения, например, появления новых переживаний, созвучных вытесненному в такой мере, что они способны буквально «оживить» его (например, прослеживаемая с 1995 г. тенденция к огосударствлению современного казачества, с одной стороны, способствовала к интеграции казачества как культурно-этнической общности, пережившей травму репрессий (большевистской политики рассказывания) в жизнь российского общества и аккумуляции его потенциала в решении задач государственной безопасности, а, с другой стороны, привела

к усугублению порожденного репрессиями советского периода травматического кризиса идентичности казачества, что выразилось в возникновении противоречий между т.н. реестровым казачеством (преемником царского казачества как военно-служилого сословия) и казаков, находящихся вне официальных структур казачьих сообществ и позиционирующих себя как носителей отличительных этнокультурных черт).

В соответствии с гипотезой механизма «эндокриптической идентификации» «лакуна», как элемент психического не интегрируется во внутреннюю жизнь индивида наряду с другими интроектами (переходящими «по наследству» взглядами, мотивами и установками»), а, напротив, образует в психике субъекта некий инородный объект, который невозможно осмыслить, интегрировать в собственную идентичность [17].

Кроме того, необходимо отметить, что реакция на травматическое событие определяется не только психологическими механизмами (забвение, вытеснение, самооправдание, но и спланированными стратегиями и директивами, которые могут иметь деструктивный характер и направляться на подавление аналитических импульсов и построение квазирепрезентаций (стратегии фальсификации, взаимного зачета вины, экстернализации) [9. С. 88]. Подобные процессы затрудняют осмысление трагического события и могут вести к коллективным неврозам межпоколенческого характера.

Достижения современного психоанализа в области изучения травмы как социального феномена раскрываются в плоскости исследования механизмов трансгенерационной передачи травм в трудах В. Волкана, М. Хирш и других ученых.

В. Волкан вводит понятие «избранной травмы» – «бессознательного «выбора» большой группы по добавлению психического представления разделяемого события в число значимых маркеров собственной идентичности большой группы, т.е. протосимвола, который принадлежит исключительно этой группе» [2]. В основе избранной травмы может лежать как одно специфическое событие (в таком случае велика вероятность его ритуального воспроизведения в траурную годовщину), либо с историческим путем общности в целом (так, В. Волкан пишет об избранной травме эстонского народа, связанной с историческими фактами политического влияния других государств (например, Швеции, Российской империи и т.д. [2]. Явление трансгенерационной передачи связано с передачей «аффективных и когнитивных откликов прошлого поколения на травму», а также «травматизированных образов самости и объектов» [3. С. 157].

Проблема транзитивности травматического опыта между поколениями раскрывается в трудах создательницы концепции постпамяти М. Хирш. Следом за Ш. Фелман [19] и К. Карут [18], М. Хирш сохраняет идею противопоставления истории и памяти, «экзистенциального свидетельства» о предельных событиях и свидетельских показаний, отмечая, что стремление

памяти к справедливости имеет субъектный характер [14]. В ее концепции постпамять представляет собой «механизм передачи травматического знания и материализованного опыта», «происходящий как трансгенерационно, так и внутривоколенно в результате социального взаимодействия» [14]. Концепция постпамяти обладает существенным объяснительным потенциалом феномена коллективности травмы: как и посттравматическое расстройство, постпамять становится следствием травматических событий, однако, при этом не предполагается, что данное воспоминание присуще лишь одному поколению, принадлежащему к общей временной эпохе.

Обращение к событиям прошлого в рамках постпамяти реализуется не благодаря непосредственному воспоминанию о произошедшем событии, его точном воспроизведении в сознании очевидца, а благодаря процессам репрезентации, воображения, осмысления, т.е., используя терминологию Р. Лифтона, в ходе процесса «разработки» [5]. В отличие от сторонников *trauma studies*, отмечающих непосредственный характер воздействия прошлого, М. Хирш подчеркивает значимость посредничества свидетельств (фотографии, текст, устные свидетельства и т.д.) [14]. В результате процесса интернализации, когда внешние структуры становятся внутренними регуляторами, история трансформируется в постпамять, которая, как отмечает Ф.В. Николаи, «с одной стороны, объединяет различные поколения, передавая силу аффекта и сохраняя память о прошлом, с другой стороны, не предполагает его прямых репрезентаций» [7. С. 167].

Необходимо отметить, что объяснительный потенциал концепции трансгенерационной передачи опыта еще не разработан в полной мере. Так, не отрицая факта трансгенерационной передачи, Р.П. Гомолин выступает с критикой данной концепции за упрощенное понимание механизмов травматизации, в частности за постулирование отнюдь неочевидных связей между депрессией и «неспособностью скорбеть», последующим агрессивным поведением жертвы и интернализации агрессора в ее сознании [8. С. 79-80; 21].

Особую сложность в изучении межпоколенческой передачи травматического опыта представляет отслеживание трансформации травматического нарратива. Когда мы говорим о травме в сфере политического, это особенно опасно, т.к. возникает риск проекции фигуры виновного на современное общество и его институты. Осложнение процесса деконструкции травматического переживания с течением времени обусловлено и трансформацией рамок памяти. Артикуляция травматического начала осложняется тем, что с течением времени разрыв между собственно травмой и культурой становится все глубже и т.н. «вторичные» носители травмы испытывают затруднения в поиске категорий для описания своего переживания. Принимая во внимание, что для формирования трансгенерационной травмы необходимо около трех поколений (в первом поколении табуирование конструктивно,

оно является механизмом борьбы с чувствами боли и стыда; во втором поколении табуирование обретает устойчивый институциональный характер; для третьего поколения травматическое переживание оказывается вытесненным в область бессознательного, не переставая вызывать проблемы психологического функционирования [13; 26].

Экстраполируя психоаналитический подход на общественную жизнь, можно заключить, что проработка травмы возможна благодаря ликвидации практик осознанного забвения (табуирования) и восстановления подлинной памяти посредством грамотной разработанной схеме коммеморационных практик, направленных на поиск адекватного выражения подавляемых (сдерживаемых) травматических переживаний. Однако, не каждый акт проговаривания обладает потенциалом в работе преодоления травмы. Во-первых, автоматическое, рефлекторное, бессистемное проговаривание лишь усиливает травматический эффект, способствуя более глубокому погружению в пространство травматического, бесконечному, неконструктивному «переживанию» травматической ситуации; во-вторых, следуя логике описанного Э. Сантнером феномена «нарративного фетишизма», в результате бесконтрольного повествования о травматическом опыте может быть сформирован контекст «удобного» сосуществования с травмой, препятствующий выявлению причин боли и стресса и конструктивной проработке травматического состояния [10. С. 390-392].

В целом, поскольку историческая травма является результатом разрыва в коммуникации как между отдельными социальными группами, так и между поколениями, обращение к трансгенерационной природе травмы позволяет снизить риски инструментализации травматического переживания, восстановить подлинную природу травматической боли и обеспечить восстановление саморегулирующихся механизмов коллективного сознания.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Анкерсмит Ф.Р. Возвышенный исторический опыт. М.: Европа, 2007.
2. Волкан В. Влияние массовой травмы // <https://psychoanalysis.by/2019/05/09/влияние-массовой-травмы/>.
3. Волкан В.Д. Расширение психоаналитической техники: руководство по психоаналитическому лечению. СПб.: Издательско-Торговый Дом «Скифия», 2021.
4. Гидденс Э. Последствия современности. М.: Праксис, 2011.
5. Лифтон Р.Дж. Травмированное «Я» // Психологическая помощь мигрантам: травма, смена культуры, кризис идентичности. М.: Смысл, 2002.
6. Мертон С.К. Социальная теория и социальная структура. М.: Хранитель, 2006.

7. Николаи Ф.В., Хазина А.В. На перекрестках гендерных и визуальных исследований: концепция постпамяти М. Херш // Диалог со временем. 2013. Вып. 43.
8. Романов И.Ю. Коллективные травмы – личные преодоления. Памяти Татьяны Николаевны Пушкаревой // Журнал клинического и прикладного психоанализа. 2022. Т. II. № 4.
9. Самсонова Н.Н. Модели работы с коллективными историческими травмами // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 481.
10. Сантнер Э. История по ту сторону принципа наслаждения: размышляя о репрезентации травмы // Травма: пункты: Сборник статей / под. ред. Ушакина С.А. и Трубиной Е.Г. М.: Новое литературное обозрение, 2009.
11. Фонда П. Война и ментальное функционирование группы // Журнал практической психологии и психоанализа. 2017. № 1 // <https://psyjournal.ru/>.
12. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М.: АСТ, 2007.
13. Ханелия Н.В. Современные представления о трансгенерационной передаче травмы // Журнал практической психологии и психоанализа. 2019. № 1 // <https://psyjournal.ru/articles/sovremennye-predstavleniya-o-transgeneracionnoy-peredache-travmy>.
14. Хирш М. Поколение постпамяти: Письмо и визуальная культура после Холокоста. М.: Новое издание, 2021.
15. Хорни К. Невротическая личность нашего времени. Самоанализ. М.: Прогресс-Универс, 1993.
16. Штомпка П. Социальное изменение как травма // Социологические исследования. 2001. № 1.
17. Abraham N.M. Torok L'écorce et le noyau. Paris: Aubier-Flammarion, 1978.
18. Caruth C. Unclaimed Experience: Trauma, Narrative, and History. Baltimore, Maryland: The John Hopkins University Press, 1996.
19. Felman S., Laub D. Testimony: Crises of Witnessing in Literature, Psychoanalysis and History. N.Y.: Routledge, 1992.
20. Giesen B. Triumph and Trauma. London: Paradigm publishers, 2004.
21. Gomolin R.P. The Intergenerational Transmission of Holocaust Trauma: A Psychoanalytic Theory Revisited // Psychoanalytic Quarterly. 2019. No 88 (3).
22. Jaques E. Social Systems as a Defense Against Persecutory and Depressive Anxiety // New Directions in Psychoanalysis eds. M. Klein. London: Routledge, 2018.
23. Klein M. Some Theoretical Conclusions regarding the Emotional Life of the Infant in: J. Riviere, Joan (Hg.): Developments in psycho-analyses. London: Hogarth, 2019.
24. LaCapra D. Representing the Holocaust: History, Theory, Trauma. Ithaca, Cornell University Press, 1994.

25. Long S. Organizational Defenses Against Anxiety: What Has Happened Since the 1955 Jaques Paper // International Journal of Applied Psychoanalytic Studies. 2006. No 3 (4).

26. Yassa M. Nicolas Abraham and Maria Torok – the inner crypt // The Scandinavian Psychoanalytic Review. 2002. Vol. 2 (25).

N.N. SAMSONOVA

*Graduate Student, History and Theory of Politics Program,
Political Science Department, Lomonosov Moscow
State University, Moscow, Russia*

TRANSGENERATIONAL APPROACH IN THE STUDY OF MECHANISMS OF COLLECTIVE TRAUMA TRANSFERENCE

The article deals with the phenomenon of transgenerational trauma transference. An analytical review of scientific research on the phenomenon of transgenerational transference of trauma is given. The heuristic value of the expansion of the transgenerational approach to the field of trauma studies, especially dedicated to the research of mechanisms of the emergence and spread of collective trauma as social phenomenon is noted. Protective social mechanisms that block analytical impulses are analyzed as a factor of the transgenerational transference of traumatic experience. It is concluded that the articulation of the traumatic beginning is complicated by the transformation of the memory framework. Since historical trauma is the result of a gap in communication both between individual social groups and between generations, turning to the transgenerational nature of trauma allows to reduce the risks of instrumentalization of traumatic experience and ensure the restoration of self-regulating mechanisms of collective consciousness.

Key words: *collective historical trauma, collective memory, psychoanalysis, transgenerational trauma, trauma studies.*

А.Ю. БАШЕЛХАНОВ

*кандидат исторических наук, преподаватель
социально-гуманитарных наук Байкальского колледжа
недропользования, Россия, г. Улан-Удэ*

РОЛЬ ПАРТИИ «СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ» В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ И ПОЛИТИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ ВЫБОРОВ В ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ РФ)

Создание устойчивой политической системы в рыночной экономике было одной из целей российской власти. Социал-демократическая партия, как партия, не приемлющая радикального «левого поворота», способная вызвать симпатии избирателей левого политического фланга представлялась хорошим вариантом для этих целей. Для России, в которой были сильны позиции коммунистической партии, а социально-экономические условия требовали своего дальнейшего улучшения, проект создания сильной социал-демократической партии представлял особую сложность. В представленной статье исследуется деятельность социал-демократической партии («Справедливой России») в России. Автор статьи проводит анализ причин создания партии, условий для реализации социал-демократического проекта в стране, исследует итоги выборов в Государственную Думу РФ. При этом рассматривается и зарубежный опыт деятельности социал-демократических партий. Деятельность партии «Справедливая Россия» исследуется в разных условиях. Начиная с периода проекта построения двухпартийной (или близкой к ней) политической системы, в котором «Справедливой России» отводилась роль «второй ноги власти», заканчивая длительным периодом укрепления «вертикали власти» при многопартийности. В статье, на основе положений политической теории уделяется внимание анализу смене стратегии власти в построении политической системы.

Ключевые слова: *политическая партия, социал-демократия, «Справедливая Россия», двухпартийная политическая система, выборы, Государственная Дума.*

Создание социал-демократических организаций в новейшей истории России началось в поздний период СССР. Из советской конституции была убрана статья закреплявшая однопартийную политическую систему. В самой правящей партии – КПСС существовали платформы социал-демократического направления, поддерживающие идеи развития в стране «гуманного социализма». Но эти платформы, как и новые партии социал-демократической направленности, не были популярными ни среди рядовых коммунистов, ни среди избирателей. Первые социал-демократические партии были немногочисленными, состояли во многом из немногочисленных представителей интеллигенции, студентов.

Политическая система России в начале 1990-х гг. менялась и власть перешла к либеральному правительству. Главной оппозиционной партией либеральному курсу власти стала КПрФ – объявившая себя наследницей КПСС. Эта партия получила большую поддержку избирателей левого политического фланга. Социал-демократические партии на левом политическом фланге 1990-х годов не обладали серьезным влиянием. Например, СДПР, одним из лидеров которой был бывший президент СССР Михаил Горбачев, стремилась объединить все социал-демократические партии России. Этот проект оказался не слишком удачным. СДПР не могла пробиться в парламент страны. Но потенциал для создания крупной социально-ориентированной партии, конкурирующей с «партией власти» и с КПрФ в России имелся. Это показали и события, связанные с политическим блоком (идеологически блок не относил себя к социал-демократическим) «Отечество – вся Россия» (1998-2002 гг.). В блок входили многие известные политики своего времени, а на выборах в Государственную Думу РФ в 1999 г. блок набрал 13,3% голосов избирателей и занял третье место (после КПрФ и движения «Единство»).

Мощный партийный социал-демократический проект при участии Кремля начался с создания партии «Справедливая Россия» в 2006 году. Перед новой партией ставилась задача: стать «второй ногой власти» [1]. Со «Справедливой Россией» связывалась идея создания в стране двухпартийной (или близкой к ней) политической системы. При этом, партия власти «Единая Россия» оставалась бы консервативной (центристской) партией, а «Справедливая Россия» – социал-демократической (левоцентристской). Как минимум «Справедливая Россия» могла действовать на ослабление КПрФ. Некоторые эксперты не без основания полагали, что создание «Справедливой России» было следствием «раскола элит» [2. С. 21].

Момент формирования двухпартийной политической системы представлялся удачным. С начала 2000-х гг. (при новом президенте страны В.В. Путине) шел процесс укрепления «вертикали власти». Результаты главной оппозиционной партии – КПрФ на выборах в Государственную Думу РФ стали значительно скромнее. КПрФ на этих выборах занимала не первое,

а со значительным отрывом от «партии власти» («Единой России») второе место. Политическая реформа, направленная на укрупнение политических партий, привела к серьезному уменьшению их количества. Для сравнения: в выборах в Государственную Думу РФ 1999 г. приняло участие 26 политических партий и избирательных блоков, в 2003 г. их было 23, а в выборах 2007 г. принимали участие только 11 политических партий. В Государственной Думе РФ с 2003 г. находились только четыре политические партии: ЕР, КПРФ, ЛДПР, блок «Родина». Двухпартийная политическая система стала в определенный период привлекательной идеей для власти. Эта система позволяла бы конкурировать за власть партиям, признающим ценности новой политической системы. При такой политической системе угроза радикального «левого поворота» практически исключалась. Дуализм не может поддерживаться, если одна из двух партий намерена разрушить существующий строй [3. С. 275].

Время реализации социал-демократического проекта и двухпартийной политической системы может также объясняться приближающимися президентскими выборами в 2008 г. Действовавший уже два президентских срока подряд В.В. Путин в соответствии с Конституцией РФ должен был уступить свое место новому президенту страны. Создаваемая политическая партия могла стать опорой для отставного президента России. Возглавив социал-демократическую партию (а на это рассчитывали в «Справедливой России») на декабрьских выборах 2007 г. в Государственную Думу РФ и в дальнейшем, В.В. Путин существенно бы поднял рейтинг партии. Ведь фигура президента в российской политике играла ключевую роль. Тем самым был бы сделан серьезный шаг на пути к формированию двухпартийной политической системы.

Очевидно, что главную роль в выборе власти нового партийного проекта сыграли сильные симпатии российских избирателей к идеям социальной справедливости. Популярную у избирателей КПРФ требовалось заменить схожей, но не столь антагонистичной по идеологии к правящей системе партией. Такой партией могла быть только формально левая политическая партия. По данным ВЦИОМ на 2004-2006 гг. «левым» идеям о социальной справедливости симпатизировало 35,6% россиян [6]. Образцом при выборе социал-демократического проекта могли являться экономически развитые европейские страны, включая те, в которых действует двухпартийная или близкая к ней политическая система.

«Справедливая Россия» при формировании объединила в своем составе партии демократической направленности, многих известных политиков. Лидером партии стал Сергей Миронов – глава Совета Федерации РФ. Все это свидетельствовало о серьезных перспективах проекта. Партия стремилась привлечь внимание политиков и избирателей привлекательной политической программой. «Справедливая Россия» выступала за «социализм

21 века» – рыночное, демократическое, социально-ориентированное государство. Программа «Справедливой России» не предусматривала традиционных положений социал-демократии о национализации промышленности (крупных отраслей экономики) в рыночной экономике. По подобному «реформистскому» пути уже давно шли крупные социал-демократические партии Европы: Англии, Германии и др. борющиеся за поддержку среднего класса (а не только рабочих).

«Справедливая Россия» могла ориентироваться на поддержку избирателей левых политических взглядов, но не поддерживающих КПРФ. Из 35,6% россиян в 2004-2006 гг. поддерживающих идеи социальной справедливости за КПРФ на выборах голосовало только 7-8% [6]. Более того, при благоприятном экономическом развитии России, прогнозировался рост количества и качества среднего класса, что серьезно увеличило бы количество сторонников социал-демократической партии. В этом смысле проект вполне можно было назвать ориентированным на европейский путь развития. «Справедливая Россия» периодически призывала левые политические силы к объединению, претендуя при этом на лидерство. С предложениями об объединении «Справедливая Россия» обращалась и к КПРФ. Но предложения об объединении к более популярной коммунистической партии России носили скорее предвыборный рекламный характер. Избиратель КПРФ, как объясняли ее лидеры, не понял бы такого шага. Одним из ключевых моментов в расхождении программ партий был вопрос о собственности [7].

На начальном этапе своего существования партия «эсеров» действовала в качестве «конструктивной оппозиции» к власти. Эсеры критиковали «партию власти» «Единую Россию» и правительство страны. В то же время действия президента страны В.В. Путина ими в целом поддерживались. Эсеры позиционировали себя как свежий кадровый резерв для политики президента страны. Но вскоре власти страны отказались от форсированного строительства двухпартийной политической системы. Президент страны В.В. Путин предпочел возглавить в декабре 2007 г. избирательный список в Государственную Думу РФ от «Единой России», а не от «Справедливой России». И это ударило по рейтингу и престижу партии. «Справедливая Россия» на выборах в Государственную Думу РФ 2007 г. заняла четвертое место, набрав 7,74% (после ЕР, КПРФ, ЛДПР). Результат выборов был успехом для новой партии, но провалом идеи «второй ноги власти».

Строительству двухпартийной политической системы в России могла бы способствовать реформа избирательной системы. Согласно политической теории двухпартийные политические системы успешно формируются при мажоритарных избирательных системах. Власти России не пошли на такую реформу избирательного законодательства. Напротив, смешанная избирательная система на выборах в Государственную Думу РФ 2007 г. и 2011 г. была отменена. Выборы проходили полностью по пропорциональной

(партийной) избирательной системе, которая благоприятствует развитию многопартийности и существованию доминантной партии. Кремль решил не подвергать риску главенствующее положение «партии власти», не ослаблять институт президентской власти в России. В.В. Путин возглавил Правительство РФ при новом президенте России Д.А. Медведеве.

Экономические и политические факторы в России отличались от европейских, что наложило серьезный отпечаток на дальнейшую деятельность «Справедливой России». Средний класс (какой он сложился в развитых рыночных странах) находился в России на стадии формирования. По оценкам ИС РАН его доля в России в первой половине 2000-х гг. не превышала 30% [15]. Согласно прогнозу Минэкономразвития РФ, лишь к 2010 г. доля среднего класса в России должна была увеличиться до 30%, а к 2020 г. представителем этого социального слоя должен был стать каждый второй россиянин [9]. В то время как в странах Западной Европы (с сильной социал-демократией) доля среднего класса составляла от 60% и более. В Европе серьезные позиции в среднем классе занимал мелкий и средний бизнес, люди творческих профессий более склонные к социал-либерализму.

Примерный портрет избирателя «Справедливой России» выглядел так, что это были люди возраста от 40 лет, имеющие неплохое образование [12], относительно обеспеченные. По своему мировоззрению это были социал-патриоты и социал-либералы. Но доля социал-патриотов в России была самой многочисленной – 26,7% россиян [6]. Многие избиратели «Справедливой России» также оказались социал-патриотами. Они ориентировались на постепенные реформы в стране при сильной власти. Для них был характерен во многом патерналистский подход к государству. Государство в представлении многих левых российских избирателей должно было заботиться о человеке. Президент в их представлении является мудрым отцом нации, а не менеджером, нанятым на службу государства. Большинство избирателей «Справедливой России» симпатизировали президенту России [10], что делало партию более зависимой от института президентства. Партия в то же время не имела опоры на рабочий класс (голосующий за другие политические партии или не участвующий в выборах). «Справедливая Россия» не имела тесных связей с крупными рабочими профсоюзами России, в отличие от европейских социал-демократических партий (Англии, Германии и др.). Немаловажно, что российская социал-демократия не имела в истории ярких и популярных у отечественного избирателя символов. Как, например, КПРФ. Это касалось и политических имен. Так, в проекте «Имя Россия» проведенного при участии телеканала «Россия» в 2008 г. среди лидеров голосования у россиян были И.В. Сталин, В.И. Ленин и некоторые другие представители советской эпохи [14]. Социал-демократия у многих россиян

ассоциировалась с неудачами (на примере меньшевиков в период русской революции 1917 года, или последнего руководителя СССР Михаила Горбачева).

Рейтинг социал-демократической партии в России, очевидно, можно было повысить политическими способами при наличии политической воли. Но эти возможности не были использованы или были использованы частично (это также свидетельствовало об отказе власти от двухпартийной модели политической системы в пользу укрепления «вертикали власти»). Среди этих возможностей можно отметить:

1. Участие представителей партии в работе Правительства России («коалиционное правительство»). Это делало бы их более известными для избирателей и в политических кругах. Например, представителям СДПГ В Германии традиционно отдают некоторые довольно серьезные должности в правительстве. Так в 2018 г. при канцлере Ангеле Меркель (главе Христианско-демократического союза) социал-демократы получили должности вице-канцлера, министра финансов, министра иностранных дел. В 2021 г. занимавший должности вице-канцлера и министра финансов от СДПГ (Олаф Шольц) был избран канцлером Германии.

2. Формирование яркого лидерского состава партии на федеральном уровне. В «Справедливой России» имеются яркие и успешные региональные лидеры, но на федеральном уровне наблюдается их дефицит. Партия выглядела более ярко, когда среди лидеров партии были и известные женщины. Например, на выборах в Государственную Думу РФ в 2007 г. и в 2011 г. в федеральный список лидеров партии входили соответственно Светлана Горячева и Оксана Дмитриева. Это выглядело оригинально, современно. Но на выборах 2016 г. такая практика уже не использовалась...

Наибольший результат на выборах в Государственную Думу РФ «Справедливая Россия» показала в 2011 году. Тогда партия развила наибольшую оппозиционность к власти. В силу чего лидер партии Сергей Миронов даже был снят с должности Председателя Совета Федерации РФ. Успех «Справедливой России» в 2011 г. был связан с консолидацией протестного электората. За «Справедливую Россию» голосовали как сторонники партии, так и те, кто поддерживал партию, не видя другого выхода – либералы и т.д. На выборах в Государственную Думу РФ в 2011 г. участвовало только семь политических партий. Единственная либерально-демократическая партия «Яблоко» не имела шансов пройти в Государственную Думу РФ. На этих выборах «Справедливая Россия» серьезно улучшила свой результат набрав 13,24%. По количеству набранных голосов партия заняла третье место (после ЕР и КППРФ).

На примере голосования в г. Красноярске можно проследить тенденцию голосования в крупных промышленных городах России за «Справедливую Россию» в 2007 г. и 2011 г. Партию в 2011 г. поддержала половина

сотрудников правоохранительных органов – 50% (в два раза больше чем «Единую Россию»), а 2007 г. за эсеров проголосовало только 6,4% правоохранителей. Более чем в 2 раза партия увеличила свою поддержку среди студенчества с 8,3% до 20,8%, среди работников торговых и бытовых услуг с 10,7% до 20,8%. В два раза увеличилось сторонников среди рабочих с 9,5% до 20%. Более чем в три раза увеличилось число избирателей, относящихся к руководящему составу. Более трети избирателей партии находились в возрасте от 18 до 35 лет [4].

Однако вскоре партия сменила тактику, отказавшись от жесткой оппозиционности к власти. Партия перешла к поддержке действующей власти и вновь вступившего в должность в 2012 г. Президента РФ В.В. Путина. Наиболее оппозиционные к власти депутаты исключались из партии. «Участие в белоленточном движении (оппозиционное к власти либерально-демократическое движение, которое активно поддержали некоторые депутаты от «Справедливой России» – авт.) было не понято нашими избирателями», – заявил осенью 2012 г. на партийной конференции Сергей Миронов [11]. Слова лидера партии были не обосновательны. Избиратель «Справедливой России» в своем большинстве желал постепенных реформ в стране. Большинство депутатов и политиков от партии находились в «конструктивном» поле взаимодействия с властью и не желали конфронтации с ней. Партия, не являясь массовой (в отличии от КПрФ), зависела от поддержки бизнеса и представителей власти. В региональных отделениях «Справедливой России» было достаточно представителей от бизнеса [16. С. 75], настроенных на «диалог с властью». Но в долгосрочной перспективе компромиссная позиция к власти не позволяла партии бороться за власть. Партия теряла поддержку немалой части активных молодых избирателей и рисковала надолго остаться партией «второго эшелона», за которую голосую только если не хотят голосовать за «Единую Россию» или КПрФ.

Последующий период деятельности партии ознаменовался полной поддержкой действующей власти. «Справедливая Россия» поддерживала президента страны по самым важным вопросам внешней политики включая присоединение Крыма в 2014 г., в юго-восточном украинском вопросе. Но рейтинг партии существенно снизился. Партия балансировала на грани прохождения в Государственную Думу РФ. Поддержка власти по важным вопросам политики имела оборотную сторону для партии – потерю оригинальности. На выборах в Государственную Думу РФ в 2016 г. партия набрала значительно меньше голосов по сравнению с 2011 г. Такой результат был связан и с увеличением количества партий на выборах (дроблением голосов оппозиции), снижением общей явки избирателей – 47,88% (в 2011 г. явка избирателей составила 60,1%). Голосование проходило по вновь возвращенной смешанной избирательной системе. «Справедливая Россия» набрала больше голосов по одномандатным округам (9,66%), чем

по партспискам (6,22%). За конкретных кандидатов по округам люди голосовали более охотно чем за партию. На выборах в Государственную Думу 2016 г. избирательный список партии возглавил только Сергей Миронов (с 2013 г. ставший уже формальным лидером партии), что свидетельствовало о большем отходе партии к вождистской модели управления более характерной для социал-патриотических и националистических партий.

Динамика количественного развития среднего класса в России за исследуемый период не позволяла социал-демократии (в ее европейском значении) занять более серьезные позиции. Его доля за все исследуемое время (по мнению многих исследователей) не превышала 50% (1). Более того в 2015-2017 гг. произошло резкое сокращение доли российского среднего класса. По некоторым оценкам специалистов ядро среднего класса (куда входили специалисты с высшим образованием, управленцы) в эти годы в России достигало всего 15%-18 %. Количество россиян, причисляющих себя к среднему классу по сравнению с 2014 г. в 2018 г. сократилось [5]. Закономерно, что к выборам в Государственную Думу РФ 2021 г. россиян больше всего тревожила социальная повестка: рост цен (58%), бедность (40%), коррупция (39%), рост безработицы (36%) и др. [10].

Социал-демократическая партия России перед выборами в Государственную Думу РФ 2021 г. должна была определиться со своим политическим курсом и программой. «Справедливая Россия» объединилась с партией национал-патриотического толка Захара Прилепина «За правду», а также с партией «Патриоты России» возглавляемую Геннадием Семигиным. В обновленной партии возникли дискуссии (на верхнем уровне) об установлении памятников по всей стране Иосифу Сталину [8]. Партия в программе (с 2016 г.) уже выступала за некоторое подобие национализации естественных монополий России (общественный контроль за естественными монополиями и государственными корпорациями) [13]. Основными избирателями партии по данным Левада-центра в это время являлись люди с старшего возраста: 55 лет и выше (62%) из которых большую часть составляли женщины (со средним профессиональным образованием) среднего или выше среднего достатка живущие в небольших городах [10]. По итогам выборов в Государственную Думу РФ 2021 г. партия набрала 7,46% несколько улучшив свой результат по сравнению с 2016 г. «Справедливая Россия» вновь стала четвертой (после ЕР, КПРФ, ЛДПР) по итогам выборов партией прошедшей в парламент страны. Но в этот раз, впервые за долгое время, в Государственную Думу РФ прошла пятая партия – «Новые люди» (5,32%). «Новые люди» позиционировала себя как партия либеральной направленности и забрала голоса избирателей, на которые могла бы претендовать социал-демократическая партия европейской ориентации.

Таким образом, «Справедливая Россия» не стала «второй ногой власти», идея двухпартийной политической системы не была реализована (и

даже приближена). Но партия стала парламентской, вобрала в свои ряды известных политиков, не нашедших себе место в других партиях. Для успешного функционирования современной социал-демократической партии необходимо наличие большого среднего класса, крупных промышленных центров с развивающимся рабочим классом, гражданских институтов общества. Политические возможности для реализации проекта двухпартийной политической системы также не были использованы в полной мере. Напротив, в стране был взят курс на укрепление «вертикали власти» и многопартийность при доминировании «партии власти». «Справедливая Россия» вписалась в этот политический курс. В процессе своей деятельности «Справедливая Россия», в конечном итоге, объединилась с политическими силами национал-патриотического толка, что свидетельствует о серьезных социально-экономических и политических сдвигах в обществе, отходе партии от европейской модели развития. Сильная социал-демократическая партия – это результат социально-экономического, исторического, политического, культурного развития определенных стран. Развитие партии «сверху» в неподготовленной почве, с большей долей вероятности, не принесет полного успеха.

ПРИМЕЧАНИЯ:

(1) В рамках специального проекта ТАСС «20 вопросов к Владимиру Путину» запущенного 20 февраля 2020 г. В.В. Путин отметил, что доля среднего класса в России составляет свыше 70%. Он сослался на методiku Всемирного (мирового) банка, в соответствии с которой к среднему классу можно отнести людей чей уровень дохода превышает МРОТ в 1,5 раза. Значит при МРОТ в 11280 рублей (названного В.В. Путиным), к среднему классу можно было отнести человека с зарплатой в 17000 рублей. Президент РФ добавил, что средняя зарплата по стране гораздо выше (47257 рублей в феврале 2020 г. по данным Росстата – примеч. авт.). В.В. Путин уточнил, что средний класс в каждой стране разный. Поэтому российский средний класс не следует сравнивать с европейским.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Барахова А.* Стенограмма-минимум. Партия жизни обнародовала инструкции Владислава Суркова // Коммерсант. 2006. № 150 (3481) // <https://www.kommersant.ru/doc/697936>.

2. *Великая Н.М., Гуселетов Б.П.* Становление социал-демократического движения в современной России: историко-социологические аспекты // Социологические исследования. 2010. № 11.

3. *Дюверже М.* Политически партии / пер. с франц. М.: Академический проект, 2000. (Серия «Концепции»).

4. Злотковский В.И. Динамика социальной структуры сторонников политических партий (по данным exit poll 2007-2011 гг. в Красноярске) // Известия ИГУ. Серия «Политология. Религоведение». 2012. № 2.

5. Иванова Е., Силко Г. Российский средний класс мельчает // Коммерсант. 18 апреля 2019 // <https://www.kommersant.ru/doc/3947624>.

6. Идеино-политические симпатии (аналитический обзор) // Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). 12.09.2006 // <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/idejno-politicheskie-simpatii>.

7. Коммунисты отвергают возможность союза со «Справедливой Россией» // РИА Новости. 24.03.2007 // <https://ria.ru/20070324/62561548.html>.

8. Кулагин В. Прилепин рассказал о своем желании «заставить все памятниками Сталину» // Газета.RU. 3 июля 2021 // https://www.gazeta.ru/politics/news/2021/07/03/n_16194284.shtml.

9. Николаева Д. Россиян переводят в средний класс // Коммерсант. 30 янв. 2008 // <https://www.kommersant.ru/doc/847473>.

10. Образ парламентских партий в общественном сознании // Левада-Центр // <https://www.levada.ru/2021/04/28/obraz-parlamentskih-partij-v-obshhestvennom-soznanii>.

11. Остаться ногой «Справедливая Россия» отвернулась от Болотной площади // Лента.ру. 30 октября 2012 // <https://m.lenta.ru/articles/2012/10/30/spravros/>.

12. Портрет избирателя глазами партий и экспертов // РИА Новости. 25.11.2011 // <https://ria.ru/20111125/497662581.html>.

13. Программа партии «Справедливая Россия» // <https://storage.spravedlivo.ru/pf59/075833.pdf>.

14. Самигуллина А. Запрос на величие // Газета.RU. 29 дек. 2008 // https://www.gazeta.ru/politics/2008/12/29_a_2919791.shtml?up.

15. Средний класс в России: 10 лет спустя // Аналитическая статья. Институт Социологии РАН. Москва, 2014 г. // <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/folder/eilyqxw2j9/direct/172441014>.

16. Тев Д.Б. Региональный депутатский корпус партий «второго эшелона»: сравнительный анализ бассейна рекрутирования парламентариев КПРФ, «Справедливой России» и ЛДПР // Властные структуры и группы доминирования: Материалы десятого Всероссийского семинара «Социологические проблемы институтов власти в условиях российской трансформации» / под редакцией А.В. Дуки. СПб.: Интерсоцис, 2012.

A. Y. BASHELKHANOV

*Candidate of Sciences (History),
lecturer of Social and Humanitarian Sciences,
Baikal College of Subsoil Use,
Ulan-Ude, Russia*

THE ROLE OF THE «FAIR RUSSIA» PARTY IN THE SOCIO-ECONOMIC AND POLITICAL DEVELOPMENT OF RUSSIA ON THE EXAMPLE OF THE ELECTIONS TO THE STATE DUMA OF THE RUSSIAN FEDERATION

The creation of a stable political system in a market economy was one of the goals of the Russian government. The Social Democratic Party, as a party that does not accept a radical "left turn", capable of arousing the sympathy of voters of the left political flank, seemed a good option for these purposes. For Russia, where the positions of the Communist Party were strong and the socio-economic conditions required improvement, the project of creating a strong social democratic party was particularly difficult. The article examines the activities of the Social Democratic Party ("Fair Russia") in Russia. The author of the article analyzes the reasons for the creation of the party, the conditions for the implementation of the social democratic project in the country, examines the results of the elections to the State Duma of the Russian Federation. At the same time, the foreign experience of the activities of social democratic parties is also considered. The activities of the Fair Russia Party are investigated in different conditions. Starting from the period of the project of building a two-party (or close to it) political system, in which "Fair Russia" was assigned the role of the "second leg of power", ending with a long period of strengthening the "vertical of power" with a multiparty system. In the article, based on the provisions of political theory, attention is paid to the analysis of the change of the strategy of power in the construction of the political system.

Key words: *political party, social democracy, Fair Russia, two-party political system, elections, State Duma.*

К.А. ЛУСТИН

*аспирант Воронежского института экономики
и социального управления,
Россия, г. Воронеж*

ИСТОКИ И ФАКТОРЫ ПРОЯВЛЕНИЯ ТЕРРОРИЗМА В РОССИИ

Статья посвящена анализу проявления терроризма в истории российского государства. В статье приводятся примеры таких проявлений, истоки и факторы их возникновения. Автор подчеркивает, что основной задачей современного общества и государства является формирование позитивного общественного сознания, которое исключает саму возможность использования насилия для достижения каких-либо политических целей.

Ключевые слова: *терроризм, экстремизм, профилактика, предупреждение, противодействие.*

Терроризм в XXI веке превратился в реально очень значительную проблему для всего человечества. И, по сути, данная проблема приобрела международное звучание. Поэтому как глобальная проблема терроризм требует значительного изучения с дальнейшим практическим мышлением. В данной статье нами рассматривается социально-экономические истоки и факторы проявления терроризма в истории России.

Следует подчеркнуть, что в работах российских авторов, опубликованных в последние годы, освещается широкий спектр вопросов близких к данной предметной области [3; 5; 6; 8; 9; 11; 12; 13; 14; 15].

Однако проблему терроризма нельзя назвать однозначно исчерпанной. В силу многих объективных обстоятельств изучение обозначенной темы продолжает сохранять высокий уровень актуальности.

Основная часть исследователей считает, что терроризм, как явление, стал формироваться в России начиная с середины XIX века.

Однако, анализируя истоки терроризма в России, установлено, что первой формой государственного терроризма можно считать Опричнину Ивана IV, так как она обладала всеми признаками государственного терроризма.

Очевидно, что жестокие меры подавления оппозиции преследовало собой политические цели, что характерно для терроризма. Воздействие

осуществлялось с целью снижения психологической готовности отстаивать собственное мнение, на подавление любых самостоятельных шагов под страхом тяжкого наказания или смерти. Таким образом, опричнина содержала в себя три необходимых элемента терроризма: оформленную государственно-идеологическую концепцию, специально созданные военно-организационные структуры и собственно террористическую деятельность.

Ярким примером проявлением карательных санкций может служить акция опричников 1570 года в отношении жителей г. Великого Новгорода. Иван Грозный был вынужден выдвинуть войско к Великому Новгороду окружив его со всех сторон, чтобы никто не смог покинуть. Такое решение было принято вследствие получения сообщения о готовящейся сдаче города литовскому королю Сигизмунду-Августу. После этого в городе начались массовые пытки и казни, при которых участников якобы заговора жгли огнем и сбрасывали в р. Волхов.

Опричнина – особая страница в нашей истории. И здесь утверждается, что она привела к централизации страны, вряд ли может опровергнуть, цену какой централизации, да еще проведенную без достаточных социально-экономических оснований. Что собственно и привело к террору, тем более таких естественных и массовых репрессий в истории России не было длительное время.

Следующим этапом развития терроризма в нашей следует считать, терроризм, проявившийся в Российской Империи. П. Зайчневский разработал прокламацию «Молодая Россия», в которой основным механизмом преобразования выдвигается террор. Зайчневский был убежден в том, что для достижения своей цели нельзя не перед чем останавливаться. «Изучив историю Запада, что не прошло для нас даром, мы будем последовательнее не только жалких революционеров 92 года и что для свержения правящей власти придется пролить намного больше крови, чем пролито якобинцами в 90-х годах» [2. С. 163].

Ярким примером террористического акта того времени могут служить покушения на членов царской семьи и представителей органов власти, которые получили распространение в России начиная с выстрела 04 апреля 1866 года студента Д. Каракозова в Александра II.

Определенную роль в популяризации идей террора в России сыграл один из представителей революционного активизма С.Г. Нечаев. Он стал активным участником студенческих волнений в Санкт-Петербурге, в 1869 году он распространил слух о своем аресте и побеге из Петропавловской крепости, после чего выехал за границу, в следствии чего, ему удалось сплотиться с анархистом М.А. Бакуниным, при его непосредственном участии были изданы несколько манифестов и разработан кодекс, названный «кати-хизис революционера», в котором определены цели, правила поведения, жизненные принципы тех, кто посвятил себя борьбе с правящим режимом.

Еще одним ярким примером распространения терроризма в России является теракт, совершенный Верой Засулич, которая 05 февраля 1878 года тяжело ранила градоначальника Трепова двумя выстрелами в живот. Суд присяжных вынес В. Засулич оправдательный приговор.

В мае 1878 года народник Г. Попко при большом скоплении народа кинжалом заколол адъютанта начальника Киевского губернского жандармского управления Г.Э. Гейкинга.

04 августа 1878 года народник С. Степняк-Кравчинский таким же способом убивает в Санкт-Петербурге начальника Третьего отделения Н.В. Мезенцева.

Одним из самым массовым актов террора представителей «Народной воли» следует считать взрыв в Зимнем дворце 5 февраля 1880 года. Количество используемой взрывчатки для данного теракта настораживало даже члена исполнительного комитета «Народной воли» Андрея Желябова из-за возможно слишком большого количества жертв.

По мнению исполнителя теракта Степана Халтурина: «Число жертв все равно будет огромно. Полсотни человек будут непременно перебиты. Так лучше уж не жалеть динамита, чтобы по крайней мере посторонние люди не погибли бесплодно» [1. С. 82].

Опасения А. Желябова сбылись. В результате теракта общее число жертв составило 11 убитых и 56 раненых. Исполнительный комитет «Народной воли» в прокламации по поводу покушения «объяснился»: «Пока армия будет оплотом царского произвола, пока она не поймет, что в интересах родины ее священный долг стать за народ против царя, такие трагические столкновения неизбежны» [10. С. 223].

В 1901-1902 годах в результате слияния ряда народнических организаций была создана партия эсеров, центральное место в деятельности которых занял террор.

Примечательно, что народовольцы и эсеры, одинаково активно используя в своей деятельности террористические методы, так по-разному его оценивали.

У истоков боевой организации эсеров стоял Е.Ф. Азеф, негласный сотрудник царской охраны, который осуществлял руководство организацией до 1908 года. Под его непосредственным руководством были организованы и совершены крупнейшие террористические акты.

В программе союза социалистов-революционеров, террор воспринимался следующим образом: «Систематический террор совместно с другими, получающим только при терроре огромное решающее значение формами открытой массовой борьбы приведет к дезорганизации врага. Террористическая деятельность прекратится лишь с победой над самодержавием, лишь с полным достижением свободы». Терроризм воспринимался эсерами, как основной инструмент политической борьбы, который

дополняли иные методы: забастовки, демонстрации, агитационно-пропагандистская деятельность.

Таким образом, можно отметить особенность терроризма XIX и начало XX в., который отличает его от современного терроризма: в основном он был направлен на представителей власти, которые, по мнению террористов, были виновны в совершении злодеяний. Также терроризму того периода было присуще отсутствие массовости.

Говоря об истории терроризма в России нельзя не остановиться на проблеме «белый террор», «красный террор».

Согласно общепризнанной точке зрения первыми акциями «белого террора» следует считать первые акции антибольшевистского восстания в Ярославле в июле 1918 г.

За 1918 г. при «белой власти на северной территории с населением около 400 тыс. человек в архангельскую тюрьму были отправлены 38 тыс. арестованных, 8 тыс. было расстреляно, более тысячи умерло от побоев и болезней» [4. С. 94].

Массовый расстрелы в 1918 г. проводились и на других территориях, занимаемых белыми армиями. Так в ответ на зверское убийство большевиками захваченного в плен командира полка М.А. Жебрака (сожжен заживо), командир 3-дивизии Добровольческой армии М.Г. Дроздовский отдал приказ расстрелять около тысячи взятых в плен красноармейцев.

Обоснованием такого жестокого отношения к сторонникам партии большевиков, сотрудников ВЧК, солдат и офицеров РККА стало рассмотрение особой следственной комиссией по расследованию злодеяний большевиков, более 150 дел, отчетов о массовых казнях и применении пыток, надругательствах над святынями Русской православной церкви.

На смену «белого террора» времен пришел «красный террор». Захватив власть большевики, возглавляемые Лениным развернули невиданный по своим масштабам террор против своего народа, который характеризовался различными формами и затрагивал различные сферы общественной жизни.

Само понятие «красный террор» впервые был введен представителем эсеров З. Коноплянниковой, которая в 1906 г. заявила на суде: «Партия решила на белый террор, ответить красным террором».

Очень опасной для власти социальной группой стало казачество. «Расказачивание» приняло форму массового террора, в результате которого произошло реквизиция домашнего скота и сельскохозяйственных продуктов, переселение иногородней бедноты на земли, ранее принадлежавшие казачеству в сочетании с формальной ликвидацией казачества.

Особые испытания выпали на русскую православную церковь, которая пережила и раздробление, и закрытие монастырей и храмов и репрессии против священнослужителей.

Террористический метод стал активно использоваться и после Гражданской войны. И.В. Сталин в своем правлении в качестве укрепления государственной власти стал использовать террор, который достиг своего апогея 1936-1938 годы.

В ходе построения социализма в СССР в проводимой внутренней и внешней политике обострилась классовая борьба, обоснованием которой стало применение террора.

Одной из главных характеристик государственного терроризма на территории СССР 30-х годов прошлого века явилось то, что были созданы механизмы массовых политических репрессий.

В СССР репрессии затронули практически все социальные слои общества. Главной составляющей данного проявления террора была атмосфера страха и устрашения [7. С. 289].

Руководство страны приняло самые решительные меры, направленные на подавление антисоветского террористического бандподполья. В итоге к началу 50-х годов терроризм как один из наиболее эффективных инструментов организованной политической борьбы с существующим строем в Советском Союзе прекратил свое существование.

Следует отметить, что с середины 50-х годов терроризм исчезает из государственной и общественной жизни, как политическое явление. Однако некоторые проявления террористического характера остались. Так, например, в конце 1978 года в Москве членами нелегальной националистической партии «Дашнакцутон» Затикяном, Степаняном и Багдасаряном был осуществлен взрыв вагона между станциями «Измайловский парк» и «Первомайская», в результате теракта погибло 29 человек.

В период с середины 50-х до конца 80-х годов имели место проявления так называемого централизованного террора, в роли объектов которого выступали представители так называемого эшелона власти. Все они носили характер проявления индивидуального терроризма, причем – и это следует подчеркнуть – исполнителями таких покушений были люди с отклонениями психики. Так, шизофреником оказался В. Ильин, намеревавшийся 22 января 1969 года стрелять в Л.И. Брежнева.

Впервые самолет на территории СССР был угнан 15 октября 1970 года. Данное деяние было совершено Пранасом и Альгирдасом Бразинкас, захватившим самолет рейса Батуми-Сухуми, убили бортпроводницу Н. Курченко и посадили самолет в Турции.

В конце 1980-х годов терроризм претерпевает серьезные изменения, на которые международное право и российское законодательство не смогли своевременно и адекватно отреагировать. С одной стороны, политические элиты стали прибегать к услугам террористов. С другой, применение террористических способов воздействия на представителей политических элит в большинстве случаев не было связано с их политической деятельностью,

а объяснялось их теневой деятельностью, чаще всего криминальной или коммерческой. С третьей, террористические методы активно принимаются на вооружение криминальными группировками, индивидами, для которых политический камуфляж является прикрытием возможностей.

В заключении хотелось бы отметить, что терроризм в настоящее время остается глобальной проблемой не только для нашей страны, но и для всего мирового сообщества. Террористы несли в общественную жизнь дух насилия. Последствия терроризма не прошли бесследно, они отразились на судьбах миллионов людей. Сегодня терроризм с каждым днем модернизируется, и для того, чтобы эффективно реагировать на различные акты террора, необходимо знать историю российского терроризма для того, чтобы не допускать ошибок в будущем.

И самое главное при этом, необходимо делать правильные выводы из многообразия исторического наследия и реальной ситуации. Тем более террористические акты проходили сразу же после развала СССР. Весьма актуально данная проблема звучит сейчас, во время проведения специальной военной операции.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Горбунов К.Г.* Терроризм: история и современность: социально-психологическое исследование. М.: Форум, 2012.
2. *Зайчинецкий П.Г.* Молодая Россия. М.: Исток, 1985.
3. *Капустин А.С.* Нормативно-правовое регулирование борьбы с терроризмом в США и Израиле // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. Т. 12. № 11 (92).
4. *Маньков А.В.* К вопросу об истории терроризма: истоки, становление и эволюция в России // Вестник Чувашского университета. 2017. № 2.
5. *Муратов А.Х.* Специфика реализации политики противодействия терроризму в Республике Татарстан // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2021. Т. 10. № 4 (38).
6. *Павшукова А.Ю.* Особенности правового регулирования Европейского Союза в сфере противодействия терроризма // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2023. Т. 13. № 2 (95).
7. *Петрищев В.Е.* Что такое терроризм, или введение в террорологию. М.: URSS, 2013.
8. *Поспелов Н.В.* Российско-турецкое политическое сотрудничество в борьбе с международным терроризмом на территории Сирии // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. Т. 12. № 2 (83).
9. *Пыж В.В.* Рецензия на монографию Каратуевой Е.Н. Экологический терроризм: понятие, виды, противодействие. М.: Издательство «Наука

сегодня», 2022 // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. Т. 12. № 2 (83).

10. Революционное народничество 70-х годов XIX века: Сборник документов и материалов. М.: Политиздат, 1965. I, II.

11. Рахимов К.Х., Федина С.В., Холов С.Х., Якуба А.Я. Антитеррористический фокус сближения Индии и Таджикистана // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. Т. 12. № 9 (90).

12. Рахметулина Б.С., Алимбетова Ж.А. Терроризм и религиозный экстремизм в современном Казахстане: новый взгляд на проблему // Региональное и муниципальное управление: вопросы политики, экономики и права. 2021. Т. 8. № 4 (26).

13. Рзаева С. Основные аспекты международной контртеррористической стратегии мировых центров силы // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. Т. 12. № 2 (83).

14. Слизовский Д.Е., Медведев Н.П. Рецензия на статью С.А. Ланцова «Этнический терроризм и этнополитические конфликты XIX-XX вв.: анализ социально-политических факторов» // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2020. Т. 10. № 1 (58).

15. Упоров И.В. Особенности терроризма (террора) и борьбы с ним в Российской империи (вторая половина XIX – начало XX веков) // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2023. Т. 13. № 2 (95).

K.A. LUSTIN

*Postgraduate student, Voronezh Institute
of Economics and social management,
Voronezh, Russia*

ORIGINS AND FACTORS OF TERRORISM IN RUSSIA

The article focuses on the analysis of terrorist events in the history of the Russian state. The article gives examples of such manifestations, causes and factors of their occurrence. The author emphasizes that the main task of modern society and the state is to create a positive social consciousness, which excludes the very possibility of using violence to achieve any political goals.

Key words: *terrorism, extremism, prevention, prevention, counteraction.*

М.А. ВАСИЛЬЧЕНКО

кандидат исторических наук,
доцент Московского финансово-промышленного
университета «Синергия»,
Россия, г. Москва

ПРОБЛЕМА КОРРУПЦИИ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В ПРОГРАММАХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ

В статье исследована малоизученная проблема отражения коррупционных процессов в российском обществе в процессе партийного строительства политических партий и ее влияние на формирование политической повестки дня начала 20-х годов XXI века.

Рассматриваются программы ключевых политических партий данного периода и их воплощение в антикоррупционном законодательстве. Автор приходит к выводу, что коррупция выступает важным фактором активизации электората в период выборного процесса, как у партии большинства, так и у их политических оппонентов. Увеличение внимания депутатов и кандидатов в депутаты к данной проблеме и ужесточение ответственности на законодательном уровне позволяет последовательно увеличить голоса электората и постараться снизить размеры коррупции в стране.

Ключевые слова: *политические партии, лоббизм, коррупция, законодательство, парламент, программа политической партии.*

Актуальность. Актуальность исследования обусловлена важностью законодательных органов власти для формирования ключевых направлений развития России и обсуждения мер по противодействию внутренним угроз, одной из которых, без сомнения, является коррупция во всех сферах. Как правило, на площадке федеральных и региональных органов законодательной власти проходит публичное обсуждение ключевых проблем государственного развития, в том числе с привлечением представителей экспертного сообщества. Взаимодействие парламентских структур с иностранными коллегами позволяет использовать международный опыт. Вместе с тем программные документы любой партии, в том числе имеющие конституционное большинство, оказывают существенное влияние на ее парламентскую деятельность, поэтому анализ их положений имеет большое значение для

формирования антикоррупционной политики государства в условиях активизации международных вызовов.

Научная новизна. Проблема коррупции в России достаточно изучена. Стоит отметить ряд работ о понятии «коррупция», ее социальной природе [18; 19]. Имеются работы по исследованию государственной политики противодействия коррупции [12; 14; 17; 2], однако, тема коррупции, как составной части политической программы парламентских партий изучена недостаточно, вместе с тем, она играет существенную роль в консолидации электората в период проведения региональных и федеральных выборов. Несмотря на ряд работ, посвященных политическим партиям и развитию гражданского общества [5; 6; 7] в России, тема «коррупции» в политическом дискурсе парламентаризма так же изучена недостаточно. Причину этого следует искать в том, что предмет исследования отошел на второй план, перед процессом модернизации внутренней политики, направленной на условия отражения внешних вызовов. В свете этого важно проследить, какое место занимает проблема коррупции в современном политическом дискурсе.

Цель. Рассмотреть предложенные парламентскими политическими партиями меры противодействия коррупции и определить степень их реализации в современных политических условиях.

Задачи. Исходя из цели статьи можно выделить следующие задачи: определить понятие «коррупции», охарактеризовать его как социальное и общественное явление. Проанализировать программы политических партий. Провести анализ законодательной деятельности в сфере борьбы с коррупцией и степень реализации программных заявлений в практической плоскости.

Практическая значимость. Понятие «коррупция» имеет латинское происхождение и восходит к глаголу «нарушать». В самом этом понятии заложена деструктивная коннотация. Конвенция ООН прямо об этом говорит, что общество обеспокоено порождаемых коррупцией проблем и угроз для стабильности и безопасности общества, что подрывает демократические институты и ценности, этические ценности и справедливость и наносит ущерб устойчивому развитию и правопорядку» [11]. Федеральный закон определяет термин, как «злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами» [16]. Среди авторов нет единого мнения о трактовке термина «коррупция». Наиболее обстоятельный разбор

определения «коррупция» и мнения научного сообщества можно изучить в работе М.А. Поплавского [18]. Применительно к политическим партиям сама «коррупция» рассматривается как явление, которое может «поставить под угрозу выполнение уставных целей и задач» [10].

В связи с этим можно констатировать, что коррупция представляет собой одну из фундаментальных проблем, как для общества, так и для государства, так как государство, которое не уделяет должного внимания этой проблеме не может полноценно противодействовать внешним вызовам. Как указывает М.А. Поплавский: «она негативно сказывается как на внешнем имидже и инвестиционном рейтинге нашей страны, так и на внутренней политике и жизни общества» [18. С. 47]. В связи с этим важно проанализировать предложения от ключевых парламентских партий, которые могут синтезировать самые оптимальные модели борьбы с данным социальным явлением.

По итогам выборов в ГД ФС РФ 8 созыва в 2021 году 5% барьер прошли 5 политических партий «Единая Россия», «КПРФ», «ЛДПР» «Справедливая Россия – Патриоты – За правду» и «Новые люди». В связи с этим важно опередить их программные идеи по борьбе с проявлениями коррупции в России.

Так по инициативе «Единой России» был принят закон «О соответствии доходов и расходов государственных служащих», являющийся действенным инструментом борьбы с коррупцией [13]. Так же необходимо отметить, что с 2021 года действует программный Национальный план противодействия коррупции на 2021-2024 гг., утвержденный главой государства. Несмотря на выход из Конвенции СЕ в январе 2023 года, Россия все еще является участником Конвенции Организации объединенных наций против коррупции [20], однако некоторые ее положения не были ратифицированы.

Коммунистическая партия Российской Федерации (КПРФ) предлагает «для перехода к настоящей борьбе с коррупцией ратифицировать 20-ю статью Конвенции Организации объединенных наций против коррупции».

Самым главным средством борьбы с коррупцией лидер КПРФ – Геннадий Зюганов назвал реальный контроль за чиновниками со стороны общества и введение смертной казни за коррупцию» [3].

В программе партии «Справедливая Россия» указывается, что коррупция представляет собой угрозу национальной безопасности и предлагает приравнять взяточничество к государственной измене, ввести закон прямого действия, с обязательной конфискацией имущества осужденного, а также расширить полномочия депутатского корпуса и использовать механизмы гражданского общества в борьбе с коррупцией [1].

Либерально-демократическая партия России (ЛДПР) предлагает усилить контроль деятельности чиновников, в том числе с использованием средств аудио фиксации разговоров [9], а также разрушить монополию на

власть и создать коалиционные органы управления страной, регионом, органами местного самоуправления. Это позволит уменьшить коррупцию [8].

Партия «Новые люди» поддержала инициативу Президента РФ и предложила после выхода из ГРЕКО создать аналогичный орган в масштабах страны. Депутаты внесли законопроект о создании комиссии по мониторингу и регулированию законодательства в области противодействия коррупции. Состав комиссии предполагается сформировать из силовиков, представителей гражданского общества и чиновников. Согласно законопроекту «национальная антикоррупционная комиссия должна получить полномочия по отслеживанию всех текущих проблем, их анализу, а также подготовке новых законов». Предполагается, что комиссия будет формировать ежегодный отчет о реализации национального плана по борьбе с коррупцией. Она будет иметь полномочия по заслушиванию отчетов министров и иметь право законодательной инициативы через правительство или депутатский корпус [15].

Несмотря на существующие проблемы в решении антикоррупционных вопросов существует положительная динамика по деятельности правоохранительных органов. По данным СК РФ за 8 месяцев 2022 г. на рассмотрение в суды были направлены свыше 8,7 тысячи дел о преступлениях данной категории, что на десять процентов больше, чем годом ранее (8011). При этом, в 250 случаях коррупция была выявлена на этапе заключения контрактов и проведения госзакупок. Из них, 60 дел связаны с оборонным комплексом [4]. Совершенствуется и антикоррупционное законодательство. 20 декабря 2022 года ГД ФС РФ был принят Закон «О внесении изменений в статьи 5 и 12.1 Федерального закона «О противодействии коррупции», обязывающий чиновников уведомлять органы прокуратуры или иные уполномоченные госорганы о фактах обращения к ним кого-либо в целях склонения к совершению коррупционных правонарушений. Под его действия попадают вице-губернаторы, главы и рядовые члены правительств регионов, председатели заксобраний, региональных избиркомов и члены комиссий, мировые судьи, омбудсмены, главы контрольно-счетных палат, аудиторы. Аналогичный закон уже действует для депутатского корпуса. Закон вступил в силу 29 декабря 2022 года [21].

Заключение. Несмотря на существующие разногласия в депутатском корпусе ГД ФС РФ по вопросам методов борьбы с коррупцией, парламентарии признают в своих программах коррупционную деятельность, как одну из главных внутренних угроз государства. Тема коррупции выступает важным фактором активизации электората в период выборного процесса, как у партии большинства, так и у их политических оппонентов. Увеличение внимания депутатов и ужесточение ответственности на законодательном уровне позволяет последовательно уменьшить размеры коррупции в стране.

Рост числа завершенных расследований говорит о том, что работа в этом направлении ведется.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Борьба с коррупцией Программа Партии // <https://spravedlivo.ru/4791410>.

2. *Вичужанина М.Ю.* Причины возникновения коррупции и современное состояние коррупции в России // Актуальные проблемы юриспруденции в современной России: Сборник статей по материалам VI Всероссийской научно-практической конференции, Йошкар-Ола, 14-15 апреля 2016 года. Йошкар-Ола: ООО ИПФ «СТРИНГ», 2016. EDN WMQFFT.

3. Геннадий Зюганов: «Коррупция и воровство являются смазкой российского режима» // <https://www.rline.tv/news/2020-12-10-gennadiy-zyuganov-korrupsiya-i-vorovstvo-yavlyayutsya-smazkoj-rossiyskogo-rezhima/>.

4. Глава СК Бастрыкин: в 2022 году за коррупцию в «оборонке» к ответственности привлекли 60 человек // <https://rg.ru/2022/12/08/glava-sk-bastrykin-v-2022-godu-za-korrupciiu-v-oboronke-privlekli-k-otvetstvennosti-60-chelovek.html>.

5. *Долгих Ф.И.* Общественный мониторинг как форма общественного контроля за деятельностью политических партий // Государственная власть и местное самоуправление. 2018. № 1.

6. *Долгих Ф.И.* Политическая конкуренция в России и политические партии // Государственная власть и местное самоуправление. 2019. № 2.

7. *Долгих Ф.И.* Правовое регулирование государственного финансирования политических партий в РФ и его воздействие на механизм политической конкуренции // Пробелы в российском законодательстве. 2016. № 4.

8. Жириновский предложил бороться с коррупцией расширением коалиций в структурах власти // <https://dumatv.ru/news/zhirinovskii-predlozhit-borotsya-s-korrupsiiei-rasshireniem-koalitsii-v-strukturah-vlasti>.

9. Жириновский рассказал, как победить коррупцию // <https://ria.ru/20210208/korrupsiya-1596558330.html>.

10. *Заграевский С.В.* О возможных способах борьбы с коррупцией в России // <http://www.zagraevsky.com>.

11. Конвенция ООН Принята резолюцией 58/4 Генеральной Ассамблеи от 31 октября 2003 года // https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/corruption.shtml.

12. Коррупция и противодействие коррупции в России / С.В. Мальчикова, С.А. Костикова, С.А. Оскилко, О.Ю. Сидорова // Евразийское Научное Объединение. 2015. Т. 2. № 3 (3). EDN TQLSIR.

13. КПК и «Единая Россия» обратили большое внимание на вопрос борьбы с коррупцией // <http://russian.people.com.cn/31521/8065081.html>.

14. *Кулуева Ф.Г.* Национальная стратегия противодействия коррупции и национальный план противодействия коррупции // Наука, техника и образование. 2020. № 1 (65). EDN WAKRUA.

15. Новые люди предложили создать аналог Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию // Взгляд // <https://vz.ru/news/2023/1/11/1194508.html>.

16. О противодействии коррупции: федер. закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ // Рос. газ. 30 дек. 2008.

17. *Поплавский М.А.* Государственная политика противодействия коррупции // Теория и практика общественного развития. 2015. № 22. EDN VBNZLN.

18. *Поплавский М.А.* Коррупция как социальное явление // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2016. Т. 16. № 1. DOI 10.18500/1818-9601-2016-16-1-45-47. EDN VSUXMF.

19. *Поплавский М.А.* Теоретические основания исследования российской коррупции // Теория и практика общественного развития. 2015. № 21. EDN UYJTPR.

20. Россия будет регулировать борьбу с коррупцией прежде всего своими собственными законами // Ведомости. 10.01.2023 // <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2023/01/10/958420-regulirovat-borbu-s-korrupsiiei-svoimi-zakonami>.

21. Федеральный закон от 29.12.2022 № 591-ФЗ «О внесении изменений в статьи 5 и 12-1 Федерального закона «О противодействии коррупции»» // <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202212290043>.

M.A. VASYLCHENKO

*Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor of the Moscow Financial and Industrial
Synergy University, Moscow, Russia*

THE PROBLEM OF CORRUPTION IN RUSSIAN SOCIETY AND ITS REFLECTION IN THE PROGRAMS OF POLITICAL PARTIES

The article examines the little-studied problem of reflection of corruption processes in Russian society in the process of party building of political parties and its influence on the formation of the political agenda of the early 20s of the XXI century. The programs of the key political parties of this period and their implementation in the anti-corruption legislation are considered. The author comes to the conclusion that corruption is an important factor in the activation of the electorate during the electoral process, both for the majority party and their political opponents. Increasing the attention of deputies and candidates to this problem and tightening responsibility at the legislative level allows us to consistently increase the votes of the electorate and try to reduce the size of corruption in the country.

Key words: *political parties, lobbying, corruption, legislation, parliament, political party program.*

С.А. ВОРОПАНОВ

аспирант департамента политологии
Финансового университета при Правительстве РФ,
Россия, г. Москва

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ МЕХАНИЗМОВ НЕПОСРЕДСТВЕННОЙ ДЕМОКРАТИИ НА МЕСТНОМ УРОВНЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В статье представлены результаты политико-социологического исследования, проведенного осенью 2022 года в смешанном онлайн и офлайн формате в Вологодской области, Московской области, г. Москве, республике Чувашия, посвященного проблеме востребованности гражданами различных, предусмотренных федеральным и местным законодательством, форм непосредственной демократии. Целью исследования явилась оценка населением муниципальных образований России разного типа, инструментов и механизмов непосредственного участия в инициативных, согласительных, совещательных процедурах народовластия, принятии политических решений, их реализации и контроля за их выполнением на местном уровне. Предложенные в статье выводы о проблемах невысокой популярности большинства форм непосредственной демократии и специфике их использования в различных по типу муниципальных образованиях России, могут быть положены в основу дальнейшего протекания муниципальной реформы и расширения инструментов цифровой демократии и вовлечения граждан в управление на местном уровне.

Ключевые слова: *непосредственная демократия, формы демократии, муниципальные выборы, местное самоуправление, политическое участие, гражданское общество.*

Актуальность исследования. На современном этапе развития демократии в России особую значимость приобретают вопросы устойчивости и эффективности политической связи граждан и структур публичной власти, включая прежде всего возможности воздействия граждан на формирование состава органов власти, содержание принимаемых ими политических решений, процесс и результаты их реализации [1. С. 50-53; 7. С. 142-150]. Расширение каналов политической коммуникации, чему способствует все более широкое внедрение цифровых инструментов и программ, не просто

создают новые возможности для развития традиционных форм непосредственной демократии, но и делают возможным формирование новых механизмов политического участия [2. С. 69-77; 5. С. 55-61; 6. С. 36-39; 8. С. 10-15; 13. С. 44-47; 14. С. 58-64; 17. С. 63-69].

Данный процесс охватывает все уровни публичной власти, включая базовый местный уровень, который традиционно рассматривается в качестве наиболее приближенного к гражданам и обеспечивающего решение вопросов местного значения, неразрывно связанных с каждодневными интересами и потребностями жителей [3. С. 89-91; 4. С. 104-107; 9. С. 280-284; 11. С. 304-309]. В силу особенностей организации публичной власти в рамках системы местного самоуправления и особенно широкого круга решаемых ею вопросов объективно существует значительно больший комплекс механизмов, обеспечивающих возможности политического участия, чем закрепленный в нормативных источниках [18. С. 464-468; 19. С. 81-88]. Указанные обстоятельства ставят перед научным сообществом вопрос о необходимости более предметного и практико-ориентированного исследования в данной сфере [12. С. 45-49; 15. С. 202-213].

По словам Президента России, в целях укрепления силы и независимости страны необходимо развивать институты прямой демократии, совершенствовать механизмы народовластия предоставляя максимальные возможности прозрачной реализации гражданами своих демократических прав, расширения их возможностей участия в делах государства [16]. В контексте этого на наш взгляд особенно актуальным становятся политико-социологические исследования политического сознания и поведения граждан, степени включенности их в использование действующих институтов прямой демократии на местном уровне.

Методология и модель исследования. В рамках данного политико-социологического исследования поставлена цель анализа и оценки полученного от жителей нескольких муниципальных образований в различных регионах России мнения относительно их осведомленности обо всех имеющихся в их муниципалитете способах реализации своих демократических прав, а также спектра инструментов формального и неформального политического участия. В качестве метода исследования был выбран массовый анкетный опрос по случайной выборке. Анкету могли заполнить жители, посещающие здания органов муниципальной власти, а также она была размещена в электронном виде на сайтах администраций различных муниципальных образований. Таким образом, повышался охват граждан, а также обеспечивалась случайная выборка, позволившая учесть мнение граждан, которые пользуются как традиционными, так и электронными инструментами взаимодействия с местной властью.

Анкета опроса содержала десять вопросов закрытого типа. Первые три вопроса были нацелены на выявление политико-идеологической позиции

респондента, его самооценки собственного гражданского и политического активизма и вовлеченности в управление муниципалитетом, а также обращенность к ценностям политической и гражданской свободы, порядка, безопасности, социально-экономическим благам. Предполагалось, что активный и вовлеченный респондент, чаще и предметнее использует имеющиеся инструменты взаимодействия с местной властью. Остальные вопросы анкеты направлены на оценку респондентом его заинтересованности проблемами своего муниципалитета, характеру и направленности данных проблем, форм вовлеченности в процесс управления, знанию и личном использовании конкретных форм непосредственной демократии, оценке эффективности этих форм волеизъявления граждан для решения важных вопросов жизни жителей муниципального образования.

Опрос был проведен преимущественно в Вологодской области, Московской области, г. Москве, менее 10% респондентов в республике Чувашия в период с сентября по ноябрь 2022 года, с целью выявить особенности функционирования базовых институциональных форм непосредственной демократии и механизмов политического участия на территории конкретного региона. В опросе приняли участие 1.457 респондентов.

Результаты исследования. Главным общественно-политическим запросом среди респондентов является борьба с ростом цен в собственном городе и регионе (23,5%). Также опрашиваемые посчитали значимым необходимость предоставления народу возможности больше влиять на местные власти (19,3%). При этом наблюдается определенный запрос граждан на сохранение порядка (15,9%), а также обеспечение безопасности в городе и регионе (15,5%). В целом, большинство респондентов соотносят собственную принадлежность к гражданскому обществу через категорию «гражданственность». Среди наиболее популярных механизмов участия были обозначены: возможность реализации своих прав; коллективное участие в решении общественно значимых проблем; возможность открытого диалога с властью; активное участие в предоставленных формах общественной и политической активности; отстаивание своей гражданской позиции и общественно-политических воззрений.

Общая заинтересованность респондентов проблемами собственного города достаточно высока и составляет 45,9%. При этом лишь 22,2% опрошенных мало или вовсе не интересуются проблематикой своего места проживания, а 28,4% – имеют только общие представления о ситуации в городе. Наиболее важными проблемами названными респондентами являются: состояние дорожного покрытия (как пешеходного, так и автомобильного), тарифы ЖКХ и работа управляющих компаний, контроль за уровнем цен и их рост. Также значительная доля опрошенных, акцентировала внимание на состоянии сферы здравоохранения и оказания медицинских услуг.

В целом, большинство респондентов реализуют свои политические права и свободы (78,2%). Основными же практикуемыми формами реализации этих прав и свобод для опрошенных являются: голосование по поправкам к Конституции РФ (29,6%); муниципальные выборы (27,8%). Самыми же непопулярными формами общественно-политического участия для респондентов являются: сход граждан, в том числе и осуществляющий полномочия представительного органа муниципального образования (0,5%); различные формы конференции граждан (собрания делегатов) (0,8%); голосования по отзыву депутата и должностного лица органов местного самоуправления (0,9%). Остальные же формы непосредственной демократии, используемые опрошенными, набрали от 1% до 7,6% всех голосов респондентов, а именно: местный референдум, наказы избирателей, правотворческая инициатива граждан, обращения граждан в органы МСУ, опрос граждан, митинги, шествия, демонстрации, публичные слушания и др.

Большинство опрошенных имели опыт участия в электронных формах реализации своих прав и свобод. Так, наиболее популярными оказались; использование единого портала оказания государственных услуг (40,3%); электронное голосование (26%); электронные обращения (12,1%).

Большинство респондентов положительно оценивают эффективность электронных форм волеизъявления граждан (66,7%). Лишь 11% дали низкие оценки, а 19,4% и вовсе безразличны в оценке этого вопроса.

Общая оценка респондентами эффективности существующих форм реализации прав и свобод граждан неоднозначная. Значительная часть опрошенных считают, что существующие формы не используются гражданами и существуют лишь формально (41,5%). Другая часть респондентов считают, что все существующие формы прямой демократии активно используются гражданами и, следовательно, помогают эффективно решать общественно значимые вопросы (39%). Только 16,5% опрошенных отметили удобство и эффективность электронных форм волеизъявления граждан.

Выводы. Проанализировав результаты массового политико-социологического опроса, автор пришел к нескольким выводам по вопросу проблематизации процесса и процедур институционализации непосредственной демократии на уровне муниципалитетов в современной России под влиянием комплекса актуальных факторов политико-культурного, регионально-локального, нормативно-регулятивного и инструментально-коммуникативного технологического характера.

Во-первых, установлено, базовыми институциональными формами непосредственной демократии и механизмами политического участия пользовались 39,1% респондентов. В рамках данного показателя наиболее высокими удельными долями характеризуется репрезентация таких форм и механизмов, как муниципальные выборы (27,8%) и местный референдум (4,4%).

Во-вторых, при сопоставлении данных о частоте и востребованности использования различных форм непосредственной демократии и политического участия на территории конкретных муниципалитетов можно говорить о двух тенденциях. Первая – те муниципалитеты, которые практикуют активную коммуникацию с населением, внедряют инструменты обратной связи, используют порталы администраций, социальные сети и мессенджеры (например, г. Вологда), показали заметно более высокий уровень вовлеченности в реализацию непосредственной демократии и политического участия на местном уровне, и это относится не только к местным выборам, но и к другим формам непосредственной демократии, в частности электронным. Вторая – связана с заметно более высоким уровнем активности в контексте применения традиционных механизмов непосредственной демократии, например, личных обращений в органы местной власти (например, по некоторым муниципальным округам Чувашской республики).

В-третьих, можно признать, что независимо от типа исследуемых муниципальных территорий (районов, городов), муниципальные выборы остаются на данный момент основной формой политического участия на местном уровне. Развитие местных референдумов характеризуют такие тенденции, как концентрация соответствующих практик в пределах нескольких регионов и сокращение числа эпизодов их организации. Также следует отметить функциональную узость тематики референдумов (концентрацию на вопросах самообложения, или изменения границ муниципальных образований). Данная форма также используется преимущественно в сельских поселениях, на территориях, где сохраняется двухуровневая система муниципального управления.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Андреева О.А., Яценко О.В. Гражданское общество и публичная власть: проблемы взаимодействия // Вестник ТИУиЭ. 2022. № 1 (35).
2. Белоконев С.Ю., Чистов И.И. Электронное голосование как перспектива политического процесса: возможности и ограничения «цифровой политики». Гуманитарные науки // Вестник Финансового университета. 2017. Т. 7. № 5.
3. Бельчик А.М., Хасаева А.И. Реализация правотворческой инициативы граждан как формы участия населения в осуществлении местного самоуправления // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 12-2.
4. Гончаров В.В. Проблемы и перспективы закрепления и реализации в российском законодательстве форм прямой демократии на местном уровне // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. Экономические и юридические науки. 2020. № 13.

5. *Ерохина О.В.* Электронное голосование в России: технологический и политический аспекты. Гуманитарные науки // Вестник Финансового университета. 2021. Т. 11. № 3.

6. *Карпузов М.Ю.* Перспективы развития механизмов прямой демократии с использованием информационно-коммуникационных технологий. Гуманитарные науки // Вестник Финансового университета. 2020. Т. 10. № 2.

7. *Кудрина Ю.А., Печенкин Н.М., Косарева А.А.* Политическое участие молодежи на выборах в Государственную Думу в 2021 году: ценностные установки, электоральные предпочтения и политическое поведение. Гуманитарные науки // Вестник Финансового университета. 2022. Т. 12. № 3.

8. *Маковейчук А.В.* Перспективы цифровизации политической сферы на региональном уровне в современной России. Гуманитарные науки // Вестник Финансового университета. 2018. Т. 8. № 4.

9. *Максимов М.В.* О демократических основах функционирования местного самоуправления как подсистемы публичного управления в условиях современных политических процессах. Государственное и муниципальное управление // Ученые записки. 2021. № 4.

10. *Михеева Т.Н., Бояринцева И.А.* Инициативные проекты – новая форма непосредственной муниципальной демократии // Вестник РУК. 2021. № 4 (46).

11. *Михеева Т.Н., Михеев Д.С.* Формы непосредственной муниципальной демократии: грядущие трансформации // Известия Саратовского университета Новая серия Серия: Экономика. Управление. Право. 2022. Т. 22. № 3.

12. *Морозюк Д.С.* Этапы становления и развития институтов муниципальной демократии // Символ науки. 2022. № 7-2.

13. *Москаленко Г.Е.* Развитие электронной демократии в России // Научный вестник Омской академии МВД России. 2022. № 1 (84).

14. *Мухаметов Д.Р.* Политические риски и барьеры цифровизации. Гуманитарные науки // Вестник Финансового университета. 2020. Т. 10. № 4.

15. *Пирожкова И.Г., Попов А.М.* Институт референдума: проблемные вопросы квалификации и законодательство РФ // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 1.

16. *Путин В.В.* призвал сделать более открытыми механизмы участия россиян в жизни страны // <https://www.kp.ru/online/news/4839573/>.

17. *Пырма Р.В.* Влияние цифровых коммуникаций на политическое участие. Гуманитарные науки // Вестник Финансового университета. 2019. Т. 9. № 4.

18. Троицкая Т.В. Гражданин РФ – субъект осуществления общественного контроля в России // Известия Саратовского университета Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2020. Т. 20. № 4.

19. Чепель С.Л. Экономическое голосование как фактор электоральной подвижности в РФ (на примере регионов Центрального федерального округа). Гуманитарные науки // Вестник Финансового университета. 2022. Т. 12. № 3.

S.A. VOROPANOV

*Postgraduate student of Department of Political Science,
Financial University under the Government
of the Russian Federation,
Moscow, Russia*

PROBLEMS OF IMPLEMENTATION OF THE MECHANISMS OF DIRECT DEMOCRACY AT THE LOCAL LEVEL IN MODERN RUSSIA

The article presents the results of a political and sociological study conducted in the autumn of 2022 in a mixed online and offline format in the Vologda Oblast, Moscow Oblast, Moscow, the Republic of Chuvashia, dedicated to the problem of citizens being in demand for various forms of direct democracy provided for by federal and local legislation. The aim of the study was to assess the population of Russian municipalities of various types, tools and mechanisms for direct participation in the initiative, conciliation, deliberative procedures of democracy, political decision-making, their implementation and control over their implementation at the local level. The conclusions proposed in the article about the problems of the low popularity of most forms of direct democracy and the specifics of their use in various types of municipalities in Russia can be used as the basis for further municipal reform and the expansion of digital democracy tools and the involvement of citizens in governance at the local level.

Key words: *direct democracy, forms of democracy, municipal elections, local self-government, political participation, civil society.*

А.М. ВАФИН

*магистр психологии, кандидат политических наук,
доцент факультета социальных наук и массовых коммуникаций
Департамента массовых коммуникаций и медиабизнеса*

*Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации,
Россия, г. Москва*

ORCID: 0000-0001-9368-9967

ИДЕОЛОГИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО СЛУЖЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ СТРЕССА ЧИНОВНИКОВ

В статье автор рассматривает стресс у государственных служащих. Для понимания специфики стресса у чиновников проведено исследование. Автор поднимает актуальный вопрос об идеологии государственного служения как факторе, который мог бы у добросовестных чиновников увеличить мотивацию к работе и снизить стресс. Для выявления элементов идеологии государственного служения проанализированы нормативно-правовые акты Российской Федерации.

Ключевые слова: *государственная служба, чиновники, стресс, идеология государственного служения, этика, политическая психология, политико-юридический подход.*

Сегодня все чаще звучат разговоры о том, что Российской Федерации требуется четкая и единая идеология. Эта идея противоречит Конституции РФ. Даст ли реализация этой идеи пользу такому многосоставному и многонациональному макрообществу, как Россия? Мы солидарны с

А. Воржецовым, утверждающим, что «назрела необходимость разработки не новой государственной идеологии, а программы формирования в России демократического и социального государства» [3. С. 108].

Полагаем, что идеологической формализации (четкие ценностные идеологические стандарты), если кто и должен подлежать, так это не все граждане России, а та группа, тот интеллектуальный класс, который отвечает за управление и стратегию развития страны. Речь о государственных служащих, российских чиновниках. Возникновение идеологии государственного служения на основе ценностей социального порядка и демократических принципов могло бы способствовать развитию справедливого государства.

Однако не будет ли такая идеология фактором, который парализует российское чиновничество? Отвечая на этот вопрос, для начала нам следует понять, насколько российские чиновники находятся в стрессе «здесь и сейчас», без всякой идеологической формализации; и далее рассуждать, будет ли подобного рода формализация эффективна или нет? Также следует изучить корпус нормативно-правовых актов Российской Федерации, чтобы понять, какие ценностные элементы имеются на сегодняшний день в стандартах государственного служения.

Идеология государственного служения в рамках нормативной юридической этики. Где можно обнаружить идеологию? Один из ответов – в сознании. И мы еще к нему обратимся. Однако в юридической части, в нормативно-правовых актах, идеологию следует искать там, где речь идет о ценностях. В случае для всех граждан страны, вопрос о ценностях поднимается в Конституции РФ. В случае такой профессиональной группы, как чиновники, ценности следует искать в текстах, связанных с этикой.

В России не принят единый этический кодекс для государственных служащих, однако анализируя действующие акты, можно выявить ряд положений, выступающих в качестве нравственных регуляторов их поведения.

Указ Президента РФ от 12.08.2002 № 885 «Об утверждении общих принципов служебного поведения государственных служащих» закрепил общие принципы служебного поведения государственных служащих, в том числе предписывающие:

- добросовестно исполнять свои должностные обязанности;
- не оказывать предпочтения каким-либо профессиональным или социальным группам и организациям, быть независимыми от влияния отдельных граждан, профессиональных или социальных групп и организаций;
- соблюдать нейтральность;
- соблюдать нормы служебной, профессиональной этики и правила делового поведения (как правило, устанавливаемые на уровне государственного органа, в котором работает чиновник) [10].

Идея служения выражена в следующем: «...признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина определяют основной смысл и содержание деятельности органов государственной власти и государственных служащих» [10].

Все перечисленные положения вошли в принятый двумя годами позже Федеральный закон «О государственной гражданской службе» [11]. В ст. 4 данного закона («Принципы гражданской службы») нравственно-этический аспект поведения государственных служащих не был подробно освещен, но изучение текста позволяет выделить несколько особенностей деятельности государственных служащих.

Во-первых, хорошо прослеживается двойственное положение государственных служащих: наличие моральной ответственности как перед

обществом, так и перед государством в лице государственного органа. Выражается это в обязанности «воздерживаться от поведения, которое могло бы вызвать сомнение в объективном исполнении государственными служащими должностных обязанностей», а также «избегать конфликтных ситуаций, способных нанести ущерб их репутации или авторитету государственного органа» [10].

Во-вторых, попытки предотвратить нарушения профессиональной этики гражданскими служащими выразились в ряде ограничений и запретов, например, в запрете участвовать в управлении коммерческой или некоммерческой организации, заниматься предпринимательской деятельностью, получать вознаграждения в связи с исполнением своих обязанностей и пр. Как мы видим, принят превентивный подход: все, что не вписывается в профессиональную этику государственных служащих, чиновнику запрещено.

В-третьих, интересной особенностью Федерального закона является норма, разрешающая этическую коллизию в случае дачи государственному служащему неправомомерного поручения от руководства (ст. 15 ФЗ № 79): закон запрещает выполнять такое поручение, в противном случае как исполнителю, так и лицу, давшему поручение, грозит ответственность – дисциплинарная, гражданско-правовая, административная или уголовная.

В конце 2018 г. Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации опубликовало Методику формирования и развития профессиональной культуры государственного органа с рекомендуемой единой моделью ценностей, миссии государственного органа, профессиональных компетенций и личностных качеств, которыми необходимо обладать государственным гражданским служащим для успешного осуществлении профессиональной служебной деятельности [4].

1. В рекомендуемую единую модель ценностей вошли: профессионализм и постоянное саморазвитие, честность и добросовестность, ответственность за результат, обеспечение защиты законных интересов граждан и организаций, творческий подход и инновационность, взаимоуважение при взаимодействии с другими людьми. Эти ценности должны корреспондировать профессиональным и личностным качествам государственных служащих (персональной эффективности, системному мышлению, гибкости и готовности к изменениям, к командному взаимодействию).

2. В рамках профессионального взаимодействия с гражданами или организациями рекомендуется проявлять заинтересованность к вопросу заявителя, нести личную ответственность за результат, не перебивать, избегать конфликтных ситуаций, излагать свои мысли четко и в убедительной форме без оскорблений и грубости, соблюдать правила публичных выступлений и предоставления служебной информации;

3. В рамках профессионального взаимодействия с коллегами рекомендуется оказывать поддержку и содействие, проявлять уважение, исключать

обращение на «ты» без взаимного согласия, соблюдать субординацию, не перекладывать работу на коллег, проявлять сдержанность и стрессоустойчивость, не допускать обсуждения личных и профессиональных качеств коллег в коллективе, не допускать публичные высказывания, в том числе в СМИ, в отношении деятельности государственных органов, их руководителей.

4. Рекомендации руководящему составу по развитию профессиональной культуры включают сохранение эмоционального спокойствия по отношению к подчиненным, оказание им помощи в реализации поставленных задач, благодарность за хорошую работу, постоянное поддержание заинтересованности подчиненных в результатах их деятельности, самокритика и признание собственных ошибок, совместный анализ результатов деятельности, в том числе причин неудач.

В 2019 г. Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации разработало Методику нематериальной мотивации государственных гражданских служащих, в которой отмечено, что в числе важных ценностных ориентиров, на которые должны быть нацелены гражданские служащие, следует рассматривать профессионализм и компетентность, честность и беспристрастность [6]. Ценности государственного органа при этом определяются как «основы моральных, этических и нравственных ориентиров деятельности гражданских служащих, направленные на достижение целей, задач и реализацию миссии государственного органа» [5]. Также подчеркнуто, что высшая ценность (права и свободы человека, защищать которые должны государственные служащие) предопределяет следующие основные ценности, которые должны быть присущи каждому гражданскому служащему: профессионализм и компетентность; честность и беспристрастность.

На уровне отдельных министерств приняты кодексы этики – 23 декабря 2010 г. решением президиума Совета при Президенте Российской Федерации по противодействию коррупции одобрен Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих, представляющий краткий свод принципов служебной этики и требований к личным качествам, профессиональному поведению и внешнему виду сотрудников [9].

В Типовом кодексе закреплено, что каждый государственный и муниципальный служащий должен принимать все необходимые меры для соблюдения положений документа, и каждый гражданин Российской Федерации вправе ожидать от служащего соответствующего поведения в отношении с ним. Отмечено, что кодекс служит основой для формирования должной морали в сфере государственной и муниципальной службы, уважительного отношения к службе в общественном сознании, а также выступает как инструмент самоконтроля служащих.

Так, например, служащим предписано воздерживаться от поведения, которое могло бы вызвать сомнение в добросовестном исполнении государственными служащими должностных обязанностей, а также от любого вида высказываний и действий дискриминационного характера, проявлений пренебрежительного тона, заносчивости, угроз, оскорбительных выражений или реплик, действий, препятствующих нормальному общению или провоцирующих противоправное поведение. Государственным служащим рекомендуется быть вежливыми, доброжелательными, корректными, внимательными и проявлять терпимость в общении с гражданами и коллегами.

Нарушение государственными служащими положений Типового кодекса подлежит обсуждению на заседании Комиссии по соблюдению требований к служебному поведению государственных гражданских служащих и урегулированию конфликта интересов. Соблюдение государственными служащими положений Типового кодекса предлагается учитывать при проведении аттестаций в Министерстве транспорта Российской Федерации, формировании кадрового резерва для выдвижения на вышестоящие должности, а также при наложении дисциплинарных взысканий.

Проанализированные этические кодексы государственных служащих федеральных министерств и иных органов государственной власти (МЧС, Министерства транспорта Российской Федерации [7], Министерства экономического развития Российской Федерации, Министерства обороны Российской Федерации и др.) следуют тексту Типового кодекса, за редким исключением. Например, в кодексе Министерства финансов Российской Федерации дополнительно подробно раскрыты требования к внешнему виду [8].

Экзаменация и проверки государственных служащих в том или ином виде предусмотрены при поступлении на государственную службу, в случае присвоения классного чина гражданским служащим, замещающим должности гражданской службы на определенный срок (кроме руководителей); при аттестации государственных служащих в целях определения их соответствия замещаемой должности.

В настоящее время ведутся дискуссии об эффективности системы государственной службы и необходимости ее трансформации. Так, Центр перспективных управленческих решений подготовил экспертную записку «Кадровая политика на госслужбе: текущие проблемы и необходимые изменения», в которой предлагается обновить требования к кандидатам и пересмотреть кадровую политику, в том числе: предоставить государственным органам более широкие полномочия по установлению требований к кандидатам, с учетом функций и полномочий федеральных органов исполнительной власти, а также закрепить возможность увольнять сотрудников за низкую эффективность работы [2].

Стресс на государственной службе. Чиновники – это люди. Люди, которые испытывают стресс. Опасность повторяющихся травмирующих стрессовых ситуаций могут перерасти в серьезное посттравматическое расстройство [13]. К примеру, для чиновников Татарстана, испытывающих стресс, администрация заказывала специальные тренинги еще в 2016 году. Главная задача подобных тренингов: снять стресс, избавить чиновников от эмоционального выгорания [12]. Как показало исследование Института общественного мнения «Анкетолог», «стресс стал неотъемлемой частью рабочего процесса во многих сферах деятельности, но чаще всего от этого страдают госслужащие. Только 20% чиновников довольны тем, чем они занимаются. Почти также, как чиновники, недовольны атмосферой на работе – наемные служащие. Комфортнее всего чувствуют себя владельцы собственного бизнеса и фрилансеры – 53,2% и 34,6% соответственно» [1].

Обратимся к нашему исследованию, проведенному в 2022 году. Мы провели несколько формализованных интервью с представителями федеральных органов. Чиновники – народ закрытый, и большая удача, что некоторые из собеседников согласились ответить на вопросы автора. Для соблюдения анонимности, мы не указываем пол, возраст и орган власти, в котором работает респондент, отметим только их статус – это уровни советников и начальников отделов.

Закрытостью госслужащих также объясняется и тот небольшой эмпирический материал, который нам удалось получить из четырех интервью. Приведем вопросы, которые мы задавали и последовательные ответы на них.

Вопросы:

1. Считаете ли Вы свою работу стрессовой?
2. Если да, то в чем стресс выражается (усталость, бессонница и т.д.)?
3. Что провоцирует стресс?
4. Какие способы борьбы со стрессом Вы используете?
5. Если бы был введен не типовой этический кодекс госслужащего, формализована идеология государственного служения для чиновников, на Ваш взгляд, уровень стресса бы увеличился или снизился?

Респондент № 1:

1. Да.
2. Недостаток времени на отдых с семьей, недостаток личного времени.
3. Непонимание со стороны близких, мелкие скандалы, бессонница, усталость от всего... порой. (Смеется). Ненормированность времени: только в сторону увеличения времени работы со стороны работодателя.
4. Бассейн, баня, фитнес, сон по выходным днем.
5. Если в кодексе будет определен режим ненормированности в пределах 40 часов в неделю, с обеспечением режима компенсации переработок, то да – уровень стресса бы уменьшился.

Респондент № 2:

1. Скорее нет. По большому счету не считаю свою работу стрессовой. Бывают отдельные непростые периоды, но это нормально.

2. Стресс, когда бывает, выражается в каком-то общем напряжении, которое потом сходит на нет.

3. Вероятность ошибиться, большое число задач.

4. Смена рода деятельности.

5. Все зависит от реализации. Формальная реализация ни к чему хорошему не приведет. А вот *если бы госслужащие действительно реализовывали в своей работе и жизни идею служения, то уровень стресса без сомнения бы снизился (курсив мой – А.В.)*.

Респондент № 3:

1. Да.

2. Усталость. С учетом 5-ти часового сна, засыпаю на ходу.

3. Большая нагрузка.

4. Сон, занятие спортом, по возможности.

5. Для меня уровень стресса с введением такого кодекса не изменился, так как работаю более чем честно. Возможно, это бы *стимулировало бы других коллег к большим подвигам на работе, и тогда бы уровень моего стресса снизился бы*.

Респондент № 4:

1. Скорее да, считаю.

2. Внутреннее волнение, постоянные мысли о работе даже в свободное время, попытки быть постоянно в ресурсе, следствием чего является повышенная утомляемость и ухудшение общего состояния здоровья.

3. Постоянная вовлеченность в рабочие процессы, ответственность за действия.

4. Сон, спорт, хобби.

5. А он же и так существует (респондент подразумевает существующий типовой кодекс – А.В.). На мой взгляд на уровень стресса не влияет.

Интерпретация и выводы. С одной стороны, мы видим, что да, действительно чиновники испытывают стресс. Они не роботы, не машины, а такие же люди, как представители любых других профессий: от инженера до врача. Небезынтересно, что респонденты отмечают большую нагрузку и переработки как фактор увеличивающий стресс. Казалось бы, это очевидная вещь, однако, увы, не для массового сознания, полагающего, что чиновники – это дармоеды, которые ничего не делают. Как видим, делают и много, от чего испытывают стресс.

Что касается идеологии государственного служения, то тут мнения разделились, однако наиболее интересен ответ респондента №2. Респондент обращает внимание на то, что к данному вопросу не следует подходить

сугубо формально, нужна творческая мотивация, и тогда нормативно зафиксированная идеология поможет снизить стресс.

Конечно, среди некоторых госслужащих существуют коррупционеры и просто те, кто безответственно относится к своей работе. Для них введения единого стандарта и целой идеологии государственного служения будет претить и вызывать дополнительный стресс, т.к. повысится уровень ответственности перед коллегами, государством, обществом, гражданами.

Таким образом, интерпретируя полученные ответы, мы не претендуем на то, чтобы наши аргументы были истиной в последней инстанции. Тем не менее, исходя из чтения юридических документов и нашего социально-психологического исследования, можно сделать вывод, что стрессы у чиновников есть, и психологическое состояние государственных служащих формализация в виде идеологии государственного служения могла бы поспособствовать если не снятию стрессов, то их минимизации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Аналитики: российские чиновники чаще остальных испытывают стресс на работе // Интернет-газета «Newslab» // <https://newslab.ru/news/893892>.

2. Байтеряков С.В., Барышникова А.В., Копыток В.К., Филиппова А., Шубина Д.О. Кадровая политика на госслужбе: текущие проблемы и необходимые изменения / под ред. М.С. Шклярук; М.: Счетная палата Российской Федерации, Центр перспективных управленческих решений, 2021. № 1 (4) // https://ach.gov.ru/upload/pdf/записка_кадры_30.04.2021.pdf.

3. Воржецов А.Г. Необходима ли России государственная идеология? // Политические вызовы и политический диалог в условиях глобальной турбулентности. Материалы Всероссийской конференции РПАН с международным участием. М.: Аспект Пресс, 2022.

4. Методика формирования и развития профессиональной культуры государственного органа // Минтруд России. 21.11.2018 // <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/gossluzhba/16/15>.

5. Методика нематериальной мотивации государственных гражданских служащих Российской Федерации // Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации // <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/gossluzhba/16/16>.

6. Нематериальная мотивация государственных гражданских служащих Российской Федерации. Методические материалы по вопросам развития государственной гражданской службы и социальной защиты Российской Федерации. 27.02.2019 // <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/gossluzhba/16/16>.

7. Приказ Минтранса России от 25.04.2011 № 121 «Об утверждении Кодекса этики и служебного поведения государственных гражданских служащих Министерства транспорта Российской Федерации» // КонсультантПлюс // <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?rnd=045F87B8297F80EF09B11D49D8822A77&req=doc&base=LAW&n=114378&REFFIELD=134&REFDST=100008159&REFDOC=219036&REFBASE=LAW&stat=refcode%3D16876%3Bindex%3D11809#1xyvn60vq2v>.

8. Приказ Минфина России от 17.04.2014 № 115 «Об утверждении Кодекса этики и служебного поведения федеральных государственных гражданских служащих Министерства финансов Российской Федерации» // КонсультантПлюс // <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=162157&dst=100008%2C0#045196889814272323>.

9. Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих // Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации. 23.09.2019 // <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/anticorruption/9/3>.

10. Указ Президента РФ от 12.08.2002 № 885 «Об утверждении общих принципов служебного поведения государственных служащих» // КонсультантПлюс // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_38140/.

11. Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // КонсультантПлюс // <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=380474&dst=1000000001%2C0#029705516834083445>.

12. «Чиновничья судьба – нелегкая. Состояние стресса у человека присутствует постоянно» // Реальное время // <https://realnoevremya.ru/articles/27899>.

13. American Psychiatric Association. Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders. Arlington, VA: American Psychiatric Publishing, 2013.

A.M. VAFIN

*MA in Counselling, PhD in Political Sciences, Associate Professor
of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications
of the Department of Mass Communications and Media Business
of the Financial University under the Government
of the Russian Federation, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0001-9368-9967*

THE IDEOLOGY OF PUBLIC SERVICE IN THE CONTEXT OF THE STRESS OF OFFICIALS

In the article, the author examines stress in civil servants. To understand the specifics of stress among officials, a study was conducted. The author raises an urgent question about the ideology of public service as a factor that could increase the motivation of conscientious officials to work and reduce stress. To identify the elements of the ideology of public service, the normative legal acts of the Russian Federation are analyzed.

Key words: *civil service, officials, stress, ideology of public service, ethics, political psychology, political and legal approach.*

К.В. ЧИСТОПРУДОВ

*аспирант кафедры политологии и этнополитики
РАНХ и ГС при Президенте РФ,
Россия, г. Москва*

Д.К. ГРИГОРЯН

*кандидат политических наук,
доцент кафедры политологии и этнополитики
РАНХ и ГС при Президенте РФ; доцент кафедры криминалистики
и оперативно-розыскной деятельности Ростовского юридического
института МВД России, Россия, г. Ростов-на-Дону*

ПРОТИВОРЕЧИЯ ПРОЕКТИРОВАНИЯ И МОДЕРНИЗАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОСТМОДЕРНА

Статья посвящена исследованию трансформации практики политического проектирования в условиях постмодернистского общества и господства массового стандартизированного сознания. Цель статьи – раскрытие противоречий, которые сложились между концептуальным уровнем проектирования политической реальности и механизмами модернизации социальной и в целом публичной коммуникативной реальности. Описание противоречий исходит из доминирующего влияния самой культурной ситуации постмодерна, в рамках которой традиционные концепты социально-политического конструктивизма оказываются в зоне критики и деструкции. В условиях постмодернистского общества проектирование возможно, как практика перформативного выражения налично сложившейся ситуации субъектов взаимодействия и коммуникации. Политический перформанс рассматривается как своеобразное выражение новой онтологии социальной реальности. Принятие той или иной стратегии субъектами власти носит перформативный характер. Противоречия между проектированием и модернизацией могут быть преодолены именно за счет изменения самого языка – исходной системы значений, внутри которой формируется пространство референции присутствующего субъекта.

Модернизация по своему историческому генезису связана с научной рациональностью как основой развития социальных систем и производства, выработки технологического вооружения. В проекции западной модели модернизации на современное российское общество обнаруживается

зазор между формализованной публичной коммуникацией и общественным сознанием. Его восполнение средствами политического проектирования возможно лишь при условии отказа от конструктивистской установки социального планирования.

Методология исследования носит комплексный междисциплинарный характер. В условиях конвергенции различных отраслей социального знания и практик его применения с целью формулировки политической стратегии в обществе исследование политической сферы должно опираться на аналитику традиционных и новых концептов, самого языка, с помощью которого выстраивается сама политическая реальность в современном мире.

Ключевые слова: модерн, постмодерн, политический перформанс, стратегия, проектирование, модернизация, научная рациональность, язык.

Актуальность исследования политического проектирования в социально-политическом контексте современного российского общества обусловлена прежде всего существующими серьезными пробелами в политологическом концептуальном осмыслении процессов трансформации политической деятельности и политической реальности, вовлеченных в инновационные практики обмена и коммуникации. Несмотря на то, что сама по себе тематика проектной и проективной деятельности звучит сегодня достаточно востребовано, обращение к ней на уровне целостного фундаментального осмысления эволюции общества и социальных систем имеет свои культурно-исторические предпосылки. Связаны они непосредственно с содержанием модерна как рубежной для самоопределения (самосознания) общества эпохи и его современного – постмодернистского – прочтения. Как явление культуры и как феномен современного политического сознания постмодерн представляет собой не просто контекст исследования политического проектирования в условиях востребованности обновленных подходов к осмыслению механизмов управления в посткризисном или транзитивном обществе.

В самом точном смысле слова постмодерн как состояние «пост» – после определенного рубежа в историческом развертывании цивилизационно-исторического типа существования определенного формата – означает глубинные изменения не только на уровне символического кодирования культуры (по типу классического опыта самосознания традиции или отдельных социальных субъектов), но и радикальные подвижки в самом фундаменте – языке, на котором получает свое выражение политическая и всякая иная общественно значимая реальность. Язык – не просто форма передачи культурных кодов. Он обладает мощным конституирующим потенциалом. И именно в сфере языка постмодерн как явление политического порядка представляет собой особый интерес в рамках современной политологической мысли. Сама возможность проектной деятельности в современном социуме

существенно определяется не каким-то технологическим контекстом или материальным содержанием; современное социально-политическое проектирование неверно оценивать в терминах, аналогичных архитектурному проектированию. Последнее есть создание некоего идеального плана будущего сооружения. Политические реалии же таковы, что любой заранее сформулированный план обречен на фиаско. И не потому, что он плохо прочитан или мало привязан к злободневной повестке дня. Причина кроется в том, что идеальное планирование исходит из «нулевой» ситуации бытия субъектов, из «чистого листа». Тогда как реальное проектирование в современных условиях более правильно было бы именовать «лингвистическим переводом» – с языка повседневного опыта на более формализованный язык публичной коммуникации.

Первая трудность и противоречие, с которым сталкивается политическая теория в условиях необходимости совершенствования механизмов управления, заключается в том, что концепт «проектирование» был сформирован еще в XIX в., и выражал собой не что иное, как базовую для всего модерна интуицию переустройства всего общества, социальной, гражданско-правовой, экономической и политической систем, на определенных заранее сформулированных идеологических началах. Современность, как она определяется практически во всех ведущих направлениях социальной и философской мысли в качестве постмодерна, с этой точки зрения есть антитеза различным попыткам сознательного воздействия на реальность общественного развития. Проектирование как конструирование в постмодернистском дискурсе фактически подвергается не только сомнению, но и деструкции.

С этим связано и второе противоречие, разрешение которого может составить основание для выстраивания концептуальной политологической стратегии обоснования политического проектирования в условиях модернизации всех общественных систем и институтов в нашей стране. Речь идет о том, что сама модернизация российского общества, о которой так много говорится на протяжении последних нескольких десятилетий, в своих исходных идейных, ценностных и символических позициях, опирается на заимствованные нормы и принципы социального и политического проектирования. Конкретно, западные идеалы и получившие высокую ликвидность в условиях глобализации схемы планирования экономического роста и публичного коммуникативного пространства, внутри которого политическая реальность уже обрела совершенно новые качества. По оценке самих западных авторов еще второй половины XX в., реальность, которая не укладывается ни в какие существовавшие ранее стратегии конструирования.

Главное отличие постмодерна от модерна: произошел естественный отказ от фундаментализма и конструктивизма в пользу своеобразной политической и социальной «онтологии» присутствия, фактической

ситуационности. В этих условиях любой политической проект на стадии своей реализации в плоскости гражданских инициатив или принятия решений субъектами политического волеизъявления оборачивается в спектакль в том точном определении, на которое указывал французский теоретик современности еще в конце 1960-х годов Г. Дебор: «Спектакль, т.е. стирание границ между «я» и миром, посредством деформации «я», одолеваемого присутствием-отсутствием мира, равным образом, есть стирание границ между истинным и ложным ввиду вытеснения всякой переживаемой истинности под реальным присутствием ложности, которую обеспечивает организация мнимости. Тот, кто изо дня в день пассивно подчиняется участи отчуждаемого, тем самым доводится до безумия, которое иллюзорно реагирует на эту участь, прибегая к магическим техникам» [5. С. 113].

Иными словами, любое проектирование как стремление воплотить в реальность тот или иной желаемый или требуемый образ действительности, находится на значительной дистанции от создания или конституирования определенной общественной модели. Коварную роль в этом играет особенность публичного коммуницирования и интеракции (особенно с учетом влияния информационных технологий и виртуальных социальных сетей). – Любое действие или даже просто публичное высказывание как единичный атом социального или политического действия, как его минимальный далее не разложимый элементарный корпускул, переведенные в плоскость всеобщей доступности, обретают мнимую ценность и некоторое значение. Для его реципиента теперь уже совсем не важно, есть ли у такого означающего реальный, фактически существующий референт, означаемое.

Такое политическое проектирование вращается в плоскости чистых знаков, которые отсылают друг к другу. Эти взаимные ссылки и отсылки и образуют материю аргументации и выстраивания политической стратегии в современных условиях. Укреплению такой их роли активно способствуют СМИ, виртуальная коммуникативная среда сетевого типа, внутри которых субъектность обретается просто самим актом высказывания или публичной демонстрации [4]. «Социальная сеть – это общество, однако оно существенно дифференцировано и состоит не из членов, являющихся социофорами, носителями социальных ценностей, а из квазиличностей, претендующих на самостоятельность и уникальность собственных ценностных тезаурусов. У социальной сети есть собственные ценности, но они неопределенны и вариативны. Участник социальной сети не обладает подлинностью, он представляет собой набор личин, которые он может поменять и ни с одной из которых он не обязан идентифицироваться. Безответственность участника социальной сети – его характерный антропологический признак» [7. С. 7].

Любая политическая программа, которая ранее, в эпоху модерна, и составляла основу проекта, теперь есть просто текст. Не обязательно

написанный или озвученный, прочитанный или переписанный. Текст, который мало привязан к реальности, существующей вне рамок публичного пространства. Его рациональность, внутренняя собственная логика, не могут расцениваться в категориях стратегического мышления (и, соответственно, классического планирования). Любая стратегия прежде всего предполагает наличие четко понимаемой цели и совокупности смыслов, ценностей. Традиционный политический строй прошлого как раз и был неким телосом (греч. *télos*) как опытом цели и ее же реализации. Развертывание социальной реальности, ее саморазвитие, полагали цели как элементы «строительных лесов» общества (например, западноевропейские монархии эпохи барокко XVII-XVIII вв.). Энергия социально-политического преобразования в прошлом питалась осознанием целей.

Современный же текст в этом отношении принципиально ризоматичен. По нашему мнению, выдвинутый Ж. Делезом концепт «ризомы» как нельзя лучше фиксирует эту ситуацию фундаментальной неопределенности и децентрации любого социально или культурно значимого действия в постмодернистском обществе. «Быть ризоморфным – значит производить стебли и волокна, которые кажутся корнями, или, лучше, связываются с последними, проникая в ствол, рискуя заставить их служить новыми странными способами. ... У многих людей в голове сидит дерево, но сам мозг – это скорее некая трава, чем дерево» [6. С. 26-27]. Тем самым французский аналитик подчеркивает антигенеалогический характер структуры опыта. А это и означает, что любой проект, собственно, теряет свои главные признаки – наличие некой исходной, порождающей ситуации, некоего начала, требующего своего разрешения в ином – в предполагаемом будущем сценарии. Классический проект есть сценарий. Однако ключевое отличие ситуации постмодерна в том и заключается, что она не поддается дешифрации через структуры сценария. Более правильным определением проекта сегодня было бы реферирование события, той или иной политической ситуации. Сценарному типу проектирования противостоит событийный тип социального и политического развития. Более точным концептом, который позволяет теоретически выразить особенность политической или социальной публичной деятельности в наши дни, является, как это ни странно звучит, перформанс. Именно перформанс. «Событие, соединяя в себе перформативные черты, несет определенный заряд, создавая инновацию. Перформанс отказывается от произведения в пользу уникального события, происходящего лишь один-единственный раз, в связи с чем возникает проблема фиксации» [9. С. 97].

Данный концепт по своему происхождению связан не с политической теорией, а с эстетикой, с осмыслением опыта искусства XX века, в том числе постмодернистского искусства высокоурбанизированной жизненной среды последних десятилетий в развитых и активно развивающихся регионах

планеты. В самом общем виде, перформанс означает ситуацию выражения какой-то идеи или смысла, в которой участвуют и «актеры», и «зрители» на равных правах (англ. Performer – исполнитель, позер, действующий демонстратор и т.п.). Перформативно любое действие, которое как некая акция выражает саму ситуативность присутствующих (вовлеченных) субъектов. Подчеркнем, что речь не идет о каком-то союзе актера и зрителя. Тем более, как мы хорошо знаем, равноправные союзы – самые непрочные. Понятие «перформанс» как характерологический концепт современной культуры и политической реальности как раз и призван объяснять глубинные причины низкой эффективности или ее полного отсутствия политического проектирования. Если под проектированием понимать в модернистском смысле конструирование желаемого образа общества, государства или отдельного социального образования.

Вся современная культура (не только искусство в узком смысле слова как род художественной деятельности или как социальный институт) перформативна: она покоится на опыте присутствия и выражения налично данного. Между субъектом восприятия и предметом устранены барьеры и дистанции, как физические, так и символические. Опыт сознания субъекта, поток перцепции и есть ситуация рождения образа, смысла, идеи. Такой ситуации не предшествует никакой сценарий. Структура такого опыта открыта и позволяет явиться, раздаться любому вариативному смыслу в потоке индивидуального выражения.

Не случайно, политическая реальность нашего времени во многом производна именно от специфики городского образа жизни. Современный город, в котором царят массовая культура и идеалы ультрагедонизма, потребления, критического пафоса по отношению к традиционным ценностям прошлого, есть та жизненная среда, в которой сама повседневность как текущий актуальный опыт рядовых граждан оказывается не просто результатом проектирования, но сама и есть такое проектирование («муравейник»). Которое с этой точки зрения уже нельзя назвать проектированием, сохраняя классические коннотации данного термина, на которые опиралась политическая теория эпохи модерна. Жизнь индивида, активно вовлеченного в процесс символического потребления (а оно именно таково, его сугубо витальная составляющая минимизирована), вращается в системах знаковых различий и кодовых фракталов. Она не есть результат ни в каком онтологическом или конструктивистском смысле слова. Том смысле, о котором писали представители европейской гражданско-правовой и социально-исторической мысли прошлого (Кант, Гегель, Маркс и др.), а также более поздние теоретики символического интеракционизма [2; 8] и социального конструктивизма [1]. Ее точное определение возможно только как процесс. То есть, говоря языком постмодернизма, текст, существующий не как среднее звено между автором и читателем, а как исходная, первоначальная система координат, внутри

которой уже потом располагаются авторы и читатели, актеры и зрители, художники и их музы.

В широком смысле слова политическое действие сегодня может и должно быть определено как политический перформанс. У такого политического проекта (теперь данный термин логично было бы взять в кавычки) нет автора, и его информативность весьма своеобразна: он ничего не сообщает зрителю, поскольку сам зритель его конструирует в своем восприятии. Самое главное: современный политический проект не является отражением какой-то отстоящей от него самой реальности. Политическая реальность и есть, собственно, то, что полагается подобным проектированием. Он потому очень удобен с прагматической точки зрения. Автору всегда можно предъявить требования, критику, хвалу, дать оценки и т.д. Если же, как это происходит сегодня, политическое действие есть не реализация некой стратегии, а изображение самого себя, есть производство тех смыслов, которые рождаются исключительно в потоке восприятия такого изображения и в расчете лишь на собственное восприятие (а не на преобразующее производство реальности), то критика или рефлексия такого действия или такой политической реальности также превращается в самый настоящий перформативный поток, сам себя регистрирующий, сам себя реферирующий и сам себя определяющий как минимальный политический акт. Любое противопоставление такому присутствующему выражению смысла или «цели» никогда не достигнет своего конечного результата. Каждое новое сказанное слово автоматически становится участником ризоматического выражения реальности, театрализованного «карнавала» публичного взаимодействия. Его критический настрой обнуляется в этом перформативном потоке совместного диалогового или даже полилогового действия. Создается иллюзия, что каждый индивид, гражданин и даже уличный маргинал, уже является со-автором существующего политического или социального порядка или контрпорядка. Поэтому различные акции протеста, попытки сопротивления действиям власти, и даже нарушения формально-юридических норм, закрепленных законодательно, превращаются в «игру».

С одной стороны, тем самым в современном обществе, казалось бы, реализована фундаментальная цель всей эпохи модерна. Освободившийся индивид, личность, теперь сам принимает активное участие в публичном политическом действии. Для этого ему отныне не надо входить в определенные концептуальные тезаурусы или этические (эстетические) ритуалы или поведенческие структуры. Текущая рядовая повседневность, сопряженная с положением человека в большом Городе со всеми его функциональными подсистемами, сама оказывается той площадкой, на которой свобода экзистенциальная конвертируется в свободу социальную. Активность творческая оборачивается активностью социальной, ролевой.

С другой стороны, такая реализация и подобное «освобождение» приводят к более тотальному фронтальному охвату общества глобальными трендами и полями влияния. Большой город современной цивилизации – это то жизненное пространство, в котором стирается грань политического или социально-экономического различия. Проектирование в этих условиях если и возможно, то как проговаривание определенных «правил игры», некое знаково-символическое условия выраженности субъекта и его воли. Однако, дело не только в этом устанавливаемом господстве «паноптикон», о котором писал еще Мишель Фуко [10. С. 285-334]. Тем более, что сам французский мыслитель проводил анализ прежде всего истории формирования определенной дискурсивной практики, важной вехой в которой стала как раз эпоха Просвещения и модерн.

Проблема осложняется тем, что перформативное стирание границ социально-политического различия и градиентности, столь важное в конструктивизме модерна и проектах прошлого (Просвещение и Модерн в литературе сами чаще всего и рассматриваются как большие исторические проекты), высвечивает иной, более глубокий пласт противоречий, с которыми сталкивается сегодня политическое проектирование. Причем, если говорить о современном российском обществе, то данные противоречия обнаруживаются куда более резко в своем влиянии не только на медийную повестку дня, но и на внутренние процессы развития. Данный пласт индицирует то, что дискурс модернизации в своем генезисе связан непосредственно с эволюцией западного типа социальности, опирающегося на прямое использование результатов научно-технического прогресса, на развитие научной рациональности.

Сциентистский тип рациональности как совокупность ментальных приемов и аксиологических установок гораздо глубже погружен в опыт повседневности и политической деятельности, чем просто набор отвлеченных формул или идей. Другими словами, модернизация в обществе не может сводиться к простому реформированию или внедрению новых технологий. Модернизация требует коренного перелома в процессе самосознания индивидов, в идентификации общества в целом. И поскольку основа модернизации (равно как и модерна) есть наука, научный способ отношения к миру и соответствующая картина реальности, то трансформация социально-политической жизни не может не затрагивать внутренние механизмы соотношения личности с той или иной системой исходных значений, символов, идей. Поэтому, в сложившихся условиях сегодня, даже если политическое проектирование рассматривать как опыт со-авторского выражения определенной квазистратегии, оно в любом случае будет входить в явное противоречие с процессами модернизации. Последние нельзя редуцировать к преобразованию чего-то устаревшего. Идеал будущего, нового, сверхсовременного, который уже более века царит в общественном сознании западного

мира, не стал чужд и российскому политическому мышлению. Проблема заключается в том, что его реализация требует радикального слома существующей системы государственных институтов, изменения восприятия образа самого государства в массовом представлении. Формализованная научная рациональность как тип коммуникации и аргументации не может просто функционально обслуживать политические интересы отдельных групп или субъектов. Наука не знает политических границ. Там, где эти границы выстраивают искусственные барьеры, результат научного поиска или творчества не приживается. Выработка новых норм, критериев должного и желаемого устройства, опирающаяся на научную рациональность и соответствующие практики публичного выражения, не может оставаться в заданных рамках политического действия (решения).

Два охарактеризованных противоречия проектирования и модернизации, связанные с перформативным характером всего постмодернистского общества, его культуры и социальности, а также с невозможностью проведения модернизации общества на основе научных инноваций и рациональности в условиях жесткой государственной ограниченности коммуникативного ресурса, на примере современного российского общества подтверждаются не менее ярко, чем в любой другой развивающейся стране. Декларируемые попытки избежать влияния западных ценностей и идеалов массовой культуры не приводят к видимому результату именно потому, что каналы проникновения таких ценностей не подвластны никакому политическому волеизъявлению: они составляют кровеносную систему всей современной цивилизации как единого социально-экономического и информационного организма. Россия – часть этой цивилизации, конечно, со своим особенным культурно-историческим складом и прошлым, как и многие другие крупные субъекты международного общения (страны Америки, Востока, Азии и др.). Поиск путей совершенствования управления процессами модернизации социальности или политической системы, – задача, которая вряд ли может быть решена посредством математизированного «исчисления» или калькуляции оптимальных режимов функционирования той или иной подсистемы или организации.

Для устранения противоречия между проектированием и модернизацией требуется преодоление реальности совершенно иного рода – «гиперреальности» социального, о которой писал еще Ж. Бодрийяр [3. С. 93]. Главная отличительная особенность такой гиперреальности – конструирование реальности того, что никогда не обладало никаким онтологическим статусом. В обществе постмодерна такой гиперреальностью стала сама социальность, политическая реальность, и даже экономика. Со свойственным российской традиции идеократическим типом проектирования субъекты политического действия сегодня полагают определенные образы будущего в качестве актуально существующей сферы выражения интересов всех

участников общественного взаимодействия. Другими словами, отмеченная нами выше перформативность современной политики оборачивается тем, что реализация той или иной программы опережает само общество в его объективной готовности принять то или иное совершенствование механизмов воспроизводства. Происходит разрыв между областью значений в политике, между публичной коммуникацией и областью означаемых, между языком и референтом.

В качестве возможного механизма преодоления данного противоречия можно рассматривать качественную перестройку современного политического языка, отказ от устаревших устоявшихся концептуальных схем в процессе формулирования целей политической деятельности. При этом понятно, что такая глубокая переработка языка возможна только при условии достижения определенного общественного консенсуса и внутреннего единства элитарного и массового сознания. Феномен политического перформанса, о котором шла речь выше, во много и есть современный способ снятия противоречия массового и элитарного в политике и социальности в целом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания / пер. с англ. Е. Руткевич; Моск. филос. фонд. М.: Academia-Центр; Медиум, 1995.
2. Блумер Г. Символический интеракционизм / пер. с англ. А.М. Корбуа. М.: Элементарные формы, 2017.
3. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального / пер. с фр. Екатеринбург: Изд-во Урал, ун-та, 2000.
4. Григорян Д.К., Кондратенко Е.Н., Ларкин А.Н. Проблема влияния интернет-технологий на политическое сознание молодежи в современной России // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 3.
5. Дебор Г. Общество спектакля / пер. с фр. М.: Логос, 2000.
6. Делез Ж. Тысяча плато: капитализм и шизофрения / пер. с фр. и послесл. Я.И. Свирского; науч. ред. В.Ю. Кузнецов. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010.
7. Докучаев И.И. Глобальный перформанс: контуры культуры XXI века // Вопросы культурологии. 2011. № 11.
8. Келли Дж. Теория личности: Психология личных конструктов / пер. с англ. и науч. ред. А.А. Алексеева. СПб.: Речь, 2000.
9. Фомченко Е.В. Перформанс как современный ритуал // Вестник культуры и искусств. 2019. № 4 (60).

10. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: «Ad Marginem», 1999.

K.V. CHISTOPRUDOV

*Postgraduate student of the department
Political Science and Ethnopolitics Department, Russian Presidential
Academy of National Economy and Public Administration,
Moscow, Russia*

D.K. GRIGORYAN

*Candidate of Political Sciences,
Associate Professor of the chair of D. in Political Science and
Ethnopolitics
at the Russian Presidential Academy of National Economy and Public
Administration; Associate Professor of Chair of Criminalistics
and Investigative Activity of Rostov Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russia*

THE CONTRADICTIONS OF DESIGN AND MODERNIZATION IN THE CONTEXT OF POLITICAL POSTMODERNITY

The article is devoted to the study of the transformation of the practice of political projection under the conditions of postmodern society and the domination of mass standardized consciousness. The aim of the article is to reveal the contradictions that have developed between the conceptual level of political reality design and the mechanisms of modernization of social and, in general, public communicative reality. The description of contradictions comes from the dominant influence of the cultural situation of postmodernism itself, within which the traditional concepts of socio-political constructivism find themselves in the zone of criticism and destruction. In the conditions of postmodern society, projection is possible as a practice of performative expression of the present situation of subjects of interaction and communication. Political performance is seen as a peculiar expression of a new ontology of social reality. The adoption of one or another strategy by the subjects of power is performative in nature. Contradictions between projection and modernization can be overcome precisely by changing the language itself – the original system of meanings within which the reference space of the present subject is formed.

Modernization in its historical genesis is associated with scientific rationality as the basis for the development of social systems and production, and the development of technological weapons. The projection of the Western model of modernization onto contemporary Russian society reveals a gap between formalized public communication and public consciousness. This gap can only be filled by means of political projection if the constructivist attitude of social planning is abandoned.

The research methodology is of a complex interdisciplinary nature. With the convergence of different branches of social knowledge and the practices of its application in order to formulate a political strategy in society, the study of the political sphere must be based on an analysis of traditional and new concepts, the very language with which the very political reality in the modern world is constructed.

Key words: *modernity, postmodernity, political performance, strategy, projection, modernization, scientific rationality, language.*

М.В. АФОНИН

*кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой прав человека Российского
государственного социального университета,
Россия, г. Москва*

А.Л. КРИВОВА

*преподаватель кафедры прав человека
Российского государственного социального университета,
Россия, г. Москва*

С.А. КУДРЯВЦЕВ

*аспирант кафедры политологии
и прикладной политической работы Российского
государственного социального университета,
Россия, г. Москва*

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИКИ ПО БОРЬБЕ С БЕДНОСТЬЮ

В статье рассматривается проблема бедности в современной России как одна из острейших социальных проблем. Приводятся основные подходы определения бедности в мировой науке. Проанализированы правовые документы и единые принципы в разных странах установления прожиточного минимума. Авторами предложен ряд мер с учетом гендерного фактора, позволяющих значительно снизить уровень бедности населения Российской Федерации.

Ключевые слова: *низкий уровень доходов, абсолютная бедность, относительная бедность, субъективная бедность, потребительская корзина.*

M.V. AFONIN

*Candidate of law sciences, associate professor,
Head of the Human Rights Department
Russian state social university,
Moscow, Russia*

A.L. KRIVOVA

*Lecturer of the Human Rights Department
Russian state social university,
Moscow, Russia*

S.A. KUDRYAVTSEV

*Postgraduate student of the Department of Political Science
and Applied Political Work, Russian state social
university, Moscow, Russia*

LEGAL ASPECTS OF INTRODUCING POLICY AIMED AT REDUCING POVERTY

The article examines the problem of poverty in modern Russia as one of the most acute social problems. The main approaches to the definition of poverty in world science are given. Legal documents and common principles in different countries of the establishment of the subsistence minimum are analyzed. The authors have proposed a number of measures taking into account the gender factor, which can significantly reduce the level of poverty of the population of the Russian Federation.

Key words: *low income, absolute poverty, relative poverty, subjective poverty, consumer basket.*

The issue of poverty is one of the most pressing issues plaguing modern Russia. For a large part of the population the poverty triggers disparity in access to the development resources, such as a well-paid job, quality education and health services, and means of successful socialization of children and youth. The low income level of a significant part of families, combined with excessive income polarization, causes a social rift and social strain in society, hinders the successful development of the country, and contributes to crisis processes in the family and society. The importance of reducing poverty has been highlighted by President Vladimir Putin in his last address to the Federal Assembly of the Russian Federation.

There are three main approaches to defining poverty introduced in a world science and practice, namely, absolute poverty (an income to expenditure ratio), relative poverty, and subjective poverty (based on the self-assessment of the respondents) [1].

Absolute poverty is calculated on the basis of a comparison of per capita income and the subsistence minimum (with an absolute concept) or per capita income and the relative poverty level (40-60% of the median or average of income distribution of the population).

Relative poverty is calculated on the basis of the consumer qualities of a family (household), and it is understood as the lack of access to non-expendable property, consumer goods and services for a particular household, compared to a standard level of consumption prevalent in the society. Deviations from the standard level of consumption in society are termed deprivation or destitution. Family poverty is defined as a combination of various types of deprivations observed in one household.

Subjective poverty is calculated on the basis of the respondent's own assessments of their financial status, opportunities to make ends meet, pay for housing, medicines, education, etc.

A combined methodology of poverty research is used in international studies conducted by the UN; it is based on a combination of all three concepts of poverty: absolute, relative and subjective. The status of the poor is given to household that simultaneously tick all three metrics. These are the families that have incomes and, correspondingly, expenses, below the subsistence minimum, experience deprivation in the sphere of consumption, and subjectively estimate their household as poor.

In all countries pursuing a poverty reduction policy, the uniform principles of ascertaining the minimum standards of living have been established. They are defined in C117 – Social Policy (Basic Aims and Standards) Convention No. 117 (Article 5, Part 2) and C082 – Social Policy (Non-Metropolitan Territories) Convention: "In ascertaining the minimum standards of living, account shall be taken of such essential family needs of the workers as food and its nutritive value, housing, clothing, medical care and education".

The composition of the consumer basket of various states implementing this method of measuring poverty varies depending on the level of economic development of the country and society's perceptions on quality of life and the standard of living.

In the USA, calculations of the consumption budget have been conducted for 100 years. To study the minimum standard of living, consumer budgets of the minimum cost of living are usually used. They are comprised of quantitative sets of goods and services estimated at retail prices. For example, in 1917 the budget of minimum comfort was calculated for workers and employees of the American railways in the USA. In 1919 the Bureau of Labor Statistics, BLS calculated

budgets for one-person households and families of the civil servants. During the economic crisis of the 1930s, budgets were developed in the USA that took into account only the physiological needs of a person. In 1945, the Federal Bureau of Labor Statistics calculated regulatory minimum budgets for the unification of income tax amounts.

The regulatory budget of the Geller Committee is widely known among specialists. Its purpose is to measure the cost of a typical standard of living of an American family of 4 people (a working husband, a non-working wife, a 12-year-old son, and an 8-year-old daughter). The budget was based on the median method, when the budget includes goods that are bought or are in use by at least half of the surveyed families.

In 1966 the value of the subsistence minimum corresponding to the poverty line in the United States amounted to \$666 per month for a single person and \$ 1,337 for a family of four.

The UK consumer basket includes expenditures on food products, catering, alcoholic beverages, tobacco products, housing equipment (furniture, electrical appliances, housing and communal services, telephone use), recreation (entertainment, audio-visual equipment) and travel, car maintenance, as well as the use of public transport.

In recent years a minimum consumer budget equal to 50% of the median income of the population has been used as a poverty level in all countries of the European Union.

In the former socialist countries located in Europe, the calculations of minimum consumption budget are determined by the limited financial capabilities of these states. In Bulgaria, for example, the social protection of the poor is based on one indicator – a basic minimum income guaranteed by the state. It is several times lower than the subsistence level and the minimum consumption budget. In Croatia, the subsistence level is set as a percentage of the minimum wage. Thus, for a single person, it amounts to 65% of the minimum wage, for a household of two people – 110%, etc. In Hungary, the food basket is filled article by article, and the rest of the major costs (for services and apartment maintenance) are determined by the total amount, which should not exceed the food expenses.

Laws on minimum consumer budgets have been adopted in neighboring countries, i.e., Belarus, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Moldova, and Ukraine. Belarus and Moldova use a normative method for determining the subsistence minimum, based on the valuation of sets of consumer goods and services (as well as Russia). Ukraine and Kyrgyzstan use a combined normative and statistical method. In Ukraine, since 1994, the law “Of the poverty threshold” has been in force, and it determines the subsistence level of the country's population. The indicator “poverty threshold” is used to determine the level of poverty and the right to demand state social assistance. This indicator is calculated only for disabled citizens on the basis of a standard set of food products (30 products with a daily calorie

content of 1835.6 kilocalories) and less than 30% of the share of expenditures on non-food products and services.

The official approach to the definition of poverty in the Russian Federation is based on the concept of absolute poverty: the poor include households and citizens living alone with incomes below the cost of the subsistence level [3. P. 27-32].

Pursuant to Article 1 of Federal Law No. 134-FL of October 24, 1997 “About the subsistence minimum in the Russian Federation”, the consumer basket is the minimum set (in kind) of food, non-food items and services necessary to preserve human health and ensure their vital activity. Subsequently, the subsistence minimum is the cost assessment of the consumer basket, as well as mandatory fees and payments.

The subsistence minimum in the Russian Federation is established by law (Article 2 of the Federal Law under consideration) for the following purposes [2]:

- assessment of the standard of living of the population of the Russian Federation when drafting and implementing social policies and federal social programs;
- justification of the minimum wage and minimum old-age pension established at the federal level, as well as determination of the number of scholarships, allowances, and other social benefits;
- formation of the federal budget;
- assessment of the standard of living of a particular constituent entity of the Russian Federation;
- provision of social assistance to low-income citizens;
- formation of budget in the constituent entities the Russian Federation.

According to Russian legislation, the federal consumer basket, the federal subsistence minimum for the main socio-demographic groups of the population (children, able-bodied population, pensioners), as well as methodological recommendations for the development of the consumer basket and the minimum subsistence level are established by the Government of the Russian Federation [4. P. 770-780]. The consumer basket and the subsistence minimum in the constituent entities of the Russian Federation are established, respectively, by the legislative and executive authorities of the constituent entities of the Russian Federation with regards to natural and climatic conditions, national traditions, peculiarities of local consumption, etc. Officially established subsistence minimum levels (both federal and regional) are reviewed quarterly [2].

However, the reality is that existing measure are insufficient. We should adopt a nationwide program aimed at combating poverty, which should include, along with general economic and social measures, gender-sensitive measures. Particularly, in our opinion, it should cover the following areas:

- I. In the field of business and employment one should:

1. Increase the wages of low-paid public sector workers in order to reduce the wage gap between women and men.

2. Promote the creation of equal conditions for women and men in the competitive labor market.

3. Encourage women to engage in activities and specialties that are in demand on the labor market to increase their chances at getting a job.

4. Take into account the gender structure of the unemployed while creating new workplaces.

5. Conduct a gender analysis of job creation for women and men in economic sectors.

6. Carry out economic calculations of the effectiveness and social consequences of job creation for women and men.

7. Encourage employers to create workplaces for women.

8. Make pension deductions from the amount of the basic salary during the maternity leave of a woman.

9. Increase the effectiveness of microcredit programs for poor citizens by strengthening their targeting, transparency, and prioritize low-income women while introducing microcredit programs; one should also provide support to rural women in organizing their own business (training, micro-credit).

10. Recommend that local executive bodies should involve women in the promotion and dissemination of knowledge in the business field (an in the field of agricultural technologies).

11. Expand the list of available workplaces in community service for registered unemployed, with regards to their higher education, qualifications, and preferences of the unemployed.

12. Engage companies and nongovernmental organizations in retraining for the unemployed in demanded specialties, with regards to their preferences and their schooling level.

13. Engage nongovernmental organizations, local executive bodies, and job centers in conducting international trainings on social adaptation, self-management, proactivity, and creativity.

II. In the political field, one should:

1. Explore the possibility of introducing a quota to offer women higher leading positions.

2. Hold public hearings on the quota for women in public employment, local and high legislative elections.

III. In the social protection field, one should:

1. Expand a number of impoverished individuals receiving targeted social allowance and increase its accessibility.

2. Increase sustainable access of low-income senior citizens to housing in a nursing home.

3. Improve the government transfers system by expanding a number of targeted social allowance by re-evaluating various household types.

4. Introduce the Lone Parent's Allowance provided in cases of low income per family member is confirmed.

5. Adjust the pension sizes by age limits taking into account the living conditions of a senior citizen and whether they can receive the financial support from other members of the family.

6. Establish the guaranteed minimum of medical and social services in line with the real needs of the elderly.

IV. In the health care field, one should:

1. Expand the scope of free medical services for children and their mothers.

2. Ensure the availability of free services in obstetrics and gynecology, especially for pregnant women; one should facilitate earlier detection and treatment of the reproductive system of girls.

3. Ensure further improvement of the family planning strategies.

4. Provide free or preferential purchase of a certain list of medicines to the elderly and the disable, who receive a minimum pension.

V. In the education field, one should:

1. Expand targeted social allowance for schoolers from low-income families.

2. Reduce the proportion of students who do not attend school.

3. Challenge a traditional view on the gender roles of men and women, which interferes with advancements in their career; introduce programs on compulsory gender education in secondary schools, universities and state institutions.

Thus, the legislative consolidation of the anti-poverty strategy will help to activate the processes of overcoming poverty, both on the part of the state and on the part of the population.

REFERENCES:

1. Bednost': prichiny, sledstviya, puti preodoleniya // http://www.chelt.ru/2010/1-10/roik_1-10.html.

2. Federal'nyj zakon № 134-FZ ot 24 oktyabrya 1997 g. «O prozhitochnom minimume v Rossijskoj Federacii».

3. *Kosharnaya G.B., Karimova L.F.* Adaptacionnye strategii bednogo nasele-niya v regione (gendernyj aspekt) // *Social'no-ekonomicheskie yavleniya i processy*. 2018. T. 13. № 3.

4. *Kozlova O.A., Makarova M.* Sokrashchenie bednosti v Rossii v kontekste realizacii nacional'nyh celej razvitiya // *Zhurnal ekonomicheskoy teorii*. 2020. T. 17. № 4.

С.Ю. СИМОРОТ

кандидат юридических наук, доцент,
старший преподаватель кафедры филологии
и общенаучных дисциплин

Религиозной организации – Духовная образовательная организация
высшего образования Хабаровской епархии Русской Православной
Церкви «Хабаровская духовная семинария»,
Россия, г. Хабаровск

РПЦ И СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ: ГРАНИ ГОСУДАРСТВЕННО-ЦЕРКОВНОГО ДИАЛОГА

В предложенной публикации рассматривается проблема отношений Русской Православной Церкви и Российского государства со времен Крещения Руси вплоть до современности. Обозначается нелинейный характер государственно-церковного диалога: распространение православия и укрепление авторитета и независимости Русской православной церкви, включение последней в состав государственного механизма с потерей самостоятельности, большевистское богоборчество и «поворот» государственно-конфессиональных отношений во время Великой Отечественной войны, установление равноправных отношений на базе автономности, взаимоуважения и светскости. Анализируя Конституцию Российской Федерации, Федеральный закон от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях», Указ Президента РФ от 24 декабря 2014 г. № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики» и Основы социальной концепции Русской Православной Церкви, автор заключает, что в условиях укрепления государственного суверенитета Российской Федерации на мировой арене и установления России в качестве авангарда Русского Мира Православная Церковь твердо и последовательно занимает государственно-церковные позиции, поддерживая внутри- и внешнеполитический курс российского политического руководства, при этом Россия и Русская Православная Церковь являют собой два автономных института. В завершении статьи делается вывод о том, что в отношениях между церковью и государством используется конституционно-правовой принцип светскости: церковь не входит в лоно государства как звено государственного аппарата и в то же время не имеет прямой возможности влиять на политические решения.

Ключевые слова: *Российское государство, Русская Православная Церковь, православие, государственно-конфессиональные отношения, светское государство.*

Российское государство и Русская Православная Церковь имеют долгую, многовековую историю отношений. Можно даже сказать, что взаимодействие государства и православной церкви – это один из ключевых пластов российской истории.

Сама история государственно-церковного диалога, если смотреть на нее сквозь призму прошлого, являлась сложной и нелинейной. С одной стороны, после Крещения Руси князем Владимиром Святославичем в 988 году православие закреплялось в роли ведущей духовной, мировоззренческой и социальной ценности среди населения, вытесняя путаные и многообразные языческие культы, причем тенденция распространения восточноевропейской вариации христианства охватила несколько столетий. Русская культура и православие во многом отождествились, в силу чего можно смело говорить о том, что история православной веры – это история русской, а затем российской, государственности. Русская православная церковь стабильно укреплялась и обретала самостоятельный статус среди православных церквей. В 1448 году Русская Церковь на поместном соборе самостоятельно избрала митрополита Киевского и всея Руси, что фактически свидетельствовало об автокефалии, независимости от Константинопольского патриархата. А в 1589 году РПЦ стала возглавляться русским патриархом Иовым.

С другой стороны, государство, понимая и признавая авторитет Русской Православной Церкви среди населения, стремилось поставить под контроль последнюю, утвердив примат публичной власти в государственно-церковных отношениях. В 1721 году при Петре Великом был принят «Духовный регламент», согласно которому патриаршество на территории России упразднилось, высшим органом церковной власти становился Святейший Синод во главе с государственным чиновником – обер-прокурором, причем члены Синода приносили присягу лично императору. Церковь формально-юридически стала частью государственного аппарата.

После Октябрьского переворота 1917 года на территории России, а затем Советского Союза, установился режим большевиков. Многими историками, исследователями государственно-церковных отношений подчеркивались богоборческие грани отношения новой власти как к религии в целом, так и к русскому православию в частности.

Идейно-теоретической основой советской власти являлась универсальная марксистская парадигма, представлявшая собой не только политическую, но и социально-философскую, общеполитическую, экономическую, этическую, правовую систему взглядов и идей. Отношение марксизма к религии проявлялось в том числе в словах основоположника данного

течения К. Маркса во «Введении» к работе «К критике гегелевской философии права»: «Религия – это вздох угнетенной твари, сердце бессердечного мира, подобно тому, как она – дух бездушных порядков. Религия есть опиум народа» [4]. Данное выражение К. Маркса, являющееся в научной среде известным, сочетается в отмеченной работе с речевыми конструкциями «религиозное убожество», «иллюзорное счастье народа», а упразднение религии понимается как «требование его [народа] действительного счастья» [4]. В.И. Ленин, марксистское мировоззрение которого получило отдельное наименование «ленинизм», был солидарен с К. Марксом в вопросе отрицательного отношения к религии. В статье «Социализм и религия» Ленин не просто пересказывает ранее написанное Марксом «Религия есть опиум народа», а добавляет следующую образную сентенцию: «Религия – род духовной сивухи, в которой рабы капитала топят свой человеческий образ, свои требования на сколько-нибудь достойную человека жизнь» [3]. И, кроме того, в обозначенной статье В.И. Ленин называет религию средневековой плесенью, а также третьестепенными мнениями или бреднями, быстро выбрасываемыми «в кладовую для хлама самым ходом экономического развития» [3], что дает повод некоторым исследователям не без основания характеризовать отношение Ленина к религии и Православной Церкви как сатанинскую злобу и inferнальную ненависть [1].

Тем не менее теоретические представления В.И. Ленина относительно реализации принципа свободы совести, которые с момента установления в России советской власти в нормативных актах в целом транслировались довольно точно (речь идет, в частности, о Декрете Совета народных комиссаров от 23 января 1918 года «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», закрепившем в пункте третьем, помимо положения о свободе совести, указание о недопустимости правонарушений, сопряженных с исповеданием какой-либо религии или следованием атеистическим убеждениям и норму о свободном осуществлении религиозных обрядов в случае соблюдения основ социалистического правопорядка), на практике имели место случаи вмешательства советского государства в дела Русской Православной Церкви, нарушавшие ее автономию и нормальное функционирование. К подобным случаям, на наш взгляд, следует отнести закрепленное в пункте тринадцатом названного выше Декрета СНК от 23 января 1918 года «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» (далее – «Декрет о свободе совести») объявление народным достоянием имущества церковных и религиозных обществ, фактически лишившее Православную Церковь имущественной и материальной автономии, являющейся необходимым условием самостоятельного функционирования религиозных институтов. Причем речь не шла о национализации избыточной церковной собственности: вся материальная база Русской православной церкви была отдана под контроль возникшего государства. Не менее значимым

нарушением принципа отделения церкви от государства со стороны закрепившегося режима является вскрытие 58 нетленных мощей, почитаемых в Православной Церкви святых на территории нескольких губерний в рамках официальной кампании по ликвидации мощей, преподнесенное как якобы разоблачение советской властью целого ряда «мошеннических действий, при помощи коих служители культа обманывали народные массы» [5]. Такими действиями, санкционированными органом государственной власти в лице Народного комиссариата юстиции, государственный аппарат не только проявил нарушение пятого пункта Декрета о свободе совести, но и показал пренебрежительное отношение к представлениям верующих относительно почитания святых, что явно идет вразрез с невмешательством государства в дела церкви и личные представления религиозных граждан.

В период Великой Отечественной войны в государственно-церковных отношениях произошел своего рода «поворот», имело место изменение политики в отношении РПЦ и православия с началом борьбы советского народа с нацистскими захватчиками. В этой связи не стоит оставлять без внимания задокументированный в газете «Известия» от 5 сентября 1943 года факт встречи Председателя Государственного Комитета Обороны с Патриаршим Местоблюстителем Митрополитом Сергием, Ленинградским Митрополитом Алексием и Экзархом Украины, Митрополитом Киевским и Галицким Николаем днем ранее, на которой И.В. Сталин «сочувственно отнесся» к предложению участвовавших во встрече архиереев о созыве Собора епископов для избрания Патриарха Московского и всея Руси. По свидетельствам председателя Совета по делам Русской православной церкви при Совете народных комиссаров СССР Г.Г. Карпова, участвовавшего в данной встрече, Сталин отметил положительную роль Русской православной церкви в активной патриотической работе с самого начала войны, оказывал содействие в как можно скором проведении архиерейского Собора для избрания Патриарха Московского и всея Руси, а также заявил о разрешении правительством открытия духовных семинарий и организации Духовной академии, в то время как сами архиереи просили лишь о разрешении создания богословских курсов в некоторых епархиях и, кроме того, поручил предоставить резиденцию для патриархии и патриарха [6]. Однако, несмотря на смягчение отношения советского руководства к Русской православной церкви в период Великой Отечественной войны, направленность политики советского руководства продолжала оставаться, по нашему мнению, в большей степени богоборческой вплоть до развала социалистической системы на территории бывшего СССР и установления современной России.

Согласно 14 статье действующей Конституции Российской Федерации, Россия является светским государством. Это означает, что ни одна религия не может устанавливаться в качестве государственной, а все религиозные

институции обладают формально-юридическим равенством [2]. В то же время современное государство признает непреходящую значимость религиозного мировоззрения в системе ценностей российского общества, о чем свидетельствует пункт 2 статьи 67.1 Основного закона: «Российская Федерация, объединенная тысячелетней историей, сохраняя память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога...». Светский характер Российской Федерации подтверждается в том числе основным нормативным правовым актом в сфере религиозных и государственно-конфессиональных отношений – Федеральным законом от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» [9].

Понятно, что принцип светскости, реализуемый в современной России, никоим образом не противоречит признанию православной веры в качестве ведущей духовной скрепы российского народа. В «Основах государственной культурной политики», последние изменения в которые вносились Президентом в январе 2023 года, довольно четко признается роль православия «в формировании системы ценностей России» [8]. При этом несколько не умаляется значение иных религий – ислама, буддизма, иудаизма и прочих традиционных верований в формировании «национально-культурного самосознания народов России».

В условиях укрепления государственного суверенитета Российской Федерации на мировой арене и установления России в качестве авангарда Русского Мира Православная церковь твердо и последовательно занимает государственно-церковные позиции, поддерживая внутри- и внешнеполитический курс российского политического руководства. В Основах социальной концепции Русской Православной Церкви государство рассматривается как «необходимый элемент жизни в испорченном грехом мире, где личность и общество нуждаются в ограждении от опасных проявлений греха, благословляется Богом» [7]. Более того, «Церковь не только предписывает своим чадам повиноваться государственной власти, независимо от убеждений и вероисповедания ее носителей, но и молиться за нее» [7]. При этом РПЦ не намерена становиться ведущей религиозной организацией страны и тем более вмешиваться в проводимый политический курс.

Таким образом, в завершение материала можем сделать вывод о том, что диалог между русским православием и современной Россией строится на принципах взаимоуважения и равноправия. Российская Федерация как продолжательница традиций русской государственности с уважением относится к православной традиции и РПЦ, а Церковь, в свою очередь, признает ценность государственной власти как консолидирующей и направляющей силы российской нации. Вместе с тем Россия и Русская православная церковь – это два самостоятельных института, разделенных организационно, юридически и телеологически. В отношениях между церковью и государством имеет место реализация конституционно-правового принципа

светскости, который означает, что церковь не входит в лоно государства как звено государственного аппарата и в то же время не обладает полномочиями по влиянию на государственную политику.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Аксючиц В.* Богоборчество ленинизма // <https://pravoslavie.ru/71.html>.
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // «Российская газета». 25.12.93. № 237.
3. *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. Издание пятое. Том 12. М.: Издательство политической литературы, 1968.
4. *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Издание второе. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. Том 1.
5. О религии и церкви. Сборник документов. М.: Политиздат, 1965.
6. *Одицов М.И.* Русские патриархи XX века. М.: Изд-во РАГС, 1994.
7. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви // <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html>.
8. Указ Президента РФ от 24 декабря 2014 г. № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики» // Собрание законодательства Российской Федерации от 29 декабря 2014 г. № 52 (часть I). Ст. 7753.
9. Федеральный закон от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» // Собрание законодательства Российской Федерации от 29 сентября 1997 г. № 39. Ст. 4465.

S.YU. SIMOROT

Candidate of Law, Senior Lecturer of the Department of Philology and General Scientific Disciplines Religious organization – spiritual educational organization of higher education of the Khabarovsk diocese of the Russian Orthodox Church «Khabarovsk Theological Seminary», Khabarovsk, Russia

ROC AND MODERN RUSSIA: FACETS OF STATE-CHURCH DIALOGUE

The proposed publication deals with the problem of relations between the Russian Orthodox Church and the Russian state from the time of the Baptism of Rus' up to the present. The non-linear nature of the state-church dialogue is indicated: the spread of Orthodoxy and the strengthening of the authority and independence of the Russian Orthodox Church, the inclusion of the latter in the state mechanism with the loss of independence, Bolshevik theomachism and the "turn" of state-confessional relations during the Great Patriotic War, the establishment of equal relations on the basis of autonomy, mutual respect and secularism. Analyzing the Constitution of the Russian Federation, Federal Law of September 26, 1997 No. 125-FZ "On Freedom of Conscience and Religious Associations", Decree of the President of the Russian Federation of December 24, 2014 No. 808 "On Approving the Fundamentals of State Cultural Policy" and the Fundamentals of the Social Concept of the Russian Orthodox Church, the author concludes that in the context of strengthening the state sovereignty of the Russian Federation on the world stage and establishing Russia as the vanguard of the Russian World, the Orthodox Church firmly and consistently takes state positions, supporting the domestic and foreign policy of the Russian political leadership, while Russia and the Russian Orthodox Church are two autonomous institutions. At the end of the article, it is concluded that in relations between the church and the state, the constitutional and legal principle of secularism is used: the church is not included in the bosom of the state as a link in the state apparatus and at the same time does not have a direct opportunity to influence political decisions.

Key words: *Russian state, Russian Orthodox Church, Orthodoxy, state-confessional relations, secular state.*

Е.В. ГНЕЗДОВА

*кандидат политических наук, доцент кафедры
зарубежного регионоведения и локальной истории
Института международных отношений и мировой истории
ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского»,
Россия, г. Нижний Новгород*

КОНЦЕПЦИЯ «ИСЛАМСКАЯ ГЛОБАЛИЗАЦИЯ» КАК АЛЬТЕРНАТИВНЫЙ СЦЕНАРИЙ КОНСТРУКТИВНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Вопрос глобализации является крайне популярной темой для обсуждения среди политиков, академиков и общественных кругов. Поскольку глобализационный процесс диалектически противоречив, идут постоянные споры о позитивных и негативных сторонах глобализации для человечества. Важно, что в научном сообществе вопрос об отказе от глобализации даже не поднимается, так как она воспринимается как объективный процесс развития человеческого социума. Однако это не означает, что этим процессом невозможно управлять или придать ему определенный вектор. Формы глобализации могут отличаться, что доказывает история второй половины XX в., связанная с противостоянием двух международных проектов общественного развития – социалистического и капиталистического. Таким образом, в настоящее время количество вариантов развития глобализации заметно увеличилось.

Ключевые слова: *ислам, международная безопасность, исламофобия, ксенофобия, интеграция, глобализация.*

Введение. Глобализация, являясь одной из главных тенденций развития в XXI веке, «стягивает» мир, делая неизбежным осуществление контактов и взаимодействий между всеми нациями земного шара, постепенно покрывающих планету плотной сетью экономических, культурных, информационно-технологических и социальных связей: «распространение явления глобализации во всех сферах жизни, и в особенности либерализация торговли, безграничный поток информации и развитие средств связи и технологий,

сократили расстояние и превратили мир в маленькую универсальную деревню» [3. С. 257-291].

Следует признать, что глобализация во всех своих проявлениях не только предоставляет многообразные возможности для взаимовыгодного сотрудничества, но и таит в себе «подводные камни». Такую черту современного политического процесса стоит трактовать также как асимметричность, дуализм, двойственность. Другими словами, становится совершенно очевидным тот факт, что ни все страны готовы открывать свои границы для потока товара, услуг и иммигрантов. Вместе с тем, в силу логики процесса глобализации, взламывающей, по словам Н.А. Косолапова, страны изнутри, но при этом формально не посягающей на их суверенитет, «стягивание» мира в одно целое – неизбежно. В данных условиях любые попытки изоляции, самоустранения, противопоставления себя глобализации представляются контрпродуктивными.

Так, например, такие специалисты как К. Омае и Т. Фридман полагают, что будет преодолено отставание стран третьего мира от государств первого эшелона. Но, имеет место быть и противоположная точка зрения. А. Бузгалин и И. Валлерстайн считают, что, напротив, разрыв между нациями и государствами будет только увеличиваться. Однако в последнее время появилось немало, на наш взгляд, весьма аргументированных работ (например, Ю. Норберга), в которых исследователи критически переосмысливают эмпирический материал и дают вполне объективную и достаточно умеренную оценку процессу глобализации.

Говоря об мусульманских государствах, предлагается исследовать концепцию так называемой «исламской глобализации». Начнем с того, что ислам не только долгое время являлся и является глобализирующей силой наряду с западным капитализмом и другими силами, но и может занять лидирующие позиции в процессе глобализации.

Кроме того, что в исламском мире на вызовы глобализации существует два принципиальных, но совершенно противоположных, ответа. Согласно первому подходу, необходимо вернуться к первоначальному исламу и его социальным институтам, изолироваться от остального мира и противостоять ему, отвергать и бороться с глобализацией. Другой подход, напротив, призывает «принять глобализацию как данность, как объективный процесс, постараться вместе с другими заинтересованными силами добиваться перехода глобализации на другую модель, более справедливую и контролируемую международным сообществом» [4].

Таким образом, на новые вызовы нельзя давать архаичные ответы: необходимо искать методы действий, соответствующие требованиям современности. Так, например, Исламская Республика Иран (ИРИ), используя позитивные методы глобализации в своих интересах, с одной стороны, предпринимает неоднократные попытки для защиты своей национальной

культуры и национальных традиций «от разрушительного влияния вестернизации». Кроме того, исламские духовные деятели Ирана ведут многолетний межрелигиозный диалог, как с Римской католической церковью, так и с Русской православной церковью. В качестве доказательства можно привести слова президента Ирана: «В то время, когда политические и академические круги обсуждают предложение о проведении диалога между цивилизациями и спорят по этому поводу между собой, этот диалог становится социальной реальностью нашей сегодняшней жизни. В экономике, политике и культуре найдется мало проблем чисто местного свойства. Сейчас мы широко используем социальный, культурный и духовный опыт друг друга. Влияние восточных религий и философий на Запад. Влияние западных политических, культурных и экономических явлений на Восток и – в наибольшей степени – все большее развитие международных коммуникаций и электронных средств связи, – все это превратило диалог между культурами и цивилизациями в неоспоримую реальность общественной жизни» [13].

Во многих мусульманских странах произошли направленные на демократизацию общественной жизни изменения. В качестве примера можно выделить такое государство как Индонезия, обладающая наибольшим по численности мусульманским населением. Так, после прихода к власти дочери А. Сукарно Мегавати Сукарнопутри, в действующую Конституцию страны были внесены серьезные дополнения, в соответствии с которыми такой институт высшего законодательного органа как Народный консультативный конгресс (НКК) прекратил свое существование и изменился порядок избрания президента и вице-президента государства, – в ходе всеобщих прямых выборов в два тура. Напомним, что при Сухарто НКК представлял собой надежный инструмент реализации интересов авторитарной власти, и руководство страны избиралось данным органом. Более того, необходимо особо отметить, что высшим законодательным органом Индонезии было отклонено предложение лидеров исламских партий о введении в конституцию нормы об обязательном соблюдении индонезийскими мусульманами законов шариата, обосновывая данное решение тем, что «подобная поправка будет способствовать дальнейшему обострению межрелигиозных противоречий в стране» [12. С. 6].

На основании вышеизложенного, можно с уверенностью сказать, что весь земной шар «превращается, если не в единую фабрику, то в единую глобальную экономическую систему» [11. С. 150-162], интегральной основой которой стали отдельные национальные экономики. Тот факт, что ряд стран Восточной и Юго-Восточной Азии (Южная Корея, Сингапур, Таиланд, Малайзия, Индонезия и Филиппины), применив западные экономические, технологические методы и структуры, добились в последнее время огромных успехов в экономике, лишь доказывает данный тезис.

Именно поэтому, коллективные формы принятия решений, при участии национальных государств и межправительственных организаций, являются необходимыми.

Доказательством того, что в международных отношениях мусульманские государства полностью интегрированы в нормы глобального общества, можно назвать создание наднациональных организаций и делегирование им новых полномочий. Один из самых ярких примеров – это создание Исламского «варианта» ООН, Организации Исламского сотрудничества (ранее известной как Организация Исламская конференция). Примечательно, что даже российские СМИ, которые следили за ходом форума ОИС, отмечают его как «удивительный пример глобализации, которая не позволяет стираться культурным различиям» [5].

Следовательно, исламский мир поддерживает глобализацию не только в связи с необходимостью трансформировать данный процесс в «конструктивное взаимодействие цивилизаций», но и с уверенностью, что и мировое сообщество понимает возросшую влияние и мощь исламского мира.

Подытоживая, можно констатировать тот факт, лидеры многих исламских стран, прилагают немалые усилия для того, чтобы «исламская цивилизация вошла на равных в складывающуюся, пусть с трудом, общемировую систему сосуществования различных культурно-исторических типов». Таким образом, совершенно очевидно встает необходимость усиления и укрепления сотрудничества между мусульманским и христианским миром: «толерантность и диалог цивилизаций помогут спасти Запад и мир в целом» [4].

Так, А. Столяров, автор послесловия к книге П. Бьюкенена, считает, что исламский мир находится в периоде «пассионарности, периоде осознания себя новой вселенской общностью», «когда кажется несомненным, что мир можно легко и просто преобразовать». Но, он все же приходит к выводу, что современный «пассионарный» исламский менталитет ничего принципиально нового предложить не может [6. С. 436-437].

Глобализация в духовной сфере, в сфере культуры становится одной из важнейших в мировом поступательном развитии. Другими словами, мы можем констатировать положительные моменты, такие как расширение возможностей более масштабных культурных контактов, общения, сравнения и заимствования способствующего обогащению национальных культур и их способности вносить свой вклад в копилку общей культуры человечества позитивного опыта. Но с другой стороны, отметим, неизбежно встает вопрос сохранения и защиты своеобразия традиционных национальных культур, их творческого развития.

Таким образом, ислам, пытаясь выработать собственную оригинальную основанную на исконных религиозных и культурных традициях модель глобализации, противостоит так называемой вестернизации [14. С. 128-131].

Однако следует особо обратить внимание на тот факт, что осознанное противостояние вестернизации не является отказом от назревших модернизационных процессов.

Мусульманский мир предлагает альтернативную модель глобализации, обладающей собственным самосознанием, исламской культурой. Позиции о том, что консенсус в мире возможен на основе идеи монотеизма, значимости духовной и моральной составляющей современного глобального развития, придерживаются такие представители мусульманского мира как лидер исламской революции в Иране имам Хомейни. Так, Имам Хомейни обращает особое внимание на опасность низкого статуса духовных и моральных ценностей в глобализирующемся мире. Именно поэтому, утверждая приоритет морально-этической составляющей стороны человеческой жизни, находят общие точки соприкосновения позиции ислама и христианства [1. С. 76-102].

Говоря о транснационализации культуры, необходимо отметить, что она не должна рассматриваться как некий пространственно-временной процесс, результатом которого будет формирование поглотившей национальные культуры «единой мировой культуры». Культурное наследие аккумулирует в себе как позитивный, так и негативный опыты развития наряду с возможностями творческого усвоения, накопленного ранее [7. С. 121-125]. Происходящие в культурах обусловленных глобализацией изменения несомненны. Попытки осмыслить суть этих трансформаций имеют познавательную и практическую значимость. Другими словами, транснационализация культуры представляет собой насыщение пространства национальных культур новым ценностно-смысловым содержанием, соответствующим интеграционным тенденциям современного мира. Они предполагают не только и не столько социально-экономические и геополитические изменения, но прежде всего формирование нового типа транснациональной культуры, характерными особенностями которой являются коммерциализированность, унифицированность, подвижность, охватывающие все большие сегменты национальных культур и деформирующие их целостную структуру [8. С. 444-451].

В результате взаимодействия религий, их смешивание не происходит. Мы можем говорить об их гибридизации [9. С. 93-97]. Это связано, прежде всего, с расширением зоны социальной ответственности религий.

Подводя итог, необходимо особо подчеркнуть, что, несмотря на принятие или попытки отторжения процесса глобализации, существует уверенность в том, что глобализация в той или иной форме так явственно заявляет о себе, что при всем желании не может не восприниматься как объективная реальность. Российские ученые И.И. Мазур и А.Н. Чумаков полагают: «Только за последние десятилетия в результате стремительного роста научно-технических достижений в развитии производительных сил общества

произошло больше изменений, чем на протяжении многих предшествующих столетий. При этом процесс изменений происходил с нарастающей быстротой и неизменно сопровождался все более глубокими и основательными преобразованиями в социально-экономических сферах» [2].

Мусульманский Восток хорошо понимает необходимость инноваций, модернизации как константы национальной жизни, развития современной системы образования, коммуникаций и «с готовностью воспринимает то положительное, что дают процессы, генерирующие трансконтинентальные и межрегиональные потоки, создающие глобальную взаимозависимость» [10].

Заключение. На основании вышеизложенного, можно подвести итоги. Важнейшей тенденцией нашего времени является такой процесс институционализация нового мирового порядка, противостоять которому не в силах ни одно национальное государство. Мусульманские страны, обладая огромным потенциалом для того, чтобы в полной мере воспользоваться преимуществами глобализации, демонстрирует всему человечеству, что именно диалог цивилизаций способен стать не только рычагом сохранения мира, но и стимулом для создания универсальной модели оздоровления международной обстановки, исключающей односторонность, диктат в политике, религии, культуре.

Следует особо подчеркнуть, что исламский мир не стоит рассматривать через призму государств, где преобладающее количество граждан исповедуют ислам. Как отмечают сами арабские авторы и философы, исламский мир – это «умма», глобальная общность людей, не зависящая от территориальных факторов, а складывающаяся благодаря коллективному стремлению к культурному и духовному единению.

Именно в этом и кроется главное отличие исламской глобализации от западной модели. Исламская глобализация видит новый этап человечества в принятии новых норм и поощрении прогресса, но, вместе с тем, призывает не забывать исторические, моральные и религиозные ценности. Ярким примером такого подхода к глобализации являются исламские форумы и конференции, которые одновременно служат и примером интеграции и унификации исламского сообщества, но при этом различные культурные особенности сохраняются и уважаются, не происходит размытия границ и исчезновения отличий, утраты идентичности, чем довольно часто страдает западная версия глобализации.

Очевидно, что исламская глобализация представляет собой альтернативный сценарий развития глобализации, сочетание религиозных, экономических, политических и дипломатических достижений, которые меняют мусульманский мир и взаимодействующие с ним силы. Исламский мир, воспользовавшись лучшими благами глобализации, и став активным

участником этого процесса, смог изменить свой подход к глобализации, сменив вектор с оппозиции на принятие.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Веряскина В.П.* Моральные интенции религиозного и политического завещания имама Хомейни в контексте глобализации // Феномен глобализации в контексте диалога культур / отв. ред. И.К. Лисеев, Р.С. Сейфуллаев, А.А. Гезалов. М.: Канон+; РООИ «Реабилитация», 2010.

2. *Мазур И.И., Чумаков А.Н.* Глобалистика: международный междисциплинарный энциклопедический словарь / гл. ред. И.И. Мазур, А.Н. Чумаков. М.; СПб.; Н.-Й., 2006.

3. *Мировая политика и международные отношения: Учебное пособие / под редакцией С.А. Ланцова, В.А. Ачкасова.* М., 2019.

4. *Нуруллаев А.А.* Толерантность и диалог цивилизаций помогут спасти Запад и м... // <http://humanities.edu.ru/db/msg/44339>.

5. «Перезагрузка» по-мусульмански: Организация исламского сотрудничества обещает измениться к лучшему // Российская газета – Федеральный выпуск. 05.07.2011. № 143 (5519) // <https://rg.ru/2011/07/04/musulmoon-poln.html>.

6. *Столяров А.* Сумерки богов // Бьюкенен П.Дж. Смерть Запада / пер. с англ. М., 2003.

7. *Сеидова Г.Н.* Культурная среда самого южного города России // Проблемы культуры городов России: теория, методология, историография, исследовательские модели и практики. Материалы VIII Всероссийского научного симпозиума. 21-22 октября 2010 г. Новосибирск, 2010.

8. *Сеидова Г.Н.* Догмат божественной справедливости «аль-адль» и вызовы глобализации // Глобализация и справедливость: сб. статей / под ред. Н.С. Кирабаева, В.И. Юртаева. М.: РУДН, 2007.

9. *Сеидова Г.Н.* Межрелигиозный диалог как фактор взаимопонимания на пути к культуре мира и ненасилия // Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Человек в социокультурном пространстве современности». 15 апреля 2010 г. Курск, 2010 г.

10. *Сеидова Г.Н.* Культурные связи Ирана и Дагестана: история и современность. Кавказ сквозь призму культуры // Материалы международной научной конференции. 20-21 октября 2009 г. Тебриз, 2009.

11. *Сеидова Г.Н.* Ислам и глобализация: за и против // Россия и мусульманский мир (рус). 2014. № 2 // <https://rucont.ru/efd/475327>.

12. *Урляпов В.* Индонезия ликвидирует наследие Сухарто // Независимая газете. 27 сентября 2002 г.

13. Хатами М. Надеюсь, что закончилась эра злобы и насилия // Дипкурьер // Независимая газете. 15 февраля 2001 г.

14. Чистякова С.С. Вызовы глобализации: проблемы этноконфессиональной идентичности в современном мире // Наследие в эпоху социокультурных трансформаций: Материалы международной конференции. М.: Академический проект; Альма Матер, 2010.

E.V. GNEZDOVA

*Candidate of Political Sciences, Associate Professor
of the Department of Foreign Regional Studies and Local History
Institute of International Relations and World History
FSAOU HE "National Research Nizhny Novgorod State University
named after N.I. Lobachevsky", Nizhny Novgorod, Russia*

THE CONCEPT OF «ISLAMIC GLOBALIZATION» AS AN ALTERNATIVE SCENARIO FOR CONSTRUCTIVE INTERACTION OF CIVILIZATIONS

The issue of globalization is an extremely popular topic of discussion among politicians, academics and public circles. Since the globalization process is dialectically contradictory, there are constant disputes about the positive and negative aspects of globalization for humanity. It is important that in the scientific community the issue of rejecting globalization is not even raised, since it is perceived as an objective process of the development of human society. However, this does not mean that this process cannot be controlled or given a certain vector. The forms of globalization may differ, which is proved by the history of the second half of the 20th century, associated with the confrontation between two international projects of social development – socialist and capitalist. Thus, at present, the number of options for the development of globalization has increased markedly.

Key words: *Islam, international security, Islamophobia, xenophobia, integration, globalization.*

А.А. САМОСЮК

научный сотрудник

Военной академии Генерального штаба
Вооруженных Сил Российской Федерации,

Россия, г. Москва

УСЛОВИЯ И ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ ФОРМ ВНУТРЕННЕГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА В РОССИИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

В статье рассмотрены актуальные аспекты генезиса экстремальных форм внутреннего политического процесса, выделяются основные условия и факторы формирования неконвенциональных форм политического взаимодействия. На примере сочетания условий и факторов экстремизации политического процесса рассмотрены обстоятельства и риски выхода внутривнутриполитической ситуации в России за границы правового поля. Выявлены основные обстоятельства, способствующие экстремизации политического процесса, представлена их классификация. Рассмотрение событий, связанных с попыткой экстремизации внутривнутриполитической обстановки в России в начале проведения специальной военной операции на территории Украины, позволяет сделать вывод о значимости консолидированной реакции государства и общества для отражения угрозы дестабилизации внутреннего политического процесса в стране.

Ключевые слова: экстремальный политический процесс, демонтаж политического режима, условия, факторы.

Актуализация проблемы экстремальных политических процессов в современных условиях обусловлена тектоническими изменениями в раскладе геополитических сил на мировой арене и изменением миропорядка в целом. Переход от изживающей себя однополярной модели мироустройства и оформление новых центров геополитического влияния совпало по времени с вытеснением традиционных методов противостояния между влиятельнейшими государствами. Им на смену приходят технологии активного вмешательства во внутреннюю жизнь государства, используемые для дестабилизации внутривнутриполитической обстановки и формирования угроз внутренней военной безопасности.

Следует подчеркнуть, что в работах российских авторов, опубликованных в последние годы, освещается широкий спектр вопросов близких к данной предметной области [3; 4; 6; 9; 10; 11; 12; 13; 14].

Однако проблему формирования экстремальных форм внутреннего политического процесса и дестабилизации внутривнутриполитической обстановки в России нельзя назвать однозначно исчерпанной. В силу многих объективных обстоятельств изучение обозначенной темы продолжает сохранять высокий уровень актуальности.

Следует отметить, что дестабилизация внутривнутриполитической обстановки не может быть описана в форме терминального нормального (ординарного) политического процесса, так как выход за границы конвенциональной политической борьбы подразумевает использование экстраординарных инструментов противостояния. В силу данного обстоятельства ряд исследователей, в частности Н.С. Лабуш и А.С. Пуя, ставят вопрос об экстремальных формах политического процесса. Под ним предлагается понимать неконвенциональные формы политики, которые выходят за пределы правового конституционного поля [7. С. 5]. Под это определение также подпадают отдельные формы политического процесса, нарушающие стабильный характер функционирования политических систем. Исследователи подразделяют экстремальные формы политического процесса на группу экстраординарных оппозиционных действий (пут, восстание, революция и проч.), а также на разнообразные формы внутренних вооруженных конфликтов. Можно полагать, что риск эстремизации внутреннего политического процесса в современной России обусловлен сочетанием ряда обстоятельств, способствующих выходу политического процесса за установленные правовые границы. Совокупность данных обстоятельств может быть разделена на условия и факторы формирования экстремальных форм внутреннего политического процесса в России. Представляет необходимым разграничить данные понятия и провести анализ их содержания в контексте развития современной внутренней и внешней политической ситуации.

Условие представляет собой обстоятельство, от которого зависит возможность возникновения и развития экстремальных форм внутреннего политического процесса. Это совокупность объектов политической реальности, представленная отдельными процессами, отношениями и вещами материального мира, которая необходима для генерации и модификации (изменения) экстремальных форм внутреннего политического процесса.

Фактор представляет собой наиболее значимое обстоятельство (условие) в ряду других условий, которое выступает в качестве движущей силы экстремальной формы внутреннего политического процесса. Фактор определяет конститутивные, наиболее значимые черты данного процесса, задавая его динамику и конкретные формы. Таким образом, условия и факторы возникновения экстремальных форм политического процесса можно

рассматривать как соотношение общего и частного. Сфера условий представляет собой область потенциальной опасности экстремизации политического процесса, в то время как фактор является актуальным обуславливающим риском эволюции экстремальных форм политического процесса.

Вполне понятно, что условия экстремизации внутреннего политического процесса в России могут быть разделены на внешние и внутренние. Основанием такого разделения является природа конкретного условия, которая может иметь эндогенный или экзогенный характер.

Внешние условия экстремизации внутреннего политического процесса определяются характером международной политической ситуации, которая представляет собой сумму конкретных политических действий основных международных акторов, которые в настоящее время представлены коалицией недружественных государств во главе с США. Очевидно, что данные страны нацелены на дестабилизацию внутривнутриполитической ситуации в России с последующим принудительным демонтажем политического режима.

Внутренние условия экстремизации политического процесса представляют собой объективно существующие в российском государстве и обществе противоречия социального, экономического и политического характера.

Как правило, политические конфликты возникают из-за самой социальной структуры и противоречий, возникающих из-за асимметричного распределения власти, ее внутренних и внешних ресурсов. Вполне закономерно, что основные факторы экстремизации могут быть представлены в виде сочетания социально-экономических и политических обстоятельств развития общества, которые способны оказывать негативное воздействие на усиление внутренних противоречий. Совокупность данных обстоятельств формирует негативный (отрицательный) тренд развития общества, усиливая социальное неравенство и дифференциацию внутри общества. Это в свою очередь ведет к снижению качества государственного управления, подрывая общественную оценку деятельности высших органов государственной власти – Президента РФ, Правительства РФ, иных органов публично-властного управления, и доверие к данным институтам.

Еще одним фактором, способствующим внутренней политической дестабилизации, по мнению экспертов, является экстремизм, который повышает риски в различных сферах безопасности.

Наряду с этим необходимо учитывать тенденции смещения угроз экстремизации политического процесса в информационное пространство.

В настоящее время бесспорным фактором экстремизации политического процесса является то, что 24 февраля 2022 г. Президент России В.В. Путин объявил о начале проведения на территории Украины специальной военной операции (далее – СВО), заявленными целями которой стала денацификация и демилитаризация украинской государственности [2. С. 14].

Практически мгновенно за данными действиями последовала негативная реакция государств так называемого «коллективного Запада». Данные государства не вняли аргументам российской стороны в части, касающейся обоснования принятого решения о проведении СВО [1]. Против Российской Федерации были введены беспрецедентные рестрикции политико-экономического характера, а основные межгосударственные институты начали предпринимать действия, направленные на ограничение международного участия России или полного исключения такового.

Практически сразу за объявлением о начале СВО последовала скоординированная реакция представителей так называемой «несистемной» оппозиции, предпринявшей попытку организации в России новой «цветной» революции. Следует подчеркнуть, что попытка не увенчалась успехом как из-за слабой поддержки оппозиционных настроений со стороны общества, так в силу оперативной реакции государства, направленной на пресечение антиконституционных беспорядков и попыток вооруженного свержения конституционного строя. Однако «мобилизация» оппозиционно настроенной части российского общества не была первой в своем роде, что указывает на возможность повторения таких попыток в будущем. В этих условиях специальная военная операция выполняет функцию фактора трансформации социальной системы и важнейшим элементом этой трансформации является повышение уровня антикоррупционного потенциала России [5. С. 855].

В заключении хотелось бы подчеркнуть, что возможный успех реализации на территории России недружественными странами различных форм экстремального политического процесса может быть обеспечен сочетанием нескольких факторов и условий.

Во-первых, наличием в обществе серьезных социально-экономических проблем и внутривнутриполитических конфликтов.

Во-вторых, наличием определенных разногласий в национальных элитах государства (пресловутый «раскол» элит), которые приводят к обособлению в элите отдельных групп. Данные группы могут формироваться специальными службами иностранных государств в целях принудительного демонтажа политического режима.

В-третьих, следует учитывать, что власть сама по себе является универсальным средством коммуникации основных политических процессов. Исследование роли СМИ, платформ и средств коммуникации в социальных конфликтах может выявить скрытые аспекты этого явления. Можно полагать, что роль СМИ заключается в основном в выстраивании медийной псевдореальности, замещающей объективную социально-политическую реальность для масс [8. С. 23].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Ананьев А.Ю., Маяцкая О.Б.* Основание силы в украинском политическом конфликте: теоретическое обоснование // Евразийский юридический журнал. 2022. № 4 (167).
2. *Багдасарян В.Э.* Денацификация Украины: феноменология неонацизма // Среднерусский вестник общественных наук. 2022. Т. 17. № 2.
3. *Гаджиев М.М.* Феномен культурного экстремизма в российском обществе: теоретический концепт и реальные проявления // Вопросы политологии. 2023. Т. 13. № 3 (91).
4. *Григорян Д.К., Делов Н.С., Тищенко Е.В.* Кибертерроризм как угроза национальной безопасности. Элитарный подход // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2023. Т. 12. № 2 (48).
5. *Иниаков С.М., Казакова В.А.* Специальная военная операция как инструмент повышения уровня антикоррупционного потенциала // Russian Journal of Economics and Law. 2022. Т. 16. № 4.
6. *Калакутский А.В.* Влияние технологий информационного обеспечения на российский политический процесс // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2023. Т. 13. № 2 (95).
7. *Лабуш Н.С.* Медиатизация политического процесса: сущность и условия проявления // Век информации. 2016. № 4.
8. *Лабуш Н.С., Пую А.С.* Медиатизация экстремальных форм политического процесса: война, революция, терроризм. СПб.: СПбГУ, 2019.
9. *Магадиев М.Ф.* Государственное управление в сфере информационной политики Российской Федерации в условиях гибридной войны // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. Т. 12. № 9 (90).
10. *Майстат М.А.* Современная образовательная политика в контексте социокультурных трансформаций в обществе: новые вызовы // Региональное и муниципальное управление: вопросы политики, экономики и права. 2021. Т. 8. № 4 (26).
11. *Медведев Н.П., Слизовский Д.Е., Глебов В.А.* Горбачев – Ельцин – Путин: дискуссия вокруг моделей политического режима. Что дальше? // Вопросы политологии. 2019. Т. 9. № 5 (45).
12. *Муратов А.Х.* Специфика реализации политики противодействия терроризму в Республике Татарстан // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2021. Т. 10. № 4 (38).
13. *Потанов Д.В.* Диалектика социально-политических отношений и форм политического режима в России // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2023. Т. 13. № 2 (95).
14. *Фурман Ф.П., Красильников С.В.* Политические аспекты в организации противодействия экстремизму органами внутренних дел // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. Т. 12. № 10 (91).

A.A. SAMOSYUK

*Research Associate, Military Academy of the General Staff
of the Armed Forces of the Russian Federation,
Moscow, Russia*

CONDITIONS AND FACTORS OF FORMATION OF EXTREME FORMS OF INTERNAL POLITICAL PROCESS IN RUSSIA IN MODERN CONDITIONS

The article examines the actual aspects of the genesis of extreme forms of the internal political process, highlights the main conditions and factors of the formation of unconventional forms of political interaction. Using the example of a combination of conditions and factors of the extremism of the political process, the circumstances and risks of the domestic political situation in Russia going beyond the boundaries of the legal field are considered. The main circumstances contributing to the extremism of the political process are identified, their classification is presented. Consideration of the events related to the attempt to extremism the internal political situation in Russia at the beginning of a special military operation on the territory of Ukraine, allows us to conclude about the importance of a consolidated reaction of the state and society to reflect the threat of destabilization of the internal political process in the country.

Key words: *extreme political process, dismantling of the political regime, conditions, factors.*

И.И. КЫЧКИН

студент Дальневосточного Федерального
Университета, Россия, г. Владивосток

М.С. ТАНЦУРА

кандидат политических наук, доцент,
доцент кафедры «Политология» Дальневосточного Федерального
Университета, Россия, г. Владивосток

КОАЛИЦИОННОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ВЛАСТИ НА ПРИМЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО СОБРАНИЯ (ИЛ ТУМЭН) РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ)

В статье изучается распределение власти между коалициями в Государственном Собрании (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия); поставлены цели – выявить реальное влияние возможных коалиций и определить ключевого игрока при принятии решений в Парламенте Якутии; для достижения целей использовался индекс «Шепли-Шубика»; результаты – возможные коалиции реального влияния при принятии решений не имеют, «Единая Россия» является ключевым игроком при принятии решений; вывод – была достигнута одна из целей исследования.

Ключевые слова: Республика Саха (Якутия), Государственное Собрание (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия), распределение власти, коалиции, индекс Шепли-Шубика.

Актуальность. Актуальностью темы исследования является подходящий к концу срок полномочий VI созыва Государственного Собрания (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия), а также предстоящие выборы VII созыва 10 сентября 2023 г.

Цели исследования – выявить реальное влияние возможных коалиций, определить ключевого игрока при принятии решений в VI созыве Государственного Собрания (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия) с помощью индекса Шепли-Шубика, оценить возможность коалиционного влияния оппозиции в комиссиях и комитетах и выделить репрезентативные комитеты и комиссию.

Использование теоретико-игрового подхода в политологических исследованиях связано с моделированием выборных процедур, с вопросами

оказания влияния в национальных выборных органах власти, что проявляется в вычислении индексов Шепли-Шубика [3].

При изучении коалиций и голосований используется индекс влияния Л. Шепли и М. Шубика, который используют для анализа принятия политических решений в случае, если таковое требует коллективного участия нескольких ресурсных акторов – партий. Он основан на вычислении ценности каждого актора, участвующего в голосовании, исходя из его предельного вклада в коалицию. Для этого необходимо составить список всех возможных вариаций поочередного вхождения акторов в коалицию, чтобы определить количество «победных подключений» – конфигураций, когда коалиция превращается в выигрывающую (например, достигает абсолютного большинства). Рассчитав индекс влияния каждого актора, можно оценить соответствие между ресурсами игрока, например, количеством контролируемых партией голосов в парламенте и реальной возможностью формировать выигрывающую коалицию [4].

Сформированные коалиции принимают значения от 0 до 1 – чем больше значение, тем сильнее влияние коалиции на принятие решений. Коалиция, полностью влияющая на принимаемые решения, имеет значение индекса Шепли-Шубика, равное 1, а участник, который не является ключевым ни в одной выигрывающей коалиции, – равное 0 [2].

Индекс Шепли-Шубика был предложен как частный случай вектора Шепли (ранее был введен для кооперативных игр) и должен был измерять потенциал участника в превращении невыигрывающих коалиций в выигрывающие, без учета какой-либо социологической или политической структуры [5].

VI созыв Государственного Собрания (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия) работает с 25 сентября 2018 г. – 10 сентября 2023 г. В данном созыве насчитывается 70 депутатов, кворум для принятия решений – 36 голосов. Существует четыре фракции:

1. «Единая Россия» (47 депутатов).
2. «КПРФ» (10 депутатов).
3. «Справедливая Россия» (9 депутатов).
4. «ЛДПР» (4 депутата).

Партии распределяются на лево-правом континууме следующим образом:

Левые		Центр	Правые
СРРФ(А)	ЯРФТ(Б)	УР(В)	ЛДПР(Г)
10	9	47	4

СРРФ – «Коммунистическая партия Российской Федерации».

JRFT – «Справедливая Россия – За правду».

UR – «Единая Россия».

LDPR – «Либерально-демократическая партия России».

«Минимальная побеждающая коалиция»	–
«Минимальная величина»	АБ, АВ, АГ, БВ, БГ, ВГ
«Теорема сделки»	АБ, АВ, АГ, БВ, БГ, ВГ
«Минимальное пространство»	АВ, БГ
«Минимальные связанные коалиции»	АВ, БВ, ВГ

Таблица 1. Возможные варианты коалиций
«Минимальная побеждающая коалиция»

Пояснение:

1. «Минимальная побеждающая коалиция» – при выходе из нее какой-либо одной партии, она теряет характер побеждающей. В этом случае такой коалиции не существует, т.к. партия «В» самостоятельно набирает кворум, а при формировании коалиций АБ, АГ, БГ, АВГ, они не дотягивают до необходимого минимума при принятии решений (36 голосов).

2. «Минимальная величина» – каждый стремится сформировать коалицию с минимальным числом участников, для того чтобы максимизировать власть внутри коалиции (варианты – АБ, АВ, АГ, БВ, БГ, ВГ).

3. «Теорема сделки» – коалиция с минимальным числом партий более маневренна и более устойчива (варианты – АБ, АВ, АГ, БВ, БГ, ВГ).

4. «Минимальное пространство» – из всех возможных коалиций в соответствии с критерием «минимального пространства» подходят коалиции АВ, БГ с одним разделяющим пространством.

5. «Минимальные связанные коалиции» – коалиция стремится к минимуму членов, нужных для победы, но учитывает непосредственную связь партий между собой. В приведенном примере такими «минимально связанными коалициями» окажутся АВ, БВ и ВГ.

Исходя из данных, можно сделать вывод, что вышеперечисленные коалиции реального влияния при принятии решений не имеют.

Следующие вопросы, которые мы себе поставили – какой пропорцией выражается распределение власти между правительственной и оппозиционными партиями Государственного Собрания (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия)? Кто является ключевым игроком при принятии решений?

У правительственной партии 47 голосов, у оппозиционной коалиции 23 голоса:

1. Правительство (47):

– Единая Россия (47) – В.

2. Оппозиция (23):

- Коммунистическая партия Российской Федерации (10) – А;
- Справедливая Россия — За правду (9) – Б;
- Либерально-демократическая партия России (4) – Г.

Возможные коалиции	Число голосов выигрышной коалиции	Ключевой игрок
АВ	57	В
БВ	56	В
ВГ	51	В

Таблица 2. Возможные варианты коалиций

Таким образом, при принятии решений в Парламенте Якутии единственным наиболее ключевым игроком является партия «В» (Единая Россия).

Следующими вопросами, которыми задался автор – возможно ли принятие решений оппозиционными партиями, в коалициях внутри комиссии и комитетов? Какие комитеты, или комиссия включают в себя хотя бы одного представителя от каждой фракции?

На данный момент в парламенте республики существует 13 комитетов:

1. Контрольный комитет – председатель Николаев Андрей Юрьевич, состоят 9 депутатов, из которых 5 мест имеет ЕР, по 2 места КПРФ с СРЗП.

2. Комитет по государственному строительству и местному самоуправлению – председатель Прокопьев Владимир Михайлович, состоят 17 депутатов, из которых 13 мест имеет ЕР, по 2 места КПРФ с СРЗП.

3. Комитет по бюджету, финансам, налоговой и ценовой политике, вопросам собственности и приватизации – председатель Николаев Юрий Михайлович, состоят 17 депутатов, из которых 14 мест имеет ЕР, по одному месту КПРФ, СРЗП, ЛДПР.

4. Комитет по экономической, инвестиционной и промышленной политике – председатель Петров Павел Петрович, состоят 13 депутатов, из которых 10 мест имеет ЕР, по одному месту КПРФ, СРЗП, ЛДПР.

5. Комитет по предпринимательству, туризму и развитию инфраструктуры – председатель Григорьев Игорь Иннокентьевич, состоят 12 депутатов, из которых 5 мест имеет ЕР, 4 места СРЗП, 2 места ЛДПР, 1 место КПРФ.

6. Комитет по строительству, жилищно-коммунальному хозяйству и энергетике – председатель Ефимов Яков Ананьевич, состоят 16 депутатов, из которых 11 мест имеет ЕР, по 2 места КПРФ с СРЗП, 1 место ЛДПР.

7. Комитет по здравоохранению, социальной защите, труду и занятости – председатель Чичигинаров Владимир Ильич, состоят 15 депутатов, из которых 10 мест имеет ЕР, по 2 места КПРФ с ЛДПР, 1 место СРЗП.

8. Комитет по селу и аграрной политике – председатель Находкин Андрей Михайлович, состоят 12 депутатов, из которых 9 мест имеет ЕР, 2 места КПРФ, 1 место ЛДПР.

9. Комитет по земельным отношениям, природным ресурсам и экологии – председатель Афанасьев Сахамин Миланович, состоят 16 депутатов, из которых 12 мест имеет ЕР, 2 места СРЗ, по одному месту КПРФ и ЛДПР.

10. Комитет по науке, образованию, культуре, средствам массовой информации и делам общественных организаций – председатель Габышева Феодосия Васильевна, состоят 16 депутатов, из которых 12 мест имеет ЕР, по 2 места КПРФ с СРЗП.

11. Комитет по делам семьи и детства – председатель Атласова Алена Николаевна, состоят 9 депутатов, из которых 7 мест имеет ЕР, 2 места КПРФ.

12. Комитет по делам молодежи, физической культуре и спорту – председатель Гуляев Михаил Дмитриевич, состоят 9 депутатов, из которых 5 мест имеет ЕР, 2 места СРЗП, по одному месту КПРФ, ЛДПР.

13. Комитет по вопросам коренных малочисленных народов Севера и делам Арктики – председатель Голомарева Елена Христофоровна, состоят 13 депутатов, из которых 7 мест имеет ЕР, 3 места КПРФ, 2 места СРЗП, 1 место ЛДПР.

Также существует одна комиссия:

1. Мандатная и регламентная комиссия – председатель Дорогань Андрей Николаевич, состоят 9 депутатов, из которых 4 места имеет ЕР, по 2 места КПРФ, СРЗП, 1 место ЛДПР [1].

Исходя из вышеперечисленного можно сделать такие выводы:

1. Только в Комитете по предпринимательству, туризму и развитию инфраструктуры, а также в Мандатной и регламентной комиссии не существует мажоритарного большинства ЕР, что позволяет оппозиционным партиям принимать решения, объединяясь в коалицию АБГ.

2. Наиболее репрезентативными (по числу партий) комитетами являются Комитет по бюджету, финансам, налоговой и ценовой политике, вопросам собственности и приватизации, Комитет по экономической, инвестиционной и промышленной политике, Комитет по предпринимательству, туризму и развитию инфраструктуры, Комитет по строительству, жилищно-коммунальному хозяйству и энергетике, Комитет по здравоохранению, социальной защите, труду и занятости, Комитет по земельным отношениям, природным ресурсам и экологии, Комитет по делам молодежи, физической культуре и спорту, Комитет по вопросам коренных малочисленных народов Севера и делам Арктики, а также Мандатная и регламентная комиссия.

3. Использование индекса Шепли-Шубика целесообразнее в случае отсутствия явного перевеса одной из партий. Однако он дает возможность оценить влияние политических объединений во внутрипарламентских структурах.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Государственное Собрание (Ил Тумэн) Республики Саха (Якутия) // Сайт/Меню/Структура/Депутатские объединения // <https://www.iltumen.ru/>.

2. Камалова Р.У. Об измерении влияния государств на принятие политических решений на примере голосований в институтах Европейского союза // Полит. наука. 2016. № 4 // <https://cyberleninka.ru/article/n/ob-izmerenii-vliyaniya-gosudarstv-na-prinyatie-politicheskikh-resheniy-na-primere-golosovaniy-v-institutah-evropeyskogo-soyuza>.

3. Красницкий Н.В. Теоретико-игровое моделирование политических процессов: проблемы развития в отечественной политической науке // Концепт. 2014. № 8 // <https://cyberleninka.ru/article/n/teoretiko-igrovoe-modelirovanie-politicheskikh-protsessov-problemy-razvitiya-v-otechestvennoy-politicheskoy-nauke>.

4. Расторгуев С.В. Использование политических методов в математических исследованиях // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2022. № 3 // <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-matematicheskikh-metodov-v-politicheskikh-issledovaniyah>.

5. Shapley L.S., Shubik M. A Method for evaluating the distribution of power in a committee system // American political science review. N.Y., 1954. Vol. 48. No 3.

I.I. KYCHKIN

*Student, Far Eastern Federal University,
Vladivostok, Russia*

M.S. TANTSURA

*Candidate of Political Science, Associate Professor
Chair of Political Science, Department of Political Science,
Far Eastern Federal University,
Vladivostok, Russia*

COALITION POWER DISTRIBUTION ON THE EXAMPLE OF THE STATE ASSEMBLY (IL TUMEN) OF THE REPUBLIC OF SAKHA (YAKUTIA)

The article examines the distribution of power between coalitions in the State Assembly (Il Tumen) of the Republic of Sakha (Yakutia); the objectives are to identify the real influence of possible coalitions and determine the key player in decision-making in the Parliament of Yakutia; the Shepley-Shubik index was used to achieve the objectives; the results – possible coalitions have no real influence in decision-making, "United Russia" is the key player in decision-making; conclusion – one of the research objectives was achieved.

Key words: *Republic of Sakha (Yakutia), State Assembly (Il Tumen) of the Republic of Sakha (Yakutia), power distribution, coalitions, Shepley-Shubik index.*

Г.В. ПРОХВАТИЛОВ

*аспирант кафедры философии и социологии
Академии труда и социальных отношений,
Россия, г. Москва*

А.Б. ТКЕШЕЛИАДЗЕ

*аспирант кафедры философии и социологии
Академии труда и социальных отношений,
Россия, г. Москва*

К.В. ЛИХОМАНОВ

*аспирант кафедры философии и социологии
Академии труда и социальных отношений,
Россия, г. Москва*

КУЛЬТУРНО-ИНФОРМАЦИОННЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ РФ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

В статье анализируются теоретико-прикладные аспекты использования технологий «мягкой силы» и публичной дипломатии в рамках реализации национальных интересов России. Доказано, что понятие «мягкая сила» используется в научных источниках для обозначения специфической стратегии реализации национальных интересов, а термин «публичная дипломатия» указывает на широко применяемую технологию культурно-информационного воздействия. Авторами разработана классификация технологий публичной дипломатии, в основе которой лежит их подразделение на информационно-коммуникационные, организационные и деловые. Установлено, что понятия «национальные интересы» и «государственные интересы» представляют собой синонимические лексические конструкты. Выявлено наличие дисбаланса между использованием традиционных и «мягкосиловых» инструментов реализации национальных интересов России с явным смещением акцента в пользу первых. Предложена к внедрению модель оптимальной «мягкосиловой» стратегии РФ, которая должна включать в себя три ключевых блока: идеологический, функциональный и институциональный.

Ключевые слова: «мягкая сила», публичная дипломатия, политическая коммуникация, национальные интересы, «гибридная война», политические конфликты, массовая информация.

Современный этап развития международных отношений характеризуется двумя тенденциями: повышением глобальной политической напряженности и гибридизацией технологий противоборства между ключевыми мировыми игроками. Организация объединенных наций стремительно теряет свой авторитет в качестве площадки для урегулирования конфликтов. Все более явно обозначаются линии политического, культурно-ценностного и экономического разлома между Востоком и Западом. Сдерживание России как одного из ключевых центров мировой силы открыто преподносится в качестве стратегического приоритета стран НАТО. Правы отечественные авторы, утверждающие, что для целого ряда западных держав русофобия превратилась в коммуникативную стратегию [1; 2]. Однако, несмотря на беспрецедентно интенсивную по степени агрессивности информационную кампанию, развернутую против РФ, нашей стране не следует оставлять усилий, направленных на формирование ее позитивного образа за рубежом. Даже в этих непростых условиях остается определенное пространство для применения технологий «мягкой силы» и публичной дипломатии.

На данный момент вышеуказанные средства не занимают ключевого места в системе инструментов реализации национальных интересов РФ. После перехода «гибридного» конфликта между Россией и Западом в фазу силового противоборства стратегия «мягкой силы» отошла на второй план, уступив место военно-политическим и экономическим средствам. Это объективно обусловлено экзистенциальным характером вызовов и угроз, с которыми столкнулась РФ в период украинского кризиса. Однако даже сейчас в Европе и Северной Америке остается немало граждан, средств массовой информации, неправительственных организаций, политических лидеров и партий, которые потенциально способны адекватно воспринимать и ретранслировать позицию нашей страны по ключевым вопросам глобальной повестки. В азиатском регионе и на постсоветском пространстве подобных целевых аудиторий еще больше. Принцип культурно-информационного воздействия на общественное мнение не теряет своей эффективности в русскоязычном пространстве сети Интернет. Таким образом, можно с высокой долей вероятности утверждать, что Россия имеет потенциал для расширения сферы применения инструментов «мягкой силы» и публичной дипломатии. Рассмотрение практических аспектов заявленной проблемы требует прояснения ряда концептуальных вопросов.

Понятия «мягкая сила» и «публичная дипломатия» тесно связаны между собой, но семантически не тождественны друг другу [5]. «Мягкая сила» может рассматриваться как специфическая стратегия реализации

национальных интересов, посредством воздействия на базовые установки и ценности политических акторов. Применение данной стратегии предполагает «тонкую настройку» поведенческих мотивов объекта таким образом, что он добровольно принимает решения и совершает действия, отвечающие чужим интересам. Более того, эти чужие интересы воспринимаются им как собственные. Публичная дипломатия, в свою очередь, представляет собой одну из наиболее эффективных «мягкосиловых» технологий. В рамках ее применения часть внешнеполитических функций государства делегируется общественным агентам культурно-информационного влияния: деятелям искусства, журналистам, блогерам, лидерам мнений, некоммерческим организациям. Манипулятивный аспект публичной дипломатии, на наш взгляд, выражается в том, что вышеуказанные агенты позиционируют себя как объективные, независимые игроки, а на самом деле являются проводниками идей конкретных государств, корпораций, международных военно-политических альянсов.

Технологии публичной дипломатии можно классифицировать по характеру применения, разделив их на информационно-коммуникационные, организационные и деловые. Информационно-коммуникационные инструменты публичной дипломатии предполагают реализацию внешнеполитических задач государства при помощи опосредованного транслирования его позиции внешним аудиториям через подконтрольные СМИ, блогеров и лидеров общественного мнения. При этом агенты-ретрансляторы стараются не афишировать наличие у них финансовой, информационной и административной поддержки извне. Организационные технологии реализуются посредством содействия функционированию иностранных институтов гражданского общества, чья деятельность прямо или косвенно отвечает интересам внешних сил. Данное направление предполагает налаживание партнерских связей с НКО, диаспорами, религиозными организациями, землячествами, научными центрами, творческими и культурными сообществами. Наконец, в основе деловой публичной дипломатии лежит принцип воздействия на внутреннюю политику третьих стран через участие зарубежных игроков в их экономической жизни: торговлю, инвестиции, обмен технологиями и т.д. Как правило, все вышеуказанные технологии применяются в комплексе.

Публичная дипломатия нередко используется странами Запада для оказания воздействия на внутренние политические процессы развивающихся государств [4]. Например, Соединенные Штаты Америки через разветвленную систему грантов спонсируют деятельность некоммерческих организаций, осуществляющих наблюдение за выборами в государствах Восточной Европы и Азии. Если в результате народного волеизъявления побеждают неугодные Вашингтону партии и политики, то подконтрольные Государственному департаменту «наблюдатели» отказываются признавать

выборы легитимными и состоявшимися. Существует немало примеров того, как подобные НКО-грантополучатели запускали цепочки постэлекторальных протестов, в конечном итоге приводивших к государственным переворотам. На территории России подобной деятельностью пыталась заниматься организация «Голос», впоследствии признанная «иностранном агентом» и отнесенная к числу нежелательных. В 2022 г. по решению Суда сайт данной организации был заблокирован, поскольку там публиковалась недостоверная общественно значимая информация о деятельности Вооруженных сил РФ. Этот факт служит дополнительным подтверждением политической ангажированности прозападных НКО.

Вмешательство в информационный суверенитет государства представляет собой не меньшую угрозу для политической стабильности и общественной безопасности, чем военные методы агрессии. Существует типичный набор политико-манипулятивных инструментов и технологий, посредством которых осуществляется подобная экспансия. В современных условиях объектами деструктивного воздействия выступают не столько компьютерные сети и базы данных, сколько индивиды и социальные группы. При помощи манипулятивных техник информационные агрессоры разрушают традиционные ценности граждан, «подогревают» страхи и негативные ожидания, культивируют отрицательные поведенческие модели, подрывают доверие к институтам власти, формируют у аудитории искаженное восприятие окружающей реальности, способствуют эскалации ненависти и насилия. Результатом подобного воздействия становятся конкретные политические действия и процессы, ослабляющие страну, которая выступает мишенью информационной агрессии. Российский исследователь Фельдман П.Я. справедливо отмечает, что в ходе современных «гибридных войн» «постправда» и «фейковые новости» применяются как наступательные средства [3].

«Мягкая сила» и публичная дипломатия представляют собой обоюдоострое оружие, которое может использоваться как для сдерживания геополитических противников, так и для защиты от их агрессивных информационных выпадов. Эти технологии должны гармонично встраиваться в систему инструментов, применяемых для отстаивания национальных интересов России. Заметим, что концепт национального интереса используется в научных источниках и нормативных правовых актах для обозначения внешнеполитических ориентиров и приоритетных направлений внутренней политики государства. Авторы настоящей статьи убеждены в том, что понятия «национальные интересы» и «государственные интересы» можно рассматривать как полностью тождественные, если под государством понимается не совокупность политических элит и не бюрократический аппарат, а административно-территориальное образование, обладающее признаками государственности.

Целесообразным представляется выделение двух уровней национальных интересов: универсального и вариативного. Универсальные национальные интересы присущи всем странам. Они сводятся к необходимости поддержания общественного порядка, сохранению основ конституционного строя, обеспечению безопасности и экономического благополучия граждан. Национальные интересы второго типа варьируются в зависимости от геополитического положения, уровня экономического развития, исторического прошлого, культурного наследия конкретной страны. Есть основания полагать, что в числе прочих выделяются государства, чьи национальные интересы не могут быть реализованы без удовлетворения их притязаний на обретения сверхдержавного статуса, позволяющего играть ведущую роль в системе международных отношений.

Национальные интересы современной России прямо или косвенно ориентированы на обеспечение национальной безопасности. Они «нанизываются» на концептуальный стержень охранительной идеологии, в основе которой лежит парирование внешних вызовов и пресечение попыток иностранного вмешательства во внутренние дела. Остается не вполне проясненной динамическая составляющая национальных интересов, которая должна указывать на желаемый образ будущего страны. В системе политических механизмов и технологий реализации жизненно важных интересов России на внешнем контуре ключевое место отводится консервативным инструментам: дипломатической деятельности, работе на площадках международных организаций, проведению переговоров на высшем уровне, укреплению обороноспособности страны. При этом публичная дипломатия рассматривается как вспомогательный инструмент внешней политики. Таким образом, констатируется дисбаланс между использованием традиционных и «мягкосиловых» инструментов реализации национальных интересов РФ, что не вполне соответствует современным глобальным трендам: цифровизации, медиатизации, виртуализации и шоуизации политических отношений.

Для нейтрализации культурно-информационных вызовов, угрожающих целостности и стабильному воспроизводству политической системы, применяется специфический набор политических механизмов. Во-первых, мониторинг публичного информационного пространства, осуществляемый политическими институтами. Во-вторых, мягкое пропагандистское воздействие государства на граждан и социальные группы в целях формирования у них «иммунитета» к деструктивным информационным вбросам, осуществляемым извне. В-третьих, комплексное и всестороннее освещение процесса принятия политических решений органами власти. В-четвертых, модерирование информационных потоков в медийном пространстве и ограничение вещательных возможностей субъектов, представляющих угрозу для политической стабильности и общественной безопасности. Наконец, в-пятых, повышение авторитета национальных институтов

власти в информационном поле. Как показывает практика, наибольшую устойчивость к информационным атакам демонстрируют открытые общества, основанные на принципах демократии и плюрализма. В свою очередь, закрытые политические системы, отличающиеся информационным изоляционизмом, обладают слабым иммунитетом к информационным вызовам и «взламываются» посредством достаточно примитивных пропагандистских инструментов.

На современном этапе Россия сталкивается с беспрецедентными вызовами для собственной информационной безопасности, что обусловлено гибридизацией технологий противоборства между ведущими мировыми державами. Наряду с необходимостью защиты и надежного хранения данных, актуализируется потребность в поддержании цифрового и технологического суверенитета нашей страны. Для этого требуется создание автономной сетевой инфраструктуры, гарантирующей устойчивое функционирование Интернета и систем жизнеобеспечения. Существенную угрозу для стабильности политической системы РФ представляют современные технологии распространения деструктивных фейковых новостей, экстремистских призывов и иных материалов, провоцирующих общественно-политическую напряженность. На правовом и технологическом уровне власть стремится выработать адекватные механизмы парирования соответствующих вызовов. Однако меры, направленные на достижение этой цели, носят преимущественно запретительный характер. При этом расширение контрольно-репрессивных функций государства в сфере обеспечения информационной безопасности не всегда ведет к ожидаемому результату. Помимо введения разного рода ограничительных мер, следует совершенствовать современные технологии социально-политического управления.

«Мягкосиловая» стратегия реализации национальных интересов РФ, по мнению авторов настоящей статьи, зиждется на использовании трех основных технологий публичной дипломатии. Информационно-коммуникационные технологии реализуются государственными средствами массовой информации, вещающими за рубеж (Радио «Спутник», канал «Russia Today» и др.), а также русскоязычными блогерами, чья позиция согласуется с внешнеполитическими приоритетами РФ. В условиях масштабной русофобской кампании, развернутой западными странами после 24 февраля 2022 г., не представляется возможным коренным образом переформатировать доминирующее в Европе и Северной Америке представление о России. Тем не менее, отечественные масс-медиа пользуются популярностью на постсоветском пространстве и оказывают существенное влияние на соотечественников, проживающих за рубежом.

Организационные технологии публичной дипломатии, применяемые РФ, предполагают осуществление академических обменов; проведение международных спортивных соревнований, фестивалей и форумов;

содействие в организации зарубежных гастролей и выставок отечественных деятелей искусства. В определенном смысле, проводником национальных интересов нашей страны может считаться Русская православная церковь, имеющая приходы по всему миру. Тем не менее, в современных условиях международная деятельность НКО, прямо или косвенно ассоциирующихся с РФ, крайне осложнена. Наконец, деловые технологии публичной дипломатии до недавнего времени успешно реализовывал отечественный бизнес, однако против него была развернута «санкционная война», существенно ослабившая его влияние в США и ЕС. По мере разрыва деловых связей с американскими и европейскими партнерами соответствующий канал публичной дипломатии переориентировался на азиатское направление.

Более эффективной и всеобъемлющей реализации национальных интересов РФ может способствовать внедрение трехкомпонентной модели публичной дипломатии, основу которой должны составить следующие блоки:

1. Идеологический блок, устанавливающий приоритеты развития России и определяющий содержание ее послания (месседжа) современному человечеству. Для этого необходимо четко сформулировать образ желаемого будущего страны и начать воплощать его в жизнь. Данный образ должен быть достаточно аттрактивным, чтобы выполнять функции «магнита», притягивающего международных партнеров и сателлитов.

2. Функциональный блок, включающий в себя все доступные механизмы и технологии налаживания коммуникации с зарубежными целевыми аудиториями. В рамках данного направления представляется необходимым более энергично использовать потенциал международных сетевых структур: профсоюзов, экологических объединений, деловых ассоциаций, неправительственных организаций левого и консервативного толка. Несмотря на негативные внешние факторы, следует популяризировать образ России через продукцию отечественного кинематографа, произведения выдающихся деятелей искусства, достижения спортсменов.

3. Институциональный блок, к которому относятся органы публичной власти и иные ведомства, реализующие стратегию «мягкой силы». Необходимо обеспечить единство принципов и методов функционирования Министерства иностранных дел, Россотрудничества и иных структур, специализирующихся в области публичной дипломатии.

В заключительной части статьи целесообразно подвести основные итоги проведенного исследования. Посредством логико-семантического анализа понятий «мягкая сила» и «публичная дипломатия» установлено, что первое используется для обозначения специфической стратегии реализации национальных интересов, а второе – указывает на широко применяемую технологию культурно-информационного воздействия. Авторами разработана классификация технологий публичной дипломатии, в основе которой лежит их

подразделение на информационно-коммуникационные, организационные и деловые. Благодаря использованию системного подхода и методов политической компаративистики доказано, что понятия «национальные интересы» и «государственные интересы» представляют собой синонимические лексические конструкты. Констатируется наличие заметного дисбаланса между использованием традиционных и «мягкосиловых» инструментов реализации национальных интересов РФ с явным смещением акцента в пользу первых. При помощи метода невключенного наблюдения определены приоритеты «мягкосиловой» стратегии России и охарактеризованы основные технологии публичной дипломатии, обеспечивающие реализацию ее национальных интересов на внешнем контуре. В целях совершенствования технологий и принципов реализации национальных интересов нашей страны на внешнем контуре, авторами статьи предложена к внедрению трехкомпонентная модель «мягкой силы» РФ, включающая в себя идеологический, функциональный и институциональный блоки. Практическое использование данной модели могло бы способствовать повышению эффективности работы внешнеполитических ведомств.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Попова Е.А.* «Культура отмены» как проявление западной русофобии // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2022. Т. 12. № 6.
2. *Рябова М.Ю.* Русофобия как коммуникативная стратегия // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. № 11.
3. *Фельдман П.Я.* «Постправда» и «фейк-ньюз» в современном коммуникационном пространстве: перспективы политико-правового регулирования // Гражданин. Выборы. Власть. 2019. № 2.
4. *Фельдман П.Я., Федякин А.В., Ежов Д.А.* Технологии вмешательства в выборы: научное осмысление в поисках семантической определенности // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 50.
5. *Цыганов В.Е.* Публичная дипломатия: технологии, функции и особенности применения // Вопросы политологии. 2021. Т. 11. № 12 (76).

G.V. PROKHAVTILOV

*Postgraduate student of the Department
of Philosophy and Sociology of the Academy of Labor
and Social Relations, Moscow, Russia*

A.B. TKESHELIADZE

*Postgraduate student of the Department
of Philosophy and Sociology of the Academy of Labor
and Social Relations, Moscow, Russia*

K.V. LIKHOMANOV

*Postgraduate student of the Department
of Philosophy and Sociology of the Academy of Labor
and Social Relations, Moscow, Russia*

CULTURAL AND INFORMATIONAL TOOLS FOR THE REALIZATION OF THE NATIONAL INTERESTS OF THE RUSSIAN FEDERATION: PROBLEMS AND PROSPECTS OF USE

The article analyzes the theoretical and applied aspects of the use of soft power technologies and public diplomacy in the framework of the implementation of Russia's national interests. It is proved that the concept of "soft power" is used in scientific sources to denote a specific strategy for the realization of national interests, and the term "public diplomacy" indicates a widely used technology of cultural and informational influence. The authors have developed a classification of public diplomacy technologies, which is based on their division into information and communication, organizational and business. It is established that the concepts of "national interests" and "state interests" are synonymous lexical constructs. The presence of an imbalance between the use of traditional and "soft-power" tools for the realization of Russia's national interests with a clear shift in emphasis in favor of the former is revealed. A model of the optimal "soft power" strategy of the Russian Federation is proposed for implementation, which should include three key blocks: ideological, functional and institutional.

Key words: *"soft power", public diplomacy, political communication, national interests, "hybrid war", political conflicts, mass information.*

Д.М. ВАЛЕЕВА

*аспирант кафедры политологии и связей
с общественностью факультета философии и социологии
Уфимского университета науки и технологий,
Россия, г. Уфа*

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ И УКРЕПЛЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДОВЕРИЯ МОЛОДЕЖИ К ИНСТИТУТАМ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В статье рассматриваются причины, по которым уровень политического доверия молодежи к государственным институтам остается невысоким. Автор исходит из того, что ключевыми факторами повышения доверия является включенность молодежи в принятие общественно-политических решений, повышения уровня представительности в структурах власти и общественных организаций. Делается вывод о том, что действующие на сегодняшний день общественные структуры функцией, которых является повышение уровня политической социализации молодых людей, в силу своей формализованности не используют весь имеющийся у них потенциал.

Ключевые слова: *молодежная политика, Россия, государственное управление, эффективность, взаимодействие, власть, общество.*

Построение будущего российского общества напрямую зависит от кооптации молодежи в российскую политическую систему. На сегодняшний день молодежь составляет около 25% населения страны, но степень ее политического участия невысока. Это связано с комплексом субъективных и объективных причин, в том числе – с незавершенным процессом выстраивания механизма доверия между молодыми людьми и институтами российской политической власти. Повышение доверия становится одной из ключевых задач, как для федеральных, так и для региональных органов власти. Этот процесс не только позволит повысить включенность молодежи в политические процессы, но и благотворно скажется на самих политических институтах, придав им необходимый динамизм и инновации. При этом, ситуация может отличаться от региона к региону.

Одновременно, следует разделять доверие российской молодежи, с одной стороны, к представителям власти, т.е. конкретным лидерам, а с другой – к политическим институтам, включая органы исполнительной и законодательной власти. Отношение к последним часто определяется совокупностью факторов о субъективно-эмоциональных до социально-экономических.

Следует подчеркнуть, что в работах российских авторов, опубликованных в последние годы, освещается широкий спектр вопросов близких к данной предметной области [4; 6; 7; 8; 9; 10; 12; 13; 14; 16].

Однако проблемы включенности молодежи в политические процессы и уровня доверия современной молодежи к действующим институтам власти нельзя назвать однозначно исчерпанными. В силу многих объективных обстоятельств изучение обозначенной темы продолжает сохранять высокий уровень актуальности.

Для современной молодежи зачастую характерно недоверие к действующим политическим институтам, которое связано с непониманием логики принятия политических решений, связи этих решений с собственными интересами, непоследовательностью действий самих властных институтов. Такое непонимание приводит молодых людей к политическому абсентеизму, уклонению от политической жизни, но порой приобретает более радикальные формы, выраженные в росте радикализма, социального напряжения, протестной активности, участия в деятельности деструктивных организаций целевой группой которых являются молодые люди.

На сегодняшний день в структуре Правительства Российской Федерации функционирует Федеральное агентство по делам молодежи (именуемое также Росмолодежь). С одной стороны, это позволяет концентрировать решение вопросов молодого поколения в рамках одного государственного ведомства. С другой – в современной России уже была практика, когда проблемами молодого поколения занималось имеющее более высокий политический и правовой статус – Министерство спорта, туризма и молодежной политики, существовавшее с 2008 по 2012 гг. Росмолодежь самостоятельно, либо в отдельных субъектах, в последние годы реализовывала несколько крупных проектов. В частности: «Ты – предприниматель», образовательный форум «Территория смыслов», программу патриотического воспитания «Роспатриотцентр», историко-познавательный проект «Дневник истории России».

Вместе с тем, современную российскую молодежь сегодня можно условно разделить на две не равнозначные по количеству группы – организованная и неорганизованная. Где критерием выступает именно участие в работе связанных с властью молодежных структур. Указанные выше проекты Росмолодежи ориентированы на организованные и, как правило, лояльные власти молодежные группы. Однако неорганизованные молодежные группы оказываются ими практически незатронутыми. Между тем,

именно в этих группах формируются деструктивные молодежные кейсы. В целом, подобные проекты носят во многом формализованный характер, весь их потенциал в полной мере не используется. В еще большей степени формализм касается других государственных и около государственных молодежных структур, что делает их работу недостаточно эффективной.

Проведение специальной военной операции, политика импортозамещения в экономике и, в целом, глубокая ценностная трансформация современного российского общества требуют иного, более эффективного подхода к реализации молодежной политики, усиленного внимания к процессу социализации молодого поколения, его активной включенности в процесс обсуждения и принятия государственных решений, что невозможно без повышения уровня доверия к государственным институтам.

Анализируя феномен политического доверия, мы исходим из идей английского социолога Энтони Гидденса, который отмечает, что в сознании большинства людей обезличенные политические институты ассоциируются с конкретными людьми, которые их возглавляют или в которых они играют заметную роль. Поэтому ошибки конкретных управленцев, их аморальность или коррупционность напрямую влияют на отношение людей не только к этим фигурам, но и к институтам, которые они представляют. Э. Гидденс полагает, что у населения есть два типа отношений – личное, предполагающее оценку других людей, и институциональное, где оцениваются уже непосредственно социальные институты [5. С. 47]. При этом, на наш взгляд, ключевым вопросом сегодня является как выявление уровня доверия молодежи к политическим институтам, так и поиск путей по его повышению, инкорпорированию молодежи в систему принятия политических решений.

Полагаем, что о низком уровне политического доверия молодежи свидетельствуют несколько факторов: социально-экономические, данные социологических исследований, включенность в политический активизм и работу институтов гражданского общества [2]. Хотя эти факторы, в той или иной мере, относятся не только к молодежи, но и другим возрастным группам (особенно, социально-экономические индикаторы), они все же позволяют оценить сложившуюся в молодежной среде картину отношения к власти. Вместе с тем, отметим, что любая типологизация условна и ограничена и сделанные выводы могут касаться не всех представителей молодого поколения.

Накопленная эмпирическая база позволяет говорить о том, что уровень социально-экономического развития напрямую влияет на социальные настроения в обществе. Такие критерии как индекс промышленного производства, занятость молодежи, средняя заработная плата и другие непосредственно влияют на общественные настроения. Среди экономистов есть попытки рассчитать уровень социальных настроений исходя из ряда этих

факторов. Например, Е.В. Балацкий полагает, что за основу могут быть взяты индекс экономического положения страны, индекс материального благосостояния, ожидания изменения материального положения и политический статус страны [1. С. 10-12]. В качестве возможных критериев также часто рассматриваются уровень преступности, количество детей-сирот, неравномерность распределения доходов и ряд других.

При этом, спецификой Российской Федерации является существенная экономическая дифференциация по региональному признаку. На наш взгляд, необходимо это иметь в виду при учете уровня доверия и не доверия к власти, в том числе к региональной. В частности, согласно опубликованному авторитетным агентством «РИА Рейтинг» итоговому рейтингу регионов за 2022 г., который учитывает совокупность социально-экономических факторов, среди аутсайдеров оказались Тыва, Еврейская автономная область, Ингушетия и ряд других субъектов [11]. Можно было бы предположить, что именно в этих субъектах степень доверия населения к власти будет ниже. Но более объективный анализ показывает, что рассмотрение только социально-экономических параметров не дает всей полноты картины.

В этой ситуации важным маркером уровня доверия выступают социологические опросы. Они позволяют выявить не только отношение к определенным политикам, но и отношение к политическим институтам. Так, согласно опросу, «Левада-центр» (1), более 80% представителей российской молодежи равнодушны к политике, а из всех государственных институтов приемлемый рейтинг лишь у Президента (42%). При этом к негосударственным политическим институтам отношение также скептическое. Партиям не доверяет 50% представителей молодежи, профсоюзам – 44% [3]. Невысокий уровень доверия молодого поколения к политическим институтам может быть связано, в первую очередь, с недостаточной его вовлеченностью в процесс принятия политических решений.

Важным фактором политического доверия является также уровень гражданской активности и политического участия. К формам гражданского участия, в частности, относятся: участие в выборах (голосование), а также в качестве активистов в проведении избирательных кампаний кандидатов или партий, выдвижение собственной кандидатуры в представительные органы власти, участие в акциях, демонстрациях, пикетах и митингах, в том числе протестного характера, членство в политических партиях и общественных организациях и ряд других.

В общественном сознании и экспертной среде сложилось убеждение, что молодежь менее активно участвует в выборах, чем представители старшего поколения. Однако исследование ВЦИОМ ставит под сомнение этот тезис. Согласно данным этой организации в президентских выборах 2018 года в России приняло участие 65,6% представителей молодежи (в исследовании ВЦИОМ – это граждане в возрасте 18-34 года). Это выше, чем в

любой другой возрастной группе. Так, у лиц среднего возраста этот показатель составил 62,9%, у граждан старше 60 лет – 63,4%. При этом структура электоральных предпочтений у молодого поколения также существенно не отличается от соответствующей структуры других возрастных групп [15].

Вместе с тем, электоральное участие фактически остается единственной формой политического вовлечения молодежи. Включенность молодых людей в деятельность политических партий и организаций, принятие политических решений по-прежнему остается низкой, что порождает отсутствие доверия к политике в целом и политическим институтам в частности. Соцопросы показывают, что на сегодняшний более 60% представителей молодежи отвергают саму идею занятия политической деятельностью сегодня или в будущем, более 30% относят это вопрос к собственному будущему и только 1% занимается ей сейчас [3].

Рост политического доверия молодежи к политическим институтам возможен, на наш взгляд, лишь через расширение практики молодежного участия, которое должно носить неформализованный характер и предполагает реальный, а не декларативный учет интересов молодых граждан России.

В связи с этим нам представляется необходимым:

1. При оценке реализации эффективности государственной молодежной политики учитывать в качестве ключевого критерия показатель доверия к органам государственной власти. Оценка может быть сделана на основе проведенных качественных и количественных социологических исследований.

2. Формировать не только в лояльной, но и оппозиционно настроенной молодежной среде образ политики как одного из ключевых социальных лифтов, способствующих построению карьеры и реализации нематериальных потребностей человека.

3. При реализации государственной молодежной политики ориентироваться на понятия характерные для субкультуры молодого поколения, сделав ставку не на традиционные ценности, далекие от молодежи, а на принципы и ценности нового поколения, что требует дополнительного их изучения.

4. Следует отказаться от практики прямых призывов к тем или иным политическим действиям, которые не находят поддержки в молодежной среде, вызывая отторжение, и сконцентрироваться на практиках косвенного характера, ориентированных, в первую очередь, на повышение интереса молодого поколения к политике.

Таким образом, уровень политического доверия молодежи к государственным институтам пока остается невысоким. Ключевыми факторами повышения доверия может стать включенность молодежи в принятие общественно-политических решений, повышения уровня представительности в структурах власти и общественных организаций. Пока же действующие на сегодняшний день общественные структуры функцией, которых является

повышение уровня политической социализации молодых людей, в силу своей формализованности не используют весь имеющийся у них потенциал.

ПРИМЕЧАНИЯ:

(1) Признан в Российской Федерации иностранным агентом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Балацкий Е.В. Экономические проблемы и ожидания населения // Мониторинг общественного мнения. 2008. № 4 (88).

2. Богданова Ю.З., Егоров А.Л. Национальные цели России: оценки тюменской молодежи // Евразийский юридический журнал. 2022. № 3 (166).

3. Более 80% российской молодежи равнодушны к политике // <https://www.levada.ru/2020/04/30/bolee-80-rossijskoj-molodezhi-ravnodushny-k-politike/>.

4. Войнов Д.И. Развитие гражданского общества на примере реализации государственной молодежной политики // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. Т. 12. № 8 (89).

5. Гидденс Э. Последствия модернити // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999.

6. Голубева Т.С. Влияние цифровой трансформации экономики и социальной жизни на формирование карьерных стратегий студенческой молодежи // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2023. Т. 12. № 1 (47).

7. Громов В.В. Молодежная политика современного государства: условия политического участия молодежи // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2023. Т. 13. № 2 (95).

8. Данкова В.В. Молодежная политика современных парламентских партий // Вопросы политологии. 2022. Т. 12. № 12 (88).

9. Добрынина М.В., Николаева М.А. Поддержка молодежного технологического предпринимательства как создание макросреды для стартапов // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2022. Т. 11. № 2 (42).

10. Жуликова К.С. Анализ интернет-коммуникаций власти и общественных структур в процессе политической мобилизации молодежи // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. Т. 12. № 7 (88).

11. Итоговый рейтинг регионов России – 2022 // <https://ria.ru/20221226/itogi-1841180407.html>.

12. Кривова А.Л. Молодежная политика в РФ: формы реализации, проблемы и приоритеты развития // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. Т. 12. № 6 (87).

13. Майстат М.А., Ломтев А.В., Батяновский В.В., Обухов М.А. Политологическое образование: от формирования самоидентичности

личности до инструмента «мягкой силы» // Региональное и муниципальное управление: вопросы политики, экономики и права. 2022. Т. 9. № 3 (28).

14. Михайлова Н.В., Габдуллин К.А., Бельтюков Д.Е. Молодежная политика в России на пороге глобальной трансформации // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2023. Т. 13. № 1 (94).

15. Молодежь ломает стереотипы // <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/molodezh-lomaet-steriotipy->.

16. Савельева А.Д. Перспективы и прогнозы развития гражданского активизма в России // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2023. Т. 13. № 3 (96).

D.M. VALEEVA

*Postgraduate Student of the Department
of Political Science and Public Relations, Faculty of Philosophy
and Sociology, Ufa University of Science and Technology,
Ufa, Russia*

PROBLEMS OF FORMATION AND STRENGTHENING OF POLITICAL CONFIDENCE OF YOUNG PEOPLE IN THE INSTITUTIONS OF STATE POWER IN MODERN RUSSIA

The article discusses the reasons why the level of political confidence of young people in state institutions remains low. The author proceeds from the fact that the key factors in increasing trust are the involvement of young people in making socio-political decisions, increasing the level of representativeness in government structures and public organizations. It is concluded that the social structures currently operating, whose function is to increase the level of political socialization of young people, due to their formalization, do not use all their potential.

Key words: *youth policy, Russia, public administration, efficiency, interaction, power, society.*

А.В. КАЛАКУТСКИЙ

аспирант кафедры государственного и
муниципального управления Института экономики и управления
Самарского национального исследовательского университета
им. академика С.П. Королева (Самарский университет),
Россия, г. Самара

МЕХАНИЗМЫ И ТЕХНОЛОГИИ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ СОВРЕМЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА НА ПРИМЕРЕ ПРИВОЛЖСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА

В статье рассматривается актуальная проблема информационного обеспечения политического процесса на примере поликультурного региона Приволжского федерального округа. Цель статьи заключается в обобщении механизмов и технологий информационного обеспечения политического процесса в Приволжском федеральном округе как полиэтничном регионе. Выбор объекта исследования обусловлен его сложностью как с точки зрения административного управления и этнонационального состава. Методология статьи основана на системном подходе и включает в себя группу общенаучных методов (анализ, синтез, индукция, дедуция), а также ряд специальных методов: контент-анализ научной литературы по теме исследования; структурно-функциональный и статистический методы. По итогу проведенного исследования автор статьи пришел к следующим выводам: в Приволжском федеральном округе наибольшую эффективность имеют механизмы, основанные на применении медиаресурсов для представителей различных этнических групп. Основной технологией информационного обеспечения современного политического процесса является сетевое взаимодействие со средствами массовой коммуникации и Интернет-сообществами.

Ключевые слова: *политический процесс, региональный политический процесс, механизмы, технологии информационного сопровождения, Приволжский федеральный округ.*

Введение. Актуальность темы исследования обусловлена тем, что информационное обеспечение политического процесса в поликультурных регионах России является одним из факторов безопасности и стабильности политической системы. В частности, в Приволжском федеральном округе, помимо русских, проживает еще одиннадцать этносов. Информационное обеспечение политических процессов приобретает особое значение в таких округах, поскольку существует острая необходимость разъяснения политики государства по всем ключевым направлениям для всех без исключения этнических групп населения. Округ также неоднороден с позиций территориального объединения и включает пять национальных республик, помимо административно-территориальных образований (областей). Сложность современных политических процессов требует высокоэффективного информационного сопровождения для создания конструктивного диалога между властью и обществом.

В научной литературе существует множество дефиниций понятия «информационное обеспечение политического процесса», однако наиболее релевантным из них представляется определение, предложенное Е.П. Чекулаевым: «система, включающая в себя единые цели, стратегию и методологические основы политики государства в сфере оказания информационных услуг населению, общественным организациям и объединениям на основе системы информационного взаимодействия, информационного обеспечения системы органов власти и местного самоуправления, взаимодействия со СМК, а также информационного воздействия государственной власти на общество и отдельных граждан» [6. С. 3].

Историография темы достаточно обширна и включает в себя работы как отечественных, так и зарубежных авторов. В частности, общетеоретические аспекты информационного обеспечения политического процесса рассмотрены в работах таких авторов, как О.В. Бахлова, И.В. Бахлов [1], Р.А. Дукин [2], Т.А. Невская [4] и др. В частности, по мнению В.М. Ощепкова, Ю.Д. Кузьминой [5], механизмы образуют разграниченный класс событий, которые изменяют отношения между заданными наборами элементов идентичными или близкими способами в различных ситуациях. Например, информационная деятельность по обеспечению конкретного политического события при объединении двух или более ранее менее связанных социальных сайтов путем вмешательства третьих сторон представляет собой политический механизм широкого масштаба. В то же время, И.В. Мирошниченко, Н.А. Рябченко [3] процессы рассматриваются как «часто встречающиеся комбинации или последовательности механизмов» [3. С. 7].

Конкретные механизмы и технологии информационного обеспечения современного российского политического процесса представлены в диссертационном исследовании Е.П. Чекулаева [7]. Институциональный дизайн

системы информационного обеспечения политического процесса проанализирован О.В. Афонина [8].

Зарубежная историография темы представлена эмпирическими исследованиями Д. Фазылжан [9], Н. Генри [10], М. Холм, Ю. Схири, П. Зеттерберг [11]. Конкретное влияние механизмов информационного обеспечения на процессы демократизации проанализировано в работе Б. Роджерса [12], Р. Суткуте [13].

Тем не менее, несмотря на обширную историографию, проблема информационного обеспечения политического процесса недостаточно подробно освещена на примере таких полиэтнических округов, как Приволжский федеральный округ.

Механизмы и технологии информационного обеспечения политического процесса в Приволжском федеральном округе. На основе контент-анализа статистических данных Росстата [6], можно констатировать, что в Приволжском Федеральном округе существует определенный дисбаланс между разными регионами по показателям информатизации (рисунок 1).

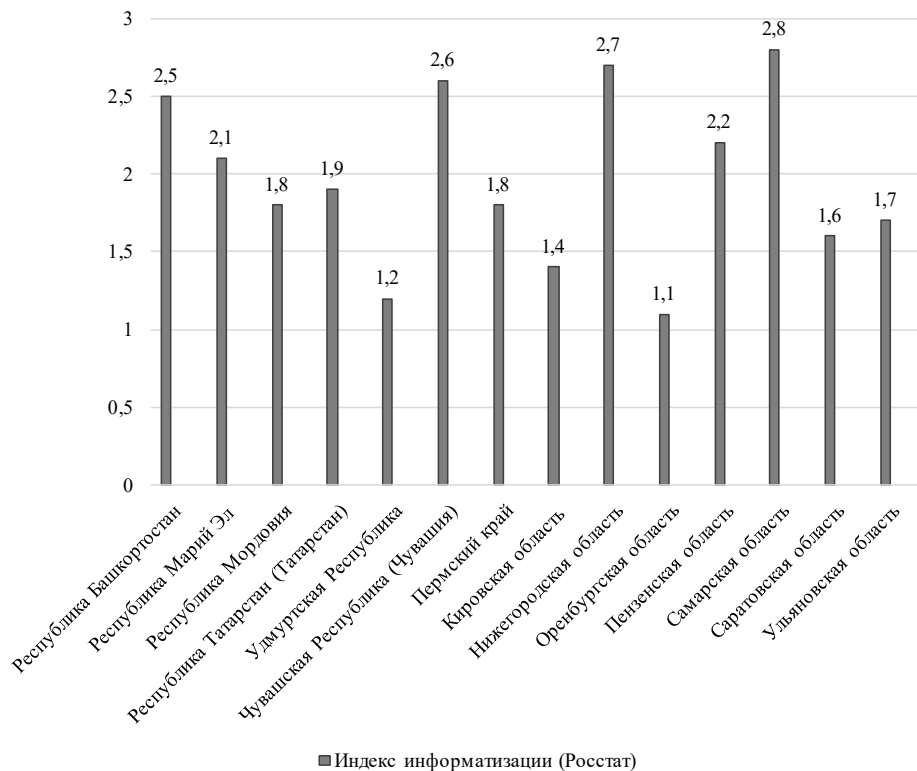

Рисунок 1. Уровень информатизации Приволжского федерального округа (составлено автором по данным Росстат, 2022 год)

Приведенные на рисунке 1 данные показывают, что наиболее успешно работа по информационному обеспечению политического процесса ведется в Самарской, Нижегородской областях, в таких национальных субъектах, как Башкортостан и Чувашская республика. Самый низкий показатель информатизации политического процесса представлен в Коми-Пермяцком автономном округе, Кировской и Оренбургской областях.

Также неравномерен показатель компьютерной грамотности населения, который важен для эффективного диалога между властью и населением, в том числе – в ходе обслуживания населения средствами электронного правительства (рисунок 2).

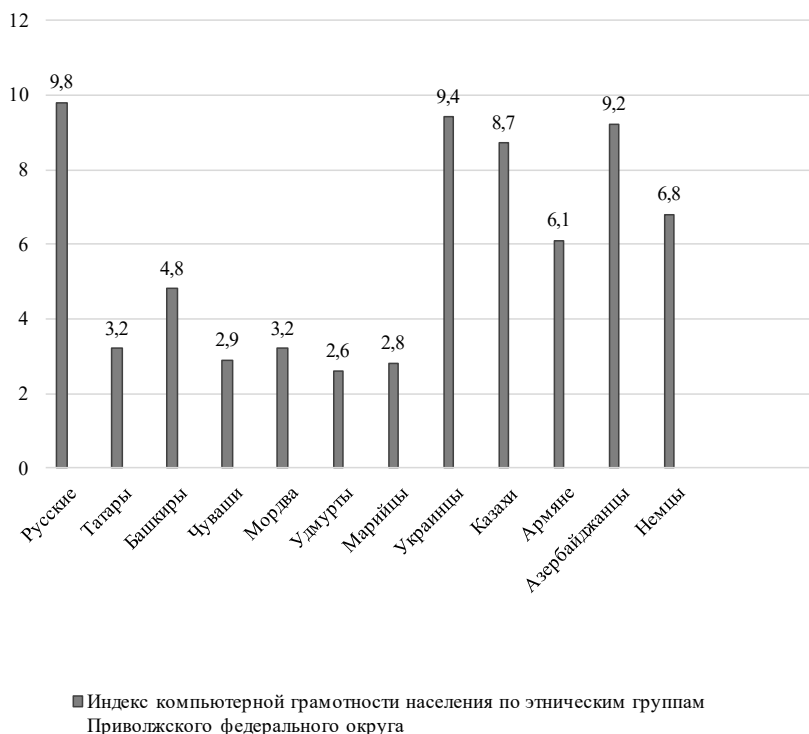

Рисунок 2. Распределение показателя компьютерной грамотности по этносам региона (составлено автором по данным Росстат, 2022 год)

Насколько можно судить по приведенным на рисунке 2 данным, наиболее высокий уровень компьютерной грамотности наблюдается среди русских, украинцев, азербайджанцев и немцев. Остальные этносы, в основном финно-угорской группы (мордва, удмурты, коми-пермяки), имеют слабое представление о том, как работает электронное правительство, какие возможности оно дает населению для удовлетворения своих потребностей. Выявленная проблема частично решается руководством соответствующих субъектов с помощью информационной политики в социальных сетях и Интернет-сообществах [8. С. 91].

Согласно отчету Федеральной государственной службы статистики (Росстат) об уровнях информатизации политического процесса в различных субъектах РФ [6], такие показатели, как информационное взаимодействие органов государственной власти с гражданами и доступ к официальной информации также неравномерно распределены по регионам Приволжского федерального округа (рисунок 3).

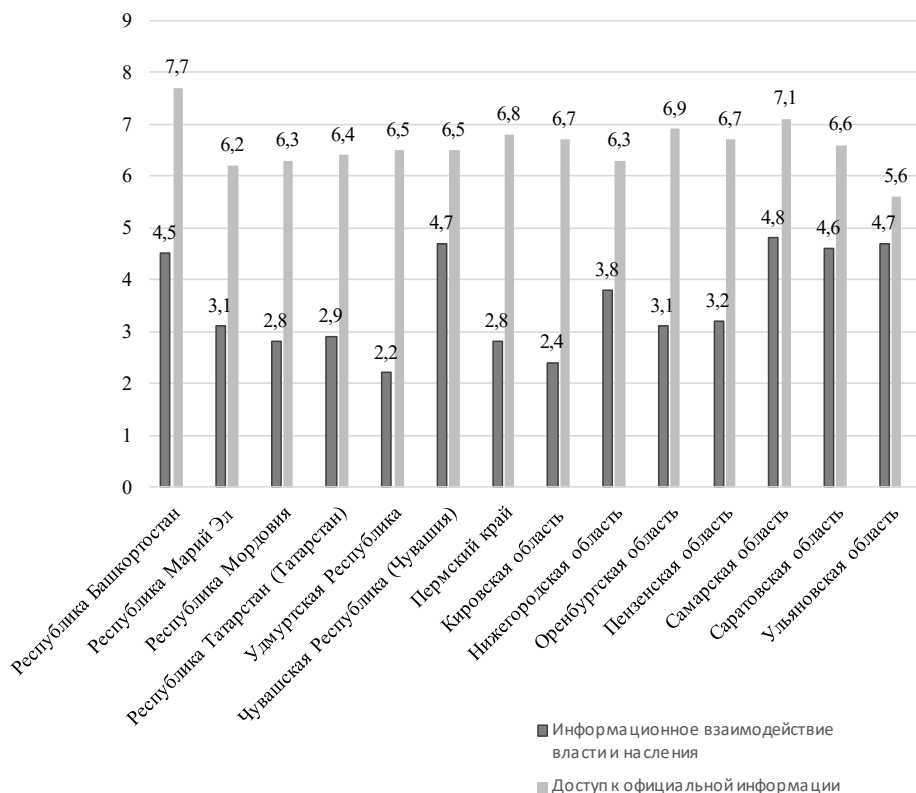

Рисунок 3. Показатели информатизации политического процесса по степени участия населения (составлено автором по данным отчета Росстат, по 10 балльной шкале, 2022 г.).

Таким образом, при довольно высоком уровне доступа к официальной информации, размещаемой на сайтах органов власти соответствующих регионов Приволжского федерального округа, уровень взаимодействия с населением остается низким, кроме Башкортостана, Чувашии, Самарской, Саратовской и Ульяновской областей. При этом в качестве основных механизмов информационного обеспечения в большинстве регионов используются информирование населения и Интернет-размещение отчетов органов власти по различным аспектам текущей политики.

С учетом этнополитического аспекта информационного обеспечения политического процесса в Приволжском федеральном округе, необходимо отметить, что, судя по отчету Росстата, наибольшую эффективность имеют механизмы, основанные на применении медиаресурсов для представителей различных этнических групп [6].

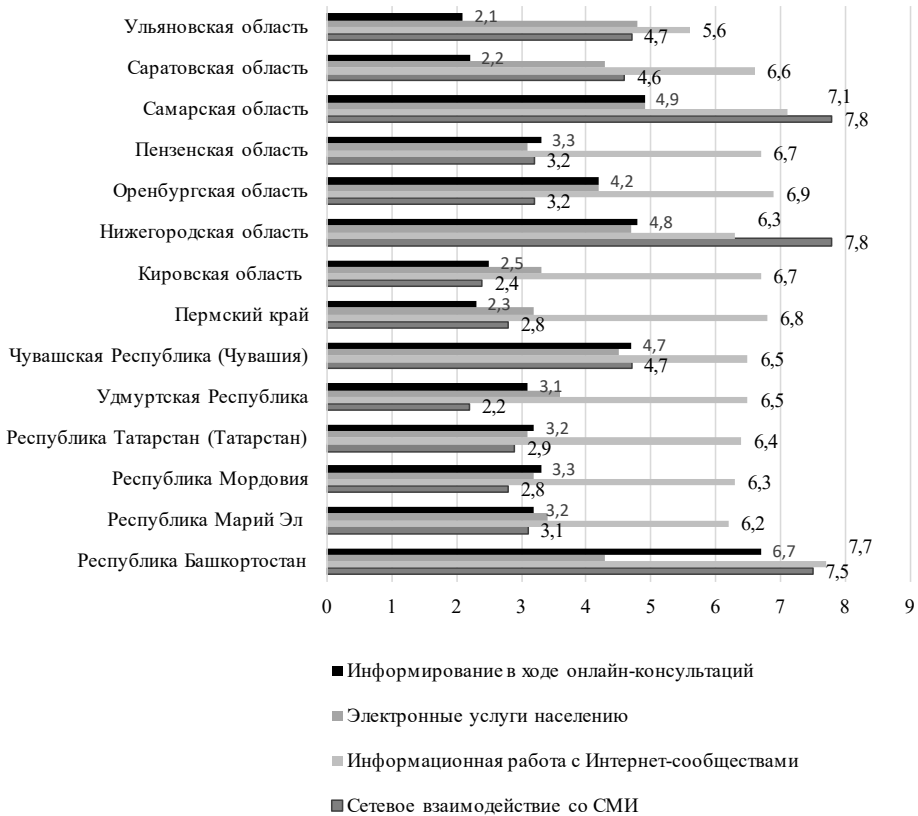

Рисунок 4. Основные механизмы и технологии информационного обеспечения политического процесса (составлено автором по данным отчета Росстат, по 10 балльной шкале, 2022 г.).

Насколько можно судить по приведенным на рисунке 4 данным, в качестве основной технологии информационного обеспечения современного политического процесса используется сетевое взаимодействие со средствами массовой коммуникации и Интернет-сообществами. Наиболее высокие показатели по округу демонстрируют Башкортостан, Чувашия, Самарская и Нижегородская области. Однако, при высоком уровне работы с Интернет-сообществами даже в этих лидирующих по уровню информатизации регионах, сохраняется проблема среднего показателя по предоставлению электронных услуг, то есть большая часть населения округа предпочитает традиционный бюрократический (бумажный) вариант взаимодействия с властью, нежели цифровые средства. Такое недоверие к электронному правительству в большинстве регионов Приволжского федерального округа свидетельствует о необходимости совершенствования системы информационного обеспечения политического процесса.

Выводы. По итогу проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

1. В современных условиях развития регионов Российской Федерации, при цифровизации всех процессов, в том числе и управленческих, для устойчивости политической системы особое значение приобретает использование эффективных механизмов и технологий в сфере информационного обеспечения политического процесса. Более того, в полиэтнических округах со смешанным составом административных единиц необходима четко разработанная информационная политика для конструктивного взаимодействия между властью и населением.

2. На примере Приволжского федерального округа можно констатировать, что на сегодняшний день наиболее эффективными при работе с населением являются механизм сетевого взаимодействия со средствами массовой коммуникации и технология информационной работы с Интернет-сообществами. Тем не менее, показатели информатизации, компьютерной грамотности населения остаются несбалансированными по регионам Приволжского федерального округа, что говорит о необходимости разработки новых и более эффективных программ информационной политики как на уровне административно-территориальных, так и на уровне национальных субъектов округа.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Бахлова О.В., Бахлов И.В.* Национально-культурные автономии в системе диалога власти и гражданского общества: коммуникационное измерение процесса нациестроительства в современной России (на примере Приволжского федерального округа) // *Управленческое консультирование*. 2019. № 1.

2. *Дукин Р.А.* Коммуникация через социальные медиа как атрибут современной политической деятельности // *Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история*. 2017. № 5.

3. *Мирошниченко И.В., Рябченко Н.А.* Экосистема сетевого публичного управления: оценка готовности сетевого окружения к инновационным практикам (на примере субъектов РФ) // *Южнороссийский журнал социальных наук*. 2017. № 4.

4. *Невская Т.А.* Информационно-аналитическое сопровождение избирательных кампаний: российский и зарубежный опыт // *Социодинамика*. 2019. № 1.

5. *Ощепков В.М., Кузьмина Ю.Д.* Проблемы инновационного развития региона (на примере Приволжского федерального округа) // *Проблемы прогнозирования*. 2017. № 4.

6. Федеральная служба государственной статистики. Информационное общество в Российской Федерации. 2022 // <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13251>.

7. Чекулаев Е.П. Механизм и технологии информационного обеспечения современного российского политического процесса: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / Евгений Павлович Чекулаев. М., 2011.

8. *Afonina O.V.* Constitutional and legal forms of political activity of citizens implemented with the help of information and communication technology: concepts, tasks and functions // *Journal of World-Systems Research*. 2023. Vol. 29 (1).

9. *Fazylzhan D.* Comparative analysis of political participation in the context of the spread of digital technologies based on the study of the experience of the UK and Kazakhstan // *Journal of the Politics Knowledge*. 2023. Vol. 6.

10. *Henry N.* Political Scientists and Public Policy Affecting Computer-Based Research // *Political Science*. 2022. Vol. 7 (4).

11. *Holm M., Skhiri Y., Zetterberg P.* Political institutions and the gendered use of social media among political candidates: evidence from Tunisia // *Journal of Information Technology & Politics*. 2023. Vol. 2.

12. *Rogers B.* Data and Democracy at Work: Advanced Information Technologies, Labor Law, and the New Working Class // *American Journal of Political Science*. 2023. Vol. 4.

13. *Sutkute R.* Political participation in the context of contemporary media: the case of refugees in Lithuania. *EUREKA Social and Humanities*. 2022. Vol. 7.

A.V. KALAKUTSKY

Postgraduate Student, Department of State and Municipal Administration, Institute of Economics and Management, Samara National Research University; Academician S.P. Koroleva (Samara University), Samara, Russia

MECHANISMS AND TECHNOLOGIES FOR INFORMATION SUPPORT OF THE MODERN POLITICAL PROCESS IN THE VOLGA FEDERAL DISTRICT

The article reveals the actual problem of information support of the political process on the example of the multicultural region of the Volga Federal District. The purpose of the article is to summarize the mechanisms and technologies for information support of the political process in the Volga Federal District as a multi-ethnic region. The choice of the research object is due to its complexity in terms of administrative management and ethno-national composition. The methodology of the article is based on a systematic approach and includes a group of general scientific methods (analysis, synthesis, induction, deduction), as well as a number of special methods: content analysis of scientific literature on the research topic; structural-functional and statistical methods. As a research result, the author of the article came to the following conclusions: in the Volga Federal District, mechanisms based on the use of media resources for representatives of various ethnic groups are most effective. The main technology of information support of the modern political process is network interaction with mass media and Internet communities.

Key words: *political process, regional political process, mechanisms, information support technologies, Volga Federal District.*

А.Х. ТОМАЕВ

*аспирант Московского государственного
университета имени М.В. Ломоносова,
Россия, г. Москва*

КОНКУРСЫ КАК ИНСТРУМЕНТЫ РЕКРУТИРОВАНИЯ МОЛОДЕЖНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЛИДЕРОВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В настоящей статье представлены результаты исследования роли лидерских кадровых конкурсов, организуемых в современной России, в процессе рекрутирования молодежных политических лидеров. Автором предложено разделение лидерских кадровых конкурсов на партийные кадровые и управленческие кадровые, проведен анализ конкурсов федерального и регионального уровня, выявлено их значение для рекрутирования в политическую сферу именно лидеров и активистов молодежных организаций.

Ключевые слова: *лидерские конкурсы, партийные кадровые конкурсы, управленческие кадровые конкурсы, рекрутирование, молодежные политические лидеры.*

Введение. В современных социально-политических реалиях молодежь находится в фокусе внимания исследователей, экспертного сообщества, органов государственной власти, активно развивается связанная с ней отраслевая политика. Молодежная политика функционирует не как замкнутая сфера, а как источник рекрутирования кадров в публичную политику и государственное управление. Таким образом, в политической сфере появляются молодежные лидеры, имеющие благодаря работе в молодежных организациях опыт общественной управленческой деятельности. Когда «выходцы» из молодежной политики начинают обретать профессиональную принадлежность к политической сфере, они становятся молодежными политическими лидерами. Процесс встраивания молодежных лидеров в публичную политику и государственное управление обеспечивается инфраструктурой молодежной политики, выступающей средой формирования этих лидеров. Кроме того, продвижению молодежных лидеров в политическую сферу способствуют федеральные и региональные конкурсы.

В настоящей статье представлены материалы исследования молодежного политического лидерства в современной России, процесса рекрутирования молодежных лидеров в политическую сферу. В работе рассматриваются лидерские конкурсы как инструмент рекрутирования в публичную политику и государственное управление «выходцев» из сферы молодежной политики, то есть компонент системы рекрутирования молодежных политических лидеров.

Система рекрутирования определяет порядок, критерии, побудительные мотивы отбора, а также кем и из какой среды осуществляется отбор [8]. Традиционно в политической науке выделяют две основные системы рекрутирования политических элит: гильдий и антрепренерскую. Для системы гильдий характерны закрытость и склонность к воспроизводству существующего типа элиты, к нахождению в рамках существующей элиты претендентов из ее нижних слоев [23]. Среди отличительных черт антрепренерской системы – «широкие возможности для представителей любых общественных групп претендовать на занятие лидирующих позиций, <...> высокая конкурентность отбора, острота соперничества за занятие руководящих постов, <...> первостепенная значимость личностных качеств, индивидуальной активности» [23. С. 128]. Эти особенности свидетельствуют о меритократическом характере данной системы, который лежит в основе любого конкурса. Таким образом, созданные и развивающиеся в настоящее время лидерские конкурсы могут быть рассмотрены как компонент системы рекрутирования антрепренерского типа.

Лидерские конкурсы исследователи относят к «кадровым проектам», поскольку победа в них в основном предполагает включение в федеральный или региональный кадровый резерв [24. С. 113]. Под кадровым резервом понимается «специально сформированная на основе установленных критериев группа перспективных работников, обладающих необходимыми для выдвижения профессиональными, деловыми, личностными и морально-этическими качествами, положительно проявивших себя на занимаемых должностях, прошедших необходимую подготовку и предназначенных для замещения определенных должностей в организации» [20. С. 448], «перечень лиц, прошедших в установленном порядке конкурсный профессиональный отбор и потому обладающих правом замещения должностей» [19. С. 210]. Исходя из этого, для формирования кадрового резерва имеет значение наличие у лиц, потенциально включенных в этот резерв, разнообразных необходимых качеств. Важную роль в данном процессе отбора таких лиц играет конкурсная составляющая. Соответственно, лидерские кадровые конкурсы являются инструментом рекрутирования победивших в них участников в публичную политику и государственное управление.

В настоящем исследовании выделяются и рассматриваются две категории лидерских кадровых конкурсов, функционирующих в современной

России: партийные и управленческие. Партийные кадровые конкурсы организуются, что очевидно из названия, политическими партиями, а также их молодежными «крыльями», для пополнения кадрового состава самих партий и, помимо этого, для дальнейшего карьерного продвижения победителей данных конкурсов – как внутри партии, так и в органы власти (преимущественно законодательной). Что касается управленческих кадровых конкурсов, они не были привязаны к какой-либо политической силе и не обладали при их создании политическим характером, но победители данных проектов впоследствии стали встраиваться на профессиональной основе не только в государственное управление, но и в публичную политику. Обе категории лидерских кадровых конкурсов организуются как на федеральном, так и на региональном уровне.

Партийные кадровые конкурсы. Реализация партийных кадровых проектов началась в России во второй половине 2000-х гг. Одним из первых проектов такого плана стал «Политзавод». Это проект всероссийской политической партии «Единая Россия» и «Молодой Гвардии Единой России» (МГЕР), реализованный впервые в 2006 г. По итогам конкурсных мероприятий победители получили возможность попасть в партийные списки на выборах в региональные и федеральный парламенты. На региональном уровне собственную структуру конкурса устанавливало каждое региональное отделение, а на федеральном уровне было три конкурсных этапа: региональный, окружной и федеральный [2].

Основной целевой аудиторией данного конкурса, как проекта, организованного МГЕР, были активисты данной молодежной организации. Тем не менее, рассматривая в качестве примера московский кейс реализации «Политзавода» в 2006 г., следует отметить, что структура Молодежной палаты при Московской городской думе, создание и формирование состава которой было сопряжено с проведением конкурса, закрепляла 30 из 50 мест за членами молодежных крыльев всех политических партий, представленных в Государственной Думе IV созыва («Единая Россия», КПРФ, ЛДПР, избирательный блок «Родина»), причем их распределение в Молодежной палате должно было быть пропорциональным тому, которое было на тот момент в Думе. Предполагалось, что оставшиеся 20 мест в Молодежной палате займут в равной пропорции депутаты муниципальных образований и представители Московской федерацией профсоюзов. Таким образом, представители «Молодой Гвардии Единой России» получали 24 места в Молодежной палате [2], часть оставшихся мандатов предоставлялась активистам других молодежных партийных организаций. Это свидетельствует об определенной степени связи между начинавшей тогда выстраиваться инфраструктурой молодежной политики и рекрутированием кадров в публичную политику.

«Политзавод» в Москве состоял из таких конкурсных форматов, как запись видеороликов и заполнение анкет, организация акций протеста, политические дебаты [2]. Особенность «Московского политзавода – 2006» заключалась в том, что по итогам данного конкурса победители имели возможность попасть в совещательный орган при Московской городской думе, но не в думу непосредственно, тогда как в других регионах победители получали место в списках для участия в выборах депутатов законодательных собраний.

В настоящее время конкурс «Политзавод» продолжает проводиться в ряде российских регионов. Заметно представлен в информационном пространстве кейс «Политзавода», организуемого в Республике Татарстан. По итогам работы данной площадки конкурсного отбора в 2022 г. победители получили право на стажировку в Государственной Думе под наставничеством депутатов [1]. В 2021 г. «Политзавод» в Республике Татарстан включал в себя четыре конкурсных направления: «Политика», «Основы законодательства», «Общественный лидер», а также конкурс для финалистов и победителей проекта прошлых лет [2]. Данный проект позиционируется как конкурс для «политически активной молодежи» [13], «молодых людей с активной гражданской позицией в возрасте от 18 до 35 лет» [13] для их дальнейшего продвижения в общественно-политическую жизнь региона. Исходя из этого, конкурс ориентирован на инициативную и вовлеченную в какую-либо общественную деятельность молодежь, однако это не обязательно должна быть активность в рамках сферы молодежной политики. Несмотря на это, весомую часть участников, финалистов и победителей этого республиканского проекта, безусловно, ежегодно составляют активисты и лидеры молодежных общественных объединений («Российский союз сельской молодежи» и др.), члены МГЕР. Соответственно, на сегодняшний момент «Политзавод» может рассматриваться как компонент системы рекрутирования молодежных лидеров в публичную политику. Помимо этого, среди организаторов данного проекта – Академия творческой молодежи Республики Татарстан, являющаяся важным компонентом инфраструктуры молодежной политики региона, что говорит о встроенности самого конкурса в данную инфраструктуру.

Рассмотренные региональные кейсы показывают, что победа в «Политзаводе», изначальная идея которого была в омоложении депутатского корпуса федерального и регионального уровней, не во всех случаях обеспечивала на начальном этапе реализации этого кадрового проекта и не гарантирует сейчас место в партийных списках «Единой России». Тем не менее, конкурсные мероприятия «Политзавода» способствуют развитию профессиональных навыков молодежных лидеров и могут повлиять на их карьерную траекторию через предоставление стажировки или иным

косвенным образом. Именно «Политзавод» разных уровней составил содержание начального этапа развития лидерских конкурсов в России.

Значимым событием в истории партийных кадровых конкурсов стали проведенные в 2011 г. «Молодежные праймериз» партии «Единая Россия». Праймериз были открытыми – проходили вне рамок партии, через смс-голосование. Заданиями для конкурсантов были организация нескольких мероприятий разной направленности, сбор не менее 1000 подписей в свою поддержку и запись видеобращения к избирателя [24]. «Молодежные праймериз» позиционировались «Единой Россией» как «публичный конкурс по отбору наиболее достойных, профессиональных, популярных в молодежной среде людей, которые будут представлять молодежные организации, входящие в Общероссийский народный фронт, на Народном предварительном голосовании» [14]. Исходя из этого, в концепцию конкурса изначально была заложена ориентация на активистов молодежных организаций, то есть «выходцев» из сферы молодежной политики. Региональный опыт свидетельствует, что среди победителей «Молодежных праймериз» в регионах были не только активисты, но и лидеры молодежных организаций – молодежных палат при региональных законодательных собраниях, общественных объединений и т.д.

Привлечение сторонников, которое предполагалось на одном из этапов «Политзавода», и сбор подписей в свою поддержку, который включали в себя испытания в рамках «Молодежных праймериз», позволяет называть данные проекты лидерскими, поскольку они моделировали ситуацию избирательной кампании, в рамках которой участники могли проявить себя как реальные политические лидеры.

Другие российские политические партии также проводят собственные кадровые проекты. Основной формат данных проектов – высшая партийная школа. В данном формате так же присутствует конкурсная составляющая, но больший акцент делается на обучении.

Высшая партийная школа Либерально-демократической партии России (ЛДПР) активно функционирует на региональном уровне и направлена на обучение новых кадров партии. Отдельными проектами ЛДПР являются Молодежная высшая партийная школа, предназначенная для активистов «молодежного крыла» [3], и конкурс «Лидеры ЛДПР 3.0», который включает в себя отбор активных и инициативных партийцев в сначала регионах, затем в федеральных округах и финал и суперфинал в Москве.

Высшая партийная школа «Справедливой России» – серия мероприятий для студентов, итоговым этапом которого становится защита проектов участниками курса [4]. Высшая партийная школа СР изначально была создана как просветительская площадка, нацелена на «повышение политической грамотности общественных активистов» [4]. Конкурсный компонент в этом проекте, на первый взгляд, не предусмотрен, но можно заключить,

что участие новых и опытных активистов партии в партийной школе содействует формированию и развитию их компетенций лидеров.

Таким образом, партийные школы не являются инструментом рекрутирования, но они направлены на актуализацию и развитие лидерского потенциала участников и кадрового потенциала партий.

Управленческие кадровые конкурсы. Современный этап развития лидерских конкурсов во многом ассоциирован с работой АНО «Россия – страна возможностей», учрежденной в 2018 г. Проекты этой платформы направлены на раскрытие и развитие потенциала «перспективных управленцев, предпринимателей, молодых профессионалов, волонтеров, школьников» [16]. Согласно уставу организации, ее целью выступает «содействие развитию социальных лифтов, поддержки проектов и инициатив, создающих возможности для личной и профессиональной самореализации граждан в различных сферах деятельности» [21]. Из нескольких десятков проектов платформы 14 являются конкурсами. Флагманский проект АНО «Россия – страна возможностей» – всероссийский конкурс управленцев «Лидеры России». Роль данного проекта в процессе рекрутирования молодежных лидеров в политику рассмотрена отдельно в рамках настоящей статьи.

Всероссийский конкурс управленцев «Лидеры России», будучи проектом АНО «Россия – страна возможностей», интерпретируется как социальный лифт, как «трамплин» [11] для начинающих чиновников и политиков. К настоящему времени конкурс приобрел разветвленную структуру, функционируют разные его треки: «Государственное управление», «Наука», «Здравоохранение», «Бизнес и промышленность», «Информационные технологии», «Культура», «Студенты», «Международный» трек. Победа в данном конкурсе обеспечивает участнику образовательный грант и наставническое сопровождение. Потенциальный результат победы в данном конкурсе – включение в кадровый управленческий резерв страны.

Отдельными проектами АНО «Россия – страна возможностей» стали конкурсы «Лидеры России. Политика» и «Конкурс политологов». Исходя из позиционирования конкурсов, победа в них приносит результаты, связанные с образованием, сопровождением наставника, стажировками. Практика показывает, что победители и финалисты конкурса «Лидеры России. Политика» впоследствии действительно выстраивают политическую карьеру, хотя напрямую их продвижение в политическую сферу может быть не связано с успехом в конкурсе. Например, по итогам выборов в Государственную Думу VIII созыва (2021 г.) депутатами стали 19 победителей и финалистов конкурса «Лидеры России. Политика» [25], причем двое из них являются руководителями крупных общественных объединений, входящих в инфраструктуру российской молодежной политики. Это характеризует конкурс «Лидеры России. Политика» как компонент системы рекрутирования молодежных лидеров в политику, способствующий их

переходу из статуса молодежных лидеров в статус молодежных политических лидеров.

Проект «Лидеры России» стал во многом действительно флагманским. Модель данного федерального конкурса, запущенного в 2017 г., была использована в качестве образца при разработке концепций региональных лидерских конкурсов, реализация ряда которых началась в 2018 г. Рассмотрим несколько конкурсов регионального уровня, организуемых в Центральном, Северо-Западном, Сибирском и Южном федеральных округах.

Кадровый проект «Лидеры Ярославии» интерпретируется как «часть системной работы по выстраиванию социальных лифтов» [22]. Данный конкурс впервые был проведен в 2019 г. К участию приглашались жители Ярославской области 18-35 лет [6]. Следует подчеркнуть, что многие участники конкурса «Лидеры Ярославии» имели большой опыт деятельности именно в сфере молодежной политики. Предполагалось, что победители получат поддержку подготовленных в ходе конкурсных мероприятий проектных инициатив, а также право бесплатно пройти курс профессиональной подготовки в одном из московских высших учебных заведений. На включение в управленческий кадровый резерв региона по итогам конкурса в рамках официального позиционирования конкурса не было указано. В настоящее время с целью пополнения кадрового резерва при поддержке АНО «Россия – страна возможностей» в регионе реализуется кадровый проект правительства «Ярославский резерв» [7].

Конкурс «Я – лидер» проводится в Смоленской области ежегодно, начиная с 2019 г. Возрастные границы для участия в конкурсе – 25-55 лет включительно, требуемый опыт работы на руководящих должностях – не менее 1 года [12]. Наличие высшего образования также является обязательным условием участия в конкурсе [12]. Заочный этап конкурса включает тестирование на базовые знания социальных наук, государственного строя Российской Федерации, государственного и муниципального управления, менеджмента организации, а также запись видеопрезентации [12]. Очный этап предполагает участие конкурсантов в образовательном интенсиве и проектную работу. Учитывая возрастные границы участников, данный конкурс не следует рассматривать как собственно молодежный, но представителей сферы молодежной политики он, разумеется, тоже охватывает [27]. При этом среди конкурсантов встречаются и те, кто уже имеет профессиональную принадлежность к государственной службе [26]. Основным итогом конкурса для победителей – возможность включения в резерв управленческих кадров Смоленской области.

Для участников конкурса «Лидеры Карелии» установлена верхняя возрастная граница 50 лет. Первый конкурс был проведен в 2018 г., и в настоящее время данный проект продолжает осуществляться. При объявлении первого сезона конкурса заявлялось, что все финалисты конкурса войдут в

кадровый резерв Республики Карелия и получают сопровождение наставников [5]. Среди победителей, в том числе первых сезонов конкурса, были не только опытные управленцы из сфер бизнеса, здравоохранения, образования, но и деятели региональной молодежной политики – например, председатель Молодежного правительства Республики Карелия.

Региональный конкурс «Лидеры Кузбасса» направлен на выявление «наиболее перспективных руководителей (управленцев) Кемеровской области, обладающих высоким уровнем развития лидерских качеств и управленческих компетенций» [18] (предпринимателей, чиновников, представителей вузов) для их рекрутирования в «сообщество лидеров региона» [10], принимающих участие в создании Стратегии развития Кузбасса. Данный конкурс проводился однократно, в 2018 г. Верхняя возрастная граница участников конкурса – 45 лет. Требованиями для участия были наличие высшего образования не ниже степени магистра, опыт управленческой деятельности не менее 3 лет, постоянное проживание на территории Кемеровской области, наличие опыта реализации крупных проектов и разработанного описания проекта по развитию региона [10]. Конкурсные проекты проходили и экспертную оценку, и процедуру народного голосования. Что касается профессионального происхождения конкурсантов, на «выходцах» из сферы молодежной политики акцент не делался – более того, некоторые участники уже являлись чиновниками и политиками муниципального уровня. Помимо этого, значительную часть участников и финалистов составляют представители бизнеса. Верхняя граница возраста конкурсантов также расширила целевую аудиторию проекта, вывела ее за рамки молодежи. Кроме того, данный конкурс отличается от аналогичных конкурсов в других регионах требованием более длительного опыта управленческой деятельности для участия. Следует отметить, что специально для молодежных деятелей в регионе действует конкурс «Молодые лидеры Кузбасса», однако его функция ограничивается рекрутированием в региональный молодежный парламент.

Требования к участникам конкурса «Лидеры Кубани – движение вверх!», который проводится с 2018 г., примечательны своей дифференцированностью [15]. К представителям молодежи, участвующих в конкурсе, отсутствует требование наличия опыта работы по специальности не менее 5 лет, тогда как к конкурсантам старше 35 лет такое требование есть. Верхняя возрастная граница – 55 лет. Высшее образование для участия в конкурсе, как и в остальных рассмотренных региональных кейсах, необходимо. Соответственно, молодежь и, в частности, молодежные лидеры рассматриваются как отдельная группа в рамках целевой аудитории конкурса. Итогом конкурса для его победителей становится приглашение в резерв управленческих кадров Краснодарского края.

Обобщая представленную выше информацию, следует отметить, что «Лидеры России» и аналогичные конкурсы, созданные в регионах России, по своей сути действительно являются лидерскими и кадровыми. Для молодых людей, в том числе «выходцев» из сферы молодежной политики, данные проекты выступают пространством отработки профессиональных навыков, формирования и развития лидерского потенциала, причем с акцентом на управленческий потенциал, исходя из целевой аудитории конкурса.

Заключение. Итак, на текущий момент лидерские кадровые конкурсы, организуемые в России, частично встроены в систему рекрутирования молодежных лидеров в политическую сферу. Многие «выходцы» из организаций, относящихся к сфере молодежной политики, становятся финалистами и победителями этих конкурсов и затем успешно встраиваются на профессиональной основе в органы исполнительной и законодательной власти федерального и регионального уровня, т.е. становятся молодежными политическими лидерами. Аудитория конкурса, состав финалистов и победителей далеко не ограничиваются молодежными лидерами – весомую часть успешных конкурсантов составляют представители бизнеса, образования и других сфер. Тем не менее, результаты анализа показывают, что конкурсы могут способствовать продвижению молодежных лидеров в политическую сферу как на региональном, так и на федеральном уровне: быть трамплином в их карьерной траектории [9] или одним из ряда достижений, которые содействуют наращиванию молодежными лидерами социального капитала [17].

Если на начальном этапе развития партийные кадровые конкурсы могли обеспечивать победителям место в партийных списках на выборах в законодательные собрания регионов или Государственную Думу, то есть были прямым инструментом рекрутирования, гарантирующим продвижение молодежных лидеров в публичную политику, то сейчас они приносят победителям возможность стажировки в региональных парламентах и в Государственной Думе.

При проведении *управленческих кадровых конкурсов* внимание фокусируется на кадровом обеспечении конкурсным путем государственного управления, хотя можно наблюдать различные, в том числе связанные с публичной политикой, карьерные траектории молодежных лидеров, победивших в такого рода конкурсах.

Данные конкурсы объединяет то, что они, во-первых, направлены на выявление и развитие лидерского потенциала участников, в том числе тех, кто является руководителями или активистами молодежных организаций, во-вторых – на включение выявленных лидеров в федеральный или региональный кадровый резерв, то есть в целом лидерские кадровые конкурсы выполняют роль инструментов рекрутирования молодежных политических лидеров.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. В Казани состоялось закрытие Республиканского общественно-политического проекта «ПолитЗавод» // Татарстанское региональное отделение Всероссийской общественной организации «Молодая Гвардия Единой России» // <https://mger.tatarstan.ru/index.htm/news/2137290.htm>.
2. В Москве введен в строй «Политзавод» // Газета «Коммерсантъ». 28.10.2006 // <https://www.kommersant.ru/doc/717256>.
3. В Туле открылась Молодежная партийная школа ЛДПР // Тульские Новости // https://news.tula.ru/fn_160863.html.
4. Высшая партийная школа Справедливой России // <https://spravedlivo.ru/7198718>.
5. Глава Республики объявил о старте конкурса «Лидеры Карелии» // Конкурс управленцев «Лидеры Карелии» // <https://xn--80ahdbleamfg5cc4l.xn--plai/news/glava-respubliki-objavil-o-starte-konkursa-lidery-karelii/>.
6. Дмитрий Миронов объявил о старте конкурса «Лидеры Ярославии» // Ярославский Регион // <https://yarreg.ru/n58hv/>.
7. Кадровый проект «Ярославский резерв» // <https://xn--80aealalfihh6axhded5u.xn--plai/>.
8. Кондратович И.В. Теория «шлюзов» в формировании и воспроизводстве элит // Региональная экономика: теория и практика. 2010. № 17.
9. Конкурс «Лидеры России» – трамплин для Кубанских финансистов // Новости Армавира // <https://news-armavir.ru/2019/10/14/konkurs-lidery-rossii-tramplin-dlya-kubanskikh-finansistov>.
10. Лидеры Кузбасса // <https://lidery-kuzbassa.ru/>.
11. Названы имена 7 победителей треков конкурса «Лидеры России» среди представителей СКФО // Официальный сайт полномочного представителя Президента Российской Федерации в Северо-кавказском федеральном округе // <http://skfo.gov.ru/press/events/1793/>.
12. О конкурсе // Я Лидер – Региональный конкурс // <https://xn--67-jlscnr2b5h.xn--plai/o-konkurse/>.
13. О мероприятии // Leader-ID // <https://leader-id.ru/events/215406>.
14. О проекте // Молодежные праймериз // <http://mp2011.ru/about/>.
15. О реализации проекта «Лидеры Кубани – движение вверх!» // Официальный интернет-портал правовой информации // <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=140002950&backlink=1&nd=140127432&rdk=>.
16. Палитай И.С., Попова С.Ю., Селезнева А.В. Рекрутирование молодых политических лидеров в современной России: каналы, формы, технологии // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 455.

17. Победитель Василий Яицкий: «Это те люди, с которыми можно развивать Россию». Видео // Лидеры России // https://xn--d1achcanypala0j.xn--p1ai/news_310320194.

18. Положение конкурса // Лидеры Кузбасса // <https://lidery-kuzbassa.ru/o-konkurse/>.

19. Правовое обеспечение государственной службы РФ: учебник / под общ. ред. И.Н. Барцица. М.: Изд-во РАГС, 2007.

20. Управление персоналом: учебник / под общ. ред. А.И. Турчинова. 2-е изд., доп. и перераб. М.: Изд-во РАГС, 2008.

21. Устав АНО «Россия – страна возможностей» // <https://s3-cms.rsv.ru/9ca251f3c70340b65dc114ba29b1c35252687c9897184e49f37a0c978f1ef747.pdf>.

22. Участники проекта «Лидеры Ярославии» прорабатывают индивидуальные стратегии построения карьеры // Ярославский Регион. 17.11.2020 // <https://yarreg.ru/articles/uchastniki-proekta-lidery-yaroslavii-prorabatyvayut-individualnye-strategii-postroeniya-karery/>.

23. Федоренко Н.В. Специфические черты российской управленческой элиты. Социально-политический анализ // Труд и социальные отношения. 2008. № 5.

24. Шаранов А.В. Формы омоложения политической и государственной элиты Р в 2000-е гг. // Society and Security Insights. 2019. Т. 2. № 1.

25. 23 победителя и финалиста конкурса Лидеры России стали депутатами ГосДумы // Клуб Эльбрус // <https://club-elbrus.ru/db/novosti/3616172eaaba3c6f>.

26. 25 смолян стали участниками регионального конкурса «Я – ЛИДЕР» // Я Лидер – Региональный конкурс // <https://xn--67-jlcnr2b5h.xn--p1ai/novosti/25-smolyan-stali-uchastnikami-regionalnogo-konkursa-ya-lider/>.

27. 25 финалистов проекта «Я – ЛИДЕР» встретились на очном этапе в СмолГУ // Я Лидер – Региональный конкурс // <https://xn--67-jlcnr2b5h.xn--p1ai/novosti/25-finalistov-proekta-ya-lider-vstretilis-na-ochnom-etape-v-smolgu/>.

A.KH. TOMAEV

*Postgraduate student, Lomonosov Moscow
State University, Moscow, Russia*

COMPETITIONS AS TOOLS FOR RECRUITING YOUTH POLITICAL LEADERS IN MODERN RUSSIA

This article presents the results of a study devoted to the role of leadership personnel competitions organized in modern Russia in the process of recruiting youth political leaders. The author proposes the division of leadership personnel competitions into party personnel and management personnel competitions, analyzes competitions at the federal and regional levels, reveals their importance for recruiting leaders and activists of youth organizations into the political sphere.

Key words: *leadership competitions, party personell competitions, management personell competitions, recruiting, youth political leaders.*

Д.О. ТУЛИНОВ

аспирант факультета политологии
Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова,
Россия, г. Москва

ВЫБОРЫ В УСЛОВИЯХ РЕЖИМА ПОВЫШЕННОЙ ГОТОВНОСТИ. ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИЙНЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ НА ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС В РФ

В статье обсуждается вопрос специфики влияния ограничений, связанных с распространением COVID-19, на ведение электорального процесса. Режим повышенной готовности – особый режим, в рамках которого регламентируется развитие социальной инфраструктуры в целях безопасности здоровья населения. Однако выборы – вопрос политического характера, и формально он соприкасается с необходимостью соблюдения необходимых мер, регулируемых на законодательном уровне. Требование подстраиваться под новые реалии, связанные с пандемийными ограничениями, обуславливает поиск новых решений предвыборной, выборной работы и работы с избирателями целенаправленно. Рассмотрение российской специфики электорального процесса переходит в плоскость онлайн-формата, который является наиболее предпочтительным и удобным в сложившейся ситуации. Данный опыт для России – новый, поэтому его реализация основывается на методологическом становлении системы.

Ключевые слова: электронное голосование, дистанционное голосование, перенос выборов, выборы, пандемия COVID-19, электоральный процесс.

Введение. Пандемия COVID-19, поразившая мир в 2020 году, оказала огромное влияние на все сферы государственного управления на формы и методы осуществления управленческой деятельности, усилила и без того имевшую место режимность государственного управления [14; 15]. Одной из областей государственной и общественной деятельности, где наиболее важно достижение четкой реализации демократических ценностей, является электоральный процесс. Оказавшись в ситуации, когда следует определяться, могут ли быть вообще проведены выборы в условиях режима

повышенной готовности, потребовалось принимать быстрые, точные и взвешенные решения.

Цель работы заключается в изучении специфики электорального процесса в пандемийный период. Особенно интересна тема переноса выборов, предвыборной кампании и непосредственно голосования. Перенос выборов в период активных волн распространения коронавирусной инфекции возможно понимать, как новое правовое явление в практике выборов.

Материалы и методы. Использованы методы сравнительного анализа, анализа научной литературы и законодательной базы, анализ статистических источников ФОМ и ВЦИОМ.

Литературный обзор. К теме специфики проведения выборов в условиях режима повышенной готовности обращались такие исследователи как К. Глинкин, Е. Рожкова, А. Сборов, А. Винокуров, Н.В. Трошина, Р.З. Близняк и другие. Их труды имеют несколько общий характер относительно темы представленной темы, но дают понимание взаимосвязи.

Результаты. Анализ литературы и источников показал, что население страны лишь частично одобрило введение дистанционного голосования, причем, преимущественно это была молодежь. При этом предвыборный процесс сместил свой фокус с традиционной агитации на агитацию в формате онлайн, что обусловлено введением режима повышенной готовности и разнообразных ограничений.

Обсуждение. В соответствии с Федеральным законом от 21.12.1994 № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» в связи с угрозой распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19) в субъектах РФ в 2020 году был введен режим повышенной готовности. В ряде регионов данная ситуация признана обстоятельством непреодолимой силы (форс-мажором).

Речь идет о профилактическом режиме, в рамках которого введенные дополнительные меры позволяют сохранять привычную жизнь в городах и минимизировать распространение инфекций. Среди дополнительных мер наиболее популярны расширение коечного фонда, запаса противовирусных и антибактериальных лекарственных препаратов, дезинфицирующих средств, в том числе было увеличено число исследований на коронавирусную инфекцию.

Также в рамках режима повышенной готовности были введены меры следующего порядка: во всех образовательных организациях была регламентирована возможность свободного посещения для обучающихся (дистанционный формат обучения в том числе); детские сады функционировали с соблюдением всех профилактических мер (с краткосрочным закрытием в первую волну); ограничение работы в сфере услуг. В том числе запрет налагался на проведение мероприятий любого характера: от спортивно-досуговых до прочих публичных. Сначала такая деятельность была полностью

приостановлена, в дальнейшем накладывались ограничения на присутствие не более 50 человек. Практически всех российских регионов это коснулось.

Следует отметить, что Федеральный закон от 01 апреля 2020 года № 98-ФЗ стал основанием для правительства в части определения объема введения режима повышенной готовности: он мог вводиться или во всей стране полностью, или же, как и было реализовано на практике. Ограничения вводились частично, в зависимости от эпидемиологической обстановки в регионе [23]. В частности, в Москве режим повышенной готовности был введен 5 марта 2020 года мэром С. Собяниным – это одно из первых российских ограничений, связанных с пандемией [12].

Стоит сказать о том, что COVID-19 сказался не только на социальном периметре общества. Непосредственное влияние инфекции отразилось и на законодательной области, поскольку возникла острая необходимость в адаптации правовых механизмов к той реальности, которая не была ожидаемой. Как следствие, в переходный период 2020 года правительством было принято большое количество изменений и дополнений в существующие федеральные законы.

Уже к началу лета 2020 года Госдума приняла 29 законов, касающихся непосредственно мер поддержки в так называемую «пандемию»: это был комплекс нововведений, ориентированный на защиту физических и юридических лиц в экономически нестабильное для них время. Особенно интересно то, что в 2020 году в России впервые заговорили о возможности проведения выборов в онлайн-формате. Как идея такая процедура новой не является: многие страны уже имели подобный опыт, причем, положительный, во многих странах эта процедура уже давно успешно применяется.

Так, появился закон, по которому граждане России получили возможность голосовать дистанционно на разных уровнях выборов. Портал «Госуслуги» показал готовность собирать подписи населения по тому или иному политическому вопросу. Возникла ситуация, при которой ЦИК стала иметь дополнительные основания для досрочного голосования вне избирательного участка. Голосование можно было проводить не только для «защиты здоровья избирателей», то есть в условиях пандемии, но и ради обеспечения «максимального удобства» голосования. Произошло, таким образом, переформулирование понятий.

Изучение электорального поведения россиян как явление приобрело свою значимость еще в процессе первых выборов народных депутатов СССР, которые проходили весной 1989 года. Примечательно, что именно эти выборы впервые за долгие годы советского периода являлись альтернативными [20].

Сегодня в научных источниках отсутствует единое определение понятия электорального процесса. Типично, что в литературе термины «электоральный процесс» и «избирательный процесс» являются аналогами [21. С. 14].

Электоральный процесс в рамках данного исследования рационально рассматривать как понятие, которое включает избирательный процесс как ключевой компонент избирательной системы, в которую включено: назначение выборов; регистрация избирателей; организация избирательных округов; выдвижение кандидатов; проведение голосования; определение результатов голосования и распределение депутатских мандатов. На основании такой совокупности электоральный процесс – это многоаспектное движение, производящееся в процессе организации избирательного процесса, действий и поступков граждан и акторов, непосредственно связанных с выборным процессом [27. С. 72]. Иначе говоря, совокупность взаимодействий политической системы с избирателями (гражданами), осуществляемых в избирательном процессе и в межвыборный период, представляется электоральным процессом [3. С. 76].

Вернемся к специфике электорального процесса в эпоху коронавируса в России. В условиях развивающейся инфекции COVID-19 государство пришло к необходимости определять, как управлять выборами под воздействием пандемийных реалий, а именно, как устанавливать их сроки, стоит ли переносить день голосования или голосовать по плану, как определять безопасные условия проведения выборов, способы голосования с учетом необходимых к соблюдению международных принципов и возможных препятствий для демократических процессов и последствий для здоровья. Правовые вопросы внутри электорального процесса в новое время поз знаком COVID-19 весьма специфичны.

Актуальной проблемой электорального процесса в 2020 году стал первоначально вопрос о необходимости переноса даты голосования в выборах, дата которых уже была известна. По сути, в современную историю впервые вошел электоральный процесс в пандемийных условиях, причем, это касается не только России. Были приняты решения о переносе даты проведения выборов и референдумов, или же переносилась дата второго тура голосования, вводились ограничительные сами по себе не позволяющие проводить выборы и референдумы в ранее установленные дни голосования (как пример – Австралия, Кипр, Кыргызстан, Сербия, Сирия, ЮАР).

Сложилась следующая тенденция: в условиях режима повышенной готовности государство, в том числе и российское, обладает полномочиями к тому, чтобы принимать чрезвычайные меры по сохранению и защите общественной безопасности, в том числе тогда, когда они очевидно ущемляют те или иные основные права [17]. В России, таким образом, были внесены изменения в Федеральный закон от 21.12.1994 № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера», [24], в соответствии с которым Правительство РФ наделяется возможностью вводить режим повышенной готовности при возникновении эпидемий. В данном Федеральном законе также закреплено, что при

введении режима повышенной готовности для обеспечения защиты жизни и здоровья россиян электоральный процесс может претерпевать изменения, в частности, допустимо отложить голосование до разрешения ситуации [8].

В общей сложности с февраля 2020 года, когда началась первая волна коронавируса и общество к ней было совсем не готово, более шестидесяти стран отложили проведение выборов. В их числе была и Россия: общероссийское голосование по поправкам к Конституции, запланированное ранее на 22 апреля 2020 года, оказалось перенесенным на 1 июля 2020 года на основании Указа Президента РФ от 01.06.2020 № 354 «Об определении даты проведения общероссийского голосования по вопросу одобрения изменений в Конституцию Российской Федерации» [15]. Кроме того, 3 апреля решением российской ЦИК были сделаны переносы дат голосования на выборах, которые должны были пройти с 5 апреля по 23 июня (в общей сложности это – 94 электоральных процесса на различных уровнях) [7].

Динамику электорального процесса в рассматриваемый период рационально понимать, как явление массовое, предоставляющее гарантии избирательных прав, способы голосования избирателей, явку и результаты выборов. Это оказало свое влияние на заинтересованность граждан в электоральном процессе.

Еще одна значимая проблема: специальные способы голосования [28. С. 449]. В условиях пандемии COVID-19 основное внимание должно уделяться тому, как предоставить возможность наибольшему числу граждан голосовать с наименьшим риском для здоровья. Присутствие на избирательных участках стало более затруднительным, поскольку акт голосования изначально требует физического присутствия голосующих лиц, что увеличило возможность контактов и заражения коронавирусом.

В определенной степени можно сказать, что пандемия коронавируса оказала колоссальное влияние на электронные СМИ. Она трансформировала электронные системы голосования на российской территории.

Стартом стал положительный зарубежный опыт: возможность проведения безопасных выборов в условиях пандемии. Тенденция такова, что именно дистанционный формат позволяет сохранить избирательное право вне зависимости от текущих обстоятельств. Первая апробация новых технологий была организована на выборах в Мосгордуму. Как следствие, тенденция была направлена на то, чтобы российские регионы взяли за основу дальнейшего развития электорального процесса имеющийся российский опыт.

Цифровизация электорального процесса позволяет решить давнюю проблему относительно явки на голосовании в крупных российских населенных пунктах. Несмотря на негативную окраску пандемии как события, можно сказать о том, что именно «благодаря» коронавирусу Россия, по сути, совершила достаточно большой скачок в развитии электронных

систем голосования. Так, правительство Ленинградской области совместно с Петербургским университетом вели разработку прототипа системы голосования через интернет с ее тестированием на горожанах (разработка правительства уровня).

Система электронного голосования в структуре электорального процесса сама по себе имеет неоспоримые преимущества: она снижает потребность в большом количестве наблюдателей на участках, сравнительно повышая требования к технической грамотности. Более того, все ресурсы для того, чтобы проводить голосование дистанционно, у России уже имелись. Распространение COVID-19 – это катализатор, который дал политическую волю и законодательное совершенствование данному явлению современности [3].

В соответствии с экспертной статистикой, дистанционное электронное голосование если и не вызвало явный интерес, то получило поддержку. 61% из опрошенных, планирующих принять участие в выборах 2020 года, более удобным посчитали все же бумажное голосование. Однако тех, кто одобрительно выступил за нововведение, действительно много – 36%. При этом акцент сделан на наличии достаточно четкой корреляции по возрасту: одобрение онлайн формата преимущественно было свойственно молодому населению страны.

Так, дистанционный формат особенно желательным оказался в группе 18-24 года (одобрили 70% опрошенных). Для того, чтобы понять масштабы такой тенденции, нужно упомянуть, что среди людей старше 60 лет только 18% готовы голосовать через интернет. Как итог, на голосовании по поправкам в Конституцию 78% избирателей проголосовали «за» при явке в 68% [17].

Пандемия коронавируса в мире характерна своим волнообразным течением. И в 2021 году коронавирус снова стал лидером информационной повестки перед запуском думской предвыборной кампании: 12 июня, за пять дней до подписания президентом указа о назначении выборов, мэр Москвы С. Собянин объявил о введении новых ограничений, связанных с неблагоприятной эпидемиологической обстановкой [10].

На избирательной кампании очередная пандемийная волна сильно сказалась: масштабные предвыборные съезды проводились с учетом рекомендаций Роспотребнадзора. Региональные власти, в свою очередь, также вводили ограничения. При этом заместитель секретаря генсовета партии «Единая Россия» С. Перминов обращал внимание на местечковый характер региональных ограничений, однако на предвыборную кампанию они влияния оказывать не могут: большинство мероприятий проводилось в онлайн-формате.

Первый заместитель председателя коммунистической партии Ю. Афонин отмечал, что они смогли адаптироваться к новым нормам проведения

предвыборной кампании, но и не исключили очный формат, в частности, поквартирные обходы избирателей. Агитационный акцент был поставлен на работу в социальных сетях, где население присутствует массово.

Заместитель руководителя партии «Справедливая Россия» Н. Новичков засвидетельствовал о том, что из-за ограничений в партии были вынуждены проводить больше встреч с избирателями, но меньшего формата. По сути, традиционные способы агитации в условиях распространения коронавирусной инфекции стали, скорее, вспомогательным инструментом, тогда как приоритетом стала работа в социальных сетях.

Г. Гришин, представитель партии «Яблоко», в том числе подтвердил тенденцию, отметив, что агитаторов, традиционно взаимодействующих, штрафовали за нарушение режима повышенной готовности.

Юрист А. Рудаков обращал внимание на то, что регионы вводили нормы, затрудняющие традиционную предвыборную кампанию, в частности, усложняли работу ограничения присутствия на массовых мероприятиях – до 50 человек. При этом важно, что действующие депутаты имели право без предварительных согласований проводить встречи на внутридворовых территориях и в помещениях.

В свою очередь, по мнению политического консультанта Е. Минченко, ограничения режима повышенной готовности являлись серьезным провластным инструментом для регулирования активности оппозиции в регионах, поскольку в сложившейся тенденции основные предвыборные силы ориентированы именно на медиа, тогда как себестоимость интернет-агитации дешевле ведения традиционной предвыборной кампании [16].

Необходимо упомянуть и о негативных общественных настроениях, которые небезосновательно повлияли на электоральные рейтинги. По данным ВЦИОМа (инициативный телефонный опрос 1600 респондентов не менее чем в 80 субъектах РФ, статистическая погрешность не превышает 1%, формулировка вопроса: «Скажите, пожалуйста, если бы в ближайшее воскресенье состоялись выборы в Государственную думу РФ, за какую из следующих партий вы бы, скорее всего, проголосовали?»), до середины июня рейтинг партии «Единая Россия» усреднено составлял 30%, однако после запуска предвыборной кампании снизился до 28,7%. В опросе за август 2021 года за «Единую Россию» были готовы голосовать 26,4% респондентов [6].

Позитивной динамики не наблюдается и в исследованиях ФОМа (инициативный опрос по месту жительства 1500 респондентов в 73 регионах, статистическая погрешность не более 2,5%, формулировка вопроса: «В сентябре этого года состоятся выборы в Государственную думу. Если вы примете в них участие, то как, за какую партию вы, скорее всего, проголосуете?»). В течение 2021 года показатели партии власти в основном превышали 30% всех опрошенных, но в августе снизились до 27% [19].

Интересна позиция власти: рейтинг «Единой России» должен в будущем расти пропорционально спаду пандемии и пандемийных ограничений. В сущности, коронавирус – основная повестка избирательной кампании, от которой рейтинги зависели непосредственно [19].

Дистанционное электронное голосование (ДЭГ) в 2021 году использовалось в семи регионах, в частности, в Москве. Жители Гагаринского района, кроме депутатов Госдумы, также выбирали депутата Мосгордумы. Им было необходимо подавать заявки на ДЭГ с 2 августа по 13 сентября через портал mos.ru, или через федеральный портал «Госуслуги». Зарегистрированный в ДЭГ исключался из «бумажных» избирательных списков. ЦИКом был утвержден порядок онлайн-голосования, подготовлен реестр онлайн-избирателей (этот реестр после обработки рассылался в участковые комиссии для того, чтобы списки не дублировались).

Также в 2021 году были сформулированы рекомендации для избирателей, которые находились на самоизоляции. В идеальном, даже утопическом варианте, должен был осуществляться контроль за тем, чтобы инфицированные проходили именно надомное голосование. Из нововведений – полный запрет на рукопожатия и физические контакты для участников голосования. В свою очередь, Роспотребнадзор выдвигал рекомендации прививать от коронавируса всех, кто планировал работу на избирательных участках. Э. Памфилова, уточнила, что к середине сентября вакцинированы были – более 63%).

У выборов 2021 года имелось важное отличие от предыдущего электорального процесса. Мы говорим о возможности принимать участие в голосовании пациентам, находящимся на лечении в стационаре (в так называемых «ковидных» госпиталях). В больницах открывались временные избирательные участки – приблизительно по стране было открыто 103 «таких» участка [9].

В марте 2022 года в России были утверждены единые правила проведения электронных выборов. Были внесены поправки в избирательное законодательство, одобренные Госдумой в формате единых правил для проведения электронного голосования [25].

Решение о проведении ДЭГ на выборах окончательно принимает ЦИК. Поправки коснулись порядка голосования, структуры избирательных комиссий. Так, члены избиркомов с правом совещательного голоса должны остаться только в ТИК и на уровне областных избиркомов. С 1 января 2023 года упраздняются муниципальные избирательные комиссии. Выборами в органы местного самоуправления занимаются ТИКи. Партии смогут выставлять на выборы трех наблюдателей вместо двух.

Заключение. Таким образом, в условиях режима повышенной готовности электоральный процесс пришлось спешно адаптировать под новые «реалии». Такая мера оказалась полностью вынужденной, несмотря на

присутствие потенциального желания и фактической готовности на введение дистанционного формата предвыборного и выборного процессов.

Пандемийные ограничения сильно сказались на течении традиционного электорального процесса, отчего переход в онлайн-формат оказался вынужденным. В 2023 году, основываясь на уже имеющемся российском опыте, ранее привычный формат электорального процесса будет еще более видоизменен. Пандемийные ограничения, по сути, обусловили новую эпоху электорального процесса с акцентом на онлайн-взаимодействие. Все это окажет безусловное влияние и на административно-правовое регулирование общественных отношений в сфере государственного управления [1; 13].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Административное право Российской Федерации / В.Я. Насонов, В.А. Коньшин, К.С. Петров, В.М. Редкоус. Москва: Издательский центр «Академия», 2003. ISBN 5-7695-1144-3.
2. Аналитики указали на масштабную подвижку электоральных процессов из-за пандемии // <https://tass.ru/politika/8176563>.
3. *Близняк Р.З.* «Электоральный процесс» vs «Избирательный процесс»: к вопросу об оптимизации понятий // Вестник ПАГС. 2010. № 2.
4. *Винокуров А.* Избирательная эпидемиология. Как коронавирус влияет на выборы в Госдуму // <https://www.kommersant.ru/doc/4965308>.
5. ВЦИОМ: 70% россиян намерены участвовать в парламентских выборах // <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/za-dve-nedeli-do-vyborov-politicheskie-indikatory>.
6. *Гликин К.* Пандемия вынуждает российские партии искать новый подход к выборам // Ведомости. 2021 // <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2021/07/08/877483-pandemiya-vinuzhdaet-partii>.
7. Законопроект «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части совершенствования законодательства при проведении дистанционного электронного голосования)» // <https://sozd.duma.gov.ru/bill/40921-8>.
8. Индикаторы отношения к партии «Единая Россия» // <https://fom.ru/Politika/10949>.
9. Конституционное государственное право зарубежных стран. Общая часть. Учебник для вузов / рук. авт. колл. *Страшун Б.А.* М.: Норма, 2005.
10. *Мисливская Г.* Ковид меняет правила. Эксперты обсудили влияние пандемии на выборы // Российская газета. Столичный выпуск. 2021. № 139 (8490) // <https://rg.ru/2021/06/24/eksperty-obsudili-vliianie-pandemii-na-vybory-v-rossii.html>.

11. Пандемийные законы: временные или постоянные // <https://www.mos.ru/upload/documents/docs/12-УМ.pdf><https://pravo.ru/lf/story/231095/>.

12. Постановление ЦИК России от 03.04.2020 № 246/1820-7 «Об отложении голосования на выборах, референдумах на территории ряда субъектов Российской Федерации» // Вестник Центризбиркома РФ. 2020. № 4.

13. Прудникова Т.А. Административно-правовой статус органов исполнительной власти. Учебное пособие / Т.А. Прудникова, В.М. Редкоус, С.А. Акимова. Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. ISBN 978-5-238-02297-0. EDN RAZKWZ.

14. Редкоус В.М. Трансформация форм и методов государственного регулирования в области экономики в условиях распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19) // Государственная служба и кадры. 2020. № 2. DOI 10.24411/2312-0444-2020-10099.

15. Редкоус В.М. К вопросу об определении административно-правового режима обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19). 2020. № 2 (37). EDN BGNEWL.

16. Рожкова Е., Сборов А., Винокуров А. Выборы ковидного времени // <https://www.kommersant.ru/doc/4988132>.

17. Рожкова Е., Сборов А., Винокуров А. О специфике организации и проведения выборов во время пандемии COVID-19 (некоторые вопросы) // Политика и Общество. 2020. № 4.

18. Справочная информация: «Коронавирус (COVID-19). Введение режима повышенной готовности в субъектах Российской Федерации. Признание форс-мажором» (Материал подготовлен специалистами КонсультантПлюс) // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_349932/.

19. Собынин С. Коронавирус. Временный порядок посещения ресторанов и другие решения 22.06.21 // <https://www.sobyenin.ru/koronavirus-vremennyi-poryadok-posesheniya-restoranov-i-drugie-resheniya-22-06-21>.

20. Третий электоральный цикл в России // Полис. 2004. № 1.

21. Трошина Н.В. Фактор имиджа в российском электоральном процессе: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. Саратов, 2001.

22. Указ мэра Москвы 5 марта 2020 г. № 12-УМ «О введении режима повышенной готовности» // <https://www.mos.ru/upload/documents/docs/12-УМ.pdf>.

23. Указ Президента РФ от 01 июня 2020 г. № 354 «Об определении даты проведения общероссийского голосования по вопросу одобрения изменений в Конституцию Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 23. Ст. 3622.

24. Федеральный закон от 01 апреля 2020 г. № 98-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций» // <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202004010072>.

25. Федеральный закон «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» от 21.12.1994 № 68-ФЗ (последняя редакция) // <http://www.pravo.gov.ru>-23.06.2020.

26. Чрезвычайный перенос // Коммерсантъ. 01.04.2020. № 58 (6779) // <http://www.kommersant.ru>.

27. Шумилов А.В. Электоральный процесс в Российской Федерации: понятие и методология выделения циклов // Вестник ЧГУ. 2006. № 3.

28. Эксперты: Коронавирус даст толчок в развитии электронных систем голосования в России // https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=34371.

D.O. TULINOV

*Post-graduate student of the Faculty of Political
Science of the Moscow State University
named after M.V. Lomonosov,
Moscow, Russia*

ELECTIONS ON HIGH READINESS. IMPACT OF PANDEMIC RESTRICTIONS ON THE ELECTORAL PROCESS IN THE RUSSIAN FEDERATION

The article discusses the specifics of the impact of restrictions associated with the spread of COVID-19 on the conduct of the electoral process. The high alert regime is a special regime within which the development of social infrastructure is regulated in order to ensure the safety of public health. However, elections are a matter of a political nature, and formally it comes into contact with the need to comply with the necessary measures regulated at the legislative level. The requirement to adapt to the new realities associated with pandemic restrictions determines the search for new solutions for pre-election, electoral work and work with voters purposefully. Consideration of the Russian specifics of the electoral process is moving into the online format, which is the most preferable and convenient in the current situation. This experience is new for Russia, so its implementation is based on the methodological development of the system.

Key words: *electronic voting, remote voting, postponement of elections, elections, COVID-19 pandemic, electoral process.*

А.А. ШЕФЕР

*аспирант кафедры российской политики
факультета политологии Московского государственного
университета им. М.В. Ломоносова,
Россия, г. Москва*

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРОГРАММНЫХ ПОЛОЖЕНИЙ КПРФ И СРЗП: СХОДСТВА И ПРОТИВОРЕЧИЯ

В российском политическом медиа-дискурсе довольно часто ряд политиков призывают к консолидации и объединению левых сил на выборах. В первую очередь, подобные призывы звучат от лидера партии «Справедливая Россия» С. Миронова, который часто вносит предложение лидеру партии КПРФ Г. Зюганову объединиться и создать единую левую парламентскую партию. Но как показывает практика, лидерам обеих партий сложно прийти к общему согласию по данному вопросу. Одной из причин является несогласие Г. Зюганова принимать программу СРЗП. В связи с этим актуальным становится проведение сравнительного анализа программ Коммунистической партии Российской Федерации и социалистической партии «Справедливая Россия – Патриоты – За правду». Поэтому данная статья посвящена проведению сравнительного анализа партийных программ двух крупнейших левых партий и сопоставление их повестки с политическими идеологиями марксизма и социал-демократии. В ходе представленного анализа автор приходит к выводу, что программы КПРФ и СРЗП довольно часто пересекаются по многим пунктам, и дискурс обеих партий является социал-демократическим (в том числе – у КПРФ), что дает им основание для объединения. В заключении автор подытоживает, что истинная причина нежелания руководства российской компартии интегрироваться со «справедливороссами» кроется в прагматическом нежелании терять имидж «партии-преемницы КПСС», поскольку это неизбежно приведет к утрате доверия у ядерного электората.

Ключевые слова: *КПРФ, Справедливая Россия, программа партии, социал-демократия, коммунизм, национал-патриотизм.*

Коммунистическая партия Российской Федерации (далее – КПРФ) и «Справедливая Россия – Патриоты – За правду» (далее – СР) на

сегодняшний день являются крупнейшими левыми партиями в российской политике, постоянно участвующие в выборах всех уровней. Обе партии представлены в российском парламенте и к настоящему моменту занимают в Государственной Думе суммарно 85 мест из 450 [15]. На этом фоне неоднократно поднимался вопрос об объединении КПРФ и СР в единую партию из-за схожести их повестки. В первую очередь, подобную идею высказывал лидер «эсеров» С. Миронов, однако, лидер КПРФ Г. Зюганов все эти предложения отвергал, или же выдвигал условия соблюдать Справедливой Россией программу КПРФ [3]. Поэтому идея интеграции двух «левых» партий в единую так и остается нерешенной из-за программного вопроса. Целью данной статьи является анализ программ партий КПРФ и «Справедливая Россия – Патриоты – За правду» на предмет их сходств и противоречий.

Самое первое и основательное различие между данными партиями – это их политическое позиционирование. КПРФ – одна из самых первых оппозиционных партий постсоветской России, основанная в 1993 году. Позиционирующая себя как партия-преемница КПСС, современная российская компартия столкнулась с противоречиями новой общественно-политической реальности: после событий «перестройки» и августовского кризиса 1991 года идеология марксизма-ленинизма оказалась дискредитирована в глазах масс и эксплуатировать ее в прежнем виде было невозможно. Но, с другой стороны, идеи социал-демократии и еврокоммунизма тоже не смогли прижиться на российской «почве» [4. С. 2]. Поэтому КПРФ пришли к среднему знаменателю – сохранили имидж партии, стремящейся к «возврату социализма», при этом внося в программу элементы социал-демократии. Получившуюся идеологию ЦК компартии назвали «Социализмом XXI века» [11].

Анализируя программу КПРФ, стоит заметить, что современные российские коммунисты придерживаются в первую очередь национально-патриотической ориентации, а не интернационалистской как их предшественники в XX веке. Об свидетельствует второй пункт общей программы: «Оценивая закономерности развития человечества, КПРФ исходит из того, что каждый народ и каждая страна должны реализовать их с учетом своих особенностей и исторического опыта. Это в полной мере относится к нашему Отечеству. Россия внесла уникальный вклад в развитие человечества благодаря самоотверженному труду и ратным подвигам ее народов, своеобразию общественного сознания, духовному горению ее великих писателей, музыкантов и художников, ученых и инженеров, подвижничеству поколений русских патриотов, революционеров. Будущее нашего Отечества можно строить только на этом прочном фундаменте исторической преемственности» [11]. Другое свидетельство идеологической трансформации КПРФ в сторону национального и консервативного направления – это активное

взаимодействие партии с религиозными институтами, в первую очередь, с представителями Русской православной церкви [5].

Программа КПРФ в экономической сфере признает плюрализм средств производства и многоукладность экономики, что опять, таки, не характерно для сторонников классической теории марксизма. Также предлагается введения прогрессивной шкалы налогообложения, при этом снижая доходы на труд и производство. Для развития промышленности КПРФ отстаивает позиции протекционизма с поддержкой, прежде всего, наукоемких, высокотехнологичных отраслей. Стратегически важные отрасли при этом должны быть национализированы [4. С. 3]. Аграрный вопрос коммунисты предлагают решить передачей в бессрочное пользование земли в собственность общественным и фермерским хозяйствам без права продажи. Приусадебные, дачные и садоводческие участки земли должны передаваться в личную собственность граждан.

Разбор программной составляющей подтверждает гипотезу о том, что Коммунистическая партия Российской Федерации не является коммунистической в привычном понимании. Ее скорее можно охарактеризовать как социал-демократическую партию с патерналистским, национально-патриотическим уклоном [8. С. 94-95]. При создании программы ориентиром для КПРФ стал «шведский социализм» [8], но открыто об этом члены партии не заявляют. Поэтому довольно часто из-за расхождения названия партии с ее программой, лидер Г. Зюганов и остальное партийное руководство подвергается обвинениям в ревизионизме и оппортунизме со стороны ортодоксальных марксистов, таких как А. Рубикс [1], Н. Андреева [9], М. Попов [13] и др.

Если КПРФ появилась практически с момента основания Российской Федерации и позиционировала себя как главная оппозиционная партия страны с опорой на «народные массы», то «Справедливая Россия» (с 2019 года – «Справедливая Россия – Патриоты – За правду») была изначально искусственно созданным конструктом. Фактически, у учреждения в 2006 году СР было, с одной стороны, создание «левого» электората для поддержки президента В. Путина, и учреждение в стране двухпартийной системы, с другой (которая, в итоге, не сформировалась) [14]. Таким образом за счет слияния Российской партий Жизни, партии «Родина» и Российской партии пенсионеров была создана единая партия «Справедливая Россия» 28 октября 2006 года. В январе 2021 года партия объединилась с более мелкими партией «Патриоты России» и движением «За правду» – еще одно свидетельство необходимости сохранения за партией мест в Государственной Думе, учитывая, что у эсеров была реальный риск не преодолеть избирательный барьер [2. С. 207], и в этом случае их голоса бы перетянули на себя КПРФ и ЛДПР.

Программа справедливороссов версии 2016 года гласит, что первая у них построена на базовых ценностях социализма: справедливости, свободе и солидарности [12]. Авторы утверждают, что их конечная цель – построение нового социализма. Для этого они предлагают увеличить долю социальной ответственности государства перед гражданами во всех сферах жизни: культуре, экономике, охране труда, ЖКХ, молодежной политике, экологии и т.д. Очень многие положения программы перекликаются с программой КПРФ, что можно обусловить перетягиванием голосов у коммунистов. Конечно, социал-демократическая составляющая у эсеров представлена намного сильнее, чем у компартии, но в чистом виде СРЗП тоже не является социал-демократической партией европейского типа. Западные социал-демократы на первое место своей идеологии ставят принципы личной ответственности, индивидуализма и конкуренции, демократии и равенства возможностей, в то время как у справедливороссов ярко выражена державно-патриотическая повестка. Особенно сильно данная повестка стала выражена после реорганизации партии в 2021 году и принятие новой версии программы. Ее первый пункт гласит: «Россия – великая страна с великим народом, уникальной природой и многовековой историей, ознаменованной множеством побед и свершений всемирного масштаба... Именно патриотизм – желание лучшего для своего Отечества, для сохранения и сбережения своего народа, является идеей, объединяющей Россию сегодня» [10]. Очевидно усиление в программе СРЗП национально-патриотической повестки при исключении пункта о международной солидарности социалистических партий и движений. Вместо последнего появился пункт о поддержке соотечественников за рубежом и обеспечение дружественных режимов в сопредельных государствах [10].

Проведение сравнительного анализа программ КПРФ и СРЗП показало, что повестка обеих партий довольно часто пересекается по многим вопросам и их идеологический посыл можно определить, как социал-демократический с ярко выраженными элементами консерватизма и национал-патриотизма (в некоторой степени – даже левого национализма). Такая общность программ дает основания для объединения партий, но, как мы видим из новостной повестки, вопрос о слиянии двух левых парламентских партий постоянно откладывается. В первую очередь, корень данной проблемы лежит в «сухом» прагматизме партийных руководителей КПРФ – они попросту не желают делить с кем-либо имеющуюся у них долю властного ресурса. Другая же причина «саботажа» интеграции партий кроется в банальном страхе КПРФ потерять у ядерного электората имидж «партии-преемницы Советской власти», на котором она держится на протяжении 30 лет.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Альфред Рубикс: вожди КПРФ давно не выражают интересов Народа // https://www.pravda.ru/politics/801468-alfred_rubiks_vozhdi_kprf_davno_ne_vyrazhajut_interesov_naroda/.
2. Вилков А.А. Ведущие «левые» партии России в канун выборов в Государственную Думу // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21. Вып. 2.
3. В КПРФ и «Справедливой России» отреагировали на возможное объединение // https://lenta.ru/news/2022/07/28/parties_russia/.
4. Головченко В.И. Идеологические основы КПРФ и «Справедливой России»: особенности и перспективы // Власть. 2009. № 3.
5. Зюганов Г.А.: КПРФ и Православная Церковь стремятся к конструктивному диалогу. Встреча представителей РПЦ и руководства КПРФ // https://kprf.ru/rus_soc/84674.html.
6. Кашир А.Н. Коммунистическое движение в России и возможность левого поворота. М.: Издательство ИТРК, 2021.
7. Майер Т. Демократический социализм – социальная демократия. М.: Изд-во «Республика», 1993.
8. Морозов В.Е. Европейская интеграция в свете идеологии и политической теории социал-демократии: опыт Социал-демократической рабочей партии Швеции // <http://www.edc.spb.ru/activities/conferences/40years/morozov.html>.
9. Нина Андреева: «Меня всегда раздражало расхождение слова и дела!» // <https://www.sensusnovus.ru/interview/2013/03/04/15856.html>.
10. Программа Социалистической политической партии «СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ – ПАТРИОТЫ – ЗА ПРАВДУ». Рабочий вариант // <https://storage.spravedlivo.ru/sr73/113270a.pdf>.
11. Программа партии КПРФ // <https://kprf.ru/party/program>.
12. Программа партии «Справедливая Россия» // <https://storage.spravedlivo.ru/pf59/075833.pdf>.
13. Профессор Попов: Марксист против буржуев из КПРФ Грудина // <https://jgazeta.ru/professor-popov-marksišt-protiv-burzhuev-iz-kprf-grudinina/>.
14. Стенограмма-минимум. Партия жизни обнародовала инструкции Владислава Суркова // <https://www.kommersant.ru/doc/697936>.
15. ЦИК утвердила итоги выборов в Госдуму и признала их состоявшимися // <https://iz.ru/1226371/2021-09-24/tcik-utverdil-itogi-vyborov-v-gosdumu-i-priznal-ikh-sostoiavshimisia>.

A.A. SHEFER

*Postgraduate student of the Chair of Russian politics,
Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow
State University, Moscow, Russia*

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE PROGRAMMATIC POSITIONS OF THE CPRF AND THE FRFT: SIMILARITIES AND CONTRADICTIONS

In the Russian political media discourse a fairly frequent number of politicians call for consolidation and unification of the leftist forces in elections. First of all, such appeals come from the leader of the "Fair Russia" party, S. Mironov, who often makes a proposal to the leader of the CPRF, G. Zyuganov, to unite and create a united left-wing parliamentary party. However, practice shows that the leaders of both parties find it difficult to come to a common agreement on this issue. One of the reasons is G. Zyuganov's disagreement with the FRFT program. In this connection, a comparative analysis of the programs of the Communist Party of the Russian Federation and the socialist party Fair Russia – Patriots – For Truth becomes relevant. Therefore, this study is devoted to a comparative analysis of the party programmes of the two major left-wing parties and a comparison of their agenda with the political ideologies of Marxism and Social Democracy. In the course of this analysis the author concludes that the programmes of the CPRF and the FRFT overlap quite often on many points, and the discourse of both parties is social-democratic (including the CPRF), which gives them grounds for unification. In conclusion, the author concludes that the real reason for the reluctance of the Communist Party leadership to integrate with "Fair Russia" lies in a pragmatic unwillingness to lose the image of "the successor party to the CPSU", which will necessarily lead to the loss of the nuclear electorate.

Key words: CPRF, "Fair Russia", party programme, social democracy, communism, national-patriotism.

Е.А. МОСАКОВА

кандидат экономических наук, доцент,
доцент факультета глобальных процессов
МГУ имени М.В. Ломоносова,
Россия, г. Москва

И.А. ЗОЛОТАРЕВ

аспирант факультета глобальных процессов
Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова,
Россия, г. Москва

ПОДХОДЫ К РЕГУЛИРОВАНИЮ КРИПТОВАЛЮТНЫХ БИРЖ В ПОСТКОВИДНЫЙ ПЕРИОД: МИРОВАЯ ПРАКТИКА

Введение. Ежегодно увеличивается количество криптобирж и объем торгов на них, а также спектр предлагаемых ими услуг. Существующая законодательная база регулирования цифровых отношений, в т.ч. криптобирж, сильно уступает по темпам развития цифровых технологий. Как следствие, актуальным становится вопрос об объемах регулирования криптобиржевого сектора.

Материалы и методы. Методологическую основу исследования составляют общенаучные методы познания: анализ, синтез, сравнение, индукция и дедукция, абстрагирование, а также восхождение от абстрактного к конкретному и системно-структурный. Также использовались специальные методы исследования такие как, сбор научных источников, сбор информации.

Результаты исследования. Подходы современных стран мира к вопросу регулирования деятельности криптобирж диаметрально различаются. В одних странах разрабатывается специальное законодательство, в других – оно полностью отсутствует, в-третьих – вносятся изменения в действующее законодательство.

Обсуждение. В мировой практике в области регулирования деятельности криптобирж преобладает подход, в рамках которого вносятся отдельные изменения в существующие законы. В отдельных юрисдикциях сегодня разрабатываются дополнительные меры, направленные на ужесточение правил функционирования криптобирж, в частности,

вводится юридическая ответственность в случае неисполнения требований законодательства.

Заключение. В краткосрочном периоде необходимо усилить регулирование криптобиржевого сектора, в т.ч. ввести требования дополнительного раскрытия информации перед выпуском криптовалют и/или их допуска на криптобиржи. В среднесрочном периоде – на мировом уровне выработать единый подход к вопросу законодательного регулирования криптобиржевого сектора.

Ключевые слова: криптовалютная биржа, криптовалюта, криптобиржевой сектор, регулирование криптобирж, лицензирование деятельности криптобирж, верификация клиентов, ПОД/ФТ.

Введение. В настоящее время криптобиржевой сектора развивается неравномерно развитие по регионам и странам мира, что во многом обусловлено неопределенностью в вопросах правового статуса криптовалют и криптобирж. Проблема целесообразности и объемов регулирования криптобиржевого сектора сегодня является одним из первоочередных вопросов экономической и политической повесток дня многих правительств и международных организаций является. Международные институты заняли выжидательную позицию и активно наблюдают за опытом национальных правительств, позиции которых в этом вопросе существенно отличаются – от стран, в которых формируется или уже разработано специальное законодательное регулирование до стран, в которых отсутствует какое-либо регулирование [1; 3].

Материалы и методы. Источниковую базу статьи составили документы, материалы российских и зарубежных аналитических центров. Кроме того, были использованы материалы российских и зарубежных исследований.

Методологическая основа – общенаучные методы познания: анализ, синтез и сравнение. Применяются и специальные методы исследования такие, как контент-анализ официальных документов. Применение данных методов исследования позволяет комплексно охватить широкий спектр вопросов регулирования функционирования криптобирж в постковидный период.

Результаты исследования. Сегодня выделяется два основных подхода к регулированию деятельности криптобирж – это формирование специального регулирования и внесение изменений в уже действующее законодательство. Большинство стран мира пошло по второму пути – принимаются законы, регулирующие выпуск криптовалют и правила допуска на криптовалютную биржу. В целом, современными тенденциями регулирования криптобиржевого сектора является усиление лицензирования деятельности криптобирж, в т.ч. введение специальной юридической ответственности в

случае неисполнения законодательства о порядке функционирования криптобирж.

Введение и разработка требований к деятельности криптобирж обусловлена рядом причин, к числу которых следует отнести: во-первых, в рамках ПОД/ФТ [1]; во-вторых, для осуществления мониторинга ситуации на крипторынке и в криптобиржевом секторе. В-третьих, вопросы безопасности деятельности криптобирж и всей мировой экономики.

Обсуждение. Сегодня специальное законодательство о цифровых активах существует только на Острове Кайман. Так, в 2020 году там был принят закон «О виртуальных активах (поставщиках услуг)», в котором, было введено требование о получении лицензии организациями, осуществляющими операции с виртуальными активами, и определены правила лицензирования [2]. Так, законом предусмотрено два типа лицензий: лицензия на обслуживание виртуальных активов и временная лицензия «песочницы», предоставляемая в упрощенном порядке на 1 год.

В других странах отсутствуют специализированное законодательство в области регулирования цифровых активов. И законодатель ограничивается внесением изменений в уже действующие законы, либо принимаются отдельные единичные законы.

На основе введения отдельного закона в области регулирования деятельности криптобирж на Мальте уже несколько лет успешно регулируется выпуск криптовалют и порядок их допуска на криптобиржи. Так, в Правилах о виртуальных финансовых активах (ВФА) Мальты содержатся требования к профучастникам крипторынка. Так, лица, оказывающие на территории Мальты услуги, связанные с криптовалютами и цифровыми валютами, должны получить лицензию (введено 4 уровня лицензий) [7]. Наиболее строгие требования предъявляются к деятельности криптобирж, в частности, наличие определенного минимального уровня уставного капитала; требования к квалификации управляющих лиц; требования к внутренней организации и др.

В Японии официально разрешено предоставлять услуги только зарегистрированным криптовалютным биржам, функционирующим в рамках Закона о платежных услугах (PSA) [4; 7]. Так, иностранные криптобиржи должны иметь в Японии дочернюю компанию или филиал. Более того, такие криптобиржи должны соответствовать общим установленным требованиям. Однако, на практике пока не было случаев, когда создание филиала иностранной криптобиржей было бы признано достаточным со стороны уполномоченного органа.

В Сингапуре в 2019 году был принят закон «О платежных услугах», который урегулировал деятельность операторов обмена платежных токенов (криптовалют) [19]. Согласно Ст. 6 Закона криптооперации подлежат лицензированию, а лицо, осуществляющее их, должно получить либо

стандартную лицензию платежного учреждения, либо лицензию крупного платежного учреждения, либо лицензию на обмен денег. Более того, согласно закону Денежно-кредитное управление страны теперь обязано с определенной периодичностью выпускать разъяснения по использованию криптобирж [20].

Валютное управление издало ряд специальных подзаконных актов, в которых основное внимание уделено вопросу идентификации клиента криптобиржи и его транзакций, т.е. деанонимизации [2; 5; 15; 16].

В Корее в составе Комиссии по финансовым услугам создан специализированный орган (2), в функции которого входит регистрация и надзора за поставщиками криптоуслуг [12].

В США криптобиржи обязаны сообщать о всех подозрительных крипто-транзакциях, а также предоставлять отчеты по сделкам на сумму более 10 000 долл. США [14].

В Великобритании все криптобиржи должны осуществлять доскональную юридическую проверку при взаимодействии с клиентами, вызывающими серьезные опасения, связанные с ПОД/ФТ [7; 8]. Более того, криптобиржи обязаны осуществлять непрерывный сплошной мониторинг клиентов во избежание осуществления транзакций, не соответствующих специализации бизнеса криптоклиента.

Во Франции криптовалютные биржи должны осуществлять верификацию клиентов, которые совершают криптотранзакции (независимо от размера транзакции) [7; 8].

В ряде стран требования по обязательному лицензированию пока только планируется ввести. Так, планируется введение требований о предоставлении услуг криптобиржами исключительно относительно квалифицированных инвесторов в Гонконге.

Аналогичные планы существуют и на общеевропейском уровне. В ЕС идет активная разработка европейского регламента MiCA, в котором также имеются требования к криптобиржам. В частности, обязательная регистрация институтов, в т.ч. криптобирж, которые предоставляют криптоуслуги, требования к таким институтам, а также определен надзорный орган и его полномочия (EBA и ESMA) [8]. Так, согласно проекту деятельность криптобирж могут осуществлять юридические лица, зарегистрированные на территории стран ЕС. Также в проекте указано, что если деятельность иностранной криптобиржи направлена на территорию ЕС, то она должна соблюдать положения регламента MiCA и получить необходимое разрешение на свою деятельность. Кроме того, в ЕС предлагается, что криптобиржи должны осуществлять публикацию о котировках, о совершенных транзакциях, объеме спроса и предложения на криптовалюты и др. Отметим, что в ЕС проект MiCA в случае одобрения будет очень схож с подходом властей Мальты [17].

Более того, в 2021 году Еврокомиссией был разработан законопроект в сфере ПОД/ФТ, в котором прописан запрет на использование поставщиками криптоуслуг анонимных криптокошельков. В случае нарушения закона предусмотрена возможность применения санкций. Так, например, в 2021 году FCA по итогам проверок Binance Markets Limited, было запрещено осуществление криптодеятельности в Великобритании [7; 8].

Однако, государственное регулирование, активно развивающееся во многих странах мира (в особенности, в США и в Китае) может помешать дальнейшему развитию независимых криптовалютных бирж, так как обмен криптовалютами будет происходить лишь у лицензированных биржевых маклеров, либо через специальную государственную структуру. Это также может привести к уменьшению волатильности криптовалют, что снизит интерес к ним со стороны большинства игроков на криптовалютном рынке [11].

Важно отметить, что ряд стран сегодня уже на законодательном уровне вводит специальную юридическую ответственность в случае неисполнения выполнения законодательство о порядке функционирования криптобирж [9].

Существуют юрисдикции, в которых отсутствует регулирование деятельности криптобирж. В частности, Сейшельские острова, которые во многом благодаря отсутствию какого-либо регулирования, пользуются повышенной популярностью среди владельцев криптобирж [18]. Однако, недавно финрегулятор объявил о намерении урегулировать деятельность поставщиков услуг виртуальных активов в соответствии со стандартами ФАТФ.

Таким образом, в большинстве стран мира в рамках регулирования обращения криптовалют и деятельности криптобирж, законодатель ограничивается внесением изменений в уже действующие законы, либо принимаются отдельные единичные законы, направленные на регулирование выпуска криптовалют и правил допуска на криптобиржу [10]. В частности, на текущий момент в большинстве стран криптобиржи обязаны регистрироваться, и/или получить лицензию деятельности поставщиков криптоуслуг. Большинство стран мира считает, что для того, чтобы в значительной степени снизить риски покупки криптовалют, необходимо вводить требования дополнительного раскрытия информации перед выпуском криптовалют или их допуска на криптобиржи и др.

В большинстве юрисдикций регулирующие органы сегодня активно разрабатывают такие требования к криптобиржам по ряду причин:

Во-первых, в целях ПОД/ФТ.

Во-вторых, для мониторинга ситуации на крипторынке и в криптобиржевом секторе. Так, на основании данных криптобирж можно осуществлять мониторинг крипторынка – в частности, об объемах криптоопераций и крипторынка. Так, по национальному законодательству в ряде стран

криптовбиржи предоставляют информацию как о своих клиентах, так и об объеме их операций. Однако, подобные данные не в полной мере полные, так как не учитывают все операции, в частности, они не включают в себя данные как о P2P-продажах криптовалюты, так и кошельков между криптопользователями.

В-третьих, целесообразность введения законодательного регулирования деятельности криптобирж обусловлена и вопросами безопасности. При этом важно отметить, что хищение криптовалют с криптобирж происходит далеко не всегда в результате внешнего воздействия, например, взлома или хакерских атак. В истории развития криптобиржевого сектора были случаи хищения криптовалют непосредственно самими криптоплощадками, в частности, их владельцами. Так, деятельность турецкой криптобиржи Thodex была приостановлена в апреле 2021 года в результате мошенничества со стороны непосредственного руководства – было потеряно около 2 млн долларов США. По аналогии криптотрейдер Mirror Trading International из ЮАР остановил свою деятельность в 2020 году – было потеряно около 1,2 млрд долларов США. Также летом 2020 года в ЮАР была остановлена деятельность криптоплатформы Africrypt – было потеряно около 3,6 млрд долларов США [7; 8].

Отсутствие законодательного регулирования крипторынка и криптобиржевого сектора на национальном, а тем более на международном уровне, может привести к мировому экономическому кризису [5]. В рамках отсутствия законодательной базы становится возможным осуществление незаконных денежных переводов и нелегальная торговля наркотиками (в силу анонимности и невозможности отследить транзакции). Так, денежные средства попадают в международную финансовую систему через платформы обмена криптовалютами [6]. Как следствие, если криптовалюты не станут урегулированы на законодательном уровне в краткосрочном периоде, они могут стать валютой даркнета, что станет глобальной проблемой.

Кроме того, оказывает значимое дестабилизирующее влияние на мировой рынок, даже несмотря на то, что существует большое количество надежных криптобирж.

Для развития крипторынка и всего криптобиржевого сектора в краткосрочной перспективе целесообразным представляется следующее: во-первых, усиление регулирования крипторынка и деятельности непосредственно самих криптобирж на основе усиления существующих требований к участникам рынка, и разработка новых. В частности, вводить требования дополнительного раскрытия информации перед выпуском криптовалют или их допуска на криптобиржи и др. Во-вторых, создание наднационального/регионального органа, который бы способствовал унификации национального законодательства. Соответственно, главной целью его стало бы снижение рисков потери средств у пользователей, обеспечение безопасности

в совершенных транзакциях и конвертируемость без комиссии цифровой валюты в любую традиционную валюту. В среднесрочной перспективе наиболее вероятным представляется унификация подходов национальных правительств к вопросам регулирования криптобиржевого сектора.

Заключение. На основе исследования особенностей регулирования деятельности криптобирж на современном этапе, можно заключить, что: во-первых, подходы национальных правительств к регулированию криптобиржевого сектора различаются. Так, в одних странах уже разработано специальное законодательство, в других – отсутствует. Однако, в большинстве юрисдикций деятельность криптобирж и крипторынка регулируется через внесение изменений в уже существующее законодательство, либо принятие отдельных законов. Важно отметить, что в целях минимизации рисков от оборота криптовалют и деятельности криптобирж, в т.ч. недопущения мирового экономического кризиса, в среднесрочном периоде на национальном и международном уровне целесообразно унифицировать подходы к вопросам регулирования криптобиржевого сектора.

Во-вторых, в большинстве стран криптовалютные биржи обязаны регистрироваться, и/или получить лицензию деятельности поставщиков криптоуслуг. Более того, в ряде стран уже сегодня прорабатываются новые меры по усилению правил функционирования криптобирж. В-третьих, отдельные страны уже сегодня вводят специальную юридическую ответственность в случае неисполнения требований законодательства о правилах функционирования криптобирж.

ПРИМЕЧАНИЯ:

(1) ПОД/ФТ – противодействие отмыванию денег и финансированию терроризма» (зарубежный аналог AML/CFT – Anti-money laundering and combating the financing of terrorism).

(2) Korea Financial Intelligence Unit, KoFIU.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Алексеев А.П.* Источники регулирования деятельности поставщиков услуг платформ цифровых активов в России и за рубежом // Юридическая наука и практика. 2022. Т. 18. № 2. DOI 10.25205/2542-0410-2022-18-2-23-32.

2. *Алексеев А.П., Белых В.С.* Криптовалюта как цифровое представление стоимости: опыт Сингапура // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 7.

3. *Белых В.С.* Правовое регулирование деятельности криптовалютных бирж // Юрист. 2020. № 7.

4. Закон о платежных услугах Японии // http://elaws.egov.go.jp/search/elawsSearch/elaws_search/lsg0500/detail?lawId=323AC1000000178.

5. Казинская С.Н. «Криптовалюта» как великая афера XXI века // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 3.

6. Коляскин А.Д., Сенькина П.С. Криптовалюта: будущее или провал // Молодой ученый. 2018. № 7.

7. Криптовалюты: актуальная регуляторная криптовалютная повестка (2022) // <https://www.csr.ru/upload/iblock/695/2obclrtmbh4bsddf4amse6qya75yxb76.pdf>.

8. Криптовалюты: тренды, риски, меры (доклад для общественных консультаций) // http://www.cbr.ru/content/document/file/132241/consultation_paper_20012022.pdf.

9. Мосакова Е. А. Криптовалюта как основа новой финансовой архитектуры в информационную эпоху // Информационное общество. 2023. № 1.

10. Мосакова Е. А., Мирзабеков Н. Р. Международный опыт нормативно-правового регулирования оборота криптовалют // Вопросы политологии. 2023. Т. 89. № 1. DOI: 10.35775/PSI.2023.89.1.026.

11. Топ-20 стран с самым высоким в мире процентом владельцев криптовалют // <https://internationalwealth.info/cryptocurrency/strany-lidery-sredi-polzovatelej-kriptoaljuty/>.

12. Act On Reporting And Using Specified Financial Transaction Information. Korea, 28.11.2001 // https://elaw.klri.re.kr/eng_service/lawTwoView.do?hseq=28979.

13. Any rule on Bitcoin must be global, Germany's central bank says // <https://www.reuters.com/article/us-bitcoin-regulations-germany-idUKKBN1F420E>.

14. Application of FinCEN's Regulations to Persons Administering, Exchanging, or Using Virtual Currencies, FinCEN // <https://www.fincen.gov/sites/default/files/shared/FIN-2013-G001.pdf>.

15. Guidelines to Notice PSN02 on Prevention of Money Laundering and Countering the Financing of Terrorism – Digital Payment Token Service 16 March 2020 // <https://www.mas.gov.sg/regulation/guidelines/guidelines-to-notice-psn02-on-aml-and-cft—dpt>.

16. Notice PSN02 Prevention of Money Laundering and Countering the Financing of Terrorism – Digital Payment Token Service. 5 December 2019 // <https://www.mas.gov.sg/regulation/notices/psn02-aml-cftnotice—digital-payment-token-service>.

17. Opinion of the European Central Bank of 19 February 2021 on a proposal for a regulation on Markets in Crypto-assets, and amending Directive (EU) 2019/1937 (CON/2021/4) // <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/4a9e9ba4-a884-11eb-9585-01aa75ed71a1/language-en/format-PDFA2A>.

18. Seychelles to scrutinise cryptocurrency space, decide to licence or prohibit industry, September 8, 2021 // <http://www.seychellesnewsagency.com/articles/15452/Seychelles+to+scrutinise+cryptocurrency+space%2C+decide+to+licence+or+prohibit+industry>.

19. Singapore Payment Services Act 2019 // <https://sso.agc.gov.sg/Acts-Supp/2-2019/Published/20190220?DocDate=20190220>.

20. Warning on Fraudulent website Soliciting bitcoin investments // <https://www.mas.gov.sg/news/media-releases/2019/warning-on-fraudulent-website-soliciting-bitcoin-investments-i>.

E.A. MOSAKOVA

*Candidate of Economics, Associate professor,
Associate professor at the Department of Global Processes
Moscow State University named after M.V. Lomonosov
Russia, Moscow*

I.A. ZOLOTAREV

*PhD Student, Faculty of Global Processes
Moscow State University
named after M.V. Lomonosov,
Moscow, Russia*

APPROACHES TO THE REGULATION OF CRYPTOCURRENCY EXCHANGES IN THE POST-COVID PERIOD: GLOBAL PRACTICES

Introduction. *Every year, the number of crypto exchanges the volume of trading on them, as well as the range of services they offer increase. The existing legislative framework for regulating digital relations, including crypto exchanges, is much inferior in terms of the digital technologies development pace. As a result, the issue of the volume of regulation of the crypto exchange sector is highly relevant.*

Materials and methods. *Methodological basis of the research is composed of general cognition methods: evaluation, synthesis, comparison, inductance and deduction, rising from the abstract to the concrete as well as systemic - structural approach. Special methods of investigation such as acquisition of scientific treatises, information gain were applied during the research.*

The results of the study. *The approaches of modern countries of the world to the issue of regulating the crypto exchanges differ dramatically. In the first group of countries the special legislation is being developed, in the second it is completely absent, and the third group of countries is making changes to the current legislation.*

Discussion. *The most widespread approach is to change the existing laws to regulate the crypto exchange activity. In some jurisdictions, some additional*

measures aimed at tightening the rules for the functioning of crypto exchanges are being developed today. In particular, legal liability is being introduced in case of non-compliance with legal requirements.

Conclusion. *In the short term, it is necessary to strengthen the regulation of the crypto exchange sector, including the introduction of some additional disclosure requirements before the release of cryptocurrencies and/or their admission to crypto exchanges. In the medium term it seems vital to develop a unified approach to the issue of legislative regulation of the crypto exchange sector at the global level.*

Key words: *cryptocurrency exchange, cryptocurrency, cryptocurrency exchange sector, regulation of cryptocurrency exchanges, licensing of cryptocurrency exchanges, customer verification, AML/CFT.*

С.А. МИРОНОВА

*аспирант кафедры Российской политики
факультета политологии Московского государственного
университета им. М.В. Ломоносова,
Россия, г. Москва*

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ НЕФТЕГАЗОВОГО БИЗНЕСА В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

Сегодня нефтегазовая отрасль продолжает оставаться одной из ведущих отраслей экономики России, однако ее ретроспективное развитие и регулирование вызывают много вопросов и споров. В данной статье рассматриваются особенности формирования нефтегазового бизнеса в России после распада СССР и перехода к рыночной экономике. Автор рассматривает историю развития нефтегазового сектора России с момента распада Советского Союза до начала 2000-х гг.

В статье исследуется влияние либеральных экономических реформ 1990-х годов на становление нефтегазовой отрасли и ее связь с политическими процессами в стране. Автор рассматривает проблемы, возникшие в процессе приватизации государственных нефтегазовых компаний и их последствия для экономики России. В заключение отмечается необходимость дополнительного изучения особенностей развития нефтегазового бизнеса в России и важность рефлексии опыта либеральных реформ 1990-х годов для современной экономики страны.

Ключевые слова: *нефтегазовая отрасль, приватизация, взаимодействие бизнеса и власти, технологии коммуникации.*

Процесс формирования нефтегазового бизнеса в постсоветской России тесно связан с процедурой приватизации государственных активов в начале 1990-х гг. [19. С. 1-79]. Вследствие проведения приватизации в кругах научного сообщества обозначились различные точки зрения на эффекты этой реформы в нефтегазовой отрасли. Одни авторы отмечали положительное влияние приватизации на российскую нефтегазовую отрасль [1. С. 342-354]. Например, исследователи Э. Савас, А.Д. Радыгин, Р. Пайпс утверждают, что приватизация способствовала экономическому развитию за счет участия собственников в конкуренции, формированию международных

связей российской нефтегазовой отрасли и улучшению технологической базы отрасли [14. С. 99-102; 10. С. 42; 15. С. 40-55]. Бизнесмен Чубайс А.Б., утверждал, что приватизация стала важным шагом в развитии экономики России и позволила раскрыть экономический потенциал регионов [11. С. 300-366]. Они указывают на улучшение эффективности производства и снижение издержек благодаря увеличению конкуренции и внедрению новых технологий. С другой стороны, некоторые исследователи критикуют реформы 1990-х годов и утверждают, что приватизация не только не принесла желаемых результатов, но также вызвала серьезные негативные последствия [1. С. 708-715; 21. С. 3-5]. Например, исследователь О.А. Хохлов указывает на ничем не ограниченную конкуренцию в отрасли, что привело к т.н. «нефтяным войнам» [18. С. 238]. В своей работе «Приватизация в России» О.А. Хохлов утверждает, что приватизация не была эффективной и прозрачной, а привела к уничтожению конкурентоспособных производителей, которые могли бы не допустить иностранные компании до разработки важнейших нефтегазовых месторождений, «помешать иностранным фирмам в захвате и разграблении ресурсодобывающих отраслей и топливно-энергетического комплекса» [18. С. 32]. М.Е. Вилькобрисский утверждает, что приватизация, в том числе и нефтегазового сектора, привела к перераспределению активов в пользу частных лиц и олигархов [2. С. 183-187; 9. С. 102-103].

Взаимоотношения нефтегазового бизнеса и государства в России в период приватизации и последующих лет были предметом обсуждения исследователями [20. С. 563-569]. Дякин С.Б. отмечал, что вместо конкурентной среды, сформировалась своеобразная вертикальная интеграция, где верховенствовали государственные и крупные частные компании [7. С. 5-55-78]. Кроме того, необходимость выгодной продажи активов привела к коррупционным практикам и несправедливому распределению богатства.

Таким образом, вопросы взаимоотношений нефтегазового бизнеса и государства в России в период приватизации и последующих лет являются сложными и до сих пор остаются предметом обсуждения.

Методология данной работы базируется на анализе доступной научной литературы, а также на данных, собранных из официальных источников, таких как нормативно-правовые акты, публичные отчеты нефтегазовых компаний и т.д. В статье используется метод исторического анализа, который позволяет рассмотреть процесс формирования нефтегазового бизнеса в России с начала 1990-х годов до настоящего времени.

Цель данной статьи заключается в исследовании особенностей формирования нефтегазового бизнеса в постсоветской России. В работе рассматриваются факторы, влиявшие на процессы приватизации и формирования нефтегазовых компаний, а также анализируются некоторые последствия реформ для экономики и общества России. Основной целью статьи является

выявление проблем, связанных с процессом формирования нефтегазового бизнеса в России в 1990-е годы.

В период с 1985 по 1991 год в СССР нефтегазовая отрасль регулировалась государством в рамках плановой экономики. Основным инструментом регулирования являлись государственное планирование добычи, транспортировки и переработки нефти и газа, а также установление государственных цен на эти ресурсы.

Государственный контроль за нефтегазовой отраслью был организован через Министерство нефтяной и газовой промышленности СССР, которое координировало работу нефтегазовых компаний. Министерство определяло объемы добычи, планировало строительство новых нефтеперерабатывающих заводов и газоперерабатывающих комплексов, а также контролировало исполнение государственных планов по добыче и переработке нефти и газа.

Одной из основных задач государственной политики в нефтегазовой отрасли было обеспечение безопасности и стабильности поставок нефти и газа в экономику страны, а также поддержание и развитие научно-технического потенциала отрасли. Государство в значительной степени инвестировало в нефтегазовую отрасль, финансируя научные исследования, модернизацию технологий и строительство новых мощностей.

Тем не менее, в 1980-х – начале 1990-х гг. нефтегазовая отрасль столкнулась с трудностями, связанными с техническими проблемами на месторождениях, и увеличением затрат на добычу нефти и газа [16. С. 97].

Постепенное изменение политико-экономической доктрины развития государства в 1985-1991 гг. было засвидетельствовано проведением ряда экономических реформ, затронувших нефтегазовую отрасль. Главным инструментом реформирования стала приватизация государственных предприятий. Процесс приватизации нефтегазовых предприятий начался в 1992 году с принятия закона «О приватизации государственного и муниципального имущества» от 21.12.2001 № 178-ФЗ. В вопросах всего ТЭК приватизация первоначально базировалась на трех указах Президента РФ: «Об особенностях преобразования государственных предприятий, объединений, организаций топливно-энергетического комплекса в акционерные общества» от 14 августа 1992 г. № 922, «Об организации управления электроэнергетическим комплексом Российской Федерации в условиях приватизации» от 15 августа 1992 г. № 923 и «О реализации в электроэнергетической промышленности» от 5 ноября 1992 г. № 1334 [9. С. 103]. Вследствие проводимой политики большинство нефтегазовых предприятий советского типа были проданы на аукционах.

Первой большой приватизацией в нефтегазовой отрасли стала приватизация компании ЮКОС в 1995 году. В этом году Правительство России объявило о продаже государственной доли в компании, что привело к ее

приобретению нефтяной компанией «Менатеп». В результате ЮКОС стала первой частной нефтяной компанией в России [13. С. 60-75].

Общую стоимость активов, приобретенных за этот период, трудно оценить, но считается, что она исчисляется десятками миллиардов долларов. В то время эти приобретения вызывали споры, и многие обвиняли покупателей в использовании своих политических связей для приобретения ценных активов по ценам ниже рыночных [9. С. 105].

Российское правительство имело определенное участие в энергетических компаниях, принадлежавших олигархам в 1990-х годах. В некоторых случаях правительство владело миноритарными пакетами акций этих компаний, а в других случаях оно имело право назначать членов совета директоров [5. С. 82-86].

Например, в 1995 году государство приватизировало 45% акций нефтяной компании «Сиданко», которую приобрел олигарх Владимир Потанин, однако правительство сохранило за собой 10% акций компании и имело право назначить двух членов в совет директоров. Также, в 1996 году правительство продало 5% акций «Лукойла» руководству компании, но сохранило за собой 20% акций компании и право назначать членов совета директоров.

В целом, хотя правительство не имело контрольного пакета акций этих компаний, его участие через миноритарные пакеты и назначения в совет директоров давало ему определенный уровень влияния на их деятельность.

Другой важной реформой было создание системы добычи нефти и газа на условиях долевого участия. Эта система была введена в 1995 году и позволяла западным нефтяным компаниям инвестировать в российские проекты по добыче нефти и газа на условиях долевого участия.

Кроме того, были проведены изменения в законодательстве, направленные на привлечение инвестиций в нефтегазовую отрасль. В 1995 году был принят закон «О нефти и газе», который обеспечивал инвесторам правовую защиту и стимулировал инвестиции в отрасль. Также были проведены реформы налогообложения нефтегазовой отрасли. В 1998 году был введен новый налог на добычу полезных ископаемых (НДПИ), заменивший ряд существовавших налогов. Этот налог был основан на принципе налогообложения добычи нефти и газа по ценам мирового рынка.

В этот период выделились некоторые влиятельные фигуры, одними из первых включившиеся в развитие российского нефтегазового бизнеса по законам рыночной экономики: Борис Березовский, Роман Абрамович, Михаил Ходорковский, Владимир Потанин, Виктор Вексельберг, Александр Лебедев и другие.

Приватизация привлекла широкий круг иностранных инвесторов, стремящихся получить доступ к огромным запасам нефти и природного газа в России. Многие из них реализовали совместные предприятия с российскими компаниями с целью принять участие в широком процессе приватизации.

Некоторые из наиболее успешных совместных предприятий были созданы российскими энергетическими компаниями и крупными западными нефтяными компаниями, такими как BP, Shell и ExxonMobil [12].

Большинство крупных игроков нефтегазового рынка 1990-х гг. накопили значительные состояния благодаря своим долям в энергетических компаниях: они использовали свое богатство и политические связи, чтобы иметь значительное влияние на российское правительство и общество.

Тем не менее, приватизация энергетического сектора также заложила основу для консолидации отрасли под контролем государственных предприятий в 2000-х годах. В конце 1990-х годов российское правительство во главе с президентом Владимиром Путиным предприняло шаги с целью восстановления контроля над энергетическим сектором. Правительство России начало серию расследований в отношении крупных бизнесменов и их компаний, обвиняя их в нарушении законодательства, в том числе в уклонении от уплаты налогов и растрате. В результате многие из них были арестованы, часто по обвинениям, которые считались политически мотивированными [8]. Например, Михаил Ходорковский, бывший глава нефтяной компании ЮКОС, был арестован в 2003 году по обвинению в мошенничестве и уклонении от уплаты налогов. Некоторые бизнесмены были вынуждены бежать из страны, чтобы избежать судебного преследования. В частности, Борис Березовский, известный бизнесмен и политический деятель, покинул Россию в 2000 году после конфликта с президентом Путиным.

Правительство также проводило конфискацию имущества многих бизнесменов и их компаний, что привело к тому, что государство получило прямой контроль над многими энергетическими компаниями, которые ранее находились в собственности крупных бизнесменов.

Тем не менее, действия правительства против олигархов привели к значительному перераспределению собственности в энергетическом секторе России.

После «репрессий против олигархов» в конце 1990-х их политическое влияние значительно уменьшилось. Однако концентрация экономической власти в руках немногих лиц продолжает оставаться проблемой и в современной России [4. С. 324-330].

Перечислим примеры конкретных случаев, когда упомянутые ранее лица оказывали политическое влияние в России в период становления нефтегазового бизнеса по итогам приватизации:

1. Борис Березовский обладал значительным политическим влиянием в Кремле в 1990-е годы. Согласно сообщениям, он сыграл существенную роль в переизбрании Ельцина на пост президента в 1996 году, используя ресурсы принадлежащих ему средств массовой информации с целью влияния на общественное мнение [17. С. 222].

2. Михаил Ходорковский занимал должность главы крупной нефтяной компании ЮКОС в 1990-х годах и был одним из наиболее влиятельных представителей бизнес-элиты России. Ходорковский использовал свое финансовое положение для финансирования политических партий и кандидатов, разделявших либеральные убеждения, в том числе партии «Яблоко».

3. Владимир Гусинский является известным бизнесменом и владельцем медиа-холдинга «Медиа-Мост», который объединяет в себе различные газеты, журналы и телеканалы. Гусинский активно поддерживал президента Ельцина и высказывался в пользу либеральных политических взглядов. Он использовал принадлежащие ему медиа-ресурсы для продвижения идеологии Ельцина и критики его политических оппонентов, в том числе КПРФ [3].

4. Роман Абрамович является ключевой фигурой в процессе приватизации государственных активов в России в 1990-х годах. Абрамович считался близким союзником Бориса Березовского. Бизнесмен поддерживал президента Бориса Ельцина и его либеральную экономическую политику. В конце 1990-х годов Абрамович был избран губернатором Чукотского автономного округа [6. С. 93-98, 101, 104, 117-120].

В 1990-е годы в России возник ряд малых и средних нефтегазовых компаний. Вот обзор некоторых из наиболее заметных из них:

1. Сибнефть: Сибнефть была основана в 1995 году Романом Абрамовичем и Борисом Березовским. Компания быстро росла и к 2003 году стала одной из крупнейших нефтяных компаний России. В 2005 году он был продан «Газпрому» за 13 миллиардов долларов.

2. ТНК-ВР: ТНК-ВР была создана в 2003 году как совместное предприятие Альфа-Групп, Access Industries и ВР. Компания была одной из крупнейших нефтяных компаний России, добывая около 1,5 млн баррелей нефти в сутки. В 2013 году «Роснефть» приобрела ТНК-ВР за 55 миллиардов долларов.

3. «Русснефть»: «Русснефть» была основана в 2002 году Михаилом Гучериевым, ранее основавшим нефтяную компанию «Славнефть». «Русснефть» быстро росла и к 2007 году добывала более 300 000 баррелей нефти в сутки. В 2010 году Гучериев продал «Русснефть» «Базовому элементу» Олега Дерипаски.

4. Alliance Oil: Alliance Oil была основана в 1998 году Мусой Бажаевым. Компания быстро росла и к 2007 году производила более 60 000 баррелей нефти в день. В 2013 году компания была приобретена Лукойлом.

5. «Итера»: «Итера» была основана в 1992 году Игорем Макаровым как компания по торговле природным газом. Позже компания расширилась до добычи и разведки газа и к концу 1990-х годов стала одной из крупнейших газовых компаний в России. В 2014 году компания была реструктурирована, а ее активы были разделены между «Роснефтью» и «Газпромом».

6. ЮКОС: ЮКОС был основан в 1990-х Михаилом Ходорковским и к началу 2000-х был одной из крупнейших нефтяных компаний России. Однако политические амбиции Ходорковского и столкновения с Кремлем привели к его аресту и тюремному заключению в 2003 году, а компания в итоге была раздроблена и продана разным покупателям.

7. Черногорнефть: Основанная в 1992 году в Ханты-Мансийском крае, компания принадлежала Вагиту Алекперову и стала одной из крупнейших нефтяных компаний России. В 1995 году «Черногорнефть» объединилась с более крупной нефтяной компанией «Лукойл», принадлежащей Алекперову, и образовала «Лукойл-Западная Сибирь».

8. Imperial Energy: Основанная в 1994 году, Imperial Energy была небольшой нефтяной компанией, базирующейся в Великобритании и работающей в России. Ее основал Питер Левайн, ранее работавший в BP. Imperial Energy сосредоточилась на разведке и добыче в Томской области Западной Сибири. В 2008 году компания была приобретена ONGC Videsh, дочерней компанией индийской государственной нефтегазовой корпорации.

9. Башнефть – российская нефтяная компания, основанная в 1993 году, базирующаяся в Республике Башкортостан. Его основателем и первым генеральным директором стал Владимир Евтушенков. Компания специализируется на разведке, добыче, переработке и реализации нефти и нефтепродуктов. В 2016 году «Башнефть» была приобретена «Роснефтью».

10. РуссНефть. Основанная в 2002 году бизнесменом Михаилом Гучериевым, РуссНефть является независимой нефтяной компанией, работающей в России и Беларуси. Компания специализируется на разведке, добыче, переработке и реализации нефти и нефтепродуктов. За прошедшие годы «Русснефть» столкнулась с рядом юридических проблем, в том числе с обвинениями в уклонении от уплаты налогов и мошенничестве.

11. «Лукойл»: Компания была основана в 1991 году Вагитом Алекперовым, который до этого занимал должность заместителя министра нефтяной промышленности СССР. Основной стратегией компании было приобретение нефтяных месторождений, которые ранее были заброшены более крупными государственными компаниями. Благодаря этому «Лукойл» смог быстро расширить свое присутствие на рынке и стать крупным игроком в мировой нефтегазовой отрасли.

12. «Новатэк»: Основанная в 1994 году Леонидом Михельсоном и Геннадием Тимченко, «Новатэк» начинала как небольшая газодобывающая компания в Западной Сибири. Компания быстро росла и к концу 1990-х годов стала одним из крупнейших независимых производителей газа в России. Сегодня «Новатэк» – крупный игрок на мировом газовом рынке, специализирующийся на разведке, добыче и реализации природного газа и сжиженного природного газа (СПГ).

13. Сибур: Сибур был основан в 1995 году как совместное предприятие Газпрома и немецкой химической компании BASF. Компания сосредоточилась на производстве продуктов нефтехимии и сжиженного природного газа. В конце 1990-х «Газпром» стал единственным владельцем «Сибура». Сегодня «Сибур» – одна из крупнейших нефтехимических компаний России, специализирующаяся на производстве пластмасс, синтетических каучуков и других химических продуктов.

В 1990-е годы в России возникло множество нефтегазовых компаний. Новые экономические и политические условия предоставили этим компаниям возможность быстрого роста и занятия значительных долей на мировом энергетическом рынке.

Таким образом, в ранний постсоветский период нефтегазовая отрасль России претерпела значительные изменения в связи с переходом страны к рыночной экономике.

Во-первых, состоялась приватизация государственных предприятий. Правительство России запустило кампанию по продаже государственных нефтегазовых объектов частным инвесторам, что привело к появлению в отрасли ряда новых игроков.

Во-вторых, значительно усилилось влияние крупного нефтегазового бизнеса. В результате приватизации ряд предпринимателей приобрел значительные доли в нефтегазовых компаниях. Некоторые из этих инвесторов, включая Михаила Ходорковского и Бориса Березовского, смогли использовать свои связи с государственными чиновниками для увеличения контроля над отраслью. Это привело к возникновению влиятельной группы бизнесменов, известных как «олигархи», которые оказывали существенное влияние на развитие нефтегазовой отрасли в России.

В-третьих, состоялось формирование вертикально интегрированных компаний. Многие из новых частных компаний в отрасли, а также некоторые государственные предприятия начали вертикально интегрировать свою деятельность, приобретая активы по всей цепочке создания стоимости. Это включало разведку и добычу, переработку, транспортировку и распределение.

В-четвертых, несмотря на необходимость качественного реформирования отрасли, длительное время продолжали использоваться устаревшие методы. Нефтегазовая отрасль в России была характеризована использованием устаревших методов добычи и переработки нефти и газа, что ограничивало производственные возможности и препятствовало конкурентоспособности на мировом рынке. Кроме того, отрасль столкнулась с коррупционными проявлениями, которые затрудняли ее развитие и приводили к низкому качеству предоставляемых услуг. Недостаточное финансирование и отсутствие инвестиций в инфраструктуру также отрицательно сказывались на работе отрасли.

В-пятых, несмотря на указанные инерционные затруднения, ранний постсоветский период характеризовался появлением и внедрением новых технологий в нефтегазовой отрасли. Некоторые компании индустрии смогли модернизировать свою деятельность; в частности, широкое использование методов гидроразрыва пласта и горизонтального бурения помогло открыть новые источники нефти и газа в плотных пластах.

В заключение следует отметить, что приватизация нефтегазового сектора в 1990-е годы явилась ключевым этапом перехода России к рыночной экономике. Опыт реформирования нефтегазового сектора в России в 1990-х годах представляет собой значимый источник информации для анализа текущей экономической ситуации в стране, особенно в условиях, когда Россия сталкивается с новыми вызовами и возможностями на мировом энергетическом рынке. Содействуя прозрачности, подотчетности и конкуренции, страна может избежать повторения ошибок прошлого и построить более сильную и устойчивую экономику в будущем.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Берсенева В.Л. Процессы разгосударствления и приватизации в России в 90-е гг. // Экономика региона. 2017. Том 13. Выпуск 2, 3. DOI 10.17059/2017-2-2.

2. Вилькобрисский М.Е. Как делили Россию. История приватизации. СПб.: Издательский дом «Питер», 2012.

3. BBC. Как Ельцин смог победить в 96-м // BBC // <https://www.bbc.com/russian/features-36714981>.

4. Дроздов О.А. Экономическое неравенство в России и перспективы его сокращения // Научные труды ВЭО России. 2020. Т. 224.

5. Донин А.Н., Николаев А.Н. Особенности приватизации Российской газовой отрасли в первой половине 1990-х годов // Промышленность: экономика, управление, технологии. 2016.

6. Дорофеев В., Костылева Т. Принцип Абрамовича. Талант делать деньги. М.: ИД «Коммерсант»; «Эксмо», 2010 г.

7. Дякин С.Б. Приватизация, ее закономерности и последствия в условиях глобализации: На примере нефтяной промышленности России: дис. докт. наук. 2004.

8. Кречетников А. Ходорковский: самый знаменитый заключенный России // BBC News. 2013 // https://www.bbc.com/russian/russia/2013/12/131220_khodorkovsky_profile.

9. Коновалов А.И. Приватизация объектов топливно-энергетического комплекса // Общество и право. 2013. № 1 (43).

10. Пайнс Р. Россия в борьбе со своим прошлым // Россия на рубеже веков. 1991-2011. РОССПЭН. 2011.

11. Приватизация по-русски / под ред. А.Б. Чубайса. М.: Вагриус, 1999.
12. Приватизация и национализация нефтяной промышленности // Газета «Коммерсант» // <http://www.kommersant.ru/doc/613395>.
13. Пусенкова Н.Н. Нефтяной сектор России на стадии перехода к рынку // Налоги и приватизация в условиях перехода к рыночной экономике: (пособие для предпринимателей) / РАН. Ин-т мировой экономики и междунар. Отношений); отв. Ред. Назаревский В.А. М., 1993.
14. Радыгин А.Д. Реформа собственности в России. На пути из прошлого в будущее. М.: Издательство «Республика», 1994.
15. Савас Э.С. Приватизация. Ключ к рынку. М.: Дело, 1992.
16. Турицын И.В., Рыжков Т.В. Нефтяная отрасль России 1980-х – начала 1990-х годов: предпосылки и условия реформирования // Вестник Чувашского университета. 2012. № 2.
17. Ханин Г.И. Борис Березовский как зеркало истории позднего брежневизма и 1990-х гг. (петр Авен «время Березовского») // Вопросы регулирования экономики. 2018. Т. 9. № 4.
18. Хохлов О.А. Приватизация России. М.: Поволжье, 2005.
19. Экономическая политика Правительства России. Документы. Комментарий. М.: Республика, 1992.
20. Якупова Д.В. Зарубежная историография приватизации в России // Молодой ученый. 2016. № 5 (109) // <https://moluch.ru/archive/109/26347/>.
21. Boycko M., Shleifer A., Vishny R. Voucher privatization / Center for Study of the Economy and the State The University of Chicago. Working Paper. April, 1993. No. 85.

S.A. MIRONOVA

*Postgraduate student of the Department
of Russian Politics, Faculty of Political Science,
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia*

PECULIARITIES OF THE FORMATION OF THE OIL AND GAS BUSINESS IN POST-SOVIET RUSSIA

Today the oil and gas industry continues to be one of the leading sectors of the Russian economy, but its retrospective development and regulation raise many questions and disputes. This article considers the peculiarities of oil and gas business formation in Russia after the collapse of the USSR and the transition to a market economy. The author considers the history of the development of the oil and gas sector in Russia from the collapse of the Soviet Union to the early 2000s.

The article examines the influence of the liberal economic reforms of the 1990s on the formation of the oil and gas industry and its connection with the political processes in the country. The author considers the problems that arose in the process of privatization of state oil and gas companies and their consequences for the Russian economy. In the conclusion the necessity of additional study of peculiarities of oil and gas business development in Russia and the importance of reflection of the experience of liberal reforms of the 1990s for the modern economy of the country is noted.

Key words: *oil and gas industry, privatization, interaction between business and government, communication technologies.*

ЦЗИНЬ ЛЭЙ

*магистр Государственного и муниципального управления
Государственного администрирования Московского
государственного университета им. М.В. Ломоносова,
Россия, г. Москва*

СОВРЕМЕННЫЙ ПОДХОД К ОЦЕНКЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СУБЪЕКТОВ

В статье рассматриваются вопросы, связанные с изучением современного подхода к оценке эффективности деятельности экономических субъектов. Цель исследования – изучить современный подход к оценке эффективности деятельности экономических субъектов, а также разработать механизм для оценки эффективности деятельности экономических субъектов. Основными методами исследования явились: метод анализа, сравнения, принятие решений, логическое рассуждение и многое другое. Рассмотрено понятие «эффективность» деятельности экономических субъектов. Определены основные компоненты для оценки эффективности этой деятельности. Автор подчеркивает, что особую важность при оценке эффективности деятельности, а также принимаемых решений имеет комплексный подход, который заключается в применении правильной документации (нормативные документы, отдельные положения, акты и т.д.), проведение системы мониторинга и контроля текущей производственно-хозяйственной деятельности, определение набора оценочных показателей и эффективной деятельности оценщиков. Изучены факторы, влияющие на процессы выбора и принятия решений. Рассмотрены методы и модели, применяемые при оценке эффективности деятельности экономических субъектов. Разработан механизм оценки эффективности деятельности экономических субъектов. Автор отмечает, что при осуществлении производственно-хозяйственной деятельности экономическими субъектами существуют определенные риски, возникающие при ее осуществлении. Изучены способы и методы управления рисками в деятельности экономических субъектов с целью повышения ее эффективности.

Цель: *Цель исследования – изучить современный подход к оценке эффективности деятельности экономических субъектов, а также разработать механизм для оценки эффективности деятельности экономических субъектов.*

Методы: Основные методы исследования: метод анализа, сравнения, принятия решений, логического рассуждения и многие другие.

Результаты: Изучен современный подход к оценке эффективности деятельности экономических субъектов. Рассмотрены модели оценки эффективности деятельности экономических субъектов. Предложен механизм для оценки эффективности деятельности экономических субъектов. Изучены методы прогнозирования рисков в деятельности экономических субъектов.

Выводы: Проанализировав различные подходы и методы к оценке эффективности деятельности экономических субъектов удалось выяснить, что только совокупность используемых мероприятий создает благоприятные условия для развития деятельности многих экономических единиц на рынке, способствует повышению эффективности их результатов на практике (за счет повышения прибыли, снижения затрат, уменьшения риска потерь от возникновения непредвиденных ситуаций), а также укрепления финансовой устойчивости и экономической безопасности в целом.

Ключевые слова: современный подход, эффективность, решения, экономические субъекты, деятельность, риски.

Введение. Актуальность темы исследования заключается в том, что в современных условиях существует достаточно высокий уровень конкуренции на рынке. Следовательно, деятельность многих экономических субъектов сопряжена с высоким уровнем риска, возникающим в производственной, финансовой, сбытовой и других областях. Очень важными вопросами при проведении данной работы являются вопросы, связанные с оценкой эффективности принимаемых экономических решений, поскольку затраты при осуществлении производственно-хозяйственной деятельности могут значительно превышать полученную прибыль. В этих условиях очень важно принять грамотные и эффективные решения, чтобы избежать дополнительных расходов и финансовых рисков [3. С. 393].

Основной проблемой при оценке эффективности экономических субъектов является отсутствие единого подхода к механизму ее проведения, что объясняется разрозненностью проведения процессов планирования, проектирования и непосредственно принятия решений.

Материалы и методы. При проведении исследования использовались труды российских и зарубежных ученых. При проведении данного исследования были использованы следующие методы: анализа, сравнения, принятия решений, логического рассуждения и многие другие.

Литературный обзор. Вопросы оценки эффективности деятельности экономических субъектов рассматривали многие ученые такие, как М.О. Ибраимов, М.Ю. Казакова, Е.П. Матвеев и другие. Считаем, необходимым

продолжить исследование в данном направлении и более подробно изучить отдельные вопросы темы.

В данной статье предпринята попытка изучения современного подхода к оценке эффективности деятельности экономических субъектов на основе использования системы показателей, позволяющих снизить затраты на осуществление производственно-хозяйственной деятельности, а также риски.

Результаты. Производственно-хозяйственная деятельность экономических субъектов является очень серьезной работой, требующей правильного и обоснованного принятия решений. Такая деятельность предполагает на начальном этапе ее планирования сбор информации для принятия правильных решений, изучение причин и факторов, влияющих на нее, проведение непосредственно самих работ, оценку их эффективности и прогнозирование желаемого результата.

Основными компонентами для оценки эффективности деятельности экономических субъектов являются:

- 1) состояние объекта производственно-хозяйственной деятельности и его возможности;
- 2) научно-технические возможности;
- 3) запасы и ресурсы, необходимые для осуществления деятельности;
- 4) менеджмент организации;
- 5) человеческий капитал (рабочая сила);
- 6) информационная система организации и ее составные элементы, и т.д.

Под эффективностью деятельности экономических субъектов следует понимать соотношение между итогами хозяйственной деятельности, издержками труда и материальными затратами.

Важное значение при оценке эффективности деятельности, а также принимаемых решений имеет комплексный подход, который заключается в применении правильной документации (нормативные документы, отдельные положения, акты и т.д.), проведение системы мониторинга и контроля текущей производственно-хозяйственной деятельности, определение набора оценочных показателей и эффективной деятельности оценщиков.

Кроме того, важно при оценке эффективности деятельности экономических субъектов провести сравнительный анализ по основным показателям работы, которые в свою очередь отражают уровень производительности выполняемых работ, трудоемкость затрат, а также конечную результативность. На основе сравнительной оценки делается вывод об эффективности их применения и целесообразности дальнейшего использования при оценке.

Прежде чем перейти к рассмотрению моделей для оценки эффективности деятельности и принимаемых решений необходимо изучить факторы, влияющие на процессы выбора и принятия решений. Данные факторы наглядно представлены на Рисунке 1.

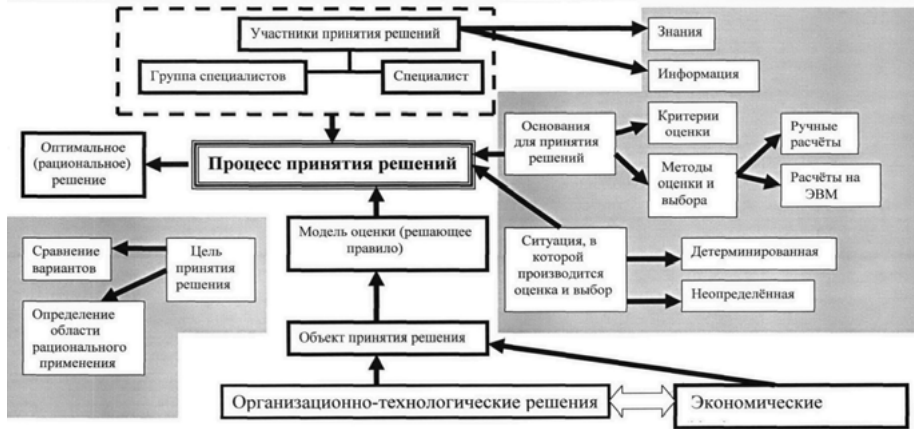

Рисунок 1. Факторы, влияющие на процессы выбора и принятия решений

При оценке эффективности деятельности экономических субъектов могут применяться различные модели: линейного и нелинейного программирования, теория принятия решений, теория игр, динамическое программирование, а также другие математические модели [2. С. 38].

Следует отметить, что применение того или иного метода, модели будет зависеть от целей и задач исследования, набора определяемых параметров и их назначения.

Обычно оценка эффективности деятельности экономических субъектов описывается совокупностью тех или иных качественных и количественных показателей, входящих в тот или иной метод или модель. Рассмотрим самые распространенные методы оценки.

На данный момент наиболее сформировавшейся можно считать систему индикаторов. Такая оценка способна сравнить фактические значения деятельности (субъекта экономической деятельности) с индикаторами (эталонными показателями). Соответствие величин отклонения фактических от пороговых значений характеризует состояние субъекта. Данный метод оценки обычно носит название индикаторного подхода. Индикаторный метод позволяет определить состояние экономического субъекта и эффективность принимаемых дальнейших решений с помощью индикаторов. В тех ситуациях, когда данное отклонение находится в пороговых значениях, деятельность экономического субъекта характеризуется как нормальная. Если нарушены все границы пороговых значений такое состояние, вполне можно считать неудовлетворительным.

Также существуют методы программно-целевого управления и принятия решения, основанные на интегрировании совокупных показателей. Метод, базирующийся на сравнении величины инвестиций в

производственно-хозяйственную деятельность за счет реинвестируемой прибыли с объемом средств. Сюда же входят и методы статистического анализа, теоретико-игровые методы и методы теории нечетких систем.

Помимо основного индикаторного подхода также существует и критериальный подход, который строится на основе определенным образом подобранных критериях. Каждый отдельно взятый критерий представляет собой признак, а в некоторых случаях и совокупность признаков, которые позволяют установить факт отсутствия или присутствия причин и условий для осуществления производственно-хозяйственной деятельности экономических субъектов [1. С. 48].

Данный метод подразумевает наличие двух групп критериев, так называемые показатели оценки эффективности деятельности. Первая группа включает производственные показатели, которые описывают состояние основных фондов и их темпы обновления, технические характеристики в организации или предприятии и т.д. Вторая же включает группу тех критериев, которые показывают главным образом финансовые показатели. Это и объем инвестиций, рентабельность, фондоотдача, собственные источники финансирования.

Широкое распространение в оценке эффективности деятельности экономических субъектов получил игровой подход, который целесообразно использовать, в случае если существует неопределенность оценочных показателей, а сама многокритериальная оценка основана на детерминантных показателях. На основе сравнительного анализа выбирается наилучший проект при его оценке. При этом многокритериальный выбор может быть осуществлен:

- 1) на основе использования функции полезности;
- 2) на основе рассмотрения критерия успеха принимаемого решения;
- 3) по критерию близости к идеальной точке.

Использование функции полезности при оценке может быть представлено в виде линейного уравнения (1):

$$u(x) = u_1(x_1) + u_2(x_2) + \dots + u_n(x_n) \quad (1)$$

На основе сравнения многокритериальной оценки по функции полезности выбирается наилучший вариант с точки зрения наибольшего полученного значения. С этой целью оценщики прибегают к расчету критерия оптимальности (2):

$$K_{ji} = \left\{ \frac{a_1}{\max} 1/n * \sum x_{ij} \right\}, i=1, m; j=1, n \quad (2)$$

где,

x_{ij} – значение j -го показателя для i -го варианта.

В случае, если известны относительные значения показателей для оценки может быть использован вариант выбора эффективного решения на основе критерия средневзвешенного успеха. Однако, недостатком рассматриваемого показателя является его низкая чувствительность к изменению оценочных показателей по причине того, что один показатель может компенсировать своей избыточной величиной другой показатель.

Критерий успеха принимаемого решения основывается на расчете следующего показателя оценки (3):

$$K_4 i = \prod_{j=1}^n X_{ij}^{q_j} \quad (3)$$

Наибольшему значению $K_4 i$ соответствует наилучший вариант решения.

Метод по критерию близости к идеальной точке заключается в том, что рассматриваемые оценочные варианты принимаемых решений сравниваются с эталонным (идеальным) вариантом. На основе сравнительного анализа выбирается наилучший с точки зрения эффективности.

Считаем, что при оценке эффективности деятельности экономических субъектов должен быть применен комплексный подход, включающий в себя широкую систему оценочных показателей, методов и моделей для проведения анализа.

В данной статье разработан механизм оценки эффективности деятельности экономических субъектов, представленный на Рисунке 2.

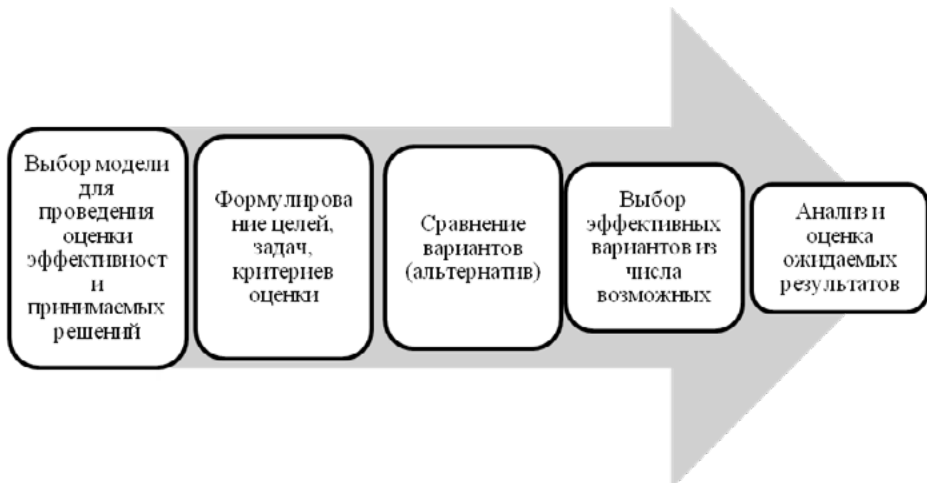

Рисунок 2. Механизм оценки эффективности деятельности экономических субъектов

Обсуждение. Считаем, что представленный механизм поможет не только оценить эффективность деятельности экономических субъектов, но также повысить эффективность данной оценки, снизить риски принимаемых решений в практике хозяйственной деятельности.

Следует отметить, что при осуществлении производственно-хозяйственной деятельности экономическими субъектами существуют определенные риски, возникающие при ее осуществлении. Данные риски существенно влияют на качество предоставляемой информации (искажение), ее объем и характер. Следовательно, важно своевременно применять меры по снижению уровня риска, включая его оценку и прогнозирование.

Считаем, что под риском в общем случае следует понимать вероятность возникновения потерь или ущерба в случае наступления непредвиденной ситуации.

Основными видами рисков в деятельности экономических субъектов могут быть: финансовые, производственные, валютные, рыночные, специфические риски и т.д.

Для оценки и прогнозирования уровня риска на практике используются качественные и количественные методы оценки. Количественный анализ подразумевает под собой вычисление определенных коэффициентов, которые могут охарактеризовать, как отдельные риски, так и риски объекта в целом. Производится математическими и статистическими методами. Кроме того, количественный анализ может осуществлять выявление вероятного ущерба и вычисление стоимостной оценки от проявления риска, а также дает возможность разработать определенные мероприятия с целью минимизации рисков.

Например, статистический метод основывается на изучении статистики прибылей и потерь за определенный период в организации. Определяется величина и частота получения определенного результата и осуществляется прогнозирование вероятности потерь. При применении данного метода рассчитывают коэффициент вариации, дисперсию и среднее квадратичное отклонение. Достоинством данного метода при оценке риска являются несложные математические расчеты и точность. Недостаток заключается в необходимости большого объема исходных данных. Также его применение невозможно для новых организаций на рынке.

Следующим методом оценки и прогнозирования рисков является метод «дерево решений». Производится расчет вероятности положительного и отрицательного результата для каждого разветвления и в конце каждой ветви дерева указывается конечный ожидаемый результат. Обратный анализ строится на основе расчета математического ожидания для каждого узла неопределенности. Результат максимизируется для каждого пункта принятия решения.

Следующим распространенным методом оценки и прогнозирования риска является метод вариации. Метод вариации параметров позволяет провести исследование взаимосвязи, которые существуют между объясняющими и результирующими переменными, с помощью изменения первых. Под переменными берутся следующие параметры:

- 1) издержки производства и сбыта;
- 2) инвестиционные затраты;
- 3) проценты за кредит;
- 4) объем производства.

В дополнение могут учитываться следующие данные:

- 1) отрицательные изменения темпов общей инфляции и темпов роста цен на отдельные ресурсы и продукцию;
- 2) невыполнение обязательств, возникших из договоров с контрагентами;
- 3) задержки платежей;
- 4) отклонения других параметров.

Для расчетов необходимо принимать пределы колебаний соответствующих параметров. Метод необходимо рассчитывать на различных этапах проекта, так как в различных стадиях размер колебаний и условия могут существенно различаться. На начальном этапе параметры принимаются ориентировочно с использованием данных аналогичных проектов, а среди рисков рассматривают определенный набор нежелательных сценариев. Недостатком метода считается невозможность точного определения ключевых параметров. В условиях сложных экономических систем масштаб различных сценариев и внешних факторов, который в теории заменяется переменными, оказывает негативное влияние на качество получаемых методом результатов.

Следующим методом при оценке и прогнозировании уровня риска в оценке эффективности деятельности экономических субъектов является метод проверки устойчивости. При использовании метода проверки устойчивости происходит разработка сценариев осуществления проекта, варианты потенциальных сценариев того или иного события в условиях рассматриваемого организации или предприятия, конъюнктуры и воздействующих факторов. Проект считается устойчивым, если во всех рассмотренных сценариях интересы участников соблюдаются, а неблагоприятные последствия преодолеваются путем накопленных ресурсов и (или) страховых выплат.

Метод сценариев заключается в разработке оптимистического, негативного и наиболее вероятного вариантов реализации события с расчетом всех показателей. Данный метод считается надежной заменой для линейного метода в ситуациях, когда нужно:

- 1) планировать и анализировать специфические ситуации;
- 2) предвидеть ситуации, при которых может сложиться благоприятная или неблагоприятная перспектива развития;

3) оценить, как возможно оказывать воздействие на системы, процессы для того, чтобы получить оптимальные результаты для организации.

Под сценарием понимается качественное описание всех возможных вариантов исследуемого субъекта (объекта) при различных сочетаниях определенных условий. Сценарий является одним из вероятных исходов рассматриваемой ситуации. При разработке сценариев использует следующий алгоритм:

- 1) оценка объекта сценария;
- 2) оценка конъюнктуры;
- 3) оценка взаимодействия объекта и внешней среды;
- 4) определение, анализ, классификация и структурирование параметров, оказывающих значительное влияние на объект;
- 5) создание списка потенциальных сценариев будущего;
- 6) проверка сценариев на непротиворечивость и определение вероятности наступления каждого из них;
- 7) интерпретация возможных сценариев, а также разработка алгоритма действий при возникновении конкретного сценария.

На практике распространение приобрело имитационное моделирование. Имитация – это методика проведения экспериментов с математическим обеспечением модели поведения системы в определенный момент времени. Виды имитации: вероятностная; зависящая и независящая от временного фактора; явная; деловые игры; имитация больших систем.

Метод имитации наиболее применим, когда моделирование в реальных условиях невозможно, материально нецелесообразно или требует слишком больших временных ресурсов.

Метод финансовых коэффициентов заключается в расчете коэффициентов данных отчетности, определении корреляции показателей. Расчет ключевых коэффициентов позволяет сравнить результаты деятельности предприятия с результатами конкурентами, разницу с минимально допустимыми значениями. Таким образом, коэффициенты позволяют дать достаточно точную оценку деятельности компании в условиях рынка. Каждый коэффициент рассчитывается с учетом ключевых показателей, наиболее качественно характеризующих объект исследования. Коэффициент может быть рассчитан, как на конкретную дату, так и на определенный период деятельности. Размер допустимых коэффициентов определяется самим предприятием.

Следует отметить, что все из перечисленных выше методов позволяют дать оценку риска для принятия стратегических решений и прогнозирования в деятельности экономических субъектов.

Экспертами считается, что в настоящее время нет универсального метода, позволяющего учесть все факторы, влияющие на качественное и количественное проявление рисков в современных условиях. На рынке более распространено использование комбинации методов, как

основного инструмента, дающего наиболее точные результаты, а значит и прогнозировать.

Следует отметить, что существуют модели для прогнозирования уровня риска. Сегодня среди крупных корпораций в странах с развитой экономикой предприятиями активно применяются модели Э. Альтмана. Первоначальные формулы прошли большую эволюцию в связи с изменениями и развитием мировой экономической системы с 1967 года по 2007 год (Таблица 1). Несмотря на различные модификации и изменения модели Альтмана часто модернизируются учеными разных стран для более эффективного применения на практике в развивающихся экономиках. Среди российских моделей широко известна logit-модель Жданова, которая учитывает особенности российской экономической системы [4. С. 101].

Logit-модели наиболее просты для восприятия, так как выражаются как процентная вероятность определенного события. Рейтинговая оценка финансового состояния позволяет анализировать более точные условные границы между различными состояниями предприятия, что в перспективе помогает наблюдать успешность и контролировать мероприятия для выхода из кризисной ситуации.

Модель	Модификации	Год	Применение
Z-score	Трехфакторная	1968 г.	Крупные публичные и не публичные акционерные общества
	Пятифакторная		
	Z-score private	1983 г.	Для компаний, не выставяющих акции на бирже
	Z-Score Model to a Non-Manufacturing Company	1997 г.	Модели для развивающихся рынков, малого и среднего бизнеса
	Emerging Market Z-Score		
Zeta	Пятифакторная	1977 г.	Для крупных публичных предприятий
	Семифакторная		
Альтман-Сабатто	Logit-модель	2007 г.	

Таблица 1. Модели Альтмана и их применение

Значительным преимуществом рассмотренных выше моделей, в особенности модели Z-модели Альтмана является их легкая переносимость при использовании так называемых роботизированных решений. Поэтому часть работы современного оценщика заключается в умении грамотно использовать как методологические, так и программные решения в своей работе.

Оценщики должны не только грамотно подбирать ключевые коэффициенты, но и при помощи таких инструментов, как продукты MicrosoftOffice, уметь грамотно визуализировать полученные в ходе их деятельности данные или предлагаемые решения и представить на обсуждение коллегам. Использование специализированного программного обеспечения повышает эффективность при проведении оценки, однако для грамотного использования доступных решений необходим высокий уровень компетенций специалистов-оценщиков.

Считаем, что важно не только выявить и оценить риск, но и уметь им управлять. Для этого необходимо, во-первых, проанализировать и выявить основные факторы возникновения риска в деятельности экономических субъектов. Во-вторых, определить методы и модели для прогнозирования уровня риска. В-третьих, использовать современные цифровые технологии для оценки уровня риска. В-четвертых, оценить эффективность мероприятий по снижению уровня риска в деятельности экономических субъектов.

Совокупность используемых мероприятий создает благоприятные условия для развития деятельности многих субъектов экономической деятельности, повышения эффективности и результатов на практике (за счет снижения риска потерь от возникновения непредвиденных ситуаций), а также укрепления финансовой устойчивости и экономической безопасности в целом.

Заключение. Можно сделать вывод, что при проведении оценки эффективности деятельности экономических субъектов важное значение имеет правильное и обоснованное принятие решений. Следовательно, выбор методов и моделей для проведения точной оценки является залогом успешности проведения работы. В качестве основных методов, используемых при оценке эффективности деятельности являются: методы теории вероятности игр, принятия решений, полезности и т.д. Основными критериями при проведении оценки являются максимальные показатели сравниваемого варианта, минимальные сроки (продолжительность) осуществления проекта, а также затраты на проведение данных видов работ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Ибраимов М.О.* Современные методики оценки финансового состояния предприятия // Научный электронный журнал Меридиан. 2021. № 1 (54).
2. *Казакова М.Ю.* Управление экономической эффективностью деятельности предприятия // Проблемы науки. 2018. № 2 (26).
3. *Мочалова Я.В.* Стратегия развития малого и среднего бизнеса в регионах РФ // Пространственное развитие территорий. Сборник научных трудов Международной научно-практической конференции. 2018.

4. Медникова Ю.К. Методы управления рисками // Вестник научных конференций. 2019. № 3-3 (43).

5. Рабаданова Ж.Б. Роль экономического анализа в оценке бизнеса // Научная матрица. 2020. № 1.

JIN LEI

Master's Degree

State and Municipal Administration Public Administration

Lomonosov Moscow State University,

Moscow, Russia

A MODERN APPROACH TO ASSESSING THE EFFECTIVENESS OF ECONOMIC ENTITIES

The article deals with issues related to the study of the modern approach to assessing the effectiveness of economic entities. The purpose of the study is to study the modern approach to assessing the effectiveness of economic entities, as well as to develop a mechanism for evaluating the effectiveness of economic entities. The main research methods were: the method of analysis, comparison, decision-making, logical reasoning and many others. The concept of "efficiency" of the activity of economic entities is considered. The main components for evaluating the effectiveness of this activity are identified. The author emphasizes that an integrated approach is of particular importance in assessing the effectiveness of activities, as well as decisions taken, which consists in applying the correct documentation (regulatory documents, individual regulations, acts, etc.), conducting a system of monitoring and control of current production and economic activities, determining a set of evaluation indicators and the effective activities of appraisers. The factors influencing the processes of choice and decision-making are studied. The methods and models used in assessing the effectiveness of economic entities are considered. A mechanism for evaluating the effectiveness of economic entities has been developed. The author notes that when carrying out production and economic activities by economic entities, there are certain risks that arise during its implementation. The methods and methods of risk management in the activities of economic entities have been studied in order to increase its effectiveness.

Purpose: *The purpose of the study is to study the modern approach to assessing the effectiveness of economic entities, as well as to develop a mechanism for evaluating the effectiveness of economic entities.*

Methods: *Basic research methods: the method of analysis, comparison, decision-making, logical reasoning and many others.*

Results: *A modern approach to assessing the effectiveness of economic entities has been studied. Models for assessing the effectiveness of economic entities are considered. A mechanism for evaluating the effectiveness of economic entities is proposed. Methods of forecasting risks in the activities of economic entities have been studied.*

Conclusions: *After analyzing various approaches and methods for assessing the effectiveness of economic entities, it was found out that only the totality of the measures used creates favorable conditions for the development of the activities of many economic units in the market, contributes to improving the effectiveness of their results in practice (by increasing profits, reducing costs, reducing the risk of losses from unforeseen situations), as well as strengthening financial stability and economic security in general.*

Key words: *modern approach, efficiency, solutions, economic entities, activities, risks.*

М.И. КРУПЯНКО

доктор политических наук, в.н.н.

Института востоковедения РАН, Россия, г. Москва

<https://orcid.org/0000-0001-5333-220X>

Л.Г. АРЕШИДЗЕ

доктор исторических наук, профессор

Института стран Азии и Африки МГУ

им. М.В. Ломоносова,

Россия, г. Москва

<http://orcid.org./000-0002-6413-9752>

НОВАЯ «ХОЛОДНАЯ ВОЙНА 2.0» И НОВАЯ РОЛЬ ЯПОНИИ В СТРАТЕГИЧЕСКОМ ПРОТИВОСТОЯНИИ США С РОССИЕЙ ЧАСТЬ I

В статье рассматриваются последствия для России окончания периода ее сотрудничества с Западом после начала проведения российской специальной военной операции на Украине в феврале 2022 года и роль Японии в острой фазе ее противоборства с агрессивным альянсом недружественных государств, возглавляемых США в начальный период «холодной войны 2.0». Анализируются цели и методы внешнеполитической деятельности Японии по нанесению нашей стране стратегического ущерба и ослабления ее позиций на мировой арене, как геополитического конкурента Запада. США и страны НАТО находятся на грани большой войны с Россией из-за проблем, которые сам Запад создал себе без какого-либо представления о том, чем это может закончиться или к чему это может привести. В этих условиях Япония значительно увеличила оборонный бюджет страны, и нарастила свой военный потенциал на российском направлении. В декабре 2021 г. кабинет министров Японии утвердил новый оборонный бюджет на 2022 финансовый год. Он достигал рекордного размера в 5,4 трлн иен (47 млрд. долл.), что было на 2,5 млрд долл. больше, чем в 2020 г. Ранее глава правительства допускал возможность нанесения превентивных ударов по базам противника в рамках пересмотра своей национальной оборонной стратегии. Вашингтон сегодня открыто подталкивает Японию к полному отказу от ограничений в военной сфере, которые были закреплены

в 9-ой Статье Конституции страны. В этом сказывается вся американская «дипломатия» в отношении своего союзника Японии на сегодня: США с помощью своих союзников иницируют очаги напряженности по всему миру, представляя себя гарантом и островом стабильности, выкачивают из них критически важные ресурсы и технологии, подставляя союзников в том числе и Японию тем самым под первый ответный удар.

Ключевые слова: «холодная война 2.0», новый военный бюджет 2022 года, недружественные России государства, первый ответный удар, 9-ая Статья Конституции.

«Цель Запада прежняя: уничтожить Россию. Это и есть первопричина того крайне агрессивного русофобского геополитического процесса, который он иницировал».

Из заявления заместителя председателя Совета безопасности РФ Дмитрий Медведев в интервью ТАСС 8 августа 2022 года (WWW.KP.RU: <https://www.kp.ru/online/news/4864859/> Медведев).

Можно считать, что период сотрудничества России с Западом закончился с началом проведения специальной военной операции России против Украины в феврале 2022 года [42]. Тридцатилетняя эпоха в целом конструктивного, хотя и не беспроблемного взаимодействия России с Западом после окончания «холодной войны 1.0» бесповоротно завершена. Перспектив восстановления прежних отношений России с Западом нет. От ее связей с США «мало что осталось» и шансов на их восстановление пока нет. Сегодня у российского руководства появилась возможность окончательно избавиться от политических иллюзий и выйти за рамки парадигмы «дружественного поглощения нашей страны», которой Запад придерживался после 1992 года. В настоящем Россия вступила в острую фазу противоборства с агрессивным альянсом недружественных государств, возглавляемых США. Цель противника – нанести нашей стране стратегическое поражение, устранив ее с мировой арены, как своего геополитического конкурента или, во всяком случае, сильно ее ослабить.

Оценивая новую расстановку в мире после начала военного наступления России на Украине, известный американский государственный деятель, дипломат и эксперт в области международных отношений Генри Киссинджер, официально стал говорить о наступлении «мира на грани войны Запада с Россией и о серьезном нарушении стратегического равновесия в мире» [10]. По его мнению, современный мир находится на грани опасной разбалансировки, поскольку Соединенные Штаты Америки без явной цели оказались вовлечены в вооруженный конфликт с Россией. «Мы

находимся на грани войны с Россией из-за проблем, которые мы же сами отчасти и создали, без какого-либо представления о том, чем это закончится или к чему это должно привести», – заявлял бывший госсекретарь США в беседе с редакцией «The Wall Street Journal» [7].

Модификация вектора внешней политики США не могла не сказаться на эволюции в поведении своих союзников на российском направлении, включая и Японию. Как известно, внешняя и внутренняя политика Японии сразу после капитуляции страны во Второй мировой войне оказалась зажатой в жесткие тиски американских стратегических интересов по построению нового послевоенного мирового порядка. При этом решающая роль в этом процессе во второй половине XX в. отводилась стратегическому противостоянию США и блока НАТО, с одной стороны, и второй ядерной сверхдержавы – Советского Союза и его союзников по Варшавскому договору, – с другой.

Первая «холодная война» между двумя блоками проходила в период с 1947 по 1991 гг. Власти США тогда были заинтересованы создать на Дальнем Востоке экономический, политический и военный плацдарм на территории Японии для стратегического сдерживания Советского Союза и Китая. При этом японские власти, оставаясь для США верным союзником, старались не забывать и про свои собственные национальные интересы и «не рубили на корню» связи с соседями по дальневосточному региону, включая СССР, Китай, а также Северную и Южную Корею.

Участие Японии в первой «холодной войне» второй половины XX в. характеризовалась нарастающими тенденциями дальнейшего ее сближения с Соединенными Штатами по сдерживанию СССР на Дальнем Востоке, а также по созданию помех на пути развития сотрудничества Советского Союза с Китаем.

В отличие от использования Японии в качестве союзника в антироссийской политике в первую «холодную войну» XX в. в начале новой «холодной войны 2.0» XXI в. Вашингтон поставил перед властями Японии уже более широкий круг задач по сдерживанию распространения влияния «Путинской России» в мире. На этот раз он требовал от нее применения более эффективного использования экономического и технического потенциала для увеличения вклада в гибридную войну против Кремля. Как говорил президент России В. Путин на встрече с лауреатами премий в области культуры и искусства 22 марта 2022 г., Запад вообще пытается «отменить Россию». «Сегодня пытаются отменить целую 1000-летнюю страну, наш народ. Говорю о прогрессирующей дискриминации всего, что связано с Россией и при полном попустительстве, а иногда и поощрении правящих элит» [31].

Очевидно, что США хотели бы видеть в политике Японии на российском направлении более глубокое проникновение в ее политические, экономические и социальные структуры под углом зрения противника США и

всего западного мира. Другими словами, Вашингтон заинтересован использовать потенциал Японии, как инструмент новой «гибридной войны» против России. Как известно, «гибридная война» стала основным содержанием новой «холодной войны 2.0» Запада по разрушению России. Она подразумевает воздействие на нашу страну преимущественно гуманитарными, а не военными методами: организация пропагандистской обработки населения через информационные атаки, возвращение определенного рода коллаборационистских элит внутри России (пятой колонны), проведение масштабных пакетных экономических санкций, организация культурной изоляции России.

Задачи, которые ставят США перед Японией на российском направлении в «новую холодную войну», на наш взгляд, можно свести, как минимум, к 3-м основным направлениям. Во-первых, США заинтересованы получить от правящих кругов Японии не только официальное признание права на коллективную самооборону, но и реальное воплощение его в жизнь с тем, чтобы оно, это право больше не соответствовало Статье 9 Конституции Японии 1947 года. (Девятая статья Конституции Японии – юридическая норма, закрепленная Конституцией Японии 1947 года, в которой провозглашается отказ государства от войны как способа разрешения международных споров и, как следствие, от создания собственных сухопутных войск, флота и военно-воздушных сил – М.К.). США давно хотели добиться этого, но произошло это событие 1 июля 2014 года, когда на внеочередном заседании правительства Японии было принято решение изменить действующую интерпретацию Конституции, допустив в ее текст в ограниченных пределах использование права на коллективную самооборону [33].

Признание такого права означало для Японии, что ее Силы самообороны впредь официально получили юридическое обоснование применять оружие и участвовать в боевых операциях не только в случае прямого на нападения на страну или при непосредственной силовой угрозе нападения, но могли оказывать союзникам эффективную помощь и оперативно взаимодействовать при выполнении с ними совместных боевых задач. Например, при вражеском нападении на американский боевой корабль, находящийся поблизости от Японских берегов, военные суда японских военно-морских Сил самообороны впредь получали право своими огневыми средствами. Признание Японией права на коллективную самооборону решало такую проблему, не меняя Основного закона страны.

Важным следствием новой трактовки Конституции можно считать проведение более четких правовых оснований под совместные с США действия в акваториях, примыкающих к японским территориальным водам. Иными словами, Япония теперь в большей степени развязывает себе руки при совместных с США боевых операциях на Тихом океане. Токио теперь получает дополнительные правовые привилегии в ситуациях, когда «силы

самообороны» приобретают юридические основания проводить досмотр, а при необходимости и задерживать суда с оружием, направляемые в адрес стран, ведущих боевые действия против США, дозаправлять в воздухе американские боевые самолеты, выполняющие операции в Восточной Азии и т.д. Более серьезной и юридически обоснованной, как предполагается, становится правовая база для японского вклада в разработку системы противоракетной обороны, включая ее технологические, финансовые и логистические аспекты.

Кроме того, в новой «холодной войне», опираясь на право участвовать в действиях по коллективной самообороне, Япония существенно расширяет свои возможности входить в состав миротворческих сил под эгидой ООН. До принятия такого права юридическую основу такого участия составляли лишь ограниченное число законодательных актов, включавших Закон о Силах самообороны (1954 г.), Закон о сотрудничестве с силами ООН по поддержанию мира (1992 г.), Закон о мерах по противодействию пиратству (2009 г.). Однако все эти законы, по сути, ограничивались лишь гуманитарными целями в зонах поддержания мира и практически не допускали подсоединения японских миротворцев к боевым действиям. Например, в соответствии с принципами участия Японии в миротворческих операциях, зафиксированными в Законе о сотрудничестве с силами ООН, японские военные могли лишь направляться только в те районы, где было достигнуто соглашение о прекращении огня, а использование ими оружия признавалось допустимым лишь «в минимальном объеме для защиты жизни персонала». Однако после введения в оборот права на коллективную самооборону – это положение сильно менялось. В новой редакции оно фактически означало, что в «холодной войне 2.0» Япония отказывается от исключительно оборонительного характера своей военной доктрины, и становится «нормальным государством», чего так давно от нее добивалась Америка и ее западные союзники [19].

Второй круг задач, которые США ставили перед японскими властями на российском направлении в новой «холодной войне 2.0», – это юридическое закрепление права наносить первыми в случае необходимости превентивные удары по «вражеским военным объектам». Данная тема в переговорах между японскими и американскими представителями обсуждалась достаточно давно и отражала обеспокоенность японской общественности непредсказуемостью развития ситуации на Дальнем Востоке в связи с политикой России, Китая и реализацией ракетно-ядерных программ Пхеньяна.

Обретение права наносить первыми удары по ракетным базам на территории иностранного государства, безусловно, становится беспрецедентным событием для современной Японии, которая всегда гордилась сугубо оборонительным характером своей военной доктрины. Как отмечалось в «Основных направлениях программы национальной обороны Японии

(2011), Токио весьма серьезно рассматривал вопрос о том, как реагировать на угрозу ракетных ударов противника по своей территории и какие меры в этой связи японские власти должны принимать [35]. Конкретные решения на этот счет были оперативно приняты еще в 2014 г., когда Россия провела референдум о присоединении Крыма к России, а также и после организации консультаций Токио с Вашингтоном по этому вопросу [1].

Третье направление усилий Америки по включению Японии в стратегическое противостояние с Россией – это задачи по дальнейшему смягчению запрета на экспорт японских вооружений за рубеж. В соответствии с тремя принципами запрета Японии на экспорт вооружений, утвержденными японским парламентом еще в 1967 г., страна, как известно, отказывалась от поставок оружия на экспорт по следующим направлениям: 1) в страны коммунистического блока; 2) в страны, в отношении которых действовал запрет ООН на импорт иностранных вооружений; 3) в страны, которые были уже вовлечены либо имели высокую вероятность быть вовлеченными в активные боевые действия.

Правда, несмотря на эти запреты, власти Японии уже с середины 1980-х годов, т.е. с момента провозглашения президентом США Р. Рейганом «Стратегической оборонной инициативы», активно участвовали в международных проектах по разработке и экспорту новых видов вооружений, причем не только оборонительного, но и наступательного свойства. Наиболее известные примеры участия Японии в таких проектах – это проект создания противоракетной обороны театра военных действий (ПРО ТВД) и проект разработки нового многоцелевого истребителя F-35 (2).

Главными партнерами Токио по проектам, в которых используются японские военные технологии, являются сами США и страны НАТО, как стратегические союзники Японии. Следует, однако, отметить, что в нарушение принципов запрета на экспорт вооружений Япония уже поставляла свое военное оборудование и в горячие точки. Так, например, истребители F-35 она экспортировала в Израиль с последующим их применением в боевых действиях на Ближнем Востоке.

После начала военной специальной операции России с Украиной с февраля 2022 г. США и страны НАТО, объявив России санкционную войну, невольно сами затормозили Японии ее участие в торгово-экономических контактах с враждебными России государствами, включая и экспорт им вооружений [30].

На протяжении двух с лишним десятилетий после окончания первой «холодной войны», т.е. с 90-ых годов XX века и вплоть до 2014 г., власти Японии, не жалея сил, пытались укрепить с Кремлем отношения добрососедства, повысить уровень доверия во всех областях, включая и взаимную торговлю. И делалось это только с одной целью – устранить остававшиеся барьеры на пути получения от России Южно-Курильских островов,

заключить мирный договор и укрепить тем самым свою и американскую безопасность на Дальнем Востоке. Однако события на Украине, начиная с 2014 г., когда Россия провела референдум в Крыму и присоединила к себе полуостров, серьезно осложнили для Токио решение многих задач по сохранению с Россией добрососедских отношений.

После государственного переворота на Украине в 2014 г. и особенно после начала российской специальной операции по освобождению Донбасса в феврале 2022 г. власти Японии оказались перед необходимостью кардинального переосмысления своей политики на российском направлении [39]. Прежде всего, для Японии из-за вступления в силу санкционного режима против В. Путина стало невозможно полноценно поддерживать торгово-экономические связи с Россией. Уже 25 февраля 2022 г. Токио был вынужден ввести 3 вида категорий антироссийских санкций: во-первых, она прекратила выдачу персональных виз и заморозила активы отдельным физическим лицам из ближайшего окружения Путина. Во-вторых, Япония заморозила активы трех ведущих российских банков, включая ВТБ, Промсвязьбанк и Банк России и, наконец, в-третьих, она ввела ограничения на экспорт продукции двойного назначения, включая полупроводники. Тогда же власти Японии запретили размещение облигаций российского суверенного долга в японских банках. Токио объявил, что готов присоединиться к отключению некоторых российских банков от системы СВИФТ.

Вместе с тем, хотелось бы отметить, что несмотря на давление со стороны США, японские антироссийские санкции оказались менее жесткими по сравнению с ограничительными мерами по отношению к России других стран-членов «семерки». Впрочем, эффект от введения японских антироссийских санкций показал, что торгово-экономические связи Токио с Москвой в будущем вряд ли вернуться на прежний уровень.

В угоду политическим задачам администрации Байдена Япония присоединилась к позиции Евросоюза, Канады и Великобритании, которые 27 февраля 2022 г. наложили персональные санкции на В. Путина и С. Лаврова. Это означало, что новый премьер-министр Японии Фумио Кисида, по сути, отказался следовать умиротворительной политике бывшего премьера Абэ на российском направлении. Более того, 25 февраля 2022 г. премьер Синдзо Абэ сам резко осудил военные действия президента РФ Путина на Украине, назвав их серьезнейшим вызовом международной безопасности, который не должен оставаться без ответа [39].

В политических кругах Японии обратили тогда внимание на то, что в российском руководстве имелись разногласия по поводу необходимости проведения военной спецоперации на Украине. Одним из примеров такого неприятия украинских событий была реакция советника российского постпредства при отделеции ООН в Женеве Бориса Бондарева, который уволился из российского МИДа в знак протеста и несогласия с действиями Путина

на Украине и «выступил против консолидированного мнения российского общества» [24]. Об увольнении Бориса Бондарева впервые сообщил международный юрист при ООН Гиллель Нойер, опубликовав в «Twitter» копию заявления дипломата. В своем открытом письме Бондарев писал, что «мне никогда не было так стыдно за мою страну, как 24 февраля этого года». Он заявил о росте «уровня лжи и непрофессионализма» в работе российского МИДа на протяжении всех 20 лет его дипломатической карьеры [3].

Когда в новых условиях небывалого по своему накалу роста международной напряженности в отношениях между Западом и Россией после начала войны Кремля с Украиной в феврале 2022 года японским властям стало очевидно, что они уже более не могут рассчитывать на благоприятное для себя разрешения территориального спора с Россией по Курилам и что Япония, не опасаясь за неблагоприятный исход дальнейших переговоров с Москвой по этой проблеме может спокойно присоединиться к США и странам Западной коалиции в их санкционном противостоянии политике Путина, Токио, в свою очередь демонстративно стал укреплять отношения с враждебной Москве Украиной. 23 марта 2022 г. президент Украины В. Зеленский лично поблагодарил японского премьера Кисида за то, что его страна оказалась первым в Азии государством, которое оказало политическое давление на Путина за организацию им специальной военной операции против Украины. Премьер Кисида, выступая в парламенте страны, официально сделал тогда заявление в поддержку Киева. Он подчеркнул, что Япония не будет дистанцироваться от других великих мировых держав в осуждении России за вооруженную агрессию и всецело присоединяется к активной санкционной политике против нее [40].

В своем выступлении в Парламенте 23 марта 2022 г. по поводу событий на Украине Кисида тогда прямо заявил, что Россия сама создала такую враждебную против себя ситуацию и было бы несправедливо перекладывать введение антироссийских санкций за это на Японию. Он вновь напомнил японским депутатам парламента, что после Второй мировой войны Россия незаконно оккупировала японские «северные территории».

Стоит обратить внимание на то, что Япония в период относительно стабильных отношений с Москвой, т.е. до начала военных событий на Украине в феврале 2022 г., избегала использовать такие антироссийские выражения, как «российская оккупация Курил», что в надежде, что бывший премьер-министр Синдзо Абэ в переговорах с Путиным все же сумеет добиться от него решения территориального спора в пользу Японии. Однако этого не произошло, хотя Абэ и встречался с Путиным за весь период своего премьерства с 20 октября 1996 по 8 июля 2022 – 27 раз.

На фоне разразившейся войны России с Украиной с весны 2022 г. США добились разворота в настроениях японской общественности в пользу увеличения расходов на оборону и дальнейшего сближения в военном

отношении с Вашингтоном. Синдзо Абэ официально был даже вынужден заявить, что Токио не исключает возможности в скором времени разместить на территории японских островов американское ядерное оружие [40].

Правда, уже новый премьер-министр Фумио Кисида категорически дистанцировался от этих слов Абэ, исключив такую возможность для Японии. А заместитель министра иностранных дел, отвечающий в его кабинете за административные вопросы Митодзи Ябунака, вообще поддерживал идею дипломатического решения украинского кризиса, не согласившись, чтобы Украина «сражалась с Россией до последнего солдата». Ябунака выступил за необходимость объективно анализировать события на Украине, которые предшествовали вводу российских войск на территорию Донбасса и начала реализации В. Путиным своей политики «денацификации и демилитаризации Украины». Ябунака также инициировал в политических кругах Японии дискуссию о том, а была ли у мирового сообщества хотя бы какая-то возможность предотвратить силовое решение вопроса о российской интервенции в пользу использования дипломатических методов.

Впрочем, активное втягивание Японии в антироссийскую кампанию по мере развертывания войны с Украиной имело для политического имиджа Токио и ряд положительных моментов. На этот аспект обратил внимание редактор журнала «Asian Affairs» и бывший корреспондент Би-би-си в Токио, а ныне научный сотрудник Китайского института SOAS при Лондонском университете Дункан Бартлет. В «Токио Review» в марте 2022 г. он писал, что японский премьер Фумио Кисида был приглашен к переговорам в Брюсселе в связи с российским вторжением на Украине в феврале 2022 г., хотя на это и не рассчитывал. В своем выступлении он сделал тогда акцент именно на международном аспекте этой проблемы для Японии [38]. Дело в том, что Кисида был единственным представителем Азиатской державы, который был приглашен принять в ней участие. Кисида стал гостем на встрече представителей стран НАТО, хотя Япония и не является членом этой организации.

Принять участие на экстренной встрече лидеров стран-семерки в Брюсселе в марте 2022 г. в связи с кризисом на Украине японского премьер-министра пригласила министр иностранных дел Германии Анналена Бербок. Германия тогда возглавляла встречу стран-семерки. Как писала газета «Йомиури симбун», премьер-министр Кисида был крайне удивлен, когда узнал, что его пригласили на встречу в Брюссель, но, безусловно, с радостью принял приглашение, несмотря на свой плотный рабочий график [28].

На встрече в Брюсселе Кисида встречался с президентом США Байденом, генеральным секретарем НАТО Йенсом Столтенбергом и канцлером Германии Олафом Шольцем. Встреча с последним была хотя и короткой, но весьма теплой. Шольц в беседе с Кисидой подчеркнул, что Япония

является для Германии весьма привилегированным партнером в Азии и занимает второе после Китая место стратегического партнера в регионе.

США и страны НАТО пригласили Кисида на встречу для того, чтобы лишний раз показать Путину единство и сплоченность Западной коалиции. По мере нарастания вооруженного конфликта в Европе в связи с военными действиями России на Украине премьер Кисида поддержал участников встречи в Брюсселе и осудил действия президента России Путина, выразив особое беспокойство возможностями использовать оружие массового поражения в ходе конфликта. Сразу по возвращении из Брюсселя на родину Кисида совершил совместную поездку с послом США в Японии Рама Эмануэля в Хиросима, где выступил с показательной речью, напомнив всем присутствующим о разрушительных последствиях использования ядерного оружия в ходе бомбардировок Хиросима и Нагасаки.

Тогда же лидеры Японии и США приняли решение не приглашать представителей России на церемонию памяти жертв атомной бомбардировки в Хиросиме в мае 2022 г. [29]. Посол РФ в Японии Михаил Галузин назвал такое решение постыдным. **«Здесь явно не хотят об этом вспоминать, понимая, похоже, именно так свой союзнический долг перед Вашингтоном. Причем последний, несмотря на участвовавшие вояжи в Хиросиму его эмиссаров, извиниться за содеянное как-то не спешит»**, – подчеркнул посол. Он отметил, что США, вероятно, не считают нужным извиняться за произошедшее, а местных антиядерщиков это и вовсе не волнует. В то же время распространяются небывлицы о намерении РФ пустить в ход ядерное оружие в отношении Украины. Галузин напомнил, что именно по инициативе Москвы был продлен российско-американский Договор о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений (СНВ-III). По его словам, Россия – пионер в области мирного использования атомной энергии, она обеспечила «подтверждение странами ядерной «пятерки» принципиально важного понимания того, что в ядерной войне не может быть победителей, и она никогда не должна быть развязана» (1). По словам посла РФ в Париже Алексея Мешкова, «в этом году представителям Москвы места на трибуне не нашлось, а вот послы тех стран, которые воевали на стороне гитлеровской Германии против Франции, присутствовали на мероприятии. Таким, кажется, выстраивается новый мировой порядок XXI века» [13].

Правящие круги Японии подключились к санкционной политике Запада против режима Путина, ослабляя его, и всячески помогая президенту Украины В. Зеленскому в его силовом противостоянии с Россией. 23 марта 2022 г. члены японского парламента стоя аплодировали В. Зеленскому, когда он выступал в Токио и призывал наложить эмбарго на торговлю с Россией для того, чтобы ограничить размеры и инвестиций Кремля в российский ВПК. Любые ограничения торговли Японии с Россией работают во благо

Украины, сдерживая ее наступательный потенциал в войне против нас, – подчеркивал он в своем выступлении [16].

Премьер Кисида, комментируя эти слова Зеленского, отмечал, что выступление последнего перед японскими парламентариями помогло укрепиться всем депутатам в понимании того факта, что все международное сообщество должно поддерживать Украину в борьбе с Россией. «Я хочу еще раз подчеркнуть, что Япония – вместе с Украиной», – сказал Кисида.

Правящие круги Японии, поддерживая курс США на сдерживание России в новой «холодной войне», сознательно шли на репутационные для себя издержки. МИД России был даже вынужден заявить, что российская сторона в нынешних антироссийских условиях не намерена продолжать переговоры с Японией по мирному договору. Указывалось, что Токио стал занимать откровенно недружественную по отношению России позицию и стремится нанести интересам Москвы максимальный ущерб. Сейчас Россия поставляет в Японию примерно 4% нефти, 8-10% сжиженного газа и 12-14% энергетических углей [38]. И по этим показателям она вплотную приблизилась к уровню зависимости ведущих западноевропейских стран от поставок российских энергоносителей. Вместе с тем, выступая в Брюсселе на саммите семерки в марте 2022 г., Кисида заверил других участников встречи, что Япония не только поддерживает политику санкций против России, но и намерена лишиться последнего статуса наиболее привилегированной нации в области торговли [34].

Правда, Россия, как член ВТО, автоматически по своему статусу считается привилегированным членом. И хотя Япония не причисляет себя к ведущим торговым партнерам России, вместе с тем, такой шаг с японской стороны явно означал недружественный выпад по отношению к президенту РФ В. Путину, что не могло пройти незамеченным в Кремле. Как реакцию на антироссийский выпад Японии, которая, кстати, покинула зал заседания на встрече АТЭС в мае 2022 г. в знак протеста против выступления российской делегации, делегация России, в свою очередь, также вышла из зала во время выступления на встрече АТЭС представителя США. Это сделал глава Минэкономразвития Максим Решетников, который покинул заседание во время выступления представительницы США [12]. Ранее США, Япония и представители еще пяти стран «семерки» демонстративно пропустили выступление российской делегации.

В новой «холодной войне 2.0» власти США заинтересованы использовать Японию, как фактор, препятствующий стратегическому сближению России с Китаем. За большой игрой России с Китаем внимательно следят как в Вашингтоне, так и в Токио. Дело в том, что «для вида» китайские власти демонстративно изображают доверие и добрососедство в китайско-российских отношениях. Однако в действительности в отношениях с Россией китайцы преследуют свои, далеко не пророссийские, а корыстные

геополитические цели. Так, китайский лидер Си Цзиньпин в своих официальных выступлениях предпочитает акцентировать внимание на том, что китайско-российские отношения крепки, как никогда. Но в тоже время министр иностранных дел КНР Ван И настаивает на том, что Китай должен объективно оценивать природу гражданской войны на Украине и не поддаваться интерпретации этих событий, распространяемой российской пропагандой. Позиция Китая по Украине основывается на его собственных оценках и поэтому Пекин не приемлет раздающиеся из-за рубежа обвинения в свой адрес, отвергая все попытки оказать на него давление – заявляет Ван И [18].

В мае 2022 г. стало известно, что Китай сделал очередной недружественный антироссийский шаг, закрыв свое воздушное пространство для самолетов «Boeing» и «Airbus» российских авиаперевозчиков, о чем, правда, мало писали российские СМИ [43]. О том, что Китай принял такое решение, ранее со ссылкой на власти страны, сообщала компания «Global Link Logistics». Другой логистический оператор «Оптималь», писал, что получил информацию об отмене всех рейсов авиакомпаний «Авиастар Ту» и «Fly», вылетающих из Китая в Россию. В неофициальных комментариях, которые он приводил, говорилось, что российские самолеты якобы «перестали соответствовать требованиям ИКАО/ИАТА», и поэтому «не имеют разрешений на пользование воздушными коридорами Китая».

В беседе с президентом США Джо Байденом 22 марта 2022 г. министр иностранных дел КНР Ван И разъяснял позицию Китая по украинскому вопросу. Он, по сути, неофициально осудил специальную военную операцию Путина против Украины. «Самое важное в позиции Китая по украинскому вопросу заключается в том, что Китай всегда был силой поддержания мира во всем мире и последовательно выступал за поддержание мира против войны [27]. Ван И особо подчеркивал, что «точка зрения Китая – объективна и справедлива, и что она соответствует пожеланиям большинства стран в мире. Время докажет, что Китай, занимая такую позицию, находится на правильной стороне истории», – говорил глава МИД КНР. Страны-семерки на официальных саммитах в Брюсселе в 2022 г. в свою очередь призывали власти КНР воздерживаться от поддержки российского президента Путина в его оккупационной политике на Украине, но вместо этого, используя влияние Пекина на российское руководство, советовать Путину вести дело к заключению с украинскими властями мира [14].

При этом страны Запада предупреждают Пекин, что в случае, если он все-таки будет поддерживать Кремль поставками оружия, то США и европейские государства вновь объявят Путину новый пакет санкций. И поскольку Япония поддерживает санкционную политику Запада против Путина, то это может негативно отразиться и на японо-китайских торгово-экономических

связях, которые теснейшим образом переплетены и работают во благо интересов обеих дальневосточных государств.

Важнейшими внешнеполитическими задачами Японии на российском направлении в период обострения отношений Запада с режимом Путина в новой «холодной войне 2.0» является ставка не только на дальнейшее сближение с США, но также и активное участие в деятельности новых блоков НАТО в АТР – это блоки AKUS и QUAD, выступление на международных форумах против стратегии России в новом миропорядке, а также – дальнейшая милитаризация Японии [37]. Японский премьер-министр Кисида глубоко уверен, что только более тесное сближение с Америкой против России, как в Европе, так и в Азии, способно заметно укрепить национальную безопасность страны, которая и в дальнейшем будет реализовывать программу, которая была утверждена еще в 2013 г. тогдашним премьер-министром Синдзо Абэ [26].

Сегодня США, их союзники по НАТО и Япония не намерены развязать большой войны с Россией, однако их лидеры к ней последовательно готовятся. Они активно начали процесс такой подготовки с началом военных действий России на Украине в 2014 г., рассчитывая при этом на поддержку не только своих старых, но и новых союзников в лице Швеции и Финляндии в Европе. Для этого у российских границ на Западе активно обустроиваются новые базы НАТО на территории Польши, Румынии, Болгарии, где размещаются новые виды вооружений, провоцируются новые локальные вооруженные конфликты, главным из которых с 2014 года стала разжигание гражданской войны на Украине.

В своем выступлении на виртуальной Мюнхенской конференции по безопасности в феврале 2021 г. американский президент Джо Байден недвусмысленно заявлял, что «США непременно восстановят непоколебимые преимущества Америки в мире с таким расчетом, чтобы мы могли отвечать на сегодняшние вызовы наших врагов с позиции силы. Это означает, что мы будем укреплять наши экономические основы, восстановим нашу роль в международных институтах, возвысим наши ценности у себя в стране и выступим в их защиту во всем мире, мы модернизируем наш военный потенциал при одновременном лидерстве в дипломатии, возродим американскую сеть альянсов и партнерства, благодаря которым мир стал более безопасным для всех людей» [9].

В ходе реализации своих стратегических планов на российском направлении власти США рассчитывают подключить силовой, экономический и политический потенциал своего верного стратегического союзника на Тихом океане Японии. К тому же сама Россия после начала войны на Украине объявила «поворот на Восток», т.е. изменила вектор своей внешнеполитической стратегии начала XXI века, переориентировав ее с Европы на страны Азии. Целями такого поворота для России стало занятие должного

экономического и политического места в Азиатско-Тихоокеанском регионе, улучшение сбалансированности внешней торговли, чрезмерно ориентированной на страны Европы, а с 2014 года – перед Россией вообще стала задача компенсировать выпадением торговых связей со странами Западной Европы расширением экономических связей со странами Дальнего Востока.

Объявленный Кремлем поворот на Восток предполагает отказ России от попыток интегрироваться в евроатлантическую политическую и экономическую систему, которые она предпринимала после окончания первой «холодной войны» в начале XXI в., отдавая предпочтение связям с азиатскими странами Дальнего Востока. Важно объективно оценить масштаб стоящих перед Россией вызовов. 10 из 15 крупнейших торговых партнеров России ввели ограничения, затрагивающие почти 40% нашего торгового оборота. Заморожена половина золотовалютных резервов 300 млрд. долл. Российские банки отключены от систем международных расчетов. Российская промышленность отрезана от технологий, необходимых для производства тысяч товаров, от бумаги до спутников. Закрыто небо для самолетов, закрываются границы для грузов и для самих россиян [17; 11].

Поэтому власти США, подключая своего дальневосточного союзника Японию к подготовке большой войны с Россией, намереваются облегчить себе решение таких задач, как разрушение российской системы государственного управления настолько, насколько это может способствовать ослаблению ее независимости и лишению ее суверенитета.

ПРИМЕЧАНИЕ:

(1) США еще раз унизили Путина, не пригласив его на празднование во Францию по случаю окончания Второй мировой войны. Журнал «Лайф» писал по этому поводу, что Россию не позвали на празднования во Франции по случаю окончания Второй мировой.

(2) Lockheed Martin F-35 Lightning II («Локхид-Мартин» F-35 «Молния II») – семейство малозаметных многофункциональных истребителей-бомбардировщиков пятого поколения, разработанное американской фирмой Локхид-Мартин (Lockheed Martin) в трех вариантах: F-35A наземный истребитель (STOL – conventional takeoff and landing, «обычный» взлет и посадка) для ВВС; F-35B истребитель с коротким взлетом и вертикальной посадкой (STOVL – Short take-off and vertical landing); F-35C палубный истребитель (CV) для ВМС. «U.S. Marine Corps Declares the F-35B Operational», Архивная копия от 31 июля 2015 на Wayback Machine, July 31, 2015.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Америка дала отмашку: бейте по Крыму. Чем ответит Россия? // https://tsargrad.tv/articles/amerika-dala-otmashku-bejte-po-krymu-chem-otvetit-rossija_608968.
2. Американская стратегия: старые противники возвращаются // <https://expert.ru/2021/02/5/amerikanskaya-strategiya-starie-protivniki-vozvrashchayutsya/>.
3. Асахи симбун. 24.05.2022.
4. Байден: Ядерной войны опасаться не надо // <https://www.fontanka.ru/2022/03/01/70477979/>.
5. Байден не будет «перезагружать» отношения с Россией // Washington Post. 21.01.2021.
6. Борис Джонсон объявил Россию угрозой Британии, а Китай – системным вызовом. Его критикуют за мягкость // BBC News Русская служба. 17 марта 2021 // <https://www.bbc.com/russian/features-56428361>.
7. *Басилая В.* Киссинджер заявил, что США находятся на грани войны с Россией. 13 августа 2022 // <https://vz.ru/news/2022/8/13/1172466.html>.
8. В Кремле назвали конфронтационной новую военную стратегию США. 02 июля 2015 // <https://ren.tv/news/v-rossii/35592-v-kremle-nazvali-konfrontatsionnoi-novuiu-voennuiu-strategiiu-ssha>.
9. Выступление президента США Джозефа Байдена на виртуальной Мюнхенской конференции по безопасности 2021 года // <https://www.state.gov/translations/russian>.
10. Глава департамента МИД РФ Дробинин А. Уроки истории и образ будущего: размышления о внешней политике России // «Международная жизнь». 03.08.2022 // https://www.rbc.ru/politics/13/08/2022/62f7bba49a794731b54cb971?from=from_main_1.
11. *Демина О.В.* Поворот на Восток: риски и возможности увеличения экспорта российских энергоресурсов в Китай. Архивная копия от 3 ноября 2019 на Wayback Machine // Регионалистика. 2016. № 6.
12. Делегация России покинула встречу министров АТЭС во время выступления США. 21 мая, 2022 // Асахи симбун. 21 мая 2022 // <https://www.rbc.ru/rbcfreeneews/6288d1cb9a79472bcfd46011>.
13. *Дитрих В.* Россию не позвали на празднования во Франции по случаю окончания Второй мировой // <https://life.ru/p/1492168>.
14. За Пекином установлена «слежка»: как прошел саммит Китая и ЕС // Газета.Ru // <https://www.gazeta.ru/politics/2022/04/01/14689717.shtml?ysclid=13r7oplmvb>.
15. Захарова сочла создание очагов напряженности задачами дипломатии США // <https://www.rbc.ru/rbcfreeneews/630a0ac79a794755d67c00c6>.

16. Зеленский призвал Японию ввести эмбарго на торговлю с Россией // <https://vz.ru/news/2022/3/23/1150014.html/>.

17. *Караганов С.А., Макаров И.А.* Поворот на Восток: итоги и задачи Архивная копия от 5 ноября 2021 на Wayback Machine // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. Т. 8. № Supplement.

18. Китай заявил, что намерен сохранять независимую позицию по Украине // <https://www.interfax.ru/world/830197>.

19. *Крупянка М.И.* и др. Новая роль Японии в мировом порядке XXI века – Прощай пацифизм, – Да здравствует «нормальное государство». М.: «Международные отношения», 2021.

20. МО РФ: военное противоборство в космосе и киберсфере грозит инцидентами с ядерным оружием // <https://tass.ru/armiya-i-opk/10343947>.

21. На какой стадии остановится конфронтация с США и НАТО // <https://topwar.ru/179930-na-kakoj-stadii-ostanovitsja-konfrontacija-s-ssha-i-nato.html>.

22. Новая оборонная стратегия США: про Россию жестче, чем про Китай // <https://www.golosameriki.com/a/dg-us-defense-strategy-experts/4218419.html>.

23. Нас то и дело провоцируют // https://www.gazeta.ru/politics/2017/02/16_a_10528877.shtml.

24. «Он против нас». Песков прокомментировал увольнение российского дипломата при ООН // https://tass.ru/politika/14710543?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com.

25. Патрушев назвал целью санкций смену руководства России // <https://www.rbc.ru/politics/03/07/2015/5596bac39a794754d1eef111>.

26. *Панов А.* Внешнеполитические приоритеты премьер-министра Японии Абэ Синдзо // <https://cyberleninka.ru/article/n/vneshnepolicheskie-prioritety-premier-ministra-yaponii-abe-sindzo>.

27. Пекин об Украине: Китай на правильной стороне истории // <https://smotrim.ru/article/2691804>.

28. Премьер Японии посетит Брюссель и примет участие в саммите G7 // <https://regnum.ru/news/polit/3541725.html>.

29. Представителей РФ не пригласят на церемонию памяти жертв атомной бомбардировки в Хиросиме // <https://life.ru/p/1496775?ysclid=l3ljqqdezn>.

30. Перечень недружественных России стран и территорий // ТАСС. 7 марта 2022 // <https://ru.wikipedia.org/wiki>.

31. Путин: Запад пытается отменить Россию // <https://daily.afisha.ru/news/61502-putin-zapad-pytaetsya-otmenit-rossiyu/>.

32. Речь президента Байдена о месте Америки в мире // U.S. Mission Russia // <https://ru.usembassy.gov/ru/remarks-by-president-biden-on-americas-place-in-the-world-ru/>

33. *Стрельцов Д.В.* Токио по-новому трактует право на коллективную самооборону // <https://mgimo.ru/about/news/experts/258320/?ysclid=1763uuu9nv411579624>.

34. Сообразить на троих // <https://www.rbc.ru/newspaper/2022/03/24/623b08e19a79474c0efd2ef8>.

35. *Тебин Н.* Готовится ли Япония к новой битве // https://nvo.ng.ru/realty/2018-07-06/1_1003_readiness.html.

36. *Чекунков А.* О России в эпицентре разлома мира // <https://www.rbc.ru/opinions/business/30/08/2022/630c8a059a79476653b31863>.

37. Японский премьер: Америка – наше все! Вместе с ней и блоком QUAD против России и Китая! // *Nikkei Asian Review* // <https://inosmi.ru/20211010/250671269.html?ysclid=l3mpaqw2x>.

38. *Bartlett Duncan.* Japan Resets Its Role in Europe in the Wake of Ukraine War // *Tokyo Review*. March 28, 2022.

39. *James Brown.* Putin's Invasion Is a Turning Point in Japan's Relations with Russia // *Tokyo Review*. February 28, 2022.

40. *Kuhn A.* Ties between Russia and Japan get even worse because of the war in Ukraine. The Kyiv Independent on Twitter: Reuters: Facebook to ...<https://twitter.com>.

41. National Security Strategy, February 2015. White House // *Washington Post*. 07.02.2021.

42. *Vindman A.* Stop Tiptoeing Around Russia. It Is time to End Washington's Decades of Deference to Moscow, August 8, 2022 // <https://interaffairs.ru/news/show/36410>.

43. <https://www.rbc.ru/politics/27/05/2022/6290b53a9a7947300bc0fc87?ysclid=l3r822q3h5>.

44. <https://www.kommersant.ru/doc/4674022>.

45. https://news.rambler.ru/world/44820753/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink.

46. https://news.rambler.ru/world/44820753/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink.

M.I. KRUPYANKO

Doctor of political sciences,

Institute of Oriental Studies RAS,

Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0001-5333-220X>

L.G. ARESHIDZE

*Doctor of historical sciences, professor,
Institute of Asian and African Studies MSU
named after M.V. Lomonosov, Moscow, Russia
<http://orcid.org/000-0002-6413-9752>*

NEW “COLD WAR 2.0” AND ROLE OF JAPAN IN THE STRATEGIC CONFRONTATION BETWEEN THE USA AND RUSSIA PART I

The article is analyzing the after-effects for Russia of the end period of its cooperation with the West that ended with the beginning of the start of the special military operations against Ukraine on February 2022 and the role of Japan in the sharp phase of confrontation between Russia and the aggressive alliance of the unfriendly countries under the leadership of the USA in the beginning phase of the “cold war 2.0”. Article is analyzing the purposes and methods of foreign policy of Japan of doing the strategic damages for Russia in pursuing its purposes of weakening the power of Russia in the world as a rival of the West. USA and NATO countries are on the edge of the big war with Russia. They themselves have created the problems that they don't know how to resolve and not knowing to what end it could lead. In these circumstances, Japan has increased her war budget and greatly increased her strategic potential toward Russia. On December 2021 the Japanese government has adopted a new war budget for 2022 financial year. It reached 5,4 trillion yen (47 billion of USA dollars) that was bigger than in the previous 2020 year. Prime-minister did not exclude the preventive attacks on military bases of Russia according to the new national defense strategy. Washington openly is pushing Japan to deny all the limitation of the defense field that were adopted by 9 Article of the Constitution of Japan. Such steps of the USA reveal the essence of American diplomacy toward her ally: USA initiate very well the conflicts through out the world depicting itself as a true guarantor of peace and the island of stability. At the same time USA are taking from allies all the important resources and vital technology and put them under the first reposed attack.

Key words: “cold war 2.0”, new military budget 2022, unfriendly to Russia countries, first response attack, 9 Article of Japanese Constitution.

Е.С. ВАСЕЦОВА

*Кандидат политических наук,
доцент кафедры политологии Востока
факультета глобальных процессов Московского государственного
университета им. М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва*

А.И. ДРОГОВОЗ

*аспирант факультета глобальных процессов
Московского государственного университета
им. М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва*

РОССИЙСКО-КАЗАХСТАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В НОВЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

На фоне обострения геополитического противостояния с коллективным Западом исключительно важным для России является грамотное выстраивание взаимодействия с соседними странами и формирование выверенной внешнеполитической линии, направленной на достижение национальных интересов. Ближнее зарубежье всегда являлось одним из приоритетных направлений российского внешнеполитического курса.

На основе методологического синтеза синергетической парадигмы и цивилизационного анализа, опираясь на текущие статистические показатели и международные рейтинги, в данной статье рассматривается актуальная тематика – анализ нынешнего состояния отношений между Российской Федерацией (РФ) и Республикой Казахстан (РК). Вместе с тем, придерживаясь междисциплинарного подхода, приводится авторская позиция перспектив двустороннего взаимодействия.

Исходя из текущей обстановки проанализированы экономическая, политическая и военная составляющие российско-казахстанского взаимодействия. Это способствует более глубокому осмыслению возможностей формирования Северо-Евразийского цивилизационного сообщества на базе России, Казахстана и других постсоветских акторов.

Оценивая российско-казахстанские отношения (РКО), авторы выявляют особенности развития данного феномена, его основные тенденции и дальнейшие перспективы развития.

Ключевые слова: *Россия, Казахстан, российско-казахстанские отношения, Центральная Азия.*

Актуальность статьи обусловлена глубокими сдвигами, происходящими в мировой системе международных отношений. Бифуркационное состояние, сопровождающиеся хаотизацией и усложнением взаимоотношений на мировой арене, может послужить как новыми возможностями, так и привести к губительным последствиям для акторов мировой политики. Оперативность принятия верных решений руководством страны с учетом накопленного опыта является залогом успеха поступательного развития Российской Федерации в условиях беспрецедентного давления со стороны коллективного Запада.

В новых политических условиях российско-казахстанское взаимодействие приобретает новые стимулы для развития. Значимость двусторонних контактов РФ и РК подтверждается участием стран в разнонаправленных структурах и организациях: ШОС, ЕАЭС, ОДКБ и прочие. Помимо традиционных сфер сотрудничества Россия и Казахстан имеют во многом совпадающий цивилизационный потенциал, заключающийся в культурно-историческом аспекте. Обе страны прошли через значительное количество трансформаций, которые повлияли на внутривнутриполитическое устройство, что сказалось на взаимодействии с другими участниками системы международных отношений. Российско-казахстанские отношения нуждаются в оценке с учетом реалий сегодняшнего дня.

Цель статьи заключается в выявлении особенностей развития российско-казахстанских отношений в новой политической реальности. Для достижения цели исследования необходимо решить следующие задачи: изучить внешнеполитические ресурсы РК; рассмотреть основные аспекты российско-казахстанского взаимодействия и привести варианты дальнейшего развития РКО.

В ходе проведенного исследования авторами были изучены двусторонние международно-правовые акты, речи и выступления глав государств, данные статистики [3]. Приняв за методологическую основу синтез синергетики и цивилизационного анализа авторами был проведен комплексный анализ источников и научной литературы.

Синергетический подход к международным отношениям (МО) основан на представлении, что этот феномен можно рассматривать как сложную систему взаимодействия множества различных государств, международных организаций, корпораций, которые взаимодействуют между собой и создают новые формы кооперации и конфликта.

Синергетическая парадигма в МО предлагает новые методы анализа глобальных процессов, которые учитывают взаимодействие и

взаимозависимость различных акторов. Она также позволяет более точно описать и предсказать события, происходящие на мировой арене.

Согласно синергетической парадигме научного знания при оценке сложной организованной системы в первую очередь стоит обратить внимание на особенности этой системы, а впоследствии перейти к рассмотрению внешнего окружения и его влияния [1; 4; 8; 16]. В политологическом контексте внешнеполитические ресурсы – это весь потенциал страны, используемый для реализации национальных интересов при проведении внешней политики.

Республика Казахстан располагается в центральной части евразийского континента и занимает важное геостратегическое положение, имея девятое место по площади территории (2 724 900 км²). Расположение Казахстана делает его своего рода мостом между Европой и Азией, а также связующим звеном между Россией и Китаем.

Казахстан имеет богатый демографический потенциал, с общей численностью населения 19 765 000 чел. Население Казахстана является довольно разнообразным по этническому составу. В состав крупнейших этнических групп входят казахи (около 70%), русские (около 20%), украинцы, узбеки, татары и другие. Средний возраст населения составляет около 30 лет, что делает Казахстан одной из самых молодых стран в мире. Средняя продолжительность жизни составляет порядка 72 лет [11]. Низкая средняя плотность (7 чел./км²) и крайне неравномерный характер распределения населения в совокупности с жесткими климатическими условиями в аридной зоне породили компактное проживание относительно небольших групп людей, формировавших определенный род, племя, жуз [12].

В РК есть несколько религиозных традиций, которые официально зарегистрированы и признаны государством. Ислам является доминирующей религией в Казахстане, и большинство казахстанцев являются мусульманами, причем относятся к суннитской ветви. Казахстан является одной из немногих стран в мире, где большая часть населения мусульмане, но в то же время государственная политика строго отделяет религию от государства и поддерживает светский характер общества.

РК имеет богатые запасы полезных ископаемых: нефти, природного газа, урана, хрома, свинца, цинка, марганца, меди, угля, железа, золота. Сегодня из 118 элементов таблицы Менделеева в Казахстане обнаружено порядка 99, в то время как добываются только 60 из них. Так, РК занимает лидирующие позиции по запасам урана, свинца, молибдена [5; 18; 19].

Следует отметить, что Казахстан по потенциалу полезных ископаемых вызывает интерес у многих государств мира, что является одним из основных факторов для политического взаимодействия и развития торговых отношений. Основную долю казахстанского экспорта составляет сырая нефть и нефтепродукты.

Вместе с тем, на фоне имеющихся преимуществ в горнодобывающей и нефтяной отраслях, существует серьезная проблема, связанная с водными ресурсами. После распада СССР был утрачен единый механизм регулирования и управления водными ресурсами в постсоветских республиках ЦА. Дело в том, что основные запасы водного потенциала находятся в верхнем течении трансграничных рек Киргизии и Таджикистана. Казахстан и Узбекистан в этом плане находятся в зависимости от соседей. Казахстан зачастую обращается к России с проектами о переброски воды из рек Западной Сибири, но данные инициативы достаточно затратные в экономическом плане и опасные в экологическом.

В транспортно-логистическом отношении Казахстан занимает выгодное положение, располагаясь на пересечении ключевых маршрутов и контролируя транзит энергоресурсов. В Стратегии развития Казахстана до 2050 г. данному аспекту уделяется особое внимание. Развитию экономики будет способствовать строительство крупных транспортно-логистических хабов, портов и современной развитой дорожной и трубопроводной сети. В этих условиях до 2050 г. руководство РК планирует в разы увеличить транзитные перевозки, что будет способствовать развитию торговли с различными странами, увеличению доходности от предоставляемых логистических услуг и экспорту собственного производства на международные рынки.

Вопросы логистики напрямую влияют на внешнеторговый оборот, который за январь-ноябрь 2022 г. достиг 122 192,0 млн. долл. США, что на 33,4% больше аналогичного периода 2021 г. Экспорт вырос на 42,4%, а импорт увеличился на 20,1%. В формате торгового взаимодействия со странами ЕАЭС лидирующие позиции занимает РФ, на долю которой приходится 92,3% общего внешнеторгового оборота данного интеграционного объединения. В тройку стран по экспорту входят Италия, Китай и Россия, в то время как основными импортерами Казахстана с большим отрывом выступают Россия и Китай [3].

Таким образом, РК обладает значительными природными ресурсами, занимает выгодное территориальное положение, показывает умеренный рост по внешнеторговому обороту, занимая ведущие позиции по многим показателям среди постсоветских республик. В то же время внутриконтинентальное положение и отсутствие выхода к морю подталкивают казахское руководство к более тесному взаимодействию с соседними странами.

Казахстан проводит многовекторную внешнюю политику. Руководство РК особенно активно взаимодействует с Европейским Союзом (ЕС), США, Турцией, Китаем и Россией. Эта политика позволяет Казахстану диверсифицировать свои экономические, политические и культурные связи, а также укреплять свою международную позицию. Одним из важных элементов многовекторной политики Казахстана выступает развитие сотрудничества

с Россией, которая является ключевым торговым партнером и поставщиком энергоносителей.

После распада СССР Москва и Астана устанавливали двухсторонние отношения как суверенные государства. В 1992 г. был подписан Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Республикой Казахстан и Российской Федерацией, который определил основные направления развития между двумя странами. Этот договор устанавливает механизмы для совместных действий по различным вопросам, таким как экономика, безопасность, культура и наука [6].

В договоре отражается характер российско-казахстанского взаимодействия. Стороны характеризуют существующее партнерство как дружественный союз, основанный на взаимоуважении и учете интересов друг друга. Государства отмечают важность территориальной целостности, суверенитета и выполнения, взятых на себя обязательств согласно международным правовым нормам [6].

Взаимодействие России и Казахстана подкрепляется совместным участием в следующих объединениях: ЕАЭС, Таможенный союз, ОДКБ, СНГ, ШОС и СВМДА.

Сегодня Россия и Казахстан продолжают укреплять свои отношения, в том числе в рамках Евразийского экономического союза, в который также входят Армения, Беларусь и Киргизия. ЕАЭС был создан в 2015 г. и представляет собой экономический блок, целью которого является укрепление экономических связей между государствами-участниками и создание единого рынка товаров, услуг и капитала.

Взаимосвязь интересов Казахстана и России действительно является исключительной и отличается от отношений между другими постсоветскими республиками. В условиях проведения специальной военной операции российско-казахстанское сотрудничество в торгово-экономической сфере получило новый импульс. Согласно международным статистическим данным, основными партнерами Казахстана являются Россия и Китай. Так товарооборот между РФ и РК за период с января по сентябрь 2022 г. достиг рекордных 18,4 млрд. дол., увеличившись на 5 % по отношению к соответствующему периоду прошлого года. Стоит особенно подчеркнуть, что в Казахстане работают порядка 17 тыс. компаний с российским участием. Россия занимает первое место по показателю уставного капитала действующих иностранных компаний на казахской территории [3].

Угроза санкций и взаимосвязь в экономической сфере между РФ и РК вынудили в течение 2022 г. порядка 1,5 тыс. российских компаний передислоцироваться на территорию Казахстана. Это объясняется тем фактом, что для ведения российского бизнеса созданы благоприятные условия на территории данной постсоветской республики (языковая среда, таможенный

союз, ЕАЭС, платежная система «Мир»). Релокация компаний России способствовала росту ВВП Казахстана.

Одним из ключевых секторов экономического сотрудничества является энергетика. Российская компания «Газпром» является крупнейшим поставщиком газа в Казахстан, и сотрудничает с казахстанскими партнерами в строительстве газопроводов на территории РК. Россия и Казахстан сотрудничают в производстве нефти и нефтепродуктов. Поставки энергоносителей Казахстана на «Запад» сильно зависят от «каспийского трубопроводного консорциума», через который в российские порты поставляется порядка 80% объема экспорта казахстанской нефти. В 2021 г. по системе КТК было прокачано более 87% объемов казахстанской нефти и 13% от российских грузоотправителей [15].

Также Россия и Казахстан сотрудничают в области газопереработки. В Казахстане находятся несколько газоперерабатывающих заводов, которые экспортируют свою продукцию в Россию. Кроме того, в РК разрабатываются крупные газовые месторождения «Кашаган», «Тенгиз» и «Карачаганак», добыча газа в которых осуществляется с участием российских компаний [10].

Экономическое сотрудничество России и Казахстана в области транспорта и логистики имеет стратегическое значение для обоих государств, поскольку оба являются ключевыми транзитными странами, связывающими Европу и Азию. В этом контексте стоит отметить развитие таких проектов как «Один пояс – один путь» (КНР), крупнейшие транспортные маршруты «Север – Юг» и «Запад – Восток». Так, в условиях переориентации РФ на «Восток» к 2030 г. планируется нарастить объемы перевозки грузов в два раза через МТК «Север – Юг» [7].

Одним из ключевых направлений взаимодействия является развитие транспортной инфраструктуры и улучшение транспортной доступности. Россия и Казахстан активно сотрудничают в рамках ЕАЭС, в частности, на развитие транспортной логистики и создание условий для упрощения таможенных процедур.

ЕАЭС является экономическим союзом, который стремится создать общий рынок и свободный обмен товарами, услугами, капиталом и трудом между участниками. Появление этого интеграционного объединения стало следствием объективной необходимости восстановления экономического взаимодействия, которое было утрачено в результате исчезновения единого экономического пространства СССР. Для России и Казахстана, являющихся наиболее влиятельными экономиками постсоветской зоны ЦА, создание подобной структуры способствовало увеличению числа рабочей силы, расширению внутреннего производства, открытию новых рынков сбыта [7].

Помимо единого рынка товаров, услуг и труда ЕАЭС происходит формирование единого рынка финансовых услуг согласно Решения Высшего

совета ЕАЭС от 01.10.2019 № 20. В рамках этого намечены направления оптимизации законодательства государств-членов в банковской сфере, страховом секторе и на рынке ценных бумаг, а также формирования общего биржевого пространства. Эти меры позволят нарастить объемы торговли товарами, увеличить доли расчетов, совершаемых в национальных валютах, снизить транспортные и иные издержки, что будет способствовать ускорению экономического роста и развитию участников интеграционного объединения [7].

Следующей ступенью в экономической интеграции РФ и РК выступает идея Большого евразийского партнерства (БЕП). Основной целью БЕП является создание обширного регионального рынка, который будет включать более 40% населения мира и 33% мирового ВВП, а в территориальном аспекте большинство стран Азии, Центральной и Восточной Европы, и такие международные организации как ЕАЭС, СНГ, ШОС, АСЕАН, БРИКС и пр.

Активное развитие торгово-экономических связей России и Казахстана сопровождается тесным военно-политическим взаимодействием. Астана стремится проводить сбалансированную политическую линию по отношению к Москве на высоком уровне доверия и союзничества. Защита национальных интересов осуществляется за счет многовекторной политики сотрудничества и поддержания добрососедских отношений среди всех соседей республики, а также невмешательства во внутренние дела других государств.

Военно-политический курс Казахстана проводится в соответствии с концепцией внешней политики РК на 2020-2030 гг., военной доктриной 2017 г., стратегией национальной безопасности Казахстана 2021-2025 гг. и других нормативных правовых документов [13].

На данный момент РФ и РК являются членами СНГ и ОДКБ, что дает им возможность сотрудничать в области безопасности и обороны. Политика казахстанских властей по ряду позиций совпадает с приоритетами России в ОДКБ. Астана заинтересована в повышении боеготовности подразделений системы коллективной безопасности через проведение совместных консультаций, мероприятий боевого слаживания на регулярных учениях. Обе стороны реализуют ряд практических механизмов по противодействию информационным угрозам дестабилизирующего характера.

В соответствии с многовекторным внешнеполитическим курсом руководство РК выступает с инициативой о всестороннем развитии взаимодействия ОДКБ с ШОС, СНГ, ООН и НАТО. Приоритетными направлениями партнерства Казахстан рассматривает координацию усилий в сферах борьбы с терроризмом и противодействие незаконному трафику наркотиков.

В целях обеспечения защиты страны от внешних и внутренних угроз, укрепления национальной безопасности и модернизации казахских

вооруженных сил Казахстан взаимодействует с Россией по широкому спектру вопросов, начиная с военно-технического сотрудничества и заканчивая подготовкой кадров в российских вузах. Так, в рамках выполнения плана стратегии коллективной безопасности ОДКБ на период до 2025 г. Астана реализует программы оснащения войск (коллективных сил) современным вооружением, военной и специальной техникой российского производства. Особое внимание уделяется расширению кооперации оборонных предприятий.

В самый кризисный «внутриполитический» момент, связанный с январскими событиями 2022 г., Казахстан обратился за помощью к России, что стало ключевым моментом в подавлении протестов и переходом инициативы в руки действующего казахстанского правительства. Это событие явилось первым фактом применения объединенного миротворческого контингента ОДКБ, основу которого составили военнослужащие ВС РФ. Данная миротворческая операция подверглась критике рядом прозападных и протурецких СМИ, охарактеризовавших ее (несмотря на факт просьбы о помощи с казахской стороны) как временно-частичное ограничение суверенитета Астаны [22].

Отметим, что урегулированию «внутриполитической ситуации» (при наличии широкого круга радикалов из стран Центральной Азии) способствовали высокоэффективные действия миротворцев ОДКБ и грамотно спланированная операция в полностью бескровном формате. Впрочем, несмотря на оказание помощи Казахстану в виде мощного стабилизирующего воздействия, Россия не получила «политических дивидендов».

Вместе с тем с казахской стороны прослеживается тенденция, направленная на ослабление связей с РФ в области военного сотрудничества. Одновременно интенсифицируются контакты с западными партнерами, особенно с НАТО (в рамках индивидуальной программы партнерства), сопровождающиеся внедрением в процесс подготовки и обучения американских стандартов. Проводятся совместные учения под названием «Степной орел». Таким образом Казахстан пытается диверсифицировать военно-политическое влияние Москвы.

В контексте сотрудничества с США в области обеспечения биологической безопасности позиция Казахстана вызывают крайнюю обеспокоенность Москвы. Речь идет о функционировании на территории республики научно-исследовательских микробиологических объектов при непосредственном финансировании Вашингтона. Так, в г. Алма-Ата ведет свою деятельность Центральная референс-лаборатория на базе казахстанского научного центра особо опасных инфекций им. М. Айкимбаева.

Россия и Казахстан связаны тесными историческими и культурными связями. Обмен культурными ценностями и гуманитарным опытом является одним из важных направлений сотрудничества между двумя государствами.

Один из ключевых элементов культурно-гуманитарного сотрудничества между Россией и Казахстаном – это участие в языковых и культурных программах. Обмен студентами и преподавателями в рамках международных программ позволяет молодым людям из двух стран познакомиться с историей, культурой и языком друг друга, что способствует развитию взаимопонимания и укреплению дружественных отношений между Россией и Казахстаном.

Одним из успешных проектов в области культурно-гуманитарного сотрудничества между Россией и Казахстаном являются «Дни России в Казахстане» и «Дни Казахстана в России». Эти мероприятия проводятся ежегодно и включают в себя культурные, спортивные и образовательные программы. Они стали традиционными и популярными среди жителей обеих стран.

Согласно Конституции РК и закону «О языках в Республике Казахстан», русский язык имеет официальный статус и может употребляться наравне с государственным. Особо подчеркивается недопустимость ограничения использования и функционирования языков. В настоящее время русский язык широко используется во многих сферах жизни Казахстана, таких как образование, наука, бизнес и СМИ [2].

Стоит подчеркнуть, что русское население в Казахстане – это социальная и этническая группа, составляющая значительную часть (порядка 20 %) населения страны. В XIX в. русские активно осваивали казахские земли (в основном северные районы), что привело к формированию русских поселений. С этих позиций следует воспринимать славянскую часть РК как коренное население многонациональной страны. Общественно-политическая обстановка в Казахстане в последние годы остается сложной, однако этнические русские продолжают играть важную роль в жизни государства [21].

В рамках цивилизационного анализа Н.Я. Данилевский писал о бесперспективности развития отношений России и Европы, а также о ментальной близости с азиатскими народами [4]. В свою очередь С. Хантингтон считал, что мир ждет политика конфликтов и столкновений на почве цивилизационных различий. Главную линию противостояния ученый провел между западными странами с одной стороны, и православием, исламом с другой, которые будут бороться за продвижение своих традиционных ценностей [20].

В настоящее время происходит переориентация внешнеполитического вектора РФ на «Восток». Столкнувшись с беспрецедентным давлением со стороны Запада, Россия будет продолжать внешнюю политику по сближению со странами Центральной Азии, при этом казахскому вектору уделяется особое внимание.

В прогностическом отношении современная политическая ситуация характеризуется крайней неопределенностью с точки зрения изменения

сложившейся модели международных отношений, и ЦА не является исключением. В этом ключе следует рассматривать наиболее вероятные сценарии развития РКО. Первый – инерционный вариант. В этом случае стоит ожидать инертность развития отношений, в экономическом отношении хозяйственный сектор будет развиваться, но крайне сдержано, имея стагнационную тенденцию. Достижения институтов сотрудничества постепенно сойдут на нет. Второй – более глубокая интеграция (оптимистический сценарий). На основе взаимных интересов, достигнутых компромиссов и при использовании имеющихся возможностей будет сформирована более глубокая интеграционно-кооперативная модель сотрудничества, в которую войдут и другие страны ЦА. Данный вариант должен сопровождаться выстраиванием общей стратегической концепции. Возможно создание наднациональных органов регулирования. Третий – сокращение взаимодействия (пессимистичный сценарий). В этом случае экономическое, политическое и военное развитие будет носить номинальный характер. Страны, сталкиваясь с традиционными и нетрадиционными вызовами, будут решать их самостоятельно. Кооперация между РФ и РК будет сокращаться, а в последствии столкновение национальных интересов может стать основой для конфликтной ситуации.

В целом отношения между Россией и Казахстаном продолжают развиваться на основе долговременных стратегических интересов. Современная нестабильная международная обстановка способствует укреплению сотрудничества между Москвой и Астаной. Наиболее оптимальным и взаимовыгодным сценарием выступает оптимистический вариант, однако ряд проблем политического плана и внешнее влияние, оказываемое на Казахстан со стороны мировых акторов, может способствовать инерционному варианту развития РКО.

Таким образом, феномен российско-казахстанских отношений в современных реалиях играет важную роль не только в двустороннем формате, но и на региональном и международном уровнях. Россия и Казахстан, занимая важное геостратегическое положение и имея богатейшие запасы природных и минеральных ресурсов, в дальнейшем могут выступить ядром интеграционных процессов в центрально-азиатском регионе. Российско-казахстанское экономическое сотрудничество продолжает развиваться и имеет большой потенциал для дальнейшего укрепления отношений между двумя странами.

В целом, основное препятствие в контексте сближения РК с РФ заключается в отсутствии общей стратегической линии развития взаимодействия между обеими странами. Потенциал евразийского интеграционного проекта не реализован полностью, ввиду наличия перспектив роста и расширения сотрудничества в рамках основных институтов: СНГ, ЕАЭС, ОДКБ, ШОС, СВМДА.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Асланов Л.А.* Вклад синергетики в исторические исследования на современном этапе // Историческая информатика. Информационные технологии и математические методы в исторических исследованиях и образовании. 2014. № 2-3.
2. *Васецова Е.С., Шапкин М.Н.* Республика Казахстан в центральноазиатской стратегии Российской Федерации // Мировая политика. 2017. № 1.
3. Внешнеторговый оборот Республики Казахстан за 2022 г. // Бюро национальной статистики агентства по стратегическому планированию и реформам республики Казахстан, 2022 // <https://new.stat.gov.kz/ru/industries/economy/foreign-market/publications/8835/>.
4. *Данилевский Н.* Россия и Европа // Византизм и славянство. Великий спор. М., 2001.
5. *Джантуреева Э.* Недропользование 2000-2012: запасы, добыча, инвестиции. Алматы: Казахстан, 2013.
6. Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Республикой Казахстан и Российской Федерацией (Москва, 25 мая 1992 г., с изменениями и дополнениями от 07.06.2012 г.) // Информационная система «ПАРАГРАФ» [Zakon.kz](http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1007137) // http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1007137.
7. Доклад РСМД: Развитие ЕАЭС 2022+: стратегические задачи и требования времени. 2023 // <https://russiancouncil.ru/activity/publications/razvitie-eaes-2022-strategicheskie-zadachi-i-trebovaniya-vremeni/>.
8. *Князева А.М., Курдюмов С.П.* Синергетика: нелинейность времени и ландшафты коэволюции. М.: УРСС, 2017.
9. Концепция приграничного сотрудничества в Российской Федерации (9 февраля 2001 г.) // Совет Безопасности Российской Федерации // <http://www.scrf.gov.ru/documents/29.html>.
10. КТК в начале 2023 года готов поднять прокачку нефти сверх текущей мощности // Ведомости. 2023 // <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2022/11/18/951090-ktk-gotov-podnyat>.
11. Новая реальность: Казахстан в поисках своего места в мировой экономике // РСМД.2022 // <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/povaya-realnost-kazakhstan-v-poiskakh-svoego-mesta-v-mirovoy-ekonomike/>.
12. *Оразбаева А.И.* Цивилизация кочевников евразийских степей. Алматы: Дайк-Пресс, 2005.
13. Официальный сайт Президента Республики Казахстан // <https://www.akorda.kz/>.
14. *Подоба З.С.* Энергетические инициативы в рамках ШОС и сотрудничество России, Китая и Казахстана в нефтяной сфере // Известия Уральского государственного экономического университета. 2009. Т. 24. № 2.

15. Правда ли, что 80% экспорта нефти из Казахстана в ЕС зависит от КТК. 2022 // <https://factcheck.kz/truth/pravda-li-chto-80-eksporta-nefti-iz-kazakhstan-v-es-zavisit-ot-ktk/>.

16. *Пригожин И., Стангерс И.* Порядок из хаоса. Новый диалог человека и природы. М., 1986.

17. *Стенограмма выступления К.-Ж. Токаева на ПМЭФ-2022* // Kremlin.ru. 2022 // <https://vk.cc/ch9A6K>.

18. *Ужкенов Б.С.* Казгеология обеспечит интересы государства. Алматы: Казахстан, 2013.

19. *Ужкенов Б.С., Карибаев Е.Г.* Минерально-сырьевой потенциал Республики Казахстан // Горный журнал. 2011. № 9.

20. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Т. Велимеева. М.: АСТ: Астрель, 2011.

21. *Шалгимбекова К.С.* Функционирование русского языка в языковом пространстве Казахстана (на примере Костанайской области) // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 1 (292).

22. *Шамаров П.В.* Миротворческая операция ОДКБ в Казахстане: первые итоги, уроки и выводы // Представительная власть. XXI век. 2022. № 5-6.

E.S. VASETSOVA

*PhD in Political Science, Associate Professor
of the Department of Political Science of the East Faculty
of Global Processes, Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia*

A.I. DROGOVOZ

*PhD Student, Faculty of Global Processes
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia*

RUSSIAN-KAZAKHSTAN RELATIONS IN THE NEW POLITICAL CONDITIONS: MAIN TRENDS AND DEVELOPMENT PROSPECTS

Against the backdrop of the aggravation of the geopolitical confrontation with the collective West, it is extremely important for Russia to competently build interaction with neighboring countries and form a well-balanced foreign policy line aimed at achieving national interests. The near abroad has always been one of the priority areas of the Russian foreign policy.

Based on the methodological synthesis of the synergetic paradigm and civilizational analysis, based on current statistical indicators and international rankings, this article discusses a topical issue - an analysis of the current state of relations between the Russian Federation (RF) and the Republic of Kazakhstan (RK). At the same time, adhering to an interdisciplinary approach, the author's position on the prospects for bilateral cooperation is given.

Based on the current situation, the economic, political and military components of Russian-Kazakh cooperation are analyzed. This contributes to a deeper understanding of the possibilities of forming the North Eurasian civilizational community on the basis of Russia, Kazakhstan and other post-Soviet actors.

Assessing Russian-Kazakh relations (RKO), the authors identify the features of the development of this phenomenon, its main trends and further development prospects.

Key words: *Russia, Kazakhstan, Russian-Kazakh relations, Central Asia.*

А.А. СЕРЕГИНА

кандидат политических наук, доцент
кафедры Мировой экономики Дипломатической академии
Министерства иностранных дел Российской Федерации,
Россия, г. Москва

НОВАЯ ЭТИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ЭНЕРГЕТИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

С каждым годом климатическая повестка оказывает все большее влияние на политическую, экономическую и энергетическую политику стран мира. С целью замедления глобального потепления и предотвращения экологических катастроф, государства объединяются в региональные и международные объединения по борьбе с изменениями климата, такие как Европейская экономическая комиссия ООН, Экономическая и социальная комиссия для Азии и Тихого океана, Форум стран-экспортёров газа, Группа двадцати, Диалог высокого уровня ООН по энергетике. В рамках данных объединений страны не только добиваются увеличения инвестиций в развитие технологий по добыче и использованию экологически чистых источников энергии, но и обмениваются технологиями, позволяющими наращивать долю «зеленой» энергии в энергетических балансах государств и бороться с выбросами парниковых газов в атмосферу. Несмотря на политические разногласия между Россией и рядом Западных стран, Россия не отказывается от своих климатических обязательств и намерена придерживаться Целям устойчивого развития ООН. При этом подчеркивается, что осуществление энергетического перехода не должно подрывать энергетическую безопасность стран, а должно учитывать природно-климатические и социально-экономические особенности государств. Международные организации по-разному регулируют вопросы в области энергетики и климата и используют различные инструменты: от сохранения и увеличения площади лесов, позволяющих бороться с загрязнениями в атмосфере, до повсеместного внедрения низкоуглеродных видов топлива.

Ключевые слова: международные энергетические организации, энергопереход, климатическая повестка, низкоуглеродное развитие, устойчивая повестка.

Сегодня глобальная повестка устойчивого развития рассматривается в качестве одного из центральных элементов функционирования мировой экономико-политической системы.

Новая технологическая, энергетическая и экологическая матрица международной жизни – не что иное, как коренная трансформация, обуславливающая необходимость установления глобального многостороннего диалога, который будет во многом определять эффективность реализации поставленных задач и принятых обязательств.

Объединенная позиция государств в части борьбы с климатическими изменениями нашла отражение в виде образования ряда международных и региональных организаций, начиная с программ региональных комиссий, входящих в систему ООН (Европейская экономическая комиссия ООН (далее – ЕЭК ООН), Экономическая и социальная комиссия для Азии и Тихого океана (далее – ЭСКАТО) и авторитетных глобальных и региональных организаций (Форум стран-экспортеров газа (далее – ФСЭГ), и заканчивая неформальными объединениями (Группа двадцати (далее – G20) и глобальными инициативами (Диалог высокого уровня ООН по энергетике).

В следствие расхождения интересов стран-участниц, некоторые энергетические организации перестают служить в качестве средств поддержания и развития климатического диалога на должном уровне. Для примера, в 2022 г. постоянные члены Арктического Совета (далее – АС) (Дания, Исландия, Канада, Норвегия, США, Финляндия, Швеция) приняли решение об отказе от участия в мероприятиях, проводимых под эгидой председательства России. Дополнительно было объявлено о приостановке проведения официальных встреч в рамках АС, а также его вспомогательных органов.

Подобная политика изоляции, в виду глобального характера устройства современной системы, считается регрессивной с точки зрения климатических изменений. Тем не менее, Россия во исполнение взятых на себя международно-правовых обязательств в рамках РКИК, Киотского протокола и Парижского соглашения по климату, продолжает использовать действующие каналы взаимодействия – участие в деятельности ряда энергетических организаций.

Европейская Экономическая Комиссия ООН. Деятельность ЕЭК ООН призвана содействовать развитию экономической активности, расширять и наращивать связи внутри региона, в том числе, в сфере энергетики, в части климатической повестки.

В рамках деятельности комиссии традиционно рассматриваются:

- вопросы адаптации к изменению климата в ведении Целевой группы по проблемам воды и климата (под председательством Нидерландов и Швейцарии);

- взаимодействие в части энергетики в ведении Комитета по устойчивой энергетике (далее – КУЭ);

- взаимосвязь между водой, продовольствием, энергией и экосистемами в ведении Целевой группы по системе (под председательством Финляндии).

Стоит отметить, что Комиссия продвигает инициативу широкого использования атомной энергетики в качестве одного из ключевых инструментов осуществления энергоперехода и снижения эмиссии ПГ

(далее – ПГ) [5]. В части предоставления финансирования, позиция ЕЭК ООН сводится к тому, что классификация «зеленых» проектов должна основываться исключительно на научно- и технологически обоснованном подходе (с февраля 2022 г. данный принцип стал использоваться и при составлении Зеленой таксономии ЕС [4]). Для примера, согласно данным Всемирной ядерной ассоциации, в 2020 г. атомные реакторы все чаще привлекались для восполнения переменной возобновляемой генерации, мощности которой не смогли в полной мере удовлетворить спрос.

Россия рассматривает ЕЭК ООН в качестве одной из площадок для продвижения национальных интересов при одновременном достижении повестки устойчивого развития. Несмотря на текущий геополитический кризис, 31-ая Сессия КУЭ (2022 г.) в г. Женева (Швейцария) состоялась при участии российской стороны.

Из более ранних проектов стоит отметить разработку концепции проекта «Оказание содействия странам-участницам СНГ в успешной реализации «Глобального плана действий» на период 2014-2016 гг. Кроме того, Россия выступила в качестве инициатора и спонсора прорывного проекта «Устойчивое производство водорода в регионе ЕЭК ООН и его роль в развитии водородной экосистемы и экспортного потенциала».

В соответствии с видением Комиссии, страна активно развивает и популяризирует технологии мирного атома. По данным на 2023 г. ПАО «Росатом» является мировым лидером по количеству атомных энергоблоков в портфеле зарубежных заказов с общей долей порядка 70% от глобального рынка сооружения атомных электростанций (далее – АЭС) [2].

Более того, Россия, равно как и ЕЭК ООН, поддерживает текущую оценку роли лесов в качестве поглотителей углерода, также признает их в качестве эффективного инструмента для смягчения последствий изменения климата и адаптации к ним.

В Климатической доктрине Российской Федерации (2009 г.) отмечается, что «Российская Федерация максимально концентрирует усилия на снижении антропогенных выбросов парниковых газов и увеличении их абсорбции поглотителями и накопителями. С этой целью предусматривается реализовать меры, обеспечивающие: <...> защиту и повышение качества поглотителей и накопителей парниковых газов, включая рациональное ведение лесного хозяйства, облесение и лесовозобновление на устойчивой основе» [8]. Справедливым будет приравнять данные меры к иным инструментам

сокращения эмиссии и производить оценку их результативности на основе чистого изменения баланса выбросов в CO₂-эквиваленте.

Иные страны-участницы ЕЭК ООН также занимаются активной разработкой механизмов снижения уровня ПГ посредством увеличения площади зеленых насаждений, прежде всего, лесов, стимулируют деятельность по борьбе с обезлесением и деградацией почвы.

Для примера, Казахстан, выделяет повышение абсорбирующих свойств лесов в качестве одного из четырех основных направлений реализации перехода к низкоуглеродному развитию согласно «Стратегическому плану МЭГПР РК на 2020-2024 гг. [6]».

Комплексные программы лесовоспроизводства были подготовлены в преддверии присоединения страны к Декларации по лесам и землепользованию лесов на полях Климатического саммита ООН (2021 г.) в г. Глазго (Великобритания). Более того, в целях борьбы с опустыниванием и деградацией зеленого покрова проработаны меры, направленные на увеличение площади саксаульных насаждений на осушенном дне Аральского моря – до 1,5 млн га к 2025 г [10].

Таким образом, для России считается целесообразным продолжение в конструктивном формате деятельности в рамках ЕЭК ООН.

Экономическая и социальная Комиссия для Азии и Тихого океана. ЭСКАТО – одна из пяти региональных комиссий ООН, наиболее широкая по своему географическому охвату (53 государства и 9 стран в качестве ассоциированных членов).

Несмотря на широкий круг рассматриваемых вопросов (борьба с нищетой, содействие межрегиональной торговле и инвестициям, передача технологий, борьба с распространением наркотиков) деятельность комиссии распространяется, прежде всего, на область энергетики, поскольку общий спрос на энергию в мире растет. Стоит отметить, на долю Азиатско-тихоокеанского региона (далее – АТР) приходится более половины мирового предложения энергии, тем не менее 1,98 млрд чел. по-прежнему остаются без доступа к чистому топливу для приготовления пищи.

В связи с этим, деятельность ЭСКАТО выстраивается в соответствии с Целями устойчивого развития ООН (далее – ЦУР), ЦУР 7 – обеспечением повсеместного доступа к недорогостоящим, надежным, устойчивым и современным источникам энергии, а также политикой укрепления энергетической безопасности посредством развития регионального сотрудничества.

В 2021 году ЭСКАТО был разработан учебный справочник «Ускорение реализации Парижского соглашения в Азиатско-Тихоокеанском регионе: пособие для лиц, принимающих решения» [11], предназначенный для политиков и лиц, принимающих решения, который позволяет определить возможности ускорения реализации Парижского соглашения, а также

предоставляет спектр инструментов, мер, политик, действий и тематических исследований, которые могут быть дополнительно имплементированы.

Под эгидой организации также реализуется кампания «Голоса молодежи за климатические действия» – общерегиональная платформа, позволяющая делиться собственными решениями в области климатических изменений.

Сообразно декларируемым задачам, ЭСКАТО представляется важной диалоговой площадкой для России, позволяющей нарастить присутствие в регионе. В настоящее время при поддержке страны уже реализуется Субрегиональная программа ЭСКАТО по природоохранному сотрудничеству в Северо-Восточной Азии и проект технического сотрудничества «Укрепление потенциала стран АТР в выполнении обязательств по Парижскому соглашению по климату» за счет добровольного взноса, также оказывается финансовая и организационно-техническая поддержка для проведения субрегиональных форумов по устойчивому развитию.

Дальнейшее участие России в деятельности ЭСКАТО целесообразно проводить с учетом следующих направлений:

- технологический обмен в целях снижения негативного влияния ископаемых видов топлива на окружающую среду. России следует продвигать новые виды топлива («голубой» и «зеленый» водород) и другие технологии, способствующие достижению ЦУР 7 (гидроэнергетика, атомная энергетика, газовая генерация).

- продвижение инвестиций в энергетическую инфраструктуру, в том числе в технологии атомной энергетике, а также настаивать на необходимости увеличения инвестиций в газовую отрасль, апеллируя тем, что газ является не только надежным источником энергии (по сравнению с ВИЭ), но и наиболее чистым ископаемым видом топлива.

Форум стран экспортеров газа. Форум стран-экспортеров газа (далее – ФСЭГ) – межправительственная организация, деятельность которой направлена на защиту суверенного права стран-членов на собственные запасы природного газа и возможность самостоятельного планирования и управления ими на благо граждан.

В состав организации входят преимущественно развивающиеся страны-партнеры России: Алжир, Боливия, Венесуэла, Египет, Иран, Катар, Ливия, Нигерия, Тринидад и Тобаго, Россия, Экваториальная Гвинея [16], что позволяет выстраивать не политизированный, практичный подход при налаживании сотрудничества в газовой сфере. Статус наблюдателей имеют также Азербайджан, Ангола, Ирак, Малайзия, Мозамбик, Норвегия, ОАЭ и Перу [16].

В рамках ФСЭГ исключительная роль принадлежит природному газу в качестве ключевого инструмента достижения ЦУР 7 «обеспечение всеобщего доступа к недорогим, надежным, устойчивым и современным источникам энергии для всех», а также ЦУР 17 «укрепление средств осуществления

и активизация работы в рамках Глобального партнерства в интересах устойчивого развития» [18].

Таким образом, для России – одного из ключевых поставщиков природного газа в мире, участие в организации следует выстраивать по следующим перспективным направлениям:

- продвижение статуса природного газа в качестве доступного, климатически нейтрального и надежного источника энергии. Площадка позволяет России оказывать влияние на формирование трендов развития газовой промышленности числе через продвижение понимания роли газа как «переходного» топлива в условиях энергетического перехода, путем отстаивания организацией позиции, что газ является не только надежным источником энергии, но и наиболее чистым ископаемым видом топлива.

- производство водорода на основе природного газа [19]. При переходе к новой модели экономики замкнутого цикла, предполагающей повторное использование и переработку материалов и побочных продуктов, водород станет одним из ключевых инструментов его имплементации. Потенциал сокращения эмиссии посредством использования низкоуглеродного водорода оценивается в 5-6 Гт CO₂ экв. в год, или порядка 20% требуемого сокращения для удержания роста глобальной температуры в пределах 1,5° С.

Стоит отметить, для национальной экономики производство и экспорт водорода является крайне эффективным благодаря связи с существующими отраслями промышленности, в том числе – добычей и переработкой углеводородов. Это добавляет гибкости цепочке производства энергии и конечного использования, создавая мост между ископаемыми, ядерными, возобновляемыми источниками энергии и электрической энергией. Кроме того, водород в качестве продукта также используется в промышленных химических, металлургических и других процессах.

Для России внедрение водородных технологий будет способствовать достижению конкретных технико-экономических эффектов: до 0,8 млрд долл. в год в виде налоговых поступлений от технологических компаний-поставщиков оборудования; до 3,5 млрд долл. в год в виде налоговых поступлений от технологических компаний-экспортеров оборудования; достижения уровня локализации водородных технологий на период после 2035 года более 60%.

Учитывая турбулентность мирового энергетического рынка на фоне геополитического и экономического кризиса, взаимодействие в рамках организации также способствует надежному функционированию газового рынка путем обсуждения разработки механизмов обеспечения его стабильного и безопасного функционирования.

Группа двадцати. С момента формирования, центральная повестка Группы двадцати (далее – G20) претерпела ряд изменений, что

объясняется применением более комплексного, многофакторного подхода. Первоначально, в фокусе находились вопросы поддержания мировой финансовой стабильности, однако со временем стало рассматриваться международное экономическое взаимодействие в целом – политика, продвигающая устойчивое развитие посредством введения соответствующих инструментов финансового регулирования, снижающих риски и предотвращающих потенциальные финансовые кризисы.

Впервые вопросы в области энергетики и климата были включены в обсуждение в 2009 г. в ходе саммита в Питтсбурге (США) [7]. Такое решение было принято в связи с недостаточным обеспечением капиталом и технологиями 4 млрд. человек по всему миру. По итогу, страны-члены G20 на добровольной основе договорились увеличить объем финансирования программ по обеспечению беднейших слоев населения экологически чистой и доступной энергией [7].

Представленный в 2017 г. План действий в области энергетики и климата для глобального роста обозначил круг основных направлений организации, в числе которых: энергоэффективность, развитие и повсеместное внедрение низкоуглеродных видов топлива и источников энергии, отказ в среднесрочной перспективе от неэффективных субсидий [15].

Тем не менее, уровень исполнения принятых в рамках G20 задач в сфере климата и энергетики характеризуется как довольно низкий: в период с 2008-2016 гг. было принято 53 обязательства с уровнем исполнения 65%, для сравнения: средний уровень исполнения обязательств, принятых в рамках Группы, составляет 71% [3]. В частности, хуже всего выполняются обязательства по отказу от неэффективных субсидий на ископаемое топливо (14-е место) и обязательства по борьбе с изменением климата (10-е место) [3].

О недостаточности исполнения принятых климатических обязательств свидетельствуют также результаты исследования, подготовленного по заказу экологического объединения RAN. Так, в 2021 г. глобальные банки, в том числе стран, входящих в G20, предоставили 742 млрд долл. угольным и нефтегазовым компаниям, лидерами стали: J.P. Morgan Chase, Citi, Wells Fargo и Bank of America.

Для примера, J.P. Morgan Chase в 2021 г. вложил в проекты по добыче ископаемого топлива 61,7 млрд долл. – на 10 млрд долл. больше, чем годом ранее. Названные банки входят в альянс Net-Zero Banking Alliance, который в апреле 2021 г. принял на себя обязательство привести инвестиционные портфели своих членов к углеродной нейтральности к 2050 году или раньше.

Стоит отметить, что в ходе последнего саммита в ноябре 2022 г., подчеркивалась необходимость приведения климатической/экологической

политик к взаимодополняющему характеру, согласовывающемуся с ВТО и способствующему достижению целей устойчивого развития» [14].

Несмотря на политизацию деятельности стран G20 (в 2022 г. на протяжении всех сессий Рабочей группы по энергетическим переходам развитые страны (ЕС, Великобритания, США, Канада, Германия, Италия, Франция, Япония, Австралия, Республика Корея) осуждали действия России в привязке к украинскому кризису), России важно продолжить участие, исходя, в том числе, из следующих положений:

- в связи с потенциальной угрозой юридического закрепления инициативы сокращения субсидий на ископаемые виды топлива, российской стороне необходимо настаивать на том, что подобные вопросы относятся исключительно к компетенции Всемирной торговой организации и нуждаются в четком определении и критериях квалификации;

- указывать на характер санкционных ограничений – не соответствующий нормам международного права, сформированным в рамках ООН.

Диалог высокого уровня ООН по энергетике. Диалог ООН на высоком уровне по вопросам энергетики был запущен в рамках резолюции 74/225 [9] 74-й сессии Генеральной ассамблеи ООН. Проект объединил представителей более 130 государств и международных организаций, в целях содействия реализации ЦУР 7 на период до 2030 г. и целям Парижского соглашения.

В рамках достижения поставленных задач была разработана дорожная карта [17], включающая следующие положения:

- обеспечение повсеместного доступа к чистой, безуглеродной энергии;
- наращивание темпов внедрения безуглеродных энергетических систем;
- обеспечение притока финансирования в большей степени в ВИЭ, нежели в проекты по добыче ископаемого топлива;

- Концепция энергетического перехода, базирующаяся на принципах справедливости, инклюзивности и равноправия;

- укрепление международного технологического сотрудничества.

На основе положений «дорожной карты» была разработана крайне амбициозная инициатива, в части количественных (совокупная установка государственным и частным секторами более 1400 ГВт мощностей по производству чистой энергии) [13] и финансовых (мобилизация на основе государственно-частного партнерства более 600 млрд долл.) [13] обязательств, «UN Energy Compact», к которой уже присоединилась российская компания En+Group, специализирующаяся на производстве низкоуглеродного алюминия и электроэнергии на основе ВИЭ [12].

Наиболее точно и емко позиция России в отношении актуальной энергетической повестки была изложена в ходе Диалога ООН на высоком уровне по вопросам энергетики, проходившего в 2021 г. По словам Заместителя Председателя Правительства России А.В. Новака необходимо обеспечить осуществление энергетического перехода без угрозы для энергетической

безопасности, иными словами, найти синергию между решением климатических задач и осуществлением мер по искоренению энергетической бедности – приоритетной для России задачи [1].

Трансформация энергетической системы должна базироваться на принципе общей, но дифференцированной ответственности, подразумевающей справедливую нагрузку на страны с учетом их уровня социально-экономического развития и природно-климатической специфики [8].

Несмотря на отказ в присоединении к инициативе Energy Compacts Россия активно участвовала в его работе, способствуя разработке конечных рекомендаций для международного сообщества.

Таким образом, актуальная деятельность международных энергетических организаций направлена на реализацию повестки устойчивого развития, однако, в зависимости от состава организации, инструменты климатической повестки сильно разнятся.

России, несмотря на политическое давление, необходимо отстаивать универсальную позицию, заключающуюся в поддержке наиболее результативных экологических проектов – с точки зрения снижения объема выбросов парниковых газов в атмосфере. В этом случае проекты, предусматривающие меры по сохранению лесов, к примеру, в России и в Латинской Америке, могут оказаться более эффективными, чем инвестиции в возобновляемую энергетику.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Александр Новак выступил на Диалоге высокого уровня по энергетике Генеральной Ассамблеи ООН // Правительство Российской Федерации // <http://government.ru/news/43341/>.

2. В «Росатоме» рассказали о планах по строительству АЭС в новых странах // Информационное агентство РИА НОВОСТИ // <https://ria.ru/20230206/aes-1850116362.html>.

3. *Киртон Дж.* Будущее «Группы двадцати» // Вестник международных организаций. 2019. Т. 14. № 2.

4. Мониторинг внешних климатических вызовов для России, I квартал 2022 г. // Фонд «Центр стратегических разработок» // <https://www.csr.ru/upload/iblock/417/fgw8a4utzr3qyi05ofsvk2mnlevk54ah.pdf>.

5. Обзор технологий атомной энергетики // Европейская экономическая комиссия Организации Объединенных Наций // https://unece.org/sites/default/files/2021-08/Nuclear%20power%20brief_RU_0.pdf.

6. О внесении изменения в приказ Министра экологии, геологии и природных ресурсов Республики Казахстан от 13 января 2020 года № 11 «Об утверждении Стратегического плана Министерства экологии, геологии и природных ресурсов Республики Казахстан на 2020-2024 годы»

// Министерство экологии, геологии и природных ресурсов Республики Казахстан // <https://www.gov.kz/memleket/entities/ecogeo/documents/details/113233?directionId=840&lang=ru>.

7. Питтсбургский саммит – заявление глав государств «Группы двадцати», 2009 // <http://www.kremlin.ru/supplement/300/print>.

8. Распоряжение Президента Российской Федерации от 17 декабря 2009 г. № 861-рп «О Климатической доктрине Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 21.12.2009 г. № 51 ст. 6305 // <http://www.kremlin.ru/acts/bank/30311>.

9. Резолюция Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций A/RES/74/225. Обеспечение доступа к недорогим, надежным, устойчивым и современным источникам энергии для всех // ООН, 2019.

10. Сериккали Брекешев провел встречу с Послом Великобритании Кэти Лич // Министерство экологии, геологии и природных ресурсов Республики Казахстан // <https://www.gov.kz/memleket/entities/ecogeo/press/news/details/335857?lang=ru>.

11. Accelerating Implementation of the Paris Agreement in Asia-Pacific // UNESCAP, 2021 // <https://www.unescap.org/kp/2021/accelerating-implementation-paris-agreement-asia-pacific#>.

12. En+ Group первой в России присоединилась к инициативе ООН “UN Energy Compact” // En+ Energy Group // <https://enplusgroup.com/ru/media/news/press/en-group-pervoy-v-rossii-prisoedinilas-k-initsiative-oon-un-energy-compact/>.

13. Energy Compact. 2021 // UN Energy // <https://www.un.org/en/energycompacts>.

14. G20 Bali Leaders’ Declaration, 2022 // <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/P6tnMptASfIDgtW4y8bikOZm9EsxeB3S.pdf>.

15. G20 Hamburg Climate and Energy Action Plan for Growth, 2009 // <https://www.mofa.go.jp/files/000272306.pdf>.

16. GECF Country List // Gas Exporting Countries Forum // <https://www.gecf.org/countries/country-list.aspx>.

17. High-level Dialogue on Energy New York, September 2021 Global Roadmap for Accelerated SDG7 Action in Support of the 2030 Agenda for Sustainable Development and the Paris Agreement on Climate Change // UN, 2021 // https://www.un.org/sites/un2.un.org/files/2021/11/hlde_outcome_-_sdg7_global_roadmap.pdf.

18. Long-Term Strategy of the Gas Exporting Countries Forum (Second Edition) // Gas Exporting Countries Forum, 2022 // https://www.gecf.org/_resources/files/events/gecf-outlines-its-new-long-term-strategy-building-on-natural-gas-importance-to-world-economy/gecf-long-term-strategy.pdf.

19. 6th GECF Summit: The Doha Declaration-Natural Gas: Shaping the Energy Future // Gas Exporting Countries Forum, 2022 // <https://www.gecf.org/>

events/6th-gecf-summit-the-doha-declaration--natural-gas-shaping-the-energy-future.

A.A. SEREGINA

*Candidate of Political Science, associate professor
of the Department of World Economy The Diplomatic Academy
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation,
Moscow, Russia*

NEW ETHICS FOR THE FUNCTIONING OF INTERNATIONAL ENERGY ORGANIZATIONS

Every year the climate agenda has an increasing impact on the political, economic and energy policies of the countries of the world. In order to slow down global warming and prevent environmental disasters, states unite in regional and international associations to combat climate change, such as the UN Economic Commission for Europe, the Economic and Social Commission for Asia and the Pacific, the Gas Exporting Countries Forum, the Group of Twenty, the UN High-level Dialogue on Energy. Within the framework of these associations, countries not only seek to increase investments in the development of technologies for the extraction and use of environmentally friendly energy sources, but also exchange technologies that allow increasing the share of "green" energy in the energy balances of states and combating greenhouse gas emissions into the atmosphere. Despite the political differences between Russia and a number of Western countries, Russia does not abandon its climate commitments and intends to adhere to the UN Sustainable Development Goals. At the same time, it is emphasized that the implementation of the energy transition should not undermine the energy security of countries, but should take into account the natural and climatic and socio-economic characteristics of states. International organizations regulate energy and climate issues in different ways and use various tools: from preserving and increasing the area of forests to combat pollution in the atmosphere, to the widespread introduction of low-carbon fuels.

Key words: *international energy organizations, energy transition, climate agenda, low-carbon development, agenda for sustainable development.*

М.В. БУХТОЯРОВА

*кандидат технических наук, доцент кафедры
математики и информатики Государственного университета
управления, Россия, г. Москва*

А.А. БУХТОЯРОВ

*бакалавр Института международных отношений и
управления Московского государственного института
международных отношений (университет)
МИД Российской Федерации,
Россия, г. Москва*

ВЛИЯНИЕ ИЗМЕНЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО СТАТУСА ВЕЛИКОБРИТАНИИ ПОСЛЕ ЕЕ ВЫХОДА ИЗ ЕВРОСОЮЗА НА ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ С РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИЕЙ

История Великобритании и ее международного статуса действительно яркая и во все времена опиралась на множество различных оснований. Таким образом, Brexit (выход из Евросоюза) – это еще один шаг в развитии стратегии международных политических и экономических отношений Великобритании. До Брексита Великобритания получала выгоду от того, что находилась в руководящих институтах ЕС, НАТО и ООН, и могла маневрировать ими для достижения результатов, диктуемых британскими национальными интересами. Однако теперь эта ситуация меняется, и позиция Великобритании в последних двух организациях (НАТО и ООН) также может измениться, поэтому целесообразно проанализировать возможные результаты и причины этих последствий. Также мы рассмотрим, как сильно все эти изменения повлияют на двухсторонние отношения Англии и России, имеет ли место быть сближение этих двух держав и каковы перспективы дальнейшего сотрудничества в экономике и политике.

Ключевые слова: *международные отношения, экономические отношения, Brexit, Россия, Великобритания, ЕС, ООН.*

От Ultima Thule и острова на окраине цивилизации до величайшей империи, когда-либо известной человечеству. История Великобритании и ее международного статуса действительно яркая и во все времена опиралась на множество различных оснований. Таким образом, Brexit (выход из Евросоюза) – это еще один шаг в развитии стратегии международных политических и экономических отношений Великобритании. Хотя, по сравнению со всеми предыдущими решениями и действиями правительства, Brexit действительно является исключением, так как это было импульсивное и провокационное решение, принятое по воле до некоторой степени манипулируемой аудиторией. Последствия и общая стратегия Brexit не ясны, и даже те, кто отвечает за принятие решений, все еще пытаются сформулировать свои цели и задачи на будущее. В то время как ранее Великобритания стремилась построить империю или установить какой-то контроль над континентальной Европой, Брекзит в некоторой степени идет либо в противоположном направлении, либо в направлении, которое ранее никогда не исследовалось. Таким образом, важно оценить влияние Brexit на международный статус Великобритании, поскольку последние десятилетия она была тесно связана с Европейским Союзом в большинстве сфер международной как экономической, так и политической деятельности. Более того, некоего рода разрыв отношений с одним из своих главных стратегических партнеров, открывает Великобритании множество новых направлений развития международной стратегии в экономике и политике. Будучи свободными от желаний экономики и политики Евросоюза, туманный Альбион сможет сблизиться с другими международными гигантами в той или иной форме. Исторически, конечно, Великобритания потянется к США, но также выход из ЕС должен будет в интересном спектре изменить двухсторонние отношения Британии и России. В настоящее время международный статус Великобритании определяется главным образом ее взаимодействием с этими тремя международными организациями: Европейским Союзом, НАТО и Организацией Объединенных Наций, в частности, Советом Безопасности Организации Объединенных Наций. Очевидно, что существуют и другие источники британского влияния, такие как Содружество, Совет Европы и множество других многосторонних и двусторонних соглашений. Однако три основных, упомянутых выше, имеют решающее значение для британской идентичности и играют важную роль в ее международном статусе. До Брекзита Великобритания получала выгоду от того, что находилась в руководящих институтах во всех трех этих организациях, и могла маневрировать ими для достижения результатов, диктованных британскими национальными интересами. Однако теперь эта ситуация меняется, и позиция Великобритании в последних двух организациях (НАТО и ООН) также может измениться, поэтому целесообразно проанализировать возможные результаты и причины этих последствий.

В этой статье мы начнем с отношений Великобритании с ЕС и обсудим их важность и возможное будущее развитие. Мы также будем следить за ролью Великобритании в НАТО после Брекзита и в конечном итоге свяжем все вышеперечисленное с проблемами, которые Великобритания должна будет как постоянный член СБ ООН решить, чтобы сохранить этот пост. Также мы рассмотрим, как сильно все эти изменения повлияют на двухсторонние отношения Англии и России, имеет ли место быть сближение этих двух держав и каковы перспективы дальнейшего сотрудничества в экономике и политике.

Рассмотрим Великобританию и ее место в Европе. В начале своей истории Британия (в то время Англия) стремилась добиться признания и закрепиться в континентальной Европе, позже, обнаружив свой военно-морской потенциал и став «империей, над которой никогда не заходит солнце», британский фокус сместился с континентальной Европы и приобрел глобальные масштабы. Однако после Второй мировой войны и потери своей колониальной империи Великобритания снова обратила внимание на Европу и пыталась приобрести некоторое влияние в европейских делах, до тех пор, пока не была принята в Европейский союз в 1973 году. Однако Brexit сигнализирует о новом повороте в развитии Британской стратегии в отношении Европы и, в данном случае, Европейского Союза. Это отстранение от дел континентальной Европы было поистине неожиданным и стало шоком для Великобритании и ЕС. Много было написано об экономических, политических последствиях Brexit и их влиянии на вопросы безопасности. Однако в этой статье мы рассмотрим влияние Брекзита на международный статус Великобритании в отношении Европы. Было множество предположений о возможных условиях Brexit для Великобритании, и одним из самых пугающих была ситуация «без сделки». В такой ситуации Великобритания действительно потеряла бы не только свою власть, но и понесла бы серьезный экономический ущерб. К счастью, для Великобритании этого не произошло, и сделка некоего уровня была достигнута, хотя и путем большого компромисса со стороны Великобритании.

Тем не менее, прежде чем говорить об итогах Brexit, нам нужно понять, какую власть Великобритания имела в Европейском Союзе и что было утрачено. С момента своего вступления в союз Англия играла в нем важную роль, так как была одним из самых крупных и могущественных государств Союза. Великобритания пользовалась своим правом вето в органах принятия решений Европейского Союза, с помощью которого она могла запрещать те программы, которые противоречили ее национальным интересам или интересам НАТО, которое Великобритания считает, основным гарантом безопасности в Европе. С другой же стороны Великобритания могла продвигать удобные ей проекты и мешать другим странам их бойкотировать

Таким образом, будучи членом ЕС, Великобритания смогла распространить свою волю на всю континентальную Европу и в определенной степени решить будущее региона. Этот важный и ценный актив утерян, так как теперь Великобритания не только не сможет влиять на политику, проводимую ЕС, но и не сможет узнавать о ней раньше других и будет пользоваться таким же статусом третьей стороной, как и любое другое государство, не входящее в ЕС [4]. Это, безусловно, помешает британцам быстро адаптироваться к европейским изменениям и давать советы другим третьим лицам по этому вопросу. Таким образом, это прямая потеря власти и, следовательно, урон ее международному статусу как в экономике, так и в политике.

Однако ее способность влиять на политику ЕС была ценным активом для международного статуса Великобритании. Экономические и даже более финансовые последствия Brexit действительно играют важную роль в определении международного статуса. Лондон долгое время рассматривался как финансовая столица Европы и, более того, рассматривался как одна из главных столиц Европы в целом многими ТНК (транс-национальные корпорации), которые предпочитали открывать в нем свои штаб-квартиры (или европейские штаб-квартиры), тем самым давая Лондону некоего рода косвенное влияние. Тем не менее после Brexit и имплементации новых сложных трансграничных отношений многие компании предпочли или обдумывают идею переноса своих штаб-квартир из Лондона в другие европейские столицы, такие как Дублин или Париж [8]. Более того, финансовая система Великобритании осталась в невыгодном положении, поскольку теперь банкам необходимо восстановиться в ЕС, тогда как раньше они функционировали в рамках союза, просто находясь на британской земле [8]. Ущерб финансовой системе Великобритании также может рассматриваться как прямая угроза ее международному статусу, и даже если это не повлияет напрямую на вопросы безопасности, репутация Великобритании тем не менее будет подорвана.

Наконец, что касается возможностей, которые Великобритания потеряет с выходом из ЕС, это крайне важный доступ к использованию ресурсов ЕС. Великобритания – великая держава, обладающая значительными военными и экономическими ресурсами, однако значительно отстающая в этом отношении от других крупных держав (США, России, Китая). Ранее Британия смогла в определенной степени мобилизовать ресурсы ЕС для достижения своих целей и, таким образом, сохранить свой статус великой державы [2]. Однако теперь, без доступа к экономическим, политическим и военным резервам ЕС, Британия останется одна в попытках достижения своих целей, хотя всегда есть возможность заключения любого двустороннего договора, как, например, с Францией (договор Ланкастер-Хаус), эффективность таких договоренностей намного меньше, чем скоординированные силы всего ЕС.

Подводя итог изменениям статуса Великобритании в Европе и последствиям, которые они имели для международного статуса Великобритании, мы можем заключить, что, без сомнения, ей был нанесен значительный ущерб во многих сферах. Однако этого анализа недостаточно, и мы не можем судить обо всем статусе только на основании его положения в Европе. Тем не менее, из-за снижения уровня кооперации между ЕвроСоюзом, открываются возможности сотрудничества с другими странами, главным образом в сфере безопасности.

Рассмотрим положение Великобритании в НАТО. НАТО – еще одна международная организация, играющая важную роль в определении идентичности и роли Великобритании на международной арене. Чтобы быть более точным, следует упомянуть, что НАТО со времен падения Британской Империи является самым важным игроком, влияющим на международный статус Великобритании. Поскольку этот оборонительный пакт, который в настоящее время объединяет 30 стран, действительно обладает авторитетом и возможностями, которые заставляют с ним считаться. Великобритания пользуется привилегиями, имеет хорошую репутацию и обладает определенной властью внутри альянса, в основном благодаря следующим своим качествам и заслугам: она была одной из 12 членов-основателей альянса, она является одной из нескольких держав в альянсе, обладающих ядерным оружием, и она вносит в военный бюджет альянса вторую по величине сумму денег среди членов НАТО после США.

Так как же выход из Евросоюза повлиял на положение Великобритании в НАТО и, следовательно, на ее международный статус? Прежде всего, мы должны сосредоточиться на понятии, которое используют многие ученые, и это понятие трансатлантического моста [1]. В соответствии с этой идеей Великобритания рассматривается как мост между США и остальной Европой или, в некоторых случаях, ЕС несмотря на то, что многие другие европейские страны также являются членами НАТО, к Великобритании в этом плане относились несколько иначе. Одна из основных ролей Великобритании заключалась в том, чтобы связать США (а в некоторых случаях и весь остальной мир) с ЕС, так происходило от части, потому что Великобритания позиционировала себя в некоем отдалении от ЕС и, таким образом, была противником продвижения автономии ЕС, особенно в сфере безопасности. Таким образом, Великобритания в определенной степени пользовалась привилегированным положением посредника и могла влиять на решения и действия как НАТО, так и ЕС в соответствии со своими интересами. С Brexit и потерей возможности контролировать европейскую политику Великобритания, безусловно, лишается этой привилегии, поэтому США ищут еще один «мост», возможно, в виде Франции [5].

Следующий пункт напрямую связан с предыдущим и касается интересов безопасности ЕС и НАТО. Как было сказано ранее, Великобритания

действовала как своего рода мост, и в основном эта роль использовалась для сотрудничества в операциях по обеспечению безопасности. Великобритания всегда была сторонником того, что НАТО должно быть главным гарантом безопасности в Европе, и поэтому долгое время не допускала никаких изменений в этой сфере. Однако, поскольку она больше не входит в ЕС, и не может повлиять на решения, принимаемые ЕС в отношении соглашений и договоренностей о безопасности, Великобритания теряет ценность, более того, в ЕС нет сильных сторонников этой идеи, и это может привести к росту автономии ЕС в сфере безопасности, что, безусловно, является негативным последствием для всего НАТО, не смотря на то, что большинство стран ЕС являются частью НАТО. Тем не менее не только влияние Великобритании в ЕС уменьшится, так как значение НАТО будет уменьшаться, Великобритания потеряла еще один важный актив, который она использовала ранее, который также связан с концепцией моста. До Брексита Великобритания могла координировать миссии безопасности как ЕС, так и НАТО [1], эта позиция «связующей булавки» была действительно важным преимуществом, которое одновременно повышало международный статус Великобритании, давало ей пространство для маневра и позволяло влиять на отношения между двумя организациями.

После выхода Великобритании из Евросоюза, Великобритания потеряла не только значительную долю своего влияния в Европе, но и сильно сократила свои межорганизационные возможности, так как начинала терять влияние в НАТО и становиться рядовым членом, без каких-либо специальных преимуществ. Эта потеря, безусловно, негативно сказывается на международном статусе Великобритании и на перспективах развития страны, в особенности экономических. Но все же, НАТО по-прежнему остается важной и значимой международной организацией, и Великобритания пользуется всеми преимуществами членства в ней. Проблема только в том, что эта организация гораздо менее гибкая и не предоставляет Британии такого же количества возможностей и ресурсов, как ЕС. В этом разрезе Британия может заинтересоваться развитием двухсторонних отношений с Россией, однако скорее всего приоритет будет укрепления своего положение внутри НАТО и возможно новые разработки в сфере безопасности между Британией и ЕС

Обсудим положение Великобритании в Совете Безопасности ООН. Мы уже обсуждали, возможно, две основные международные организации, которые формировали или формируют идентичность и политику Великобритании: ЕС и НАТО. Однако, в конце концов, Организация Объединенных Наций является основным международным органом, и положение Великобритании в ней, возможно, гораздо важнее для ее международного статуса, чем любой другой фактор, касающийся международных организаций. С момента создания ООН Великобритания занимала привилегированное положение в качестве постоянного члена Совета

Безопасности и, таким образом, обладала правом вето, что, безусловно, поддерживает ее статус великой державы на международном уровне. Однако позиция Великобритании в Совете безопасности чем-то похожа на французскую и сильно отличается от позиции России, США или Китая. Последние сегодня явно ближе к понятию великой державы, чем Франция и Великобритания, и могут поддержать свои претензии на постоянное место в Совете Безопасности своими ресурсами и материальными возможностями. Однако это не относится к старым европейским державам, есть аргумент, что они так долго не использовали свое право вето, чтобы не подрывать свои позиции, не показывать слабинку [2]. В последнее время Франция и Великобритания играли роль кураторов в СБ ООН, а Великобритания сосредоточилась исключительно на гуманитарных делах и делах, связанных с правами человека, однако, поскольку Великобритания утратит возможность мобилизовывать ресурсы ЕС для участия в операциях и резолюциях предложенных ею самой для защиты прав человека, видимо Великобритания будет вынуждена переключить внимание на другие направления международной политики и деятельности. Это приведет к уменьшению политического капитала Великобритании и возможному ущербу для ее международного статуса. Однако есть и другие средства, с помощью которых Великобритания может оставаться влиятельной и иметь некоторый политический капитал. Великобритания хорошо известна своим опытом и профессионализмом в ООН и особенно в юридических областях, поэтому делегация Великобритании высоко ценится, им доверяют ведение и управление проблемными областями. Кроме того, качество и личные навыки, а также связи некоторых дипломатов могут сыграть роль в накоплении политического капитала Великобритании [2]. Таким образом, чтобы сохранить свое положение, Соединенному Королевству необходимо больше инвестировать в свое представительство в ООН и дипломатов, чтобы их опыт помог в какой-то степени сохранить международный статус Великобритании. Тем не менее, Brexit, безусловно, оказывает и будет иметь негативное влияние на международный статус Великобритании, поскольку на данный момент Великобритания уже потеряла большое влияние и рычаги влияния в международном сообществе и приобрела лишь некоторые новые возможности, которые не будут гарантированно такими же ценными.

После выхода из ЕС Великобритания окажется в равном положении в отношении Евросоюза, что и другие европейские страны (желающие себя ими считать), не входящие в ЕС, в частности это Турция и Россия. Исторически отношения Великобритании и России, не были простыми и несмотря на то, что во многих международных конфликтах они выступали, с одной стороны, всегда присутствовала некая враждебность в их «союзе». Последнее время двухсторонние отношения между странами были омрачены инцидентами с Литвиенко и Скрипалем, убийство которых,

правительство Великобритании считает спланированным правительством России. Эти агрессивные действия в отношении на тот момент уже подданных Британской Короны, рассматриваются крайне негативно и безусловно добавляют холод и враждебность. Более того, начатая в феврале 2022 года специальная военная операция Российской Федерации, еще больше усугубила натянутость отношений и повысила градус враждебности, который прослеживается во множестве санкций и ограничений, наложенных на Российскую экономику в том числе Великобританией.

Тем не менее, имеет ли стратегический смысл укрепление отношений между Великобританией и Российской Федерацией? Долгое время будучи членом Евросоюза, Британия была главным сторонником санкций против России в свете с происшествиями на Украине в 2014 году. В текущих реалиях, хоть Британия и вышла из ЕС их позиция по поводу Украины и действий России не изменилась. Теоретически безусловно укрепленные и дружественные отношения принесли бы много пользы обеим странам, благодаря взаимовыгодной торговле дефицитных ресурсов, таких как энергоносители и металлы для Британии и высокотехнологичные компоненты для России. Более того, правительство России множество раз выказывало желание по укреплению и стабилизации двухсторонних отношений, однако со стороны туманного Альбиона эти идеи поддерживает малое количество представителей партий и членов палаты Лордов, которые имеют в этом личные интересы. Как итог мы понимаем, что, оказавшись в ней Европейской системы безопасности и экономической интеграции, главным приоритет для Великобритании будет укрепление НАТО и реинтеграция в Европейскую систему безопасности, а возведение мостов с бывшим «недругом» не стоит в первоначальных приоритетах, несмотря на возможные перспективы полезного экономического сотрудничества.

В заключение следует отметить, что Brexit, без сомнения, оказал существенное влияние на международный статус Великобритании, однако мы еще пока не можем увидеть весь масштаб нанесенного ему ущерба. Большая часть нанесенного ущерба по-прежнему носит теоретический характер, поскольку на практике нам потребуется некоторое время, чтобы увидеть и осознать последствия Brexit как для Великобритании, так и для остального мира. Однако уже сейчас мы видим, что, покинув ЕС, Великобритания потеряла некоторые важные привилегии и возможности, такие как, например, способность использовать ресурсы ЕС или влиять на политику, развивающуюся в Европе. Это отрицательно сказалось не только на ее статусе в Европе, но мы можем утверждать, что в международном масштабе Великобритания стала слабее. Она утратила свое привилегированное положение «связующей булавки», и, таким образом, ее значение для НАТО в определенной степени уменьшилось. Но что более важно, последствия, с которыми Британия может столкнуться в Организации Объединенных

Наций, потеря таких ценных активов, о которых говорилось ранее, несомненно, навредят ее репутации и, таким образом, могут даже затруднить для Великобритании прибывание постоянным членом Совета Безопасности. Великобритании без сильной финансовой мощи и поддержки ЕС может быть трудно поддерживать титул великой державы и даже выполнять резолюции или операции, предложенные ею самой. Таким образом, миссии Великобритании в Организации Объединенных Наций следует посвятить больше работы и ресурсов, чтобы обеспечить необходимый уровень вовлеченности в международные дела. Очевидно, что есть некоторые положительные результаты от того, что Великобритания вышла из ЕС, появляются новые возможности для новых международных соглашений, хотя сейчас трудно предсказать, будут ли они более ценными, чем членство в Европейском союзе. Великобритания действительно может обратить свой взор на свое Содружество и идею Глобальной Британии, однако существует вероятность того, что ослабленной Великобритании будет труднее построить какую-либо приличную и значимую организацию или даже реформировать Содружество до такой степени, чтобы оно стало влиятельным. В целом, в краткосрочной перспективе Великобритания потеряла рычаги воздействия и выгоды, предоставляемые ЕС, и получила только новые возможности, но что она сделает из этих возможностей, трудно предсказать. В начале этой статьи было сказано, что Brexit был действительно неожиданным решением и противоречил всему, что Великобритания делала в течение последних 40-50 лет. Таким образом, чрезвычайно сложно анализировать будущее или результат такого важного решения в долгосрочной перспективе. Тем не менее вполне понятным является результат ухудшения политического и экономического сотрудничества с Россией. Однако, поддержка санкций приносит вред самой Великобритании, Великобритания является нет экспортером энергоносителей, однако 76% общего потребления энергии в Великобритании приходится на нефть и газ [7]. Это означает, что повышение цен на эти энергоносители, вызванное санкциями против России, приведет к увеличению торгового дефицита Великобритании, который на момент января 2023 года составлял 5,8 миллиардов фунтов. Более того рост цен, также приведет к повышенной инфляции, что в купе будет нести негативный характер для Британской экономики. Также следует отметить, что поддержка политики США в отношении СВО показывает неспособность к самостоятельной деятельности, хотя невозможно не понимать, что целью действий Российской Федерации является борьба с нацизмом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Ewers-Peters Nele Marianne*. 'Brexit's Implications for EU-NATO Cooperation: Transatlantic Bridge No More?' *The British Journal of Politics*

and International Relations 23. (November 2021). No. 4 // <https://doi.org/10.1177/1369148120963814>.

2. *Gifkins Jess, Samuel Jarvis and Jason Ralph*. ‘Brexit and the UN Security Council: Declining British Influence?’ *International Affairs* 95. (1 November 2019). No. 6 // <https://doi.org/10.1093/ia/iiz205>.

3. *Hoof Paul van*. “The Renationalization of Foreign Policy and International Order” // *Atlantisch Perspectief* 40. 2016. No. 3 // <https://www.jstor.org/stable/48581295>.

4. *MacShane Denis*. ‘Brexit and the Decline of British Foreign Policy’. *Carnegie Europe*. 2022 // <https://carnegieeurope.eu/strategieurope/72665>.

5. *Martill Benjamin and Monika Sus*. ‘Post-Brexit EU/UK Security Cooperation: NATO, CSDP+, or “French Connection?”’ // *The British Journal of Politics and International Relations* 20. (November 2018). No. 4 // <https://doi.org/10.1177/1369148118796979>.

6. *Menon Anand and Matthew Bevington*. ‘Time to Find out What Brexit Really Means’. *Zeitschrift Für Außen- Und Sicherheitspolitik* 14. (1 March 2021). No. 1 // <https://doi.org/10.1007/s12399-021-00844-x>.

7. Office for Budget Responsibility. ‘How Does the Russian Invasion of Ukraine Affect the UK Economy?’ // <https://obr.uk/box/how-does-the-russian-invasion-of-ukraine-affect-the-uk-economy/>.

8. *Scott Michelle*. ‘Brexit: Winners and Losers’. *Investopedia* // <https://www.investopedia.com/news/brexit-winners-and-losers/>.

9. *Whitman Richard G*. ‘The UK’s European Diplomatic Strategy for Brexit and Beyond’ // *International Affairs* 95. (1 March 2019). No. 2 // <https://doi.org/10.1093/ia/iiz031>.

M.V. BUKHTOYAROV

*Candidate of Technical Sciences, Associate Professor
of the Department Mathematics and Informatics State University
management, Moscow, Russia*

A.A. BUKHTOYAROV

*Bachelor of the Institute of International Relations and
Department of the Moscow State Institute of International Relations
(University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian
Federation, Moscow, Russia*

THE IMPACT OF THE CHANGES IN THE INTERNATIONAL STATUS OF THE GREAT BRITAIN AFTER ITS EXIT FROM THE EUROPEAN UNION FOR POLITICAL AND ECONOMIC RELATIONS WITH THE RUSSIAN FEDERATION

The history of Great Britain and its international status is really bright and at all times relied on many different foundations. Thus, Brexit (withdrawal from the European Union) is another step in the development of the UK's strategy of international political and economic relations. Before Brexit, the UK benefited from being in the governing institutions of the EU, NATO and the UN, and was able to maneuver them to achieve results dictated by British national interests. However, this situation is now changing, and the position of the UK in the last two organizations (NATO and UN) may also change, so it is advisable to analyze the possible results and causes of these consequences. We will also consider how much all these changes will affect bilateral relations between England and Russia, whether there is a rapprochement between these two powers, and what are the prospects for further cooperation in economics and politics.

Key words: *international relations, economic relations, Brexit, Russia, UK, EU, UN.*

Е.А. ПЕРЕВАЛОВА

*аспирант факультета международных отношений
Санкт-Петербургского государственного университета;
старший преподаватель Северо-Западного Института Управления
Российской Академии Народного Хозяйства и Государственной
Службы при Президенте РФ, Россия, г. Санкт-Петербург
ORCID 0000-0002-1521-5026*

«МЯГКАЯ СИЛА»: СОЧЕТАНИЕ ТЕНДЕНЦИЙ ГЛОБАЛИЗМА И РЕГИОНАЛИЗМА ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ФРАНЦИИ

В статье рассматривается понятие «мягкой силы» как часть понятия «сила» во внешнеполитической деятельности акторов международных отношений. Современная структура взаимодействия на мировой арене многогранна, ее способы множатся, а мироустройство в целом усложняется, в том числе за счет формирования информационного общества и развития новых технологий и способов коммуникации. В данной статье рассматриваются мягкосиловые методы с точки зрения двух тенденций: глобализма и регионализма во внешней политике актора международных отношений. Практическая сторона рассматриваемого вопроса иллюстрируется обзорным анализом проведения политики «мягкой силы» одной из важных стран Европейского континента – Франции. Особенности французских методов международного воздействия являются инструменты «мягкой силы», основанные на доктрине «голлизма», в которой отражаются имперские стремления данного государства. При этом явно прослеживаются два вектора внешней политики, осуществляемые Францией параллельно и в дополнение друг к другу: глобализация и регионализация. В первую очередь, прослеживается стремление Франции к глобализму во внешней политике, к решению задач мирового масштаба, таких как экологические и гуманитарные проблемы, вопросы культуры и всемирного наследия, соблюдения прав человека в мире и др. Однако, не менее важным является и стремление к усилению позиций внутри Европы и во франкоговорящих странах с точки зрения регионального влияния. Здесь Франция стремится к защите французского языка, культуры и традиций, к расширению взаимодействия с регионами в области образования, туризма, спорта и пр. Особенно ярко данная тенденция отражена в политике, проводимой в 2022 году с начала

специальной военной операции России на Украине. Данная тенденция продолжается и в 2023 году. Франция стремится быть активным игроком как на мировой арене, так и в региональном масштабе, преимущественно используя при этом инструменты «мягкой силы».

Ключевые слова: *мягкая сила, мягкосиловые методы, регионализм, глобализм, влияние.*

События последних лет доказали, что фактор «силы» остается ключевым инструментом влияния на мировой арене. Различные политические игроки такие, как государства, международные межправительственные организации, неправительственные организации, транснациональные корпорации опираются на понятие «силы» в доктринах внешней политики. Согласно теории международных отношений «сила» лежит в основе большинства политических концепций. И здесь важно привести некоторые цитаты классиков политической мысли. Общепризнанный политолог Г. Моргентхау писал о необходимости применения силы. При этом автор подразумевал не только физическую составляющую «жесткой силы», но и обращал внимание на то, что «сила есть власть над умами и действиями людей» [6. С. 278]. Его американский коллега Г. Киссинджер подтверждает данную идею: «в международной среде сила есть влияние» [6. С. 276]. Оба ученых делают акцент на том, что важным аспектом воздействия на оппонента является не столько военное принуждение, сколько моральное, концептуальное убеждение. В этом плане, французский политолог и философ Р. Арон утверждает, что «сила государства является лишь частью его мощи» [6. С. 279]. Данное убеждение детализирует британский дипломат и историк Э. Карр, уточняя, что «сила – это способность государства использовать материальные ресурсы для того, чтобы заставить других делать то, что они в противном случае не сделали бы» [4. С. 118]. Также важно привести слова Б. Рассела, известного своими работами в рамках либеральной парадигмы. Ученый четко и кратко формулирует, что «сила – это способ получения желаемых результатов» [2. С. 230-235]. Чуть более детально к пониманию «силы» подходит Д. Стоссинджер, в своей книге в своей книге «Мощь наций» ученый пишет: «сила – это возможность государства использовать реальные и потенциальные ресурсы таким образом, чтобы эффективно воздействовать на образ жизни и поведения других государств» [9]. Здесь мы видим, насколько Стоссинджер близко подходит к толкованию важного проявления «силы» – концепции «мягкой силы».

Таким образом мы видим, насколько неоднозначно понятие «силы» в истории политической мысли. В целом можно резюмировать, что сила в векторе внешнеполитической деятельности представляет из себя способность влиять на поведение другого актора в желаемом для себя направлении. Сила

является некой способностью устанавливать различные формы зависимости одного участника мировой политики от другого.

И концептуально важно, что данное воздействие может быть достигнуто различными способами, но не исключительно при помощи военного потенциала, политико-дипломатического и экономического давления, прямых угроз или непосредственного проведения военных действий горячей стадии. Так, Джозеф Най является автором концепции «мягкая сила». Изначально, совместно с коллегой, политологом неолиберальной направленности Р. Кохейном, ученые разработали теорию взаимозависимости, согласно которой полагается, что «сила – это способность одного субъекта заставить других предпринять что-либо, что они иначе предпринимать бы не стали, и при этом, по приемлемой для действующего лица цене» [4. С. 125]. Однако, по завершении «холодной войны» Дж. Най сформулировал концепт «мягкой силы» как «способности государства, союза, коалиции достичь желаемых результатов в международных делах через убеждение, притяжение, а не подавление, навязывание, насилие, или принуждение, которые характерны для «жесткой силы» [4. С. 132].

В основе данной концепции лежит понимание могущества государства через культуру, науку, спорт, политическую идеологию, ценности и общую привлекательность. Так, например, научно-техническая сила призвана обеспечить интересы государства (либо иного актора международных отношений) в области научных разработок, высоко уровня образованности населения, эффективного здравоохранения, которые могут выступить базой для создания устойчивой экономики актора. Важной составляющей внешнеполитического влияния является культурно-историческое наследие и способность транслировать заложенные в ней ценности другим участникам мирового сообщества. В последние годы особую важность имеет распространение продуктов массовой культуры.

Также, важной составляющей привлекательности является идеология. Популяризация основных ценностей и идеалов определенного общества, политического строя, моральных и этических норм, общего уровня жизни населения – все это лежит в основе «мягкой силы», поскольку именно сила идей, мифов и образов руководит многими политическими процессами в глобальном масштабе. Всем известная номинальная победа США в «холодной войне» и последовавшие за этим события доказывают крайнюю значимость идеологии в современном мироустройстве.

Образовательная сила способна привлечь молодые кадры, воспитать их в соответствии с идеологическим установками, сформировать позитивный образ обучающего государства. Особо значимым здесь является процесс установления контактов с будущей интеллектуальной элитой различных стран и формирование ее мировоззренческих установок.

Необходимо не упустить и существование религиозной силы. Мировые религии имеют большой внешнеполитический потенциал, поскольку объединяют людей в глобальном масштабе в рамках своей конфессии. Особо хотелось бы выделить христианство, ислам и буддизм как три основных столпа духовной базы различных сообществ.

Принимая во внимание опору государства на нормы международного права, на соблюдение принципов уважения прав человека, на справедливость правосудия и подобных аспектов, важно упомянуть о «нормативной силе». Актор, придерживающийся или постулирующий ценность соблюдения норм, также обладает высокой силой, которая способна не только привлекать, но и глобально формировать внешнеполитическую повестку.

Таким образом, можно говорить о том, что Дж. Най и другие исследователи, в том числе российские ученые М.М. Лебедева, А.О. Наумов, О.Г. Леонова, П.Б. Паршин и др. определили, что государства или другие акторы мировой политики могут обладать несколькими видами силы, при помощи которых их влияние на окружающий мир возрастает. Силой могут обладать не только крупные государства и крупные сообщества с большой территорией, военной мощью, сильной экономикой, но и более мелкие организации и страны. В пример можно привести возрастающую значимость малых стран так называемого «третьего мира» начиная со второй половины XX века и особенно в первые десятилетия XXI века. В актуальной повестке остро и глобально стоят вопросы Украины, Тайваня, Карабаха, Приднестровья и др.

Мы живем во времена, когда варианты международного взаимодействия множатся, а мир усложняется. В связи с этим исторически важные игроки на мировой арене, такие как Франция, Германия, Италия, а также Великобритания, США, Россия, Китай и др., адаптируют свои внешнеполитические векторы в соответствии с мировыми процессами. Франция, являясь одной из стран-основательниц Европейского Союза, остается значимым актором на европейском пространстве, стремится укрепить и усилить свои позиции в глобальном и региональном масштабах. Пятая Республика обладает значительным арсеналом мягкосилового воздействия. В первую очередь, всемирно известная французская классическая литература и культура в целом составляют часть мирового достояния. Париж – столица мировой моды. Французская кулинария, спорт, медицина, образование, а также научная мысль, философия, основы дипломатии и норм права – все это составляющие значительной привлекательности данного государства. Французский язык один из самых распространенных в мире. По данным 2022 года на нем говорят более 274 млн. человек в 122 странах мира [10]. Французский – один из официальных языков ООН и многих международных организаций. Таким образом, Франция и ее культура занимают значительные позиции в общемировом масштабе.

Следовательно, во внешней политике Франции можно выделить два основных вектора: стремление к глобализму и одновременно самопозиционирование в региональном разрезе. Важно отметить, что оба вектора базируются на доктрине «голлизма», которые стали особенно актуальны с приходом к власти президента Э. Макрона.

«Голлизм» непосредственно связан с именем генерала Шарля Де Голля, который утверждал, что «Франция – это Мадонна» [5. С. 10]. Национальный лидер полагал, что Франции «суждена великая и исключительная судьба», что «Проведение создало Францию, чтобы та стала образцом великих свершений» [5. С. 25]. И, соответственно, в основе данной концепции лежат так называемые «три R»: rayonnement (авторитет, престиж), resistance (сопротивляемость, независимость решений) и reinvention de la puissance (возрождение мощи) [5. С. 26]. Таким образом, в основе внешнеполитического курса Франции лежит стремление к полицетричному мировому порядку, в котором Франции отводится большая роль, однако, без явного доминирования чьей-либо стороны. В данной доктрине закрепляется значимость Франции в международных делах и ее великодержавный статус. Важным аспектом «голлизма» выступает установка на стратегическую автономию, т.е. свободу в принятии решений.

Именно такой подход лег в основу глобализационного и регионализационного вектора внешней политики Франции с началом президентства Э. Макрона.

Необходимо отметить, что глобализация стала ведущей тенденцией мирового развития, лежащая в ее основе революция в области информационно-коммуникационных технологий вводит мир в качественно новое состояние, она словно «сжимает» пространство и время, изменяет условия социального бытия людей и ускоряет темпы изменений, углубляет взаимозависимость регионов и государств. С точки зрения политологов, по мнению М. Вебера, глобализация – это «втягивание всего мира в открытую систему, финансово-экономических, общественно-политических и культурных связей на основе новейших коммуникационных и информационных технологий» [6. С. 219]. Данный процесс ученый считает объективным, он не был случайным или неожиданным: «[глобализация] подготовлена всем ходом предшествующего развития». И. Панарин старается дать трактовку данному процессу, утверждая, что «глобализация» стала ничем иным, как «стремлением Запада стать своекорыстным держателем бесконтрольной мировой власти, диктующей народам свою волю» [4. С. 293]. И действительно, мы можем наблюдать, что основными акторами международных отношений активно выступают страны Запада. С точки зрения экономического подхода можно привести понятие, которое вводит Всемирный Банк: «[глобализация – это] рост экономической взаимозависимости стран мира, вызванный как увеличением объема и многообразия трансграничных сделок

в сфере товаров и услуг, а также международных потоков капиталов, так и ускоряющимся и расширяющимся распространением технологий». Таким образом мы можем говорить, что процесс глобализации происходит во всех сферах внешнего взаимодействия.

Именно голлистские установки Франции задают тон на стремление к собственной внешнеполитической позиции, осознание себя как весомого игрока, имеющего цели, которые отвечают национальным интересам Франции. Соответственно, реализация данных установок не представляется возможной без участия в мировых процессах и стремления решать глобальные проблемы.

Глобализация «а-ля франсез» включает в себя несколько составляющих. Во-первых, вопросы безопасности. Здесь важно отметить, что мягкосиловые инструменты являются приоритетными, несмотря на наличие серьезной военной мощи в виде ядерного оружия. В данном направлении Франция пропагандирует идеи разоружения, нераспространения оружия. Франция явилась одной из инициаторов подписания договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ), договора о запрещении производства расщепляющихся материалов для ядерного оружия. Франция предоставляет воинский контингент для миротворческих операций, а вклад в бюджет Департамента операций по поддержанию мира составляет 5,61%, что является существенным.

Немаловажно, что Франция стремится предложить справедливые, эффективные и более ответственные методы глобального баланса сил по средствам «мягкой силы» через международные институты. Так, на 72-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 2017 году Э. Макрон заявил: «Я хотел бы видеть более ответственную, более эффективную и более оперативную ООН, и полностью поддерживаю проект реформы и стремление вывести деятельность организации на уровень решения задач планетарного масштаба». Иначе говоря, Франция поддерживает и выдвигает идеи по широкомасштабному проекту реформы ООН, в частности Совета Безопасности. Также, Пятая Республика готовила реформу «действия по поддержанию мира», сохраняя за собой позитивный имидж государства, стремящегося к миру в глобальном масштабе.

Во-вторых, крайне важным направлением внешнеполитической деятельности является экология и стремление Франции обратить внимание мировой общественности на важность решения данного вопроса совместными силами. Франция является одним из главных послов «зеленой революции», разрабатывает стратегию решения проблем в данной сфере, проводит ряд мероприятий по вопросам ответственного отношения к природе: конференция COP-21 в Париже, лейтмотивом которой стало глобальное соглашение по климату, саммит по амбициозным задачам в интересах климата в 2020 г. Франция является инициатором движения «Одна планета» (One Planet)

и всемирного пакта о защите окружающей среды 2017-2019 г. Францией принята Резолюция 73/333 о международном экологическом праве. Пятая Республика активно выступает защитником нашего «общего дома», проводит соответствующие мероприятия и инициативы как в глобальном масштабе, так и внутри страны.

Третьим важным направлением выступает такой аспект «мягкой силы» как «нормативная сила». Еще в 1948 году именно в Париже была подписана декларация прав человека. В 2018 году Францией было организовано масштабное празднование на высшем уровне 70-летие подписания декларации. В честь данного события глава французской дипломатии Жан-Ив Дриан выступил на заседании Генеральной Ассамблеи ООН со словами: «это лучшая дань, которую мы можем воздать тем, кто 70 лет назад составил Всеобщую декларацию на руинах мирового конфликта, потрясшего европейский континент». Ж.-И. Дриан назвал декларацию «универсальным достижением» и «всеобщим благом человечества», отметил готовность Франции «защищать человечество». Данные интенции подтверждаются действиями. Так, Франция играет ведущую роль в Совете по правам человека ООН. Нормативными инициативами Пятой Республики стали следующие: всеобщая отмена смертной казни, борьба с произвольными задержаниями и насильственными исчезновениями, соблюдение прав женщин, борьба с вербовкой детей-солдат, борьба с дискриминацией по различным признакам, защита журналистов и правозащитников и др.

Следующим важным мягкосиловым направлением в рамках глобализации является ОНР и ЦУР (официальная помощь в целях развития и содействие достижению целей в области устойчивого развития). Так, к 2022 г. объемы инвестирования от валового национального дохода для содействия достижению ЦУР составили 0,55%. Данный факт доказывает, что для Франции важен образ помощника и борца за конструктивные цели. Пятая Республика всячески поощряет инновационные международные механизмы для предоставления дополнительных средств на цели развития. Для реализации этих целей в 2014 году был подписан Рамочный программный закон № 2014-773 о политике в области развития и международной солидарности. Также был принят Перечень решений Межведомственного комитета по международному сотрудничеству и развитию (МКМСР) по вопросам международной стабильности, климата, образования, гендерного равенства и здравоохранения.

Таким образом, Франция выступает как системный актор, поддерживающий процессы стабильного развития во всех основных направлениях. И данное стремление продолжается, укрепляется и расширяется. В 2017 г. Э. Макрон установил новую цель политики Франции в области развития – увеличение инвестиций в обеспечение глобальных общественных благ и борьбу с глобальным неравенством. Для реализации данных целей Франция

является основным донором пожертвований организации «Unitaid», основная цель которой обеспечить глобальный доступ к лекарствам от наиболее смертоносных болезней, таких как ВИЧ, СПИД, малярия и туберкулез.

В последние два года в этом направлении был проведен ряд важных событий. Например, в марте 2022 г состоялся всемирный день водных ресурсов, на котором Франция подтвердила приверженность защите данного жизненно важного ресурса во всем его многообразии. Затем был проведен Всемирный водный форум в Дакаре, лейтмотивом которого стал поиск решений для поставленных в XXI веке задач в области водоснабжения и санитарии. Также, были проведены Международный день образования (24.01.22), Всемирный день борьбы с ВИЧ и СПИДом (01.12.21), Всемирный день права на аборт (28.09.20).

Важно отметить, что в коммюнике Жан-Ива Ле Дриана от 29.10.2021 г. отмечено, что для борьбы с Covid-19 Франция пожертвовала 67 млн доз вакцин. Необходимо отметить приверженность Франции обеспечению перехода к устойчивым продовольственным системам. Для этого Жан-Ив Ле Дриан представил программный законопроект о солидарном развитии и борьбе с глобальным неравенством в Национальной ассамблее 17.02.2021 г. [3].

И конечно же, затрагивая тему глобального мягкосилового влияния Франции, невозможно не указать масштабные программы по продвижению французского языка и культуры через правительственные и неправительственные организации. Одной из самых показательных является международная общественная организация «Альянс Франсез», которая с 1883 года успешно функционирует в разных странах мира. В 2023 году она представлена в 1072 городах мира и 146 странах, где обучается около 500 тыс. студентов. Колоссальный масштаб распространения идеалов и ценностей Франции по всему миру. Также, повсеместно и регулярно проводятся культурные мероприятия, связанные с театром, изобразительным искусством, дизайном, музыкой и другими сферами культурной и публичной дипломатии [1].

Однако, Франция активно действует не только в векторе глобализации, но и активно проявляет свою «мягкую силу» в региональном масштабе.

И данная тенденция является вполне актуальной. Обратный процесс глобализации – регионализация во внешней политике государств. Пятая республика принимает самое активное участие в процессах социально-культурной и политической самоидентификации территориальных сообществ. Франция участвует в формировании идей, настроений, действий, намерений, направленных на сохранение самобытности региона и повышение его статуса.

Для корректного понимания регионационных процессов стоит учитывать мнение Э. Харелла о «новом регионализме». Ученый утверждает, что,

так называемый, «старый регионализм», в рамках которого акторы стремились к закрытости и антиглобализму, сменяется теперь новой формой. Данная усовершенствованная форма регионализма является продуктом полицентричного мира, в котором деятельность государственных и негосударственных акторов активно переплетается, развивается многоаспектность внешнеполитического взаимодействия, а, следовательно, расширение понятий [7. С. 37].

Именно на данной основе Франция видит своей миссией участие в глобальной сетевой структуре как представителя мощной региональной организации, коей является Европейский Союз, и, одновременно, играет сольную партию в каскаде национальных государств. Значительные усилия прилагаются Францией в векторе укрепления Европейского Союза, расширения зоны его влияния и углубления взаимодействия внутри него.

В векторе европеизма Президент Э. Макрон в Сорбонской речи 2017 г сделал акцент на важности Европейского Союза, на принципиальной значимости данного общего проекта для европейских стран, особенно в вопросах мира и безопасности. «Подлинный суверенитет должен строиться внутри Европы и посредством Европы», – утверждает лидер Пятой Республики [8]. И суверенитет состоит в том, чтобы «объединить силы ради построения единой европейской державы» [8]. Опорами евроинтеграции должны стать важные идеологические установки: демократия (столкновение мнений, критический дух и диалог) и общая европейская культура (общие ценности). Франция, в лице Э. Макрона, активно призывает к «Европейскому Ренессансу», подчеркивая, что актуальное положение дел внутри Евросоюза и на европейском континенте не представляется идеальным и сплоченным, особенно на фоне событий, связанных с украинским кризисом.

Э. Макрон подчеркивает необходимость приобретать «реальный суверенитет» ЕС в вопросах обороны, правопорядка, внешней политики, климата, торговли, промышленности и образования. Пятая Республика предлагает особый формат PESCO – Постоянного структурированного сотрудничества, предназначенный для гармонизации оборонных политик стран-членов ЕС.

Кроме того, стремясь усилить позиции Франции как «моховика» объединенной Европы, Э. Макрон выносит на рассмотрение улучшенную схему для расширения ЕС, которая состоит из семи тематических этапов: фундаментальные права человека и верховенство права; культура, образование, молодежь, окружающая среда, энергетика, транспорт, наука; занятость, система социальной защиты; экономика и финансы; внутренний рынок и сельское хозяйство; внешняя политика; и некоторые заключительные положения юридического толка.

Как мы видим, данное предложение Президента Франции вполне отражает основные внешнеполитические установки данного государства. А именно, «мягкая сила» в области культуры, образования науки,

привлекательность в сфере норм общества (права человека) и уровня жизни (соцзащита и экономика).

В этом плане, Макрон, придерживаясь идей «голлизма», старается возложить на себя миссию «спасителя Европы», что должно положительно отразиться и на величии Франции. Особое значение в рамках регионального внешнего взаимодействия Э. Макрон придает отношениям с Германией, как основателям европейского содружества. В свое время возникло даже выражение «Макромеркель». Тем самым направлен сигнал всему Евросоюзу, что «ядро ЕС» остается прочным и способно к определенным гарантиям.

Приведем еще некоторые примеры активной мягкосиловой региональной политики Франции. В рамках Европейской политики соседства (ЕПС) были подписаны соглашения об ассоциации с Украиной, Молдовой и Грузией. Также, расширенное соглашение о сотрудничестве с Арменией. На Кавказе Франция принимала активное участие в урегулировании Нагорно-Карабахского конфликта, выступая в качестве сопредседателя Минской группы. С 2014 года в ходе попыток урегулирования украинского кризиса совместно с Германией, Украиной и Россией Франция участвовала в переговорах в «нормандском формате». После начала спецоперации России на Украине Э. Макрон старался закрепить за собой статус главного переговорщика между Россией и Западом, отводя Франции важную роль в сложнейшем внешнеполитическом кризисе последних лет. И это отвечает доктрине «голлизма», поскольку отношения с Россией являются одной из опор концепции величия Франции.

В остром вопросе Тайваня и Китая Франция также активно проявила свои позиции. Так, 06.04.2023 Э. Макрон прибыл с визитом в Пекин для обсуждения не только данного регионального вопроса. В повестку был включен вопрос значимости Китая в урегулировании ситуации на Украине. Президент Пятой Республики подчеркнул, что Китаю следует поддерживать диалог с Москвой, поскольку лишь при помощи определенных средств взаимодействия России и Китая возможно разрешение конфликта. Таким образом, французская дипломатия старается действовать точно и вновь объединяет региональные интересы с глобальным влиянием.

Если мы рассмотрим французскую внешнеполитическую деятельность с другого ракурса, то можно привести в пример встречу с Генеральным Консулом Франции в Санкт-Петербурге Паскалем Сливански в феврале 2022 г. Мною был задан вопрос о существовании так называемой «галломании» в современном французском обществе – стремлении возвысить истинно французские ценности и интересы. Консул подтвердил актуальность голлистских установок и подчеркнул особую роль Франции в европейском строительстве и международной безопасности, обратил внимание на богатую историю и культуру Франции, сопоставимую с российской.

П. Сливански высоко оценил значимость отношений России и Франции в билатеральном формате.

Итак, на примере Франции мы видим, насколько в современном глобальном мире стремительно возрастает роль «мягкой силы». Сегодня решать внешнеполитические задачи проще, удобнее и экономичнее при помощи не жесткосиловых методов, даже несмотря на то, что военные и экономические инструменты сохраняют свое значение и крайне актуальны в повестке 2022-2023 годов. Однако, достижение целей на международной арене не представляется возможным без применения мягкосиловых инструментов.

В данной статье мы рассмотрели калейдоскоп мягкосиловых методов Франции, которые затрагивают практически все сферы влияния на мировой арене. Пятая Республика активно действует в направлении экологии, миротворчества, культуры, правозащиты и многих других аспектов, применяя не принудительные меры «жесткой силы», а стараясь мягким путем обоснования ценностей и значимости побудить других акторов международных отношений к правильным, по мнению Франции, действиям. Особенностью внешней политики Франции является сочетание тенденций глобализма и регионализма, которые выступают лейтмотивом любого внешнего взаимодействия данного государства и основываются на доктрине «голлизма» в политике Пятой Республики.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Альянс Франсез – Французский институт в России. О нас. 2023 // <https://institutfrancais.ru/ru/alyans-fransez/>.

2. *Власов В.И.* История политических и правовых учений: учебник / В.И. Власов, Г.Б. Власова, С.В. Денисенко, В.К. Щечоев. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2016.

3. Дипломатия Франции. Министерство Европы и иностранных дел. 2023 // https://www.diplomatie.gouv.fr/ru/politique-etrangere/aide-au-developpement/evenements/article/covid19-don-par-la-france-de-67-millions-de-doses-de-vaccins-communique-de-jean?page_courante=1.

4. *Коньшев В.Н., Сергунин А.А.* Современные теории международных отношений: учебное пособие. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2013.

5. *Рейно П.* Внешняя политика голлизма. М.: Прогресс, 1964.

6. *Цыганков П.А.* Теория международных отношений: учебное пособие / под ред. *Осадченко З.Н.* М.: Гардарики, 2003.

7. *Hurrell A.* Regionalism in Theoretical Perspective // *Regionalism in World Organizations and International Order* / Ed. By *L. Fawcett, A. Hurrell.* Oxford: Oxford University Press, 1995.

8. Sorbonne speech of Emmanuel Macron in 2017 // full text/English version // <https://international.blogs.ouest-france.fr/archive/2017/09/29/macron-sorbonne-verbatim-europe-18583.html>.

9. *Stossinger J.G.* The Might of Nations. World Politics in Our Time. New York, 1969 // <https://international.blogs.ouest-france.fr/archive/2017/09/29/macron-sorbonne-verbatim-europe-18583.html>.

10. The most spoken languages worldwide in 2022 // <https://www.statista.com/statistics/266808/the-most-spoken-languages-worldwide/>

E.A. PEREVALOVA

Senior lecturer at the Northwestern Institute of Management, a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; postgraduate student at the Faculty of International Relations, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

THE SOFT POWER: CONJUNCTION OF GLOBALISM AND REGIONALISM TRENDS IN FRENCH FOREIGN POLICY

In this article the author examines the "soft power" concept as a component part of the concept "power" in the foreign policy of an international relations actors. The modern structure of the world interaction is many-sided. Its methods multiply and the world construction as a whole becomes more complicated. These changes are effectuated due to the information society installation and the global digitalization, the development of new technologies and possible ways of communication. This article takes up soft-power methods from the viewpoint of two directions: globalism and regionalism in the international relations of an actor in foreign policy. The practical side of the issue is illustrated by an overview analysis of the "soft power" policy pursuing by one of the important European countries, that is France. The features of the French methods of international influence are instruments of "soft power" based on the doctrine of "Gaullism", which reflects the imperial aspirations of this state. Herewith, two vectors of foreign policy are clearly traced and carried out by France in parallel and attachment: globalization and regionalization trends. First of all, there is French desire for globalism in its foreign policy, intention to solve world-wide problems, such as environmental and humanitarian problems, cultural and world heritage issues, respect for human rights in the world, etc. But at the same time, the striving to strengthen positions within Europe and the regional influence in French-speaking countries aren't less important for France. Purposes here are to protect the French language, culture and traditions, to expand cooperation with the regions in the field of education, tourism, sports, etc. This direction is particularly reflected in French policy pursued in 2022 since the beginning of Russia's special military operation in Ukraine. And these trends continue in 2023. France strives to be an active player both on the world stage and on a regional scale, mainly using the tools of "soft power".

Key words: *soft power, tools of soft power, influence, regionalism, globalism.*

ПРОБЛЕМА ПЕРЕСМОТРА 9-Й СТАТЬИ КОНСТИТУЦИИ ЯПОНИИ: РАЗЛИЧИЕ В ПОДХОДАХ ВЕДУЩИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ

Возвращение Синдзо Абэ на пост премьер-министра Японии в 2012 г. предшествовало продвижению инициативы по пересмотру 9-й статьи Конституции Японии, закрепившей отказ последней от обладания собственной армией и от войны как средства разрешения международных конфликтов. Однако, несмотря на предпринятые действия, в настоящее время продолжается дискуссия о необходимости внесения поправок в основной закон страны. В данной статье приводится хронологическая последовательность попыток изменить пацифистскую направленность Конституции, рассматриваются основные факторы, препятствующие реализации инициативы.

Ключевые слова: *Япония, конституция Японии, девятая статья, политика Японии, силы самообороны Японии.*

Действующая Конституция Японии вступила в силу в 1947 г. В качестве фундамента нового основного закона страны были заложены признание суверенитета народа, прав человека, принципов разделения власти и местного самоуправления. Император, в свою очередь, утратил неограниченные полномочия, приобретя роль «символа государства и единства народа Японии».

Особый интерес для анализа представляет 9-я статья Конституции. Данная юридическая норма закрепила отказ Японии от «угрозы или

применения вооруженной силы как средства разрешения международных споров» и, соответственно, создания инструментов войны в том числе в виде морских, сухопутных и военно-воздушных сил.

Тем не менее, на сегодняшний день Япония располагает так называемыми Силами самообороны, которые насчитывают порядка 250 тыс. военных, около 700 танков, более 130 различных судов, 4 авианосца, а также 350 зенитных ракетных комплексов и примерно 300 истребителей. Расходы страны на оборону составляют свыше 5 трлн. йен в год. Согласно рейтингу американской аналитической компании Global Firepower 2022 г., Япония входит в пятерку стран с самыми боеспособными армиями мира. Создание Сил самообороны, сформированных на базе Национальных сил безопасности в 1954 г., стало возможным благодаря грамотной интерпретации положений Конституции, где четко прописан запрет на наступательную войну, но не ограничивается право государства на самооборону, предусмотриваемое международным правом.

Стоит отметить, что предпринятые по сей день шаги не несут никакой угрозы региональной безопасности, что подтверждает тот факт, что с момента создания Сил самообороны и до января 2023 года ни один служащий не погиб в бою. Более того, за 77 лет с момента окончания Второй мировой войны японское общество глубоко прониклось культурой пацифизма и, согласно многочисленным опросам, в большинстве своем выступает против попыток милитаризации страны.

Первая попытка пересмотра 9-й статьи Конституции Японии была принята еще в 1950-е годы, однако оказалась безрезультатной. Следующая попытка была предпринята в 1990-е годы. Тогда среди основных политических партий «за пересмотр» выступало большинство, за исключением коммунистов и социал-демократов, однако вторая попытка так же, как и предыдущая, не привела к какому-то сдвигу в сторону милитаризации страны.

Продвижение инициативы по пересмотру 9-й статьи Конституции Японии связывают с возвращением Синдзо Абэ на пост премьер-министра Японии в 2012 году. Для Синдзо Абэ изменение 9-й статьи Конституции стало личной миссией, которую не смог воплотить в реальность его дед, так же занимавший пост премьер-министра Японии до 1960-го года. Стоит отметить, что Синдзо Абэ всегда крайне осторожно подходил к вопросу о поправках в Конституцию. Именно поэтому вплоть до своей отставки он не делал публичных заявлений об изменении пунктов 9-й статьи, а лишь предлагал добавить отдельный пункт, который регламентировал бы статус Сил самообороны Японии.

С приходом на второй срок Абэ понимал, что имеет недостаточно поддержки со стороны верхней и нижней палат парламента. В свою очередь, проведение референдума по вопросу внесения поправок в Конституцию Японии возможно только в случае, если сторонникам ее изменения принадлежит 2/3

мест в нижней и верхней палатах парламента. Данное требование служило препятствием на пути к реформированию Основного закона страны, учитывая разногласия правящей Либерально-демократической партии и оппозиции. Однако по результатам выборов в Палату советников, прошедших 10 июля 2022 г., правящая коалиция в лице ЛДП и партии Комэйто значительно укрепила свои позиции в верхней палате парламента, получив 76 из 125 возможных мандатов. Лучший результат среди оппозиции продемонстрировала Конституционно-демократическая партия, обеспечив себе 17 депутатских портфелей. Партия японского возрождения и Народно-демократическая партия, выступающие за изменение Конституции, закрепили за собой так же 17 мест. Таким образом, сторонники внесения поправок в основной закон Японии на данный момент занимают абсолютное большинство в верхней палате парламента, что позволяет им вынести вопрос о внесении поправок в Конституцию на всенародный референдум. Стоит отметить, что на референдуме проект должны поддержать не менее 51% голосующих, однако минимальная явка на референдум не оговаривается.

Тем не менее, по-прежнему существует ряд проблем, осложняющих продвижение рассматриваемой инициативы: от низкого интереса у избирателей до трагической гибели идейного вдохновителя и активного участника «движения за реформирование» Конституции Синдзо Абэ. Для большинства японцев 9-я статья конституции является своеобразным заявлением всему миру о том, что Япония более никогда не выступит в качестве страны-агрессора. Следовательно, попытки пересмотра этой статьи путем правок отдельных пунктов или путем внесения дополнений вызывают большой резонанс со стороны общественности. Мощное общественное сопротивление последовало за решением парламента Японии от 19 сентября 2015 года предоставить Силам самообороны право принимать участие в конфликтах за рубежом: по стране прошла волна масштабных протестов, которых Япония не видела с 1970-х годов.

Вторым немаловажным фактором, препятствующим внесению изменений в Конституцию стало отсутствие единства во взглядах среди членов ревизионистской группы относительно проекта обновленной 9-й статьи. На данный момент ни одна партия Японии не выступает за отмену 9-й статьи Конституции, и все они едины во мнении о том, что Япония должна сохранить запрет на решение конфликтов с помощью силы, а также не должна иметь стратегическое наступательное вооружение.

Третьим краеугольным камнем выступает вопрос определения официального статуса Сил самообороны Японии, которые на сегодняшний день являются гражданской структурой и чьи члены – гражданские лица – относятся к категории государственных служащих. Следовательно, с правовой точки зрения легитимность участия Сил самообороны может вызывать существенные сомнения.

Либерально-демократическая партия и Общество обновления Японии стремятся закрепить существование сил самообороны в Основном законе и включить положение о расширении полномочий правительства в рамках реагирования на чрезвычайные ситуации, такие как стихийные бедствия, во время которых распоряжения Кабинета министров будут иметь юридическую силу. Впервые поправка о предоставлении премьер-министру чрезвычайных полномочий в случае национального кризиса стала предметом дискуссий после Великого восточно-японского землетрясения, поразившего Японию в марте 2011 г. В настоящее время объявлению исполнительной властью чрезвычайного положения в стране и принятию соответствующих мер в обязательном порядке предшествует заседание и официальное одобрение парламента.

Комэйто, во многом придерживающаяся пацифистских идей и поддерживаемая буддистской организацией Сока Гаккай, не решается оказать содействие в принятии поправок, которые обеспечили бы силам самообороны прочную правовую основу. Некоторые члены партии выступают за добавление положений о Силах самообороны в статьи 72 и 73, предусматривающие обязанности премьер-министра и Кабинета министров вместо того, чтобы прописывать их статус в 9-й статье Конституции. В ответ на идею о дополнительном пункте представители партии утверждают, что достаточно существующей системы проведения экстренного собрания верхней палаты парламента. В свою очередь, Народно-демократическая партия предлагает усилить власть не правительства, а парламента в идентичных условиях.

Конституционно-демократическая партия и Коммунистическая партия Японии выступают категорически против любого пересмотра Конституции, но не имеют достаточного количества голосов, чтобы заблокировать предложения коалиции ЛДП и Комэйто. Однако из-за фракционной системы внутри партий также наблюдаются расхождения во мнениях. Так, например, отсутствует единство во мнениях по поводу пересмотра 9-й статьи внутри партии Кибо но То (Партия надежды), а отсутствие консенсуса в Демократической партии привело к тому, что некоторые из фракции вовсе покинули партию. Даже внутри ЛДП периодически появляются призывы к упразднению 9-й статьи, хотя большинство все же придерживаются ее пересмотра, ссылаясь на закрепление статуса Сил самообороны.

Остальные партии, образованные в результате раскола более крупных партий, относительно небольшие по численности и занимают недостаточно мест в обеих палатах парламента.

Дополнительным и не менее важным фактором, отодвигающим пересмотр мирной статьи Конституции на второй план, выступает внутривнутриполитическая повестка, требующая решительных действий со стороны Кабинета премьер-министра Кисиды. Прежде всего, речь идет об экономике Японии. Согласно опросу NHK, проведенному в день выборов в верхнюю палату

парламента, 45% избирателей считает решение проблем японской экономики основным приоритетом правительства, и только 5% мотивировали свой голос в пользу поддержки возможного пересмотра Конституции. На данный момент отмечается высокая степень обеспокоенности японцев возможным ростом инфляции, цен на продукты питания и энергоносителей в связи со сложной международной обстановкой. Однако сегодня инфляция в Японии остается на уровне немного более чем 2%. Наблюдаемый в течение долгого времени рост заболеваемости коронавирусом также сопровождался повышенной тревожностью среди населения.

Кроме того, изменение пацифистского характера Конституции Японии бесспорно повлечет за собой рост напряжения в отношениях с ближайшими соседями – Китаем и Южной Кореей, где до сих пор сильна историческая память об империалистическом прошлом Японии и об агрессии, проявленной последней во Второй мировой войне.

Таким образом, принимая во внимание бескомпромиссность ведущих политических партий относительно пересмотра Конституции, трагическую гибель идейного вдохновителя Синдзо Абэ и отсутствие единого мнения относительно возможных поправок в обществе позволяют нам сделать вывод о том, что дальнейшие попытки пересмотра 9-й статьи Конституции Японии потребуют значительного времени и усилий со стороны политиков в подготовке такого проекта статьи, который бы удовлетворил большинство партий, выступающих за пересмотр, а также вызвал бы доверие и поддержку со стороны народа.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Горячева Е.А., Кожевников В.В. О пересмотре Конституции Японии // Россия и АТР. 2018. № 1 (99) // <https://cyberleninka.ru/article/n/o-peresmotre-konstitutsii-yaponii>.

2. Молодякова Э.В. Проблемы пересмотра конституции в контексте изменений в японском обществе // Восточная аналитика. 2014. № 4 // <https://cyberleninka.ru/article/n/problemu-peresmotra-konstitutsii-v-kontekste-izmeneniy-v-yaponskom-obschestve>.

3. Поправки к Конституции Японии. Девятая статья: за и против // <https://www.nippon.com/ru/features/h00146/amp/>.

4. Constitutional revision inches closer in Japan, but actual change still far off // <https://www.japantimes.co.jp/news/2022/07/11/national/politics-diplomacy/constitutional-revision-prospects/>.

5. 参議院選挙2022特設サイト // <https://www.nhk.or.jp/senkyo/database/sangiin/>.

6. 憲法9条を再生させるための改正論 // https://www.ritsumei.ac.jp/mng/er/wp-museum/publication/journal/documents/18_3P.pdf.

7. 憲法と自衛権 // <https://www.mod.go.jp/j/policy/agenda/kihon02.html>.

D.M. AN

*Senior Lecturer,
Kazan (Volga Region) Federal University,
Kazan, Russia
ORCID: 0000-0001-7831-4243*

M.A. NIZAMOV

*Teacher of Kazan (Privolzhsky)
federal university, Kazan, Russia
ORCID: 0000-0002-2199-4855*

THE PROBLEM OF THE REVISION OF ARTICLE 9 JAPANESE CONSTITUTIONS: DIFFERENCES IN THE APPROACHES OF LEADING POLITICAL PARTIES

The return of Shinzo Abe to the post of Prime Minister of Japan in 2012 preceded the promotion of an initiative to revise Article 9 of the Japanese Constitution, which secured the latter's refusal to own its own army and from war as a means of resolving international conflicts. However, despite the actions taken, there is currently an ongoing discussion about the need to amend the country's basic law. This article provides a chronological sequence of attempts to change the pacifist orientation of the Constitution, examines the main factors hindering the implementation of the initiative.

Key words: *Japan, Japanese constitution, ninth article, Japanese policy, Japan Self-Defense Forces.*

К.Х. РАХИМОВ

*кандидат исторических наук, старший преподаватель
кафедры теории и истории международных отношений
Российского университета дружбы народов;
руководитель Сектора Центральной Азии
Центра исследований постсоветских стран, Россия, г. Москва*

У.Х. АЗИМОВ

*аспирант кафедры теории и истории международных
отношений Российского университета
дружбы народов, Россия, г. Москва*

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ МЕЖДУ РЕСПУБЛИКОЙ ТАДЖИКИСТАН И КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКОЙ В РАМКАХ ШОС

В данной статье представлен углубленный анализ растущего партнерства между Таджикистаном и Китаем в рамках ШОС, охватывающий ряд ключевых областей, включая экономические и торговые отношения, сотрудничество в области политики и безопасности, а также культурные обмены и контакты между людьми.

В статье представлен всеобъемлющий обзор отношений Таджикистана и Китая в рамках ШОС, подчеркивается значительный прогресс, достигнутый за последние годы, и сохраняющиеся проблемы. В статье также рассматривается роль китайской инициативы "Один пояс - один путь" (ОПОП) в укреплении взаимосвязанности и экономического сотрудничества между двумя странами.

Целью данной статьи является анализ взаимодействия между Таджикистаном и Китаем в рамках ШОС. В частности, в этой статье будут рассмотрены экономические, политические отношения и отношения в области безопасности между двумя странами в рамках ШОС. Цель этой статьи – дать всесторонний обзор исторических предпосылок, текущего статуса и будущих перспектив отношений Таджикистана и Китая в рамках ШОС.

Ключевые слова: *Таджикистан, Китай, Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), взаимодействие, безопасность, партнеры, Один пояс – один путь (ОПОП).*

Введение. Взаимодействие между Республикой Таджикистан и Китайской Народной Республикой в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) становится все более важной темой в области международных отношений. ШОС – это евразийский политический, экономический альянс и альянс в области безопасности, который был создан в 2001 году Китаем, Россией, Казахстаном, Кыргызстаном, Таджикистаном и Узбекистаном. С тех пор организация расширилась, включив Индию, Иран и Пакистан в качестве полноправных членов.

Взаимодействие между Таджикистаном и Китаем в рамках ШОС является значительным из-за стратегической важности обеих стран в регионе. Таджикистан – страна в Центральной Азии, не имеющая выхода к морю, которая граничит с Китаем, Афганистаном, Узбекистаном и Кыргызстаном. Китай, с другой стороны, является крупной глобальной державой, обладающей значительным экономическим и политическим влиянием в Азии и за ее пределами. ШОС предоставляет Таджикистану и Китаю платформу для расширения их сотрудничества в различных областях, включая торговлю, инвестиции, безопасность и дипломатию [7. С. 87-88].

Таким образом, данная статья призвана внести вклад в понимание взаимодействия между Таджикистаном и Китаем в рамках ШОС. В следующих разделах будет представлен подробный анализ исторических предпосылок, экономических и торговых отношений, политического сотрудничества и сотрудничества в области безопасности, а также будущих перспектив отношений Таджикистана и Китая в рамках ШОС.

Исторические предпосылки взаимодействия Таджикистана и Китая в рамках ШОС. Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) была создана в 2001 году в качестве региональной платформы для стран-членов с целью расширения их сотрудничества в различных областях, включая экономику, политику и вопросы безопасности. Таджикистан был одним из членов-основателей организации, наряду с Китаем, Россией, Казахстаном, Кыргызстаном и Узбекистаном [2. С. 194-197].

Отношения между Таджикистаном и Китаем восходят к древним временам, когда две страны разделяли протяженную границу, протянувшуюся более чем на 400 километров. В последние годы взаимоотношения между двумя странами приобретают все большее значение, поскольку Китай становится крупной экономической и политической державой в регионе.

ШОС обеспечила двум странам основу для расширения их сотрудничества в различных областях. Экономическое сотрудничество было одним из ключевых направлений деятельности, при этом Китай стал крупнейшим торговым партнером Таджикистана. Две страны подписали несколько соглашений по содействию торговле и инвестициям, включая Соглашение о свободной торговле между Китаем и Таджикистаном [4].

Сотрудничество в области политики и безопасности также было важной областью внимания Таджикистана и Китая в рамках ШОС. Две страны тесно сотрудничают в таких областях, как борьба с терроризмом, незаконным оборотом наркотиков и безопасностью границ. Китай оказал военную помощь Таджикистану для укрепления его потенциала в области безопасности [5].

Однако отношения между Таджикистаном и Китаем в рамках ШОС не были лишены проблем. Одной из главных проблем была проблема пограничных споров, когда обе страны претендовали на определенные территории вдоль их общей границы. Кроме того, тесные отношения Таджикистана с Россией иногда рассматривались как источник напряженности в отношениях Таджикистана и Китая.

Историческая основа взаимодействия между Таджикистаном и Китаем в рамках ШОС была сформирована давними отношениями, а также созданием ШОС в качестве платформы для расширения сотрудничества. Сотрудничество в области экономики, политики и безопасности было ключевыми областями внимания, хотя такие проблемы, как пограничные споры и роль России в регионе, также повлияли на отношения [8. Р. 291-294].

Экономические и торговые отношения между Таджикистаном и Китаем в рамках ШОС. Экономические и торговые отношения между Таджикистаном и Китаем неуклонно развиваются в основном в двустороннем формате и в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Китай стал крупнейшим торговым партнером Таджикистана, объем двусторонней торговли в 2021 году превысил 1 миллиард долларов.

Одной из главных движущих сил экономического сотрудничества между двумя странами стала китайская инициатива «Один пояс – один путь» (ОПОП), которая направлена на укрепление связей и экономического сотрудничества между Китаем и странами, расположенными вдоль древнего Шелкового пути. Таджикистан является ключевым участником ОПОП, в стране при китайском финансировании реализуется несколько инфраструктурных проектов, включая строительство автомагистрали Душанбе-Кульма и газопровода Китай-Центральная Азия [1. С. 243-249].

Экономическое сотрудничество между Таджикистаном и Китаем в рамках ШОС также включало в себя заключение Китайско-таджикского соглашения о свободной торговле в 2018 году, которое способствовало торговле товарами и услугами между двумя странами. Таджикистан определил несколько приоритетных областей для экономического сотрудничества с Китаем, включая сельское хозяйство, горнодобывающую промышленность, энергетику и туризм [3. С. 159-168].

Несмотря на рост экономического сотрудничества, существуют проблемы, которые необходимо решать. Экономика Таджикистана в значительной степени зависит от денежных переводов от трудящихся-мигрантов, и

пандемия COVID-19 оказала значительное влияние на экономику страны. Ограниченная инфраструктура и транспортные связи в Таджикистане также ставят перед страной задачу в полной мере использовать экономические возможности, предоставляемые ОПОП [9. Р. 179-186].

Следует отметить, что экономические и торговые отношения между Таджикистаном и Китаем в рамках ШОС неуклонно развиваются благодаря ОПОП и заключению Китайско-таджикского соглашения о свободной торговле. Две страны определили несколько приоритетных областей для экономического сотрудничества, хотя для полного использования экономических возможностей, предоставляемых ШОС, необходимо решить такие проблемы, как последствия пандемии COVID-19 и ограниченность инфраструктуры в Таджикистане.

Сотрудничество в области политики и безопасности между Таджикистаном и Китаем в рамках ШОС. Сотрудничество в области политики и безопасности было и остается важной областью внимания Таджикистана и Китая в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Две страны тесно сотрудничают в таких областях, как борьба с терроризмом, незаконным оборотом наркотиков и безопасностью границ.

Одним из основных направлений сотрудничества между Таджикистаном и Китаем была борьба с терроризмом. Таджикистан расположен на пересечении основных маршрутов наркотрафика, и терроризм остается серьезной угрозой в регионе Центральной Азии. Китай оказал значительную поддержку Таджикистану в укреплении его потенциала в области безопасности, включая организацию обучения сил безопасности Таджикистана и предоставление военной помощи для укрепления безопасности границ.

Безопасность границ также была важной областью внимания для сотрудничества между двумя странами, учитывая общую границу между Таджикистаном и Китаем. Две страны подписали несколько соглашений по усилению пограничной безопасности, включая Соглашение о совместных мерах по усилению пограничного контроля между Таджикистаном и Китаем.

Кроме того, политическое сотрудничество между Таджикистаном и Китаем также расширяется в рамках ШОС. Две страны тесно сотрудничали по вопросам, связанным с региональной стабильностью, включая поддержку афганского мирного процесса. Две страны также совместно работали над продвижением региональной экономической интеграции и улучшением взаимосвязанности в регионе через ОПОП [6. С. 33-35].

Однако существуют проблемы для сотрудничества в области политики и безопасности между Таджикистаном и Китаем в рамках ШОС. Одной из главных проблем была проблема пограничных споров, когда обе страны претендовали на определенные территории вдоль их общей границы. Кроме

того, тесные отношения Таджикистана с Россией иногда рассматривались как источник напряженности в отношениях Таджикистана и Китая.

Выводы. Отношения между Республикой Таджикистан и Китайской Народной Республикой в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) в последние годы неуклонно растут и расширяются. Две страны сотрудничали в широком спектре областей, включая экономические и торговые отношения, сотрудничество в области политики и безопасности, а также культурные обмены и контакты между людьми.

Экономические и торговые отношения между двумя странами стали особым событием, когда Китай стал крупнейшим торговым партнером Таджикистана и ключевым инвестором. Китайская инициатива «Один пояс и один путь» (ОПОП) сыграла значительную роль в укреплении связей и экономического сотрудничества между двумя странами, при этом несколько инфраструктурных проектов реализуются в Таджикистане при китайском финансировании.

Сотрудничество в области политики и безопасности между Таджикистаном и Китаем также сыграло важную роль в решении общих проблем, таких как терроризм, незаконный оборот наркотиков и региональная стабильность. Две страны тесно сотрудничали и взаимодействуют в таких областях, как безопасность границ, борьба с тремя силами зла, экономика, инвестиция, инфраструктурные проекты и поддержка афганского мирного процесса.

Однако такие вызовы, как пограничные споры и роль России в регионе, продолжают формировать отношения Таджикистана и Китая в рамках ШОС. Тесные отношения Таджикистана с Россией иногда рассматривались как источник напряженности в отношениях Таджикистана и Китая, и двум странам еще предстоит полностью урегулировать свои пограничные споры.

Отношения Таджикистана и Китая в рамках ШОС являются важным партнерством, которое потенциально может принести значительные выгоды обеим странам и евразийскому региону в целом. Продолжение сотрудничества и диалога между двумя странами будет иметь решающее значение для решения социально-экономических проблем и максимального использования возможностей, предоставляемых рамками ШОС.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Бобозода Ф.Т.* Взаимоотношения Республики Таджикистан с Китайской Народной Республикой в рамках ШОС и ООН / Ф.Т. Бобозода, И. Зокиров // Государственное управление. 2020. № 4-2 (49).
2. *Камолов Т.М.* Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) – как форма политико-правовой защиты суверенитета стран-участниц ШОС //

Вестник Таджикского национального университета. Серия социально-экономических и общественных наук. 2016. № 2/4 (204).

3. *Каримова М.* Перспективы экономического сотрудничества Таджикистана со странами ШОС // Центральная Азия и Кавказ. 2012. Т. 15. № 1. EDN PYGKTZ.

4. Китай и Таджикистан: Инвестиции и торговля // <https://prc.today/kitaj-i-tadzhikistan-investiczii-i-torgovlya/>.

5. *Ли Цзин.* Сотрудничество Республики Таджикистан и Китайской Народной Республики в рамках ШОС: специальность 07.00.02 «Отечественная история»: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Душанбе, 2013. EDN SURPHR.

6. *Махмадов П.А.* Сотрудничество Республики Таджикистан и Китайской Народной Республики в области безопасности в рамках ШОС // Россия и Китай: аспекты взаимодействия и взаимовлияния: Материалы V заочной Международной научно-практической конференции, Благовещенск, 22-30 октября 2013 года / под ред. Н.Л. Глазачевой, О.В. Залесской. Благовещенск: Благовещенский государственный педагогический университет, 2013. EDN SMECBH.

7. *Холикназар Х.* Республика Таджикистан и Программа многостороннего торгово-экономического сотрудничества государств-членов ШОС // Kishovarz. 2015. № 1. EDN TTAANH.

8. *Huseynzoda A.* The historical importance of Tajikistan's initiatives within the framework of SCO activities / A. Huseynzoda, Sh. Farzonai // Herald of the Pedagogical University. 2021. No. 4 (93).

9. *Mirzoev N.M.* Relations between the Republic of Tajikistan and China within the SCO / N.M. Mirzoev, H. Mirzoev // Herald of the Pedagogical University. 2019. No. 6 (83). EDN KZKGNB.

K.Kh. RAKHIMOV

*Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer
Department of Theory and History of International Relations of the
Peoples' Friendship University of Russia;
Head of the Central Asia Sector
Center for Post-Soviet Studies, Moscow, Russia*

U.Kh. AZIMOV

*Postgraduate Student, Department of theory and History
of International relations of the Russian University
friendship of peoples, Moscow, Russia*

INTERACTION BETWEEN THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN AND THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA WITHIN THE SCO

This article provides an in-depth analysis of the growing partnership between Tajikistan and China within the framework of the SCO, covering a number of key areas, including economic and trade relations, political and security cooperation, and cultural exchanges and people-to-people contacts.

The article provides a comprehensive overview of the relationship between Tajikistan and China within the framework of the SCO, highlighting the significant progress made in recent years and the challenges that remain. The article also examines the role of China's Belt and Road Initiative (OBOR) in strengthening interconnectedness and economic cooperation between the two countries.

The purpose of this article is to analyze the interaction between Tajikistan and China within the framework of the SCO. In particular, this article will examine the economic, political and security relations between the two countries within the framework of the SCO. The purpose of this article is to provide a comprehensive overview of the historical background, current status and future prospects of Tajikistan-China relations within the framework of the SCO.

Key words: *Tajikistan, China, Shanghai Cooperation Organization (SCO), interaction, security, partners, One Belt, One Road (OBOR).*

О.Э. ГАФАРОВ

*младший научный сотрудник Института востоковедения РАН,
Центр научно-аналитической информации ИВ РАН,
Россия, г. Москва*

ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ФАКТОР ВО ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ СТРАН-УЧАСТНИЦ ОРГАНИЗАЦИИ ТЮРКСКИХ ГОСУДАРСТВ

В статье рассматриваются взаимоотношения между странами-участницами Организации тюркских государств (ОТГ) в энергетической сфере, а также как богатые природные ресурсы бывших республик Советского Союза, с преобладающим тюркским населением, способствовали установлению и развитию межгосударственных отношений с Турцией. Данная сфера считается одной из главных направлений развития контактов между странами-участницами ОТГ. Автором выявляются основные предпосылки для усиления контактов, а также проблемные точки, тормозящие развитие сотрудничества между странами.

Из анализа истории развития и установления связей между тюркскими государствами в энергетической сфере можно сделать вывод, что на сегодняшний день успех развития сотрудничества между тюркскими странами в первую очередь зависит от ситуации на Южном Кавказе, особенно от взаимоотношений Анкары с Баку. Поскольку Казахстан, Узбекистан, Туркменистан и Кыргызстан по различным причинам мало проявляют активности к расширению контактов с левым берегом Каспия, Азербайджан и Турция выступают локомотивами в этой сфере. В связи с этим, появление и модернизация энергетической инфраструктуры на Южном Кавказе, автоматически приведет к расширению контактов в первую очередь между странами-участницами ОТГ.

Ключевые слова: *Организация тюркских государств, Азербайджан, Казахстан, Кыргызстан, Туркменистан, Турция, Узбекистан, энергетический сфера.*

Энергетическая сфера является одним из важных факторов во взаимоотношениях между тюркскими государствами как на двустороннем уровне, так и в рамках Организации тюркских государств. Энергетика, а более конкретно углеводородное сырье (нефть и газ), с первых дней независимой

политики тюркских государств на международной арене, стала одной из общих точек соприкосновения между Турцией и Азербайджаном, Казахстаном, Узбекистаном, Туркменистаном. Исключение в данном случае составляет лишь Кыргызстан, поскольку республика не обладает значительными запасами углеводородного сырья и большую часть, около 95%, нефтепродуктов завозит из других стран, в частности из России, а голубое топливо из соседних центральноазиатских государств.

Тем не менее, на каждом саммите тюркских стран в итоговой декларации особо отмечается пункт о значимости энергетической сферы в выстраивании долгосрочных и доверительных отношений. Акцентирование внимания не только со стороны Турции, но других тюркских стран, на этом направлении имеет ряд причин. Во-первых, после восстановления и обретения независимости тюркские государства столкнулись со значительными финансово-экономическими проблемами, которые можно было решить исключительно привлечением прямых иностранных инвестиций. Во-вторых, большинство секторов экономики каждой из стран по различным причинам регрессировали, а единственная отрасль, которая могла бы привлечь крупные финансовые вложения извне, была нефтегазовая. Она могла создать большое количество рабочих мест, и что самое главное запустить быстрое развитие экономики.

Так, например, на 2022 год доказанные запасы нефти и голубого топлива в странах-участницах ОТГ следующие:

Страна	Нефть	Доля мировых запасов	Газ	Доля мировых запасов
Азербайджан [23]	1 млрд. тонн (7 млрд. баррелей)	0,4%	2,4 трлн. кубометров	1,4 %
Казахстан [6]	11-12 млрд. тонн (30 млрд. баррелей)	1,8 %	1,3 трлн. кубометров	0,7 %
Узбекистан [7]	около 200 млн. тонн (700 млн. баррелей)	0,05	1,2 трлн. кубометров	0,7 %
Туркменистан [19]	100 млн. тонн (500 млн. баррелей)	0,04 %	около 20 трлн. кубометров	10 %

Следует отметить, что в целом запасы и добыча сырой нефти в тюркских государствах, за исключением Азербайджана и Казахстана, не очень значительны. Большая часть добытой нефти идет на внутреннее потребление. Тем не менее, это лишь доказанные запасы. Ежегодно эти числа меняются, а по некоторым данным геологические запасы углеводородного сырья превышают существующие в несколько раз.

Тем не менее, несмотря на то, что тюркские страны заявляли о заинтересованности сотрудничества в энергетической сфере, также, как и в транспортно-логистической, достичь конкретных результатов до настоящего времени так и не удалось. Фактически, лишь Азербайджан совместно с Турцией, в виду относительно географической близости смогли реализовать конкретные проекты в нефтегазовой отрасли и по способам транспортировки углеводородного сырья на мировой рынок, используя свои возможности и территории.

Одним из них, а точнее базовым проектом стал «Контракт века», подписанный 20 сентября 1994 года во дворце Гюлистан в столице Азербайджана, Баку между представителями 13 крупных нефтедобывающих компаний из 8 стран (Азербайджан, Турция, США, Япония, Великобритания, Норвегия, Россия, Саудовская Аравия). Данный проект о совместной разработке трех нефтяных месторождений – «Азери – Чираг – Гюнешли» в азербайджанском секторе Каспийского моря, позволил республике вывести свою нефть на мировые рынки через трубопровод Баку-Супса (Азербайджан-Грузия), введенном в эксплуатацию 17 апреля 1999 года специально для этих целей [24]. Благодаря этому, по данным Всемирного Банка, ВВП Азербайджана в период с 2000-2006 гг. вырос с 5,2 млрд. до 20 млрд. долларов [20]. Вырученные деньги от продажи нефти создали возможность для Азербайджана реализовывать свои крупные проекты, направленные на усиление субъектности страны на международной арене и независимости всех отраслей государства.

Еще одним важным проектом, который укладывается в видение ОТГ, стал нефтепровод Баку-Тбилиси-Джейхан (БТД), по которому азербайджанская нефть транспортируется из Каспийского моря в турецкий порт Джейхан, а оттуда на европейские рынки через Средиземное море. Его длина составляет 1768 км. Он проходит через Азербайджан (443 км), Грузию (249 км) и Турцию (1076 км). Пропускная способность составляет 50 млн. тонн нефти в год [21].

Владельцем нефтепровода является международный консорциум ВТС Со. Акционеры ВТС Со. – BP (30,1%), Государственная нефтяная компания Азербайджана (ГНКАР) (25%), MOL (8,90%), Equinor (8,71%), ТРАО (6,53%), Eni (5%), Total (5%), Itochu (3,4%), INPEX (2,5%), ExxonMobil (2,5%), ONGC (ВТС) Limited (2,36%) [22].

Первоначальная стоимость проекта трубопровода БТД оценивалась в 2,95 млрд. долларов, однако в итоге эта цифра достигла 4,3 млрд. долларов, а если учесть банковские кредиты, то получается, что затраты превышают 5 млрд. долларов [11].

В октябре 1998 года США, Азербайджан, Турция, Грузия, Казахстан и Узбекистан заявили о своей поддержке трубопровода БТД в подписанной ими Анкарской декларации. Позже эти договоренности были подтверждены

межправительственным соглашением, формально заложившем основу проекта между Турцией, Азербайджаном, Грузией, Туркменистаном и Казахстаном на саммите ОБСЕ в Стамбуле, организованном президентом Турции Сулейманом Демирелем [4].

Трубопровод, в конечном итоге, был сдан в эксплуатацию в июне 2006 года. Тем не менее, несмотря на реализацию проекта, возможность заполнения трубы большими объемами азербайджанской нефти вызвали сомнения, поскольку доказанные запасы на тот момент отличались от сегодняшних [12]. Учитывая тогдашние реалии, было решено, что к данной инфраструктуре со временем должны будут подключиться тюркские страны Центральной Азии, в первую очередь, Казахстан. Его участие было крайне важно для обеспечения рентабельности проекта.

Казахстан не был против участия в данном проекте, поскольку осознал, что добыча углеводородного сырья в стране будет расти, а загруженность одного маршрута может замедлить выход казахстанской нефти на мировые рынки и чревато экономическими издержками. Так, например, в 2004 году Астана добыла 60 млн. тонн нефти, а 2010 году эта цифра составила уже 100 млн. тонн. Это заставило Аккорду налаживать транспортно-энергетические коридоры с сопредельными странами т.е. с Азербайджаном [10].

Переговоры между государственной нефтяной компанией Азербайджана SOCAR и казахстанской компанией КазМунайГаз о подключении Казахстана к проекту БТД начались в ноябре 2002 года. Спустя 4 года, 16 июня 2006 года был подписан договор о присоединении Казахстана к данному проекту. Документ предусматривает организацию танкерной перевозки казахстанской нефти из Актау в Баку через Каспий и ее дальнейшую транспортировку по нефтепроводу БТД. Итогом стало то, что 3 ноября 2008 года по нефтепроводу началась транспортировка казахской нефти. На начальном этапе планы включали ежегодную транспортировку 25 млн тонн нефти, впоследствии ее увеличение прокачки до 38 млн. тонн [9].

Что касается Туркменистана, то Ашхабад с 2010 года также участвует в проекте БТД и транспортирует по нему свое углеводородное сырье. На сегодняшний день по трубопроводу БТД на мировые рынки экспортировано в общей сложности 32 млн тонн туркменской нефти [14].

По состоянию на 13 июля 2022 года, по трубопроводу с момента ввода в эксплуатацию транспортировано 518 млн тонн нефти (3,8 млрд баррелей), из них 463 млн тонн нефти Азербайджана. Ежедневная транспортировка составляет 660 тыс. баррелей, в том числе 440 тыс. с месторождения Азери – Чираг – Гюнешли, 100 тыс. – конденсат с месторождения Шах-Дениз, 120 тыс. баррелей – нефть иных стран [13].

Сегодня, учитывая современные геополитические реалии на международной арене, подается все больше обращений для увеличения транзита

нефти через трубопровод БТД и даже Баку-Супса. Так, например, Казахстан в рамках диверсификации экспорта нефти разработал специальную дорожную карту, согласно которой с 1 января 2023 года планирует отгружать 1,5 млн тонн нефти по нефтепроводу БТД. Прорабатывается дальнейшее увеличение отгрузки до 6-6,5 млн. тонн [8].

В рамках этого плана также планируется прокачка казахстанской нефти по трубопроводу Баку-Супса, который в настоящий момент не эксплуатируется. Это необходимо для дальнейшей загрузки Батумского нефтяного терминала на черноморском побережье Грузии, находящегося в собственности «КазТрансОйл» [8].

Что касается Узбекистана, то несмотря на то, что Ташкент выражал заинтересованность в реализации проект БТД, сотрудничество в области экспорта углеводородного сырья, через существующую инфраструктуру Азербайджана, не производилось. В первую очередь, это связано было, с тем, что в Узбекистане отсутствуют крупные месторождения, которые можно было бы перенаправить на экспорт [16]. Кроме этого, поскольку в стране растет население и идет активное развитие всех секторов экономики, спрос на энергоресурс растет. Учитывая эти факторы, руководство Узбекистана вынуждено с каждым годом сокращать свой экспорт нефти и газа [17].

Тем не менее, с 2022 года, наблюдается активизация сотрудничества с Азербайджаном в других направлениях в сфере энергетики. Так, 29 августа 2022 Ташкент и Баку подписали дорожную карту по энергетическому взаимодействию до 2023 года включительно [18]. Документ охватывает 30 направлений, таких как: создание совместной рабочей группы, сотрудничество на освобожденных территориях Азербайджанской Республики, участие узбекских компаний в проектах по возобновляемым источникам энергии, а также совместная деятельность в углеводородном секторе. Кроме того, стороны договорились по экспорту и импорту нефтегазовой и химической продукции, нефтепереработке, а также геологоразведке и добыче углеводородов.

Что касается сотрудничества в газовой отрасли, то одним из важных проектов, вписывающихся в рамки видения ОПГ, является Трансанатолийский газопровод (TANAP). В Турции и Азербайджане считают данный проект одним из важнейших показателей успешного сотрудничества между двумя странами в области энергетики. TANAP является ключевым участком газового коридора, соединяющим Южно-Кавказский (Баку-Тбилиси-Эрзурум) и Трансадриатический трубопроводы (TAP) [27].

Акционерами TANAP являются компания «Южный газовый коридор» (SGC) (51%), BOTAŞ (30%), BP Pipelines (TANAP) Limited (12%) и SOCAR Turkey Enerji A.Ş. (7%) [25]. Южно-Кавказский (Баку-Тбилиси-Эрзурум) трубопровод: BP (29,99%), «Лукойл» (19,9%), TP (19%), SOCAR (14,35%),

NICO 10%), SGC Midstream (6,67%) [26]. Трубопровод ТАР: BP (20%), SOCAR (20%), Snam SpA (20%), Fluxys (19%), Enagas (16%) и Ахро (5%) [28].

Данный проект имеет наибольшую привлекательность для сотрудничества не только среди стран участниц ОТГ, но и третьих сторон, особенно ЕС и США. Так, 18 июля 2022 года председатель Европейской комиссии Урсула фон дер Ляйен совершила визит в Баку [1]. По итогам встречи с президентом Азербайджана Ильхамом Алиевым был подписан меморандум, согласно которому через пять лет Баку нарастит поставки природного газа в Европу до 20 млрд. кубометров в год. По итогам 2021 года республика экспортировала 8 млрд кубометров газа в страны Европы, в основном Италию и Балканский регион.

На этом фоне, Баку наряду с Анкарой приступили к расширению пропускной способности TANAP до 32 млрд. куб. м. в год. Нынешняя пропускная способность газопровода составляет 16 млрд. куб. м. в год.

Как отмечают эксперты, на расширение TANAP, а также его европейского продолжения ТАР уйдет 4-5 лет, однако для этого не понадобится укладывать новые трубы. Достаточно построить новые компрессорные станции. Физически по трубопроводу дополнительное строительство не понадобится, потому что заранее был взят диаметр трубы (1220 мм) для расширения стартовых поставок газа вдвое. Поэтому до TANAP понадобится построить две компрессорных станции, а на турецкой территории – четыре [2].

Наряду с этим, 1 октября 2022 г. официально был запущен в эксплуатацию газопровод (интерконнектор) из Греции в Болгарию. В церемонии запуска в Софии приняли участие глава Еврокомиссии Урсула фон дер Ляйен, президенты Болгарии, Сербии, Северной Македонии и Азербайджана, главы правительств Румынии и Греции. Предполагается, что по новому газопроводу Болгария сможет получать от 3 до 5 миллиардов кубических метров газа из Азербайджана, а также сжиженный газ из СПГ терминала в Александруполи, Греции [5].

Строительство 182- км газопровода из греческого Комотины до Стары-Загоры было начато в 2019 г. и частично профинансировано из бюджета Евросоюза. Стоимость проекта в общей сложности составил 240 млн. евро [5].

Таким образом, успешная реализация данных проектов Азербайджаном совместно в координации с Турцией создало так называемую «витрину» сотрудничества двух тюркских государств, без оглядки на третьи силы. Созданная газораспределительная система на левом берегу Каспия стала постепенно привлекать тюркские страны Центральной Азии, особенно Туркменистан и Казахстан.

Так, 14 декабря 2022 года на второй трехсторонней встрече лидеров стран Турции, Азербайджана и Туркменистана были обговорены вопросы поставок туркменского газа через территорию стран участниц ОТГ на западные рынки [15].

Тем не менее, исходя из подписанных документов, говорить, что они смогли достичь конкретных результатов по реализации поставок туркменского газа в западном направлении, пока не приходится. Стороны испытывают дефицит в привлечении крупных финансовых средств для строительства этого проекта через Каспийское море и далее уже по существующей газораспределительной инфраструктуре стран региона. Так, например, Баку не раз заявлял, что он не намерен участвовать в осуществлении таких планов, если главная страна экспортер углеводородного сырья (Туркменистан), не готова взять на себя обязательства по финансированию большей части проекта [3].

Единственный вариант, как заявляют региональные эксперты, это выделение средств со стороны ЕС или США для реализации этого проекта. Однако их заинтересованность на сегодняшний день проявляется лишь в официальных заявлениях. Тем не менее, специалисты полагают, что, на фоне энергетического кризиса, Брюссель и Вашингтон начнут более активно работать в этом направлении, особенно в регионе Центральной Азии.

Таким образом, создание разветвленной нефтегазовой инфраструктуры на левом берегу Каспия все больше привлекает внимание тюркских стран Центральной Азии с целью диверсификации путей поставок углеводородного сырья на мировые рынки. В этом контексте особо стоит отметить, что речь идет именно о создании альтернативного пути, но без полного перехода на использование ТМТМ в качестве единственного коридора. Потрясения на международной арене в 2022 году, объективно показало уязвимость использования лишь одного пути, без развития других.

Иными словами, если до 2022 года страны-участницы ОТГ не активно шли на расширение сотрудничества в энергетической сфере, то уже в после изменения цепочки поставок сырья, тюркские государства интенсифицировали контакты в этой области. Исходя из подписанных дорожных карт между странами, а также повестки встреч, контакты в этом направлении будут только наращиваться. Это касается не только нефтегазовой сферы, но и безусловно возобновляемых источников энергии.

Тем не менее, поскольку энергетический сектор хотя и является одним из самых прибыльных, без крупных финансовых затрат на реализацию какого-либо проекта не обойтись. В связи с этим, а также исходя из тенденции развития связей стран участниц ОТГ, успешная реализация энергетических проектов на левом берегу Каспия будут мотивировать на расширение контактов тюркских стран Центральной Азии с Южным Кавказом и далее с Турцией.

В этом контексте стоит ожидать, что после окончания строительства терминала по сжижению природного газа в Азербайджане и Грузии с дальнейшим выходом через грузинские порты на европейские страны, а также реализация проекта подводного кабеля для поставки «зеленой» электроэнергии в Европу, остальные тюркские страны постепенно начнут подключаться к этой сети.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Азербайджан и ЕС подписали меморандум о стратегическом сотрудничестве в энергетике // ТАСС // <https://tass.ru/ekonomika/15245219>.
2. Азербайджан и Турция расширяют «Южный газовый коридор» // Вестник Кавказа // <https://vestikavkaza.ru/news/ankara-i-baku-uvelicatosnost-tanar-radi-energobezopasnosti-evropy.html>.
3. Азербайджан не будет инициатором Транскаспийского МГП // Neftegaz Ru // <https://neftegaz.ru/news/transport-and-storage/749626-azerbaydzhan-nebudet-initsiatorom-transkaspiskogo-mgp/>.
4. Анкарская декларация от 29 октября 1998 года // ЗАКОН КЗ // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1030098&pos=2;-50#pos=2;-50.
5. В Болгарии официально ввели в эксплуатацию межсистемный болгаро-греческий газопровод // ТАСС // <https://tass.ru/ekonomika/15929295>.
6. В рейтинге стран по запасам нефти Казахстан на 11-м месте // Капитал центр деловой информации // <https://kapital.kz/economic/91610/v-reytinge-stran-po-zapasam-nefti-kazakhstan-na-11-m-meste.html>.
7. Запасы природного газа в Узбекистане оцениваются в 1,86 трлн кубометров // Газета.uz // <https://www.gazeta.uz/ru/2021/08/10/gas-reserves/>.
8. Казахстан планирует отгрузить 1,5 млн т нефти по нефтепроводу Баку-Тбилиси-Джейхан // Neftegaz Ru // <https://neftegaz.ru/news/oilservice/758212-kazakhstan-planiruet-otguzhat-1-5-mln-t-nefti-po-nefteprovodu-baku-tbilisidzheykhan/>.
9. «КазМунайГаз» и ГНКАР подписали Соглашение об основных принципах реализации транскаспийского проекта // kazakhstan today // https://www.kt.kz/rus/economy/kazmunajgaz_i_gnkar_podpisali_soglashenie_ob_osnovnih_principah_realizacii_transkaspiskogo_proekta_s_dopolneniem_1153468052.html.
10. Нефтегазовая отрасль Республики Казахстан: цифры и факты // ЗАКОН КЗ // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30018355&pos=2;-62#pos=2;-62.
11. Нефтепровод Баку-Тбилиси-Джейхан им. Гейдара Алиева. Справка // РИА НОВОСТИ // <https://ria.ru/20090417/168381928.html>.

12. Нефть Азербайджана: предъявите пропуск! // NeftegazRu // <https://neftegaz.ru/news/transport-and-storage/316128-neft-azerbaydzhana-predyavite-propusk/>.

13. Парвиз Шахбазов: По БТД транспортировано около 518 млн тонн нефти // АРА // <https://ara.az/ru/energetika-i-promyshlennost/parviz-saxbazov-po-btd-transportirovano-okolo-518-mln-tonn-nefti-487347>.

14. По трубопроводу БТД на мировые рынки экспортировано 32 млн тонн туркменской нефти – глава SOCAR // Interfax Az // <http://interfax.az/view/879485>.

15. Туркмения, Турция и Азербайджан будут совместно экспортировать туркменский газ // Нефть Капитал // <https://oilcapital.ru/news/2022-12-15/turkmeniya-turtsiya-i-azerbaydzhan-budut-sovmeštno-eksportirovat-turkmenskiy-gaz-2616852>.

16. Узбекистан даже полностью прекратил экспорт газа, настолько не хочет газотранспортного союза с РФ и РК? // Neftegaz Ru // <https://neftegaz.ru/news/gazoraspredelenie/762088-uzbekistan-polnoštyu-prekratil-eksport-gaza/>.

17. Узбекистан приостановил экспорт бензина и дизтоплива // Газета UZ // <https://www.gazeta.uz/ru/2022/07/21/export/>.

18. Узбекистан и Азербайджан подписали «дорожную карту» по расширению сотрудничества в области энергетики // Электроэнергетический Совет Содружества Независимых Государств Исполнительный комитет // http://energo-cis.ru/news/uzbekistan_i_azerbay1662370494/.

19. BP: На 20,4% увеличила добычу газа Туркмения в 2021 году, нефти – на 15,5% // Нефть Капитал // <https://oilcapital.ru/news/2022-06-29/bp-na-20-4-увеличила-dobychu-gaza-turkmeniya-v-2021-godu-nefti-na-15-5-1031111>.

20. Azerbaijan // The World Bank // <https://data.worldbank.org/country/AZ>.

21. Bakı-Tbilisi-Ceyhan Əsas İxrac Boru Kəməri // Oil Fund // <https://www.oilfund.az/projects/1>.

22. Bakı-Tbilisi-Ceyhan Boru kəməri // BP Azerbaijan // https://www.bp.com/az_az/azerbaijan/home/who-we-are/operationsprojects/pipelines/btc.html.

23. Oil sector // President of the Republic of Azerbaijan İlham Aliyev // <https://president.az/en/pages/view/azerbaijan/contract>.

24. ƏSRİN MÜQAVİLƏSİ // Energetika Nazirliyi // <https://minenergy.gov.az/az/neft/esrin-muqavilesi>.

25. Shareholders // TANAP // <https://www.tanap.com/en/shareholders>.

26. South Caucasus pipeline // BP Azerbaijan // https://www.bp.com/en_az/azerbaijan/home/who-we-are/operationsprojects/pipelines/scp.html.

27. TANAP // TANAP // <https://www.tanap.com/en/tanap-project>.

28. TAP's shareholders // Trans Adriatic Pipeline // <https://www.tap-ag.com/about-tap/taps-shareholders>.

O.E. GAFAROV

*Junior Researcher, Institute of Oriental Studies,
Russian Academy of Sciences, Center for Scientific
and Analytical Information, Moscow, Russia*

THE ENERGY FACTOR IN THE RELATIONS BETWEEN THE COUNTRIES PARTICIPATING IN THE ORGANIZATION OF TURKIC STATES

The article is devoted to the relationship between the countries participating in the Organization of Turkic States (OTS) in the energy sector. How the rich natural resources of the former republics of the Soviet Union, with a predominantly Turkic population, contributed to the development of interstate relations with Turkey. This area is considered one of the main directions for developing contacts between the countries participating in the OTS.

Author identifies the main prerequisites for strengthening contacts, as well as problem points that hinder the development of cooperation between countries.

Based on the analysis of the history of development and the establishment of ties between Turkic states in the energy sector, the success of the development of cooperation between Turkic countries today is primarily dependent on the situation in the South Caucasus, particularly the relationship between Ankara and Baku. While Kazakhstan, Uzbekistan, Turkmenistan, and Kyrgyzstan have shown little interest in extending ties with the left bank of the Caspian Sea for different reasons, Azerbaijan and Turkey act as locomotives in this sphere. In this regard, the emergence and modernization of the energy infrastructure in the South Caucasus will automatically lead to the expansion of contacts, primarily between the countries participating in OTS.

Key words: *Organization of Turkic States, Azerbaijan, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Turkmenistan, Turkey, Uzbekistan, energy sector.*

Б. ОМОНОВ

доктор политических наук, профессор
Национального университета Узбекистана,
Узбекистан, г. Ташкент

ПРОЯВЛЕНИЕ ВОСТОЧНОЙ МОДЕЛИ МОДЕРНИЗАЦИИ В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

В данной статье анализируются эволюция «экономических чудес» и процесс политической модернизации в странах Юго-Восточной Азии (Китай, Япония, Индия, Турция и др.), а также даются выводы, основанные на научном анализе. Зарубежный опыт является хорошим исследованием для ученых, экономистов и политиков государств-членов СНГ.

Ключевые слова: *общество, модернизация, Юго-Восточная Азия, экономическое чудо, концепция развития, модель, основные черты и отличительные аспекты модернизации, японский дух – западные технологии, система нормы поведения, западные технологии и индийское общество, азиатские ценности.*

В последние годы активизировалось новое направление модернизации – исследования «экономических чудес» Юго-Восточной Азии. С самого начала процесс модернизации в Японии проводился под девизом «Японский дух – западные технологии» (wakon-yosai). В данном случае вакоп означает традиционную культуру, восприятие мира в связи с духовными ценностями, йосай – современную культуру, цивилизацию [1].

В становлении японской модернизации особая заслуга ученых С. Судзуки (1579-1655) и Б. Исиды (1685-1744 гг.). С. Судзуки, бывший самурай и правительственный чиновник. В социальной этике основанной на дзэн-буддизме, преобладает японская мораль, которая отвечает духовным, религиозным и экономическим потребностям людей во всех обществах. В феодальном обществе, если торговля рассматривается как «неизбежное зло», мы видим в этой доктрине «религиозное движение», несущее свободу людям. «Если трейдер будет торговать с прибылью, он не добьется успеха. Если он не будет действовать в соответствии с потребностями покупателя и государства – сказал С. Судзуки. – Труд терпение, довольство, по сути, на уровне благочестия, труд – это путь истинной веры» [9].

Б. Исида поднял труд до уровня религии среди трудолюбивых, верных работников. Труд был философской доктриной, проявлявшей религиозный фанатизм в стремлении к цели японцев. Согласно этике Исиды, рабочие и предприниматели держатся подальше от политики и не вмешиваются в политические дела государства. Концепция консенсуса играет ведущую роль на предприятиях. Как писал В. Еремин в своей книге «История Японии», эта концепция, доказавшая свою эффективность, служит основой для всех аспектов японского менеджмента [4].

На основании изученных источников и научного анализа были сделаны следующие выводы относительно модернизации Японии: 1) на практике обеспечивается сочетание образования и воспитания, науки и производства; 2) японцы могут адаптироваться к быстро меняющимся природным штормам, суровым условиям жизни; 3) люди всегда стремятся к экономическому процветанию; 4) в обществе полностью сохраняются религиозная солидарность и коллективный дух; 5) на предприятиях преобладает ориентация на эффективность и качество продукции; 6) система организации труда поднята на более высокий уровень.

В третьем тысячелетии до нашей эры человеческие отношения в Китае регулировались нормами «ли». «Ли» – это система нормы поведения, моральные отношения определяющиеся полом, уровнем родства, поколением, возрастом, социальным статусом людей. В результате классового деления в традиционном обществе преобладало неравенство родственных отношений, и последний кодекс китайской династии определил сорок один тип родства [5]. Система родства зародилась до образования древнекитайской государственности. Но в отличие от других народов китайцы были полностью свободны от пороков феодализма. Это было редким историческим событием в модернизации общества.

После смерти «великого гения» Мао Цзэдуна (1893-1976), настоящие реформы начались с приходом к власти Дэн Сяопина (1904-1997). Красные лозунги смело вводили в общество элементы капиталистических рыночных отношений, несколько раскрепощая ведущую экономику, понимая, что людей нельзя кормить высокими призывами. Частная собственность была объявлена неприкосновенной, так же как государственная и коллективная, иностранным инвесторам предоставлен ряд льгот. Политика «открытых дверей», начатая Дэн Сяопином, была должным образом продолжена его преемниками.

Радикальные реформы, проведенные под руководством Дэн Сяопина, дали положительные результаты. Основная цель руководства заключалась в том, чтобы «не свергнуть социализм, а улучшить и обновить его» [7]. Он не хотел заменять тоталитарную систему совершенной демократической системой. Но он умело провел модернизацию общества.

Дэн Сяопин хотел, чтобы государство и общество достигли настоящего процветания. Он начал реформу с сельского хозяйства, с отмены маоистской системы «народных коммун». Он выбрал путь капитализма и применил рыночные реформы к экономике – и тогда иностранные инвестиции пошли потоком. 13 декабря 1978 г. он объявил, что привержен внедрению «пролетарских демократических принципов».

Знаменитое заявление главы государства, получившее название «Площадь Тяньаньмэнь», гласило: «Мы должны позволить нашему народу высказать свое мнение. Если люди, недовольные нынешним порядком, захотят использовать демократию для создания хаоса, это не так страшно. Мы примем против них необходимые меры и убедим большинство населения различать добро и зло» [3].

Сяопин выдвинул другую идею: он призвал всех придерживаться принципов централизации при демократии, верховенства закона, строгой дисциплины, не отклоняться от принципа партийного руководства. Он сказал, что тот, кто совершит ошибку в этом вопросе, нанесет вред тщетной ерунде демократии, распространению ультрадемократии, анархии в обществе, разрушению политической стабильности, краху прочного единства.

Отличие Китая от других стран с точки зрения политики в том, что образование в стране полностью подчинено идеологии. Уроки идеологии полностью преподаются в школах. У каждого китайца регулярно срабатывают лозунги «Я люблю пять вещей»: «Я люблю страну», «Я люблю людей», «Я люблю труд», «Я люблю науку», «Я люблю социализм» [12].

По данным Международного валютного фонда, экономический рост в Китае в 2011-2014 годах составил 24 процента. Всемирный банк сообщил, что в 2014 году страна стала лидером по важному макроэкономическому показателю – валовому внутреннему продукту (ВВП), обогнав США: Китай – 17,6 трлн, США – 17,4 трлн долларов.

В истории политической модернизации ряда стран Азии выделяется Индия. «В Индии индустриальные социальные группы делятся на касты в зависимости от их положения в обществе», – пишет русский ученый Г. Купрящихин.

В частности, «высшие эшелоны» группы, доминирующие в обществе; «брамины» – священнослужители, поддерживающие более высокий уровень; «слуги» – те, кто служат «высшему поколению»; «шудры» – важная часть населения со своей иерархией. В этом контексте был достигнут консенсус между центром и регионами по преодолению существующих кризисов» [6].

Новая эра в жизни страны началась после политической революции, осуществленной великим реформатором Мохандасом Ганди. В начале 1950-х годов под влиянием социалистических режимов была выбрана модель «погони» за Западом. Но в 1980-х годах стало ясно, что политика

государства в области планирования и отказ от прав частной собственности тормозят национальное развитие. Тогда Индия смело перешла на капиталистический рыночный метод. А руководство СССР отвергло западный путь и пошло по ложному пути ... В середине 1990-х годов процесс модернизации значительно ускорился после того, как Индия выбрала модель под названием «западные технологии и индийское общество». В 2005 году Индия стала одной из крупнейших экономик мира.

В Исламской Республике Иран религиозная идеология прочно укоренилась. Его критиковали на международной арене за то, что он не отказался от национальных ценностей и не приветствовал демократию. Когда в 1979 году произошла белая революция, жители Запада предсказывали, что «ислам окажется под угрозой и традиционные ценности исчезнут». Но на самом деле это был неправильный подход к вопросу.

В Иране западная модель модернизации была объявлена полностью недействительной, и была продвинута необходимость создания абсолютного исламского правительства [10]. Эта политическая ситуация превратилась в феномен «политизации» ислама, ведущего к закрытию демократических институтов.

Но в ранних теориях модернизации культурный фактор не оценивался. Фактически, именно культурный фактор является одной из независимых движущих сил развития. Примером провала модернизации является «белая революция» в Иране 1963-1979 годов – попытка короля Мухаммеда Резы Пехлеви провести реформы.

В результате сильного появления религиозных традиций из светских нововведений в 1979 году произошла Исламская революция и была установлена теократическая система при Хомейни. Политические события в Иране: быстрая модернизация, основанная на слепом усвоении западного опыта, продемонстрировала общественности силу религиозного фактора ...

Недавние исследования показывают, что страна «говорит» на языке западной демократии после своего рода «модернизации» в Иране. Принцип верховенства закона получает все большее распространение в государственном управлении.

В Конституции говорится: «При неукоснительном соблюдении закона для обеспечения национального единства религиозная демократия не допускает нарушения закона, установленного в основных границах исламской системы. В религиозной демократии никто и ничто не стоит выше закона» [8].

Статья 107 гласит, что «лидер страны равен перед законом, как и любой другой гражданин». Несмотря на антизападный характер революции 1979 года, система правосудия построена по образцу западной. Судьи пытаются найти золотую середину в семейных делах, сравнивая Гражданский кодекс с правилами фикха и шариата. Появились в словарях термины «революция»,

«парламент», «республика», «выборы», «конституция», «разделение властей».

Можно сказать, что модель, выбранная Турцией, была уникальным политическим событием по сравнению с другими. К восемнадцатому веку историческая мощь Османской империи уменьшилась, и возникла необходимость модернизировать военно-административную систему управления, чтобы сохранить королевство. В 1839 году в Турции была объявлена программа европеизации. Система султаната была упразднена в Турции в 1922 году, а халифат – в марте 1923 года. 29 октября 1924 года Турция была провозглашена республикой и Мустафа Кемаль-паша Ататюрк (1881-1938) был избран ее первым президентом (переизбирался в 1927, 1931, 1935 годах). Ататюрк начал процесс политической модернизации в 1925 году. В основном эти реформы включали эмансипация женщин, восстановление равенства, снятие чадры и проведение муниципальных, парламентских выборов; универсальные ценности полностью включены в Гражданский, Административный, Уголовный и другие кодексы государства; 1 января 1929 года вместо арабского был введен новый турецко-латинский алфавит, а в 1933 году фамилии перешли на западный образец; в экономике проводилась политика национализации и создавался национальный капитал [2].

Таким образом, Турция превратилась в общество, возглавляемое элитой, которое является мусульманским по своей религии, историческому наследию, традициям и структуре, но хочет объединиться с Европой. Турецкая элита рано осознала, что, если вестернизация не будет принята, общество будет отставать от глобализованного мира.

Объектом нашего исследования также являются нетрадиционные модели стран Юго-Восточной Азии (Индонезия, Малайзия, Сингапур, Таиланд, Южная Корея), которые сотворили в мире экономические чудеса. Путь развития «азиатских тигров» можно назвать моделью «мягкого авторитаризма», близкой к японскому опыту. Его примечательной особенностью является то, что роль рыночного механизма находится в руках «жестких политических рук» – государства.

На основании анализа мы полагаем, что причина интереса к данной модели заключается в следующем:

- государство управляет секторами экономики;
- льготные кредиты, налоговые преференции при применении высоких технологий в приоритетных отраслях экономики;
- правительства в регионе (кроме Гонконга и Сингапура) используют протекционизм, блокируя импорт.

Махатхир Мохамад, занимавший пост премьер-министра Малайзии с 1981 по 2003 год, был влиятельной фигурой, поднявшей отсталую аграрную экономику до уровня азиатских тигров. Он был сторонником азиатских ценностей и лидером международного движения неприсоединения, в отличие

от западных ценностей. С самого начала главной задачей правительства было обеспечение соблюдения закона и порядка.

По его словам, благополучие людей во многом зависит от их инициативы. Государство добилось дальнейшего прогресса в построении дружеских отношений с бизнесом и увеличении его доходов. Благодаря таким льготам и вниманию со стороны государства, местные и иностранные инвесторы пытались построить свою собственную перерабатывающую промышленность. По словам М. Мухаммеда, глава государства будет играть ведущую роль в модернизации. Его способность определять развитие страны имеет решающее значение. Лидер должен быть привержен этой работе, лично руководить реализацией своего пути развития, иметь высокую квалификацию в области менеджмента, политики, финансов и торговли. Он также должен иметь достаточные знания о выбранном им процессе развития. Менеджер должен лично контролировать работу, стремиться преодолевать трудности и препятствия, а также лично следить за тем, чтобы проект реализовывался должным образом [11].

В последнее время в научной литературе стал широко использоваться термин «демографическое окно».

Важным фактором является то, что динамика демографических процессов положительно сказывается на ускорении экономического роста и повышении благосостояния конкретных семей. Многие страны мира, в том числе азиатские тигры (Малайзия, Сингапур), воспользовались этой возможностью. Это особенно очевидно в этих странах, где темпы социально-экономического развития ускоряются, уровень жизни повышается, а бедность сокращается. По оценкам экономистов, в Юго-Восточной Азии, сотворившей «экономическое чудо» в этот период, «демографические дивиденды» составили треть роста доходов на душу населения [14].

В «азиатском феномене» преобладают религиозные верования, национальные обычаи и традиции. По мнению экспертов, «азиатская концепция» в конструкции «государство – общество – человек» не соответствует концепциям западных стран. Азиаты, например, видят «права человека как сообщество» и отдают приоритет защите общественных интересов. Коллективизм способствует быстрому экономическому развитию и снижает уровень преступности и безработицы. В этой связи мы полагаем, что методы «конфуцианского капитализма или конфуцианской экономики», использованные в регионе, были бы полезны, если бы их рекомендовали соседним странам.

В этой связи узбекские ученые могут изучить множество аспектов и зарубежный опыт модернизации [13]. Например, Национальному комитету при правительстве Малайзии поручено принимать меры по защите молодых людей от разрушительного воздействия «массовой культуры».

В Сингапуре должностных лиц, отказывающихся брать взятки, награждают. Будет оцениваться добросовестность японских служащих государственного сектора. Нам необходимо изучить внутренние и внешние факторы, стоящие за такими конкретными реформами. Кроме того, сущность идей «конфуцианского капитализма», политики Сухарто, Махатхира (духа нигара) практически не изучена. «Интеллектуальный мозговой штурм», типичный для штата Малайзии – исследование, раскрывающее внутреннюю силу человека, ждет изучение своей очереди.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Беляков А.* Акио Морита. Душа компании // Интеррос. 2001. № 1.
2. *Век XX: Политика. Люди. Судьбы.* Т.: Шарк, 2007.
3. *Дэн Сяопин.* О строительстве специфически китайского социализма. М., 1997.
4. *Еремин В.Н.* История Японии. Учебное пособие. Т. 2. 1868-1998. М.: ИВ РАН, 1998.
5. *Крадин Н.* Империя Хунну. М.: Логос, 2002.
6. *Купряшихин Г.Л.* Политическая модернизация. М., 1991.
7. *Ли Фэнминь.* О специфике реформ в КНР // Новая и новейшая история. 1996. № 6.
8. *Мехди И.* Либерал-демократическая проблематика и опыт религиозной демократии // Двадцать пять лет исламской революции в Иране.
9. *Симхович В.* Истоки современной японской системы управления // Проблемы теории и практики управления. 2002. № 6.
10. *Федорова А.С.* Идеология и практика современного исламского государства // Двадцать пять лет исламской революции в Иране. М., 2005.
11. *Махатхир М.* Малайзия мўъжизаси муаллифи ўз сирларини очди / Автор «Чуда Малайзии» раскрыл свои секреты // www.info-press.uz.
12. *Marianne Bas̄id.* Education, Youth and Social perspectives in the early 1980s / China in the 1980 – and beyond. Studies in Asian topics. Copenhagen. 1986. № 9.
13. *Omonov B.A.* Conceptual foundations of the modernization of the society. Comparative analysis of the countries of the West and the East – *iScience Sp. z o. o.* Warsaw, 2021.
14. *Quelles relations entre economie et demographie?* // *Problems economic.* 2003.

B. OMONOV

*Doctor of political science,
Professor of the National University of Uzbekistan,
Uzbekistan, Tashkent*

THE MANIFESTATION OF THE EASTERN MODEL OF MODERNIZATION IN THE COUNTRIES OF CENTRAL AND SOUTHEAST ASIA

This article analyzes the evolution of “economic miracles” and the process of political modernization in the countries of Southeast Asia (China, Japan, India, Turkey, etc.), and conclusions based on scientific analysis are given. Foreign experience is a good study for scientists, economists and politicians of the CIS member states.

Key words: *society, modernization, southeast Asia, economic miracle, development concept, model, main features and distinctive aspects of modernization, Japanese Spirit-Western technologies, a system of behavior, Western technologies and Indian society, Asian values.*

У ХАНЬЧАО

аспирант Института стран Азии и Африки

МГУ им. М.В. Ломоносова,

Китай

ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И ГЕОПОЛИТИКА В АРКТИКЕ

После десятилетий мирного сотрудничества геополитика вернулась на циркумполярный север – и именно Арктика является плацдармом растущей нестабильности и конкуренции на геополитическом уровне в целом. Одна из первоочередных ролей в разворачивающихся в регионе мультикризисах принадлежит энергетическим ресурсам, доступ к которым позволит обеспечить энергетическую безопасность и укрепление позиций на рынке. Эти конфликты и столкновения становятся испытанием для реагирования, амбиций и готовности стран их решать. С учетом вышеизложенного, цель статьи заключается в рассмотрении особенностей геополитической ситуации в Арктике через призму национальной и энергетической безопасности стран и регионов. **Задачи:** 1) проанализировать текущую ситуацию в Арктическом регионе; 2) обозначить интересы стран ЕС в укреплении энергетической безопасности за счет ресурсов Арктики и связанные с этим риски; 3) описать амбиции и роль России в Арктическом регионе. **Методы:** анализ, группировка, систематизация, абстракция, прогнозирование, сравнение, обобщение. **Результаты:** В ходе исследования выделены цели различных государств в Арктике, которые связаны с разработкой энергетически ресурсов. Также обозначены средства и методы их достижения, отдельное внимание уделено зонам возникновения конфликтов и столкновения интересов, которые приводят к усложнению геополитической ситуации в мире. Кроме того, акцентировано внимание на усилении милитаризации Арктики со стороны России и США. **Выводы:** Конфликт и геополитические трения, которые происходят на Крайнем Севере актуализируют необходимость устойчивого сотрудничества всех ключевых акторов, которое должно базироваться на сдерживании, диалоге и дипломатии.

Ключевые слова: Арктика, энергетические ресурсы, риски, геополитика.

В последние годы возник значительный интерес к Арктике как к источнику ресурсов, потенциальной зоне коммерческого судоходства и региону,

в котором могут возникнуть конфликты из-за его стратегического значения. Кроме того, усиление глобального потепления и повышение уровня моря представляет собой серьезную угрозу со значимыми экологическими, социальными, экономическими, политическими и военными последствиями для Арктики.

Следует подчеркнуть, что в работах российских и китайских авторов, опубликованных в последние годы, освещается широкий спектр вопросов близких к данной предметной области [1; 2; 3; 5; 6; 7; 8; 9; 12; 13].

Однако проблему энергетической безопасности и геополитики в Арктике нельзя назвать однозначно исчерпанной. В силу многих объективных обстоятельств изучение обозначенной темы продолжает сохранять высокий уровень актуальности.

Таяние арктических льдов порождает определенные проблемы и открывает одновременно новые возможности. Это доступность больших запасов нефти, газа и угля в регионе, а также полезных ископаемых, включая редкоземельные элементы, совокупная стоимость которых оценивается в 1 триллион долларов США [17. С. 89]. Они востребованы как в прибрежных арктических государствах (Канада, Дания/Гренландия, Норвегия, Россия и США) и странах Большой Арктики (Исландия, Финляндия и Швеция), так и в других частях света. Что касается энергетических ресурсов, некоторые исследования показывают, что регион содержит до 13% глобальной неразведанной нефти, 30% неразведанного газа и в несколько раз больше газовых гидратов [14. С. 29]. В частности, в арктических энергоресурсах заинтересованы крупные импортеры нефти и газа (Китай, Индия, Япония и Южная Корея) – основные нерегиональные страны, имеющие возможность работать в Арктике.

Итак, в сочетании с потенциалом ветровой, солнечной, геотермальной энергии и новыми торговыми путями Арктика привлекает все большее внимание всего мира. Однако она же становится ключевой ареной глобальной конкуренции и потенциальной эскалации конфликта великих держав в ближайшем будущем. США, РФ и Китай являются основными странами, конкурирующими за контроль над ресурсами Арктики. Участники Конвенции ООН по морскому праву имеют право на ресурсы, находящиеся в пределах 370 км. от их береговой линии, но большинство энергетических ресурсов в Арктике находится за пределами этих правовых границ. Такое расстояние создает борьбу за контроль над ними, которая выходит за рамки влияния международных организаций, стимулируя дальнейший межгосударственный конфликт. Необязательный характер резолюций Арктического совета и отсутствие правоприменительных полномочий ограничивают возможности органа по урегулированию конфликтных и спорных ситуаций.

Таким образом, новые вызовы, с которыми столкнулась Арктика, подчеркивают необходимость укрепления международных соглашений и

правил для решения общих проблем региона, связанных с его энергетическим потенциалом, что и обуславливает выбор темы данной статьи.

Вопросы энергетической безопасности в связи с изменением климата и перспективы развития топливных ресурсов Арктики рассматривают в своих трудах Артамонов В.С., Лукин В.Н., Мусиенко Т.В., Knecht Sebastian, Keil Kathrin, Dittmer J., Moisiso S., Ingram A.

Особенности реализации разными странами мира геополитических и экономических интересов в Арктике нашли свое отражение в работах Гумелева В.Ю., Елистратова В.В., Рагозина А.Н., Трубициной О.П., Brutschin, Elina; Schubert, Samuel R.; Drewniak, Megan; Dalaklis, Dimitrios; Kitada, Momoko.

Однако, несмотря на широкий интерес ученых и экспертов в рассматриваемой проблематике, а также наличие широкого спектра исследований, меняющиеся динамичные реалии в полярном регионе требуют актуализации и обновления имеющихся выводов, а также уточнения ряда основополагающих моментов. Так, особого внимания заслуживает арктическая политика ключевых международных акторов и ее отражение в геополитических реалиях. В более глубокой проработке нуждаются вопросы влияния изменения климата на энергетическую стратегию стран в Арктическом регионе.

Итак, цель статьи заключается в рассмотрении особенностей геополитической ситуации в Арктике через призму национальной и энергетической безопасности стран и регионов.

Десятилетия мирного диалога и сотрудничества в направлении сохранения и развития Арктики устойчиво закрепили за ней статус «полюса мира». Однако сегодня этот регион быстро превращается в «полюс нестабильности», поскольку геополитика возвращается на Крайний Север и политика великих держав начинает доминировать. Поскольку Арктика становится пространством геополитической конкуренции, обострившаяся борьба за ее энергетические ресурсы уже сегодня во многом повторяет динамические процессы конфликта в Южно-Китайском море, в котором соперничество за доступ к стратегическим позициям и торговым маршрутам переросло в более открытое противостояние между великими державами, которые рассматривают действия друг друга как активно враждебные [15. С. 854].

Получить энергетическую независимость, за счет ресурсов Арктики стремятся ряд стран, прежде всего, следует отметить государства Евросоюза.

Участие ЕС в Арктике до недавнего времени на словах было более амбициозным, чем на деле. Однако новая Арктическая стратегия Брюсселя предполагает обеспечение энергетической безопасности блока за счет энергетических ресурсов именно этой территории. Евросоюз признал Арктику стратегической областью своих интересов в условиях растущей геополитической борьбы. Энергетическая безопасность ЕС рассматривается с точки зрения надежности поставок. Однако, растущая зависимость от

углеводородных ресурсов в Арктике противоречит целям политики ЕС в области изменения климата, направленной на сокращение выбросов парниковых газов и быстрый рост сектора возобновляемых источников энергии.

Кроме того, стремление ЕС получить выгоду от обнаруженных энерго-ресурсов на Крайнем Севере, которые преимущественно ожидаются в российской части Арктики, входит в конфликт с амбициями многих стран-членов ЕС, стремящихся снизить свою энергетическую зависимость от РФ. Расширение энергетического партнерства с Норвегией и ее арктическими углеводородными ресурсами могло бы помочь Евросоюзу диверсифицировать свои поставки. Однако в данной ситуации не все так просто. С одной стороны, заключив новые долгосрочные газовые контракты с Норвегией, ЕС ускорит добычу углеводородов в арктическом регионе. Это будет плохой новостью не только для уникальных арктических экосистем, но и для глобального климата. Поскольку расширение разведки нефти и газа в Арктике помешает выполнению планов Евросоюза ограничить повышение глобальной температуры до 1,5°C.

С другой стороны, увеличение морского бурения в Баренцевом море будет противоречить Арктической стратегии 2021 года, в которой зафиксировано, что Евросоюз обязуется не поддерживать добычу ископаемого топлива в Арктике. Согласно стратегии, ЕС «будет настаивать на том, чтобы нефть, уголь и газ оставались в недрах, в том числе в арктических регионах». В документе также говорится, что Комиссия «рассмотрит с партнерами многостороннее юридическое обязательство не допускать дальнейшей разработки запасов углеводородов в Арктике или прилегающих регионах, а также не покупать такие углеводороды, если они будут добыты».

С другой стороны, Евросоюз не может игнорировать Россию как важнейшего арктического углеводородного игрока, учитывая, что на российском шельфе сосредоточено более половины ожидаемых запасов нефти и газа региона. В то время как ЕС в настоящее время получает большое количество поставок СПГ из США и Катара, поставки из России, в том числе из проекта «Ямал СПГ» «Новатэка» в Арктике, идет в разрез с общим мнением о том, что ЕС сокращает все формы импорта энергоносителей из России и связанные с этим платежи в ее адрес.

Россия имеет очень большие интересы в Арктике, поскольку ей принадлежит ее наибольшая доля. Если российские притязания на хребет Ломонсова, которые в настоящее время рассматриваются Комиссией ООН по границам континентального шельфа, будут поддержаны, то Россия будет владеть половиной Арктического региона. Даже без учета полного протяжения хребта Ломонсова, РФ все равно будет обладать львиной долей арктических богатств с самой большой зоной перспективного бурения на шельфе вдоль ее 10 000-мильной арктической береговой линии от Европы

до Аляски – 43 из 61 значительного месторождения находятся под ее юрисдикцией [4. С. 15; 3]

На фоне желания России воспользоваться экономическими преимуществами Арктики, в рамках которой она стремится укрепить свои геопозиции на энергетическом рынке, Соединенные Штаты предприняли шаги, чтобы усилить свое присутствие в регионе. Конгресс США санкционировал строительство шести новых ледоколов. А в 2020 году впервые с 1953 года вновь открылось консульство США в Нууке, Гренландия [16. С. 75].

Необходимость сохранения этих геополитических и экономических интересов привела к тому, что страны активизировали военное присутствие в регионе, что создает еще большую геополитическую напряженность. Задача России в Арктике побудила ее сохранить свое военное присутствие через многочисленные авиабазы и пограничные посты. Соединенные Штаты инвестировали 40 миллионов долларов США в модернизацию авиабазы Туле из-за эскалации военного присутствия России в регионе. Растущая военная конкуренция за Арктику может привлечь еще больше стран. В отчете Министерства обороны США за 2019 год высказывается предположение, что Китай изучает материально-технические возможности для установления военного присутствия в регионе [14. С. 164].

Таким образом, подводя итоги, можно отметить следующее. Изменение климата, которое открывает широкий доступ к энергетическим ресурсам Арктики действует как мультипликатор конфликтов и рисков в геополитическом пространстве. От климатической нестабильности до усиления милитаризации и политики великих держав значение этого региона только возрастает. Доступ к арктическим энергетическим ресурсам позволяет для одних стран обеспечить свою энергетическую безопасность (страны ЕС), а другим – укрепить позиции на международной арене (Россия).

Разрешение возникающих противоречий и столкновений требует усилия всех сторон, согласованных действий международных организаций и дипломатических усилий.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Анненков В.И., Моисеев А.В., Шангараев Р.Н. Энергетическая безопасность как фактор обеспечения национальной и международной безопасности // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. Т. 11. № 4 (73).

2. Аржанов И.А. Политика России в условиях соперничества с НАТО в Арктическом регионе: военно-политический аспект // Вопросы политологии. 2023. Т. 13. № 1 (89).

3. *Аржанов И.А.* Военно-политическая деятельность России в Арктике в контексте соперничества с НАТО в XXI веке // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2023. Т. 13. № 1 (94).

4. *Артамонов В.С.* Геополитика Арктики: проблемы обеспечения безопасности // Национальная безопасность и стратегическое планирование. 2020. № 1 (29).

5. *Гриняев С.Н., Медведев Д.А.* Трансформация институтов многостороннего сотрудничества в Арктике в новых геополитических условиях // Вопросы политологии. 2022. Т. 12. № 11 (87).

6. *Лукин А.Д.* Роль и место экологической безопасности в международных отношениях в Арктическом регионе // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2020. Т. 10. № 8 (65).

7. *Лэй Шуан.* Развитие и перспективы китайско-российского совместного строительства «Ледового шелкового пути» // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2020. Т. 10. № 8 (65).

8. *Максимова Д.Д., Николаева Т.С.* Вахтовый метод работы в Арктике // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2022. Т. 11. № 6 (46).

9. *Петросян Ф.А.* Вступление Швеции в НАТО: факторы нестабильности // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. Т. 12. № 8 (89).

10. *Проскуряков М.Р.* Геополитика Арктики – новый формат для диалога // *Universum: общественные науки.* 2022. № 11 (90).

11. *Снетков В.Н., Доровская Ю.В., Семенова К.А.* Реализация социальной политики как условие развития человеческого капитала в Арктике // Евразийский юридический журнал. 2022. № 3 (166).

12. *Талипов И.Ф., Матвеев О.В.* Международно-правовое регулирование освоения Арктики // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. Т. 11. № 12 (81).

13. *Чжоу Гээр.* Развитие Северного морского пути: предпосылки и факторы сотрудничества России со странами Северо-Восточной Азии на примере Китая, Японии и Южной Кореи // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2023. Т. 13. № 1 (94).

14. Arctic opportunities and challenges: China, Russia and the US cooperation and competition // Edmund Sheng. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2022.

15. *Faury Olivier.* From the USSR to the polar silk road: the rise of the strategic Russian Arctic port range // *Post-communist economies.* 2021. № 7.

16. Perils of plenty: Arctic resource competition and the return of the great game / *Jonathan N. Markowitz.* New York, NY: Oxford University Press, 2020.

17. *Thangaraj A.* Energy, geopolitics and the dying arctic ice fields: an environmental-political perspective // IOP conference series. Earth and environmental science. 2022. Volume 1084. Issue 1.

WU HANCHAO

*Postgraduate ISAA Moscow State
University M.V. Lomonosov,
China*

ENERGY SECURITY AND GEOPOLITICS IN THE ARCTIC

After decades of peaceful cooperation, geopolitics has returned to the circum-polar north – and it is the Arctic that is the springboard for growing instability and competition at the geopolitical level in general. One of the primary roles in the multicrisis unfolding in the region is that of energy resources, access to which will ensure energy security and strengthen market positions. These conflicts and clashes are becoming a test of countries' responses, ambitions and willingness to solve them. In view of the above, the purpose of the article is to examine the specifics of the geopolitical situation in the Arctic through the prism of national and energy security of countries and regions. Objectives: 1) analyze the current situation in the Arctic region; 2) outline the interests of the EU in strengthening energy security through the resources of the Arctic and the associated risks; 3) describe the ambitions and role of Russia in the Arctic region. Methods: analysis, grouping, systematization, abstraction, forecasting, comparison, generalization. Results. The study highlights the goals of various countries in the Arctic, which are associated with the development of energy resources. The means and methods of their achievement are also indicated, and special attention is paid to the zones of conflicts and clashes of interests which make the geopolitical situation in the world more complicated. In addition, attention is focused on the increasing militarization of the Arctic by Russia and the United States. Conclusions. The conflict and geopolitical frictions which take place in the High North actualize the necessity of sustainable cooperation of all key actors which should be based on deterrence, dialogue and diplomacy.

Key words: *Arctic, energy resources, risks, geopolitics.*

В.А. ГАЦКОВСКАЯ

независимый исследователь,

Россия, г. Москва

Научный руководитель:

Гласер М.А.

доктор философских наук, профессор

Департамента международных отношений Факультета мировой

экономики и мировой политики НИУ ВШЭ,

Россия, г. Москва

СОТРУДНИЧЕСТВО СТРАН ВИШЕГРАДСКОЙ ГРУППЫ В ОБЛАСТИ ПОЛИТИКИ ОБОРОНЫ И БЕЗОПАСНОСТИ

В статье анализируется оборонное сотрудничество стран Вишеградской группы как одно из проявлений субрегионализма. Для проведения исследования использовался сравнительно-исторический метод, также были проанализированы статистические данные, касающиеся оборонного бюджета стран объединения. Выявлено, что сотрудничество в области политики обороны и безопасности может сыграть ключевую роль в дальнейшем развитии потенциала Вишеградской группы. При этом, политические разногласия членов группы практически не влияют на развитие сотрудничества в данной области.

Ключевые слова: *Вишеградская группа, сотрудничество в области политики обороны и безопасности, субрегионализм.*

Вишеградская группа – одно из наиболее развитых субрегиональных интеграционных объединений, существующих в ЕС. Основной целью ее создания была интеграция в евроатлантические структуры, а сотрудничество в области политики обороны и безопасности вообще не было целью организации (за рамками интеграции в европейскую систему безопасности) [15]. Сегодня это направление является одним из основных и сохраняется, несмотря на кризисы и проблемы консолидации внутри группы. Ключевой исследовательский вопрос – какую роль играет сотрудничество в области политики обороны и безопасности в развитии Вишеградской группы?

В работе использовались сравнительно-исторический и общенаучные методы, в том числе – дескриптивный количественный анализ, с помощью которого были проанализированы статистические данные бюллетеней «The Military Balance» 2012-2023 гг. [31].

Чтобы проанализировать военное сотрудничество в Вишеградской группе как субрегиональном объединении, необходимо обратить внимание на понимание субрегионализма и субрегионального сотрудничества в целом. М. Дэнжерфилд относил Вишеградскую группу к типу субрегиональной интеграции, представляющей собой дополняющий или предшествующий ей инструмент [14. С. 635]. Эта функция прямо следует как из цели создания Вишеградской группы – европейской интеграции, так и в связи с тем, что основные направления сотрудничества группы сегодня дополняют сотрудничество в рамках ЕС. Однако, Вишеградское сотрудничество не ограничивается этим – с момента основания группы развивались различные форматы, в том числе – сотрудничество в рамках координации позиции в НАТО, а также сотрудничество с другими странами, не являющимися членами ЕС, например, с Украиной, которая неоднократно принимала участие во встречах на высшем и высоком уровнях, и даже участвовала в работе Вишеградской европейской боевой группы (EU Battlegroup).

Вишеградская группа неоднократно вступала в противоречие с ЕС, например, во время миграционного кризиса 2015-2016 гг., когда группа выступила с консолидированной позицией против подхода к миграции наиболее развитых стран ЕС и наднациональных органов [4. С. 187]. Поэтому Вишеградская группа представляет собой пример субрегиональной интеграции, которая выходит за рамки лишь «дополнения» европейской интеграции, причем одним из основных инструментов повышения значимости субрегионализма становится именно сотрудничество в области политики безопасности и обороны.

Истоки оборонного сотрудничества. Оборонное сотрудничество Вишеградской группы начало развиваться практически с момента ее создания. Уже в начале 1994 г. прошел первый саммит Министров обороны, посвященный сотрудничеству в этой сфере политики. Основные вопросы на начальном этапе развития были посвящены интеграции в европейские и евроатлантические структуры безопасности (в том числе в рамках Партнерства ради мира), а кооперация на этом направлении не была интенсивной [27. С. 2]. Для этого этапа отношений между вишеградскими странами – этапа «интеграционного соперничества» за вступление в ЕС и НАТО [1. С. 244] – это было в целом характерно. Поэтому, его наличие само по себе примечательно: несмотря на отсутствие встреч на уровне президентов и премьер-министров в 1994-1997 гг., встречи министров обороны проходили ежегодно (за исключением 1997).

Вступление Венгрии, Чехии и Польши в НАТО также не стало причиной для прекращения отношений по этому направлению (за исключением перерыва в межправительственном взаимодействии в 1999-2001). В этот период была создана чешско-польско-словацкая бригада в Тополчанах, в Словакии, для содействия ее интеграции в НАТО [35], подписан проект о модернизации вертолетов Mi-24 [30]. Проекты же модернизации вооружений в основном не были завершены [21. С. 25].

После 2002 г. (вступление Словакии в НАТО) вплоть до 2010 г. сотрудничество представляло собой межправительственные и межпарламентские консультации. Действия стран группы в области политики обороны в рамках НАТО и ЕС хоть нередко и шли в общем ключе, но не были результатом Вишеградской кооперации [27. С. 3].

Основные направления сотрудничества в области политики безопасности и обороны. Переломным моментом для развития оборонного сотрудничества Вишеградской группы стали 2010-2011 гг. С 2012 по 2022 гг. был принят как минимум 21 совместный документ (включая декларации и соглашения) [29], посвященный как совместным проектам, так и общей координации политики в данной области.

Интенсификация диалога могла быть связана с разработкой новой стратегической концепции НАТО [19. С. 66]. Кроме того, фактором, повлиявшем на интенсификацию оборонного сотрудничества Вишеградской группы, существующей именно как субрегиональное объединение внутри ЕС, могло стать вступление в силу в 2009 г. Лиссабонского договора. Этот договор установил, что общая политика обороны и безопасности входит в число «автономных направлений деятельности ЕС» – он закрепил начало перерастания ЕС в военно-политический союз [5. С. 76]. В контексте конкретного проекта Вишеградской группы – создания собственной боевой группы – ключевую роль мог сыграть фактор программы «Головная цель 2010» (Headline goal-2010), принятой в 2004 г., в рамках которой развивалось создание европейских боевых групп. В частности, в 2009 г., была создана Чешско-Словацкая боевая группа (находящаяся в состоянии боевой готовности только в течение его второго полугодия) [13].

В 2011 г. сотрудничество в этой сфере вышло за рамки двусторонних чешско-словацких отношений: в результате достигнутых на межправительственных консультациях договоренностей было принято решение о создании именно Вишеградской боевой группы как одной из европейских боевых тактических групп (EU Battlegroup). Предполагалось что она будет действовать в первой половине 2016 г. Вновь ее действие было возобновлено в 2019 г., также оно планируется на первую половину 2023 г. [16].

Необходимо учитывать, что боевые тактические группы ЕС в целом обладают достаточно ограниченным потенциалом – например, они ни разу не принимали участие в операциях за границей [2. С. 18]. Однако, создание

Вишеградской боевой тактической группы является одним из наиболее заметных проектов в области оборонного сотрудничества.

Вишеградской группой предпринимались попытки развития сотрудничества в области обучения персонала и военной подготовки. Например, в Долгосрочном видении стран Вишеградской группы по углублению их оборонного сотрудничества 2014 г. была предложена инициатива создания Военной образовательной платформы (VIGMILEP) [25], однако, она так и не была развита, а в Долгосрочном видении стран Вишеградской группы по углублению их оборонного сотрудничества 2020 г. она уже не упоминалась [26]. В нем было предложено развитие других механизмов сотрудничества в области военной подготовки, а именно – Стратегия военной подготовки и учений (TRESX) [26]. В рамках ее реализации сегодня проводятся конференции «The V4 Training, Education and Exercise Synchronization Conferences» (V4 TEESC), которые и ранее (например, в 2017 г.) становились площадкой для планирования образовательных мероприятий и совместных учений [23. С. 140].

В 2012 г. в значительной степени активизировались политические консультации межправительственного и межпарламентского уровня, касающиеся оборонного планирования. В том числе, этому были посвящены и такие стратегические документы как Долгосрочное видение углубления сотрудничества в оборонной области Вишеградских стран 2014 [25] и 2020 гг. [26] и Рамочная программа расширенного сотрудничества в области оборонного планирования 2014 г., которая подчеркивала возможности сотрудничества для совместного применения военных активов, приобретения вооружений, а также в сфере исследований и развития [17]. Она была актуализирована в октябре 2022 г. [18]. Также в рамках развития оборонного планирования, была создана Группа планирования Вишеградской группы, которая отвечает за выявление возможных направлений сотрудничества в данной сфере. Основная же цель совместного оборонного планирования предполагает обмен информацией между сторонами [33. С. 48].

Оборонное планирование как планирование развития вооруженных сил непосредственно связано с военно-техническим сотрудничеством. Попытка его развития была предпринята даже раньше 2010-х гг. В 2009 г. были созданы рабочие группы, занимающиеся различными его аспектами и координируемые вишеградскими странами. Однако, взаимодействие на этом направлении долгое время не перерастало в совместные реальные проекты и ограничилось передачей информации и координацией действий на национальных уровнях [8. С. 34].

В 2018 г. было заявлено о создании штаба Объединенной группы материально-технической поддержки Вишеградской группы (the Headquarters V4 Joint Logistic Support Group) [20] (в контексте общей цели по наращиванию

военного потенциала НАТО, что было обусловлено итогами Саммита НАТО в Брюсселе в июне 2018 г. [12]).

Кроме того, в рамках военно-технического сотрудничества, в 2021 г. было подписано «Письмо о намерениях» («Letter of Intent»), предусматривающее совместную закупку боеприпасов. Закупка осуществляется через Агентство НАТО по поддержке и закупкам (NSPA) [28], и только в 2022 г. страны впервые получили боеприпасы по этому совместному механизму сотрудничества [34].

Проблемы оборонного сотрудничества на современном этапе. Таким образом, из всех направлений сотрудничества в области политики безопасности и обороны, наиболее развито лишь одно – связанное с проведением совместных учений (в том числе в рамках Вишеградской боевой группы) и обучением вооруженных сил.

С чем долгое время были связаны проблемы развития военно-технического сотрудничества, которое начало продвигаться лишь в 2020-х гг., и весьма скромные успехи в военном планировании?

На наш взгляд, основной проблемой является разница в восприятии политики безопасности и подходам к ней, наблюдаемая между вишеградскими странами. Это касается прежде всего Польши, которая несравнимо больше внимания уделяет развитию своего оборонного потенциала. Например, она имеет несопоставимый с другими вишеградскими странами уровень оборонного бюджета (см. рис. 1).

Оборонный бюджет Вишеградских стран в 2011-2022 гг., млрд долл

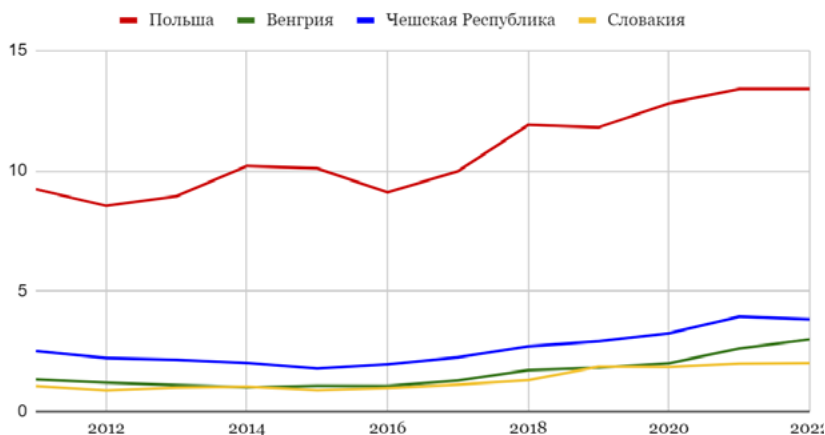

Рисунок 1

Источник: составлено автором на основе оценок «The Military Balance» за 2012-2023 гг. [31].

Кроме того, именно Польша в большей степени ориентирована на развитие политики безопасности и обороны в Европе, а вплоть до последнего времени именно она была наиболее ориентирована на НАТО (сегодня схожие процессы можно наблюдать в Чехии). Это может быть обусловлено тем, что в рассматриваемый период Польша в большей степени воспринимала Россию в качестве угрозы – как из-за наличия общей границы, так и в связи со сложными историческими взаимоотношениями, оказавшими большое влияние на идентичность Польши. Это проявляется, например, в попытках восстановления «Речи Посполитой» как влиятельного актора в международных отношениях в целом или по крайней мере в Европе.

Это неравенство в военной мощи и восприятии оборонной политики странами Вишеградской группы, проявляется не только в сложностях координации. Оно имеет и положительный эффект – именно Польша зачастую выступает инициатором развития оборонного сотрудничества, в том числе – наиболее удачных проектов, таких как Вишеградская боевая группа и Объединенная группа материально-технической поддержки Вишеградской группы.

При этом, политические конфликты внутри группы и процессы ее дезинтеграции не составляли проблемы для сотрудничества в области политики безопасности и обороны, что проявилось во время украинского кризиса и его перерастания в полноценный военный конфликт между Россией и Украиной.

Важность начала украинского кризиса была подчеркнута в рамках Вишеградской группы, так как конфликт России и Украины и особенно политика России в этот период «бросили вызов архитектуре безопасности в регионе» [20]. В то же время, восприятие России и политика по отношению к ней в этот период различалось между странами Вишеградской группы.

Венгрия в лице правительства В. Орбана в целом поддерживала продолжение развития отношений с Россией (несмотря на присоединение к европейским санкциям). В 2015 г. даже был организован визит В. Путина в Будапешт. Это стало одной из составляющих многовекторной политики, которая стремится проводить Венгрия [10. С. 15].

Польша же напротив после 2014 г. заняла одну из наиболее жестких позиций по отношению к России, причем это не зависело от партийной принадлежности политиков в стране [24. С. 4]. В целом, более жесткая позиция характерна для Польши – как это, например, проявилось во время Кавказского кризиса 2008 г. – однако ее позиция зачастую проявляется не столько в рамках ЕС, сколько в рамках ОБСЕ и НАТО [3. С. 69-70].

Чешская политика вплоть до 2018 г. была прагматичной и представляла собой промежуточный этап между более агрессивными позициями Польши и Прибалтийских стран и мягкими, скорее безразличной позиции

Западной Европы [22 С. 179]. Важным фактором чешской политики являлся и конфликт между политическими элитами (включая более пророссийскую позицию М. Земана), который в том числе включал критику и разногласия в отношении санкций [9. С. 101-110].

Схожей являлась и политика Словакии. Также, как и в Чехии, правительство критиковало санкционную политику (не препятствуя при этом ее введению) и не проявляло жесткой позиции по отношению к России. В то же время, также существовали разногласия между правительством Р. Фицо и президентом А. Киской, придерживающимся более жесткой позиции по отношению к России, вплоть до поддержки создания в Словакии базы НАТО [7. С. 71].

Несмотря на это различие в восприятии, оборонное сотрудничество продолжалось. В марте 2014 г. впервые был принят совместный стратегический документ – Долгосрочное видение стран Вишеградской группы по углублению их оборонного сотрудничества [25], в котором новые угрозы безопасности в регионе прямо не назывались. Отмеченные в нем основные направления взаимодействия – сотрудничество в области развития потенциала, приобретения вооружений и развитии оборонной промышленности.

Таким образом, несмотря на то, что украинский кризис и политика России были заявлены угрозой и дали некий импульс для развития оборонного сотрудничества, хотя для большинства стран Вишеградской группы, за исключением Польши, Россия и украинский кризис находились за рамками основной внешнеполитической повестки [11. С. 100]. Это, как и общее разногласие в политике в отношении России, не стало препятствием для развития сотрудничества в области политики обороны и безопасности.

Миграционный кризис, ставший основой для консолидации стран Вишеградской группы, в отличие от российской угрозы, также незначительно выразился в сотрудничестве в области обороны и безопасности. Исключением стала инициатива об охране границ Шенгенской зоны, которую удалось осуществить на уровне ЕС. Кроме того, была усилена охрана собственных границ Венгрии, Чехии и Словакии, несмотря на то, что ни Чехия, ни Словакия, не столкнулись с реальными угрозами массовых потоков мигрантов [6. С. 103-104].

При этом, рост в Вишеградских странах евроскептицизма, сопровождавший миграционный кризис не повлиял на сотрудничество Вишеградской группы в области политики обороны и безопасности ни в плане его восприятия странами Вишеградской группы, как части общей евроатлантической структуры безопасности, ни с точки зрения его интенсификации, которая, как уже упоминалась, пришлась на более ранний период.

Кризис 2022 г., также непосредственно оказал влияние на Вишеградское объединение. Вишеградские страны сегодня также, как и ранее, придерживаются разных позиций в отношении как России, так и европейского

кризиса во всех его измерениях (и военно-политическом, и экономическом) в целом. Если позиция Польши также осталась в авангарде самых жестких подходов к России и способам разрешения кризиса, а политика Венгрии вновь была направлена на прагматизм (что, например, проявляется в критике санкций как инструмента внешней политики и попытках сфокусироваться на экономических проблемах и предотвращении рецессии [32], то позиция Чехии значительно изменились. С начала российско-украинского военного конфликта Чехия выступила с наиболее жестких позиций по отношению к России – так, это проявилось течение председательства Чехии в Совете ЕС во второй половине 2022 г., когда ей удалось реализовать инициативы в поддержку Украины.

Тем не менее, несмотря на политические противоречия Венгрии с другими вишеградскими странами по вопросу российско-украинского военного конфликта, уже после его начала в 2022 г. была принята Рамочная программа расширенного сотрудничества в области оборонного планирования Вишеградской группы [18]. Кроме того, в этот период продолжалось развитие военно-технического сотрудничества – одного из наиболее трудно координируемых направлений, а также сотрудничества в области обучения и тренировки и совместных учений вооруженных сил.

Заключение. Пример Вишеградской группы показывает, что сотрудничество в области политики обороны и безопасности является одним из способов повысить роль группы как субрегионального объединения в мировой политике. При этом, оно не предполагает создания альтернативной системы безопасности, стремления защитить себя полностью самостоятельно и противостояния с общеевропейскими или американскими инициативами.

Внешние угрозы безопасности как таковые и особенно – разница их восприятия странами Вишеградской группы, что показывает пример России и украинского кризиса, хоть и оказывают влияние на интенсификацию диалога в области политики обороны и безопасности, но не приводят к его качественным изменениям.

В отличие от политического сотрудничества, кризисы не приводят к деградации общей политики Вишеградских стран в области политики обороны и безопасности. Несмотря на политический раскол по вопросу российско-украинского конфликта (как в 2014, так и в 2022 гг.), оборонное сотрудничество продолжало развиваться, причем его стратегическое развитие продолжается и в периоды этих кризисов – то есть, в периоды политического «раскола» группы.

Таким образом, сегодня даже в условиях кризиса в политических отношениях внутри группы, наблюдаемого в 2022 г., сотрудничество в области политики обороны и безопасности остается одной из отраслей, способной сыграть ключевую роль в дальнейшем развитии потенциала Вишеградской группы как субрегионального объединения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Вишеградская Европа: откуда и куда? Два десятилетия по пути реформ в Венгрии, Польше, Словакии и Чехии / под ред. Л.Н. Шишелиной. М.: Весь мир, 2010.
2. *Громыко А.А.* Дилеммы Европейского оборонного союза // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право.* 2019. Т. 12. № 2.
3. *Данилов Д.А.* Договор о Европейской безопасности в контексте треугольника ЕС-США-НАТО // *Индекс безопасности.* 2010. Т. 16. № 3.
4. *Зверева Т.В.* Эволюция субрегиональных объединений внутри ЕС (на примере Вишеградской группы) // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право.* 2019. Т. 12. № 2.
5. *Кашкин С.Ю.* Лиссабонский договор – новый этап развития права Европейского Союза // *Право. Журнал Высшей школы экономики.* 2010. № 1.
6. *Квашин Ю.Д.* и др. Миграционный кризис в ЕС: национальные ответы на общий вызов // *Мировая экономика и международные отношения.* 2017. Т. 61. № 1.
7. *Марушьяк Ю.* Словакия и Россия: между национальными интересами и идентичностью // *Современная Европа.* 2017. № 7 (79).
8. *Надточей Ю.И.* Модели оборонной кооперации на северном и восточном фланге ЕС (опыт «Нордена» и Вишеградской группы) // *Сравнительная политика.* 2018. Т. 9. № 2.
9. *Трухачев В.В.* «Российский» раскол Чехии // *Перспективы. Электронный журнал.* 2018. № 3 (15).
10. *Шишелина Л.Н.* Три десятилетия новых российско-венгерских отношений // *Современная Европа.* 2019. № 7 (93).
11. *Шишкина О.В.* Проблемы безопасности и обороны в Вишеградской группе // *Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир.* 2019. № 1.
12. Brussels Summit Declaration Issued by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in Brussels 11-12 July 2018 // The North Atlantic Treaty Organization // https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_156624.htm.
13. Česko-slovenská Battle Group připravena, 26.06.2009 // *Ministerstvo obrany ČR* // <https://acr.army.cz/informacni-servis/zpravodajstvi/cesko-slovenska-battle-group-pripravena-14417/>.
14. *Dangerfield M.* et al. The Visegrad Group in the expanded European Union: From preaccession to postaccession cooperation // *East European Politics and Societies.* 2008. Т. 22. № 03.

15. Declarace o spolupraci Ceske a Slovenske Federativni Republiky, Polske Republiky a Madarske Republiky na cešte evropske integrace. 15.02.1991 // <https://www.visegradgroup.eu/download.php?docID=259>.

16. Declaration of the Defence and Security Committees of Parliaments of the Visegrad Group; December 4-5, 2022 // Official website of the Visegrad Group (V4) // <https://www.visegradgroup.eu/download.php?docID=509>.

17. Framework for an Enhanced Visegrad Group Defence Planning Cooperation (Visegrad, March 14, 2014) // Official website of the Visegrad Group (V4) // <https://www.visegradgroup.eu/documents/official-statements/framework-for-an-221208>.

18. Framework for an Enhanced Visegrad Group Defence Planning Cooperation (Visegrad, November 9, 2022) // <https://www.visegradgroup.eu/download.php?docID=505>.

19. *Gawron-Tabor K.* New Quality of Defence Cooperation Within the Visegrád Group in 2010-2014 // *Defense & Strategy/Obrana a strategie*. 2015. T. 15. № 1.

20. Joint Communiqué of the Visegrad Group Ministers of Defence, April 23, 2015 // Official website of the Visegrad Group (V4) // <https://www.visegradgroup.eu/calendar/2015/joint-communique-of-the>.

21. *Khol R.* Policies of the Visegrad Countries towards CFSP/ESDP // *Institute of International Relations*, 2003 // <http://pdc.ceu.hu/archive/00001595/>.

22. *Kratochvíl P., Svoboda K.* Russia in the Czech Foreign Policy // *The Czech Foreign Policy in 2017: IIR Analysis*, Prague, 2018.

23. *Lewczak T.* Regionalna współpraca // *Przegląd Sił Zbrojnych*. 2019. Nr 6.

24. *Lisiakiewicz R.* Poland's conception of European security and Russia // *Communist and Post-Communist Studies*. 2018. T. 51. № 2.

25. Long-term Vision of the Visegrad Countries on Deepening Their Defence Cooperation (Visegrad, 14 March 2014) // Official website of the Visegrad Group (V4) // <https://www.visegradgroup.eu/calendar/long-term-vision-of-the>.

26. Long-term Vision of the Visegrad Countries on Deepening Their Defence Cooperation (Prague, June 2020) // Official website of the Visegrad Group (V4) // <https://www.visegradgroup.eu/documents/official-statements/the-long-term-vision-of>.

27. *Madej M.* Visegrád Group Defense Cooperation: What Added Value for European Capabilities // *Nordika Programme Note*. 2013. T. 19.

28. *Márová A.* Státy V4 společně nakoupí munici, 02.02.2021 // *Ministerstvo Obrany ČR* // <https://mocr.army.cz/informacni-servis/zpravodajstvi/staty-v4-spolecne-nakoupi-munici--226003/>.

29. Official Statements and Communiqués // The Visegrád Group // <https://www.visegradgroup.eu/documents/official-statements>.

30. Selected events in 2002 // The Visegrád Group // <https://www.visegradgroup.eu/calendar/2002>.

31. The Military Balance // Taylor & Francis Online // <https://www.tandfonline.com/loi/tmib20>.

32. Több kihívás éri Európát, de Magyarország nem hagyja magát // Magyarország Kormány // <https://kormany.hu/hirek/tobb-kihivas-eri-europat-de-magyarorszag-nem-hagyja-magat>.

33. Ušiak J. Security-related Cooperation among the V4 States // Politics in Central Europe. 2018. T. 14. № 2.

34. Visegrad Group Defence Cooperation // Official website of the Visegrad Group (V4) // <https://www.visegradgroup.eu/about/cooperation/visegrad-group-defence>.

35. Vo štvrtok otvoria veliteľstvo česko-poľsko-slovenskej brigády v Topoľčanoch, 26. máj 2002 // SME // <https://domov.sme.sk/c/554784/vo-svrtok-otvoria-velitelstvo-cesko-polsko-slovenskej-brigady-v-topolcanoch.html>.

V.A. GATSKOVSKAYA

*Independent researcher,
Moscow, Russia*

Scientific adviser:

Glaser M.A.

Doctor of Philosophy, Professor

*Department of International Relations, Faculty of World
Economy and World Politics, National Research University
Higher School of Economics,
Moscow, Russia*

VISEGRAD GROUP COOPERATION IN THE FIELD OF DEFENCE AND SECURITY POLICY

The article examines defence cooperation of the Visegrad Group countries as a demonstration of sub-regionalism. A comparative-historical method was used for the study, and statistical data concerning the defence budget of the Visegrad countries were also analysed. It was revealed that cooperation in the field of defence and security policy may play a key role in the further development of Visegrad Group capabilities. At the same time, political disagreements among the members of the group have little or no impact on the development of cooperation in this field.

Key words: *Visegrad Group, defence cooperation, security policy cooperation, subregionalism.*

Р.И. ГОЙЧЕВ

*аспирант кафедры сравнительной политологии
факультета политических наук и регионоведения
Российского университета дружбы народов,
Россия, г. Москва*

ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ И ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ СТОРОНЫ ПРИОСТАНОВКИ ДОГОВОРА СНВ-3

Данная статья содержит рассуждения и анализ приостановки договора о стратегических наступательных вооружениях. Поэтапно исследуются плюсы и минусы данного действия, возможные последствия, а также уже свершившиеся итоги. Статья делает акценты на правильность и обоснованность приостановки договора для РФ, к тому же выявляет тенденции, угрозы и выгоды, которые исходят из данного решения. Рассматривается не только российский вектор последствий, а также глобальный.

Ключевые слова: РФ, США, СНВ-3, вооружения, договор, ядерный.

Введение. Тема является актуальной в связи с односторонней приостановкой действующего договора о стратегических наступательных вооружениях со стороны РФ. Несмотря на то, что договор является двусторонним, он определяет глобальную стратегическую безопасность, в связи с тем, что и РФ, и США обладают самыми большими запасами ядерных боеголовок, пусковых установок и ракет.

Изменение статуса договора, несомненно, приведет к трансформации международного порядка в сфере безопасности. Задача данной статьи определить издержки и выгоды данного решения, из чего вытекают и цели статьи: достижение расширенного понимания плюсов и минусов от выхода из СНВ-3.

Предметом исследования является сам договор о стратегических наступательных вооружениях, а объектом его влияние на мировую повестку, в условиях приостановки Россией участия в нем.

В статье использованы общенаучные и специальные методы. К общенаучным методам, используемым в исследовании, следует отнести методы дедукции и индукции, анализа и синтеза, аналогии, применены для выявления факторов, тенденций и трансформации системы безопасности

под влиянием изменения статуса СНВ-3, а также компаративный метод исследования.

Предпосылки. В преддверии годовщины начала специальной военной операции, 21 февраля 2023 года, Президент РФ Владимир Путин в обращении к Федеральному Собранию заявил, что Россия приостанавливает участие в договоре о сокращении ядерных вооружений СНВ-3 с Соединенными Штатами, после того, как обвинил Запад в непосредственном участии в попытках нанести удары по ее стратегическим авиабазам, посредством Украины.

«Сегодня я вынужден объявить, что Россия приостанавливает свое участие в Договоре о стратегических наступательных вооружениях... Хочу подчеркнуть: США и НАТО прямо говорят о том, что их цель – нанести стратегическое поражение России» [4], – сказал он.

Основным поводом для приостановки договора, со слов президента, послужило недопущение «полноценных инспекций в рамках этого договора».

Что такое договор СНВ-3? Договор о стратегических наступательных вооружениях был подписан 8 апреля 2010 года, а скорее был продлен. Как можно понять из названия это третья его вариация, которому предшествовали, также два договора разного содержания, но в целом касающихся ядерного вооружения, средств его доставки и разоружения. Со стороны США подписантом являлся президент Барак Обама, с российской же стороны, коллега – Дмитрий Медведев. По традиции договор ограничивал количество стратегических ядерных боеголовок, которые могут развернуть Соединенные Штаты и Россия, а также пусковых установок и ракет.

СНВ-3 вступил в силу 5 февраля 2011 года и был продлен в 2021 году еще на пять лет после вступления в должность президента США Джо Байдена и позволяет как американским, так и российским инспекторам следить за соблюдением договора обеими сторонами.

В соответствии с соглашением Москва и Вашингтон обязуются сократить свои арсеналы до 1550 стратегических ядерных боеголовок и 700 ракет большой дальности и бомбардировщиков.

Каждая сторона может ежегодно проводить до 18 инспекций объектов стратегического ядерного назначения, чтобы убедиться, что другая сторона не нарушила ограничения договора [1].

Однако проверки в рамках соглашения были приостановлены в марте 2020 года из-за пандемии COVID-19.

Переговоры между Москвой и Вашингтоном о возобновлении инспекций должны были состояться в Каире с 29 ноября по 6 декабря, но Россия отложила переговоры, и ни одна из сторон не назначила новую дату [5].

8 августа Россия объявила, что приостанавливает инспекции своих ядерных объектов в рамках Договора СНВ, поскольку санкции и COVID-19 не позволили ей провести такие же инспекции на объектах США [6].

По мнению России, введенные США ограничения на поездки в Россию создали «односторонние преимущества для Соединенных Штатов и фактически лишили Российскую Федерацию права проводить инспекции на американской территории». Однако в Министерстве иностранных дел добавили, что Россия по-прежнему полностью привержена соблюдению СНВ-3.

Обострение. В совокупности на Россию и США приходится около 90% мировых ядерных ресурсов, и обе стороны подчеркивают, что войны между ядерными державами следует избегать любой ценой.

В нарушениях договора, обе стороны обвиняли друг друга на протяжении долгих лет, в зависимости от международной повестки и событий, разворачивающихся вокруг договора. Москва предупредила, что решимость Запада «победить» Россию может помешать продлению договора после истечения срока его действия в 2026 году [7].

После разразившихся событий в Украине, Путин напомнил миру о размерах и мощи арсенала Москвы и заявил, что готов использовать все средства, необходимые для защиты «территориальной целостности» России и ядерная триада была приведена в боевую готовность на следующий же день после приказа президента от 27 февраля [8].

По словам пресс-секретаря президента России Дмитрия Пескова, эта необходимость возникла «после того, как отдельные западные представители стали заявлять о возможности военного столкновения России и НАТО», намекая на министра иностранных дел Великобритании Лиз Трасс [9].

В то же время, спустя несколько месяцев замглавы МИД РФ Сергей Рябков на научной конференции в Дипломатической академии, посвященной 60-летию Карибского кризиса, заявил: «Мы никому ядерным оружием не угрожаем, критерии его применения описаны в военной доктрине и конкретизированы в «Основах государственной политики России в области ядерного сдерживания» от 2 июня 2020 года» [10].

Согласно 4 статье данного указа «государственная политика в области ядерного сдерживания носит оборонительный характер», в свою очередь 9 статья предостерегает любого супостата России, так как «ядерное сдерживание направлено на обеспечение понимания потенциальным противником неотвратимости возмездия в случае агрессии против Российской Федерации или ее союзников» [3].

В связи с этим, Российская Федерация при одобрении союзного государства Беларуси разместит на ее территории уже к лету этого года тактическое ядерное оружие [11].

По факту, это действие глобально не имеет большого значения потому что у РФ и так имеется на территории Калининграда такого рода оружие.

Однако, в области геополитики и политической психологии, данный шаг не двусмысленно демонстрирует серьезность в отношении украинского конфликта.

Реакция международного сообщества и минусы приостановки договора. Генеральный секретарь Йенс Столтенберг в тот же день отреагировал, заявив, что решение России приостановить участие в последнем двустороннем договоре о контроле над ядерными вооружениями «сделало мир более опасным местом», и призвал Москву пересмотреть свое решение.

Он выступил на пресс-конференции, состоявшейся в штаб-квартире НАТО в Брюсселе после того, как президент России Владимир Путин выступил с предупреждением, в связи с ситуацией в Украине и объявил о своем решении по новому договору СНВ.

Реакция Байдена тоже не заставила себя долго ждать, который спустя пару часов выступил в Варшаве, где заявил:

«Это большая ошибка. Это не очень ответственно. Но я не вижу в этом, что он думает об использовании ядерного оружия или чего-то в этом роде» [12].

Представитель МИД Китая Ван Вэньбинь, в свою очередь, выразил надежду на скорейшее урегулирование спора двух держав в области договора СНВ [13].

Без ограничений договора Россия сможет создать и развернуть больше ядерного оружия, нацеленного на Соединенные Штаты. Обе стороны могут быть втянуты в опасную гонку вооружений.

Затраты на модернизацию ядерного оружия США, техническое обслуживание и соответствующую инфраструктуру уже оцениваются в размере почти 1,2 триллиона долларов в течение следующих тридцати лет – и это при условии, что новый СНВ останется в силе. Если договор денонсируют, Вашингтон и Москва могут вступить в новую гонку вооружений, что приведет к еще большим издержкам.

Приостановка СНВ-3 подразумевает, что стратегические ядерные арсеналы США и России впервые за несколько десятилетий не будут ограничены.

Однако новая гонка вооружений даже при этом раскладе маловероятна из-за своей дороговизны и ненадобности, тем не менее, обе стороны (США первые, сразу после выступления Путина) заявили о намерении модернизации ядерных арсеналов.

Положительные стороны приостановки СНВ-3. Прежде всего, стоит отметить, что, несмотря на приостановку договора о стратегических наступательных вооружений, Россия по-прежнему обязуется выполнять обязательства, прописанные в договоре, о чем незамедлительно поспешили уведомить в министерстве обороны:

«Что касается уровней, которые были заявлены по количеству носителей ядерных зарядов, они также будут соблюдаться на период паузы в

выполнении ДСНВ и, соответственно, процесс обменного уведомления в рамках соглашений 1988 года между СССР и США также налажен, он существует, он будет реализован в полном объеме» [14], – подчеркнул заместитель начальника главного управления международного военного сотрудничества Минобороны генерал-майор Евгений Ильин.

О приверженности количественному ограничению, также было заявлено министерством иностранных дел [15].

Учитывая международную обстановку и поставленную президентом Путиным задачу, усовершенствования ядерного потенциала, приостановка договора даже играет России на руку, так как беспрепятственно позволяет модернизировать данную инфраструктуру. Несмотря на то, что речь не идет о наращивании потенциала, а именно о усовершенствовании и повышении мощностей, что в целом в договоре не было ничего сказано, раньше модернизация ядерного ресурса привела бы к скандалу и истерии со стороны западных партнеров, теперь же практически даже СНВ не препятствует этому, так как он болезненно относился к такого рода поведению.

В обращении к Дню защитника Отечества Владимир Путин заявил: «Повышенное внимание, как и раньше, уделим укреплению ядерной триады». Помимо прочего президент, напомнил, что в этом году на боевое дежурство вступят пусковые установки «Сармат», а также гиперзвуковые «Кинжал» и «Циркон».

«С принятием в боевой состав ВМФ атомного подводного крейсера «Император Александр III», доля современных вооружений и техники в морских стратегических ядерных силах достигнет 100%» [16].

Однако, исходя из заявления МИД России в связи с приостановлением Российской Федерацией действия Договора о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений от 21 февраля 2023 года данное решение может быть «обратимым» [2].

«Для этого в Вашингтоне должны проявить политическую волю, предпринять добросовестные усилия в целях общей деэскалации и создания условий для возобновления полноформатного функционирования Договора и, соответственно, всестороннего обеспечения его жизнеспособности», – также указано в заявлении.

Также к плюсам можно отнести то, что России больше не придется делиться информацией о своем ядерном арсенале и разрешать инспекции. Без этой информации американской разведке пришлось бы черпать ресурсы из других источников, что соответственно отражалось бы на полную картину российского ядерного потенциала. Американскому разведывательному сообществу будет трудно, если вообще возможно, компенсировать утрату знаний американских инспекторов о российских базах и хранилищах ядерного оружия, а также связанную с этим актуальную информацию о местонахождении российского ядерного оружия.

Последствия. В целом выход из международных договоров обычная практика для ведущих глобальных акторов: США выходили из договора по ПРО в декабре 2001 года и при администрации Трампа в феврале 2019 года из ДРСМД. Если рассматривать все эти действия в долгосрочной ретроспективе, можно понять, что это все звенья одной цепи, вплоть до нынешней приостановкой СНВ, однако это тема отдельной аналитической работы. По сути, все эти договоры являются попыткой ограничения влияния на Европейский континент.

Путин в обращении к Федеральному Собранию также сказал, что члены НАТО «Франция и Великобритания также имеют ядерное оружие, нацеленное на Россию, и это следует учитывать». В свою очередь, США еще при Трампе заявляла о желании присоединить к данному формату Китай, на что получила резкий отказ от них [9]. В связи, сомнительным будущим СНВ, система сдержек и противовесов в лице пяти ключевых ядерных держав кажется не столь банальным и невыполнимым.

Нельзя не отметить, также тот факт, что в этот же день 21 февраля в связи с «глубокими изменениями, происходящими в международных отношениях», был отменен указ 2012 года о внешнеполитическом курсе России, основным посылом, которого являлось сближение с Западом и развитие отношений с НАТО и его членами. Отказ от данного курса означает разворот на Восток и конфронтация со странами Запада. Что в лишний раз доказывает наличие недопонимания у двух бывших партнеров по договору. Госдепартамент США считает «юридически недействительным» приостановку договора Россией [18], на что замглавы МИД РФ Сергей Рябков, заявил о «несостоятельности» таких вбросов.

«Рассматриваем подобные вбросы как элемент ведущейся сейчас Вашингтоном политико-пропагандистской кампании, целью которой является принудить Россию к восстановлению режима ДСНВ и сохранению для США возможности по беспрепятственному «просвечиванию» нашего стратегического арсенала» [19].

Заключение. С большей степенью вероятности приостановка договора СНВ-3, не приведет к серьезным плачевным последствиям, зато всерьез заставляет обе стороны пересмотреть свои внешнеполитические и военные доктрины, а также переориентироваться и насторожиться по отношению к новым вызовам, которые образовались в связи с произошедшим. Учитывая «турбулентность» международной обстановки, никому не хотелось бы стать жертвой или причиной ядерной войны, поэтому переосмысление прежних устоев будет даже полезной для международного сообщества. И не стоит забывать, при организации новых институтов безопасности про вызовы указанные в статье.

Некоторые аналитики утверждают, что этот шаг России означает, что будет труднее проверять дальнейшее соблюдение договора. Другие же видят все не в столь темных красках:

«Приостановка действия договора не равнозначна выходу из договора, я предполагаю, что в России не будет наращивания сил сверх договорных пределов» [17], – написал в Twitter Андрей Баклицкий из Института исследований в области разоружения ООН.

В условиях украинского кризиса и предшествующих выборов в США, вопрос о построении нового формата и пересмотре старого в сфере ядерной безопасности, остается открытым, поэтому остается лишь ждать и радоваться тому, что договор был всего лишь приостановлен, а не денонсирован.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Договор о сокращении и ограничении СНВ-III, статья 11.
2. Заявление МИД России в связи с приостановлением Российской Федерацией действия Договора о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений от 21 февраля 2023 года.
3. Указ Президента Российской Федерации от 02.06.2020 г. № 355. Об Основах государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания, статья 4 и 9.
4. <http://kremlin.ru/events/president/news/70565>.
5. <https://ria.ru/20221128/dsnv-1834815231.html>.
6. <https://iz.ru/1376735/2022-08-08/rf-uvedomila-ssha-o-vyvode-svoikh-obektov-iz-pod-inspektcii-po-dsnv>.
7. <https://www.kommersant.ru/doc/5812563>.
8. <https://iz.ru/1298174/2022-02-28/iadernaia-triada-rossii-nachala-boevoe-dezhurstvo-usilennym-sostavom>.
9. <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2022/02/28/911314-sut-osobogo-rezhima>.
10. <https://tass.ru/politika/15846965>.
11. <https://rg.ru/amp/2023/03/26/sprosi-u-iskandera.html>.
12. <https://www.rbc.ru/politics/23/02/2023/63f68ea39a79478c34d791d3>.
13. <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/17114755>.
14. <https://tass.ru/armiya-i-opk/17117909>.
15. <https://www.rbc.ru/politics/21/02/2023/63f4ae699a794767240183b2>.
16. <https://rg.ru/2023/02/23/putin-zaiavil-cto-povyshennoe-vnimanie-budet-udeliatsia-ukrepleniui-iadernoj-triady.html>.
17. <https://www.reuters.com/world/europe/putin-russia-suspends-participation-last-remaining-nuclear-treaty-with-us-2023-02-21/>.

18. <https://www.state.gov/russian-noncompliance-with-and-invalid-suspension-of-the-new-start-treaty/>.

19. <https://www.gazeta.ru/politics/news/2023/03/17/19987963.shtml?updated>.

R.I. GOICHEV

*Postgraduate student of the Department
of Comparative Political Science, Faculty of Political Sciences
and Regional Studies of the Peoples' Friendship
University of Russia, Moscow, Russia*

POSITIVE AND NEGATIVE ASPECTS OF THE SUSPENSION OF THE START-3 TREATY

This article contains reasoning and analysis of the suspension of the strategic offensive arms treaty. The pros and cons of this action, the possible consequences, as well as the already accomplished results of this, are examined in stages. The article focuses on the correctness and validity of the suspension of the treaty for the Russian Federation, and also reveals the trends, threats and benefits that come from the act. Not only the Russian vector of consequences is considered, but also the global one.

Key words: *Russian Federation, USA, START-3, weapons, treaty, nuclear.*

ЦЗЯН ЛАНЬХУЭЙ

докторант Шанхайского
университета иностранных языков,
Китай

НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В СТРАТЕГИИ США В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Статья посвящена анализу политики США в Центральной Азии (ЦА) после распада СССР. Обращается внимание на то, что Трамп в 2020 году объявил о «Стратегии США в Центральной Азии на 2019-2025 годы», которая имеет три основных пункта: содействие экономической независимости Центральной Азии, защита суверенитета стран ЦА и содействие развитию культуры. После начала событий на Украине администрация Байдена и американские академические круги считают, что стратегия по Центральной Азии, объявленная администрацией Трампа в 2020 году, больше не соответствует современным реалиям и поэтому ее необходимо разработать новую концепцию США в Центральной Азии. Выделяются основные звенья американской политики с 1990-х годов, выявлены причины, приведшие к корректировке американского курса внешней политики в Центральной Азии.

Ключевые слова: США, Центральная Азия, Афганистан, политика, безопасность.

После распада Советского Союза США поставили в качестве основной цели в отношении Центральной Азии: не допустить возвращения стран Центральной Азии в сферу влияния России. Тогдашний президент США Буш 24 октября 1992 г. подписал «Закон о поддержке свободы» [17], предоставив помощь странам Центральной Азии. В 1994 г. НАТО реализовала «Партнерство во имя мира». Туркменистан первым присоединился к программе 10 мая 1994 г., далее Казахстан 27 мая, Кыргызстан и Узбекистан 2 июня и 13 июля того же года соответственно. 20 февраля 2002 г. Таджикистан стал последней страной в Центральной Азии, присоединившейся к программе. «Партнерство во имя мира» – это инструмент расширения НАТО на восток, который проникает через помощь и учения, направленные на сжатие стратегического пространства России.

Строя Нефтепровод Баку – Тбилиси – Джейхан в обход России, США были намерены ослабить влияние России в Центральной Азии и защитить энергетические интересы американских транснациональных компаний. Заместитель госсекретаря США Тэлбот 21 июля 1997 г. выступил с речью «в которой заявил, что «Центральная Азия и Каспийское море являются жизненно важными интересами США» [8]. Это является явным признаком вовлеченности Америки в дела Центральной Азии. Соединенные Штаты дали понять, что не потерпят других крупных держав, стремящихся к такому монопольному господству [13]. Конгресс США принял «Акт о стратегии Шелкового пути» 3 августа 1999 г. Правительство США заявило, что будет использовать все дипломатические средства для укрепления политических, экономических и торговых связей между Центральной Азией и Евро-Атлантическим сообществом [16]. Важнейшее значение, имеет расположение региона ЦА. «Центром Евразийского материка является Центральная Азия (ЦА), которая служила ключевым звеном в контактах Востока и Запада, перекрестком, где соединились и расходились различные цивилизации» [3. С. 34]. В целом, в этот период стратегия США в Центральной Азии была относительно умеренной. Поскольку в это время Соединенные Штаты и Россия находились в периоде «медового месяца». США не предпринимали более агрессивных усилий в Центральной Азии, чтобы разозлить Россию. Кроме того, Соединенные Штаты также потворствуют предсказанию «конца истории». По словам Фукуямы, «либеральная демократия может быть концом человеческой идеологической эволюции и окончательной формой человеческого правления» [4]. Поэтому США слишком оптимистично смотрели на перспективы развития ЦА и не вкладывали слишком много ресурсов, считая, что Центральная Азия, безусловно, станет членом западного мира. Но, позже страны Центральной Азии стали непригодными для демократической политики, и произошли политические потрясения и межэтнические конфликты. Соединенные Штаты считают, что это связано с тем, что попытка России восстановить постсоветское пространство принесла угрозы странам Центральной Азии, заставив страны в Центральной Азии больше полагаться на силовую политику и политическую централизацию для борьбы с угрозой со стороны России [5].

После террористических актов 11 сентября 2001 г., борьба с терроризмом стала центром глобальной стратегии США. Победа в антитеррористической войне зависит от многостороннего сотрудничества региональных организаций и стран. Таким образом, страны Центральной Азии, расположенные вокруг Афганистана, стали потенциально важными стратегическими союзниками США. Военное сотрудничество стало основным вопросом США в Центральной Азии. На данном этапе Соединенные Штаты создали или арендовали военные базы в ряде стран Центральной Азии. Однако, целью США в Центральной Азии является не только борьба с

терроризмом. Помощник госсекретаря США Элизабет Джонс на слушаниях заседания сенатского комитета по международным отношениям 13 декабря 2001 г. заявила, что США преследуют три цели в Центральной Азии: «предотвратить распространение терроризма, предоставить инструменты для политических, экономических и правовых реформ, а также обеспечить безопасное и прозрачное освоение энергетических запасов Каспийского моря» [9]. Американцы использовали так называемые «инструменты для политических, экономических и правовых реформ», которые заключаются в расширении поддержки демократических политических институтов, местных неправительственных организаций (НПО) и независимых СМИ, закладывая основу для последующих цветных революций.

После распада СССР Соединенные Штаты слишком оптимистично относились к волне демократизации. Центральная Азия не полностью стала «демократической по западному образцу» как ожидали США. В результате Соединенные Штаты начали проводить цветную революцию, пытаются вновь продвинуть процесс своей демократизации в ЦА и заменить тех лидеров, которые не подчинились стратегической воле США. В документе о стратегии национальной безопасности США 2002 г. упоминается, что для эффективной борьбы с терроризмом США необходимо поддерживать правительства в мусульманском мире, занимающие умеренную позицию и современные тенденции развития [19]. И это стало лучшим прикрытием «цветной революции» в США. Впоследствии в Центральной Азии вспыхнули 2 цветные революции: тюльпановая революция в Киргизии в 2005 г. и беспорядки в Андижане в Узбекистане в 2005 г. В документе о стратегии национальной безопасности США 2006 г. публично подтверждается цветная революция в Кыргызстане [20]. Соединенные Штаты считают, что цветная революция достигла цели продвижения дела демократии, и объявили, что они будут использовать все необходимые средства, включая общественную поддержку реформистов, целенаправленную военную подготовку и санкции, для продвижения демократического процесса по западному образцу.

Кроме того, в 2004 г. был завершен исследовательский проект «Синьцзян: мусульманский рубеж Китая», финансируемый Конгрессом США [10]. Соединенные Штаты начали одновременно связывать Центральную Азию с Китаем и Россией и использовали такие вопросы, как Восточный Туркестан, для принуждения Центральной Азии к участию в процессе ослабления Китая.

После финансового кризиса в 2009 г. экономика Соединенные Штаты пострадала и не могла продолжать вести высокую войну с терроризмом, поэтому США начали корректировать свою глобальную стратегию. 1 мая 2011 г. Усама бен Ладен был убит. 22 июня 2011 г. Соединенные Штаты объявили о своем уходе из Афганистана. Это означает, что Соединенные Штаты не смогут использовать войну в Афганистане как предлог для влияния на

Центральную Азию. В то же время «Арабская весна» и война в Сирии также привлекли стратегическое внимание США. Однако, это не означает, что Соединенные Штаты отказались от своих намерений в Центральной Азии. США только стратегически сократились в военной области, принимая больше невоенных средств. Запуск стратегии «перебалансировки» сил в АТР означает, что Соединенные Штаты сместили свое стратегическое внимание на Китай. Соответственно, стратегия Соединенных Штатов в Центральной Азии также привлекла Центральную Азию к Индо-Тихоокеанскому направлению. Например, в июле 2011 г. тогдашний госсекретарь США Хиллари Клинтон предложила стратегию Нового шелкового пути в ходе второго американо-индийского стратегического диалога, что реализация плана принесет стабильность и процветание в Центральную и Южную Азию [12]. Также в июне 2011 г. министр обороны США Панетта предложил стратегию «перебалансировки» сил в АТР на саммите в «Диалог Шангри-Ла» и объявил, что США пересмотрят политику в Центральной Азии [14].

Тогдашний заместитель госсекретаря США Энтони Блинкен в 2015 г. выступил с речью в Брукингском институте, в которой изложил новую политику США в Центральной Азии – укрепление партнерских отношений, установление более тесных экономических связей и продвижение надлежащего управления и прав человека [7].

В результате Соединенные Штаты стали выделять больше ресурсов на дипломатическую, политическую и культурную сферы в Центральной Азии, а не на прежнее военное сотрудничество и сотрудничество в сфере безопасности. В 2015 г. США и Центральная Азия создали механизм диалога «С5+1» и объявили о пяти крупных проектах сотрудничества: проект регионального диалога «Глобальный контртеррористический форум» (GCTF), Проект конкурентоспособности бизнеса в Центральной Азии (СABC), и проект развития транспортного коридора (ТCD) проекты, будущие энергетические проекты, проекты поддержки национальных и региональных планов адаптации [21].

Соединенные Штаты стремятся направлять поведение Китая и России в направлении, соответствующем интересам Соединенных Штатов, и проводить реформы по требованию [22].

В 2020 г. США объявили о новой пятилетней стратегии в Центральной Азии – «Стратегия США в Центральной Азии: 2019-2025 гг.». В основе стратегии три пункта: 1. Поддержка суверенной независимости Центральной Азии путем усиления военных учений и планов национального партнерства 2. Укрепление взаимосвязи и оперативной совместимости между Центральной Азией и Афганистаном, включая снижение угрозы терроризма и расширение экономических и торговые обмены 3. Продвижение реформы верховенства закона и прав человека.

Поддержка суверенной независимости, другими словами, означает максимальное снижение зависимости Центральной Азии от России в сфере безопасности. **Укрепление связи с Афганистаном фактически помогает** Соединенным Штатам вернуться в Центральную Азию через афганский вопрос и продолжает традицию поддержки связи Центральной Азии с Индией. Содействие реформе верховенства права и защите прав человека на самом деле является продолжением процесса демократизации. Когда сильный лидер медленно стареет и децентрализует власть, Соединенные Штаты надеются, что под влиянием культурного влияния, проникновения средств массовой информации и интернет-общения страны Центральной Азии будут двигаться в том направлении, которое привлекательно для США.

Стратегия по Центральной Азии, объявленная Соединенными Штатами в 2020 г. в основном было продолжением стратегии 2015 г. Эта стратегия не меняла приоритетов США в Центральной Азии, а вместо этого обобщала возможности для нового сотрудничества, которое могло быть вызвано изменениями, произошедшими за последние несколько лет. Например, в прошлом администрация США часто отделяла политику в отношении Афганистана от политики в отношении Центральной Азии. Причина в том, что «президент Каримов не готов каким-либо образом взаимодействовать с Афганистаном по пограничным вопросам» [6]. В 2016 г. Ислам Каримов скончался и Шавкат Мирзиёев приходит к власти. Это позволили Узбекистану вновь открыться. Эти изменения дали США надежду на повторное использование афганского вопроса для влияния на политическую повестку Центральной Азии.

Падение афганского правительства разрушило опору политики США в Центральной Азии, и ситуация в Афганистане вышла из-под контроля США.

Необходимо учитывать афганский фактор. «Пока у движения Талибан задачи носят локальный характер – построение исламского эмирата конкретно на территории Афганистана, что будет потом, когда они укрепятся никто не может сказать однозначно. Нужно быть готовым к развитию самых непростых сценариев» [2. С. 2308].

Изменения в международной обстановке разделили мнения в Соединенных Штатах и возникли споры. Американские политические и академические круги начали переосмысливать стратегию США в Центральной Азии. Российско-украинский конфликт беспорядки в Казахстане дали Соединенным Штатам возможность вновь войти в Центральную Азию. Казахстан посетил заместитель госсекретаря США Узра Зейя 11 апреля 2022 г. Далее в ЦА побывали с 23 по 27 мая 2022 г. помощник госсекретаря США по делам Южной и Центральной Азии Дональд Лью во главе делегации США посетили Кыргызстан, Узбекистан, Таджикистан, Казахстан. Командующий Центральным командованием США Майкл Курилла посетил Узбекистан

13 июня 2022 г. Военная делегация США во главе с директором по ресурсам и анализу Центрального командования США Робертом Унгером прибыла в Кыргызстан 21 октября 2022 г. Госсекретарь США Блинкен посетил Казахстан, Узбекистан и Индию с 28 февраля по 3 марта 2023 г. Эти визиты выражали три основных требования Соединенных Штатов: 1. разрешить Соединенным Штатам восстановить военные базы в Центральной Азии; 2. попросить страны Центральной Азии понять, поддержать и соблюдать антироссийские санкции; 3. содействовать дальнейшему развитию реформ демократизации в Центральной Азии. Частые визиты являются необходимым процессом для понимания новой политической ситуации в ЦА и подготовкой к разработке новой стратегии США в Центральной Азии. По сравнению с политическими кругами, академические круги гораздо более радикальные. После падения прежнего афганского правительства, многие американские ученые считают, что политика США в Центральной Азии уже отстала от реальности. Например, на Форуме Института мира США, состоявшемся 8 февраля 2022 г., Ричард Хогланд, бывший посол США в Казахстане и Таджикистане, заявил, что стратегия США в Центральной Азии должна быть сосредоточена не только на демократии и экономическом развитии, но и на противодействии влиянию России и Китая. Муртазашвили, аналитик «Фонда Карнеги за международный мир», считает, что США не должны смотреть на ЦА с точки зрения России или Китая, а должны взять на себя инициативу, чтобы воспользоваться такими проблемами, как молодое население, анти-коррупцию и гражданское общество для достижения стратегических целей США. Старр, директор «Института Центральной Азии и Кавказа», считает, что сотрудничество в области безопасности должно быть наиболее важной частью: «по сравнению с Китаем и Россией, американская модель C5+1 слишком пассивна» [23]. США учитывают, что для осуществления китайского мегапроекта «Пояс и путь» руководством страны «были поставлены огромные задачи, но на пути реализации амбициозных проектов КНР следует выделить проблемы как внутреннего, так и внешнего характера [15. С. 441]. Например, Старр, эксперт по политике в Центральной Азии, проблемам Синьцзяна, заявил, что нынешняя стратегия США в Центральной Азии «теперь неадекватна и не работает», «ее необходимо переосмыслить с самого начала и разработать новую стратегию, более адекватно отвечающую современным реалиям» [11]. Старр считает, что в прошлой США формулировали стратегии в Центральной Азии, исходя из предпосылки присутствия России в ЦА. Теперь, после начала российско-украинского конфликта, Соединенные Штаты должны сформулировать новую стратегию в Центральной Азии, основанную на крахе России [1]. Майя Алав, старший советник «Capgemini Government Solutions», внесла два предложения: одно – заставить Центральную Азию осознать, что есть еще третий вариант, помимо инициативы «Один пояс, один путь» и

экономической сферы влияния России; другое – укрепить стратегическое положение Центральной Азии и установить более прагматичного стратегического партнерства с каждой страной Центральной Азии [18].

Таким образом, исходя из вышеизложенного, нам представляется, что как только правительство США примет радикальные идеи американских академических кругов, это неизбежно приведет к стратегическому просчету. Если Соединенные Штаты Америки предпримут радикальные меры для продвижения политических реформ в Центральной Азии, это может привести к тому, что они столкнутся напрямую с интересами как Китайской Народной Республики, так и Российской Федерации. Такой американский шаг вполне может привести к геополитической катастрофе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Какой должна быть стратегия США в Центральной Азии? Интервью с Фредериком Старром // <https://cabar.asia/ru/kakoj-dolzhna-byt-strategiya-ssha-v-tsentralnoj-azii-intervyu-s-frederikom-starrom>.

2. Сыздыкова Ж.С. Талибы: новый имидж со старым содержанием // Вопросы политологии. 2021. Том 11. Выпуск 8 (72).

3. Сыздыкова Ж.С. История кочевых империй Евразии в контексте современных концепций // Евразийский союз: вопросы международных отношений. 2023. Том 12. Выпуск 1 (47).

4. Фрэнсис Фукуяма. «Конец истории и последний человек». Москва: АСТ, 2015.

5. Ян Юцай, Юань И. «Стратегическая корректировка США В Центральной Азии и тренд региональной политики» // Исследования России Восточной Европы и Центральной Азии. 2020. № 2.

6. A New US Strategy for Central Asia: Continuity Under Better Conditions // <https://thediplomat.com/2020/02/a-new-us-strategy-for-central-asia-continuity-under-better-conditions/>.

7. Antony J. Blinken: An Enduring Vision for Central Asia // <https://2009-2017.state.gov/s/d/2015/240013.html>.

8. Deputy Secretary Talbott: A Farewell to Flashman: American Policy in the Caucasus and Central Asia // <https://1997-2001.state.gov/regions/nis/970721talbott.html>.

9. Elizabet A. Jones: U.S.-Central Asian Cooperation // <https://2001-2009.state.gov/p/eur/rls/rm/2001/11299.html>.

10. Frederick S. Starr: «Xinjiang: China's Muslim Borderland» // Routledge, 2004.

11. Frederick S. Starr: Rethinking Greater Central Asia: American and Western Stakes in the Region and How to Advance Them // <https://www.silkroad-studies.org/resources/pdf/SilkRoadPapers/220615-Starr-Final.pdf>.

12. Hillary Rodham Clinton: Remarks on India and the United States: A Vision for the 21st Century // <https://2009-2017.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2011/07/168840.htm>.

13. Murat Laumulin. «U.S Strategy and Policy in Central Asia» // Central Asia and the Caucasus. 2007. № 4 (46).

14. Panetta to explain U.S. strategic shift to Asian allies // <https://www.reuters.com/article/usa-panetta-asia-idINDEE84T0BG20120530>.

15. Syzdykova Zh. One belt one road initiative: a difficult way to the Chinese dream // Opción. 2018. Año 34. Especial No 15.

16. S.1344 – Silk Road Strategy Act of 1998 // <https://www.congress.gov/bill/105th-congress/senate-bill/1344/summary/>.

17. S.2532 – FREEDOM Support Act // <https://www.congress.gov/bill/102nd-congress/senate-bill/2532>.

18. The US' Rare Opportunity In Central Asia // <https://inkstickmedia.com/the-us-rare-opportunity-in-central-asia/>.

19. The National Security Strategy of the United States of America 2002 // <https://2009-2017.state.gov/documents/organization/63562.pdf>.

20. The National Security Strategy of the United States of America 2006 // <https://history.defense.gov/Portals/70/Documents/nss/nss2006.pdf>.

21. U.S-Central Asia (C5+1) Joint Projects // <https://kg.usembassy.gov/u-s-central-asia-c51-joint-projects/>.

22. U.S. POLICY TOWARD CENTRAL ASIA 3.0 // https://carnegieendowment.org/files/CP_259_Central_Asia_Final.pdf.

23. Under Secretary Zeya Delivers Remarks on U.S.-Kazakhstan Partnership // <https://www.state.gov/under-secretary-zeya-delivers-remarks-on-u-s-kazakhstan-partnership/>.

JIANG LANHUI

*Doctoral student Shanghai international
studies University, China*

NEW TRENDS IN THE STRATEGY OF THE UNITED STATES OF AMERICA IN CENTRAL ASIA

The article is devoted to the analysis of US policy in Central Asia (CA) after the collapse of the USSR. Attention is drawn to the fact that in 2020 Trump announced the "US Strategy in Central Asia for 2019-2025", which has three main points: promoting the economic independence of Central Asia, protecting the sovereignty of the Central Asian countries and promoting the development of culture. After the events in Ukraine began, the Biden administration and American academic circles believe that the strategy for Central Asia announced by the Trump administration in 2020 no longer corresponds to modern realities and therefore it is necessary to develop a new concept of the United States in Central Asia. The main links of American policy since the 1990s are highlighted, the reasons that led to the adjustment of the American course of foreign policy in Central Asia are identified.

Key words: *USA, Central Asia, Afghanistan, politics, security.*

ЛО ЯНЬЧАО

*аспирант Национального исследовательского
Томского государственного университета,
Россия, г. Томск*

СЮЙ ЦЗЮНЬ

*аспирант Национального исследовательского
Томского государственного университета,
Россия, г. Томск*

ИЮАНЬ СЯН

*аспирант Национального исследовательского
Томского государственного университета,
Россия, г. Томск*

«ЯДЕРНЫЙ ТРЕУГОЛЬНИК» КИТАЙ – ИНДИЯ – ПАКИСТАН: НАТЯЖЕНИЕ УЗЛА

Гонки вооружений между Россией и США напрямую увеличивают риск глобального конфликта, особенно между странами, находящимся в постоянной конфронтации. Стремительная деградация системы ограничения ядерных вооружений, например, недавняя приостановка Россией выполнения Договора о стратегических наступательных вооружениях (ДСНВ) с США свидетельствует о кризисе, который переживает нынешний миропорядок. Кроме того, что урегулированные в прошлом веке вопросы между двумя ядерными державами обостряются с нарастанием российско-украинского конфликта, из фокуса часто выпадает положение дел между тремя странами, входящими в «Ядерный клуб»: Китаем, Индией и Пакистаном.

Ключевые слова: Южная Азия, Индия, Китай, Пакистан, ядерное оружие.

На фоне эскалации напряжения в Тайваньском проливе и торговой войне с США, Китай, придерживаясь своей стратегии «невмешательства», продолжает наращивать ядерный потенциал в соответствии со скоростью наращивания в США, что провоцирует Индию и, в свою очередь, Пакистан, предпринимать аналогичные меры. Подобные взаимоотношения, как правило, называют «треугольником».

Дестабилизирующий потенциал ядерного треугольника сложно переоценить, учитывая тот факт, что в поддержке его существования принимают участие ведущие державы, которые сейчас пересматривают свои отношения. Китай лидирует в разработке гиперзвукового оружия [14. С. 29], Индия занимается его разработкой и тестированием, а Пакистан покупает у Китая технологии, чтобы догнать Индия и обзавестись своим собственным ядерным подводным флотом, при этом открыто обмениваясь с Индией авиаударами [9]. И все это происходит, вроде бы, из-за территориального спора на участке, где до сих пор не сформировалась граница между государствами.

Чтобы понять нынешнее состояние треугольника, важно рассмотреть, как предпосылки его образования, так и мотивацию участников в сохранении статуса-кво, периодическом обострении или эскалации конфликта.

Китай провел испытание ядерной бомбы в 1964 году, Индия тайно в 1974 году, а Пакистан только в 1998 году. Но когда все могло пойти иначе? В 1950-х годах у Китая и Индии, по мнению Доктора Прадипа Танеджа из Мельбурнского университета [6], был потенциал установить долгосрочные дружеские отношения. Благоприятной средой была победа над колониализмом и японской агрессией, где Китай заручился поддержкой Индии, а также отказ Индии от связей с Тайванью. Однако колониальное наследие в лице пограничных споров, захват Тибета и бегство Далай-ламы в Индию вылилось в серию пограничных конфликтов в 1962, 1967 и 1987 годах. Эти конфликты привели к развитию взаимной враждебности, минуя предпосылки к формированию азиатской солидарности. Закрепили конфронтацию ядерные испытания, проведенные Индией в 1998 году.

Будучи ранее единым государством, Пакистан видит в Индии принципиальную угрозу своему существованию. Пакистан после получения независимости от власти Британской империи в 1947 году был в непростых отношениях с Индией также из-за территориальных споров. Спорные территории, о которых идет речь, включают в себя территории бывшего княжества Кашмир и Джамму, а также малонаселенные участки с высокогорными хребтами или плато, которые имеют исключительно стратегическое значение в случае эскалации военного конфликта. Осложнялся конфликт также присутствием США в регионе и нестабильностью в Афганистане.

После признания независимости, Пакистан преследовал цель привлечь мировое сообщество к территориальным конфликтам с Индией, на что Китай старался не реагировать, несмотря на их взаимное соперничество с Индией. Так происходило до тех пор, пока через Пакистан не стал пролегать маршрут китайской инициативы «Один пояс – один путь» (ОПОП), в том числе и Китайско-Пакистанский экономический коридор (КПЭК) стоимостью 25 миллиардов долларов США [12], проходящий по той части Кашмира, на который претендует и Пакистан, и Индия.

Превратив Пакистан в транспортный коридор для доступа к ресурсам, Китай без уступок закрепил зависимость Пакистана от своей внешней политики, в том числе и от поставок ядерного вооружения. В 2018 году Китай подтвердил продажу Пакистану передовой оптической системы слежения, которая может помочь стране в разработке ядерных ракет с несколькими боеголовками [6]. В 2019 году Пакистан опубликовал свою первую в истории политику национальной безопасности, в которой говорится, что политика Индии является основным препятствием для улучшения отношений обеих стран [13].

Планы строительства КПЭК превратили традиционный «треугольник» во многостороннюю фигуру, которая теперь вовлекает в конфликт другие страны южноазиатского региона. Более того, укрепляя отношения с Пакистаном, Китай ставит Индию в положение, когда она вынуждена искать себе союзников среди его основных конкурентов. Так Индия подписала уже три соглашения с США для расширения сотрудничества в области безопасности (LEMOA, COMCASA, BECA) [6].

Интерес Китая к Индии не только как к торговому партнеру после ее отказа от участия в масштабной инфраструктурной инициативе постепенно угасает, так как у Китая в наличии есть рабочий план строительства коридора с Пакистаном в обход территории Индии.

В 1999 году в Лахоре Индия и Пакистан предпринимали попытки согласования мер по снижению риска применения ядерного оружия, где приняли соответствующую декларацию. В 2004 году в Нью-Дели прошли похожие консультации, результатом которых должна была стать совместная ядерная доктрина, закрепляющая мораторий на ядерные испытания и учреждения «горячей линии». Но Пакистан отказался от этой идеи.

На данный момент страны действуют в соответствии со следующей логикой:

1. Официальную позицию по применению ядерного оружия Китай высказал еще после первого испытания в 1964 году: Китай обязуется не применять ядерное оружие первым и не угрожать применением странам, которые не обладают таким арсеналом [8. С. 45-65]. Стратегия со временем дополнялась, но принципиально оставалась неизменной.

2. Индия модернизирует свой ядерный потенциал для того, чтобы иметь возможность нанести массированный ответный удар по оппоненту в случае его нападения – именно так звучит индийская доктрина о «минимальном убедительном сдерживании», принятая в 2003 году после очередных ядерных испытаний [4. С. 98-109]. На данный момент главным оппонентом, безусловно, является Китай, о чем напрямую не говорится в доктрине.

3. Пакистанская ядерная протодоктрина (собрание принципов), возникшая в то же время, содержит в себе четкий ориентир в виде ядерного потенциала Индии и отличается тем, что не исключает возможности «применения

ядерного оружия первыми» [4. С. 98-109]. Подобное отсутствие единого и принятого источника прав и обязательств Пакистана по вопросу применения ядерного вооружения вызывает беспокойство у соседних стран.

Обладая кратно меньшим бюджетом [7], Индия в погоне за ростом китайского ядерного вооружения, по факту предпринимает попытки соответствовать арсеналам первой экономики мира в лице США.

Эксперты не сходятся в определении роли, которое играет ядерное оружие в данном конфликте. Так, существует мнение, что оно так и не стало стабилизирующим фактором в регионе, как могла рассматриваться раньше. Есть информация, по которой Пакистан таким образом использует его как защиту от реакции Индии на поддержку Пакистаном террористических группировок [7]. Индия в том числе продолжает провоцировать эскалацию конфликта с Пакистаном, например, издавая указ о прекращении действия особого статуса Джамму и Кашмира или совершенствуя свой ядерный арсенал [15].

Согласно базе данных Стокгольмского международного института исследований проблем мира, импорт вооружений Пакистаном из Китая в период с 2010 по 2020 год увеличился более чем вдвое по сравнению с цифрами за предыдущее десятилетие 2010 года [12]. Гонка вооружений в регионе становится все более дорогостоящей и опасной для Индии, которая тратит около 10% бюджета на вооруженные силы, и Пакистана, тратящего около 17%. Риск применения ядерного оружия становится все более непредсказуемым: Индией были предприняты попытки внедрить системы искусственного интеллекта в системы вооружения [5]. В условиях украинского конфликта ситуация еще более обостряется: Индии и Пакистану придется просчитывать как конфликт может повлиять на гонку вооружений между США и Китаем, а также на поставки оружия Индии от США. Растущая непредсказуемость заставляет страны быть более подозрительными и просчитывать примитивные меры.

Учитывая тот факт, что вероятность применения ядерного оружия между Индией и Пакистаном нельзя вычислить, основываясь на каких-либо взаимно обязующих мерах контроля, кроме внутренних, оценить вероятность применения ядерного оружия по цифрам только в рамках ядерного треугольника невозможно. Рассчитывать потенциал ядерного удара со стороны Китая не имеет сейчас смысла, если брать во внимание его ядерную доктрину, политику невмешательства и ОПОП как основной инструмент настройки отношений в регионе.

Тенденции, заданные колониальным прошлым и биполярным настоящим диктуют следующую арифметику для этого региона: чем меньше крупные державы будут использовать превентивную дипломатию вместо постоянного наращивания вооружения, тем больше вероятность, что страны с наведенными друг на друга ракетами и без нормативной базы для

урегулирования угрозы ядерного удара первыми не выдержат напряжения. Насколько такая ситуация выгодна соседям, которые систематично отстраивают инфраструктуру на территории южноазиатских стран – вопрос, над которым стоит задуматься. Учитывая тот факт, что все три державы сейчас состоят в ШОС, возможно, методы регулирования взаимоотношений внутри ядерного треугольника и политика сдерживания будут со временем обсуждаться как насущная проблема, подвергающая угрозе безопасность Южной Азии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Ефремова К.А.* Формирование «нового мирового порядка»: теоретические интерпретации и практическая реализация // Сравнительная политика. 2016. № 7 (2 (23)).
2. *Панин Л.* Ядерный треугольник Индийского субконтинента // Российский совет по международным делам. 2023 // <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/yadernyy-treugolnik-indiyskogo-subkontinenta/#2>.
3. *Сафронова А.Л.* «Разбитое зеркало» Южной Азии: раздел Британской Индии 1947 г. в коллективной памяти современного индийского общества // Азия и Африка сегодня. 2019. № 6.
4. *Сотников В.И.* Сравнительный анализ ядерных доктрин Индии и Пакистана // Восточная аналитика. 2020. № 1.
5. *Altaf Z.* Why Indian military's embrace of AI risks sparking nuclear disaster // South China Morning Post. 2023 // <https://www.scmp.com/comment/opinion/article/3209801/why-indian-militarys-embrace-ai-risks-sparking-nuclear-disaster>.
6. *Dr. Pradeep Taneja* 面对中国崛起，印度何去何从？ // Melbourne Asia Review. 2022 // <https://melbourneasiareview.edu.au/BC/>.
7. *Kumar M.* India raises defence budget to \$72.6 bln amid tensions with China // Reuters. 2023 // <https://www.reuters.com/world/india/india-raises-defence-budget-726-bln-amid-tensions-with-china-2023-02-01/>.
8. *Lewis J., Xue Litai.* Making China's Nuclear War Plan // Bulletin of the Atomic Scientists. 2012. Vol. 68. No 5.
9. *Lt. Gen. Deependra Singh Hooda* Three Years After Balakot: Reckoning with Two Claims of Victory // The Stimson Center. 2022 // <https://www.stimson.org/2022/three-years-after-balakot-reckoning-with-two-claims-of-victory/>.
10. New Weather Patterns Are Turning Water Into a Weapon // Bloomberg. 2020 // <https://www.bloomberg.com/features/2020-indus-river/>.
11. *Notezai M.A.* What Does the China-India Standoff in Ladakh Mean for Pakistan? // The Diplomat. 2020 // <https://thediplomat.com/2020/06/what-does-the-china-india-standoff-in-ladakh-mean-for-pakistan/>.

12. Purohit K. Have India's actions fuelled closer China-Pakistan ties? // South China Morning Post. 2022 // <https://www.scmp.com/week-asia/explained/article/3166743/have-indias-actions-fuelled-closer-china-pakistan-ties>.

13. Sridharan V. India scraps Kashmir's special status raising fears of 'catastrophic' unrest // South China Morning Post. 2022 // <https://www.scmp.com/news/asia/south-asia/article/3021443/india-seeks-abolishes-kashmirs-special-status-constitution?module=inline&module=inline&pgtype=article&pgtype=article>.

14. Tellis A.J. Striking Asymmetries: Nuclear transitions in southern Asia // Washington, DC. 2022.

15. THE JAMMU AND KASHMIR REORGANISATION ACT // The Gazette of India, 2019 // <https://egazette.nic.in/WriteReadData/2019/210407.pdf>.

LUO YANCHAO

*Postgraduate Student, Tomsk State University,
Tomsk, Russia*

XUJUN

*Postgraduate Student, Tomsk State University,
Tomsk, Russia*

XIANG YIYUAN

*Postgraduate Student, Tomsk State University,
Tomsk, Russia*

"NUCLEAR TRIANGLE" CHINA-INDIA-PAKISTAN: KNOT TENSION

Arms races between Russia and the US directly increase the risk of global conflict, especially between countries that are in constant confrontation. The rapid degradation of the system of nuclear arms limitation, for example, the recent suspension by Russia of the implementation of the Strategic Offensive Arms Treaty (START) with the United States, testifies to the crisis that the current world order is experiencing. In addition to the fact that the issues settled in the last century between the two nuclear powers are aggravated with the growth of the Russian-Ukrainian conflict, the state of affairs between the three countries included in the "Nuclear Club": China, India and Pakistan often falls out of focus.

Key words: South Asia, India, China, Pakistan, nuclear weapon.

Е.А. ПОПОВА

аспирант Дипломатической академии

МИД РФ, Россия, г. Москва

<https://orcid.org/0000-0002-8761-4755>

ТРАНСЛЯЦИЯ КОНЦЕПЦИИ «РУССКОГО МИРА» В ЗАРУБЕЖНЫХ СМИ (НА ПРИМЕРЕ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ): РИСКИ И УГРОЗЫ ДЛЯ РОССИИ

Автором рассматриваются различные проблемные вопросы, связанные с трансляцией концепции «Русского мира» в зарубежных СМИ, а именно в странах Восточной Европы. Делается акцент на рисках и угрозах парадигмы, распространяемой на Западе в отношении этой идеи, для национальной безопасности Российской Федерации. По результатам исследования было определено, что основной проблемой развития идеи «Русского мира» является ее недостаточная научная разработанность, а также отсутствие отвечающих современным реалиям действенных механизмов противодействия негативной оценке «Русского мира», распространяемой СМИ Восточной Европы. Потенциальные угрозы для России обостряются тем, что недружественные страны Восточной Европы имеют глубокие культурные, исторические, а также экономические связи с Россией, которые складывались веками. Распространение же негативного отношения к России, а также к проводимой ею политике, подрывает возможности для конструктивного диалога между странами.

Ключевые слова: «Русский мир», «русофобия», Специальная военная операция, национальная безопасность, коллективный Запад, геополитика, внешняя политика Российской Федерации.

«Русский мир» не только транслирует, но и в первую очередь защищает самобытную культуру, характерную для российского общества. В многих исследованиях вполне обоснованно отмечается, что исчезновение российской культуры представляет существенную угрозу для России [14] и мировой цивилизации в целом.

Президент РФ Владимир Путин утвердил новую концепцию внешней политики. В документе среди прочего РФ называется «государством-цивилизацией», оплотом Русского мира и «одним из суверенных центров мирового развития» [18].

Из документа также следует, что РФ «не считает себя врагом Запада», но не может не заниматься «устранением рудиментов доминирования США и других недружественных государств в мировых делах» [18]. Стоит отметить, что отношения между Россией и т.н. странами «Запада» исторически носящие сложный характер, а иногда даже конфликтный, практически ни в одну эпоху нельзя было назвать дружескими. Однако в определенные промежутки истории данная геополитическая конфронтация обострялась, и эскалация многолетнего конфликта постепенно нарастала.

Вполне справедливо утверждать, что новый виток соперничества начался задолго до окончания Второй мировой войны и начала «холодной войны». Истоки прослеживаются еще в годы Отечественной войны 1812 года, в ходе которой Наполеоном Бонапартом была предпринята попытка покорить Россию, что было сделано не без участия европейских стран-партнеров [15]. Уже с тех времен прослеживается тенденция попыток европейской коалиции ограничить развитие России.

В 2023 году мы можем уже с уверенностью констатировать, что противостояние не только не прекратилось, а обостряется все больше. После начала Россией Специальной военной операции на Украине ситуация приняла широкие масштабы. Российские политологи и ученые, в частности М.А. Неймарк, отмечают такое явление, как «интернационализация украинского кризиса» [12]. С этим явлением непосредственно связано стремление стран Запада ограничить развитие России путем введения широкого спектра экономических санкций. По всему миру наблюдаются процессы «отмены» русской культуры, широкого распространения русофобии. В научных исследованиях справедливо указывается, что на Украине не был окончен социокультурный раскол, который «обретает черты устойчивого политического размежевания» [10].

В этой обстановке представляется особенно важным рассмотреть комплекс проблем, связанных с существованием и развитием концепции «Русского мира». Как отмечается в статьях М.А. Неймарка, в данной сфере накопилось большое количество проблем, от разрешения которых зависит существование и стабильное развитие России.

Стоит признать, что в первые годы существования современной России (1990-е гг.) отечественная внешняя политика имела некоторый инертный характер, что было продиктовано отвлечением на происходившие в стране преобразования. Как отмечается в литературе, осознание ключевых проблем российской диаспоры в мире как базы проведения внешней политики России проходило достаточно болезненно [9].

Однако со временем российское руководство пришло к выводу, что проводить эффективную внешнюю политику в отрыве от защиты прав русской диаспоры по всему миру (а особенно на территориях бывшего СССР) не представляется возможным. Как следствие, государство стало широко

проводить политику, направленную на поддержку соотечественников. Как отмечается в литературе, Москва предприняла следующие существенные шаги в этом направлении:

1. Принят ряд законов и постановлений о поддержке соотечественников.
2. Под эгидой МИД РФ и Минобрнауки создан фонд «Русский мир».
3. Переформатирован Росзарубежцентр (вместо него было создано Россотрудничество).
4. Существенно увеличилась финансовая поддержка русского зарубежья с 2000 по 2006 гг. [12].

Также немаловажное значение имеет принятие в 2007 году решения о подписании Акта о каноническом общении Русской православной церкви и Русской православной церкви за границей [1].

Однако несмотря на то, что начиная с 2000-х гг. Россия проводила политику защиты русских за границей, категориально-понятийная, идеологическая основа концепции «Русского мира» не получила своего окончательного закрепления и консенсуса в отечественной научной среде. Изменение геополитической обстановки в 2014 г. привело к тому, что концепцию «Русского мира» стали воспринимать исключительно в рамках парадигмы проведения мероприятий по гуманитарной помощи представителям русской диаспоры за границей.

Итак, на наш взгляд, именно отсутствие четкой идеологической основы данной концепции, а также нарастание противостояния с геополитическими соперниками России привело к искажению представлений о содержании понятия «Русский мир». К сожалению, приходится констатировать, что в западном мире данный термин приобретает все более негативный смысл, что может сказаться на развитии перспектив сотрудничества России со странами Восточной Европы. На такое изменение подходов к пониманию «Русского мира» влияет целый ряд факторов, как экономических, политических, так и социально-культурных, а также исключительно идеологических.

Немаловажным фактором, на наш взгляд, является большое количество заблуждений, связанных с состоянием российского государства и российской культуры. На Западе Россия нередко представляется через парадигмы «холодной войны»: «советская империя», «российская империя», «постсоветский неоимпериализм» и пр. [4; 6].

В последние годы наблюдается активизация продвижения концепции «Русского мира», причем не только в пределах государственных границ, но и за границей, в том числе в Восточной Европе. При этом, на основе анализа действий Кремля за последнее десятилетие, можно сделать вывод о том, что прежде всего ставится цель защиты представителей русской диаспоры именно в странах, которые когда-либо были частью Российской империи или Советского Союза, так как такие страны зачастую имеют достаточно существенную часть населения, которое так или иначе имеет русские корни

и является носителем русской культуры [3]. Особенности восприятия концепции «Русского мира» существуют и в странах прежнего т.н. «социалистического лагеря», прежде всего в странах Восточной и Юго-Восточной Европы.

Тем не менее, именно страны Восточной Европы рассматривают продвижение данной концепции в качестве угрозы национальной безопасности, оценивая ее как концепцию, представляющую геополитическую опасность. На базе предрассудков о русском народе (руссофобия), концепция «Русского мира» в странах Восточной Европы также отторгается как на бытовом, так и политическом уровнях.

В средствах массовой информации стран Восточной Европы рассматриваемая концепция намеренно позиционируется как создающая потенциал для возникновения новых конфликтов, а также эскалации уже имеющихся. Во многом такие опасения связаны также и с тем, что страны Восточной Европы имеют те или иные исторические споры и разногласия с Россией. Как следствие, концепция «Русского мира» воспринимается не иначе как враждебная и опасная.

Кроме того, продвижение «Русского мира» в зарубежных СМИ в том виде, который сейчас есть, также может столкнуться с обвинениями в «культурном империализме» и агрессии. Многие страны Восточной Европы заявляют, что имеют свои уникальные культуры и языки, а Россия, продвигая русский язык и культуру как высшие или более важные, может подорвать их собственную национальную идентичность. Однако стоит понимать, что, если не будет конструктивной и планомерной работы на данном направлении по продвижению национальных ценностей, то это в дальнейшей перспективе может крайне негативно сказаться на возможности России оказывать культурное, политическое и экономическое влияние на такие страны. При этом стоит ожидать, что настойчивое продвижение «Русского мира» в зарубежных СМИ также может привести к новым обвинениям в пропаганде и манипуляциях [7].

Многие страны Восточной Европы уже сейчас заявляют, что Россия вмешивается и в их внутривнутриполитические дела, выборы и распространяет дезинформацию через социальные сети [13]. Продвигая «Русский мир» в этих странах без трансформации существующих методов, Россия рискует еще больше подогреть эти обвинения и подорвать доверие к себе как к надежному партнеру. Как следствие, необходимо избирать более мягкие способы распространения «Русского мира» для повышения эффективности данной работы.

Парадигму, посредством которой Запад предпринимает попытки ограничить влияние «Русского мира» в Восточной Европе можно рассмотреть на примере украинских СМИ. Исходя из их анализа, можно сделать вывод о том, что они стремятся нивелировать распространение в их стране крайне

правого радикализма, который приводит к нарушению прав русскоязычного населения Украины. Все факты преступлений против русских в восточной части Украины также подлежат умалчиванию. Таким образом, посредством борьбы с идеей «Русского мира» украинские СМИ, при поддержке и идеологическом наставлении США, а также всего коллективного Запада, осуществляют оправдание фактического геноцида русскоязычного населения. Данная ситуация, даже без анализа глубоких геополитических опасностей, которые это несет для России, сама по себе приводит к нарушению прав русских в Украине. Данное обстоятельство является одной из причин начала Специальной военной операции 2022 года.

Однако данная позиция находит поддержку среди лишь части населения Украины. Несмотря на то, что большая часть населения данной страны сочувствует русским Донбасса, постепенно распространяется противоположная, противная истине концепция [16; 17].

В концепции внешней политики Российской Федерации главным инициатором и проводником антироссийской линии прямо названы Соединенные Штаты Америки. В целом политика Запада, направленная на всемерное ослабление России, охарактеризована как гибридная война нового типа [18].

При этом, разумеется, в антироссийской пропаганде замешаны не только СМИ, но и само украинское государство. Все началось после государственного переворота 2014 г. на Украине. После этого была проведена законодательная работа, направленная на создание ряда ограничений для русскоязычного населения страны. Например, в 2015 г. тогдашним президентом П. Порошенко был принят закон «О внесении изменений в некоторые законы Украины относительно защиты информационного телерадиопространства Украины» [8]. Данный законодательный акт запретил воспроизведение на территории страны российских фильмов, в которых фактически Россия представляется в позитивном свете. Данный акт, разумеется, не единственный, принятый по данному направлению.

При этом столь негативное отношение властей Украины по отношению к России наблюдалось и до политического кризиса 2014 г. Было издано множество законов, запрещающих российскую и советскую символику, а также были введены статьи об уголовном преследовании лиц, отрицающих, что бандеровцы боролись за независимость Украины от России. Нередко Россия напрямую называлась вооруженным агрессором [5; 2].

МИД Украины периодически высказывается крайне негативно о России и «Русском мире». Не раз заявлялось, что «Русский мир», который якобы имеет столь негативные характеристики, на Украине «не удастся продвигать ни танками, ни мягкой силой» [11].

Разумеется, позиция, транслируемая через СМИ Украины и других стран Восточной Европы касательно деструктивности «Русского мира», не

соответствует истине. Тем не менее, распространение такой точки зрения о содержании деятельности «Русского мира», разумеется, представляет существенную угрозу для России, ее стабильного развития.

Итак, резюмируя, определим основные опасности и угрозы, которые благодаря прозападным СМИ несет распространение негативного отношения к «Русскому миру» в странах Восточной Европы:

1. Негативное отношение к идее «Русского мира» катализирует презрение к этническим русским, вызывает нарушение их прав.

2. Непринятие за рубежом концепции «Русского мира» приводит к затруднению защиты Россией своих геополитических интересов в отдельных странах.

3. Русофобия, распространяемая прозападными СМИ Восточной Европы, затрудняет налаживание диалога между Россией и правительствами данных стран.

«Русский мир», как бы ни пытались очернить эту концепцию прозападные СМИ Восточной Европы, является явлением значительно более широким нежели объявленное ими «агрессивное продвижение геополитических интересов» России. Российская Федерация – многонациональная страна, в которой принято на уровне традиции уважение ко всем национальностям, проживающим на ее территории. «Русский мир» как концепция призывает оказывать защиту не только русским как этносу, но и всем многочисленным национальностям, проживающим в нашей стране. Представителем «Русского мира» может считать себя индивид, чувствующий духовное родство с российской культурой. Таким образом, «Русский мир» защищает не только этнических русских, но и все глубокое и широкое многообразие культур, которые сложились и стабильно развиваются на территории России.

Основной проблемой развития «Русского мира», на наш взгляд, является недостаточная концептуализация данной идеи, а также ее явно нечеткая формулировка в официальных заявлениях, законодательных актах российского права.

Так или иначе, следует провести детальную научную разработку данной идеи, а именно:

- обеспечить достижение научного консенсуса касательно определения понятия «Русский мир»;
- определить цели данной идеи, ее морально-этическое содержание;
- закрепить основные положения концепции «Русского мира» в законодательных актах Российской Федерации, в том числе в Конституции Российской Федерации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Акт о каноническом общении // <http://www.patriarchia.ru/db/text/155920.html>.
2. *Абрамова Е.Н., Шангараев Р.Н.* Законодательные акты о русском языке на Украине. Политический анализ // *Обозреватель*. 2017. № 1 (324).
3. *Бажанов Е.П., Бажанова Н.Е.* Куда идет человечество? // *Обозреватель*. 2009. № 8 (235).
4. *Бажанов Е.П.* Россия и Запад // *Международная жизнь*. 2013. № 12.
5. *Жильцов С.С.* Истоки современного украинского национализма // *Вестник РУДН. Серия Политология*. 2014. № 4.
6. *Закаурцева Т.А., Денисенко В.С.* США: взгляд дипломата и ученого // *Дипломат*. 2006. № 3 (143).
7. *Закаурцева Т.А.* Опыт реформирования консульской службы США // *Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир*. 2020. № 1 (23).
8. Закон Украины от 5 февраля 2015 года № 159-VIII «О внесении изменений в некоторые законы Украины относительно защиты информационного телерадиопространства Украины» // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=33069892.
9. *Карасин Г.Б.* Россия и соотечественники // *Международная жизнь*. 2007. № 12.
10. *Лапкин В.В.* Россия и Украина: факторы социально-политической поляризации в сравнительной перспективе / В.В. Лапкин, В.И. Пантин // *Полис*. 2009. № 2.
11. МИД Украины: «Русский мир» не продвинуть ни танками, ни силой» // <https://www.golosameriki.com/a/ukraine-stprussian-world/5771716.html>.
12. *Неймарк М.А.* Русский мир и геополитика // *Проблемы постсоветского пространства*. 2015. № 2.
13. Почему Россия вмешивается в политику других государств? // <http://www.bolshoyvopros.ru/questions/1224480-pochemu-rossija-vmeshivaetsja-v-politiku-drugih-gosudarstv.html>.
14. *Соловей В.Д.* Бренд «Россия» // *Полис*. 2009. № 4.
15. Сколько длилась война 1812 года? // <https://www.culture.ru/s/vopros/1812/>.
16. *Сидорова Н.П.* Российско-украинские отношения // *Обозреватель*. 2001. № 1 (132).
17. *Сидорова Н.П.* Российско-украинские отношения: проблемы и перспективы сотрудничества (политологический анализ) // диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук / Дипломатическая академия МИД РФ. Москва, 2000.

18. Указ об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации // <http://www.kremlin.ru/acts/news/70811>.

E.A. POPOVA

*Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign
Affairs of the Russian Federation,*

Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-8761-4755>

BROADCASTING THE CONCEPT OF THE “RUSSIAN WORLD” IN FOREIGN MEDIA (ON THE EXAMPLE OF EASTERN EUROPE): RISKS AND THREATS FOR RUSSIA

In this article, the author discusses various problematic issues related to the broadcast of the concept of the "Russian World" in foreign media, namely in Eastern Europe. Emphasis is placed on the risks and threats of the paradigm spread in the West regarding this idea for the national security of the Russian Federation. According to the results of the study, it was determined that the main problem in the development of the "Russkiy Mir" idea is its insufficient scientific development, as well as the lack of effective mechanisms to counteract the negative assessment of the "Russkiy Mir" spread by the Eastern European media. Potential threats to Russia are exacerbated by the fact that the countries of Eastern Europe have deep cultural, historical, and economic ties with Russia that have evolved over the centuries. The spread of a negative attitude towards Russia, as well as towards its policy, undermines the possibilities for a constructive dialogue between countries.

Key words: *Russian world, russophobia, Special military operation, national security, collective West, geopolitics, foreign policy of the Russian Federation.*

А.М. ТЕРЕШЕНКОВ

аспирант факультета глобальных процессов
Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова,
Россия, г. Москва

ПАНДЕМИЯ COVID-19 КАК ФАКТОР МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ: СПЕЦИФИКА И ПАРАМЕТРЫ ОСМЫСЛЕНИЯ

Представленное исследование посвящено специфике комплексного воздействия пандемии COVID-19 на мировую политическую динамику. Отмечается, что пандемия рельефно отразила такие ключевые проблемы глобального развития, как недостаточная эффективность системы международного здравоохранения, дефицит информационной транспарентности на межгосударственном уровне. К негативным макрополитическим последствиям пандемии следует отнести нарастание таких тенденций, как ускоренная деформация глобального коммуникативного ландшафта посредством распространения «фейков» о коронавирусной инфекции, активизация политико-экономической конкуренции в форме «войны вакцин», усиление макрорегиональной геополитической фрагментации, в том числе, через формирование «вакцинных ареалов».

Ключевые слова: пандемия, COVID-19, «инфодемия», «война вакцин», «вакцинный ареал».

Пандемия COVID-19 явилась одним из главных факторов, определяющих мировую политическую динамику в начале 2020-х годов. Безусловно, появление и широкое распространение коронавируса ознаменовало собой не просто очередной «вызов» человечеству, но и стало свидетельством перехода мировой системы в некое новое качество. Главной характеристикой «глобального мира» на несколько лет (по крайней мере, в 2020-2022 гг.) стала нарастающая и слабо регулируемая турбулентность – тотальная неопределенность стратегических перспектив развития во всех сферах: политической, экономической, гуманитарной, информационной.

Внезапность наступления и острота «пандемийного кризиса», его масштабность и деструктивность, предопределили интерес к нему, в том числе, и как к социально-политическому явлению. Среди работ отечественных

ученых, посвященных влиянию COVID-19 на социальные процессы и политическую «повестку дня» можно особо выделить исследования Е.С. Васецовой [1], М.М. Лебедевой [7], А.А. Громыко [3], В.А. Смирновой [10], С.Г. Давыдова [4], С.С. Жильцова [5], Ф.А. Лукьянова [8] и др.

Следует отметить, что эксперты, будучи едиными в понимании деструктивной роли COVID-19, тем не менее, дают различные оценки воздействия «пандемийного» фактора на глобальную политическую динамику. Так, социолог Д. Рогозин говорит о фундаментальных и макросоциальных трансформациях, пронизывающих все сферы жизни и непосредственно касающихся всех россиян: «у нас реально изменился жизненный уклад, причем одномоментно, безальтернативно и, что еще более любопытно, – административно. То есть он изменился без личного выбора, без участия человека» [11]. Исходя из такого понимания, он констатирует, что сегодня, в ходе Пандемии «мы наблюдаем тектонические социальные изменения» [11].

Иной точки зрения придерживается Ф.А. Лукьянов. В статье «Мир после пандемии: все меняется, но ничего нового» он пишет: «что касается влияния пандемии, то она не повернула мировое развитие куда-то в другую сторону. Она ускорила и катализировала процессы, которые начались с завершением холодной войны» [8].

Указанный взгляд на политические последствия пандемии разделяет М.М. Лебедева: «политическая организация мира не претерпела существенных изменений в результате глобального кризиса, обусловленного пандемией COVID-19. Как следствие пандемии продолжились и усилились те тенденции, которые наметились еще до ее начала» [7. С. 92]. Тем не менее, она также отмечает, что пандемия стала для мировой политики неблагоприятным фоновым фактором – катализатором, способствовавшим усилению многих негативных трендов и, как результат – к росту глобальной конфликтности [7. С. 93-94].

Тем не менее, оправданным представляется мнение, что одним из главных проявлений кризисных тенденций в системе международных отношений стала проблема недостаточной эффективности глобального здравоохранения: норм и институтов, призванных регулировать межгосударственное сотрудничество в сфере охраны здоровья населения, совместного мониторинга и купирования соответствующих угроз природного и техногенного характера [1; 5; 8]. Прежде всего, речь идет о действиях Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), тех ресурсных и функциональных ограничениях, с которыми она столкнулась при попытках взять на себя глобальную координацию процесса борьбы с распространением новой коронавирусной инфекции. Обобщая претензии экспертов к действиям ВОЗ, можно выделить два их ключевых вектора. Первый вектор претензий был связан с моментом оперативности. Речь шла о запоздалой, подчеркнута реактивной

тактике ВОЗ в первые месяцы пандемии, о фактическом отсутствии какой-либо развернутой, глобальной по своему масштабу и обеспеченной соответствующими ресурсами антикризисной стратегии противодействия новой угрозе [8].

Вторым вектором, в рамках которого решения и действия ВОЗ подвергались критике со стороны целого ряда экспертов, является избыточная политическая ориентация данной организации на США и государства Европейского Союза. При этом выглядит весьма интересным (и в какой-то мере, парадоксальным) тот факт, что администрация Белого Дома, будучи основным спонсором ВОЗ, тем не менее, также выступала с активной критикой этой организации на первом этапе глобальной пандемии и высказывалась о ее необходимости реформирования [12].

Характерный пример такой «парадоксальной зависимости»: заявление президента США Д. Трампа о том, что США приостанавливает финансирование ВОЗ, так как считает ее недостаточно эффективной, повлекло за собой быстрый пересмотр стратегии ВОЗ по борьбе с коронавирусом. При этом американский лидер, объявляя о приостановке финансирования, прямо поставил под сомнение не только управленческую эффективность, но и компетентность ВОЗ в медицинских вопросах, связанных с новой коронавирусной инфекцией. Он, в частности, отметил, «США как главный спонсор организации должны настоять на том, чтобы ВОЗ понесла всю ответственность. Одним из самых опасных решений была критика введенного США запрета на авиасообщение с Китаем и другими странами ... К счастью, я не прислушался к их рекомендациям и отложил перелеты, тем самым спас тысячи и тысячи жизней» [12].

Еще одной весьма заметной тенденцией глобального развития в условиях пандемийного кризиса стала трансформация информационного поля мировой политики. По существу, коммуникативное пространство глобальной политики превратилось в предельно агрессивную среду, чему способствовала «инфодемия» – специфическая ситуация, когда «ковидная» повестка заполняет все пространство политических новостей [4]. Такое доминирование COVID 19 в политической повестке дня, которое было наиболее очевидным в 2020 году и во многом сохранилось в 2021 году, сопровождалось активном распространением всевозможных «фейков» – непроверенной, а часто и явно недостоверной информации, что способствовало росту стрессогенной нагрузки на общество [4. С. 228-229]. Естественной ответной реакцией на деструктивное воздействие «инфодемии» явилась усилившаяся «геттоизация» глобальной сети, отражавшая стремление людей дистанцироваться от потока не проверенных, часто взаимоисключающих по своему содержанию, негативных новостей, оценок и комментариев.

В этих условиях «информационного хаоса» и ВОЗ, и национальные правительства частично утратили рычаги влияния на массовое социальное

поведение, не могли эффективно транслировать свои инициативы по противодействию распространению COVID-19 в международном информационно-политическом пространстве. Таким образом, в начале пандемии для мировой политики стал отчетливо характерен своеобразный «коммуникативный дефицит»: ситуация, когда сокращение международных связей (на высшем уровне, научных, гуманитарных) сочетается с острой необходимостью принимать срочные политические и социально-экономические решения, как на национальном, так и на межгосударственном уровне.

Размышляя о наиболее значимых политических эффектах пандемии, можно также уделить особое внимание проблеме кризиса международного доверия [8; 10]. Данная проблема была очевидна и в предшествующие годы, но усугубилась в ситуации информационной закрытости отдельных государств: неготовности национальных правительств оперативно информировать мировое сообщество.

В этих условиях формирования деструктивного по своему информационно-смысловому содержанию «пандемийного дискурса» сложилась своеобразная «презумпция глобального недоверия» в вопросах, прямо или косвенно связанных с «пандемийной» проблематикой. Также весьма симптоматично, что международные институты (включая ООН и ВОЗ) не смогли предложить каких-либо действенных регулятивных механизмов, направленных, если не на преодоление, то на минимизацию «глобального недоверия» в рамках мировой системы здравоохранения. При этом рычаги и функциональные опции международного сотрудничества в рамках «медицинской дипломатии», имея важное межгосударственное и даже макрорегиональное значение, оказались, тем не менее, недостаточными для выстраивания полноценной глобальной «антиковидной» стратегии [1; 8; 10].

В создавшейся ситуации на повестке дня вновь обозначился вопрос, связанный с актуальностью межгосударственных «горячих линий» – оперативных международных информационных обменов, способных выступать не только механизмом «антипандемийной» стратегии, но параллельно играть важную роль в снижении международной политической напряженности.

Еще одним следствием воздействия «пандемийного фактора» на политическую динамику стал процесс роста недоверия и отчуждения между национальными правительствами и гражданами различных стран. Такое развитие событий было детерминировано, в том числе, недостаточной эффективностью PR-кампаний, направленных на освещение оперативных антикризисных действий власти «в режиме реального времени» и обоснование необходимости ограничительных (а во многих странах – и откровенно «запретительных») мер, предпринимаемых правительствами в 2020 году, на первом этапе пандемии. Пожалуй, наиболее рельефным показателем такого информационно-психологического недопонимания между властью и обществом во многих странах стала широкая популярность движения

«антиваксеров», которое приобрело массовый и, что крайне симптоматичности, фактически транснациональный характер. При этом, по нашему мнению, указанное движение не может анализироваться в ракурсе локального, импульсивного протеста, а представляет собой, прежде всего, масштабное социально-политическое явление. То, есть, речь идет о форме политического протеста против действий власти и, проводимой государственной политики в целом.

Отдельной международно-политической проблемой, заслуживающей особого внимания, стала «война вакцин», разразившаяся в конце 2020-2021 гг., и ставшая, с одной стороны, отражением глобальной экономической конкуренции, а с другой – проекцией нарастающей политической конфликтности в современном мире. Учитывая высокотехнологичный характер производства вакцин, основное соперничество развернулось, с одной стороны, между западными государствами – поставщиками препаратов Pfizer/BioNTech (мРНК-вакцина американско-германского производства), Moderna (мРНК-вакцина американско-германского производства), Astra Zeneca (разработанной в Великобритании), и с другой – Россией и Китаем. Основной вектор информационных атак западных медиа был направлен на дискредитацию как российской вакцины «Спутник V», так и суждение экспортного потенциала китайских цельновирусных препаратов Sinopharm и Sinovac [8]. В ходе этой, весьма агрессивной кампании, акцент был сделан на тезис о «непрозрачности» клинических испытаний, недостатке информации о степени эффективности и возможных побочных эффектах российских и китайских препаратов, неполном их соответствии европейским стандартам качества [5].

При этом весьма показательно, что подобные претензии, не будучи подтвержденными научными и медико-статистическими фактами, нередко сопровождалась и прямыми политическими обвещениями в адрес России. Ей приписывалось стремление использовать поставки вакцин в геополитических интересах, связанных, прежде всего, с усилением собственного политико-экономического влияния на постсоветском пространстве и в ряде стран дальнего зарубежья («вакцинное оружие», «мягкое оружие Кремля» и т.п.). Причем, речь шла не только о деятельности отдельных западных интернет-медиа: подобные обвинения в адрес России и Китая были неоднократно и крайне резко озвучены на официальном уровне. Например, президент Франции Э. Макрон в марте 2021 года заявил, что «Европа стоит перед мировой войной нового типа, перед лицом атак» из-за «стремления России и Китая повлиять с помощью вакцин» на внутриевропейскую и мировую политическую динамику [2]. В свою очередь, российские официальные лица обвиняли Европейский Союз в недобросовестной экономической конкуренции. При этом они вполне обоснованно указывали на тот факт, что российская вакцина «Спутник V» столкнулась с кампанией дезинформации,

дискриминации, демонстративного игнорирования со стороны евроинститутов» [8].

Результатом эскалации «вакцинной войны», спровоцированной действиями США, Великобритании и ЕС, явилось усиление такой международно-политической тенденции, как условный «конец глобализации»: дальнейшая политико-экономическая фрагментация «глобального мира». Данная тенденция рельефно проявилась в формировании контуров «вакцинных ареалов» – групп стран и отдельных регионов планеты, тяготеющих к использованию определенного препарата в зависимости от фактора очевидной геополитической и геоэкономической близости к конкретной стране-производителю. Среди таких «вакцинных ареалов» наиболее четко выделяются:

– «атлантический» ареал (США Канада, где активно используются вакцины Pfizer/BioNTech и Moderna);

– европейский ареал, серьезно пересекающийся с «атлантическим» (главным образом, страны ЕС);

– «постсоветский» ареал, где доминировала вакцинация российским препаратом «Спутник V». В указанный ареал по естественным экономическим и логистическим причинам вошла большая часть стран СНГ.

Помимо этого, можно говорить и об образовании условного «китайского» вакцинного ареала, который частично пересекался с российским в центральной Азии и включил в себя ряд стран, имеющих тесные экономические и гуманитарные связи с КНР (Туркмения, Узбекистан, Киргизия, отчасти – Казахстан).

Однако необходимо признать, что природа «вакцинных войн» не исчерпывалась исключительно политико-конъюнктурной и репутационной их составляющей. Следует особо отметить, что важной проблемой, вышедшей на международно-политический уровень, стала неготовность глобального фармацевтического рынка оперативно реагировать на пандемийный вызов. Это наиболее ярко проявилось в обозначившемся дефиците вакцин и, как следствие, транснациональном «вакцинном неравенстве». Речь идет о вполне объяснимой и закономерной ситуации, когда ведущие в технологическом плане страны Запада, являясь главными производителями вакцин, первоначально стремились обеспечить защиту собственного населения. Однако и в дальнейшем, когда указанная задача была в целом решена, они частично ограничивали экспорт вакцин на внешние рынки, рассматривая его, если и не как инструмент усиления собственного геополитического влияния, то исключительно сквозь призму национальных политико-экономических интересов.

Таким образом, можно констатировать, что пандемия COVID 19, олицетворяющая собой острый и крайне масштабный вызов всей мировой политической системе, отчетливо высветила проблемы, связанные с дисфункцией

и низкой эффективностью международных институтов, включая структуры глобального здравоохранения. Более того, «пандемийный» кризис усугубил ряд негативных тенденций современной мировой политики. К ним, прежде всего, следует отнести дефицит доверия между национальными правительствами, деформацию глобального коммуникативного ландшафта, всплеск агрессивной политико-экономической конкуренции, рост международной конфликтности на фоне усиления макрорегиональной геополитической фрагментации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Васецова Е.С., Чжан Цзюньи.* Роль медицинской дипломатии КНР в интеграции АТР // Вопросы политологии. 2022. № 9 (85).
2. Вирусная реклама: Макрон заявил о «войне нового типа» из-за вакцин России и Китая // RT на русском // <https://russian.rt.com/world/article/846256-makron-vakciny-evropa-voina>.
3. *Громыко А.А.* Пандемия и кризис системы международных отношений // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. № 5.
4. *Давыдов С.Г.* Двенадцать статей о девятнадцатом ковиде: первая волна исследований: медиа и коммуникаций в условиях пандемии // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 6.
5. *Жильцов С.С.* Пандемия COVID-19: глобальная перезагрузка политического и экономического развития // Проблемы постсоветского пространства. 2021. № 4.
6. Какие вакцины от коронавируса используют в мире // <https://www.rbc.ru/photoreport/29/03/2021/5fd073399a794729a7f92fa7>.
7. *Лебедева М.М.* Влияние пандемии COVID-19 на мировую политику // Вестник МГИМО-Университета. 2022. № 1.
8. *Лукьянов Ф.А.* Мир после пандемии: все меняется, но ничего нового // <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/mir-posle-pandemii-vsye-menyaetsya-no-nichego-novogo/>.
9. МИД заявил о демонстративном игнорировании евроинститутами «Спутника V» // РБК. Ру // <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/605877609a79476335bf93be>.
10. *Смирнова В.А.* Пандемия COVID-19 международные факторы вакцинной политики постсоветских государств центральной Азии // Пути к миру и безопасности. 2021. № 2.
11. Социолог РАНХиГС Дмитрий Rogozin: «COVID-19 отобрал у нас будущее» // Реальное время // <https://m.realnoevremya.ru/articles/190987-intervyu-sociologa-dmitriya-rogozina?ysclid=lgjewg6uri792251390>.

12. США приостановили финансирование ВОЗ // ТАСС. Международная панорама // <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/8245005?ysclid=lgjekra7iz909577050>.

A.M. TERESHENKOV

Postgraduate student of the Faculty of Global Processes, Lomonosov MSU, Moscow, Russia

THE COVID-19 PANDEMIC AS A FACTOR OF WORLD POLITICS: SPECIFICS AND PARAMETERS OF COMPREHENSION

The study is devoted to the specifics of the complex impact of the COVID-19 pandemic on global political dynamics. It is noted that the COVID 19 pandemic clearly reflected such key problems of global development as insufficient efficiency of the international health system, lack of information transparency at the international level. The most negative macro-political consequences of the pandemic include the intensification of trends such as accelerated deformation of the global communicative landscape by the spread of «fakes» about coronavirus infection, the aggravation of political and economic competition in the form of a «vaccine war», the strengthening of macro-regional geopolitical fragmentation, including through the forming of «vaccination areas».

Key words: *pandemic, COVID-19, «infodemia», «vaccine war», «vaccination area».*

З.Д. УТЕКОВА

аспирант Московского государственного
университета имени М.В. Ломоносова,
Россия, г. Москва

ОСОБЕННОСТИ ОБРАЗА БУДУЩЕГО КАЗАХСТАНА В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19

Представленное в статье исследование является значимой частью научного проекта кафедры социологии и психологии политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова по образам будущего постсоветского пространства. 2. Данная статья посвящена комплексному исследованию образа будущего современного Казахстана как страны, которое является неотъемлемой частью политической картины мира всего казахстанского общества в целом. К тому же, сегодня эта тема является весьма актуальной, поскольку занимает важное место в социально-политической повестке дня Казахстана. 3. Цель этого исследования – раскрыть содержательную специфику образа будущего Казахстана в оптике политического восприятия казахстанцев в период пандемии COVID-19. 4. Научная новизна статьи заключается в междисциплинарном рассмотрении данного вопроса как с политико-психологического ракурса, так и через социологическую призму анализа ответов респондентов, представляющие все социальные когорты, населяющие Республику Казахстан, которые охвачены проведенными глубинными интервью автором данной статьи. Выборка, целиком состояла из респондентов всех областей Казахстана, и включала в себя 70 глубинных интервью, которые проводились в период карантинных ограничений в период с января по июнь 2021 г. 5. В результате этого исследования определены различные альтернативы развития будущего Казахстана, которые выработаны на основе полученных ответов респондентов. В связи с этим можно констатировать, что в ходе исследования выявилось отсутствие консолидированного мнения казахстанского общества относительно образа будущего своей страны. Стоит особо отметить, что проведенное исследование носило качественный характер, поэтому не претендует на строгую социологическую количественную репрезентативность для всех жителей Казахстана, но позволяет через качественные открытые вопросы, задававшиеся респондентам, выявить политико-психологическое содержание актуального образа будущего страны в массовом сознании жителей современного Казахстана.

Ключевые слова: образы, восприятие, Казахстан, пандемия COVID-19, карантин, политико-психологический подход.

Постановка исследовательской проблемы. Коронавирусная инфекция COVID-19 трансформировала положение дел в Казахстане, обострив социально-экономические противоречия в стране.

Во-первых, стоит отметить то, что жесткие ограничения вызвали серьезные опасения за будущее страны с начала пандемии. Негативная картина будущего государства сменила достаточно позитивный образ будущего, который был до пандемии, сформировав у граждан своего рода «страх перед будущим».

Во-вторых, никто конкретно не знает, какие точные последствия несет в себе COVID-19, хотя уже многие мировые эксперты из различных сфер пытаются разглядеть контуры нового мира после победы над вирусом [4]. Практика показывает, что попытки заглянуть в грядущее были присущи человечеству всегда. Эти контуры нового мира и образа будущего стран построены на основе оптимистичного или пессимистичного сценария.

Действительно, если в начале длительных карантинных ограничений 2020 г. наблюдался некий страх граждан перед будущим, поскольку пандемия изменила кардинально обыденное сознание и привычный уклад жизни жителей Казахстана, то уже к середине 2021 г. граждане адаптировались к пандемийным реалиям. Но все же боязнь потери прежнего образа жизни несомненно наложил панический отпечаток на представлениях будущего страны и личного будущего каждого казахстанцев. Здесь можно предположить, что в случае, если у рядовых граждан, в том числе и у элиты не изменится представление об этом, то наступление нового кризиса неизбежно в стране.

Ну и в общей сложности, пандемийная реальность оказала огромное влияние на политическое восприятие граждан своей страны и ее власти, показав силу общественного мнения. Никогда ранее общественное мнение не имело такой силы, как после январских событий 2022 г., что дало мощный импульс для проведения массовых реформ внутри государства, направленных на укрепление строительства современной казахской государственности в условиях общей мировой политической нестабильности, связанной в т.ч. с пандемией COVID-19.

Учитывая все это, становятся актуальным проведение специального политико-психологического исследования образов будущего страны в представлении ее граждан, в частности, в представлении казахстанцев.

Целью данного исследования является анализ актуальных образов будущего своей страны у казахстанцев, учитывая существующие различия во взглядах различных поколений, социально-профессиональных групп,

а также уровня их материального благополучия. На наш взгляд, данные представления будут отличаться от усредненных значений в пандемийную реальность современного казахстанского общества. В связи с этим мы ставили задачу выявления этих отличий. Содержательному их решению посвящена эта статья.

Теоретико-методологические основания исследования. Среди научных работ, посвященных сформулированной в данной статье исследовательской проблеме, в первую очередь стоит выделить направление исследования в рамках политико-психологической научной школы МГУ под руководством Е.Б. Шестоपाल. Где по сути, восприятие будущего собственной страны в глазах ее граждан является сложной междисциплинарной проблемой и в связи с этим для комплексного анализа будем опираться на основные положения в рамках данного политико-психологического подхода.

Повторяясь о том, что политико-психологическим основанием данного исследования стала концепция политического восприятия Е.Б. Шестоपाल, и на основании которой выделены рациональные и иррациональные уровни восприятия [8. С. 288]. К примеру, Е.Б. Шестоपाल утверждает, что «наряду с устоявшимися рациональными мнениями людей о своей и других странах, – возникает необходимость выявить эмоциональные, неосознаваемые компоненты их восприятия» [9. С. 36]. Можно сказать, что выявление различных компонентов в восприятии будущего страны является комплексным исследованием образа страны с учетом его сложной политико-психологической структуры.

Следующий – это структурно-семиотический подход в изучении образов будущего, который представляет собой использование своеобразных социокодов, передающих информацию из прошлого в будущее. Доцент кафедры философии и культурологии философского факультета ОГУ им. И.С. Тургенева – И. Желтикова утверждает, что этот подход «исходит из понимания вербальных и визуальных картин будущего как элементов языка культуры, зависящих от тела культуры, присутствия в нем других языков и смыслов» [3. С. 54].

Также особую значимость к изучению образов будущего представляет такой подход как «герменевтический анализ», который используют исследователи, работающие с литературными текстами. Эти исследователи рассматривают образ будущего как картину будущего, запечатленные в них.

Вдобавок ценными источниками представляются работы О. Кравцова, И. Желтиковой, О.В. Люсовой и Л.Е. Солянкиной.

Образ будущего представляет собой сложный конструкт, создающий целостную картину будущего, где каждый гражданин становится генератором образа будущего. К примеру, О. Кравцов определяет образ будущего как «иррационально-аффективный уровень восприятия будущего, связанный с более-менее четкими представлениями о будущей жизни» [5. С. 4]. Такая

многокомпонентность позволяет составить более детализированный образ будущего в целом.

И снова обращаясь к исследованиям И. Желтиковой, где «образы будущего принципиально множественны – в определенный временной период в культуре присутствует не один, а целый ряд альтернативных взглядов на будущее» [2. С. 80]. Действительно, фантазии почти каждого человека всегда богаче реальности, поэтому будущее обнаруживает множественные альтернативы, закрепляющихся в образах будущего. Следовательно, будущее, где много альтернатив, невозможно четко предсказать.

О.В. Люсова и Л.Е. Солянкина на основе проведенных ими исследований пришли к выводу о том, что «образ будущего – одна из составляющих картины жизненного пути. Как таковой, образ – это целостное, но неполное представление некоторого объекта, а также это идеальный продукт жизнедеятельности, конкретизирующийся в форме отображения в психике и воображении, т.е. создания новых образов до начала деятельности [6. С. 203]. Стоит отметить, что идеал – это то, к чему стремится почти каждый человек. К тому же видение идеала не бывает постоянным, поскольку геополитическая обстановка в современном мире, внешнеполитический курс и внутривнутриполитическое развитие страны, появление более опасных штаммов коронавируса, а также обстоятельства жизни людей зачастую диктуют свои условия, которым и следует сознание человека.

Характеристика исследования. Эмпирический этап исследования проходил с января по июнь 2021 г.

Наиболее распространенным подходом в изучении образа будущего является политико-психологическое исследование, которое включает в себя опрос, ориентированный на сбор качественно-количественной актуальной информации о текущем состоянии массового сознания респондентов в отличие от других методов сбора информации позволяют «уловить» не только мнения участников опроса, но и оттенки их настроения. В связи с этим для определения особенностей образа будущего были проведены фокусированные интервью среди казахстанцев в период карантинных ограничений.

Выборка. Основой эмпирической части исследования являются 70 глубинных интервью, которые проводились по электронной почте, по телефону и во время личных встреч. Опрос проводился среди жителей Казахстана в возрасте от 18 лет и старше, относящих себя к разным национальным культурам и с разным уровнем образования.

Респонденты были выбраны не методом случайного отбора, а были выбраны именно по соответствию возрастной категории в выборке. В целом, в опросе участвовало 70 человек, где были выделены следующие возрастные категории в выборке: 18-29 лет (25 человек). Выбор этой возрастной категории обусловлен определениями, используемыми в международном

и национальном законодательстве. А также следующие возрастные категории: 30-50 лет (20 человек), 51 год и выше (25 человек).

Женщин среди участвующих в опросе было 60%, мужчин – 40%. Среди опрошенных имеют высшее или незаконченное высшее образование 50%, среднее общее или среднее специальное – 30%, и неполное среднее – 20%.

В данном опросе приняли участие представители различных направлений: пенсионеры, государственные служащие, бюджетники, предприниматели, работники сельских хозяйств, самозанятые, домохозяйки, безработные, студенты и т.д., представляющие основные когорты казахстанского общества.

Выборка, целиком состояла из респондентов всех регионов Казахстана. Данная выборка включала почти все 14 областей и в большинстве случаев состояла из 3 городов республиканского значения Казахстана: Нур-Султан, Алматы, Шымкент. Данное исследование носит качественный характер, поэтому не претендует на репрезентативность, но при этом показывает содержательные тренды в существующем образе будущего в массовом сознании жителей Казахстана.

Бланк интервью включал в себя вопросы, связанные с влиянием карантина на образ будущего страны. Также при составлении исследовательского бланка соблюдался принцип расположения вопросов от наиболее простых к наиболее сложным, от закрытых вопросов к открытым. В первую очередь, перед респондентами стояла задача оценить уровень влияния карантина на людей и на жизнь общества в целом.

За исключением нескольких вопросов почти все вопросы являлись открытыми, поскольку это необходимо было для выявления имеющегося содержания образа будущего в сознание респондента, которое можно выявить только через диалог с ним и побуждения респондентов к размышлениям по задаваемым им вопросам. Фокусированные интервью проводились на казахском или русском языке по выбору и желанию респондента.

Методология. В целом, методология сбора данных включает в себя использование качественных и количественных методов, которые одновременно направлены на выявление как вербальных, так и визуальных, а также часто неосознаваемых самими респондентами аспектов их образа будущего Казахстана. Иными словами, данный сбор данных состоит из фокусированных интервью с количественной обработкой, а также использование качественных методов таких как «неоконченные предложения».

Таким образом, концептуальная модель анализа этого исследования будет опираться на политико-психологический подход, который поможет определить актуальные компоненты образа будущего современного Казахстана.

В рамках исследования был выдвинут ряд гипотез: Во-первых, можно будет наблюдать существенную разницу в представлениях будущего

среди поколений: образы старшего поколения более содержательные и толерантные, характеризуются спокойным отношением к карантину, а восприятие молодого поколения более поверхностное и равнодушное. То есть будут иметь место поколенческие различия в данном исследовании.

Во-вторых, опираясь на вышеназванные допущения можно предположить, что нет консолидированного мнения в обществе относительно образа будущего, поскольку ожидаются разные альтернативы развития будущего Казахстана у респондентов в целом. Естественно, то, что каждый гражданин хочет лучшей жизни для себя и для своей семьи, но и то, что они по-разному видят, как этого могут достичь в своей стране.

Анализ полученных результатов исследования. Говоря о желании жить и работать на Родине, то здесь следует отметить, что количество желающих уехать за границу в последние несколько лет возрастает все больше и больше особенно среди молодежи. Так, для существенной доли респондентов (75%) их будущее связано с проживанием в Казахстане. Примечательно, что около 25 % респондентов ответили, что не видят своего будущего на родине, поскольку недовольны уровнем жизни в Казахстане и проводимой политикой официальной власти в стране (см. диаграмма 1).

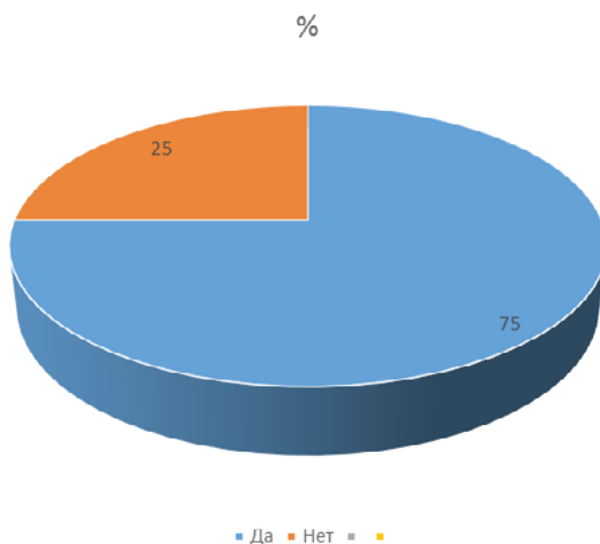

Диаграмма 1. Скажите, пожалуйста, Ваше будущее Вы видите в Казахстане?

В большей части, это молодежь. В рамках данного исследования под молодежью понимаются молодые люди в возрасте от 14 до 29 лет. То, что молодая категория респондентов думают о переезде в другие более развитые страны, говорит о их разочарованности в собственной стране и поэтому они не видят своего будущего на Родине. Также в рамках опроса выяснилось,

что несколько респондентов из возрастной категории от 30 до 50 лет, которые тоже планируют уехать в другие страны на совсем или на некоторое время. Одной из основных причин, которая лежит в основе желания переезда молодежи является отсутствие комплексной программы социальных лифтов в Казахстане. А если говорить о внутренней миграции молодежи в Казахстане, в частности в Алматы, то также в основе проблема новых социальных лифтов для молодежи [7. С. 34].

Также перед респондентами стояла задача оценить в какой степени их беспокоит будущее. В результате опроса выяснилось, что 62% казахстанцев очень сильно беспокоятся о будущем, а именно прежде всего о будущем своих детей и внуков. Это преимущественно респонденты-представители среднего возраста и все представители старшего поколения. Также выяснилось, что 20% опрошенных немного беспокоятся о своем будущем и о будущем страны. А остальные 18% респондентов не склонны беспокоиться о будущем страны вообще, планируя уехать за границу на ПМЖ или живя только одним днем. В основном, такие ответы встречались преимущественно у молодого поколения (см. диаграмма 2).

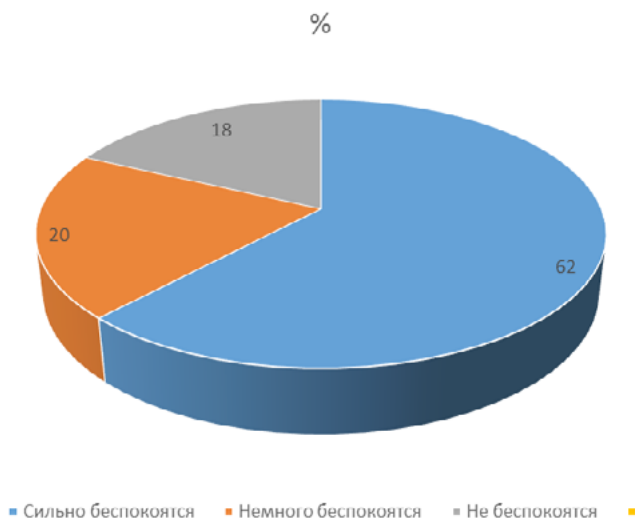

Диаграмма 2. Скажите, пожалуйста, в какой степени Вас беспокоит будущее?

В ходе опроса выяснилось, что казахстанцы испытывают разные чувства, когда думают о будущем своей страны. В основном, большинство опрошенных (более 35%) испытывают уверенность, гордость, радость, а также чувство патриотизма. В большинстве случаев так именно считают респонденты, имеющие постоянную работу или реализующие свои бизнес-проекты.

А у 25% респондентов проявляется двойное чувство, где есть место и как оптимистичным, так и пессимистичным ожиданиям сценария будущего. Около 30% опрошенных испытывают страх и сожаление в своих представлениях о будущем страны, при этом задаваясь вопросом: «Что останется нашим детям и в каком государстве они будут жить?» (женщина, 52 года), «Коронавирус унес и продолжает уносить жизни многих моих знакомых» (женщина, 31 год), «Все будет только дорожать и дорожать» (мужчина, 20 лет). Также подкрепляя свои ответы тем, что им обидно, что бедствующих людей становится все больше и больше день изо дня в стране. В основном, такие ответы встречались у неработающих респондентов, а также у пенсионеров. А остальные участники опроса затруднились с ответом (10%).

Представления респондентов о том, что им хотелось бы изменить в будущем в стране, оказались также достаточно реалистичными. Стоит отметить то, что интервьюируемые расходятся во мнениях относительно данного вопроса.

Около 30% интервьюируемых разделяют мнение, что необходимы значительные реформы в сфере образования. В период дистанта, родители школьников отмечали снижение успеваемости своих детей из-за слишком большого объема домашних заданий и сжатых сроков для их выполнения. Кроме того, также сами учителя отмечали, что дистанционное обучение плохо сказалось на успеваемости школьников. Несколько педагогов отмечали то, что они почувствовали себя говорящими роботами, что свидетельствует о снижении социального статуса профессии педагога во время дистанционных уроков.

Также другая часть участников опроса (соответственно около 30%) акцентируют свое внимание на отечественной медицине, жалуясь на низкий уровень медицинского обслуживания в стране в целом. Также в опрошенном сообществе Казахстана (20%) гораздо чаще и аргументированно говорится о необходимости менять всю политическую систему, где встречались следующие ответы: «Надо начать с изменения работы политической системы и государственных органов» (женщина, 28 лет), «Менять нужно прежде всего коррумпированную власть на более прозрачную власть» (мужчина, 35 лет), «Обратить особое внимание на реформирование пенсионной системы, особенно на снижение пенсионного возраста» (женщина, 57 лет), «Придать импульс развитию сельских территорий, особенно маленьких аулов» (мужчина, 63 года).

Что касается пенсионной системы, то ее в значительной степени хотят изменить в будущем в стране граждане предпенсионного возраста или те, которые недавно вышли на пенсию, требуя снизить пенсионный возраст и ввести новую систему пенсионного обеспечения в стране.

Если смотреть на ответы предпринимателей, то они хотели бы внести некоторые изменения в Программе льготного кредитования субъектов

предпринимательства, а именно в снижении ставки льготного кредитования и уменьшении комиссий, то есть смягчить условия кредитования для малого и среднего бизнеса.

В ответах работников сельских хозяйств отмечается, что Правительству необходимо создать дополнительные условия для повышения уровня жизни и благосостояния сельского населения. Необходимо добавить, что реализуется проект, направленный на улучшение качества жизни на селе за счет модернизации инфраструктуры с доведением ее до параметров новых региональных стандартов с 2019 года [1].

Среди других ответов встречались такие: «Искоренить коррупцию на всех уровнях» (женщина, 36 лет), «Надеемся на новые реформы, которые хоть что-то изменят в стране» (женщина, 65 лет), «Надеюсь только на себя» (мужчина, 38 лет). Все эти вышеназванные ответы опрошенных говорят о недоверии Правительству страны в целом.

В последнее время актуализируется вопрос следующего характера: «О чем не должно забывать казахстанское общество в будущем?» (см. диаграмма 3).

Диаграмма 3. На Ваш взгляд, о чем не должно забывать казахстанское общество в будущем?

В этом вопросе большинство респондентов солидарны в том, что надо помнить историю страны в первую очередь, а именно становление казахского государства (более 40%). В данном блоке, респонденты отметили следующее: «Необходимо проводить дополнительные мероприятия по изучению истории Казахстана» (женщина, 44 года), «Молодежь забывает историю,

национальные обряды и традиции казахского народа. Им только нужен интернет» (мужчина, 58 лет). Четверть опрошенных считают, что казахи не должны забывать казахский язык (25%). Также встречаются дополнительные комментарии следующего характера касательно казахского языка: «Необходимо вести весь документооборот в стране параллельно на казахском и русских языках» (женщина, 30 лет), «Дети не хотят разговаривать на казахском языке» (мужчина, 33 года), «Государство идет на правильном пути, открывая казахские школы» (мужчина, 61 год). Также среди частых ответов оказались такие как «забота о пожилых и детях» (20%), «Родина и ее защита» (10%). Некоторые респонденты придерживаются мнения о том, что не надо забывать про простой народ, говоря следующее: «Не для того наши предки боролись, чтобы мы все продали за копейки иностранцам!» (женщина, 39 лет), «Все с собой в могилу не унесешь! Хватит воровать у народа! Дайте народу жить нормально!» (женщина, 70 лет), «Когда же чиновники наконец-то умерят свои аппетиты?» (мужчина, 18 лет). Таким образом, в то время как некоторая часть опрошенных заявили о том, что государство забывает об обеспечении благополучия своих граждан, большая же часть поддерживают реализацию всех проводимых реформ в стране, веря в перспективу будущего Казахстана.

В целом, все полученные образы в ходе данного исследования относятся к трем разным типам. Это представления о личном будущем, это представления о будущем семьи и представления о будущем своей страны. Стоит отметить, что образ личного и семейного будущего по сравнению с будущим страны отличается большим оптимизмом, который коренится в смелых надеждах и сохраняющихся верах в чудо у казахстанцев.

Заключение. Обобщая полученные результаты, можно заключить, что предполагаемые гипотезы в целом подтвердились. В целом, наблюдается существенная разница в представлениях будущего среди поколений: образы старшего поколения содержательные и толерантные, характеризуются спокойным отношением к карантину, а восприятие молодого поколения более поверхностное и безразличное. Большая часть молодых респондентов считают, что наступило время для эмиграции в развитые страны Европы и Америки, где их ждет лучшее будущее, чем в Казахстане. Нарастающий отток молодого населения свидетельствует о неудовлетворительности условиями труда и нереализованностью их на Родине. Важно не только знать, что эта миграционная тенденция несет угрозу экономическому потенциалу всех регионов страны в силу обеспечения экономики новыми трудовыми ресурсами, но и своевременно создавать благоприятные условия для развития социальных лифтов для молодежи. Среди взрослого поколения ответов о переезде в другие страны не прозвучало.

Если переходить к ответам работающей и неработающей части респондентов, то и на самом деле трудоустроенные респонденты имеют более

оптимистичные ожидания относительно как своего будущего, так и страны по сравнению с безработными респондентами. Как показали результаты исследования, работающие казахстанцы более уверены в своем завтрашнем дне, предвещая Казахстану «хорошее будущее». В ответах данное суждение подкреплялось такими высказываниями как: «Как-нибудь переживем карантин, самое главное, чтобы не было войны», «Терпение и еще раз терпение», «Казахи прошли через многие трудности и это переживем». В то время как низкий уровень доходов или его отсутствие у опрошенных казахстанцев формируют негативный образ будущего. Согласно этому, характеристика этого образа напрямую зависит от материального состояния участников опроса.

Также выяснилось, что содержание образа будущего страны отличаются у каждой социально-профессиональной группы. Следовательно, на основе определенного образа своей профессиональной деятельности человек видит и планирует свое будущее, а также будущее страны. Таким образом, виденье будущего страны определяется сутью и содержанием профессии опрошенных.

В итоге, действительно, прослеживаются различные альтернативы развития будущего Казахстана на основе ответов респондентов. В связи с этим можно сказать, что в ходе исследования выяснилось отсутствие консолидированного мнения относительно образа будущего Казахстана у опрошенных.

Таким образом, политико-психологический анализ позволил описать актуальные тренды, имеющиеся в массовом сознании казахстанских граждан. Результаты данного исследования демонстрируют, что оценить образ будущего Казахстана как ценностную установку в период пандемии, для которой характерно ситуация растущей неопределенности однозначно затруднительно всем категориям опрошенных нами респондентов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Дмитрюк Л.* Какой будет жизнь на селе к 2025 году / 19 октября, 2021 // <https://strategy2050.kz/ru/news/kakoy-budet-zhizn-na-sele-k-2025-godu/>.

2. *Желтикова И.В.* Образ будущего как образ // Ученые записки ОГУ. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2013. № 5.

3. *Желтикова И.В.* Образ будущего. Монография. Орел: Изд-во «Каргуш», 2021.

4. Когда пандемия закончится, мир будет другим. Каким видят будущее экономисты и философы. 3 апреля 2020 // <https://informburo.kz/stati/kogda-pandemiya-zakonchitsya-mir-budet-drugim-kakim-vidyat-budushchee-ekonomisty-i-filosofy.html>.

5. *Кравцов О.* Образ будущего как фактор политики // Nauka.me. 2020. № 1.

6. Люсова О.В., Солянкина Л.Е. Образ будущего как компонент ценностно-смысловой сферы юношей и девушек // МНКО. 2016. № 3 (58).

7. Махмутова М. Внутренняя миграция молодежи в Казахстане: на примере г. Алматы. 2013 // https://www.soros.kz/wp-content/uploads/2013/02/internal_migration_of_young_people_in_kazakhstan.pdf.

8. Шестопап Е.Б. Образ и имидж в политическом восприятии: актуальные проблемы исследования // Образы государств, наций и лидеров / под ред. Е.Б. Шестопап. М.: Аспект Пресс, 2008.

9. Шестопап Е.Б. «ОНИ» и «МЫ»: образы России и мира в сознании российских граждан: Коллективная монография / под редакцией Е.Б. Шестопап. М.: Политическая энциклопедия, 2021.

Z.D. UTEKOVA

Post-graduate student, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

FEATURES OF THE IMAGE OF THE FUTURE OF KAZAKHSTAN DURING THE COVID-19 PANDEMIC

This study is part of a study conducted by the Department of Sociology and Psychology of Politics, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University. 2. This article is devoted to a comprehensive study of the image of the future of one's own country, which is an integral part of the political picture of the world of the entire Kazakhstani society as a whole. In addition, today this topic is very relevant, since it occupies an important place on the agenda of Kazakhstan. 3. The purpose of the study is to reveal the features of the image of the future of Kazakhstan through the eyes of Kazakhstanis during the COVID-19 pandemic. 4. The scientific novelty of the article lies in the interdisciplinary consideration of this issue with the involvement of all categories of respondents living in the Republic of Kazakhstan in an in-depth interview. The sample consisted entirely of respondents from all regions of Kazakhstan. The research methodology included 70 in-depth interviews that were conducted during the period of quarantine restrictions, namely from January to June 2021. 5. As a result, various alternatives for the development of the future of Kazakhstan were identified based on the answers of the respondents. In this regard, we can say that the study revealed the lack of a consolidated opinion on the image of the future of Kazakhstan among the respondents. It should be emphasized that this study is of a qualitative nature, therefore it does not pretend to be representative, but at the same time it shows substantial trends in the existing image of the future in the mass consciousness of the inhabitants of Kazakhstan. In this regard, this issue requires close attention and further continuous study.

Key words: *images, perception, Kazakhstan, COVID-19 pandemic, quarantine, political and psychological approach.*

Э.Л. ХОРБАЛАДЗЕ

аспирант факультета политологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва; исследователь Центра Макмиллана Йельского университета, США, Нью-Хейван

КЛЮЧЕВЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ КИТАЙСКОЙ СТРАТЕГИИ В АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ

В настоящее время, говоря о китайской стратегии в Азиатско-Тихоокеанском регионе, в первую очередь следует сконцентрироваться на инициативе «Один пояс, один путь» (ОПОП), позже переименованный в инициативу «Пояс и путь» (ПиП), на которую Пекин делает основную ставку в качестве своего геополитического инструмента влияния в регионе. К другим важным аспектам относятся экономические, военные и отчасти политические рычаги влияния.

Целью данной статьи является изучить элементы китайской стратегии в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Автор ставит 3 основные задачи: рассмотреть ретроспективу формирования ОПОП; выявить основные интересы Китая в регионе; выделить экономические и военные компоненты стратегии КНР.

В качестве методологической базы исследования были использованы: метод изучения документов, описание и системный анализ.

Результаты исследования: Стратегия Китая в Азиатско-Тихоокеанском регионе следует двум направлениям. Во-первых, Китай пытается разработать стратегию в АТР, которая бы соответствовала его масштабной инициативе «Пояс и путь». Другими словами, экономические и инфраструктурные проекты, разработанные до сих пор, по-прежнему будут играть важную роль в любой стратегической логике, которую Китай готов развивать для региона. Во-вторых, важнейшие аспекты политики Пекина в Азиатско-Тихоокеанском регионе – расширение портов и военно-морского флота – являются двумя активами, за которыми КНР внимательно следит для будущего стратегического взаимодействия в регионе. Порты, по сути, считаются стратегическими опорными пунктами, чтобы как защищать морские пути транспортировки необходимых для экономики Китая ресурсов, так и расширять китайское влияние на региональном и глобальном уровнях.

Ключевые слова: *Китай, Азиатско-Тихоокеанский регион, инициатива «Пояс и путь», стратегия, экономика, безопасность, политика.*

Введение. Китай в новейшей истории становится все более мощным геополитическим игроком в мире. Страна, являясь мировой торговой державой и опираясь на свой потенциал и свою усилившуюся роль на международной арене, формирует новую внешнюю политику. Эта политика оказывает возрастающее влияние на международно-политические и мирохозяйственные процессы, непосредственно затрагивающие не только ее ближайших соседей, но и все уголки земного шара.

Основная задача, которая поставлена перед внешнеполитическими ведомствами Китая, заключается в том, чтобы уже в ближайшей перспективе существенно повысить роль Китая в мировых и региональных процессах и превратить его в равного или «почти равного» США мирового игрока. Несмотря на сохраняющиеся расхождения с Соединенными Штатами и другими представителями «либерального блока» по вопросам демократии и прав человека, торгового дефицита США и курса китайского юаня, степени прозрачности растущих военных расходов Китая и др., Пекин старается выстроить конструктивные отношения и всеобъемлющую стратегию для достижения поставленных целей в первую очередь в области экономики и обеспечения безопасности морских путей перевозок, что является приоритетным для национальной безопасности Китая. Поэтому во всей системе внешней политики КНР, Азиатско-Тихоокеанский регион выходит на первый план.

Следует подчеркнуть, что в работах российских и китайских авторов, опубликованных в последние годы, освещается широкий спектр вопросов близких к данной предметной области [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10].

Однако проблему китайской инициативы «Пояс и путь» и стратегии КНР в Азиатско-Тихоокеанском регионе нельзя назвать однозначно исчерпанной. В силу многих объективных обстоятельств изучение обозначенной темы продолжает сохранять высокий уровень актуальности.

Инициатива «Пояс и путь» как геополитический инструмент влияния Китая в АТР. Стратегическая инициатива Китайской Народной Республики «Один пояс, один путь», которая была обнародована Председателем КНР Си Цзиньпином в 2013 году, позже переименованная в инициативу «Пояс и путь», имеет историческую основу. Этот проект на сегодняшний день состоит из двух основных компонентов – сухопутного и морского шелкового пути. В древности было также. Прототипом «Нового Шелкового пути» являлся «Великий Шелковый путь». Он брал начало во II веке до н.э. и представлял из себя караванную дорогу из Китая в Европу, которая проходила по территории Средиземноморья в древности. Великий Шелковый путь стал каналом для налаживания экономических и культурных

контактов между Китаем и «остальным миром». Однако, как пишет китайский исследователь Ян Ну, название «Великий Шелковый путь» было присвоено этому торговому маршруту лишь в 1877 году немецким географом и путешественником Фердинандом фон Рихтгофеном в работе «Китай. Результаты собственных путешествий» [21. С. 20]. А само название напрямую связано с шелком, которым был богат древний Китай.

В своем труде «Исследование о начале и процессе изменения Великого Шелкового пути» Фу Мэнцзи отмечает, что, согласно историческим записям «Ши цзи» и «История династии Поздняя Хань», создание прототипа современного проекта заняло большое время, а официальным символом – началом – принято считать поход Чжан Цзяня на запад [19. С. 25]. Но первооткрывателем принято считать знаменитого китайского дипломата и путешественника Чжана Цяна. Кстати говоря, изначально над экономическими мотивами Поднебесной похода на запад преобладали политические и военные устремления. Получив политические дивиденды, стало понятно, что маршрут, который в итоге растянулся на большей части территории Евразии, имеет и большие экономические преимущества.

Древний Морской Шелковый путь был открыт при династии Хань в I веке н.э. Под конец правления династии Тан центр Китая переместился с севера на юг. Исходя из географических особенностей, морские пути приобрели большее значение. Этот маршрут связывал Китай с Персией и Аравийским полуостровом. Своего расцвета Морской Шелковый путь достиг во времена династии Сун и Юань, что связано с прорывом в технике мореплавания и ростом торговли. Среди основных товаров, которые доставляли по обоим маршрутам были: шелк, фарфор, пряности, перец и т.п. Необходимо отметить и то, что Великий Шелковый путь донес в Европу китайскую философию и литературу, а также такие техники, как изобретение бумаги, книгопечатание, компас, порох. Китай же познакомился с математикой, времяисчислением, медициной арабских народов, географией Европы.

Исторические предпосылки свидетельствуют о тесной взаимосвязи Великого Шелкового пути с инициативой «Один пояс, один путь». Во-первых, «Великий Шелковый путь» разделялся на три маршрута (два морских и сухопутный), тем самым соединяя евроазиатские государства. Китайские исследователь Фу Мэнцзи делает акцент в своих исследованиях на изучении морских маршрутов. Подробно он их анализирует в одной из работ под названием «Исследование о начале и процессе изменения Великого Шелкового пути» [20]. Как подчеркнул Си Цзиньпин, «на протяжении тысячелетий на древнем Великом шелковом пути народы различных стран совместно написали страницы дружбы. История контактов свидетельствует о том, что лишь придерживаясь принципов сплоченности и взаимного доверия, равноправия и взаимной выгоды, толерантности и обмена

опытом, сотрудничества и обоюдного выигрыша, страны, отличающиеся друга от друга этносами, религией и культурой, вполне могут жить в мире и совместно развиваться. Это ценная мысль, на которую навел нас древний Великий Шелковый путь» [18].

В целом современный «Пояс и путь» отвечает двум фундаментальным потребностям Китая: одна относится к идее восстановления китайской культурной системы, которая распространила бы китайский «бренд» по всему миру, а вторая – к необходимости создания альтернативной американской экономической и торговой системы. Китайское правительство в качестве своей экономической политики спонсирует применение «рыночной экономической реформы», которая позволила бы рынкам играть «решающую» роль в экономике. Однако «Пояс и путь» не работает в соответствии с рыночной логикой. Есть явные признаки того, что это, прежде всего, государственный проект, несущий в себе геостратегическую логику. В то же время другой критический компонент экономической структуры ПиП связан с основополагающей идеей использования экономических средств для решения проблем безопасности в малоразвитых регионах страны. Однако это ставит дилемму «курицы и яйца», то есть должны ли мы рассматривать безопасность и стабильность как фундаментальные предпосылки экономического развития или же инвестиции в небезопасные регионы должны быть нацелены на укрепление мира и стабильности?

В дополнение к экономическим компонентам ПиП также нацелен на распространение геополитической власти Китая за рубежом. Тот факт, что «Пояс и путь» также включает морской маршрут, соединяющий Китай с Индийским субконтинентом и достигающий побережья Африки (где Китай также разместил военный объект в Джибути), означает, что Пекин все больше привержен к развитию инфраструктурной модели, которая неизбежно способствовала бы расширению китайского военного присутствия за границей, а также подготовила почву для китайского «экспорта» вооруженных сил [13]. Основываясь на этом стратегическом замысле, продвигаясь на запад, первая внешнеполитическая задача Китая немедленно сосредоточивается на Индии и все еще нерешенных территориальных спорах между двумя странами.

Ключевые интересы Китая в АТР. Интересы Китая в большой мере сосредоточены в южной части Тихого океана. Во-первых, это военно-стратегический интерес. Поставив перед собой задачу стать доминирующей военно-морской державой, Пекин уже в начале 2010-х годов задумался о том, чтобы расширить свое влияние и на страны Южной части Тихого океана (ЮЧТО). Примером служат переговоры Поднебесной с Фиджи, Вануату и Папуа-Новой Гвинеей о размещении своих военных баз на территории этих стран. Все они ближайшиe к восточной части Австралии крупные независимые государства, которые обладают для ее оборонной политики

первостепенной стратегической и геополитической значимостью. Таким образом, базы на территории этих государств были бы китайскими форпостами недалеко от восточных берегов Пятого континента, но помимо этого, также поблизости от Гавайев и Гуама – ключевых тихоокеанских оборонных пунктов США, главного союзника Австралии (к слову, всего в ЮЧТО расположено девять американских баз). Австралия, Новая Зеландия и США полагают, что развитие Китая инфраструктуры на территории островных государств Тихого океана в конечном итоге приведет к тому, что эти объекты приобретут военное назначение, благодаря которым Поднебесная сможет блокировать линии морских коммуникаций и продолжать увеличивать свой военный потенциал.

Во-вторых, это экономические соображения. В общем и целом, активность Пекина в регионе объясняется также и стремлением к расширению рынков сбыта промышленной продукции, а также диверсификации источников природных ресурсов. Например, Папуа-Новая Гвинея богата природным газом и другими ресурсами. Основной объем торговли и инвестиций по-прежнему сосредоточивается там, где добывается сырье. За последние 10 лет Китай инвестировал в регион около \$1,7 млрд и стал третьим донором после Австралии и Новой Зеландии. Вместе с тем, отдаленность островных стран от ключевых мировых рынков и центров торговли вдобавок к небольшим размерам внутреннего рынка, ограниченность ряда природных ресурсов и зависимость от импортируемых энергоресурсов – все это затрудняет развитие их экономики, а потому страны Океании вынуждены опираться на поддержку основных региональных лидеров.

В-третьих, это дипломатическо-репутационный интерес. В обмен на инвестиции Китай получает бонус в виде голосов в ООН. Это также приносит свои преимущества в игре против Тайваня, который также активно спонсирует островные государства в обмен на дипломатическое признание. Четыре малых государства ЮЧТО, а это Маршалловы острова, Науру, Палау и Тувалу, признают Тайвань. Расширяя свое присутствие в регионе, Китай использует широкий арсенал политико-дипломатических и экономических средств, инвестируя в эти государства в обмен на отказ от дипотношений с Тайванем. Последняя победа – 2019 год. Тогда дипломатический статус с Тайпеем аннулировали Кирибати и Соломоновы острова.

Компоненты военной стратегии Китая в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Военная составляющая общей политики Китая в Азиатско-Тихоокеанском регионе, наряду с инфраструктурной направленностью «Пояса и пути», следует двум направлениям: сухопутному и морскому. На суше китайское правительство озабочено усилением вооруженных сил в западной части страны. Стратегические цели новых китайских военных реформ, оглашенных в 2015 году, и связанные с ними непрерывные военные учения в горах Куньлунь увеличили китайскую мощь в этом районе. Это,

в свою очередь, использовалось для оказания специфического влияния на китайско-индийские отношения, особенно когда речь шла о конфронтации из-за спорных территорий, предлагая тем самым обоснование китайскому военному развитию. На самом деле силы Народно-освободительной армии Китая (НОАК) в Синьцзяне, сухопутные войска НОАК переходят от статичных оборонительных сил, распределенных по семи внутренним военным округам [в настоящее время преобразованных в пять после военной реформы Си Цзиньпина в ноябре 2015 г.], ориентированных на позиционные, мобильные, городские и горные действия, наступательные кампании, кампании береговой обороны и десантные кампании в более наступательные и маневренные силы, организованные и оснащенные для операций на периферии Китая. Сухопутные войска, по-видимому, возглавляют усилия НОАК по экспериментированию со специальными многоцелевыми совместными тактическими формированиями для проведения интегрированных совместных операций [14].

На море военные действия Китая в Азиатско-Тихоокеанском регионе в основном сосредоточены на расширении портов и развитии морской доктрины [17. С. 14]. Наряду с проектами в рамках «Пояса и пути» Китай также укрепил свое присутствие в порту Джибути на Африканском Роге, Гвадаре в Пакистане, Хамбантоте в Шри-Ланке, на Мальдивах, в Танзании и в порту Пирей в Греции (даже если последний находится за пределами Азиатско-Тихоокеанского региона).

Стратегическое обоснование расширения портов Китая в регионе имеет двоякую нагрузку. Во-первых, Китаю необходимо защитить пути снабжения, то есть морские пути сообщения, полезные для его собственного экономического развития. Чтобы обеспечить успех этой цели, Китай в течение многих лет занимается наращиванием военно-морских сил, направленным как на строительство военно-морского флота, способного выполнять как военные, так и гуманитарные операции за пределами прибрежных районов Китая, а также на защиту своей торговли.

Понятно, что для Пекина защита торговых путей важнее всего прежде всего ввиду достижения целей своего экономического роста. Например, 80% импортируемой Пекином нефти проходит через Индийский океан и Малаккский пролив, прежде чем попасть в Южно-Китайское море. Таким образом, для Китая азиатско-тихоокеанские маршруты являются жизненно важными коридорами для его энергетического выживания. Поэтому очень важно иметь возможность защищать их от возможных противников [16. С. 16]. Например, военно-морская блокада Малаккского пролива в Юго-Восточной Азии, которая прекратит поставки нефти и других необходимых ресурсов, создаст угрозу внутренней стабильности Китая. Эта озабоченность уже была выражена в 2003 году тогдашним председателем Китая Ху Цзиньтао, который упомянул «дилемму Малакки», говоря о так называемых

«узких местах Юго-Восточной Азии» [15]. Китай пытается установить свое присутствие (как военное, так и иное) в различных портах Индийского океана для защиты своих морских коридоров. Это подчеркивает так называемую стратегию «двойного назначения», а именно: использование портов как в гражданских, так и в военных целях.

В соответствии со своим собственным стратегическим видением Китай устанавливает свое военное присутствие также в Вануату, крошечной республике, расположенной в Тихом океане. Поскольку этот аванпост находится за пределами традиционных зон геополитических интересов Китая, ясно, что такой шаг больше отвечает общей цели Пекина по расширению своего присутствия в регионе, чем его личной необходимости защищать морские пути сообщения. На самом деле, эта перспективная китайская база создаст благоприятные условия для сдерживания действий Австралии, особенно в свете участия Канберры в неформальном альянсе Quad. В то же время – это действие еще больше расширит возможности Пекина по наблюдению за действиями США на Гуаме. Второй элемент, являющийся прямым следствием первого, касается новой морской стратегии Китая, которая также охватывает Азиатско-Тихоокеанский регион. Наиболее правильное объяснение предлагается в «Белой книге военной стратегии Китая» от 2015 г. [11]. В ней проиллюстрировано желание Пекина развивать военно-морской флот открытого типа, способный выполнять операции по защите морского побережья. В документе данный факт интерпретируется как «защита границ», то есть защита «новых» китайских границ (не физических, а зон национальных интересов), непосредственно связанных с национальными интересами и интересами безопасности Пекина. Это контрастирует с традиционными китайскими оборонительными операциями, проводимыми вблизи побережья, для которых было достаточно китайского прибрежного флота. Согласно новому документу о национальной обороне, создание военно-морского флота имеет решающее значение, поскольку в нем подчеркивается важность перехода от одного морского театра военных действий (Тихий океан) к двум (Тихий и Индийский океаны) [17. С. 31]. Более того, этот стратегический сдвиг также влечет за собой так называемую доктрину «войны 1,5», которая относится к плану Китая по созданию военного потенциала, достаточного для того, чтобы выдержать одну крупную войну на одном фронте и сдерживать военные операции, происходящие на другом. А именно, Китай пытается, в случае столкновения с крупной войной державой в Восточном или Южно-Китайском море, найти способы воплотить данную стратегию. Например, противодействовать США на море, а также дать отпор нападению Индии на свои сухопутные границы [12. С. 56].

Создание флота «открытого моря» способствовало бы расширению китайского военного присутствия на региональном и глобальном уровне и помогло бы Пекину противостоять попыткам Индии и США окружить

Китай. Принимая Нью-Дели в стратегические расчеты Пекина, Китай создает в Индийском океане (Шри-Ланка, Мальдивы, Пакистан и Бангладеш) то, что было определено как стратегия «жемчужной цепи», не следует путать с так называемой «нити жемчуга», которая предусматривает создание пунктов материально-технического обеспечения в Индийском океане. В отличие от «нити жемчуга», «жемчужная цепь» нацелена физически контролировать основные стратегические порты Индийского океана, чтобы сформировать боевую линию сдерживания, направленную на Индию. Нью-Дели, со своей стороны, под председательством Н. Модии запустил интенсивную программу военной модернизации. Индийский военно-морской флот расширяется в том, что правительство называет зоной своего влияния. Результаты этой новой индийской напористости уже проявились в 2017 г.: сначала, когда Нью-Дели направил собственное военное подразделение в Малаккский пролив с целью наблюдения за коммерческими потоками в этом районе, а затем через военное противостояние с Китаем на плато Доклам, расположенном между Бутаном, Индией и Китаем; явные признаки желания Индии контролировать китайский экспансионизм.

Закключение. Современные геополитические реалии в региональном масштабе и мире целом наталкивают Китай переосмыслить баланс элементов соперничества и сотрудничества в отношениях с ведущими державами, и в некотором смысле заставляют Пекин пересмотреть свои тактические и стратегические задачи в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Искусно выстраивая отношения с ведущими игроками, Пекин решает свою главную задачу – не допустить образования крупного альянса, который хочет сдерживать рост Китая. Хотя возражения против «жестких» и «мягких» союзов часто объясняются противостоянием Пекина менталитету времен холодной войны, с приходом Си Цзиньпина к власти мотивация китайского поведения существенно изменилась. Когда Китай превратился из глобализированной державы в глобализующую, Пекину понадобилась свобода действий, маневр в Евразии, который сдержит любого рода альянс. Эволюция различных стратегий, к примеру, Индо-Тихоокеанской стратегии США и его союзников, в сторону даже «мягкого блока» представляется Китаю нежелательной. Он не видит себя частью этого процесса и решительно выступает против любых геополитических структур, которые могут развиваться вне контроля Китая. А двойственный характер «Пояса и пути» (инфраструктурного и коммерческого), разрабатываемого на суше и на море, и вышедшего на мировую арену как один из фундаментальных инфраструктурных проектов современности, делает геополитическую стратегию Китая на XXI век комбинацией политических, экономических и геополитических устремлений Пекина, направленных на соединение Азии с Европой, и усиление роли Пекина на международной арене.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Аюпова З.К., Кусаинов Д.У., Рахимова Г.Д. Современное состояние правового регулирования казахстанско-китайских отношений // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2020. Т. 9. № 4 (34).

2. Ван Цзюньтао. Перспективы углубления экономического и торгового сотрудничества между Китаем и Евразийским Экономическим Союзом в контексте инициативы «Пояс и путь» // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2022. Т. 11. № 1 (41).

3. Воробьев А.В. Сопряжение ЕАЭС и китайской Инициативы пояса и пути: сущность, успехи, проблемы, перспективы // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2023. Т. 12. № 1 (47).

4. Инь Цюнь, Грачиков Е.Н., Чэн Го. Theoretical Analysis of China's Belt and Road Initiative from Africa to Latin America: the Roots of China's Intention and Behavior/Теоретический анализ китайской инициативы «Один пояс, один путь» от Африки до Латинской Америки: истоки и реализация Китаем // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. Т. 12. № 9 (90).

5. Пряхин В.Ф. Захлопнется ли ловушка Фукидида? О возможных и невозможных построениях геополитического четырехугольника «Россия – Китай – США – Европейский Союз» // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2020. Т. 9. № 2 (32).

6. Рахимов К.Х., Цю Шуанишун. Российско-китайское стратегическое партнерство в многополярном мире: военно-политические и экономические аспекты // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2023. Т. 13. № 2 (95).

7. Сурма И.В. JАUKUS или проактивный пацифизм политики обеспечения безопасности Японии в Индо-Тихоокеанском регионе // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. Т. 12. № 12 (93).

8. Сюй Хун, Сыздыкова Ж.С. Великий Шелковый путь: от караванной трассы до мегапроекта «Пояс и путь» // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2022. Т. 11. № 5 (45).

9. Чжан Чэньи. Китайская дипломатия в контексте решений 20 съезда КПК // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2023. Т. 13. № 1 (94).

10. Ян Линьлин. Международный экономический форум как инструмент формирования имиджа страны (на примере Азиатского экономического форума в Боао, КНР) // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2023. Т. 12. № 2 (48).

11. "China's Military Strategy – White Paper", Full Text, English. Gov. Cn, 2015.

12. Garver J.W. "Diverging Perceptions of China's Emergence as an Indian Ocean Power" // Asia Policy. 2016. No. 22.

13. *Hu R.W.* “China’s ‘One Belt One Road’ Strategy” // *China Report*. 2017. Vol. 53. No. 2.
14. *Miracola S.* “The Indo-Pacific ‘Encirclement’: How Is China Reacting?” // *Commentary*, ISPI. 2018.
15. *Storey I.* “China’s ‘Malacca Dilemma’” // *China Brief*. 2006. Vol. 6. No. 8.
16. *Thorne D.* and *Spevack B.* *Harbored Ambitions. How China’s Port Investments are Strategically Reshaping the Indo-Pacific*, C4ADS, 2017.
17. *You Ji.* “China’s Emerging Indo-Pacific Naval Strategy” // *Asia Policy*. 2016. No. 22.
18. «弘扬人民友谊，共创美好未来» – 习近平在纳扎尔巴耶夫大学演讲。2013年9月7日。[Выступление председателя КНР Си Цзиньпин в Назарбаев Университете на тему «Укреплять дружбу народов, вместе строить светлое будущее» // Жэньминь жибао онлайн. 07.09.2013 // <http://russian.people.com.cn/95197/8392674.html>.
19. 傅梦孜。对古代丝绸之缘起、演变的再考察。 [Фу Мэнцзы. Исследование о начале и процессе изменения Великого Шелкового пути.] «太平洋学报》。2017年第1期。第60页。
20. 傅梦孜。对古代丝绸之缘起、演变的再考察。 [Фу Мэнцзы. Исследование о начале и процессе изменения Великого Шелкового пути.] «太平洋学报》。2017年第1期。第61页。
21. 杨怒。“丝绸之路经济带”构想的背景、潜在挑战和未来走势 [Ян Ну. Фон, потенциальные вызовы и будущие тенденции концепции «Экономический пояс Шелкового пути»] // *欧亚经济*. 2014年。第4期。第20页。

E.L. KHORBALADZE

Postgraduate student of the Faculty of Political Science of the Moscow State University. M.V. Lomonosov, Moscow, Russia; Macmillan Center researcher Yale University, New Haven, USA

KEY ELEMENTS OF CHINA STRATEGY IN ASIA PACIFIC

At present, when talking about China's strategy in the Asia-Pacific region, first of all it's necessary to focus on the One Belt, One Road Initiative (OBOR), later renamed to the Belt and Road Initiative (BRI), on which Beijing makes the main stake as its geopolitical instrument of influence in the region. Other important aspects include China's economic, military, and partly political levers of influence.

*The **purpose** of the article is to study the elements of the Chinese strategy in the Asia-Pacific region. The author sets 3 main **tasks**: to consider the retrospective of the formation of the BRI; identify China's main interests in the region; highlight the economic and military components of China's strategy.*

*As a **methodological basis** of the study were used: the method of studying documents, description and system analysis.*

***Findings:** China's strategy in the Asia-Pacific region follows two tracks. First, China is trying to develop a strategy in the Asia-Pacific that would be in line with its massive Belt and Road Initiative. In other words, the economic and infrastructure projects developed so far will continue to play an important role in whatever strategic logic China is willing to develop for the region. Secondly, the most important aspects of Beijing's policy in the Asia-Pacific region – the expansion of ports and the navy – are two assets that the PRC is closely watching for future strategic interaction in the region. Ports, in fact, are considered strategic strongholds, both to protect the sea routes for transporting the resources necessary for the Chinese economy, and to expand Chinese influence at the regional and global levels.*

***Key words:** China, Asia-Pacific region, Belt and Road Initiative, strategy, economics, security, politics.*

ЧЭНЬ ЦЗЫХАО

аспирант Московского государственного
университета имени М.В. Ломоносова,
Россия, г. Москва

МАО ШО

аспирант Московского государственного
университета имени М.В. Ломоносова,
Россия, г. Москва

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ КИТАЙСКИХ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫХ КОРПОРАЦИЙ (ТНК)

Являясь важной составляющей китайской экономики, китайские транснациональные корпорации вслед за развитием глобализации и реализацией национальной концепции «выхода вовне» и инициативы «Один пояс, один путь» были вынуждены взять на себя дополнительные роли, вдобавок к уже существующим функциям «строителей экономики» и «посредников в глобальной экономике». Обладая мощными ресурсами и социальными связями, транснациональные корпорации взяли на себя роли и функции, которые традиционная дипломатия не может охватить и к которым не может адаптироваться. Транснациональные корпорации все более явно становятся важным фактором, влияющим на международные отношения.

Ключевые слова: транснациональные корпорации, дипломатия, корпоративная дипломатия, дипломатическая стратегия.

Введение. Под влиянием экономической глобализации многие многонациональные компании стали основной силой, направляющей региональное и глобальное экономическое развитие и способствующей коммуникации между странами. Являясь важным неправительственным участником изучения международных отношений и дипломатии, транснациональные корпорации устанавливают интерактивные отношения со своей страной происхождения и страной пребывания и являются одним из участников публичной дипломатии. Транснациональные компании берут на себя инициативу по внедрению публичной дипломатии, созданию национальных брендов в различных измерениях и содействию развитию экономики принимающей страны и уровня жизни населения, что стало одним из важных

способов улучшения и продвижения имиджа страны. Правительство, бизнес и общество признали необходимость и важность бизнеса в проведении публичной дипломатии.

Основная часть. В рамках тенденции к «дуализации» дипломатии, транснациональные корпорации (ТНК) играют все более важную роль, становясь органом гражданской публичной дипломатии. «Являясь субъектами экономики, транснациональные предприятия, таким образом, получают больше политических и дипломатических функций» [4].

Китайские транснациональные предприятия можно разделить на две категории: первая – это региональные предприятия, которые сконцентрированы в основном либо в Африке, Южной Америке и других регионах, либо в основном на европейском и американском рынках, с ярко выраженным региональным делением; вторая – это действительно глобальные предприятия, которые ведут деятельность по всему миру, присутствуя как в развитых, так и в развивающихся странах. Например, китайские транснациональные корпорации в Африке, как правило, уделяют большое внимание благотворительной деятельности, разработке ресурсов и охране природы, в то время как китайские компании, чей бизнес сосредоточен в Европе и США, как правило, осуществляют культурный обмен, участвуют в охране окружающей среды и организуют двусторонние визиты. Вторая группа компаний, таких как PetroChina, Huawei, Xiaomi, ZTE и ByteDance, придерживается различных подходов к дипломатии, учитывая местные условия.

Макроуровневые дипломатические стратегии ТНК. С макрополитической точки зрения, дипломатическая стратегия транснациональных корпораций должна быть интегрирована с национальной стратегией «выхода вовне» и стать ее неотъемлемой частью. На правительственном уровне корпоративная дипломатия должна быть интегрирована в национальную стратегию публичной дипломатии как одна из важнейших ее составляющих. С практической точки зрения, дипломатические ведомства должны отвечать за управление и поддержку на макрополитическом уровне, а органы в сфере коммерции – за оперативное руководство, например, за тренинг предприятий, которые будут инвестировать за рубежом. На уровне предприятий стратегии корпоративной дипломатии должны учитываться в ходе формирования планов развития инвестиций за рубежом и производственных планов предприятий. С одной стороны, это укрепит взаимосвязь компаний с государством и улучшит качество их взаимодействия с государственными органами и поможет добиться поддержки от государства, а с другой – поможет компаниям укреплять свои позиции и увеличивать объем инвестиций. Для крупных ТНК могут быть созданы специализированные агентства с соответствующим штатом и необходимым бюджетом для планирования и осуществления соответствующей деятельности на профессиональном уровне в соответствии с законами и традициями принимающей страны.

Во-вторых, анализируя стратегию, следует сосредоточиться на решении следующих аспектов. Во-первых, необходимо всесторонне и эффективно использовать региональную многостороннюю арену для построения и развития отношений с региональными и субрегиональными организациями и развития механизмов экономического сотрудничества – например, это Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС), Ассоциация регионального сотрудничества стран Южной Азии (СААРК), Общий рынок Восточной и Южной Африки (КОМЕСА), Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГЗ), Субрегиональное экономическое сотрудничество в бассейне Большого Меконга (субрегион Большого Меконга, СБМ) и т.д. Эти организации и механизмы имеют уникальные преимущества, когда дело касается мобилизации сил и интеграции сил в регионе, помогают китайским предприятиям понять местную обстановку и создают хорошую основу для бизнеса в регионе. Во-вторых, важно развивать коммуникацию и сотрудничество с международными НПО и организациями гражданского общества в принимающих странах. В эпоху глобализации и растущего международного гражданского общества нельзя игнорировать влияние крупных международных правозащитных и экологических организаций. Важно правильно вести себя с этими организациями, не игнорировать их и не противостоять им, а реагировать на каждую возникающую ситуацию соответствующим образом. Если проблема заключается в плохой коммуникации, необходимо развивать коммуникацию; если проблема заключается в клевете, необходимо дать четкое опровержение, основанное на фактах. В-третьих, возникает также вопрос локализации. Это очень сложный вопрос. Помимо необходимости локализации руководства и персонала, он также включает в себя важность строгого соблюдения законов и систем управления принимающей страны, уважения к религии и обычаям местного населения, урегулирования отношений с местным населением и выполнения социальных обязательств. Например, обучая кадры для принимающей страны, помогая ей расширять занятость населения и внося вклад в развитие общественного благосостояния, инфраструктурных объектов, например, строительство дорог и школ, а также внося вклад в защиту окружающей среды и т. д., мы стремимся добиться понимания и поддержки со стороны местного населения и создать хороший имидж компании в регионе.

Например, компания Huawei активно применяет стратегию «локализации» в процессе развития в Африке для обеспечения перспектив развития компании. Проект Huawei «Семена будущего: Обучение талантов в сфере ИКТ (информационно-телекоммуникационной индустрии)» был успешно запущен в Кении, Зимбабве, Замбии, Анголе и других африканских странах, и ожидается, что в течение следующих пяти лет им смогут воспользоваться 1000 африканских стажеров [5]. В Египте компания Huawei активно

сотрудничает с Министерством связи Египта для подготовки местных талантливых специалистов, чтобы поддержать талантливых египетских студентов. Huawei будет проводить профессиональные курсы и обучение в области ИКТ для молодых египетских студентов, в то же время сотрудничая с отраслевыми партнерами, чтобы обеспечить возможности трудоустройства и карьерного развития для талантливых выпускников в сфере ИКТ, повышая трудовой потенциал египетской молодежи, помогая поддерживать цифровизацию Египта и содействуя реализации национальной стратегии [6].

Локализация облегчает распространение культурных идей и обмен ими, а также способствует лучшему пониманию культуры и систем родной страны компании сотрудниками принимающей страны, и этот трансграничный и межкультурный обмен облегчает управленческую деятельность многонациональных предприятий. Еще одним преимуществом локализации является то, что она облегчает двустороннее взаимодействие корпоративной дипломатии. Поскольку многонациональные предприятия не являются односторонними экспортёрами культуры, различные социальные идентичности и ценности обеих сторон могут быть более естественно интегрированы и развиты в ходе сотрудничества и обмена с сотрудниками принимающей страны.

Дипломатические стратегии ТНК на микроуровне. Что касается корпоративного менеджмента на микроуровне, китайским компаниям в осуществлении корпоративной дипломатии и преодолении таких трансграничных проблем, как преграды, которые создаются международными правилами, зависимость от общественного мнения и отсутствия положительного имиджа, необходимо полагаться на помощь таких профессиональных сил, как дипломатия, язык и культура, международные связи с общественностью.

Первая – это система управления стратегическими исследованиями рисков за рубежом. Создание системы управления исследованиями стратегических рисков за рубежом требует, чтобы предприятия обращались за помощью к государственным дипломатическим ведомствам и профессиональным исследовательским институтам для правильного планирования своих стратегий. В процессе выхода на мировой рынок предприятия неизбежно столкнутся с различными стратегическими рисками, включая политические риски, гуманистические риски, человеческий фактор, рыночные риски, операционные риски, инвестиционные риски и т.д. Это требует сотрудничества между дипломатическими ведомствами и отделами персонала и маркетинга различных компаний, а также разработки ряда конкретных превентивных мер и планов по борьбе с вышеупомянутыми рисками, как и разработки ряда конкретных контрмер и планов по преодолению возможных кризисов. Зрелая система управления стратегическими рисками за

рубежом может помочь предприятиям эффективно избегать влияния этих рисков и снизить сопротивление интеграции в принимающее общество, что является необходимой предпосылкой для дипломатической деятельности. США политизировали конкуренцию в рыночном секторе с целью защиты собственной промышленности, ограничивая деятельность Huawei с помощью безосновательной политической цензуры, а китайские высокотехнологичные транснациональные корпорации все чаще сталкиваются с препятствиями в виде политических рисков. Huawei также предприняла ряд активных ответных мер, например, когда в 2019 году в США продолжалось совместное давление на союзников с целью внесения Huawei в «черный список» в сфере торговли, Huawei наняла известную юридическую фирму Shengde International для того, чтобы оспорить этот «запрет» [2]. После ареста г-жи Мэн Ваньжюу компания Huawei начала агрессивное лоббирование в Канаде, наняв несколько канадских лоббистов, включая бывшего премьер-министра Жана Кретьена (Jean Chrétien), бывшего заместителя премьер-министра и министра иностранных дел Джона Мэнли (John Manley) и бывшего начальника штаба и старшего политического советника Кретьена Эдди Голденберга (Eddie Goldenberg), каждый из которых работал в своей профессиональной области [1], воздействуя на ситуацию с разных точек зрения. Создание эффективного механизма реагирования на политические риски стало приоритетным вопросом для компаний, ведущих дипломатическую деятельность.

Второй – создание системы управления связями с общественностью за рубежом. Формирование осведомленности о необходимости создания корпоративного бренда требует от компаний хорошей работы по упаковке бренда и формированию имиджа. Успешный транснациональный бренд представляет не только имидж предприятия, но и имидж всей страны, а также является визитной карточкой предприятия в ходе осуществления дипломатической деятельности. В настоящее время для китайских предприятий, «выходящих вовне», характерны следующие проблемы создания бренда: некоторые нежелательные виды деловой практики влияют на общее восприятие имиджа китайских предприятий международным сообществом; большое количество корпоративных экологических и социальных проблем не способствует формированию имиджа ответственных китайских предприятий; возможности предприятий по внешней коммуникации и распространению информации недостаточны.

Третье – система управления социальной ответственностью. Предприятиям необходимо целенаправленно создавать систему управления социальной ответственностью для зарубежных рынков, усилить осознание социальной ответственности за рубежом и выполнять свою социальную ответственность в принимающей стране. Согласно классификации Чжао Синьли, китайские транснациональные корпорации могут осуществлять

деятельность в сфере корпоративной социальной ответственности (КСО) в следующих трех областях [3]: 1) охрана окружающей среды, забота об условиях труда, борьба с бедностью и последствиями стихийных бедствий, поддержка здравоохранения и образования, популяризация информации о КСО за рубежом, создание имиджа ответственной компании и получение признания со стороны местного сообщества путем развития конкретных проектов общественного благосостояния; 2) особая деятельность в сфере КСО, характерная для транснациональных корпораций, когда предприятия развивают свой бизнес с учетом особенностей социальной системы, законов и правил, обычаев и культуры принимающей страны; 3) деятельность в сфере КСО с китайской спецификой, когда китайские транснациональные корпорации должны активно реагировать на государственные программы «Один пояс, один путь», «Идти вовне» и «Построение сообщества единой судьбы человечества», участвовать в осуществлении этих программ и распространять за рубежом китайскую концепцию всеобщего мира и гармонии.

Подъем Китая, безусловно, привлекает внимание всего мира и даже в определенной степени приводит к сдерживанию, а активная дипломатическая деятельность транснациональных корпораций может эффективно повысить взаимное доверие и понимание между Китаем и миром, особенно мировой общественностью. Китайские ТНК и стратегия «идти вовне» являются одним целым. Необходимо интегрировать силы дипломатических институтов, исследовательских организаций, рекламных агентств, компаний по связям с общественностью и СМИ для создания практичной и эффективной стратегии корпоративной дипломатии. Это не только будет способствовать устойчивому развитию деятельности компании в принимающей стране, но и распространит ее хорошую репутацию и имидж на имидж ее родной страны, что сыграет положительную роль в создании хорошего имиджа страны в сознании населения. Правительство Китая должно официально включить ТНК в число субъектов общественной дипломатии, усилить разработку данной темы на высшем уровне, укреплять межведомственные связи между дипломатическими и другими ведомствами, такими как министерство торговли, усилить функцию руководства общественной дипломатией посольств и консульств за рубежом для китайских предприятий, выходящих на зарубежный рынок, создать надежный организационный механизм и благоприятную политическую среду, а также обеспечить прочные гарантии для многонациональных компаний в осуществлении дипломатической деятельности.

Заключение. Перед лицом международной среды инвестиций и сотрудничества, где сосуществуют возможности и проблемы, будь то стратегия макроуровня или стратегия микроуровня транснациональных компаний, «выходящие вовне» ТНК столкнутся с различными проблемами, вызванными разницей культур, в своей деятельности. На макроуровне

дипломатическая стратегия транснациональных корпораций должна быть интегрирована с национальной стратегией «выхода вовне» и стать частью китайской стратегии «выхода вовне». Необходимо осуществлять корпоративную локализацию, активно выполнять социальные обязательства, проводить публичную дипломатию в различных формах, знакомиться с политикой, законами и правилами страны пребывания, стараться избегать политических рисков в стране пребывания. На микроуровне необходимо объединить отделы иностранных дел, исследовательские институты, компании по связям с общественностью, рекламные компании и средства массовой информации, чтобы создать зарубежную систему управления исследованиями стратегических рисков, систему управления социальной ответственностью за рубежом и систему управления связями с общественностью за рубежом. Если корпоративная стратегия и публичная дипломатия дополняют друг друга, только тогда китайские компании могут идти дальше и стабильнее на международной арене.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Анализ PR-кампании Huawei (Подробное исследование лоббирования в PR-деятельности Huawei на основе последнего постановления по делу Мэн Ваньжю) // Dachang Gongguan // <https://www.dachanggongguan.com/article-190962.html>.
2. Борьба против запрета! Huawei начинает лоббистскую кампанию в США // Reference News // <http://www.cankaoxiaoxi.com/finance/20190814/2388128.shtml>.
3. Чжао Синьли. Социальная ответственность китайских предприятий за рубежом в свете общественной дипломатии // Public Diplomacy Quarterly. 2018 № 1. 赵新利.公共外交视角下的中国企业海外社会责任 [J].公共外交季刊,2018 (1): 53-55.
4. Чжун Синь, Тан Сюань, Хуан Чао. Трансформация роли транснациональных корпораций в развитии публичной дипломатии // Исследования международных отношений. 2016. № 2. 钟新、汤璇、黄超:《跨国企业在公共外交进阶中的角色演变》,《国际关系研究》,2016年第2期113页.
5. Huawei готовит более 30 000 техников связи для Африки (sohu.com) // Sohu.com // https://www.sohu.com/a/46711632_119922.
6. Huawei и Министерство связи Египта сотрудничают в целях развития местных талантов для содействия цифровой трансформации Египта // Жэньминь Жибао онлайн // <http://world.people.com.cn/n1/2021/0602/c1002-32120376.html>.

CHEN ZIHAO

*Postgraduate,
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia*

MAO SHUO

*Postgraduate,
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia*

DIPLOMATIC STRATEGIES OF CHINESE MULTINATIONAL CORPORATIONS (MNCS)

As an important component of the Chinese economy, Chinese multinational corporations, following the development of globalization and the implementation of the national concept of "going out" and the "One Belt, One Road" initiative, were forced to take on additional roles, in addition to the already existing functions of "builders of the economy" and "intermediaries in the global economy". With powerful resources and social connections, multinational corporations have taken on roles and functions that traditional diplomacy cannot capture and cannot adapt to. Transnational corporations are increasingly becoming an important factor influencing international relations.

Key words: *transnational corporations, diplomacy, corporate diplomacy, diplomatic strategy.*

В.С. БОРОВКОВ

*магистрант кафедры международной безопасности и
внешнеполитической деятельности России Факультета
национальной безопасности
Института права и национальной безопасности
Российской академии народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации,
Россия, г. Москва
SPIN-код: 7796-3504
AuthorID: 1075416*

КИТАЙСКИЙ ОПЫТ СТРОИТЕЛЬСТВА СИСТЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Целью статьи является изучение китайского опыта строительства системы обеспечения национальной безопасности в контексте его сравнения с соответствующим российским опытом. Заявленная цель достигается посредством рассмотрения концептуальных представлений о национальной безопасности и субъектов системы ее обеспечения двух стран, а также определения стратегических задач китайской системы обеспечения национальной безопасности в условиях обострения обстановки в мире. Фундамент современной китайской системы обеспечения национальной безопасности во многом основан на советском опыте в данной сфере. Рассматриваются возможности применения китайского опыта обеспечения национальной безопасности в рамках отечественных условий. В исследовании использованы сравнительный, сравнительно-правовой, исторический, институциональный, системный методы, а также метод экспертных оценок.

Ключевые слова: *китайский опыт, политика, национальная безопасность, система обеспечения национальной безопасности, концепт, субъекты системы обеспечения национальной безопасности, КПК (Коммунистическая партия Китая), идеология.*

Введение. В настоящий момент в мире идет сложный процесс формирования нового мирового порядка, сопряженный с обострением международной обстановки [10. С. 191; 11. С. 83-94]. Это связано с тем, что

старый самозванный гегемон – США – не готов адаптировать свою политику к новым условиям. В обновленной версии Концепции внешней политики Российской Федерации по этому вопросу говорится: «Рассматривая укрепление России в качестве одного из ведущих центров развития современного мира, считая ее самостоятельную внешнюю политику угрозой западной гегемонии, Соединенные Штаты Америки (США) и их сателлиты использовали принятые Российской Федерацией меры по защите своих жизненно важных интересов на украинском направлении как предлог для обострения многолетней антироссийской политики и развязали гибридную войну нового типа» [16. С. 4].

Обострение обстановки в мире приводит к усилению потребности в обеспечении национальной безопасности стран мира, в том числе и России. Наша страна испытывает потребность в новых средствах и методах обеспечения глобальной, региональной и национальной безопасности. В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации отмечается, что «формирование новой архитектуры, правил и принципов мироустройства сопровождается для Российской Федерации появлением не только новых вызовов и угроз, но и дополнительных возможностей» [15]. Необходимо проводить систематическую работу, направленную на выявление этих новых возможностей.

Одним из путей выявления таких возможностей, которые бы способствовали повышению эффективности системы обеспечения национальной безопасности, является изучение и последующее использование передового зарубежного опыта. Особенно важно при этом исследовать опыт крупных стран, которые, как и Россия, могут в будущем мировом порядке занять место полюсов в многополярном мире. В этом смысле автору представляется весьма интересным опыт построения и развития системы обеспечения национальной безопасности Китая, в котором можно выявить как сходные черты, так и различия с соответствующим отечественным опытом. Их анализ позволит наметить пути повышения эффективности отечественной системы обеспечения национальной безопасности.

Концептуально-правовые представления о национальной безопасности и системе ее обеспечения. Китайская государственность насчитывает многие тысячи лет. За это время в Поднебесной был серьезно изучен и осмыслен, пусть и не совсем в классическом западном понимании, концепт комплексной политики в области обеспечения национальной безопасности. В китайской трактовке национальная безопасность – это состояние относительного отсутствия угроз суверенитету, целостности, развитию и благосостоянию народа, а также государству в целом, первичной целью обеспечения которого является сохранение мира в интересах дальнейшего экономического развития [2. С. 2]. Это перекликается с новой утвердившейся отечественной парадигмой безопасности через развитие, выраженной в т.ч.

в статье 3 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: «Стратегия основана на неразрывной взаимосвязи и взаимозависимости национальной безопасности Российской Федерации и социально-экономического развития страны» [15].

Примечательно, что в китайской практике обозначаются и перечисляются виды (компоненты) безопасности, ранжируемые по степени важности с разными характеристиками. Так, например, экономическая безопасность – это основа, социальная безопасность – важный столп, а безопасность народа – это конечная цель [3. С. 55]. В то же время в отечественной практике отсутствует такого рода выражение концептуального представления о том, какие виды безопасности существуют с их перечислением. Однако выделены стратегические национальные приоритеты – важнейшие направления обеспечения национальной безопасности и устойчивого развития Российской Федерации, опять же базирующиеся на новой парадигме безопасности через развитие [12. С. 36].

Китайская политика безопасности основана на следующих принципах: комплексность, законность, централизованность, превентивность, совершенствование системы стратегического планирования, международное сотрудничество, что в целом содержательно соответствует российским принципам обеспечения безопасности [8. С. 8].

Основополагающей целью китайской политики в области обеспечения национальной безопасности провозглашается стратегическое развитие Поднебесной посредством избегания участия в конфликтах. Реализация такой цели базируется на трех «китах»: суверенитет КНР, конструктивные и выгодные отношения с соседями, вовлеченность в региональные институты развития и безопасности [2. С. 2]. Российская цель реализации политики обеспечения безопасности комплексна и направлена на несколько аспектов: сбережение населения, развитие человеческого потенциала, благосостояния и качества жизни, единение и сплоченность общества, достижение национальных целей развития, а также повышение конкурентоспособности и международного престижа страны [15].

Помимо всего прочего, закон «О национальной безопасности» перечисляет обязанности организаций и граждан в области обеспечения безопасности [19]. К ним относятся: соблюдение законодательства, бдительность и оперативное обоснованное информирование об угрозах, всевозможное содействие работе по обеспечению безопасности, защита государственной тайны. Такая практика не свойственна российскому правовому полю и может быть изучена и проработана с целью обоснованного применения в отечественных условиях.

Субъекты системы обеспечения национальной безопасности. Среди субъектов выработки и реализации политики в области обеспечения национальной безопасности Китайской Народной Республики важнейшую роль

играет Коммунистическая партия Китая [1. С. 87]. Особенно актуально данное утверждение в контексте информационной и духовной безопасности. Неслучайно Си Цзиньпин, глава Китая, заявил: «Убеждение – это кальций; если в костях нет кальция, они становятся хрупкими» [13]. Именно партия является механизмом проведения убеждений в жизнь, в том числе посредством средств массовой информации. Это тот фундамент, на котором строится современное Китайское государство. Партия также решает в армии, органах безопасности, в гражданских органах кадровые вопросы, которые в китайской традиции осуществляются на основе меритократического принципа [7. С. 2618].

Немаловажно отметить, что сама практика по имплементации подобного рода политического института в узком смысле и по построению системы обеспечения национальной безопасности в широком смысле взяты КНР из опыта СССР. Так, обозначая роль Политбюро ЦК КПСС в выработке политики безопасности, О.М. Хлобустов отмечает, что данный высший партийный орган рассматривал, обсуждал и утверждал вопросы, обязательные к исполнению как Советом Министров СССР, так и другими органами власти, фактически определяя основы внутренней и внешней политики [18. С. 87].

В Российской Федерации в настоящее время отсутствует институт, который по правовым, политическим и идеологическим основаниям мог бы играть схожую роль в системе обеспечения национальной безопасности, являясь фундаментом государства и общества. Концептуально это вытекает из положения Основного закона страны, согласно которому в качестве государственной или обязательной не может быть установлена никакая идеология [6].

Одним из важнейших органов государственной власти является Всекитайское собрание народных представителей, высший орган законодательной власти Китая. К числу полномочий этого органа относят вопросы войны и мира, внесение изменений в основной закон страны и контроль над его исполнением, избрание и смещение главы государства, назначение по представлению Председателя КНР Премьера и министров Государственного Совета, а также иные моменты, связанные с теми или иными компонентами национальной безопасности. Решения китайского парламента не могут быть реализованы без согласования с партией.

Российский двухпалатный парламент – Федеральное собрание, на уровне Государственной Думы принимает законы в области обеспечения безопасности, а на уровне Совета Федерации также утверждает указы главы государства о введении чрезвычайного положения или военного положения и проводит консультации с Президентом касательно назначения кандидатур на должности руководителей федеральных органов исполнительной власти, ведающих вопросами безопасности и обороны страны [17].

Председатель КНР по итогам утверждения решений Всекитайского собрания или его Постоянного комитета непосредственно объявляет о войне, введении военного положения или начале мобилизации, ведает вопросами назначения должностных лиц, от чего зависит состояние государственной (политической) безопасности. Председатель является определяющим звеном в международных отношениях, ратифицирует и денонсирует международные договоры, назначает и отзывает дипломатических работников. Однако стоит отметить, что большинство полномочий Председателя зависят от одобрения ВСНП. Это скорее символический институт государства, а не должность с настоящими исполнительными полномочиями. Нюанс кроется в том, что с 1993 года, за редкими исключениями, Председатель является одновременно и Генеральным секретарем КПК.

Президент Российской Федерации, глава государства, определяет основные направления государственной политики в области обеспечения безопасности, утверждает стратегию национальной безопасности, формирует и возглавляет Совет Безопасности, а также осуществляет иные полномочия в сфере обеспечения безопасности [17]. Таким образом, Президент Российской Федерации является важнейшим участником политики обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.

Государственный совет (центральное народное правительство) – это высший орган исполнительной власти КНР. Его роль в реализации политики обеспечения безопасности заключается не только в реализации принятых законодательным органом и его Постоянным комитетом решений, но и в принятии правовых актов в данной сфере, обеспечении региональной безопасности. Правительство Российской Федерации, имея схожую направленность полномочий, также вовлечено в определение основных направлений государственной политики безопасности [17].

Не имея прямых аналогов в системе обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, Центральный военный совет осуществляет политику в области военной безопасности, руководя не только НОАК, но и народным ополчением, и народной вооруженной полицией. Данный орган разрабатывает военные стратегии и оперативные планы ведения боевых действий, принимает и публикует нормативные правовые акты в данной сфере. Как подмечает академик РАН А.А. Кокошин, экс-секретарь Совета Безопасности РФ, Центральный военный совет КНР – это орган высшего не только военного, но и общегосударственного управления, особенно на чрезвычайный период, в условиях угрозы внутривнутриполитической стабильности в КНР. Это своего рода «запасной орган» высшей власти в стране в случае разного рода кризисных ситуаций, в которых действующая в бескризисной ситуации система уже не срабатывает [5. С. 25].

Среди специальных силовых служб КНР, обеспечивающих безопасность, обозначим Министерство государственной безопасности (контрразведка,

внешняя разведка, борьба с экстремизмом, терроризмом, сепаратизмом, участие в охране границы), Министерство общественной безопасности (функционал органов внутренних дел), а также Центральное бюро безопасности КПК (охрана и защита высшего партийного, государственного и военного руководства). Они ведут расследования, осуществляют розыск и заключение под стражу лиц, сопричастных к угрозам национальной безопасности, а также проводят исследования, оценку и анализ сведений в рамках своих компетенций [3. С. 3]. Силовые структуры находятся под контролем и руководством партии и главным образом Политбюро. То есть, советский опыт внедрен и в этом отношении.

Особый интерес в контексте настоящего исследования представляет Департамент единого фронта, существование которого в системе обеспечения национальной безопасности Китая производно от роли идеологии и партии как ее основного носителя. Данная структура осуществляет разведывательную деятельность с акцентом на продвижение китайского видения развития мира и коммунистической идеологии, используя китайскую диаспору и отдельных граждан КНР за рубежом в качестве механизма достижения своих целей. Именно эти два аспекта – идеология и системная работа с многочисленной диаспорой – отличают главным образом Департамент единого фронта. Сравнивая методы российской и китайской разведслужб, бывший офицер ЦРУ США привел такую метафору: если поставлена задача доставить образцы песка, то Россия пошлет подводную лодку ночью и маленькое число людей, чтобы они принесли песок в ведрах, а Китай направит тысячи купальщиков днем [21].

Наконец, важнейшим звеном системы обеспечения китайской национальной безопасности является орган, разрабатывающий общую стратегию безопасности, контролирующий и координирующий все силовые институты Китая. Это созданный по итогам пленума ЦК КПК 2013 года Комитет (Совет) национальной безопасности КНР. Он выполняет в оперативном режиме функцию координационного центра партии по обсуждению и реализации вопросов обеспечения безопасности, являясь подотчетным КПК. Роль данного органа в системе обеспечения национальной безопасности КНР схожа, за исключением все тех же партийно-идеологических аспектов (например, Совет подотчетен Политбюро ЦК КПК), с ролью Совета Безопасности в нашей стране. Комитет национальной безопасности является институционализированным выражением «концепции комплексной национальной безопасности», затрагивая все ее компоненты [4].

Стратегические задачи китайской системы обеспечения национальной безопасности в условиях обострения обстановки в мире. Создание Совета национальной безопасности свидетельствовало о мобилизации китайского руководства в условиях формирования нового мирового порядка, для чего необходимы усиление и централизация власти, особенно

в сфере национальной безопасности. Очередное концептуальное выражение это получило, в частности, в процессе XX съезда КПК, где был виден явный сдвиг от экономического развития как сердцевины повестки дня в сторону вопроса обеспечения безопасности, борьбы с рисками и угрозами. Впервые за множество лет слово «безопасность» (91 упоминание) фигурировало чаще слова «экономика» (60 упоминаний) [20]. Си Цзиньпином была сформулирована взаимосвязь внешней и внутренней безопасности, во все более турбулентном мире, где, что называется, не получится остаться в стороне.

Также Си Цзиньпин обозначил важнейшую задачу партии – сплачивать и вести за собой многонациональный народ Китая в осуществлении намеченной к столетию КНР цели окончательного построения модернизированной социалистической державы [13]. Таким образом может быть сделан вывод о том, что идейное объединение населения в условиях растущей неопределенности и турбулентности – это важнейшая стратегическая задача китайской системы обеспечения безопасности в условиях обострения обстановки в мире.

Проблематика применения китайского опыта обеспечения национальной безопасности: актуальные уроки. Как показал предыдущий анализ, в системах обеспечения национальной безопасности России и Китая имеется довольно много сходных черт. В то же время в ходе визита Председателя КНР Си Цзиньпина в Россию весной 2023 года было подписано Совместное заявление. В нем, в частности, отмечено, что «каждое государство обладает собственными историческими, культурными, национальными особенностями и вправе самостоятельно выбирать свой путь развития» [14. С. 4]. Это и выражено в отличиях китайского опыта построения системы обеспечения национальной безопасности от российского.

Как уже было отмечено ранее, китайский опыт во многом заимствован из советского, содержа в себе много актуальных уроков для современной России. Прежде всего это наличие фундаментального института, объединяющего и направляющего государство и общество. Российской Федерации в условиях обострившихся региональных и глобальных вызовов и угроз необходим не только подобный политический институт, но и единая идея, цементирующая население внутри страны, способная быть механизмом мягкой силы за рубежом; быть каналом представлений и идеалов о справедливом мироустройстве, который создаст необходимый образ нашей страны. Например, вспомним роль советской идеи в борьбе с колониализмом Запада по всему миру. Бесспорно, запрос на справедливость в мире все возрастает, и главная причина этого – политика руководств США и их сателлитов (в том числе по отношению к их собственному населению). То есть, России необходима единая идея и тот институт, который будет ее главнейшим проводником.

Из этого же основания вытекает, и организация деятельности Департамента единого фронта, активно осуществляющего деятельность как посредством распространения китайской идеи, так и посредством работы с диаспорой и соотечественниками в других государствах. Правды ради стоит признать весомую разницу между российской и китайской диаспорами, которую следует брать во внимание при апробации китайского опыта в установленной сфере: разный менталитет, разная форма организации, разное количество выходцев.

Стоит обратиться и к практике обозначения и перечисления видов национальной безопасности, которые в российских условиях могут методологически быть сопряжены со стратегическими национальными приоритетами по принципу один вид национальной безопасности – один стратегический национальный приоритет. Это поможет выстроить единую и методологически упорядоченную линию в стратегическом планировании обеспечения национальной безопасности [12. С. 32-46]. Также в контексте проблематики применения китайского опыта обеспечения национальной безопасности вызывает интерес обозначение обязанностей организаций и граждан в области обеспечения безопасности.

Заключение. Итак, проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что изучение китайского опыта обеспечения национальной безопасности и его аспектов в контексте сравнения с отечественными практиками крайне важно. Полученные результаты могут быть внедрены в отечественную систему обеспечения национальной безопасности при должной проработке и обосновании. В концептуально-правовом направлении интересными для России являются китайская система и структура видов национальной безопасности, а также определение обязанностей организаций и граждан в области обеспечения безопасности. В стратегическом направлении для России наиболее важно понимание фундаментальной взаимосвязи внутренней и внешней безопасности, а также осознание необходимости сплоченности всего народа и государства, для чего необходима единая идея. В институциональном направлении интересным для России является китайский опыт функционирования Коммунистической партии Китая как основного стержня государства и общества, канала имплементации идеи и производные от этого институциональные особенности системы государственного управления Китая.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Вильданов Р.Р., Тулубаева А.А. Роль Коммунистической партии Китая в государственном управлении Китайской Народной Республики // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика. 2022. № 1 (39) // <https://cyberleninka.ru/article/n/>

rol-kommunisticheskoy-partii-kitaya-v-gosudarstvennom-upravlenii-kitayskoy-narodnoy-respubliki.

2. *Голуенко Т.А., Степанова О.В.* Основные направления концепции национальной безопасности Китая // Grand Altai Research & Education. 2018. № 1 // <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-napravleniya-kontseptsii-natsionalnoy-bezopasnosti-kitaya>.

3. *Горян Э.В.* Концепция национальной безопасности Китая в «новую эпоху»: предварительные итоги XX Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая // Национальная безопасность // Nota bene. 2022. № 6 // <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-natsionalnoy-bezopasnosti-kitaya-v-novuyu-epohu-predvaritelnye-itogi-hh-vsekitayskogo-sezda-kommunisticheskoy-partii>.

4. КГБ с китайской спецификой // <https://livejournal.com/4528187.html?y sclid=la9a1n1sdw526423093>.

5. *Кокوشин А.А.* Военная реформа в КНР 2015-2020 гг.: оборонные, внешнеполитические и внутривнутриполитические аспекты. Издание 2-е, расширенное и дополненное. Москва: Изд. ИСПИ РАН, 2016.

6. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).

7. *Лу С.* Меритократия как принцип формирования управленческой элиты современного Китая / С. Лу, Д.Г. Сельцер // Вопросы политологии. 2022. Т. 12. № 8 (84). DOI 10.35775/PSI.2022.84.8.007. EDN JCMYUV.

8. *Манцуров А.Ю.* Принципы обеспечения национальной безопасности в Китайской Народной Республике // Вопросы современной юриспруденции. 2016. № 10 (60) // <https://cyberleninka.ru/article/n/printsiy-obespecheniya-natsionalnoy-bezopasnosti-v-kitayskoy-narodnoy-respublike>.

9. *Манцуров А.Ю.* Система обеспечения национальной безопасности Китайской Народной Республики: административно-правовой аспект // ЮП. 2016. № 6 (79) // <https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-obespecheniya-natsionalnoy-bezopasnosti-kitayskoy-narodnoy-respubliki-administrativno-pravovoy-aspekt>.

10. *Михайленко А.Н., Воробьев А.В.* О надежности российско-китайского стратегического партнерства // Вопросы политологии. 2023. Выпуск 1 (89). Том 13.

11. *Михайленко А.Н.* Современный этап в формировании полицентричного мира // Вопросы политологии. 2019. № 1 (41).

12. *Назаров В.П., Афиногенов Д.А.* Стратегическое планирование в России: новый этап развития. 2022.

13. Переосмысление лидерства и возвращение идеологии: что обещает Си Цзиньпин // Журнал «Эксперт». № 43 (1272).

14. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики об углублении отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху 21 марта 2023 года // <http://www.kremlin.ru/supplement/5920>.

15. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».

16. Указ Президента РФ от 31.03.2023 № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации».

17. Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» (с изменениями и дополнениями).

18. *Хлобустов О.М.* История службы государственной безопасности. Комплект из 2-х книг. Часть 2.

19. National Security Law // <https://www.chinalawtranslate.com/en/2015nsl/>.

20. Xi Mentions of ‘Security’ Eclipse ‘Economy’ in Historic Shift // <https://www.bloomberg.com/news/articles/2022-10-18/xi-mentions-of-security-eclipse-economy-in-historic-shift?leadSource=uverify%20wall>.

21. https://www.ng.ru/world/2022-08-30/6_8526_china.html?ysclid=lgky3xn86e973026253

V.S. BOROVKOV

*Master student of the Department of International Security
and Foreign Policy of Russia of the Faculty of National Security
of the Institute of Law and National Security of the Russian Academy
of National Economy and Public Administration
under the President of the Russian Federation,
Moscow, Russia*

CHINESE EXPERIENCE IN BUILDING A NATIONAL SECURITY SYSTEM

The purpose of this article is to study the Chinese experience in building a national security system in the context of its comparison with corresponding Russian experience. The stated goal is achieved by considering conceptual representations of national security and the subjects of the system of its provision of the two countries, as well as designation of strategic tasks of the Chinese system of ensuring national security in the face of aggravating situation in the world. The foundation of modern Chinese national security system is largely based on the Soviet experience in this area. Potential directions for applying the Chinese experience in ensuring national security within the framework of domestic conditions are considered. In writing the article comparative, comparative legal, historical, institutional, systemic, expert assessment methods were used.

Key words: *chinese experience, politics, national security, national security system, concept, subjects of the national security system, CPC (Communist Party of China), ideology.*

А.А. ПРИСЕКИН

*магистрант кафедры сравнительной политологии
факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова,
Россия, г. Москва*

ФОРМИРОВАНИЕ НОВОГО МЕЖДУНАРОДНОГО ИННОВАЦИОННОГО СОТРУДНИЧЕСТВА КАК ФАКТОР КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ РОССИИ НА МИРОВОЙ АРЕНЕ

Трансформация мирового порядка, изменение процесса принятия решений и нарушение технологического обмена поднимают вопрос о пересмотре расстановки сил на мировой арене и формировании новых союзных блоков, направленных на многостороннее развитие. При этом появляется необходимость обратить внимание не только на создание политических и экономических союзов, но и на динамику развития инновационной деятельности и обмена технологиями между странами-участницами объединений ввиду того, что инновации в современном мире начали играть все большую роль, конкурентоспособность государств во многих сферах обеспечивается за счет развитой научно-технической политики и инновационного потенциала. Создание и развитие инновационных кластеров, в свою очередь, способны изменить баланс сил на международной арене и способствуют формированию новых центров силы. В контексте новых вызовов важно учесть конкурентоспособность новых объединений и их стремления к научно-техническому прогрессу в ситуации возможной изоляции и технологического соперничества. Поэтому важно изучить технологический и инновационный потенциал стран-союзников России, выделить слабые и сильные стороны их национально-инновационных систем, а также изучить последние взаимоотношения стран как с Россией, так и друг с другом.

Ключевые слова: *инновации, инновационное сотрудничество, инновационный блок, международные отношения, Россия, Китай, Иран, Индия, Бразилия, ЮАР.*

Предыдущий год можно охарактеризовать рядом вызовов и испытаний, с которыми столкнулась Россия: изменение структуры финансовой системы и товарооборота, отток инвестиций и человеческого капитала, реорганизация части внутренних систем и подструктур, внешнее давление, введение

санкций и др. Все это привело к переосмыслению ключевых партнеров, поиску новых союзников и попытки создания де-факто нового центра силы, способного оказать сопротивление устоявшейся гегемонии, нацеленной на подавление любого вызова, способного подорвать ее авторитет. Помимо этого, необходимо отметить, что в эпоху цифровизации особо важную роль стали играть инновации и технологии, способные кардинально изменить представление о странах, их имидже, способностях и местах на мировой арене [6. С. 10-14]. Ввиду этого России важно принять участие в создании нового международного блока со странами с высокой степенью инновационного развития и потенциала.

В настоящее время у России большой выбор партнеров, с которыми возможно построить новый центр силы. Часть исследователей отмечают способность трансформации различных наднациональных организаций, например, СНГ, ЕАЭС, ШОС, БРИКС, особенно в связи с возросшим желанием некоторых стран к присоединению к данным структурам. Однако стоит учитывать, что перечисленные объединения основаны на экономических отношениях и развитии торговли и их преобразование может негативно повлиять на имидж стран и, следовательно, состав участников. К тому же у части из них отличаются направления внешней политики, а некоторые страны-участницы обладают слабым инновационным развитием и потенциалом, что уменьшает их роль в формировании нового центра силы. В следствие вышесказанного следует обратить внимание на отдельные государства с сильным инновационным потенциалом. В этом контексте стоит отметить следующие страны: Индия, ЮАР, Бразилия, Китай, Иран.

Инновационная модель Индии является уникальным примером взаимодействия органов власти и общества. С одной стороны, направлением научно-технической политики и ее реализацией занимается государство посредством издания пятилетних планов и десятилетних программ «Политика в сфере науки, технологий и инноваций», направленных на быстрое развитие и внедрение инноваций в социум. С другой стороны, все структуры индийского общества, включая частный сектор, активно поддерживает любое решение правительства, происходит включение разнородных агентов для постепенного развития всей страны и последующего улучшения жизни всех классов населения [8. С. 8]. На данный момент приоритетными направлениями НИОКР являются кибертехнологии, компьютерные системы, коммуникационные сфер и ИТ. В меньшей степени – создание сельскохозяйственных новшеств, применимых в аграрном секторе, и энергоэффективных и берегающих технологий, способных повысить автономность Индии. Вместе с тем экономика страны является самой быстрорастущей в мире и по прогнозам должна опередить показатели Китая [21. С. 9], однако расходы индийцев кратно меньше [19]. Правительство активно и эффективно разрабатывает новые программы по распространению и улучшению образования,

увеличению количества ученых, развитию государственно-частного партнерства, привлечению частных инвестиций – политика направленно на инновационное развитие страны.

Однако необходимо отметить и такие социально-экономические вызовы как нищета, отсутствие продовольственной обеспеченности и доступа к общественным благам жителей многих регионов, преобладание в части территорий традиционных взглядов, мешающих активному инновационному развитию. Законодательство индийской системы развивается медленнее, чем этого требуют актуальные инновационные направления, что относительно препятствует проведению научно-технической политики и развитию отдельных технологических отраслей [5]. Неравномерность инфраструктурного развития страны также подрывает инновационный потенциал и инвестиционный климат. Крупные кластеры автономны от всей страны, а инновационная культура жителей за ее пределами минимальна. Для этого правительство запускает ряд таких программ как общественные инновационные центры, инкубационные центры, развитие экосистемы и другое [18. С. 85-100]. Несмотря на многие попытки правительства, этот вопрос остается одним из наиболее востребованных.

Индия всегда являлась важным партнером РФ, товарооборот между странами в прошлом году достиг нового рекорда, а на саммите ШОС в Самарканде были подписаны договоры о научно-техническом сотрудничестве и военно-техническом взаимодействии. Это могло бы являться сигналом для восприятия Индии как стратегически важного участника формирования нового центра силы с учетом инновационной развитости государства, наличием атомных технологий и ядерного вооружения, однако индийцы приняли «политику неприсоединения» еще в 1947 году и подтвердили свою позицию в 2012 году, которая утверждает, что их действия основаны на получении максимально возможной выгоды от всех сторон и блоков [16]. Это подтверждается и воздержанием Индии при голосовании по резолюции ГА ООН ES-11/1, неприсоединением к международным санкциям, отказом введения потолка цен на российскую нефть. К проблемным моментам необходимо добавить и противоборство Китая и Индии за первое место, особенно в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Часть исследователей отмечают возросшую враждебность политики Китая по отношению к Индии [12. С. 48], поэтому Россия может столкнуться с проблемами и противоречиями при создании инновационного блока с участием обеих стран.

ЮАР является одной из наиболее развитых стран Африки, а сам регион, по мнению российских политиков, начинает играть все более значимую и весомую роль. В ежегодном отчете Департамента науки и инноваций министр Эммануэль Нзиманде подчеркнул важность инновационного развития для решения большинства вызовов республики. Он выделил ведущую роль научно-технической политики в решении острых

социально-экономических проблем. Создание инновационных моделей развития округа поможет улучшить инвестиционную привлекательность страны, увеличить количество рабочих мест, уровень жизни населения и др. Однако многие сектора экономики напрямую зависят от импорта интерфейсов прикладного программирования, поэтому ЮАР будет стремиться к созданию собственных технологий с возможностью их дальнейшего распространения на африканском континенте [9]. Среди перспективных направлений изучения и создания новшеств выделяют, прежде всего, строительство автомобильных дорог, способов быстрой постройки жилищных объектов, сооружение устойчивых населенных пунктов, улучшение предоставления основных услуг, методы борьбы с бедностью и преступностью – все приоритетные разработки направлены, в первую очередь, на улучшение социальной инфраструктуры и экономического положения общества. И лишь небольшой процент НИОКР сосредоточен на таких передовых технологиях, как использование технологий 3D печати, но преимущественно все же для строительства жилых зданий, инструментов анализа, расчета и поддержки принятия решений для оценки возможных последствий, разработка концепций умных городов, обладающих актуальными мировыми новшествами в области цифровизации. Запуск ряда программ, способствующие коммерциализации результатов исследований, улучшили инновационную деятельность ученых и в какой-то мере послужили стимулом для притока дополнительных инвестиций в страну. Это позволило также создать в 2021 году жидкостный двигатель с абляционной продувкой, что приблизило республику к выводу спутников на околоземную орбиту, однако ученые отмечают, что закрытие некоторых направлений ядерной программы замедлили разработки в сфере космоса и ракетостроения [10].

Вместе с тем товарооборот и коммерческий обмен технологиями России и ЮАР низок [1], а инновационный потенциал страны высок исключительно по сравнению с африканским регионом. Например, по инновационному развитию страна, по мнению всемирного инновационного индекса, уступает островному государству Маврикий, которое отдает приоритет деятельности по размещению и питанию (туризм) над развитием информационно-коммуникационных технологий [17]. Обе страны также заинтересованы в привлечении иностранного капитала для развития внутреннего рынка, который требовал дополнительные средства, полученные благодаря снижению государственных трат на НИОКР. Экспорт высокотехнологичных товаров составляет 6% от экспорта промышленных товаров при среднем мировом показателе в 20% [14]. США, Германия, Япония и Великобритания играют важную роль в развитии республики и по совместительству являются одними из главных экономических партнеров, успешно делящиеся своими разработками. Кроме того, Южно-Африканская республика страдает из-за нехватки электричества, вследствие чего в стране объявили режим

национального бедствия. Таким образом, ЮАР обладает большим потенциалом и может стать важным экономическим партнером РФ в Африке, но на данный момент он не обладает достаточной технологической мощностью и автономией для создания инновационного союза, способного противостоять существующей гегемонии.

Бразильская национально-инновационная система складывалась параллельно с такими социальными проблемами страны как высокий уровень преступности и наркотрафика, рост количества фавел, дисбаланс рынка труда, проблемы доступа к сектору образования и здравоохранения и многое другое. Основные средства и ресурсы были направлены на решение острых социально-экономических проблем, поэтому разработка и производство инноваций отошли на второй план. Это привело и к тому, что бразильская законодательная система в области доступа и распространения информации сложилась только в 2011 году, что с одной стороны замедляло инновационное развитие из-за отсутствия должного регулирования, а с другой стороны позволило использовать опыт передовых стран для создания комплексного и развитого законодательства. Пик научно-технического прогресса пришелся на конец XX – начало XXI вв., сопровождаемый принятием ряда крупных государственных программ, нацеленных на создание национальных кластеров, передовых институтов разработки и производства инноваций, увеличением прямой финансовой поддержки, создание и дальнейшее усовершенствование инфраструктуры, способствующей научно-техническому прогрессу [3]. Хотя основным рынком сбыта технологий Бразилии являются страны Латинской Америки, спрос на ее разработки имеются по всему миру, а бразильские технологические компании являются конкурентоспособными, например, производитель самолетов Embraer. В совокупности это позволило создать одну из наиболее крупных и развитых экономических систем Латинской Америке.

Вместе с тем это позволило закрепить лидирующие позиции в области биохимических технологий, биотоплива, авиастроения, фармацевтики и пищевой промышленности. Бразилия является лидером среди латинских стран по государственным инвестициям в НИОКР (~ 1,2% ВВП), однако участие частных компаний минимально. Важно учесть и то, что более трети всех исследований проводятся с участием США, и они являются стратегическим партнером Бразилии во многих сферах. Среди проблем необходимо отметить и слабую подотчетность инновационных институтов: данных проведения политики в области интеллектуальной собственности научно-технических учреждений за 2019-2021 отсутствуют [20. С. 8], а ежегодные отчеты не раскрывают основной вектор инновационной политики. Это обуславливает и слабое экономическое и развитие части регионов Бразилии, отсутствие инновационной культуры населения. Многие периферийные штаты сосредоточены в первую очередь на производстве товаров и услуг

в традиционных секторах экономики, технологический потенциал у них низок [11]. Правительство учитывает эти проблемы, поэтому с недавнего времени была запущена политика привлечения большего числа университетов в НИКОР. Сейчас активно используются американские опыт и практика по интеграции учебных заведений с частными компаниями для стимулирования исследований и разработок, особенно стартапов молодых ученых и предпринимателей, что привело к росту числа компаний-«единорогов».

Жаир Болсонару, президент Бразилии с 2019 по 2023 год, кардинально сменил вектор внешней политики с совместного развития БРИКС на возобновление и улучшение дружественных отношений с США [2]. Российско-бразильские отношения в тот момент характеризовались неопределенностью и возможным кризисом. Новый президент Бразилии Лула да Силва до избрания критиковал санкции в отношении РФ, поддерживал российско-бразильское партнерство и обвинял «западный мир» в конфликтах и мировой нестабильности, однако после заявил о необходимости возвращения американских и европейских инвестиций в страну и нормализации отношений. Последние несколько лет Россия и Бразилия сотрудничают практически только по вопросам, связанных с БРИКС, или наращиванию товарооборота. Инновационный и технологический обмен между странами существует и активно продвигается, например, одно из предприятия Росатома выиграло бразильский тендер и будет поставлять ресурсы для охлаждения реакторов АЭС, но все же является сравнительно малым и недостаточным. И хоть политика Силвы отчасти можно характеризовать периодом оттепели российско-бразильских отношений, налаживанию контакта и сотрудничества, политический курс Бразилии важно расценивать как аналог индийской модели «неприсоединения», что препятствует формированию сильного автономного блока.

Китайская экономика признана одной из наиболее развитых. Ее технологии, человеческий капитал, ресурсы и исследования пользуются спросом, она обладает высоким инновационным потенциалом: большой импорт и экспорт технологической продукции, сильная государственная поддержка и стимуляция развития кластеров и НИОКР, ведущие университеты, заточенные на научно-техническом развитии, передовые инновации и многое другое. Китай нацелен на выход на новые для себя рынки товаров и услуг. КНР с 80-ых годов начала развивать сферу автомобилестроения, что позволило к 2020 г. создать 33,1% автомобилей от общего мирового производства, то есть практически треть авто производится в Китае [7]. В 2020 году был представлен «План развития индустрии новых энергетических транспортных средств (2021-2035)» с целью стимулирования современных и актуальных разработок электрических автомобилей и доминирования в новом секторе экономики.

К тому же атомный сектор республики высоко развит, появляются новые технологии, способствующие использованию мирного атома в новых сферах. Инновации в области информационно-коммуникационных и сетевых технологий уже опережают западные аналоги, система распознавания лиц, внедрение и использование искусственного интеллекта также являются сильной стороной инновационного потенциала КНР. В области авиастроения Китай старается добиться автономности и уже сам начинает производить детали для истребителей пятого поколения вместо их закупки у России, разрабатывая вместе с тем прототипы истребителей шестого поколения исключительно своими силами и с опорой на отечественные материалы и средства. Необходимо учитывать и борьбу государства за первенство как в регионе, так и мировое, отражающееся также в разработки новых технологий и инноваций. Например, Китай планирует запустить тринадцать тысяч интернет-спутников и занять место Starlink в Азии, что должно препятствовать доминированию США и их технологий в регионе.

Активное развитие российско-китайских отношений, подкрепляемые рядом заявлений МИД КНР о недопустимости влияния и давления со стороны третьих лиц, в особенности США, на политику двух стран, участвовавшие встречи представителей двух стран, возросшее число экономических межправительственных соглашений по вопросам поставки газа, совместными учениями России и Китая в Индийском океане и многое другое, сигнализирует о желании стран к общему сотрудничеству, нацеленного на изменения устоявшейся системы и переосмыслении концепции однополярного мира. Вместе с тем китайское издание *Asia Times* неоднократно заявляло о необходимости формирования нового союза, переосмыслении системы глобальной безопасности и готовности поддержать Россию во многих геополитических вопросах. Российский совет по международным делам также выступил с рядом предложений по улучшению отношений для повышения автономности как в Азии, так и во всем мире. Они предложили усилить торгово-экономическое сотрудничество посредством интеграции крупных российских фирм в экономику Китая и ряда китайских фирм в экономику России [4. С. 72-74]. Этот шаг позволит заполнить пробелы обеих систем и приведет к общему цифровому, инновационному и научно-техническому росту. Ввиду многократных заявлений политиков о необходимости сотрудничества с Россией и создании нового центра силы, научно-технологической и экономической развитости страны, Китай является стратегически важным партнером для образования нового блока.

Иран находится под санкциями уже более сорока лет и многие западные специалисты прогнозировали крах экономики, неспособность акторов адаптировать свою политику под новые реалии, а также потенциальный развал страны. Однако он смог не только противостоять внешнему давлению, но и развить сильную автономную инновационную среду, включая разработку

технологий мирного атома, передовые разработки в области нанотехнологий и оборонного сектора. Глобальный инновационный индекс считает иранский инновационный потенциал вторым по мощи в регионе центральной и южной Азии, пятьдесят третьим в мировом рейтинге. Однако в методологии расчета присутствуют такие переменные как процент женщин-исследователей с учеными степенями, издержки, связанные с сокращением штата, предпринимательская политика и культура, количество фирм, предлагающих формальное обучение – показатели, которые скорее отражают не инновационные потенциал и развитость, а демократические и партнерские черты институциональной среды, присущие в большей степени западным странам, что обуславливает их лидерство по данным показателям. Кроме того, иранские разработки во многих сферах автономны, что несомненно является преимуществом научно-технической политики страны.

Шестой план инновационного развития Ирана (2017-2021) был успешно реализован и характеризуется широким спектром направлений, по которым будут осуществлены НИОКР. Он позволил завершить крупный частный проект по строительству электростанций по всей стране, внедрить национальную систему лекарств, провести импортозамещение ряда товаров и услуг, получить актуальные технологии в авиационной и космической сфере и др. Вместе с тем шестой план увеличил приток иностранных инвестиций, позволил Ирану интегрировать национальную экономику в глобальную цепочку создания стоимости, увеличить число государственных закупок в области НИОКР, усилить поддержку университетских стартапов и частных проектов [13]. Правительство Исламской Республики смогло создать действующую систему протекции внутреннего рынка, в частности, высокотехнологичных продукций, а самое главное – оно стимулирует спрос на инновации и разработки как внутри страны, так и за ее пределами.

Российско-иранские отношения перешли на новый этап сотрудничества: товарооборот стран достиг рекордных значений, обсуждаются создание совместной торговой палаты с участием представителей российских регионов и перспективы взаимодействия особых экономических зон двух стран, идут переговоры по передаче зенитных ракетных систем С-400, замене использующихся в РФ турбин Siemens на иранские аналоги, о технических возможностях поставки российской нефти и газа через Иран в другие страны в рамках новых соглашений и многое другое. Важно подчеркнуть и усилившиеся встречи представителей России, Китая и Ирана друг с другом, а также со стратегическим союзником РФ – Республики Беларусь. Учитывая заявление иранского издания *Kaуhan* о конце однополярного американского мира, борьбу Тегерана против устоявшегося мирового порядка и гегемонии западных ценностей [15], Исламская Республика выражает желание создать новый центр силы в кооперации с единомышленниками.

Таким образом, можно однозначно констатировать, что в настоящее время имеются предпосылки для формирования нового блока, владеющего достаточным уровнем инновационного потенциала и способного противостоять устоявшейся системе, в которой Россия может принять участие. Вместе с тем РФ необходимо ответственно подойти к выбору своих партнеров и союзников, которые смогут осуществлять инновационное развитие автономно и независимо от международных процессов и новых геополитических вызовов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Внешняя торговля Российской Федерации (по данным таможенной статистики) // Федеральная служба государственной статистики // https://rosstat.gov.ru/statistics/vneshnyaya_torgovlya#.
2. *Киртон Д., Ларионова М.* БРИКС. Первые 15 лет сотрудничества // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2022. № 2.
3. *Обухова Е.А.* Опыт формирования национальных инновационных систем стран БРИКС // Вестник НГУЭУ. 2014. № 1.
4. Российско-китайский диалог: модель 2022: доклад № 78/2022 / А.В. Кортунов, К.В. Бабаев, Чжао Хуашэн, Лю Хуацзинь и др.; под ред. И.Н. Тимофеева, П.В. Бакулиной, Е.О. Карпинской и др.; Российский совет по международным делам (РСМД). М.: НП РСМД, 2022.
5. *Синх М.А., Подольская Т.В.* Тенденции инновационного развития Индии и возможности применения индийского опыта в российских условиях // Экономические отношения. 2022. Том 12. № 3.
6. *Субцельная Т.А., Сленак Б.Э.* Значение инноваций для формирования конкурентоспособности национальных экономик // Инновации и инвестиции. 2020.
7. *Тянь Юй, Логинова В.А.* Автомобильная промышленность КНР: состояние и перспективы роста международной конкурентоспособности // Московский экономический журнал. 2021. № 2.
8. *Шавлай Э.П.* Инновационная политика Индии: текущее состояние и особенности индийской модели // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2020. Т. 11. № 4.
9. Annual Report of Department of Science and Innovation // South African Government // https://www.gov.za/sites/default/files/gcis_document/202210/dsiannualreport-202122.pdf.
10. Annual report of South Africa National Space Agency // South Africa National Space Agency // https://www.sansa.org.za/wp-content/uploads/2022/12/SANSA-Annual-Report_WIP15_LR.pdf.

11. *Aparecido-Tomaz P., Fischer B., Meissner D., Rucker-Schaeffer P.* The Dynamics of University-Industry Interactions in Peripheral Contexts: Evidence from Brazil // *Foresight and STI Governance*. 2022. № 16 (4).
12. *Beretta S., Berkofsky A., Iannini G.* India's Foreign Policy and Economic Challenges: Friends, Enemies and Controversies. Cham: Springer, 2023.
13. *Fartash K., Elyasi M., Ghorbani A., Sadabadi A.A.* Innovation Policy Learning in Iran's Development Plans. *Foresight and STI Governance*. 2021. № 15 (3).
14. High-technology exports (% of manufactured exports) // The World Bank // https://data.worldbank.org/indicator/TX.VAL.TECH.MF.ZS?name_desc=false.
15. Iran Rallies Sent a Message to Enemies // 14.02.2023. روزنامه انگلیسی کیهان. Article 112403.
16. *Khilnani S., Kumar R., Mehta P. and other.* Nonalignment 2.0: A Foreign and Strategic Policy For India In The 21st Century. New Delhi, 2012.
17. National Accounts Estimates: Economic and Social Indicators // Stats Mauritius official site // https://statsmauritius.govmu.org/Pages/Statistics/ESI/National_Accounts/QNA/QNA_3Qtr22.aspx.
18. NITI Aayog ANNUAL report 2022-2023. OECD Publishing, 2023.
19. OECD Main Science and Technology Indicators. Paris: OECD Publishing, 2022. Issue 1.
20. Relatório de monitoramento – PDA 2022 / Departamento de Governança Institucional. Brasília: Ministério da Ciência, Tecnologia e Inovações, 2022.
21. United Nations, World Economic Situation and Prospects. No. E.23.II.C.1 vol. United Nations publication Sales, 2023.

A.A. PRISEKIN

*Master student of the Department
of Comparative Political Science, Faculty
of Political Science, Moscow State University
M.V. Lomonosov, Moscow, Russia*

FORMATION OF A NEW INTERNATIONAL INNOVATION COOPERATION AS A FACTOR OF RUSSIA'S COMPETITIVENESS ON THE WORLD STAGE

The transformation of the world order, the change in the decision-making procedure and the breakdown of technological exchange raise the issue of revising the balance of power on the world scene and the formation of new union blocs aimed at multilateral development. At the same time, it is necessary to pay attention not only to the creation of political and economic unions, but also to the dynamics of innovation development and technology exchange between the member countries of the associations due to the fact that innovations in the modern world have begun to play an extremely important role. The competitiveness of states in many areas is ensured by a developed scientific and technical policy and innovative potential. The creation and growth of innovation clusters can change the balance of power in the international arena and promote the formation of new centers of power. In the context of new challenges, it is essential to take into account the competitiveness of new associations and their desire for scientific and technological progress in a situation of possible isolation and technological competitiveness. Therefore, it is important to examine the technological and innovative potential of Russia's allies, highlight the weaknesses and strengths of their national innovation systems as well as to study the latest relations of countries both with Russia and with each other.

Key words: *innovation, innovation cooperation, innovation block, international relations, Russia, China, Iran, India, Brazil, South Africa.*

К.В. ФЕНИН

*студент факультета управления и политики
Московского государственного института международных
отношений (Университет), МИД России,
Россия, г. Москва*

В.А. КУЗНЕЦОВА

*студент факультета управления и политики
Московского государственного института международных
отношений (Университет), МИД России,
Россия, г. Москва*

ИТАЛИЯ: ВОЗВРАЩЕНИЕ К НОРМАЛЬНОСТИ?

В статье рассматривается эволюция партийно-политической системы Италии. Особое внимание авторы уделяет периоду 2013-2023 гг., когда Итальянская республика столкнулась с кризисом партийно-политической системы. Данный кризис проявился в виде частой смены правительств и снижения эффективности политической системы. Статья нацелена на анализ институциональных факторов, которые привели к данному кризису. Сделан вывод о возврате партийно-политической системы Италии к принципам Второй республики. Отмечено, что новые политические факторы создают возможность коренной трансформации институциональной системы Италии.

Ключевые слова: *Италия, Вторая республика, партийно-политическая система, парламент, «Движение пяти звезд», «Братья Италии».*

Политическая жизнь Италии всегда отличалась динамизмом и яркостью, страну называют «политической лабораторией Европы». Некоторые трансформации сначала проходили апробацию на Апеннинском полуострове, а затем становились частью европейского и глобального политического ландшафта. В частности, в период с 2018 по 2019 гг. в Италии существовало первое в Европе популистское правительство, которое было сформировано двумя противоположными политическими силами [1. С. 106].

Стоит учитывать и объективную значимость Рима в мировой политике. Италия является третьей по масштабам экономикой ЕС [11] и страной – членом НАТО. В этой связи изучение нового этапа развития

партийно-политической системы имеет практическую значимость для прогнозирования политического курса Итальянской Республики.

В рамках данной статьи автор обращается к неоинституционализму, поскольку данный подход акцентирует важность институтов в обществе [8. С. 41]. Неоинституциональная школа рассматривает институт как «устойчивый тип политического поведения, выражающийся в определенной системе коллективных действий, процедуре, механизме» [4. С. 10]. В данной работе под институтом подразумевается партийно-политическая система Итальянской республики.

С точки зрения представителей институционализма, представления и интересы групп формируются коллективными акторами и институтами, которые несут следы своей истории [2. С. 27-28]. Таким образом, данная методологическая рамка позволит рассмотреть основные этапы эволюции партийно-политической системы Италии. Кроме того, использовался сравнительный анализ и общенаучные методы.

Современная Итальянская республика была создана в 1946 г, в результате референдума. Конституционный дизайн [12] обусловил парламентский характер республики, с большой ролью политических партий. Соответственно, изменения партийной системы оказывали непосредственное влияние на государственную политику.

В рамках анализа эволюции партийно-политической системы Италии можно выделить три периода. Первый этап, продлившийся с 1946 г. до середины 1990-ых гг., отмечен доминированием Христианско-демократической партии. Т.В. Зонова отмечает, что «в отличие от других демократических стран Западной Европы, в Италии политический водораздел проходил не между левыми и правыми, а между коммунистами и антикоммунистами» [3. С. 157].

С формальной точки зрения не происходил процесс чередования партий у власти, поскольку на протяжении всего периода у власти находилась ХДП, формируя правительство вместе со своими союзниками. Дж. Сартори [15] охарактеризовал данную ситуацию как «поляризованный плюрализм», в итальянском научном дискурсе также активно используется понятие т.н. «блокированной» демократии. С другой стороны, в условиях послевоенной Западной Европы именно христианская демократия стала «третьей силой», которая обеспечила переход религиозно настроенного электората от традиционализма и авторитаризма к демократии.

Большое влияние на изменения партийно-политической системы оказали реформы избирательного законодательства Италии. В период «Первой» республики на выборах в Палату депутатов использовалась пропорциональная избирательная система, которая, в соответствии с законами М. Дюверже, способствовала многопартийности.

В 1980-ые гг. Италия столкнулась с рядом экономических и социальных вызовов, которые в конечном итоге привели к демонтажу существовавшей партийно-политической системы. Тектонические сдвиги на политической сцене обозначили переход от «Первой» ко «Второй» республике. К.Г. Холодковский подчеркнул, что после перехода «реализовался механизм ротации властвующих политических сил – правда, не в форме чередования у власти двух партий, а в виде смены разношерстных политических коалиций» [10. С. 7-8].

В 1993 г. была создана смешанная система: 75% мест распределялось по мажоритарной системе простого большинства, остальные 25% – по партийным спискам. Предполагалось, что новая схема сделает партийное поле более устойчивым, но фрагментированность партийной системы только возросла.

В 2005 г. Италия перешла к пропорциональной системе выборов с т.н. «бонусом большинства», который обеспечивал победившей партии абсолютное большинство в парламенте. Тем не менее, данная система оказалась наиболее подходящей и обеспечила почти идеальную биполярную модель. В частности, на парламентских выборах 2006 г. разрыв между правопоцентристами и левоцентристами составил лишь 0,7%.

Чередование правления двух коалиций продолжалось до 2018 г. Однако, новая веха в развитии итальянской политической системы оформилась еще в 2013 г., когда на парламентских выборах в число лидеров вошла партия «Движение пяти звезд». Ни одна из политических сил не получила большинство, необходимо для формирования правительства. Данный результат привел к «установлению трехполюсной партийной системы, где полюса примерно равны» [3. С. 167].

С 2013 г. начался новый этап истории итальянской политики. Ранее два лагеря (право и левоцентристский) получали подавляющее большинство голосов. В период с 2013 по 2022 гг. ни одна партия или коалиция не обладала большинством в обеих палатах парламента. Е.А. Маслова и Е.О. Шебалина назвали данную ситуацию «ограниченной биполярностью» [7. С. 121].

Важно отметить, что изменения в расстановке сил на политическом поле произошли без значимых изменений избирательного законодательства. Этот факт указывает на возросшую электоральную волатильность и ослабление старых политических сил. Новая тенденция имела ряд глубоких последствий для итальянской политики.

Во-первых, политики были вынуждены создавать сложные коалиции, в том числе с партиями противоположной идеологической принадлежности. Несмотря на то, что данная особенность и ранее не являлась уникальной для итальянского политического класса, в новых условиях она стала более значимой.

Ярким примером является формирование первой в истории Италии «большой» коалиции двух противоборствующих лагерей в 2013 г. Несмотря на распад объединения уже через год, данное событие имело большое политическое значение. В 2014-2018 гг. Италией руководила коалиция под руководством левоцентристской Демократической партии.

Парламентские выборы 2018 г. вновь привели к патовой ситуации, не позволив сформировать правительство из членов коалиций правоцентристов или левоцентристов. Вместо этого произошло еще одно событие исторического масштаба – появление первого полностью популистского кабинета, функционирование которого продлилось год. Затем союз популистов из «Движения пяти звезд» и умеренной Демократической партии осуществлял управление страной в 2019-2021 гг.

Во-вторых, наметился тренд на укрепление роли президента Италии без изменения конституционного строя. Например, президенты Дж. Наполитано и С. Маттарелла играли значимую роль в переговорах по формированию правительства. С этим связано и формирование в 2021 г. технического правительства под руководством М. Драги, которое первоначально пользовалось поддержкой парламентского большинства.

В-третьих, провалилась попытка конституционной реформы по изменению верхней палаты итальянского парламента. Инициатор изменений М. Ренци рассчитывал на преодоление «совершенного бикамерализма» с помощью превращения Сената в орган представительства региональных интересов. Однако, данная инициатива не получила необходимой поддержки на референдуме в 2016 г. [6. С. 64-66].

С другой стороны, была осуществлена новая реформа избирательной системы. Попытки вновь установить пропорциональную систему, которая будет выгодна Демократической партии и «Вперед, Италия» провалилась в 2017 г. [12. С. 26-28]. Поэтому был осуществлен возврат к смешанной системе, но с новыми пропорциями.

Теперь мажоритарная система применяется для 37%, остальные избираются по пропорциональной модели. Считается, что восстановление одномандатных округов даст преимущество правоцентристским силам. В целом, реформы избирательной системы осуществлялись в условиях политической близорукости, ориентиром служат узкопартийные интересы

Стоит отметить, что десятилетие с 2012 по 2022 гг. оказалось крайне сложным для Италии. Страна пережила долговой кризис, последствия которого до сих пор сказываются на экономике государства. Продолжается миграционный кризис, хотя его наиболее острая фаза произошла в 2015-2016 гг. [9]. Наконец, пандемия коронавируса стала причиной гибели почти 185 тысяч человек [13] и вызвала новый виток экономических проблем.

В результате парламентских выборов 2022 г. победу одержала партия «Братья Италии» во главе с Дж. Мелони. Коалиция правоцентристов

в составе «Братьев Италии», «Лиги» и «Движения пяти звезд» получила абсолютное большинство в Сенате и Палате депутатов. В октябре 2022 г. в Италии было сформировано первое правительство под руководством женщины.

В политическом плане новое правительство примечательно тем, что оно полностью состоит из представителей партий. Кроме того, участниками правящей коалиции являются близкие в идеологическом плане политические силы, которые сформулировали общую программу в ходе предвыборной кампании. Наконец, его устойчивость обеспечивается наличием парламентского большинства.

Таким образом, можно говорить о частичном возвращении партийно-политической системы Италии к принципам, заложенным при формировании «Второй» республики в середине 1990-ых гг. Основными политическими соперниками вновь являются право и левоцентристские лагеря. После периода 2013-2022 гг., когда формировались неустойчивые и сложные коалиции с участием идеологически разных политических сил, в стране создано правительство из партий одной части политического спектра.

Однако, партийное поле итальянской политики существенно изменилось за это десятилетие. Прежде всего, усилилась популярность популистских партий [14] как левого («Движение пяти звезд»), так и правого крыла («Лига», «Братья Италии»). В частности, в правоцентристской коалиции лидером является партия «Братья Италии», а не умеренное движение «Вперед, Италия» С. Берлускони. Кроме того, в конце 2010-ых годов популистские партии преодолели важный рубеж в своем развитии: они стали приходить к власти.

С другой стороны, развитие популистских движений обусловлено не только особенностями итальянской политической культуры [2. С. 125-128], но и текущей политической конъюнктурой в Европе. Например, в 2019 году в Испании левопопулистская партия «Подemos» вошла в состав ответственной коалиции с Испанской социалистической рабочей партией.

Несмотря на завершение текущего периода турбулентности, партийно-политическая система Италии переживает глубокие процессы трансформации. Они связаны с ослаблением социальных и идеологических размежеваний, деидеологизацией политики и усилением личностного фактора.

В результате, появляется развилка на пути развития итальянской партийно-политической системы. С одной стороны, возврат к партийному правительству на основе одной коалиции указывает на сохраняющийся потенциал текущей институциональной модели. Избирательная система не способствует восстановлению биполярной системы, которая существовала в конце 1990-ых и 2000-ые гг. Тем не менее, институт президента приобрел новое значение в условиях фрагментации партийно-политической системы.

Однако, новые факторы могут привести к глубокой реорганизации институциональной структуры Италии. Планы по реформированию политической системы стран высказывают крупнейшие политические партии. Например, новое правительство Дж. Мелони заявило о намерениях провести конституционную реформу и ввести прямые выборы президента республики. В случае осуществления преобразований произойдет переход к новому этапу в истории Италии – Третьей республике.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Алексеевкова Е.С.* Страна победившего популизма: Италия после выборов // Современная Европа. 2019. № 2.
2. *Валле Р.* «Демократия чуда». Итальянский популизм в исторической перспективе / пер. М.О. Шибкова // Актуальные вопросы Европы. 2019. № 2.
3. *Зонова Т.В.* Партийная система Италии // Актуальные проблемы Европы. 2018. № 2.
4. Институциональная политология: Современный институционализм и политическая трансформация России / под редакцией С.В. Патрушева. М.: ИСП РАН, 2006.
5. Конституция Итальянской Республики // Официальный сайт Сената Парламента Италии // https://www.senato.it/documenti/repository/istituzione/costituzione_inglese.pdf.
6. *Маслова Е.А.* Конституционная реформа Маттео Ренци: сущность и возможные последствия // Право и управление. XXI век. 2017. № 2.
7. *Маслова Е.А., Шебалина Е.О.* Трансформация партийно-политической системы Италии // Современная Европа. 2021. № 2.
8. *Панов П.В.* Институционализм(ы): объяснительные модели и причинность // Полис. Политические исследования. 2015. № 3.
9. *Потемкина О.Н.* Миграционный кризис и политика Европейского союза // Актуальные проблемы Европы. 2016. № 4.
10. *Холодковский К.Г.* Социально-политические основы Второй Республики. Италия: от Второй Республики к Третьей (под ред. Е.А. Масловой). М.: Ин-т Европы РАН, 2015.
11. Eurostat // https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/nama_10_gdp/default/table?lang=en.
12. *Massetti E., Farinelli A.* From the Porcellum to the Rosatellum: ‘political elite-judicial interaction’ in the Italian laboratory of electoral reforms // Contemporary Italian Politics. 2019. Vol. 11.
13. «Our world in data» // <https://ourworldindata.org/coronavirus/country/italy>.

14. Rooduijn M., Van Kessel S., Froio C., Pirro A., De Lange S., Halikiopoulou D., Lewis P., Mudde C. & Taggart P. *The PopuList: An Overview of Populist, Far Right, Far Left and Eurosceptic Parties in Europe*. 2019 // www.popu-list.org.

15. Sartori G. *Teoria dei partiti e caso italiano*. Milano: Sugar Co, 1982.

K.V. FENIN

*Moscow State Institute of International
Relations (MGIMO University),
Moscow, Russia*

V.A. KUZNETSOVA

*Moscow State Institute of International
Relations (MGIMO University),
Moscow, Russia*

ITALY: RETURN TO NORMALITY?

The paper examines the evolution of the political party system of Italy by means of an institutional approach. The authors dwell on the period 2013-2023, when the Italian Republic faced a crisis of the party-political system. This crisis manifested itself in the form of frequent changes of governments and a decrease in the effectiveness of the political system. The article is aimed at analyzing the institutional factors that led to this crisis. The authors conclude that the political party system of Italy returned to the principles of the Second Republic. The authors suggest that new political factors may lead to a radical transformation of the institutional system of Italy.

Key words: *Italy, the Second Republic, political party system, parliament, «the Five Star Movement», «Brothers of Italy».*

Н.С. ГОЛОВИНА

*магистрант Южного федерального университета,
Россия, г. Ростов-на-Дону*

В.О. ШИРОКОВ

*магистрант Южного федерального университета,
Россия, г. Ростов-на-Дону*

С.В. КОТОВ

*магистрант Южного федерального университета,
Россия, г. Ростов-на-Дону*

РЕЦЕПЦИЯ ЛИБЕРТАРИАНСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Политологическое сообщество давно занято поисками подходящей российскому обществу идеологии. В данной статье будет рассмотрена возможность внедрения идей либертарианской идеологии в рамки общественно-политического пространства России. Целью данного исследования является анализ либертарианской идеологии и рассмотрение возможности ее внедрение в идеологическое поле России. Поскольку идеологии не имеют четкой структуры, был применен морфологический подход М. Фридена для выявления основных элементов идеологии и их структуризации. Анализ опросов общественного мнения позволил изучить ценностную ориентацию общественных масс и сделать выводы о возможности рецепции идей либертарианства в идеологическое пространство российского общества.

Ключевые слова: *либертарианство, индивидуализм, право, минимальное государство, справедливость, собственность.*

На протяжении последних нескольких десятилетий Российская Федерация пережила несколько весьма значительных политических пертурбаций, оказавших трансформирующее воздействие на самые фундаментальные основания ее политического бытия. Но одним из немногих вопросов, который – начиная с середины 90-х гг. XX в. и по сей день – остается нерешенным, является вопрос идеологического структурирования политического пространства современной России. Данная проблема неоднократно обсуждалась в публицистической и научной литературе [6], и даже

становилась предметом пристального внимания в высших эшелонах власти [4]. Однако до сегодняшнего дня все попытки сформулировать идеологический базис развития современной России либо были изначально не очень удачными в силу бессистемной фрагментарности предлагаемых базовых идеологических установок [7. С. 1558-1568], либо полностью себя дискредитировали по причине не очень удачной практической реализации [5]. На этом основании можно заключить, что на сегодняшний день ни один идеологический проект не удалось интегрировать глубоко в политическую структуру российского общества. Не менее, политическая идеология выполняет целый ряд общественно значимых функций, поэтому полностью ее отбросить, пытаясь реализовать либеральное требование 90-х гг. XX в. о «деидеологизации» общества навряд ли оправдано [13. С. 98-129]. Ведь идеология выполняет такие задачи, как мобилизация и консолидация граждан, ориентация их в политическом пространстве и, самое главное, идеология является отражением системы ценностей данного общества. Вполне возможно, что если и не одна-единственная идеология, то некий идеологический гибрид, сочетающий в себе ценности наиболее популярных идеологий может быть положен в основу дальнейшего развития российского общества.

В данном исследовании мы попытаемся проанализировать актуальность либертарианской идеологии в реалиях российской политики и проблемы ее популярности в российском обществе. Мы рассмотрим структуру данной идеологии, а также посредством анализа вторичных социологических данных о ценностной структуре российского общества попытаемся выявить возможность ее рецепции в современную российскую политику.

Следует сразу отметить, что либертарианство было достаточно популярно среди молодого поколения россиян, эта идеология имеет свое представительство в виде Либертарианской партии [9], с ее самым известным руководителем Михаилом Световым, который популяризирует идеи идеологии посредством масс-медиа, распространяя их в массовое сознание [14]. Сейчас интерес к либертарианским идеям среди россиян несколько уменьшился, о деятельности партии мало что слышно, но ее представители в России до сих пор выполняют одну из важных задач – борются за свободу человека.

Поскольку характерными свойствами идеологии является концептуальная подвижность и изменчивость ее ключевых элементов [10. С. 155], методологическим решением данной проблемы является морфологический подход британского политолога М. Фридена [15. С. 115-117]. Основная цель данного подхода – исследовать идеологию на микроуровне. Понятие «концепт» является центральным у М. Фридена, различие идеологий определяются значимостью какого-либо концепта и его положением в идеологической структуре. М. Фриден предлагает представить идеологию как матрицу, которая имеет центр – ядерный концепт, вокруг него располагаются

смежные концепты, и уже вокруг смежных занимают свои позиции периферийные [16].

Рассмотрим основную суть концепта и значимость их расположения внутри идеологии. Концепт – это итоговый вариант идеологического понятия в рамках конкретной идеологии. Разбирая ту структуру, которую нам предложил автор подхода, мы выделяем, что ядерные концепты являются ключевыми и определяют ценностный костяк идеологии, смежные являются вспомогательными, с помощью них уточняются ядерные, в близких идеологиях одной семьи может быть одинаковый ядерный концепт, но смежные концепты разнятся, что в итоге и выступает отличительной особенностью одной идеологии от другой. Периферийные концепты имеют диалектически отношение к ядерным кластерам. Они проникают внутрь идеологии в формате реакции на социально-политическую реальность, и они как могут остаться в рамках идеологии и перейти в зону смежных концептов, так и выпасть из поля идеологии. Данные перемещения концептов в рамках системы одной идеологии представляют особую значимость для подхода М. Фридена.

При анализе либертарианской идеологии с помощью подхода М. Фридена мы определяем, что центральным концептом является концепт свободы [1]. Подробно изучая работы основоположников либертарианской мысли, можно отметить, что авторы рассматривают это понятие в контексте негативной свободы, и основная идея, что свобода – это отсутствие принуждения и возможность делать то, что считаешь нужным, не нарушая права другого человека.

Вообще, в данной идеологии концепт прав человека является смежным и тесно сопрягается с концептом свободы. Особое отношение к правам человека на частную жизнь, на собственность, на интеллектуальные права в свое время и выделили либертарианство в отдельную идеологию из общей либеральной ветки.

Для либертарианцев самое важное право человека – это его право на жизнь, человек волен распоряжаться своей жизнью, как ему заблагорассудится, и никто не вправе осуществлять на индивида никакого давления и вмешиваться в частную жизнь индивида. То же самое касается частной собственности, в собственность включаются продукты реализации труда человека, своей собственностью человек должен и может сам распоряжаться. Одна из самых несправедливых вещей в отношениях индивида и государства – это налоги, которые люди вынуждены платить и не имеют возможности этого не делать, ведь это прямое нарушение права человека на его собственность, что ведет нас к следующему концепту.

В ряд смежных концептов мы так же включаем очень значимый концепт для представителей либертарианской философии – это концепт минимального государства. В философии Р. Нозика подробно раскрывается данный

концепт [11]. Нозик, как и многие либертарианцы, отводит государству определенную нишу и выступает против налогообложения и функции насилия в руках правительств. По его мнению, государство должно выступать защитником своих граждан и выступать посредником при сделках. М. Ротбард пошел дальше, и в своих трудах вообще отказывает государству, как политической системе, в праве на существование, аргументируя это тем, что оно является неэффективным, и что коммуникация между людьми в условиях экзистенции без участия этого института будет более плодотворной, ведь в интересах людей заниматься своей частной жизнью, вести торговлю, а не развязывать войны, на что в свою очередь способно государство [12].

Особенно теоретики против вмешательства в экономическую систему, и тут включается концепт свободного рынка, который предполагает отсутствие влияния государства на эту систему. Они считают, что вмешательство в свободный рынок приводит к более худшему удовлетворению потребностей, нарушению основ справедливости, так как вмешательство государства снижает возможность конкуренции при равных возможностях.

К периферийным концептам мы можем отнести: экологизм и естественную гармонию интересов.

Разобрав структуру идеологии, мы можем приступить к рассмотрению возможности ее рецепции в российское общество. Посредством анализа социологических опросов, мы выявим возможность существования основных концептов либертарианской идеологии в социально-политическом пространстве.

Рассматривая концепт свободы, мы обратимся к опросу Левада-Центра «ПРАВА И СВОБОДЫ» от 04.06.2022 (с 2016 года имеет статус иноагента).

«В качестве наиболее значимых прав россияне называют право на жизнь, свободу и личную неприкосновенность – 60%, медицинскую помощь – 59%, работу, хорошие условия труда и справедливую оплату труда – 53% и социальную защиту, достойный жизненный уровень – 51%» [8].

Российские граждане на первое место выводят значимость прав на «жизнь, свободу, личную неприкосновенность» и эта тенденция не меняется с 2017 года, данные настроения общества с их стремлением к свободе и неприкосновенностью прекрасно ложатся на ценностную структуру либертарианской идеологии, и могли бы сыграть большую роль в принятии этой идеологии среди российских граждан в больших масштабах.

Рассматривая один из важнейших концептов либертарианства, минимальное государство, мы обратимся к исследованию ВЦИОМ «Государство и общество: цели, приоритеты, императивы» от 12.02.2021.

«Главная обязанность государства – всегда заботиться обо всех и оказывать социальную поддержку, согласились 96% опрошенных. Политика государства в первую очередь должна быть направлена на сохранение и укрепление традиций и традиционных ценностей (83%), «благополучие

человека в большей мере зависит от него самого, чем от устройства общества и государственной политики» (64%)».

«Роль государства в жизни общества должна вырасти, полагают 65% опрошенных, и только 26% высказываются за минимизацию госвмешательства» [2].

Этот опрос показывает нам, что все-таки основной массе людей комфортно при существовании достаточно сильного государства, которое будет давать им социальные гарантии и заботиться о них, данные взгляды разнятся с идеями либертарианства. Тут же мы в опросе видим процент людей, которые хотели бы минимизировать вмешательство государства, а это означает, что эта часть опрошенных может вдохновиться философией либертарианства и внедрить идеи данной идеологии в российское политическое поле.

Следующим пунктом мы рассмотрим отношения россиян к налоговой политике государства. Поскольку негативное отношение к налогам является одной из особенностей либертарианской идеологии, и наличие схожих взглядов у россиян могло бы сыграть значимую роль в распространении и принятии либертарианских взглядов.

Для этого мы обратимся к опросу ВЦИОМ от 03.06.2021 «Социальное государство и налоги: в поисках баланса».

«Почти половина наших соотечественников (45%) предпочли бы платить больше налогов, но быть уверенными в широкой доступности и высоком качестве государственных услуг».

«Более половины соотечественников (54%) согласны платить высокие налоги, если это позволит обеспечивать поддержку и бедным слоям населения. С другой стороны, почти треть опрошенных (28%) считают, что налоги должны быть как можно меньше, чтобы каждый человек мог наилучшим образом распоряжаться своими деньгами».

«По мнению подавляющего большинства наших сограждан (81%), налоги необходимо платить в обязательном порядке и в полном объеме» [3].

Из данного исследования можно сделать вывод, что основную массу населения устраивает политика сбора средств с граждан (налогов) и последующее распределение их. Но также мы можем заметить и процент людей, который считает, что люди сами лучше знают, как им распоряжаться своими средствами, что мы тоже можем отметить в либертарианских идеях.

Данные исследования демонстрируют нам, что основная масса людей хоть и поддерживает права и свободы, но при этом готовы отдать еще больше власти в руки государства, что сложно сопоставимо с идеями либертарианства. Но при этом есть часть людей, в среднем по опросам это 20%, которые могут разделять основные положения либертарианской идеологии, и стать электоральной базой при возможных выборах, и данный процент мог бы гарантировать прохождение партии.

Подводя итог, хочется отметить, что идеологическое разнообразие в современном мире в рамках одной политической системы должно занимать особое место в проводимой политике, у людей всегда должен быть выбор, поскольку каждый индивид живет в своей сформированной системе ценностей и видит свое будущее определенным образом, и у этого индивида должна быть возможность реализации этих стремлений, а идеологическая наполненность политической системы дает такую возможность.

В целом рецепция либертарианства на российское общество возможна, это и подтверждает наличие Либертарианской партии, но в контексте одной из основных идеологий ее существование вызывает сомнения, особенно при современных условиях, когда вектор политики, проводимой государством, направлен на внедрение в общество концептов других идеологических сил, и, следовательно, идеи либертарианства будут продвигаться исключительно частными силами, при этом испытывая явные трудности при их осуществлении.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Бергланд Д. Либертарианство за один урок // Сайт Института свободы «Московский либертариум» // https://libertarium.ru/one_lesson.html.
2. ВЦИОМ «Государство и общество: цели, приоритеты, императивы» от 12.02.2021 // <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/gosudarstvo-i-obshchestvo-celi-prioritety-imperativy>.
3. ВЦИОМ от 03.06.2021 «Социальное государство и налоги: в поисках баланса» // <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnoe-gosudarstvo-i-nalogi-v-poiskakh-balansa>.
4. Гурова Т. Нуждается ли современная Россия в идеологии // Российская газета. 2020. № 42 (8096).
5. Кагарлицкий Б.Ю. Марксизм: не рекомендовано для обучения. М.: Алгоритм, 2006.
6. Когнитивно-идеологические матрицы восприятия студентами Юга России современных социально-политических кризисов / М.С. Константинов, С.П. Поцелуев, Т.А. Подшибякина, П.Н. Лукичев, Л.Б. Внукова. Ростов-на-Дону, Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2021.
7. Константинов М.С. Проблема идеологической деконтекстации патриотизма: по материалам социологического исследования // Политика и общество. 2016. № 11 (143).
8. Левада-Центр «ПРАВА И СВОБОДЫ» от 04.06.2022 // <https://www.levada.ru/2021/06/04/prava-i-svobody/>.
9. Либертарианская партия // <https://libertarian-party.ru/>.

10. Методология исследования политических идеологий / М.С. Константинов, С.П. Поцелуев, Т.А. Подшибякина, И.Д. Коротец; под ред. М.С. Константинова. Ростов-на-Дону, Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2022.

11. *Нозик Р.* Анархия, государство и утопия. М.: ИРИСЭН, 2008.

12. *Ротбард М.* К новой свободе: Либертарианский манифест. М.: Новое издательство, 2009.

13. *Рубцов А.В.* Иллюзии деидеологизации // *Философия и идеология: от Маркса до постмодерна* / Отв. ред. А.А. Гусейнов, А.В. Рубцов, сост. А.В. Рубцов. М.: Прогресс-Традиция, 2018.

14. Светов Михаил канал на видеохостинге // Youtube // <https://www.youtube.com/c/SVTVofficial?app=desktop>.

15. *Freeden M.* Political Concepts and Ideological Morphology // *The Journal of Political Philosophy*. 1994. Vol. 2. No. 2.

16. *Freeden M.* The Morphological Analysis of Ideology // *Oxford Handbook of Political Ideologies* / *Freeden M., Stears M.* (eds.). Oxford: Oxford University Press, 2013.

N.S. GOLOVINA

*Masters's student, Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia*

V.O. SHIROKOV

*Masters's student, Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia*

S.V. KOTOV

*Masters's student, Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia*

RECEPTION OF LIBERTARIANISM IN MODERN RUSSIA

The political science community has been busy for a long time searching for an ideology suitable for Russian society. This article will consider the possibility of introducing the ideas of libertarian ideology into the framework of the socio-political space of Russia. The purpose of this study is to analyze the libertarian ideology and consider the possibility of its introduction into the ideological field of Russia. Since ideologies do not have a clear structure, the morphological approach of M. Frieden was applied to identify the main elements of ideology and their structuring. The analysis of public opinion polls made it possible to study the value orientation of the public masses and draw conclusions about the possibility of the libertarianism ideas reception into the ideological space of Russian society.

Key words: *libertarianism, individualism, law, minimal state, justice, property.*

ЮАНЬ ЮАНЬ

*магистр Московского государственного
университета имени М.В. Ломоносова,
Китай*

ИССЛЕДОВАНИЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ РОССИИ И КИТАЯ В КОНТЕКСТЕ ПРОЕКТА «ОДИН ПОЯС – ОДИН ПУТЬ» В НОВЫХ УСЛОВИЯХ СОТРУДНИЧЕСТВА

В статье проводится анализ содержания сотрудничества двух великих держав – Китая и России в рамках реализации национального проекта «Один пояс – один путь». Данное взаимодействие рассматривается в контексте новых политических и социально-экономических условий, которые внесли коррективы в развитие России и Китая.

В работе автор исследует новые направления сотрудничества данных государств, а также те перспективы совместной деятельности, которые будут максимально содействовать не только функционированию обеих стран, но и укреплению дружеских взаимоотношений.

Статья отражает инновационное видение обеими сторонами включения национального проекта «Один пояс – один путь» в совершенствование различных сфер жизнедеятельности и определяет ведущие векторы сотрудничества.

Ключевые слова: *национальный проект, международное сотрудничество, ОПОП, санкции, экономическое развитие, внешнеполитические отношения, развитие инфраструктуры, сферы взаимодействия.*

Введение. Развитие международного сотрудничества Китая и России является одним из ключевых векторов внешней политики обеих стран, учитывая нынешние негативные политические и социально-экономические условия (военные конфликты, санкции в отношении России). С одной стороны, это тормозит развитие торгово-экономических отношений России с Европой и иными странами-партнерами, с другой – становится фактором становления качественно новых отношений с Китаем, учитывая взаимную заинтересованность.

Президент Российской Федерации В.В. Путин в Послании Федеральному Собранию Российской Федерации в феврале 2019 г. отметил, что именно

российско-китайские отношения играют важнейшую роль в создании международной безопасности обеих стран и имеют существенное значение в развитии национального проекта «Один пояс – один путь» и мировой экономики в целом [5].

Именно поэтому в контексте нашего исследования необходимо проанализировать содержание сотрудничества двух великих держав – Китая и России в рамках реализации национальной инициативы «Один пояс – один путь» в контексте новых условий международного развития.

Объектом мы определили реализацию данного проекта в контексте сотрудничества России и Китая, а предметом – новые направления сотрудничества данных стран.

Для достижения указанной цели нами были поставлены следующие задачи:

1. Выявление общих направлений сотрудничества Китая и России.
2. Изучение содержания реализации указанного национального проекта в контексте взаимодействия с Россией.
3. Конкретизация специфики взаимодействия КНР и РФ в современных условиях расширения ОПОП.

В работе нам необходимо рассмотреть не только общий контекст сотрудничества Китая и России в сфере промышленности, экономики, торговли, социальной и политической сферах, но также важно учитывать новые условия политического и экономического развития в мировом сообществе. Стратегическое партнерство на современном этапе развития представляет собой построение стабильных, долгосрочных отношений между странами, которое соответствует реализации национальных интересов обеих стран.

При этом, следует подчеркнуть, что в работах российских и китайских авторов, опубликованных в последние годы, освещается широкий спектр вопросов близких к данной предметной области [2; 3; 4; 8; 11; 13; 14; 15; 17; 20].

Однако проблему сотрудничества Китая и России в рамках реализации национального проекта «Один пояс – один путь» в контексте новых политических и социально-экономических условий, нельзя назвать однозначно исчерпанной. В силу многих объективных обстоятельств изучение обозначенной темы продолжает сохранять высокий уровень актуальности.

Исторически сложившиеся направления сотрудничества Китая и России. Сотрудничество Китая и России, по мнению В.Ф. Ершова, «является фактором формирования новой мировой архитектуры XXI века» [5. С. 805], а также благоприятной средой для организации пространства реализации различных проектов и программ, нацеленных на интеграцию культуры, экономики, образования обеих стран. Это способствует обогащению взаимоотношений, построению качественно новых связей между государствами.

С начала 90х гг. прошлого века отношения Китая и России приобретают более прочный характер. В данный период сотрудничество переходит от «простой нормализации» [5. С. 808] к добрососедским отношениям, учету взаимных интересов, разработке и реализации концепции стратегического партнерства. Многосторонний диалог данных стран отражает интересы и принципы внешней политики КНР, основной целью которой является укрепление экономических отношений с соседними государствами и масштабирование реализации данного проекта как взаимовыгодного для обеих стран.

Российская Федерация также подчеркивает, что стабилизация и расширение экономических отношений с Китаем отмечены в качестве одного из приоритетов государственной политики Российской Федерации.

Данное сотрудничество, как отмечает В.Ф. Ершов, строится на взаимном интересе реализации национальных программ и проектов. По мнению В.С. Мясникова, «потребности экономического развития России и Китая требуют межцивилизационного взаимопонимания и взаимодействия» [5. С. 810]. При этом здесь очень важно сочетание двух типов политики, которые могут быть взаимным дополнением друг друга. Политическая концепция Китая, основанная на принципах «мирного возвышения», «мягкой силы» и «гармоничного мира» представляет собой интеллектуальный концепт, воздействие, основанное на знаниях, включении инновационных технологий в науку, производство, экономику и политику.

Политика России основана на принципе принятия инноваций, а также создания материально-технической, административной основы для реализации экономических решений. Подобный союз позволит реализовывать те проекты, которые интересны и выгодны обеим сторонам. Проект «Один пояс – один путь» можно назвать приоритетным по масштабам и значимости для Китайской народной республики.

На развитие китайско-российских отношений повлиял ряд событий последнего времени, таких как пандемия COVID-19, военные действия 2022-2023 гг., экономические санкции, частично вводимые различными странами начиная практически с 2014 года. Исходя из этого, у России меняется круг стратегических партнеров, а также расширение направлений взаимодействия со странами, которые уже являются соседями и партнерами.

Содержание реализации национального проекта «Один пояс – один путь» в контексте взаимодействия с Россией. Специфика китайско-российского сотрудничества на современном этапе развития общества определена тем, что Россия и Китай являются соседями, имеют множество точек соприкосновения в контексте общего развития. Еще в 2013 году Си Цзиньпин определил, что реализовать концепцию долгосрочного сотрудничества необходимо именно в контексте масштабирования инициативы «Пояс и путь», интенсивного развития данного проекта. Конкретно это направление явилось концептуальной основой для сотрудничества, которое

способствует общему развитию обеих стран. Китайские и российский эксперты отмечают, что если ранее китайская политика на данном направлении ограничивалась лишь взаимной экономической выгодой, то на настоящий момент пространство сотрудничества трансформировалось: китайская сторона создает порой не очень выгодные для себя торгово-экономические цепочки, в целях привлечения новых участников к своей инициативе и масштабирования проекта [1].

Данное взаимодействие включает не только торгово-экономические соглашения и совершенствование транспортной инфраструктуры, но также развитие сотрудничества в сфере подготовки кадров, науки, культуры и искусства. «Один пояс – один путь» это инициатива, которая предполагает всестороннее развитие различных сфер государства и поэтому невозможно обойтись каким-либо одним вектором развития.

Еще в 2017 году экспертами Валдайского клуба было отмечено, что Москва и Пекин могут оказаться «союзниками поневоле» [1. С. 35] что обусловлено агрессивной и навязчивой политикой США по отношению обеим странам. Объединение усилий, направленных на сотрудничество и развитие обеих стран, привело к укреплению добрососедских отношений и развитию качественно нового взаимодействия.

По мнению С.В. Базавлук, Д.А. Егорченкова, К.П. Курылев, М.В. Юракова, дифференциация в политическом устройстве, структуре государственной власти России и Китая носят чисто формальный характер, а сходство в функционировании различных сфер жизнедеятельности – вплоть до специфики внутривластного дискурса достаточно велико и объемно.

На настоящий момент Китай заинтересован в сотрудничестве с Россией, при этом интегративной основой является решение общих проблем, а также та цель, которую необходимо достигнуть в процессе сотрудничества. В контексте взаимодействия Россия и Китай расширяют взаимодействие в следующих направлениях:

- строительство и расширение сети транспортно-логистических центров и магистралей, обеспечивающих сообщение между странами;
- создание международных университетов, которые включают привлечение преподавателей обеих стран, стажировки в России и в Китае;
- торгово-экономическое сотрудничество в сфере экспортно- импортных отношений, увеличение производства востребованных товаров и услуг, создание качественно нового рынка сбыта продукции;

Развитие сотрудничества указанных государств в контексте реализации приоритетных национальных проектов получило масштабирование на примере проекта «Один пояс – один путь». Китайская сторона заинтересована в развитии транспортных коридоров через территорию Евразии и Россия способствует этому в должной мере путем создания скоростных магистралей, дорог, а также организации логистических перевозок грузов. К примеру,

еще в начале 2016 г. с открытием новой логистической инфраструктуры между Харбином и Екатеринбургом, длительность грузового рейса уменьшилась почти в четыре раза и составляет теперь примерно 10 дней. Также проектируется проведение нефте- и газопроводов, которые, проходя через Россию, делают значительную экономию китайской стороне.

Подобных направлений развития становится все больше и больше и в пространстве общей внешнеполитической идентичности важен обмен социокультурным опытом, создавая модели взаимодействия и развития проектов, подобных ОПОП.

Специфика сотрудничества Китая и России в современных условиях расширения ОПОП. Форум руководителей стран, которые, входят в китайский проект «Один пояс, один путь», состоявшийся в Пекине 14-15 мая 2017 г., а также двусторонняя встреча глав государств в контексте реализации данного проекта стал, безусловно, событием геополитического масштаба и определения перспектив взаимного сотрудничества [6].

Международное сотрудничество с Россией в контексте реализации проекта «Один пояс – один путь» трансформировалось в направление сопряжения Экономического пояса Шелкового пути и ЕАЭС (после заключения договоров о сотрудничестве между странами) [9].

В качестве основных интересов, которые представляет Китай в инициативе ОПОП, взаимодействуя с Россией в современных условиях, необходимо выделить следующие:

- создание транспортных коридоров, которые перспективны для доставок грузов в Европу через Россию;
- вывод новых товаров, продуктов и услуг на рынки Европы и России;
- создание железнодорожных магистралей и вывод строительных корпораций на международный рынок за пределы Китая;

При этом российские интересы в контексте реализации проекта «Один пояс – один путь» обусловлены следующими факторами:

- важность транспортных коридоров в Китай и на Восток для доставки грузов в Азию и на Восток;
- снижение затрат на создание транспортной инфраструктуры в азиатском регионе;
- возможность интенсификации экономического развития Сибири и Дальнего Востока в процессе международного сотрудничества с китайскими территориями.

Содержание сотрудничества государств в рамках проекта ОПОП обусловлено созданием новых экономических и политических условий, которые возникли в период введения санкций против России.

Россия, как основной субъект евразийского пространства, является фактором, способствующим реализации китайских интересов в Европе. Территория РФ, которая располагается между Уралом, западными и

центрально-азиатскими границами РФ, можно назвать основной зоной транзитных грузоперевозок, инвестиций и промышленной кооперации с Китаем и поэтому наиболее интересно и перспективно для сотрудничества.

На настоящий момент специфика реализации проекта «Один пояс – один путь» в контексте российско-китайского сотрудничества связана с тем, что экономические, политические и социальные взаимосвязи между странами через призму строительства евразийского политического и торгово-экономического пространства без участия США и их союзников. В современном политическом и экономическом пространстве, когда Запад и Америка применяют к России все новые и новые санкции, сотрудничество Экономического пояса шелкового пути и ЕАЭС, пополнение ШОС новыми членами, является мощным фактором противодействия западному влиянию [6. С. 31].

В контексте современных политических и экономических противоречий КНР четко определяет направления сотрудничества с Россией в контексте реализации приоритетного национального проекта, которые также нацелены на экономически выгодное сотрудничество даже в сложившихся условиях. Нейтральная политика Китая позволяет государству сохранять и развивать экономическое сотрудничество как с российским государством, так и с европейскими странами.

По мнению российских и китайских экспертов [21], одним из важнейших векторов развития российско-китайских отношений в рамках проекта ОПОП является экономическое сотрудничество. В условиях падения экспорта российского сырья Китай становится одним из главных рынков для поставки нефти, угля, металла из РФ. Подобное взаимодействие является обоюдно выгодным, т.к. одна сторона предоставляет ресурсы, а другая – востребованную продукцию и товары.

Заключение. Подводя итоги нашему исследованию, необходимо обратить внимание на специфику трансформации взаимоотношений Китая и России в контексте реализации проекта ОПОП и введения режима экономических санкций против РФ. Данные взаимоотношения носят прочный конструктивный характер, нацеленный на развитие этого проекта, т.к. он выгоден не только китайской, но и российской стороне. Строительство новых дорог, проведение нефтяных и газовых магистралей Китаем из России и стран Центральной Азии, реализация образовательных проектов и подготовка кадров являются важнейшими элементами реализации данного национального проекта и, безусловно, нуждаются в дальнейшем развитии.

Исследовательские задачи, которые были поставлены нами ранее в работе, также были решены:

1. В контексте выявления общих направлений сотрудничества Китая и России мы констатировали становление прочных добрососедских взаимоотношений, нахождение общих интересов, векторов совместного развития.

2. При изучении содержания реализации национального проекта «Один пояс – один путь» в контексте взаимодействия с Россией также были выделены торгово-экономический, транспортно-логистический, промышленный аспекты взаимодействия.

3. Конкретизация специфики сотрудничества Китая и России в современных условиях расширения ОПОП заключается в том, что Китай, сохраняя нейтральную позицию по отношению к современным вооруженным конфликтам, развивает сотрудничество в евразийском пространстве, где основным субъектом является Россия.

Российскими и китайскими экспертами отмечается все большее укрепление отношений между странами, развитие новых направлений, расширение масштабов реализации проекта «Один пояс – один путь», несмотря на введение санкций против России, США и странами Запада.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Базавлук С.В., Егорченков Д.А., Курьлев К.П., Юраков М.В. «Большая Евразия» – «Пояс и путь». Сопряжение позитивных мифологий общеэвразийского пространства // Свободная мысль. 2019. № 5 (1677).

2. Ван Цзюньтао. Перспективы углубления экономического и торгового сотрудничества между Китаем и Евразийским Экономическим Союзом в контексте инициативы «Пояс и путь» // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2022. Т. 11. № 1 (41).

3. Воробьев А.В. Сопряжение ЕАЭС и китайской Инициативы пояса и пути: сущность, успехи, проблемы, перспективы // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2023. Т. 12. № 1 (47).

4. Зарбуева А.И., Зарубина И.А., Шитикова Ю.А. Игра силы – как стратегия «Один пояс, один путь» меняет курс XXI века // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2023. Т. 13. № 3 (96).

5. Ершов В.Ф. Россия и Китай в XXI веке: стратегическое партнерство в условиях цивилизационной глобализации // Вестник РУДН. История России. 2019. № 4.

6. Лузянин С.Г. «Один пояс, один путь»: Российская проекция и проблемы сопряжения // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2017. № 22.

7. Митько В.Б., Минина М.В. Российско-китайское сотрудничество в Арктике и безопасность морской деятельности // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2019. № 2 (28).

8. Рахимов К.Х., Цю Шуаншуан. Российско-китайское стратегическое партнерство в многополярном мире: военно-политические и экономические аспекты // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2023. Т. 13. № 2 (95).

9. Ренард-Коктыш А.В., Щерба А.Д., Щерба К.Д. Проект «один пояс – один путь» и евразийская идентичность // Русская политология. 2019. № 2 (11).

10. Рензин О.М. Региональное сотрудничество в контексте нового этапа отношений России и Китая // Власть и управление на Востоке России. 2019. № 1 (86).

11. Самусева О.А. Инновационное сотрудничество России и Китая // Вопросы политологии. 2023. Т. 13. № 3 (91).

12. Случевский В.В., Торопыгин А.В. Российско-китайские отношения в контексте взаимовлияния интеграционных процессов // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2022. № 1 (39).

13. Су Шуай. Публичная дипломатия как инструмент политического китайско-российского взаимодействия // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. Т. 12. № 12 (93).

14. Сюй Хун, Сыздыкова Ж.С. Великий Шелковый путь: от караванной трассы до мегапроекта «Пояс и путь» // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2022. Т. 11. № 5 (45).

15. Тянь Мяо. Направления международной проектной деятельности Китая при Си Цзиньпине: краткий экскурс по основным вопросам // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. Т. 12. № 11 (92).

16. Хао Лун. «Один пояс и один путь» в контексте стратегического сотрудничества России и Китая // Мировая политика. 2017. № 3.

17. Чжан Чэньи. Китайская дипломатия в контексте решений 20 съезда КПК // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2023. Т. 13. № 1 (94).

18. Чи Чжан, Юдина Т.Н. Производственное сотрудничество между Китаем и Россией: возможности и приоритеты (в контексте стратегического партнерства РФ и КНР, решений XIX съезда КПК) // Теоретическая экономика. 2018. № 2 (44).

19. Шупин Ян. Сопряжение евразийского экономического союза и проекта «один пояс и один путь»: анализ моделей взаимодействия // Век глобализации. 2022. № 4 (44).

20. Ян Линьлин. Международный экономический форум как инструмент формирования имиджа страны (на примере Азиатского экономического форума в Боао, КНР) // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2023. Т. 12. № 2 (48).

21. <https://dzen.ru/a/Y7vt01AsKBkGfhhL>.

THE STUDY OF RELATIONS BETWEEN RUSSIA AND CHINA IN THE CONTEXT OF THE "ONE BELT, ONE ROAD" PROJECT IN THE NEW CONDITIONS OF COOPERATION

The article analyzes the content of cooperation between the two great powers of China and Russia in the economic sphere of the implementation of the national project "One Belt One Road. This cooperation is considered in the context of new political and socio-economic conditions that have adjusted the development of Russia and China.

In the work, the author explores new areas of cooperation between these states, as well as those prospects for joint activities that will maximize not only the functioning of both countries, but also the strengthening of friendly relations.

The article reflects the new vision of both sides of the inclusion of the state initiative "One Belt, One Road" in the improvement of various spheres of life and defines the leading vectors of cooperation.

Key words: *national project, international cooperation, OPOP, sanctions, economic development, foreign policy relations, infrastructure development, spheres of interaction.*

Д.О. ХОМЯКОВ

магистрант Санкт-Петербургского
государственного университета,
Россия, г. Санкт-Петербург

ОТРАСЛЕВАЯ ИННОВАЦИОННАЯ СИСТЕМА ГРАЖДАНСКОЙ АВИАСТРОИТЕЛЬНОЙ ОТРАСЛИ В ПОЛИТИКЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО СУВЕРЕНИТЕТА РФ В 2022-2023 ГГ.

В статье анализируются два основных документа, регулирующих развитие гражданской авиастроительной отрасли в России в 2022-2023 гг. Автор приходит к выводу, что не смотря на стремление достичь технологического суверенитета в данной отрасли, стратегические документы носят скорее инвестиционный, чем инновационный характер, технологический суверенитет воспринимается, скорее как продолжение политики импортозамещения, создание инноваций реализуется посредством система госзаказа каскадного типа управления без горизонтальных связей, а структуроцентричным элементом является Правительство РФ. При этом площадка согласования единой политики по разработке инновационных решений производственного характера, а также обмена уже созданных новых технологий отсутствует. В качестве решения данной проблемы предлагается модель отраслевой инновационной системы, которая характеризуется формализацией отношений, снижением чрезмерной централизации, допуском большего кол-ва субъектов к разработке стратегических документов развития, вовлечением авиакомпаний в инвестирование инновационных разработок и созданием координационной площадки разработки инноваций.

Ключевые слова: *отраслевая инновационная система, национальная инновационная система, инновации, сетевая структура отношений, санкции, гражданская авиастроительная отрасль, технологический суверенитет.*

INNOVATIVE SYSTEM OF THE CIVIL AIRCRAFT INDUSTRY IN THE POLICY OF ENSURING THE TECHNOLOGICAL SOVEREIGNTY OF THE RUSSIAN FEDERATION IN 2022-2023

The article analyzes two main documents regulating the development of the civil aircraft industry in Russia in 2022-2023. The author comes to the conclusion that despite the desire to achieve technological sovereignty in this industry, strategic documents are more of an investment than an innovative nature, technological sovereignty is perceived rather as a continuation of the import substitution policy, the creation of innovations is implemented through a system of state order of a cascade type of management without horizontal links, and the structure-centric element is the Government of the Russian Federation. At the same time, there is no platform for agreeing on a unified policy for the development of innovative production solutions, as well as for the exchange of already created new technologies. As a solution to this problem, a model of an industry innovation system is proposed, which is characterized by the formalization of relations, a decrease in excessive centralization, the admission of a larger number of subjects to the development of strategic development documents, the involvement of airlines in investing in innovative developments and the creation of a coordination platform for the development of innovations.

Key words: *branch innovation system, national innovation system, innovations, network structure of relations, sanctions, civil aircraft industry, technological sovereignty.*

Introduction. The relevance of research. The global political and economic crisis, which received a new development impetus in February 2022, significantly affected the economic part and the investment attractiveness of the Russian Federation. So, according to the Chairman of the State Duma V.V. Volodin, as early as May 2022 alone, 10,128 sanctions were imposed on the domestic economy by unfriendly states [2]. The purpose of these restrictions, in addition to the obvious political consequences, was also the desire to deprive the Russian economy of the potential for development, which would manifest itself in the inability of the state to provide for its basic needs.

It is widely known that the aircraft industry is one of the leading industries, which not only uses the best technological innovations available at the moment in its production, but is also closely connected with many other industries, which ensures their comprehensive mutual innovative development within the entire state. Thus, the aircraft industry is one of the main generators of the supply of innovative solutions to the national innovation system.

At the moment, the domestic aircraft industry is underdeveloped: the share of domestic products of the entire aviation fleet is only 32,9%, taking into account aircraft produced in the Soviet era [8]. Even before the introduction of the second wave of sanctions, the domestic aircraft industry was experiencing problems: production dates were constantly postponed, and the final product, despite significant state support, was produced in a limited quantity insufficient to meet national air traffic needs.

Now, with the inability to purchase most of the foreign aircraft products and have access to previously used technologies, the domestic aircraft industry has no choice but to independently implement new technological solutions. Thus, the goal of stimulating the effective development of an industry-specific innovation system (hereinafter referred to as SIS) of the aircraft industry, which will be able to solve these problems in order to achieve national technological sovereignty, should come to the fore of the state policy priority.

Speaking about the policy of technological sovereignty, which is a component of all elements of the national innovation system, it is worth saying that the very term "technological sovereignty" was proposed by D.A. Medvedev in May 2022 [5] – only after that did it enter the domestic discourse, although it is not yet fully used by the managerial elite. Many politicians are not yet aware of a different conceptual content of this term, understanding it as a continuation of the import substitution policy, which is reflected in the content of strategic documents [4]. The final understanding of technological sovereignty is expected to be seen in the corresponding development concept for the period up to 2030, which the Government of the Russian Federation should submit in March 2023 [1].

Research problem. From the point of view of political science, it has not yet been studied how the IIS of the aircraft industry is arranged, which element of it is structure-centric, and how knowledge is communicated in the system, which does not allow us to assess the potential for innovative development of the industry in the policy of ensuring technological sovereignty.

The degree of scientific development. The domestic scientific community in the field of studying innovations in the aircraft industry is limited to the following authors: Abdikeev N.M. (priority directions for the development of innovations in the aviation industry under sanctions), Artyushchik V.D. and Tikhonov A.I. (innovative potential of import substitution of engines), Stepanov E.A. and Pletnev D.A. (trajectories of export strategies of aircraft manufacturing enterprises), Khroni K.O. (mechanisms for supporting and developing innovations in

the aviation industry in foreign countries), Evdoteva M.G. (analysis of industry innovation systems in Russia and Brazil in the regional aircraft market). Foreign experience in studying this area is represented by the works of Niosi H. and Zhegu M. (the theory of the life cycle of the aircraft industry), Pereira, B., Lohmann, G., and Houghton, L. (factors for achieving joint innovation by aircraft manufacturing companies).

The object of the study is the state policy of ensuring the technological sovereignty of the aircraft industry of the Russian Federation.

The subject of the study is the sectoral innovation system in the policy of ensuring the technological sovereignty of the civil aircraft industry of the Russian Federation in 2022-2023.

The purpose of the study is to determine the significance of the industry innovation system in the policy of ensuring the technological sovereignty of the aviation industry of the Russian Federation in 2022-2023 and develop proposals for its optimization.

Research hypothesis. The Russian Federation has set the task of ensuring technological sovereignty, including in the civil aircraft industry, where the OIP must effectively create and disseminate new technological solutions. However, in the documents of strategic development in the field of organizing the structure of ensuring technological sovereignty, the systematization of the innovative development of the industry, in our opinion, is poorly represented. The policy of ensuring the technological sovereignty of the industry is mainly focused on the investment development model. A comprehensive strategy for the development of the industry is needed, linking innovative and investment development models. Achieving aircraft production indicators in accordance with the designated national needs for air traffic [8] involves embedding the OIC of the civil aircraft industry in the overall policy of ensuring national technological sovereignty.

Tasks:

– to study the place and role of the innovation vector in the content of the policy of ensuring the technological sovereignty of the industry based on the study of the Comprehensive Program for the Development of the Air Transport Industry of the Russian Federation until 2030 and the state program "Development of the Aviation Industry" in the latest edition;

– to develop a model of the sectoral innovation system of the civil aircraft industry in the Russian Federation in terms of a comprehensive strategy for ensuring the technological sovereignty of this industry.

Research methodology. To achieve the tasks set in this study, the method of interpretive analysis of documents was used, which made it possible to evaluate the content of the studied strategic development programs, as well as the method of system modeling of innovative systems.

Place and role of the innovation vector in the content of the policy of ensuring the technological sovereignty of the industry. Comprehensive

program for the development of the air transport industry: a critical analysis. This document, which is the main vision of the leadership of the Russian Federation for the strategic development of the civil aircraft industry, was adopted by the Government of the Russian Federation on June 25, 2022.

It defines approaches to the development of the air transport industry and indicates that the provisions of this program are taken into account when developing and adjusting other state programs.

The general provisions of the program say that the comprehensive program "is an industry planning document aimed at creating regulatory, investment, infrastructural and technological conditions for the sustainable development of the Russian air transport industry." However, there is no mention of the innovative aspect of development.

The goals of the program are:

- ensuring the air transport connectivity of the regions of the Russian Federation and the mobility of the population;
- maintaining the required level of flight safety;
- ensuring technological sovereignty in the air transport industry of the Russian Federation (in this goal, although the innovative aspect is not mentioned, it is clear that the authors most likely meant it).

In the program, one of the main tasks that may be associated with the innovative aspect is "synchronization of the estimated predicted performance indicators of the air transport industry of the Russian Federation with the indicators of the aviation industry, including in order to form the optimal range, volumes and terms of deliveries of domestically produced aircraft, taking into account implementation of import substitution programs as soon as possible".

The document singles out aviation companies, airports, air navigation services, maintenance and repair organizations as the basic links of the air transport industry – the aviation industry is not mentioned. At the same time, it is said that there is a risk of insufficiently high rates of replacement of foreign aircraft with domestic aircraft.

However, the authors further state that "the strategic task of the air transport industry of the Russian Federation is an accelerated transition to domestic aviation technology.

At the same time, the problems that currently require a special approach to state regulation in the field of aircraft manufacturing include:

- organizing the supply of spare parts for modern foreign-made aviation equipment and Russian aviation equipment produced in cooperation with foreign manufacturers;
- renewal of the fleet in the required volume due to the shortage of domestic certified aviation equipment and the manufacture of domestic aircraft using foreign components;

– the refusal of a number of foreign suppliers to provide the opportunity to use software and digital services, which, among other things, ensure flight safety.”

The target forecast scenario of the program for the development of the air transport industry assumes the possibility of finding channels for replenishing stocks of spare parts and consumables, and it is noted that with the existing excess capacity to cover the need for air transportation, partial disassembly of aircraft of some part of the aircraft fleet is acceptable. At the same time, there is no mention of its own production of components.

Describing the current situation in the aviation industry, the authors report that the production base of enterprises is characterized by a significant degree of physical and obsolescence of existing equipment, a lack of modern scientific, experimental and production equipment, as well as an insufficient level of introduction of modern technologies, including digital ones. It further states that "a negative factor influencing the development of the Russian aviation industry was the sanctions policy of some foreign states, the consequences of which were expressed in restricting the import of critical technologies." Critical technologies in this context, apparently, should be understood precisely in the aspect of innovation. Speaking of aircraft industry enterprises, it is noted that they are forced to revise their production programs in the face of sanctions pressure on the development of the Russian economy in the direction of reducing supplies in the short term, taking into account the need for accelerated import substitution.

Among the digital services for civil aviation that provide digital sovereignty, solutions are indicated that are necessary for the functioning of the aviation, but not the aircraft industry - we are talking about digital services that “affect the direct possibility of carrying out the transportation process and security”: an information interaction system, a digital communication system, cartographic and meteorological information systems and flight planning systems. In fact, these digital systems are the subject of avionics research – the science of developing on-board electronics for an aircraft. Thus, only a part of aircraft component manufacturers speak of the need for innovation.

To solve the problems of developing and implementing the listed domestic software products, the authors of the program propose to use the mechanism of the competence center for import substitution of transport industry software, which will perform the functions of searching for analogues of import-dependent elements and collecting requirements for the functionality of domestic software.

Thus, the indicators of import substitution and the pace of aircraft manufacturing described above indicate the unsatisfactory state of the OIP. However, this term is not mentioned in the document. In addition, technological sovereignty is mentioned only twice (in one of the goals and among the description of the situation with digital services that ensure flight safety and their logistics). The rest of the text refers exclusively to import substitution, which is not associated with innovative development.

Analysis of the State program "Development of the aviation industry".

The document under study was updated four months later after the adoption of the Comprehensive Program for the Development of the Air Transport Industry of the Russian Federation until 2030, but it is similar in many respects.

The first part of the document notes that “the development of the aviation industry has a multiplier effect on the development of the Russian economy, creating prerequisites for improving the efficiency of a number of related industries (machine tool building, metalworking, production of structural materials and chemicals, radio electronics). In addition, the transfer of technologies created in the industry contributes to the development and application of new technological solutions in the automotive industry, shipbuilding, energy, and the rocket and space industry” [7]. Thus, the authors emphasize the ability of the aviation industry to share innovative developments with other industries without mutual exchange of technologies.

It is also noted that civilian products require significant amounts of state support, the need for which is associated with unsatisfactory results in the field of production and supply. Such information is an indirect sign of the low level of innovative development of the civil aircraft industry.

The authors of the document explain that in order to combine competencies in the development and production of aircraft, engines, avionics and aviation units, various aviation industry corporations were merged into the aviation cluster of the Rosstec state corporation to promote the development, production and export of high-tech industrial products. However, it is not indicated what this combination ultimately gives.

It is also said that PJSC "UAC" is the backbone of the Russian aircraft industry, and PJSC "UEC" – the domestic engine building. The authors note that “due to the consistent state support of the sub-sector of the enterprises of aggregate and instrument making, for several years, research and development work was carried out on scientific, methodological and technological support for the development of modern models of units and systems based on integrated complexes of on-board equipment and an integrated modular avionics”. Thus, the authors describe the aircraft industry, which lacks not only production ties, but also the exchange of innovations – each separately is engaged in technological development independently.

The text of the program further notes the low efficiency of existing industries in most areas due to a significant degree of physical and obsolescence of existing equipment and computing power, the insufficient level of introduction of modern materials, production technologies and production management, including digital production technologies, lean production, as well as insufficient number of in highly qualified scientific, engineering and production personnel.

In these conditions of sanctions, the primary task, according to the authors, is to expand the production of equipment of previous generations (emphasis on

obsolete technologies) and at the same time speed up programs for maximum import substitution of materials, assemblies and systems to ensure the production of modern Russian aircraft at subsequent stages (emphasis on the potential need for innovative development).

Among the goals of the program, there are no even indirect signs indicating the need for innovative development and the achievement of technological sovereignty. However, among the priority areas of state policy, one can distinguish: “constant updating of the scientific and technical reserve for key technologies; ensuring independence from foreign states in the field of aviation activities”. And among the characteristics of the target state of the aviation industry by 2030: “development and production of new types of aircraft, aircraft engines and power plants; ensuring a phased import substitution of key components and technologies in order to reduce the risk of disruption of programs for the creation of new aircraft.”

The list of principles for the implementation of the attention program includes an indication of “a differentiated approach to the final integrators and manufacturers of aviation components, innovative territorial clusters while maintaining the pre-emptive right of Russian kits”, which, in fact, fixes the priority of choosing domestic components.

Model of the sectoral innovation system civil aircraft industry of the Russian Federation in the aspect of ensuring the policy of technological sovereignty. After analyzing the described documents, we can conclude that the goal of achieving technological sovereignty is contained only in a more general and earlier document – the Comprehensive Program for the Development of the Air Transport Industry of the Russian Federation until 2030. However, in it, technological sovereignty is understood by the authors rather as a continuation of the import substitution policy, rather than the creation of intellectual property rights, capable of ensuring the absence of one-sided structural dependence on critical technologies of foreign countries.

The country's leadership chooses not an innovative type of development, but rather an investment one, based on the allocation of the budget for the reproduction of the scientific and technological basis of aviation science. As an embodiment of this type of development, a mechanism is described according to which a unified cascade-type state order system is being created to manage research in aircraft engineering without the presence of horizontal links.

When describing the created system, the innovative aspect of the development of the industry is not affected, it does not talk about the scientific and technological interaction between the aircraft engine building industry and the sub-sector of aggregate and instrument manufacturing enterprises. In addition, there is no mention of the role of the association of the leading institutes of aviation applied science represented by the Federal State Budgetary Institution "National Research

Center" Institute named after N.E. Zhukovsky ", which is considered the main research and design center of the domestic aircraft industry [4].

Thus, the structure-centric initiative core of the technological development of the civil aircraft industry is the Government of the Russian Federation. The only specialized link aimed at the development and implementation of innovations, according to the content of the studied documents, is the Competence Center for import substitution of transport industry software. Moreover, its activities are focused specifically on the development of digital innovative solutions, mainly in the field of avionics. At the same time, there is no platform for coordinating a unified policy for the development of innovative production solutions, as well as for the exchange of already created new technologies.

Thus, we can say that the IIS of civil aviation industry has a primitive nature of management and relationships, playing a secondary role in the creation of domestic civil aviation products. Enterprises are forced to manually build communication with other industry entities in order to achieve mutually beneficial goals for the exchange of technological solutions and the creation of new ones.

Taking into account the identified shortcomings and the peculiarity of the current institutional model of the IIS of the civil aircraft industry on a functional basis, it is proposed in the documents of the strategic development of the IIS to formalize the existing system and reduce excessive centralization, in order to institutionalize horizontal links between all subjects of the system as follows: (see Pic. 1).

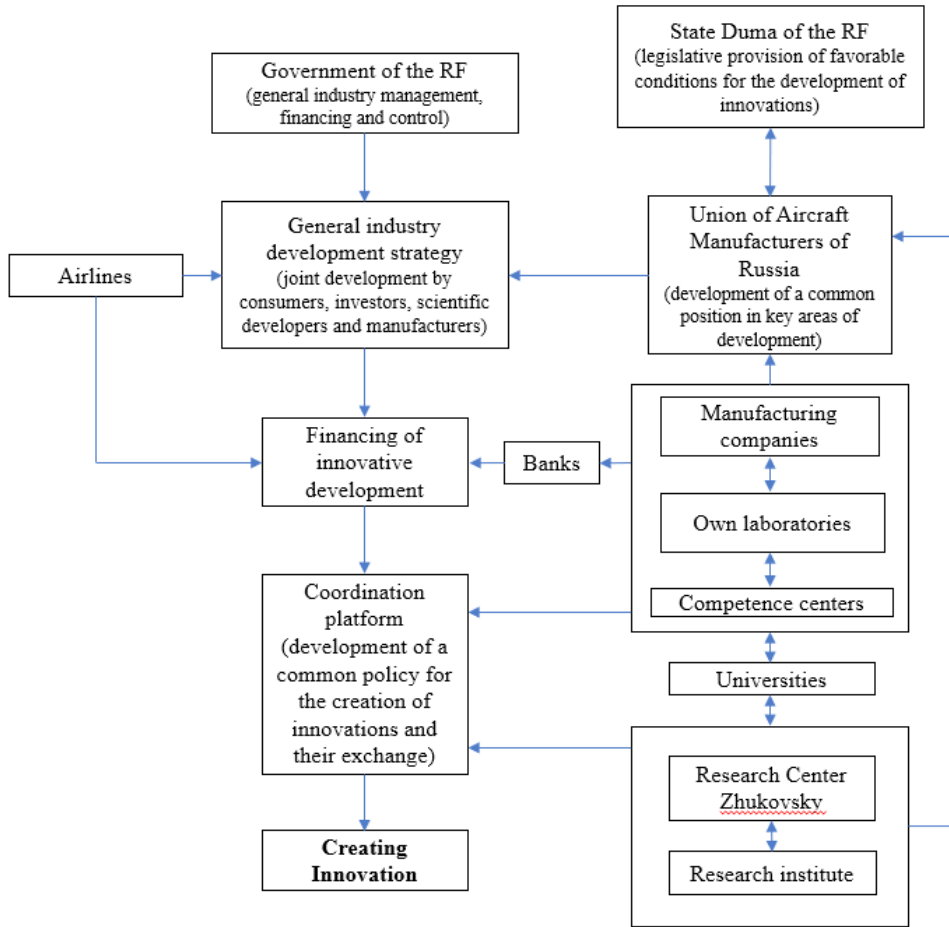

Fig. 1. The proposed model of the IIS of the civil aircraft industry

Source: compiled by the author of the work.

This model assumes that the Government of the Russian Federation will retain the coordinating role, however, the Union of Aircraft Manufacturers of Russia, consisting of manufacturing companies and their design bureaus and laboratories, scientific organizations, as well as an airline, will be allowed to develop documents for the strategic development of the OIC of the civil aircraft industry.

The admission of airlines to the development of strategic development documents, as well as stimulating them to invest in the development of new technological solutions, seems appropriate, because this type of public-private partnership has proven itself in the global aircraft industry [9]. In addition, in view of the impending budget deficit, investment assistance from big business will help to

overcome the difficulties that arise. Thus, airlines will be able to effectively fulfill their need to invest in new technologies for the modernization and renewal of their aircraft fleets, which will be reflected in a high level of involvement in the joint creation of an industry development strategy among these market entities, which will create conditions for more effective development of the strategy as a whole.

In addition, it is proposed to create a coordination platform for the development of a unified policy of innovative development by industries and research centers. Communication within the site, based on the general strategy of the industry development, will enable these entities to form specific steps in their policy to create innovations, allow them to exchange new technologies among themselves and coordinate their joint development, eliminating the problem of duplicating research.

It is necessary to formally consolidate the interactions of scientific organizations and industries with academic universities, which will increase the quality and volume of existing ties. Encouraging manufacturing companies and scientific organizations to form stable ties with universities of the aircraft industry and conclude cooperation programs with them should, as expected, give the potential to update the theoretical base in the academic environment, as well as increase the level of training of professional personnel potentially capable of developing new technological solutions.

In the current situation, when in the medium term there is an acute problem of a shortage of aircraft for civil Russian transportation (mainly due to the failure of foreign products), it is more appropriate to strengthen state control over the development of intellectual property objects – an excessively small involvement of the state in the functioning of horizontal links of the domestic aircraft industry seems an unaffordable luxury, given the current state of affairs. Subsequently, when the system becomes more stable and efficient, it will be rational for the state to abandon excessive formalization and regulation of the industry.

Conclusion. Thus, as a result of the implementation of the research project, we reviewed the strategic documents regulating the development of the aviation industry, in which the shortcomings of the organization of the OIC were identified. The analysis showed that the policy of ensuring the technological sovereignty of the industry is mainly focused on the investment rather than on the innovative model of development. In this regard, a model was proposed that takes into account the maximum number of entities potentially capable of implementing a joint effective policy to stimulate innovation. At the same time, the key principle of organizing IIS should be the cooperation of aircraft manufacturing companies with external entities, which provides more opportunities for innovation, since such agreements increase their access to strategic resources necessary for the development of new products [6].

We see the formalization of the already established relations between industry entities as an important step in the modernization of the system, which will allow the state, which retains its coordinating status in the system, to more effectively assess the effectiveness of these interactions and, if necessary, correct them.

The proposed changes will make it possible to form a more structured system, where each of the elements will solve the common goals of the industry on mutually beneficial cooperation, which will be able to create a scientific and technical reserve for achieving technological sovereignty in the civil aircraft industry.

REFERENCES:

1. Andrej Belousov: *Koncepciyu tekhnologicheskogo razvitiya Rossii do 2030 goda planiruetsya utverdit' v marte tekushchego goda* // <http://government.ru/news/47595/>.

2. *Volodin V.V.* 10 128 sankcij vvedeno protiv nashej strany. Bol'she, chem protiv kakogo-libo drugogo gosudarstva za vsyu istoriyu ih sushchestvovaniya // https://t.me/vv_volodin/427.

3. *Ignat'eva O.A., Homjakov D.O.* Diskurs-analiz: sootnoshenie tekhnokraticheskoj, ekonomicheskoy i civilizacionnoj strategij obosnovaniya politiki tekhnologicheskogo suvereniteta v Rossii // *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS. 2023. № 2.*

4. *Klochkov V.* Suverenitet snachala v mozgah, a potom v tekhnologiyah // <https://stimul.online/articles/interview/suverenitet-snachala-v-mozgakh-a-potom-v-tekhnologiyakh/>.

5. Medvedev hochet zamenit' unizitel'nyj termin «importozameshchenie» na «tekhnologicheskij suverenitet» // <https://www.kommersant.ru/doc/5369333>.

6. *Perejra B., Lomann G., Houton L.* Rol' sotrudnichestva v innovacijah i sozdanii cennosti v aviacionnoj otrasli // *ZHurnal sozdaniya cennosti. 2021. 7 (1), 44–59. DOI: 10.1177/23949643211010588.*

7. *Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 15.04.2014 g. N 303 "Ob utverzhdenii gosudarstvennoj programmy Rossijskoj Federacii "Razvitie aviacionnoj promyshlennosti" red. ot 22.11.2022 g.* // https://base.garant.ru/70644068/#block_10000.

8. *Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 25 iyunya 2022 g. N 1693-r "Ob utverzhdenii kompleksnoj programmy razvitiya aviatransportnoj otrasli RF do 2030 g."* // <https://base.garant.ru/404898711/>.

9. *Hroni K.O.* Analiz mekhanizmov podderzhki i razvitiya aviacionnoj promyshlennosti v zarubezhnyh stranah // *Innovacii i investicii. 2022. № 12* // <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-mekhanizmov-podderzhki-i-razvitiya-aviatsionnoy-promyshlennosti-v-zarubezhnyh-stranah>.

НАШИ АВТОРЫ

Азимов Умедчон Хайдаралиевич – аспирант кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов, Россия, г. Москва (rakhimov-kkh@rudn.ru).

Ан Дарья Марсовна – старший преподаватель Казанского (Приволжского) федерального университета, Россия, г. Казань (an.darya2015@yandex.ru).

Аношкин Петр Павлович – старший преподаватель кафедры философии РНИМУ им. Н.И. Пирогова, Россия, г. Москва (anoshkinpp@mail.ru).

Арешидзе Лиана Георгиевна – доктор исторических наук, профессор ИСАА при МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (info@japanesefirst.ru).

Афонин Михаил Викторович – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой прав человека Российского государственного социального университета, Россия, г. Москва (KrivovaAL@rgsu.net).

Башелханов Анатолий Юрьевич – кандидат исторических наук, преподаватель социально-гуманитарных наук Байкальского колледжа недропользования, Россия, г. Улан-Удэ (anat.bashelhanov@bkn03.ru).

Борисов Денис Алексеевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры мировой экономики, международных отношений и права НГУЭУ

Новосибирский государственный университет экономики и управления, Россия, г. Новосибирск (denisborisov@mail.ru).

Боровков Владимир Сергеевич – магистрант кафедры международной безопасности и внешнеполитической деятельности России Факультета национальной безопасности Института права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Россия, г. Москва (rteykk@mail.ru).

Бухтоярова Марина Васильевна – кандидат технических наук, доцент кафедры математики и информатики Государственного университета управления, Россия, г. Москва (b5838356@icloud.com).

Бухтояров Александр Аркадьевич – бакалавр Института международных отношений и управления Московского государственного института международных отношений (университет) МИД Российской Федерации, Россия, г. Москва (a.bukhtoyarov@my.mgimo.ru).

Валеева Диана Мансуровна – аспирант кафедры политологии и связей с общественностью факультета философии и социологии Уфимского университета науки и технологий, Россия, г. Уфа (voprosopolitolog@yandex.ru).

Васецова Елена Сергеевна – доцент кафедры политологии Востока факультета глобальных процессов Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (vasetsova.es@yandex.ru).

Васильченко Максим Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент Московского финансово-промышленного университета «Синергия», Россия, г. Москва (maks-vasilchenko@mail.ru).

Вафин Артур Мансурович – магистр психологии, кандидат политических наук, доцент Факультета социальных наук и массовых коммуникаций Департамента массовых коммуникаций и медиабизнеса Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Россия, г. Москва (arthur.vafin@mail.ru).

Воропанов Сергей Александрович – аспирант департамента политологии Финансового университета при Правительстве РФ, Россия, г. Москва (mer-vologda-aspirantura@yandex.ru).

Гафаров Орхан Эльханович – младший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Центр научно-аналитической информации ИВ РАН, Россия, г. Москва (o.gafarov@ivran.ru).

Гацковская Варвара Александровна – независимый исследователь, Россия, г. Москва (gatskovskaya10@yandex.ru).

Гнездова Елена Владимировна – кандидат политических наук, доцент кафедры зарубежного регионоведения и локальной истории Института международных отношений и мировой истории Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, Россия, г. Нижний Новгород (e.v.sidorova.fmo@yandex.ru).

Гойчев Ричард Игоревич – аспирант кафедры сравнительной политологии факультета политических наук и регионоведения Российского университета дружбы народов, Россия, г. Москва (richardgoichev@gmail.com).

Головина Надежда Сергеевна – магистрант Южного федерального университета, Россия, г. Ростов-на-Дону (vshirokov@sfedu.ru).

Григорян Давид Кромвелович – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и этнополитики РАНХиГС при Президенте РФ; доцент кафедры криминалистики и оперативно-розыскной деятельности Ростовского юридического института МВД России, Россия, г. Ростов-на-Дону (davo-davo23@mail.ru).

Гудилина Екатерина Николаевна – аспирант кафедры теории и философии политики факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета, Россия, г. Санкт-Петербург (ek.gudilina@gmail.com).

Дрогвоз А.И. – аспирант факультета глобальных процессов Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (vasetsova.es@yandex.ru).

Жигульская Дарья Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии Востока ФГП МГУ имени М.В. Ломоносова; с.н.с. ИВ РАН, Россия, г. Москва (dvzhigulskaya@gmail.com).

Золотарев Илья Алексеевич – аспирант факультета глобальных процессов Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (lizavetam@mail.ru).

Июань Сян – аспирант Национального исследовательского Томского государственного университета, Россия, г. Томск (1121080390@qq.com).

Калакутский Андрей Вадимович – аспирант кафедры государственного и муниципального управления Института экономики и управления Самарского национального исследовательского университета им. академика С.П. Королева (Самарский университет), Россия, г. Самара (kalakutsky@samgd.ru).

Котов Степан Владимирович – магистрант Южного федерального университета, Россия, г. Ростов-на-Дону (vshirokov@sfedu.ru).

Кривова Анна Леонидовна – преподаватель кафедры прав человека Российского государственного социального университета, Россия, г. Москва (KrivovaAL@rgsu.net).

Крупяно Михаил Иванович – доктор политических наук, в.н.н. Института востоковедения РАН, Россия, г. Москва (info@japanesefirst.ru).

Кудрявцев С.А. – аспирант кафедры политологии и прикладной политической работы Российского государственного социального университета, Россия, г. Москва (KrivovaAL@rgsu.net).

Кузнецова Василиса Андреевна – студент Московского государственного института международных отношений (Университет), Россия, г. Москва (vasilisa13kuz@gmail.com).

Кычкин Иннокентий Иннокентьевич – студент Дальневосточного федерального университета, Россия, г. Владивосток (voprospolitolog@yandex.ru).

Лихоманов Кирилл Владимирович – аспирант кафедры философии и социологии Академии труда и социальных отношений, Россия, г. Москва (klikhomanov1998@mail.ru).

Ло Яньчао – аспирант Национального исследовательского Томского государственного университета, Россия, г. Томск (1121080390@qq.com).

Лустин К.А. – аспирант Воронежского института экономики и социального управления, Россия, г. Воронеж (lustin-k@mail.ru).

Мао Шо – аспирант Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (maoshuo@mail.ru).

Миронова Светлана Анатольевна – аспирант кафедры Российской политики факультета политологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (svarom@yandex.ru).

Мосакова Елизавета Александровна – кандидат экономических наук, доцент, доцент факультета глобальных процессов МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (lizavetam@mail.ru).

Низамова Маргарита Александровна – преподаватель Казанского (Приволжского) федерального университета, Россия, г. Казань (margaritanizamova@mail.ru).

Омонов Бахтиер – доктор политических наук, профессор Национального университета Узбекистана, Узбекистан, г. Ташкент (avazov.75@bk.ru).

Первалова Екатерина Андреевна – аспирант факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета; старший преподаватель Северо-Западного Института Управления Российской Академии Народного Хозяйства и Государственной Службы при Президенте РФ, Россия, г. Санкт-Петербург (catrineperev@mail.ru).

Попова Екатерина Александровна – аспирант Дипломатической академии МИД РФ, Россия, г. Москва (e.a.popova@fa.ru).

Порошков Михаил Михайлович – аспирант кафедры теории и философии политики факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета, Россия, г. Санкт-Петербург (ek.gudilina@gmail.com).

Присекин Александр Александрович – магистрант кафедры сравнительной политологии факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (bingobol@yandex.ru).

Прохватилов Григорий Владимирович – аспирант кафедры философии и социологии Академии труда и социальных отношений, Россия, г. Москва (gregonepro@gmail.com).

Раванди-Фадаи Лана Меджидовна – кандидат исторических наук, с.н.с., руководитель Восточного культурного центра ИВ РАН; доцент кафедры современного Востока и Африки РГГУ, Россия, г. Москва (dvzhigulskaya@gmail.com).

Рахимов Комрон Хакимджонович – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов; руководитель Сектора Центральной Азии Центра исследований постсоветских стран, Россия, г. Москва (rakhimov-kkh@rudn.ru).

Сазонова Татьяна Алексеевна – аспирант кафедры Истории социально-политических учений факультета политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, Россия, г. Москва (tatyana.alexeevna.16@gmail.com).

Самосюк Антон Антонович – научный сотрудник Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации, Россия, г. Москва (vagsh@mail.ru).

Самсонова Наталия Николаевна – аспирант кафедры истории и теории политики факультета политологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (natalie.samsonova@gmail.com).

Сафаров Аследин Мукомович – старший преподаватель кафедры мировой экономики, международных отношений и права Новосибирского государственного университета экономики и управления, Россия, г. Новосибирск (safarov.nsuem@mail.ru).

Серегина Антонина Александровна – кандидат политических наук, доцент кафедры Мировая экономика Дипломатической академии Министерства иностранных дел Российской Федерации, Россия, г. Москва (a.seregina@dipacademy.ru).

Симорот Светлана Юрьевна – кандидат юридических наук, доцент, старший преподаватель кафедры филологии и общенаучных дисциплин Религиозной организации – Духовная образовательная организация высшего образования Хабаровской епархии Русской Православной Церкви «Хабаровская духовная семинария», Россия, г. Хабаровск (ssimorot@mail.ru).

Сюй Цзюнь – аспирант Национального исследовательского Томского государственного университета, Россия, г. Томск (1121080390@qq.com).

Сюэ Цзясинь – аспирант кафедры глобалистики факультета глобальных процессов МГУ имени М.В. Ломоносова, Китай (x13648300881@163.com).

Танцура Марина Сергеевна – кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры «Политология» Дальневосточного федерального университета, Россия, г. Владивосток (voprospolitolog@yandex.ru).

Терешенков Александр Максимович – аспирант Факультета глобальных процессов Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (voprospolitolog@yandex.ru).

Ткешелидзе Александр Бадриевич – аспирант кафедры философии и социологии Академии труда и социальных отношений, Россия, г. Москва (tkesheliadze2015@yandex.ru).

Томаев Азамат Хамзатович – аспирант Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (tomaev@msu.ru).

Тулинов Денис Олегович – аспирант факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (tulinovpolit@gmail.com).

Утекова Зару Дулатовна – аспирант Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (info.utekova@gmail.com).

У Ханьчао – аспирант Института стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова, Китай (wuhcMSU@outlook.com).

Фенин Кирилл Викторович – студент Московского государственного института международных отношений (Университет), Россия, г. Москва (feninkv@mail.ru).

Хомяков Дмитрий Олегович – магистрант Санкт-Петербургского государственного университета, Россия, г. Санкт-Петербург (dmitry.homyakov@gmail.com).

Хорбаладзе Эка Левановна – аспирант факультета политологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва; исследователь Центра Макмиллана Йельского университета, Нью-Хейван, США (eka.khorbaladze@yale.edu).

Цзинь Лэй – магистр Государственного и муниципального управления Государственное администрирование Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (1114369289@qq.com).

Цзян Ланьхуэй – докторант Шанхайского университета иностранных языков, Китай, г. Шанхай (ссса-iaas@yandex.ru).

Чистопрудов К.В. – аспирант кафедры политологии и этнополитики РАНХиГС при Президенте РФ, Россия, г. Москва (davo-davo23@mail.ru).

Чэнь Цзыхао – аспирант Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (hao5813263@gmail.com).

Шефер Александр Александрович – аспирант кафедры российской политики Факультета политологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Россия, г. Москва (alex@shefer-97.ru).

Широков Всеволод Олегович – магистрант Южного федерального университета, Россия, г. Ростов-на-Дону (vshirokov@sfedu.ru).

Юань Юань – магистрант Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Китай (voprospolitolog@yandex.ru).

OUR AUTHORS

AFONIN M.V. – Candidate of law sciences, associate professor, Head of the Human Rights Department Russian state social university, Moscow, Russia.

AN D.M. – Senior Lecturer, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia.

ANOSHKIN P.P. – Senior Lecturer of the Philosophy Department Pirogov Russian National Research Medical University, Moscow, Russia.

ARESHIDZE L.G. – Doctor of historical sciences, professor, Institute of Asian and African Studies MSU named after M.V. Lomonosov, Moscow, Russia.

AZIMOV U.KH. – Postgraduate Student, Department of theory and History of International relations of the Russian University friendship of peoples, Moscow, Russia.

BASHELKHANOV A.Y. – Candidate of Sciences (History), lecturer of Social and Humanitarian Sciences, Baikal College of Subsoil Use, Ulan-Ude, Russia.

BOROVKOV V.S. – Master student of the Department of International Security and Foreign Policy of Russia of the Faculty of National Security of the Institute of Law and National Security of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Moscow, Russia.

BUKHTOYAROV M.V. – Candidate of Technical Sciences, Associate Professor of the Department Mathematics and Informatics State University management, Moscow, Russia.

BUKHTOYAROVA A.A. – Bachelor of the Institute of International Relations and Department of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia.

CHEN ZIHAO – Postgraduate, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

CHISTOPRUDOV K.V. – Postgraduate student of the department Political Science and Ethnopolitics Department, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia.

DROGOVOZ A.I. – PhD Student, Faculty of Global Processes, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

FENIN K.V. – Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), Moscow, Russia.

GAFAROV O.E. – Junior Researcher, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Center for Scientific and Analytical Information, Moscow, Russia.

GATSKOVSKAYA V.A. – Independent researcher, Moscow, Russia.

GNEZDOVA E.V. – Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of Foreign Regional Studies and Local History Institute of International Relations and World History FSAOU HE "National Research Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky", Nizhny Novgorod, Russia.

GOICHEV R.I. – Postgraduate student of the Department of Comparative Political Science, Faculty of Political Sciences and Regional Studies of the Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia.

GOLOVINA N.S. – Masters's student, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia.

GRIGORYAN D.K. – Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the chair of D. in Political Science and Ethnopolitics at the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Associate Professor of Chair of Criminalistics and Investigative Activity of Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russia.

GUDILINA E.N. – Postgraduate student of the Department of Theory and Philosophy of Politics, Faculty of Political Science, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

JIANG LANHUI – Doctoral student Shanghai international studies University, China.

JIN LEI – Master's Degree, State and Municipal Administration Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

KALAKUTSKY A.V. – Postgraduate Student, Department of State and Municipal Administration, Institute of Economics and Management, Samara National Research University; Academician S.P. Koroleva (Samara University), Samara, Russia.

KHOMYAKOV D.O. – Master St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

KHORBALADZE E.L. – Postgraduate student of the Faculty of Political Science of the Moscow State University. M.V. Lomonosov, Moscow, Russia; Macmillan Center researcher Yale University, New Haven, USA.

KOTOV S.V. – Masters's student, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia.

KRIVOVA A.L. – Lecturer of the Human Rights Department Russian state social university, Moscow, Russia.

KRUPYANKO M.I. – Doctor of political sciences, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow, Russia.

KUDRYAVTSEV S.A. – Postgraduate student of the Department of Political Science and Applied Political Work, Russian state social university, Moscow, Russia.

KUZNETSOVA V.A. – Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), Moscow, Russia.

KYCHKIN I.I. – Student, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

LIKHOMANOV K.V. – Postgraduate student of the Department of Philosophy and Sociology of the Academy of Labor and Social Relations, Moscow, Russia.

LUO YANCHAO – Postgraduate Student, Tomsk State University, Tomsk, Russia.

LUSTIN K.A. – Postgraduate student, Voronezh Institute of Economics and social management, Voronezh, Russia.

MAO SHUO – Postgraduate, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

MIRONOVA S.A. – Postgraduate student of the Department of Russian Politics, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

MOSAKOVA E.A. – Candidate of Economics, Associate professor, Associate professor at the Department of Global Processes Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Moscow, Russia.

NIZAMOV M.A. – Teacher of Kazan (Privolzhsky) federal university, Kazan, Russia.

OMONOV B. – Doctor of political science, Professor of the National University of Uzbekistan, Uzbekistan, Tashkent.

PEREVALOVA E.A. – Senior lecturer at the Northwestern Institute of Management, a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; postgraduate student at the Faculty of International Relations, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia.

POPOVA E.A. – Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia.

POROSHKOV M.M. – Postgraduate student of the Department of Theory and Philosophy of Politics, Faculty of Political Science, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

PRISEKIN A.A. – Master student of the Department of Comparative Political Science, Faculty of Political Science, Moscow State University M.V. Lomonosov, Moscow, Russia.

PROKHVATILOV G.V. – Postgraduate student of the Department of Philosophy and Sociology of the Academy of Labor and Social Relations, Moscow, Russia.

RAKHIMOV K.KH. – Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer Department of Theory and History of International Relations of the Peoples' Friendship University of Russia; Head of the Central Asia Sector Center for Post-Soviet Studies, Moscow, Russia.

RAVANDI-FADAI L.M. – Candidate of Science (History), Senior Researcher, Head of the Oriental Culture Centre at the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Senior Lecturer in the Faculty of the Contemporary Orient and Africa of the Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia.

SAMOSYUK A.A. – Research Associate, Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation, Moscow, Russia.

SAMSONOVA N.N. – Graduate Student, History and Theory of Politics Program, Political Science Department, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

SAZONOVA T.A. – Postgraduate student, Department of the History of Socio-Political Doctrines, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

SEREGINA A.A. – Candidate of Political Science, associate professor of the Department of World Economy The Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia.

SIMOROT S.YU. – Candidate of Law, Senior Lecturer of the Department of Philology and General Scientific Disciplines Religious organization – spiritual educational organization of higher education of the Khabarovsk diocese of the Russian Orthodox Church «Khabarovsk Theological Seminary», Khabarovsk, Russia.

SHEFER A.A. – Postgraduate student of the Chair of Russian politics, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

SHIROKOV V.O. – Masters's student, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia.

TANTSURA M.S. – Candidate of Political Science, Associate Professor Chair of Political Science, Department of Political Science, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

TERESHENKOV A.M. – Postgraduate student of the Faculty of Global Processes, Lomonosov MSU, Moscow, Russia.

TKESHELIADZE A.B. – Postgraduate student of the Department of Philosophy and Sociology of the Academy of Labor and Social Relations, Moscow, Russia.

TOMAEV A.KH. – Postgraduate student, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

TULINOV D.O. – Post-graduate student of the Faculty of Political Science of the Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Moscow, Russia.

UTEKOVA Z.D. – Post-graduate student, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

VAFIN A.M. – MA in Counselling, PhD in Political Sciences, Associate Professor of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications of the Department of Mass Communications and Media Business of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.

VALEEVA D.M. – Postgraduate Student of the Department of Political Science and Public Relations, Faculty of Philosophy and Sociology, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia.

VASETSOVA E.S. – PhD in Political Science, Associate Professor of the Department of Political Science of the East Faculty of Global Processes, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

VASYLCHENKO M.A. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Moscow Financial and Industrial Synergy University, Moscow, Russia.

VOROPANOV S.A. – Postgraduate student of Department of Political Science, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.

WU HANCHAO – Postgraduate ISAA Moscow State University M.V. Lomonosov, China.

XIANG YIYUAN – Postgraduate Student, Tomsk State University, Tomsk, Russia.

XUJUN – Postgraduate Student, Tomsk State University, Tomsk, Russia.

YUAN YUAN – Lomonosov Moscow State University, China.

ZHIGULSKAYA D.V. – Candidate of Science (History), Senior Lecturer at the Oriental Political Studies Department of the Faculty of Global Processes of Moscow Lomonosov State University, Senior Researcher at the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

ZOLOTAREV I.A. – PhD Student, Faculty of Global Processes, Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Moscow, Russia.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ

1. Тема статьи должна соответствовать профилю журнала. Представленный авторский текст может быть подготовлен как единолично, так и в соавторстве. Материал должен быть актуальным и иметь научную и практическую значимость.

2. Объем статьи для аспирантов и соискателей – до 13 страниц машинописного текста, для кандидатов и докторов наук – до 15 страниц машинописного текста. Шрифт текста – Times New Roman, размер шрифта – 14, междустрочный интервал – 1,5, все источники следует снабжать библиографическими ссылками.

3. Ссылки даются в тексте в квадратных скобках, внутри которых первая цифра указывает на номер источника в библиографическом списке, вторая, стоящая после прописной буквы «С», – на номер страницы в источнике (например, [1. С. 26]; ссылка на несколько источников – [1. С. 126; 4. С. 43]). Ссылки на примечания даются в круглых скобках, например, (1).

4. К материалу прилагается авторский перевод заглавия статьи, аннотация на русском и английском языках, список ключевых слов на русском и английском языках, пристатейный библиографический список (в алфавитном порядке). А также фамилия, имя и отчество автора (полностью), ученая степень, ученое звание, должность, официальное наименование места работы – все на русском и английском языках. Обязательно указываются контактный телефон и адрес электронной почты.

5. Требования к аннотации. Аннотация должна раскрывать проблематику научной статьи, ее цель, а также полученные результаты. Рекомендуемая структура аннотации: введение, цели и задачи, методы, результаты, **выводы**. Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в аннотации. Исторические справки, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся. Рекомендуемый объем аннотации – 200-250 слов.

6. Пристатейный список литературы должен быть нумерованным – каждый источник следует помещать с новой строки под порядковым номером. Нумерация ссылок на источники в списке литературы должна соответствовать ссылкам в тексте статьи. В списке литературы все работы перечисляются в алфавитном порядке. В списке литературы приводятся только материалы, на которые ссылается автор. Все источники в списке литературы следует оформить в соответствие ГОСТ Р 7.0.5-2008.

7. Все материалы следует представлять в редакцию в электронном виде (по электронной почте).

8. Все статьи подлежат обязательному двойному «слепому» рецензированию. Рецензии на статьи по наиболее актуальным и дискуссионным проблемам по решению редакции могут публиковаться в этом же номере журнала.

9. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

Наши сайты: **www.voprospolitolog.ru**

E-mail: **voprospolitolog@yandex.ru**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА:

ПЛАТОНОВ Владимир Михайлович – кандидат юридических наук, заведующий кафедрой политического анализа и управления Российского университета дружбы народов, Председатель Московской городской думы (1994-2014 гг.) (Россия, г. Москва)

ЧЛЕНЫ СОВЕТА:

АВАЗОВ Камилль Халлиевич – доктор философии (PhD) по политическим наукам, преподаватель регионального центра переподготовки и повышения квалификации работников народного образования Сурхандарьинской области (Узбекистан, г. Ташкент)

АСТВАЦАТУРОВА Майя Арташесовна – д.п.н., профессор, директор Центра этнополитических исследований, профессор кафедры креативно-инновационного управления и права Пятигорского государственного университета, координатор Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов в СКФО (Россия, г. Пятигорск)

БЛОХИН Владимир Владимирович – д.и.н., профессор кафедры истории России Российского университета дружбы народов (Россия, г. Москва)

БОЖАНОВ Владимир Александрович – д.и.н., профессор, зав. кафедрой мировой и отечественной культуры Белорусского Национального Технического университета (Белоруссия, г. Минск)

ВАНКОВСКА Биляна – профессор политологии и международных отношений факультета философии Университета Святых Кирилла и Мефодия (Македония, г. Скопье)

ВЕЛИКАЯ Наталия Михайловна – д.п.н., заместитель директора Института социально-политических исследований РАН (ИСПИ ФНИСЦ РАН), декан социологического факультета Российского государственного гуманитарного университета (Россия, г. Москва)

ГОНЧАРОВ Петр Константинович – д.с.н., профессор Юридического института Российского университета транспорта (МИИТ) (Россия, г. Москва)

ГРАЧЕВ Михаил Николаевич – д.п.н., профессор кафедры теоретической и прикладной политологии Российского государственного гуманитарного университета (Россия, г. Москва)

ДЭМБЭРЭЛ К. – доктор (PhD), старший научный сотрудник Института международных отношений АН Монголии (Монголия, г. Улан-Батор)

ЖИЛЬЦОВ Сергей Сергеевич – д.п.н., заведующий кафедрой политологии и политической философии Дипломатической академии МИД РФ (Россия, г. Москва)

КАРАДЖЕ Татьяна Васильевна – д.ф.н., заведующая кафедрой политологии Московского педагогического государственного университета (Россия, г. Москва)

КАССАЕ НЫГУСИЕ В. МИКАЭЛЬ – д.и.н., профессор кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (Россия, г. Москва)

КОВАЛЕНКО Валерий Иванович – д.ф.н., зав. кафедрой российской политики МГУ им. М.В. Ломоносова (Россия, г. Москва)

КОМЛЕВА Валентина Вячеславовна – д.с.н., зав. кафедрой зарубежного регионоведения и международного сотрудничества Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия, г. Москва)

КРИВОКАПИЧ Борис – д.ю.н., профессор факультета бизнеса и права Унион – Никола Тесла университета (Сербия, г. Белград)

МЕДВЕДЕВ Николай Павлович – д.п.н., главный редактор журнала (Россия, г. Москва)

МИХАЙЛОВ Вячеслав Александрович – д.и.н., зав. кафедрой национальных и федеративных отношений Российской академии народного Хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия, г. Москва)

НАЗАРОВ Александр Данилович – д.и.н., профессор, зам. руководителя кафедры по научной работе Московского авиационного института (Россия, г. Москва)

НАЗАРОВА Елена Александровна – д.с.н., профессор МГИМО МИД России (Россия, г. Москва)

НАСИМОВА Гульнара Орленбаевна – д.п.н., профессор, зав. кафедрой политологии факультета философии и политологии Казахского Национального университета им. Аль-Фараби (Казахстан, г. Алматы)

НИСНЕВИЧ Юлий Анатольевич – д.п.н., профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Россия, г. Москва)

ОРЛОВ Игорь Борисович – д.и.н., профессор, заведующий Научно-учебной лаборатории исследований в области бизнес-коммуникаций, заместитель руководителя Департамента политики и управления факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Россия, г. Москва)

ПАХРУТДИНОВ Шукритдин Ильясович – д.п.н., профессор, заведующий кафедрой основы духовности Института переподготовки и повышения квалификации руководителей и специалистов системы народного образования имени А. Авлони (Узбекистан, г. Ташкент)

ПЛЯЙС Яков Андреевич – д.и.н., д.п.н., профессор Финансового университета при Правительстве РФ (Россия, г. Москва)

ПРЯХИН Владимир Федорович – д.п.н., профессор кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики Российского государственного гуманитарного университета (Россия, г. Москва)

ПУСЬКО Виталий Станиславович – д.ф.н., профессор кафедры гуманитарных дисциплин ВА РВСН им. Петра Великого (Россия, г. Москва)

РУБАН Лариса Семеновна – д.с.н., профессор, отдел исследования проблем международного сотрудничества Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН (Россия, г. Москва)

СЛИЗОВСКИЙ Дмитрий Егорович – д.и.н., профессор кафедры истории России Российского университета дружбы народов (Россия, г. Москва)

СЫЗДЫКОВА Жибек Сапарбековна – д.и.н., профессор, зав. кафедрой стран Центральной Азии и Кавказа ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова (Россия, г. Москва)

ХОПЕРСКАЯ Лариса Львовна – д.п.н., профессор кафедры международных отношений Киргизско-Российского славянского университета, (Киргизия, г. Бишкек)

ШАРКОВ Феликс Изосимович – д.с.н., зав. кафедрой общественных связей и медиаполитики Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия, г. Москва)

ЯН ФУЛИНЬ – проректор Хэйлунцзянского института иностранных языков (КНР, г. Харбин)

Academic journal
“Political Science Issues”
Volume 13. Issue 4 (92), 2023

Established by LLC “Publishing House “Science Today”

The journal is included in the database of the Russian
Science Citation Index.

Academic papers published in the journal undergo
obligatory editorial checking.

Executive Secretary *Shkurina S.S.*

Computer-aided makeup by *Zagumenov A.P.*

Translated by *Chernyshova E.V.*

The opinion expressed by the authors may not coincide
with the position of the editorial board.

No article may be reprinted without a reference to this journal.

Address of the editorial office:

10, Zagoryevskaya street, building 4, office 4, Moscow, Russia, 115598

Tel: (910) 463-53-42

www.voprospolitolog.ru

E-mail: voprospolitolog@yandex.ru

Signed for printing on 27.04.2023

Format 60x84/8. Offset paper.

Offset print. Number of printed sheets

Circulation 500 copies. Order ____.

Printed at the LLC “Bely Veter”

Str. Shchipok, 28, Moscow, Russia, 115054

Tel.: (495) 651-84-56

ПОДПИСКА

Уважаемые читатели!

Открыта подписка на научный журнал
«Вопросы политологии».

Стоимость подписки можно узнать в каталоге Агентства «Роспечать»
в любом отделении связи.

Индекс издания – 70035

		ФГУП «ПОЧТА РОССИИ»											
		АБОНЕМЕНТ на журнал	70035										
		Вопросы политологии											
		Количество комплектов											
		на 2023 год по месяцам											
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
		Куда _____ (почтовый индекс, адрес получателя)											
		Кому _____											
				ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА									
		ПВ	место	литер	на журнал		70035						
		Вопросы политологии											
		Стоимость	Каталожная									Количество комплектов	
			услуги почты										
		полная											
		на 2023 год по месяцам											
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
		Куда _____ (почтовый индекс, адрес получателя)											
		Кому _____											

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА СЕГОДНЯ» ПРЕДСТАВЛЯЕТ НАУЧНЫЕ ЖУРНАЛЫ

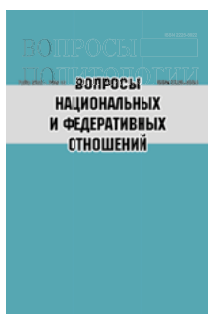
Научный журнал

«РЕГИОНАЛЬНОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ: ВОПРОСЫ ПОЛИТИКИ, ЭКОНОМИКИ И ПРАВА»

На страницах журнала анализируются вопросы эффективности регионального и муниципального управления, политико-правового статуса органов власти субъектов Федерации и местного самоуправления, современные модели взаимодействия федеральных и региональных органов государственной власти, проблема наделения государственными полномочиями органов местного самоуправления, демократичность региональных и местных выборов и их влияние на повышение легитимности институтов регионального и муниципального управления. Исследуется зарубежный опыт регионального развития. Особенностью журнала является анализ различных аспектов регионального и муниципального управления на основе парадигм юридической, экономической и политической науки. В журнале делается попытка научного обобщения и распространения передового опыта работы различных субъектов Российской Федерации.

Журнал включен в базу РИНЦ.

Интернет-ресурс: www.regionupravlenie.ru

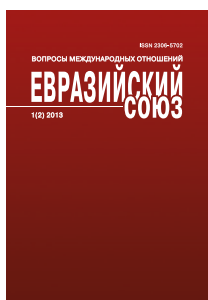
Научный журнал

«ВОПРОСЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ И ФЕДЕРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ»

Журнал издается совместно с кафедрой национальных и федеративных отношений Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. Данный журнал является периодическим научным печатным изданием, раскрывающим проблемы новой научной специальности 23.00.05 – политическая регионалистика, этнополитика.

Журнал включен в Перечень ВАК РФ

Интернет-ресурс: www.etnopolitolog.ru

Научный журнал

«ЕВРАЗИЙСКИЙ СОЮЗ: ВОПРОСЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ»

На страницах журнала анализируются проблемы перспектив евразийского интеграционного проекта, стабильности политических режимов на постсоветском пространстве, а также экономические и социальные вопросы взаимодействия в рамках Таможенного Союза.

Журнал включен в Перечень ВАК РФ

Журнал включен в базу РИНЦ

Интернет-ресурс: www.evrazsouz.ru

Уважаемые коллеги, приглашаем Вас к сотрудничеству!

Журналы выходят ежеквартально. Включены в базу РИНЦ (Российский индекс научного цитирования).

Оформить подписку на журналы можно в редакции.

По вопросам сотрудничества обращаться по адресу:
voprospolitolog@yandex.ru